Иван и Елена
Мельниковы

Каменные сердца

Часть 1

Annotation

Континент Эос опустошен ядерной войной. Спустя 70 лет после катастрофы выжившие с завидным рвением продолжают дело предков - оружия, оставшегося от последней войны, с лихвой хватит, чтобы превратить ее в предпоследнюю. Тем временем компания мечтателей странствует по пустошам в надежде отправить послание таинственным Старшим Братьям. Но существуют ли эти мифические Братья? А если существуют, станут ли они помогать, и чем обернется их помощь? Что ж, существует только один способ это проверить...

- Предисловие
- Пироманка (Тиана Эльхаим)
- Выживальщик (Натан Дриббл)
- Боец (Сагерт)
- Везунчик (Мэйби Туморроу)
- Шаман (Владилен Михайлович Птицын)
- Солдат (Захария Джонстон)
- Доктор (Данике)
- Ученый (Джонатан Хайд)
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15

- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Эпилог

Каменные сердца

Предисловие

Плещутся флаги и стрелы свистят,
Воины сталью друг друга разят.
Время идет, не меняется суть –
Алчность и злоба войне стелют путь.
Если наполнить желаешь казну,
Войско к соседям отправь на войну.
Ярость с гордыней в бою правят бал,
Чтобы купец свою прибыль считал.
Ты, о король, повелитель и князь,
Втаптывай жизнь своих подданных в грязь,
Но не забудь: и в твои закрома
Столь же охотно ворвется война.
Так круг порочный разорви –
Открой объятия любви.
**

С интересом наблюдая за двумя людьми, робот сохранял полную неподвижность. Те сидели за круглым, заваленным окурками и клочками бумаги столом, не подозревая о соглядатае. Стены в комнате были выкрашены бледно-зеленой краской. Это, вкупе с холодным «дневным» светом ламп, делало одетых в белые халаты собеседников похожими на призраков. Впрочем, робот быстро убедился, что перед ним человеческие существа.

— Ну, и каково твое мнение? — с затаенной гордостью спросил толстый румяный коротышка с сальными редеющими волосами.

— Мое мнение таково, — отвечал ему долговязый тощий мужчина с седой шевелюрой и запавшими мрачными глазами, — ты — начитавшийся комиксов задрот, собравший на государственные деньги уродца из «Судьи Редда». Вся наша шарашка отправится торговать шаурмой, когда главный увидит это чучело.

— Я ожидал чего-то подобного, — рассмеялся толстячок. — Расслабься, мы живем в будущем. Значит, вместо нас должны воевать огромные боевые человекообразные роботы. — Внезапно голос его резко изменился, сорвавшись на визг: — Гребаные типпонцы за

последние двадцать лет научили роботов танцевать, разливать рисовую водку и трахать своих плоскожопых типпонок!

Седовласый испуганно отпрянул, когда собеседник навалился на стол и с грохотом опрокинул пепельницу. Однако робот установил с точностью: агрессивных действий не предвидится — люди всего лишь испытывают нервное перенапряжение.

— А я создал машину, которая оттрахает , а потом еще успеет разогреть тебе ужин! — коротыш засопел, приступ ярости явно исчерпал себя.

Человек по другую сторону стола вытер лоб платком и сурово посмотрел на тяжело дышащего толстячка.

— Лармериканцы уже готовят к отправке на умбраинскую границу своих суперсолдат. Если верить разведданным (а у меня нет причин в них сомневаться), каждый такой солдат стоит раз в десять дешевле твоего кадавра и в двадцать — при сокращении курса обучения до минимального.

— Да-да, отец рассказывал, как злопыхатели удушили его атомный танк… Гениальный проект, опередивший время! Но сейчас, когда Гроссия поднимается с колен…

Слегка дрожащие пухлые ручки вернули пепельницу на место, опорожнив остатки содержимого на пол. Небольшой, еле слышно гудящий пылесос, стуча лапками, убрал последствия взрыва эмоций.

— Мой робот сделает с пиндосскими суперсолдатами то же самое, что дед сделал с «высшей расой» Тиглера. Правда, у деда со товарищи на все про все ушло семь лет, а роботы управятся, — коротышка задумался, барабаня по столу пальцами, — скажем, за год.

— В любом случае уже поздно что-то менять, — седой пододвинул к собеседнику пачку бумаг. — Заполни документы и отсылай на полевые испытания. В следующие три месяца нам понадобится не меньше тысячи. И сними уже с него эту полосатую ленточку. Мой дед, знаешь ли, тоже воевал и дорого заплатил за такую.

С этими словами тощий поднялся, одернул халат и направился к выходу. Судя по взгляду, от будущего он ничего хорошего не ждал.

Едва закрылась дверь, пузан схватил высокую табуретку и подбежал к роботу.

— Ух, ну и заварим же мы с тобой кашу!

Проанализировав поведенческую симптоматику говорящего, робот зафиксировал легкое психическое отклонение. Конкретный диагноз мешало поставить отсутствие соответствующего программного расширения.

— О, да ты за нами подсматривал? — издав нервный смешок, толстяк просунул пальцы куда-то под массивную челюсть робота, и мир вокруг исчез.

**

Получение визуальной информации осложнялось неблагоприятными погодными условиями. Дождь заливал зрительные датчики, вокруг вспыхивали и гасли призрачные зеленоватые силуэты. Робот никак не мог вспомнить, зачем он оказался в этом пугающем незнакомом месте. Мощности большинства систем составляли в лучшем случае примерно 9,67% от максимальных. Тяжело загремев суставами, робот попытался встать и только тут заметил: нижние конечности блокированы. С удивлением, переходящим в ужас, он обнаружил, что частично погребен под изуродованными телами себе подобных, лежащими вперемешку со скелетами. Предположительно человеческими. До предела напрягая сервоприводы, робот в близком к панике состоянии сбросил с себя останки.

Небеса рассекла молния, сразу за нею раскат грома вызвал малоприятное напряжение аудиосенсоров. Озираясь по сторонам, робот тяжело бежал по заваленным мусором улицам, огибая остовы автомобилей, заметенные сыпучим снегом. Под его ступнями хрустели кости. На пути порой возникали жуткие блуждающие сгустки света, вынуждая робота малодушно прерывать видеосигнал. Сервомоторы и гидравлика, когда-то работавшие бесшумно, надсадно выли, реактор охватывали аномальные пульсации, из-под искореженной брони вырывались свистящие струи пара. Происходящее вокруг мог объяснить только человек, и робот ускорял свой бег в надежде встретить его за следующим поворотом. Но радар молчал, местность вокруг оставалась безлюдной.

Пироманка (Тиана Эльхаим)

Шестнадцатилетняя Ирма была прехорошенькой и умной не по годам. У нее имелось все необходимое для счастья: изящная фигурка, уже обретшая приятные глазу женственные изгибы, но еще не утратившая подростковой свежести, богатые родители, а также уйма воздыхателей.

Поскольку умные девочки не читают газет, не интересуются политикой и вообще избегают вредных волнений, жизнь Ирмы не омрачалась идиотскими страхами. Готовясь к пляжному сезону, девушка обновляла гардероб, радовалась необычной пустоте магазинов, лайкала котяток и симпотных мальчиков в персон-буке и не замечала нервозности отца и горки транквилизаторов на ночном столике матери. Лето обещало быть особенно жарким в этом году, что дарило возможность каждодневно ошеломлять поклонников изрядно подросшей за зиму грудью, стройными ножками и безупречно плоским животом.

Надо отдать ей должное, Ирма угадала — жарче лета мир еще не видел.

Отца на удивление долго пришлось убеждать вывезти семью к морю. Но как он мог отказать своей маленькой Принцессе? Небольшая, умело спланированная истерика открыла Ирме путь на золотые пляжи Глорифорнии, жемчужины лармериканского побережья.

Но спустя всего лишь неделю юная красотка с негодованием покинула взморье. Пляжи превратились в мерзкие помойки, где никто не появлялся, кроме орд старичья и бездомных собак. Наблюдательные вышки, обычно содержащие внутри широкоплечих атлетичных спасателей, оккупировали бездомные. Магазины и рестораны, за исключением отвратительного «Макрональдса», стояли закрытыми. Ирма возмущалась, истерила, но поделать ничего не могла.

Конец июля девушка встретила в ганзасском захолустье. Отец перед отъездом сюда говорил с ней очень сурово, поминал какую-то нелепую войну, якобы уже где-то идущую, бомбы, убежища и кучу прочей ерунды, которая просто не могла заставить здравомыслящего

человека гноить своих дочь и супругу там, где до сих не считается зазорным жениться на сестрах, есть на ужин опоссумов и пить одеколон. Лармериканская армия постоянно защищает демократические идеалы, отправляя своих солдат сражаться с ордами восточных варваров, — сию нехитрую истину Ирме открыл один из ее многочисленных бойфрендов. Она не могла взять в толк, почему отец так разволновался из-за очередной стычки с дикими племенами Гроссии. Ирма пялилась в пыльное засиженное мухами окно, спала, читала старые замусоленные журналы и ждала, когда папа образумится.

**

Чьи-то руки вырвали ее из вялой томительной дремоты. Напольные часы с разбитым стеклом показывали четверть одиннадцатого, судя по окружающей темени — вечера. Отец (а это он разбудил Ирму) был страшен. Стащив еще не пришедшую в себя спросонья девушку по лестнице, он запихнул ее в машину, где уже сидела подозрительно спокойная мать. Наверное, она основательно приложилась к своим «таблеткам радости». Хорошо хоть Ирма легла одетая, а то, чего доброго, папа выволок бы ее на улицу в исподнем. Она уже была готова испугаться, но потом ее осенила счастливая догадка: родители всего-навсего решили наконец вернуться в свои городские апартаменты. Немудрено — здешняя тупая деревенщина, слоняющаяся без дела, а посему излишне назойливая и любопытная, кого хочешь выведет из терпения.

Когда Ирма полностью осознала, что на самом деле затеял отец, она начала яростно сопротивляться, обнаружив в себе силу, которую трудно было предположить в таком изящном теле. Огромный люк, ведущий в убежище, принимал последнюю порцию людей, брошенные автомобили вкривь и вкось застыли на парковке. Ирма в отчаянии вопила и вырывалась, не желая быть заживо погребенной в подземелье из-за нелепого каприза своих свихнувшихся родителей. Вдали, на фоне ночного неба, маняще сверкал огнями мегаполис. Девушка отдала бы все, лишь бы оказаться там, среди нормальных, вменяемых лармериканцев. Человек в сером мундире с нашивками лейтенанта на рукавах буквально подлетел к борющимся. Вдвоем мужчинам удалось подтащить Ирму ко входу. Мама, пошатываясь, брела рядом, судорожно сжимая в руках клатч. Ирма извернулась и пнула дядьку в

форме в пах, одновременно погрузив зубки в отцово запястье. Что теперь? Бежать! Бежать куда угодно от безумцев, намеревающихся похоронить ее и себя в лабиринте из бетона и стали. Девушка уже начала поднимать ногу, собираясь рвануться с места, но тут на горизонте зарделось пламя. Ярче тысячи солнц оно озарило прерию, и каждая травинка отбросила длинную тень, похожую на тонкую острую иглу. Склон холма стал белее снега. К ногам застывших в ужасе четырех человек приклеились громадные чернильные двойники, метнувшиеся в долину, прочь от слепящего сияния.

Мужчины, не сговариваясь, подхватили один девушку, другой женщину и помчались к спасительному люку, начавшему уже медленно закрываться. Ирма не могла оторвать глаз от охватившего небо огня. Люди, видевшие атомный взрыв на кинопленке или фотографии, сравнивают его с грибом. Оцепеневшей Ирме он показался туго обтянутым кожей черепом с дымными провалами глазниц, который издевательски подмигивал ей, как бы намекая, что вся дальнейшая ее жизнь пройдет на глубине нескольких сот метров под землей.

— Хорошенько запомни это пламя, малютка, — нашептывал ей жаркий морок, ухмыляясь зубастой пастью, пожирающей мир кусок за куском. — Там, куда ты отправишься, тебя ждет лишь тусклый холодный свет умирающих ламп.

И Ирма закричала не в силах зажмурить или отвести глаза. Ее прошлое, настоящее и будущее обратились в тлеющие угли и пепел. Такую же незавидную судьбу в той или иной степени разделили еще примерно семь миллиардов человек по всему миру, однако сей факт нимало не успокаивал Ирму. Сделать это удалось лишь много позже — квалифицированному медицинскому персоналу с помощью сильнодействующих лекарств.

**

Мэр благочестивого города Феррибелл находился в неоднозначной, прямо говоря, ситуации. Шерифу же, наоборот, все виделось предельно простым, он уже отыскал, как ему казалось, оптимальное решение.

— Джефф, отсутствие улик само по себе ничего не доказывает, — с нажимом произнес блюститель порядка, глядя на градоправителя,

расточительно выводящего ручкой замысловатые загогулины на куске грубого картона. — Ты же знаешь эту историю.

Мэр знал. В городе, раскинувшемся райским оазисом посреди радиоактивных руин старого мира, ее знали все. В этом и заключалась проблема. И дурак сообразил бы, к чему клонит шериф.

— Поговаривают, ее бабка сбрендила, увидев взрыв первой бомбы той войны. Глупости, разумеется. Важно, что она чокнулась. Тиана, судя по всему, пошла в нее.

— Приобретенные психические дефекты не наследуются, — мэр устало вздохнул.

— Я в курсе, Джефф, — отвечал шериф. — Но народ требует найти виновника, ведь выгорела целая улица. Сами они уже все для себя решили. Ты же помнишь, как девчонка спалила ангар в нижнем городе? Были и другие случаи… Она Поэтому она виновата, даже если поджог устроил кто-то другой. Мы непременно выясним кто. Потом. А сейчас нам нужен . В противном случае люди учинят самосуд, а у нас и так забот хватает.

— Ты же не собираешься действительно ее…

— Да ну ладно тебе! Конечно, нет. Это всего лишь фигура речи. Но в Феррибелле ей больше не место.

Мэр огласил свой кабинет очередным страдальческим вздохом. Шутка ли, вот так, запросто, без прямых улик, выставить за ворота гражданку в третьем поколении, выгнать ее на верную смерть среди головорезов, мутантов и груд радиоактивного шлака. Но продолжать спор не имело смысла — обо всем, что озвучил Долговязый Клейн, градоначальник и сам уже подумал не единожды. Кроме того, возмущенный электорат мог влегкую прокатить на выборах (которые, к слову, были уже не за горами), а Джеффрис Райан ценил свое положение и сопутствующие ему маленькие радости жизни.

Наконец, решившись, мэр широким росчерком шариковой ручки исключил Тиану Эльхаим из списка граждан Феррибелла, и уже полтора часа спустя шериф патетически зачитывал приговор у внешней городской стены.

Ворота с лязгом захлопнулись за спиной. Тиана взглянула на бегущие над головой облака, почти не отличимые по цвету от серо-желтой земли под ногами. Окружающий пейзаж внушал ей уважение к неодолимой силе Великого Огня, снизошедшего на землю десятилетия

назад. Но, если верить россказням купцов и патрульных команд, пустоши не такие уж и пустынные. Во всяком случае, там осталось немало всего, Когда эта мысль робко проникла в сознание, Тиана вздрогнула, но не поспешила изгнать незваную гостью, откровенно ею. Поправив на плече потрепанный армейский рюкзак с пожитками, которые ей позволили взять с собой, Тиана зашагала прочь от облепленных зеваками городских укреплений. Опасно в пустошах или нет, в них точно не будет скучнее, чем в Феррибелле.

**

В жизни множество событий зависит от случайностей. Ничтожнейшие мелочи ведут к впечатляющим победам и низвергают великих мира сего с пьедесталов. Нити судеб, сплетенные в мохнатые клубки, безжалостно рассекаются сверкающими лезвиями неожиданностей или перепутываются еще сильнее, словно в лапах игривого котенка.

Рассуждения эти были не совсем уместными в сложившихся обстоятельствах, но Тиана ничего не могла с собой поделать.

Кендрик протянул мощную ручищу, покрытую жесткими щетинистыми волосами, и рванул на себя Тианину рубашку. Ее изготовили из добротной довоенной материи, но гад был слишком силен — сказывалась богатая белком диета. Ткань с треском лопнула, высвободив девичьи груди. В тот же момент мелкий ублюдок, имени которого Тиана узнать еще не успела (если, конечно, при рождении матушка не нарекла его «Эй Ты»), распорол ножом ее левую штанину и впился зубами в бедро. В укусе этом похоть смешалась с исключительно гастрономической страстью. Тиана вздрогнула и зажмурилась.

— Хей, говнюки, мать разве не запретила вам играть с едой? — папаша Гоб просунул в кухню свою тяжелую квадратную башку. — У вас для таких дел есть красавицы-сестры, выросшие из того же семени, что и вы. А чужаки годны лишь в пищу!

Братья нехотя покивали, насупленно глядя на патриарха людоедской семейки.

Впрочем, развлечься с аппетитной милашкой можно и попозже. Толкаясь и переругиваясь, они начали приготовления к пиршеству: точили ножи, раскочегаривали большую закопченную плиту, извлекали из шкафов и холодильника гарнир и приправы.

Обилие работающей техники поражало — засранцы очень даже неплохо устроились, избрав в качестве жилища бензоколонку. Генератор в случае надобности снабжал поместье электричеством, подземные хранилища исправно поставляли газ. А уж что на этом газу приготовить, дело десятое, особенно если ты не брезгуешь человечинкой.

Каннибалы исправно, по широкой дуге, обходили крутящийся табурет у разделочного стола. На означенном предмете мебели восседал мистер Фрай, с живейшим интересом на неприятной роже наблюдающий за происходящим. Пируэты вокруг табурета были, однако, единственным знаком внимания, оказываемым Фраю людоедами.

«Какого хера они не насадят на вертел, обмявав сперва за сиськи?» — подумала Тиана, испытывая искреннее негодование.

— На этот вопрос я легко отвечу тебе, моя маленькая , — Фрай выудил из складок плаща коробочку для завтраков (в детстве мама подарила Тиане точно такую же) и принялся складывать бутерброд с колбасой и салатом. — Они, конечно, погрязли здесь в разнообразных пороках, навроде инцеста и людоедства, но до сих пор убежденно гетеросексуальны. Остатки пуританских традиций лармериканской глубинки, знаешь ли. Кулинарные же качества моей скромной персоны вряд ли удовлетворят вкус такой искушенной в приготовлении человечины семьи, как Гашеры.

Фрай вгрызся в бутер, время от времени прихлебывая из серебряной фляжечки. Не отрываясь от перечисленных действий, он каким-то образом умудрился раскурить восхитительно ароматную сигару. Тиана сглотнула слюну — она не вдыхала табачного дыма уже около суток.

— Жаль расставаться с тобой, — Фрай придал своей несимпатичной харе комично-скорбное выражение. — Но уж то, как сначала тебя я не пропущу.Прям жду не дождусь вашего совместного Я вот и попкорн захватил. Не сказать, что очень уж его люблю, но в Мессике весьма трепетно относятся к кукурузе и связанным с нею традициям.

Тиане было нехорошо. В кухне стояла духотища, веревки впивались в тело, но мысль об уготованном придала сил и решимости.

Стараясь не привлекать внимания, она начала осторожно вытаскивать из заднего кармана джинсов маленькую зажигалку.

**

Мессика — удивительное место. Великая Война не особенно изменила ее пейзажи — меньше пострадали, наверное, только пустыни Кафрики и Остралии. В Мессике у каждого есть лучший друг, заклятый враг и прозвище. В Мессике далеко не у всех найдется смена нижнего белья, но у любого за пазухой лежит маска героя или шейный платок злодея. Мессиканские женщины красивы, а мужчины брутальны либо комичны и уродливы. Испокон веков местные условно разделились на три категории: хорошие ребята, плохие ребята и крестьяне.

Декстер по прозвищу Королевский Тушкан причислял себя к плохим ребятам и брутальным красавцам, хотя ему больше подходило определение «комичный шалопай».

Вопреки многочисленным довоенным комиксам и фильмам, а также домыслам ныне живущих, радиация не породила на Эос расу могучих супермутантов. Она всего-навсего наградила уйму людей неприятными хроническими заболеваниями, поиграла с количеством конечностей у двух-трех поколений, подарила истерзанному войной миру сурков размером с теленка и… Королевского Тушкана.

Само собой, Декстер не был помесью человека с тушканчиком, который не водился в Мессике и в лучшие времена, но какой-то умник однажды сравнил маленького мутанта с этим забавным зверьком. С таким же успехом он мог бы назвать мальчишку «человеком-кенгуру», если бы знал о существовании таких прыгучих тварей. Декстер тогда, невзирая на нежный возраст, не замедлил пройтись по поводу взаимоотношений матери шутника с линялым ишаком, случившимся неподалеку. Сразу после того он (Декстер, а не ишак, разумеется) обнаружил полезнейшее свойство своих ног — они с легкостью унесли его тщедушное тельце от задетого Декстеровым красноречием недруга. Именно тогда началась история Королевского Тушкана.

Мальчишка, от природы осторожный, если не сказать трусоватый, во всем положился на свои мощные, непомерно удлиненные нижние конечности и голый, с пушистой кисточкой, хвост, позволявший совершать ошеломительные повороты на пределе скорости. Благодаря этим весьма потешно выглядевшим частям его тела Королевскому

Тушкану сходили с рук поражающие нахальством фортели. Декстер крал еду, воду, нетяжелую скотинку со дворов оторопевших хозяев, а молодых красоток — из-под носа разъяренных отцов. Оскорбления словом и действием занимали прочное место в перечне декстеровских развлечений. Безнаказанность воспитала в юном мутанте неуемные наглость и бахвальство — он утверждал, что обгоняет пулю. На счастье Декстера, возможности проверить это до сих пор не представилось.

В тот самый день, когда Тиана подвергалась нетривиальной опасности быть Декстер раздумывал, чем бы еще досадить людоедам, обосновавшимся чересчур близко от ареала его обитания. Семейка Гашеров пожаловала сюда откуда-то с севера, не имея, таким образом, никаких прав топтать своими жирными мохнатыми ножищами засушливую мессиканскую землю, и Декстер вел с ними непримиримую войну. Один вид Королевского Тушкана приводил Гашеров в неистовое бешенство, их взаимоотношения во многом цитировали довоенный мультфильм про Дорожного Бегуна и Печального Койота. Рано или поздно кто-то должен был ошибиться…

Декстер видел, как братья под руководством папаньки Гоба затащили брыкающуюся чику на кухню. Девица, белокожая, гладкая, неплохо одетая, родилась и выросла точно не под жарким мессиканским солнцем. Развалившись в колючем кустарнике, Декстер недолго посмаковал грядущие сцены ярости в людоедском логове, после того как он, Королевский Тушкан, отнимет у говнюков и игрушку, и обед. Затем, резко вскочив на ноги, мутант занялся реализацией своих планов, даже не представляя, чем это для него обернется.

**

Еще в том нежном возрасте, когда разница полов в играх ничего не значила, Тиана на спор дольше всех держала ладонь над свечой. Ее взаимоотношения с огнем в итоге сложились удачнее, нежели со сверстниками, которые откровенно побаивались странностей младшей Эльхаим.

Колесико зажигалки щелкнуло почти неслышно. На кухне, наполненной душным и тяжелым смрадом жарящегося картофеля, запах тлеющего сыромятного жгута терялся совершенно.

Мистер Фрай минут пять как перешел к потреблению попкорна, но Тиана уже не отвлекалась на нарочито громкий хруст воздушной кукурузы. Время утекало сквозь пальцы, точно песок; масло вовсю шкворчало на огромном противне, придавая царившему в кухне зловонию горький тошнотворный оттенок. Щипки старшего братца недвусмысленно намекали: скоро начнется самое интересное.

«Да, ублюдок, — подумала Тиана, — скоро».

Кендрик схватил ее за грудь и дернул. Тиана повалилась в его широкие объятия, освободившейся рукой утянув с плиты кастрюлю с кипящим овощным бульоном. От рева обожженного ослепшего людоеда задрожала пластиковая посуда на столе. Фрай выругался и уронил попкорнину. Безымянный выродок в нерешительности застыл с ножом в руке. Тиана выхватила тесак из его щуплых ручонок, судорожным движением взрезала путы на ногах и, попытавшись шагнуть, рухнула на немытый дощатый пол. Вокруг, завывая и круша мебель, метался Кендрик. «Эй Ты» испуганно ринулся к выходу.

Декстер переступил с ноги на ногу и проделал один из тех великолепных прыжков, которые создали ему репутацию. Проломив трухлявую раму, Королевский Тушкан погрузился в смрадную атмосферу людоедской кухни. Со стороны такие действия, пожалуй, выглядели глупо, но, по сути, Декстер не особенно рисковал — стремительность его реакции позволила бы покинуть помещение в доли секунды при малейшей угрозе жизни и благополучию.

Упав, Тиана пребольно ударилась. В ладони вонзилась, наверное, добрая сотня заноз, шляпка ржавого гвоздя рассекла запястье до крови. Ощущение не из приятных, что и говорить. Но Тиана и думать о них забыла. Она не отрываясь смотрела в незастекленное окно — некое существо, одним махом преодолев покосившийся забор, влетело внутрь и толкнуло беснующегося Кендрика. Мордоворот издал последний истошный вопль, затем скатился на пол, шмякнувшись виском об угол плиты и перевернув на себя противень с кипящим маслом. Разлившийся в воздухе запах явно указывал на то, что людоед начал

Декстер уставился на полуголую чику. Та, покачиваясь, передвигалась по кухне и открывала газовые вентили. Вонь паленой щетины, картофеля и перца смешалась со сладковатым душком

пропана. Вдобавок тонкий нюх Декстера уловил неизвестно откуда взявшийся аромат жареной кукурузы.

— Королевский Тушкан жаждет благодарности! — Декстер приосанился, переместив потертые мотоциклетные очки на лоб. — Я спас тебя!

— Еще нет, — ответила Тиана, — но сейчас спасешь.

Пока Декстер вникал в смысл фразы, девица неожиданно ловко взобралась к нему на спину и обхватила левой рукой за плечи. Что-то зашуршало по кожаному декстеровскому шлему. Мозг Королевского Тушкана мгновенно обработал информацию и вынес вердикт: чиркнула спичка. Мутант не мог похвастаться излишней образованностью, но был в курсе — пропан имеет свойство взрываться от контакта с огнем. Поэтому, когда Тиана Эльхаим еще только «пришпорила» своего скакуна, ноги Декстера уже разгибались, выбрасывая владельца вместе с его ношей в окно.

Если бы Королевский Тушкан знал, что он первым в мире совершил «реактивный прыжок» без тактического доспеха, защищающего задницу от осколков, и уцелел при этом, он возгордился бы непомерно. Но Декстер не догадывался о рекорде; он обжег пяточки, а куском газового баллона ему чуть не отсекло кисточку на хвосте. К тому же, пролетев около сотни метров по воздуху на гребне взрывной волны, он неудачно приземлился и вывихнул лодыжку. От избытка впечатлений Королевский Тушкан потерял сознание.

Тиана откопала в сумке забавного мутанта засохшее буррито и съела его, с непередаваемым наслаждением глядя на полыхающие руины усадьбы Гашеров. Затем она достала из все той же сумки маркировочную ленту и задумчиво обмоталась ею поверх подгоревших обрывков рубашки. После Тиана, понукаемая неясным чувством (возможно, благодарности), взвалила Декстера на плечи и продолжила путь.

Выживальщик (Натан Дриббл)

Маленький Натаниэль Дриббл внимательно взирал на отца. Тот как раз, прикончив банку темного пива, закуривал сигарету. Огонек зажигалки отразился в темных очках, которые папа носил не снимая. Их зеркальные стекла мешали телепатам подчинить человека взглядом, еще неплохо помогала жевательная резинка.

— Ну, сын, ты сделал все, как я велел? — Келл Дриббл выпустил колечко дыма и посмотрел (хотя из-за очков Натаниэль не был в этом уверен) на отпрыска.

— Да, папа. Я ущипнул Бетти за грудь, схватил Венди за задницу, поцеловал самую красивую черлидершу и прилюдно обозвал директора Голдфиша свиньей. Теперь директор очень хочет с тобой встретиться, Венди собирается подать на меня в суд, капитан футбольной команды пообещал меня прикончить, а Бетти, кажется, понравилось. Деньги, которые ты мне дал, я потратил до последнего стандарта.

— Это все уже неважно, сын, — Келл поставил пустую пивную банку на бетонный пол убежища. — Наконец я могу сказать тебе . Сегодня, в двадцать три часа ноль семь минут по местному времени, знакомый тебе мир исчезнет. Ты же, надежно укрытый мощными стенами нашего персонального бункера, пронесешь воспоминания об этом славном дне сквозь года.

Натаниэль ожидал более подробных объяснений, и они последовали незамедлительно.

— Ты знаешь, сын, долгие десятилетия я посвятил борьбе с жидомасонским заговором, — Келл назидательно поднял желтый от никотина палец: — Я жертвовал многим: работой, рыбалкой, общением с друзьями, сексом с твоей красавицей-матерью и другими обывательскими радостями, делающими жизнь такой чудесной. Я до сих пор цел лишь потому, что мудро заказывал пиццу под вымышленными именами. Благодаря моей проницательности, все мы спасемся и окажемся должным образом снаряжены для комфортного существования в постъядерном мире. Кстати, сын, ты уже наделил своим высококачественным генофондом какую-нибудь счастливицу?

— Нет, папа, я еще не проделывал с девушкой.

— Надеюсь, сын, я правильно понял тебя, иначе наш род обречен на медленное и мучительное угасание.

На отцовскую реплику Натаниэль, густо покраснев, ответил, что, конечно же, он не извращенец и предпочитает женщин, как и все 100% мужского населения штата Техас.

— Знай, Натаниэль, ты получишь столько девчонок, сколько пожелаешь, когда осядет радиоактивная пыль. Этот могучий бункер, построенный твоим прозорливым дедом и усовершенствованный моими умелыми руками, наполнен предметами, за которые в послевоенном мире любой человек отдаст ребенка, жену, родителей, распростится с частью тела или продастся в рабство. Здесь есть кусковой сахар, активированный уголь, зажигалки «крокет» и консервированные половинки персиков в банках, оснащенных открывными кольцами.

Затаив дыхание, Натаниэль внимал. Как-никак у них с папой и мамой было еще примерно часа три.

— Твой дед построил убежище, предугадав Харибский Кризис, но жидомасоны перехитрили его, отложив свой чудовищный план на долгие годы, и упекли в психушку. Но я, достойный отпрыск своего отца, продолжил борьбу.

С помощью дат рождения и смерти видных жидомасонских деятелей я установил точное время начала войны, которую они развяжут с целью заселить планету отвратительными мутантами…

Келл принялся перечислять имена и фамилии. Натаниэль проникался все большим уважением к своему родителю, безусловно, умнейшему человеку столетия, как вдруг одно из имен неприятно резануло слух.

— Папа… — Натаниэль решил не щадить самолюбие Келла и прямо указал на ошибку. — Гроссийский поэт Сергей Александрович Тушкин был, но не

Келл с восхищением взглянул на плод своих чресел.

— Натаниэль, мальчик мой, ты — наш спаситель. Поскольку ты абсолютно прав, у нас осталось на полчаса меньше, чем я предполагал. Как хорошо, что мама уже вернулась с работы. Пойди, попроси ее принести нам лимонада.

— Пап, а не рано?

— Сынок, я женат на ней двадцать лет. Мама как раз успеет минут за десять до первого взрыва.

**

— Ну и чудик этот Келл! — сказал своим друзьям Билл, потомственный дальнобойщик. Он смотрел через невысокий забор на стройную блондинку, спешащую с подносом ко входу в подземелье. — Будь я ее мужем, точно не сидел бы целыми днями в затхлой выгребной яме.

— Говорят, ее трахает личный хиропрактик, — ответил Фред, торговец подержанными автомобилями, переворачивая шипящее на решетке мясо.

— Как-как? практик? — Мак, вот уже третий месяц как лишившийся работы и существующий на нищенское пособие, расхохотался и нагнулся за очередной банкой пива. Именно поэтому последнее в своей жизни зрелище — вспышку, озарившую небеса, — он пропустил.

**

Натан с тоской обозревал то место, где раньше располагалось его надежное пристанище. Он размышлял о жестокости и несовершенстве мира. По иронии судьбы дом-убежище, построенный его прадедом, улучшенный дедом и сохраненный отцом, выдержал мощь атомных ударов, пережил невзгоды Долгой Зимы, и вот теперь его погубило наводнение. Вода скрыла бережно накопленное имущество семейства Дрибблов, могилы дедушки, бабушки, папы, мамы и пятнадцати папиных, как он их называл, «наложниц».

Разумеется, Натан не винил в случившемся жидомасонов, вернее, винил не только их. Разрозненные ошметки правительства, создатели Нового Лармериканского Объединения, расположили плотину таким образом, что поднявшаяся вода затопила натановские хоромы. Случившееся выглядело как минимум подозрительно. И Натан Дриббл не собирался этого так оставлять.

Отец приучил его не выходить из дома без элементарного набора вещей и инструментов, необходимых для выживания. С благоговением вспоминая папу, взрастившего столь жизнестойкое потомство, Натан сел в ухоженный «сандерклап», выменянный когда-то на двадцать банок консервированных персиков и десять пачек сигарет. Он повернул ключ и, вздымая колесами тучи серой пыли, начал

неторопливо удаляться на восток, куда еще, по его данным, не успело распространиться влияние Нового Объединения.

Боец (Сагерт)

Учитель был уже стар. Слишком стар, чтобы выбраться из лагеря, сохранив телесную оболочку. В душе Сагерт скорбел о смерти наставника, но именно она в итоге дала ему шанс.

Лодыжка Учителя запуталась в густом переплетении ржавой колючей проволоки. Старик, как и подобает мужчине, не издал ни звука, но, увы, не устоял на ногах. Шелест стали, придавленной его телом, известил всех вокруг о провале очередной безумной попытки вырваться на свободу. Сияющие глаза фонарей метнулись к несчастному, вдалеке раздался лай собак и топот тяжелых сапогов. Сагерт бежал во всю прыть, не оглядываясь, с нечеловеческой ловкостью избегая многочисленных ловушек — спиральных проволочных хвостов, взрывающихся дисков, врытых в землю, и лучей-охотников. Погибнуть рядом с телом Учителя почетно для Воина, но оставалась еще обязанность передать Искусство достойным древнего знания… и месть.

Сагерт хорошо запомнил ту страшную ночь. Он просто не мог постичь, почему Тайгерт, взращенный с младенчества, как и другие воспитанники, в обители у подножия Тайбетских гор, решился на такую низость.

Вооруженные сетями и железными яйцами с ядовитым газом, закованные в крепкие доспехи враги избрали для нападения глухой предрассветный час. Если бы не коварный дым, похищающий зрение и силу, у людей с равнин не было бы ни малейшего шанса… если бы проклятый предатель Тайгерт не связался с работорговцами. Благодаря ему пришельцы предусмотрели все.

Выживших везли в клетках, точно зверье, на чадящих колесных повозках (Учитель называл их «автомобилями» или «грузовиками») среди прочих жертв этого нечестивого ремесла. Кагерт предпринял побег в первую же ночь, едва оправившись от действия газа. Его гибель показала, насколько серьезно работорговцы относятся к своему занятию. Оставалось ждать и наблюдать.

Место, куда пригнали повозки, как понял Сагерт, являлось одновременно и неприступной крепостью, и рынком. Толстосумы

приезжали отовсюду, желая приобрести ремесленников, носильщиков, наложниц и наложников, евнухов и многих, многих других. Больных, немощных и стариков продавали мясникам. За ценными рабами ухаживали неплохо, а «туши» или «скот» влачили свои дни в тесных вонючих ямах, забранных сверху решеткой. Но, разумеется, и тех и других стерегли отменно.

И вот она — свобода! Сагерт спрыгнул с внешней стены, бесшумно пробежал вниз по насыпи и очутился лицом к лицу с четырьмя патрульными. Мысленно укоряя себя за неосторожность, невнимательность и преждевременную радость, Сагерт мощным ударом пятки, твердой, как гранитная храмовая ступень, отправил к праотцам ближайшего врага. Остальные до смешного медленно начали поднимать свои жалкие громобои. Люди с равнин были развращены мнимой силой своего оружия, забывая, что их тела — сами по себе совершенные инструменты убийства. Он прикончил бы всех их, но охранники трусливо не приняли боя и, не сговариваясь, разбежались в разные стороны.

**

Кирна Лавджой лениво прохаживалась вдоль «мясного ряда», ласково поглаживая полированный ствол «моссбурга». Многие работорговцы ханжески считали должность погонщика «скота» грязной и к тому же чрезмерно рискованной. Действительно, обреченные на верную смерть люди демонстрировали чудеса находчивости, обнаруживали в себе прямо-таки нечеловеческую силу или расставались с остатками достоинства. Кирна любила их всех: каждый тип «скотов» мог развлечь на славу, если знать в веселье толк.

Вот уже пару дней она наблюдала за очень необычным смертником. С тех пор как отец приобщил крошку Кирну к семейному делу, минуло уже пятнадцать лет. Ей довелось повидать всякого, но такого мужчины, чьи кости, словно были оплетены стальными тросами вместо мышц, она еще не встречала. Нет, в здоровяках даже в нынешние нелегкие времена недостатка не ощущалось, но этот разительно отличался от них, буквально излучая ауру силы, спокойствия и абсолютной уверенности в себе.

Говнюка посадили в отдельную укрепленную клетку. Как утверждал папаша Лавджой, до войны в ней держали каких-то хищных тварей — кажется, тигров. Так вот, по слухам, «скот» прикончил

пятерых вооруженных охотников голыми руками, а ударом ноги проломил череп девяностокилограммовому ротвейлеру. Брехня, конечно, но мужик выглядел так, будто

Кирна поймала себя на том, что ее влечет во вполне определенную часть помещения: ей хотелось стереть выражение бесстрастного превосходства с наглой рожи узника, заставить вопить, извиваться от боли, умолять о пощаде. Хотелось и кое-чего еще. Приклад дробовика скользнул по девичьему животу, приятно холодя кожу, и угнездился наконец между крепких бедер. Кирна приоткрыла пухлые губы, жмурясь от удовольствия, и потянула оружие вверх. Когда ствол, проникнув под доспех, ткнулся в грудь, девица плотоядно облизнулась. О нет, сегодня этим дело не ограничится.

Сагерт с искренним интересом, сохраняя, однако, невозмутимое выражение лица, наблюдал за манипуляциями, которые девка-охранница производила со своим громобоем. И, когда та, вызывающе виляя задом, двинулась к его узилищу, он внутренне возликовал. Стоит только ей отпереть замок, ступить внутрь… все-таки предназначенных к отправке на бойни стерегли на удивление халатно — за ними приглядывала женщина.

Едва Кирна пнула дверь, пленник стремительно атаковал. Нужно ли говорить, насколько разочаровало бы ее иное развитие событий? Приклад «моссбурга» вошел в подбородок Сагерта с глухим влажным звуком; лязгнули зубы. Кирна, недобро усмехнувшись, перевернула жертву носком сапога и затем провела каблуком от яремной впадины до паха, любуясь наливавшейся красным царапиной. Размотав с пояса один из узких кожаных ремней, служивших хозяйке не только и не столько для украшения, Кирна начала вязать «скота», фальшиво мурлыча под нос простенький мотивчик. Она уже мысленно смаковала предстоящую потеху.

Сагерт сделал вид, будто все случившееся он спланировал заранее. Начиная с постыдной ошибки в клетке (удар оказался хорош — дальнейшие подробности ускользали, но в целом осталось приятное впечатление) и заканчивая сумасшедшей ездой на безлошадной повозке, управляемой охранницей. Сложнее всего было одолеть тошноту, подкатывающую к горлу при каждом толчке машины. Впрочем, скоро Сагерт пообвыкся с тряской и занялся освобождением от весьма неуклюжих пут.

Только на рассвете Кирна затормозила.

— Теперь ты принадлежишь мне, — дуло дробовика уперлось в обнаженную Сагертову грудь. — Не забывай об этом: ты — моя собственность.

Кирна похотливо изогнулась — на мгновение оружие чуть вильнуло в сторону. Пленник резко, насколько позволили занемевшие мускулы, выбросил из-за спины левую руку и ударил по стволу. Выстрел опалил кожу на плече, но Сагертова ладонь уже обхватила нежное девичье горло. В глазах Кирны застыл не страх — лишь изумление… и желание. Пожалуй, впервые нашлась сила, которой она безропотно подчинилась. Ее будоражила опасность от соседства с человеком, способным опередить выстрел из «моссбурга», чувство беззащитности перед ним и бесстрастность его власти. Другой воспользовался бы плодами своего триумфа незамедлительно, проявив жестокость недавней жертвы: попытался бы унизить, изнасиловать, изувечить, убить, наконец. Подчиняться же холодному непроницаемому взгляду этого мужчины было невыразимо приятно.

Аккуратно отобрав у Кирны оружие, Сагерт мягко толкнул ее обратно на водительское сиденье.

— Пусть так. Я принадлежу тебе. Но только в постели. А пока у меня есть несколько неотложных дел.

Везунчик (Мэйби Туморроу)

— … И потом они распотрошили Бориса как куренка. Один мужик говорил мне, что если вытащить из человека кишки и уложить в линию, то наберется несколько десятков километров. Так вот, это очень похоже на правду. Ублюдки ковырялись в нем, а я смотрел. Пока не отрубился окончательно. Да-а-а, тут они просчитались, ведь меня даже шерстовская горлодерка не сразу с ног валила. Всех нас ждет подобная участь — и тебя, милочка, тоже. Они едят людей, попомни мои слова!

Старик Срам, известный так же, как № 10005673—758, мрачно вздохнул и почесал едва заметный шрам на морщинистой шее. Мэйби благоразумно отнеслась к сказанному, как к очередной бессмысленной страшилке. Срам знал их сотни — в основном его истории вращались вокруг убийств, насилия, разрушений и иных ужасов внешнего мира. Помимо того, из всех обитателей Идэна старик наиболее активно строил теории, объясняющие происходящее внутри нерушимых стен.

Мэйби скучающе проводила глазами круглого робота-помощника, летевшего чуть выше линии взгляда. Железные болваны тактично старались не показываться людям лишний раз. Но, если начистоту, именно они главенствовали под куполом, сколько бы не убеждали идэнцев в обратном.

— … Да, на воле приходилось порой туго: зима, радиация, мародеры, голод… — продолжал болтать Срам. — Но там мы . А здесь мы как боровы. Жрем, гадим и жиреем, а стальные выблядки подбирают нам сопли. Боров, к твоему сведению, — это хряк, которому отрезали яйца.

Мэйби обожала слушать старика. Сама она родилась в Идэне, как и большинство окружающих, Срам же принадлежал к числу тех, кого роботы отловили где-то . До недавнего времени оставался еще Борис, но он пропал с неделю назад после , на который отправился вместе со Срамом. Конечно, роботы не могли съесть Бориса — незадолго до исчезновения он весь высох и пожелтел. А раньше был довольно-таки жирным.

— … Заставили меня трахать ту черномазую лармериканскую свиномордию! Да, жопу она отрастила изрядную, но на рожу век бы не глядеть. Вот моя Сарочка — другое дело… — Срам замолчал, но эту историю Мэйби и без того знала. Вроде бы роботы уволокли старика прямо из дому, почему-то проигнорировав его женщину.

…

Девушка вздрогнула. Через три дня ей исполнится шестнадцать, а значит, для нее подберут . Вообще-то Мэйби немного нравился мальчик, живущий в пузыре через две линии, но составлением пар занимался искусственный разум, редко учитывавший людские симпатии.

В шесть лет роботы позволяли человеку выбрать себе имя (до того ему полагались номер и ласковые прозвища). В восемь лет обитатель Идэна начинал свое обучение какому-нибудь полезному навыку. У Мэйби, например, многочисленные тесты выявили талант швеи. В шестнадцать наступала пора зачинать потомство.

Хитрые роботы предусмотрели все: в еду новообразованной семейной пары добавлялись какие-то вещества, вызывающие неистовое желание совокупляться. Если верить Сраму, в далекие годы своей молодости разводившему , животных побуждали к соитию точно таким же способом. Результаты налицо: Мэйби не раз доводилось наблюдать, как «семейные», совершенно друг другу безразличные в течение дня, после ужина мчались из столовой в свои пузыри, по выражению старика, как . Наверное, имелись способы обмануть надзирателей, но Мэйби знала, что у роботов есть средства для укрощения строптивых, причем далеко не всегда приятные.

Она поднялась со скамейки, оставив Срама наедине с воспоминаниями, и побрела вдоль матовой стены купола. Мысль о побеге возникла у нее спонтанно, но исход предприятия не подлежал сомнению — Мэйби привыкла получать все, чего хотела, легко и непринужденно.

Мэйби относилась к редкой породе существ (вряд ли она могла именоваться человеком — выдавали длинные слегка загнутые кверху ушки), которые не обременяют себя построением сложных планов. Чем больше в замысле простора для импровизации, тем устойчивее он к жестоким реалиям окружающего мира. Планы Мэйби рождались по мере необходимости и состояли из импровизации Впрочем, такой

образ мысли сформировался не на пустом месте: бесстыдная удачливость девушки буквально бросала вызов рациональности и логике. Поэтому не было ничего удивительного в цепи совпадений, последовавших за мыслью о побеге. Мэйби наткнулась на заросший сорняками и плющом аварийный шлюз, безоговорочно пропустивший ее наружу. Итак, на сам план и его реализацию ушло около двадцати минут.

Вокруг Купола царила темнота. В воздухе разлился незнакомый для Мэйби запах океанского побережья. Огромные массы черной воды разбивались о неприступные скалы, небо прорезали ветвистые молнии, ветер завывал на сотни голосов. Наверное, то, что девушку не сбросило волной или вихрем в мировой океан, тоже следует приписать ее ошеломительной везучести. Купол Идэна мягко, по-домашнему, светился изнутри, как бы намекая на пока еще существующую возможность образумиться. Другой, несомненно, юркнул бы назад с поджатым хвостом.

Но не такова была Мэйби Туморроу.

Она подставляла лицо струям дождя, которые не секли, а ласкали. Ураганный ветер нежно ерошил ее коротко остриженные волосы. Молния ударила в древнее скрюченное дерево, озарив ей путь. Ноги точно сами находили дорогу среди ржавых обломков и останков строений, уверенно неся свою хозяйку по растрескавшимся бетонным ступеням к руинам причала.

В дрожащем мерцании грозовых вспышек старинные корабли (Мэйби видела такие на школьных занятиях) выглядели торжественно и загадочно. Но они были великоваты для маленькой беглянки.

Девушка задумалась, рассеянно осматриваясь. Конечно, судьба и здесь преподнесла ей искомое на блюдечке — робокатер, пришвартованный за полузатопленным крейсером, полностью удовлетворял представлениям Мэйби о безопасном средстве передвижения.

Внутри судно оказалось уютным, а помимо того — набитым всякими интересностями. Три скелета, составлявшие экипаж, незамедлительно упокоились в волнах — девушка побрезговала делить с ними свой корабль.

Расчистив для себя жизненное пространство, Мэйби с аппетитом поужинала сгущенкой, тушенкой, молочным шоколадом и

консервированными фруктами, обнаруженными в холодильнике. Еда эта настолько выгодно отличалась от пищи, которой кормили своих подопечных роботы, что Мэйби съела, пожалуй, даже чуть больше, чем следовало. На континенте подобный набор продуктов сделал бы ее баснословно богатой, но Мэйби, как уже говорилось, не приветствовала далеко идущие планы, хоть и внимала в течение почти шестнадцати лет поучениям Срама. Старик, поди, вырвал бы последние вихры, узнав, как распорядилась сокровищами маленькая дуреха.

На приборной доске мигали разноцветные огоньки. Девушка наугад потыкала в кнопки пальцем, побудив тем самым катер отправиться в путь. Мерный негромкий шум мотора убаюкивал, в желудке образовалась приятная тяжесть, поэтому Мэйби вскоре задремала на потертом кожаном диванчике в кают-компании и проспала четырнадцать часов кряду.

Между тем перед бесхитростным дряхлым умишком робокатера встала нетривиальная задача — отыскать дорогу к большой земле. Подавляющая часть спутников, существенно упрощавших поиск, давно вышла из строя, а погодные условия оставляли желать лучшего. Впрочем, посапывающая на диване Мэйби явилась гарантом успеха. Утлое суденышко доставило беглянку к наименее пострадавшему от атомной бомбардировки берегу.

Когда катер ткнулся носом в белый песок, Мэйби проснулась, потянулась и выглянула в иллюминатор. Ласковый ветер трепал выцветший полосатый брезент на покосившихся спасательных вышках и поваленных зонтиках, на обломках сгнивших шезлонгов верещали Несколько ржавых довершали живописную картину. Мэйби зевнула, покидала в цветастую заплечную сумку уцелевшее содержимое холодильника, на прощание дружески похлопала по приборной панели и за пару скачков преодолела трап на палубу.

Ярко светило солнце, будущее рисовалось радужным, а в случае Мэйби воображаемое редко расходилось с реальностью. Девушка пружинисто спрыгнула на пляжный песок и бесстрашно двинулась навстречу загадочному свободному миру.

Шаман (Владилен Михайлович Птицын)

Война застала Владилена Михайловича Птицына на рабочем месте — в лесу. Безбрежные зеленые угодья Гроссии требовали неустанного присмотра — узкоглазые желтолицые гатайцы в поисках дармовой древесины перебирались через плохо охраняемую, существующую, по сути, только на картах, границу сотнями. Особо обнаглевшие пригоняли передвижные лесопильни и приносили дрянное автоматическое оружие. По замыслу Гроссийского департамента лесного хозяйства, на пути азиатских орд должны были бесстрашно вставать Владилен Михайлович и его коллеги, коих распределили по одному на каждые двадцать квадратных километров территории.

Лесничему не стукнуло еще и тридцати, но повидать он успел всякого. Чащи восточной Симбири полнились противоречащими здравому смыслу явлениями: местный фольклор пестрел упоминаниями о духах, оборотнях и прочей малоприятной нечисти. Однако сказочные существа, хоть и вели свою таинственную жизнь прямо под боком у Владилена, регулярно снабжая его материалом для детских (и не только) страшилок, беспокоили куда реже, чем понятные и простые, как еловая шишка, гатайцы.

Владилен любил одиночество — именно это и определило в свое время выбор профессии, — но иногда его становилось много. Поскольку проводного контакт-нета в лесу не предвиделось, а мобильная связь работала скверно (не иначе как из-за происков волшебного народца), с избытком одиночества он боролся крайне неоригинально, по-гроссийски: пил водку, гнал самогон (и тоже его пил), почитывал книги, газеты, играл по рации в шахматы с соседом-лесником. Еще он иногда вязал крючком, чего стыдился, а потому приписывал плоды своего труда выдуманным сердобольным родственницам.

Почти весь свежий номер газеты «Аргументированные факты» был посвящен политике. Владилен наискось пробежал несколько статей, в которых одни крикливые горлопаны восхваляли

непреклонный характер гроссийского президента, дающего решительный отпор лармериканской гегемонии, другие — беззубо журили правительство за рост коммунальных тарифов и цен на продукты. Открыв посвященный войне на Умбраине разворот, напичканный фотографиями погибших в стычках противоборствующих сторон мирных умбраинцев, лесник возмущенно сунул в печь ура-патриотическую писанину. «Мир обезумел, — мысленно огорчился Владилен. — Стальнина на них нет…»

Да, что-нибудь в таком духе сморозил бы сейчас его покойный дед. Чем конкретно помог бы Виосиф Иссарионович в столь напряженной ситуации, сам Владилен представлял слабо.

Другие издания не развеяли, а только усугубили мрачное настроение. К одной из заметок прилагалось бравурное десантников в береточках и полосатых тельняшках, снявшихся на фоне здоровенного, страшного как бес, боевого робота. На человекообразную машину тоже умудрились натянуть тельняшку, неохватные плечи обернули гроссийским триколором.

Достойным завершением и так уже испорченного дня стала замолчавшая рация. Вероятно, сосед либо завалился спать пораньше, либо отлучился по делам, а может, вообще заночевал в лесу.

Владилен достал из погреба банку соленых огурцов и копченый сыр. Он решил напиться. С неодобрением повертев в руках бутыль «Жутинки», с этикетки которой то ли на Владилена, то ли в светлое будущее излишне оптимистично смотрел гроссийский президент, лесник убрал бутылку в сервант. Ей на смену он бережно извлек из тумбочки трехлитровую банку прозрачного самогона. Еще четыре таких же призывно подмигивали яркими бликами из-за стопки соболиных шкурок, которые Владилен на прошлой неделе не успел сдать перекупщику.

Жидкость с отдающим осенней грустью пряным ароматом разлилась по жилам приятным теплом. В какой-то момент пол под ногами лесника закачался, но, как опытный потребитель крепкого спиртного, он не придал этому особого значения. Банка опустела гораздо быстрее, чем ожидалось, но лесник не нашел в себе сил продолжать посиделки.

Утро поприветствовало Владилена гадкой ломотой в теле и плотными пепельно-серыми облаками, задевавшими верхушки сосен.

С недоумением оглядывал он изломанные деревья. На поленнице в осколках шифера обнаружился труп жирного бурундука. Рация не работала. Но Владилен предпочел нудному кропотливому ремонту необременительную прогулку в Краснознаменск, районный центр, расположенный километрах в восемнадцати от его избушки. К тому же утренний воздух наверняка разгонит нечаянное похмелье (себе лесник готовил исключительно высококачественный продукт, поэтому столь тяжкое пробуждение оказалось для него непривычным).

Краснознаменск пустовал. Нет, здесь никогда не было особо людно, но сейчас он напоминал город-призрак из лармериканских вестернов: выбитые окна, поваленный на бок пивной ларек, следы панического бегства. «Уж не ураган ли так напугал жителей?» — глупое, но закономерное предположение напрашивалось само собой.

Ответы не заставили себя ждать. Углубившись в покинутый Краснознаменск, Владилен увидел в расплескавшемся пожарном пруду самолет — огромный, с нелепым, тупоугольной формы, рылом, черный как мазут. Внутри он еще тлел. Одно крыло оторвалось и валялось в стороне, раздавив корпус местного детсада. Владилен проходил срочную службу в мотострелковых войсках, но и ежу было ясно: самолет военный, причем из новой серии Бо-300.

Потоптавшись недолго вокруг, боязливо заглянув в мертвые недра машины, лесник со всех ног бросился к зданию горадминистрации. Хотя вернее сказать: торопливо зашагал — ломота в теле не только не исчезла, но усилилась, а ведь Владилен слыл великолепным ходоком, не знавшим устали. Страшные догадки теснились в голове, понуждая, вопреки изнурению, двигаться быстрее.

Вот и трехэтажный кирпичный дом, место работы председателя и сонма чиновников рангом поменьше. В палисаднике под немыслимыми углами застыло несколько иномарок. Папки с казенной надписью «Дело №…» на обложках громоздились в луже у крыльца. На доске объявлений криво висели набранные крупным шрифтом плакаты, предписывающие населению в виду угрозы атомной бомбардировки прибыть в гражданское убежище 412 в ста пятнадцати километрах, под селом Зайчанским. Владилен тоскливо вздохнул и присел на бетонные ступени, машинально подложив под зад папку посуше. О нем просто-напросто забыли в суматохе, а, судя по датам на

воззваниях, он, в довершение, умудрился проспать и начало, и, скорее всего, конец войны.

Для очистки совести лесник попытался завести парочку брошенных автомобилей, но быстро убедился в бесполезности этого занятия. Оставалась слабая надежда переждать бедствие в избушке. В конце концов, места здесь глухие и, возможно, радиация обойдет их стороной так же, как раньше обходило вниманием гроссийское правительство. Конечно же, тяжесть в ногах — от долгой прогулки и скверного самогона, а не… Владилен тряхнул головой, точно налитой свинцом, и зашаркал к зеленеющему за окраинами Краснознаменска лесу.

Обратный путь занял остаток дня, лишь около полуночи лесничий в изнеможении плюхнулся на свою крепкую дубовую кровать. Несмотря на сокрушительную усталость, сковавшую тело, кушать не хотелось. Владилен заставил себя доесть полбуханки черного хлеба, глотнул из стоящего у изголовья бидона и провалился в тревожный, без сновидений, сон.

Разбудила лесника струйка воды, стекающая на пылающий лоб. Похоже, во время позавчерашнего «урагана» пробило крышу. Кряхтя и матерясь сквозь зубы, Владилен кое-как передвинул свое ложе. Взгляд его случайно упал на маленькое запыленное оконце. Увиденное побудило лесничего прервать борьбу с кроватью и выбежать на крыльцо.

Лес, наполненный шелестом ливня, мерцал иссиня-фиолетовым. Светилось низкое небо, вздрагивающая под ударами капель листва, подлесок, устланная хвоей земля, светился даже владиленовский колун, по рассеянности забытый в полене у дровяного сарая. Зловещее потустороннее зрелище завораживало и означало конец всему.

«Теперь землю наследуют крысы, тараканы и феи», — отстраненно подумал Владилен, выплюнул во влажную траву зуб и, пошатываясь, воротился в дом. Четыре банки самогона оказались там же, где он их оставил, застывшие в безмолвном ожидании. Предпочитая смерть от алкогольного отравления всем прочим ее видам, лесник выстроил банки в рядок на столе, полюбовался игрой отражений на стеклянных боках и методично принялся вливать в себя терпкую жидкость.

**

Затхлый запах пощекотал ноздри, Владилен чихнул и повернулся на другой бок. Откуда-то издалека доносились голоса.

— Вот, извольте, милсдарь, взглянуть, что принес народу большевизмъ, — бархатистый приятный бас говорящего убаюкивал, но Владилен прислушался, борясь со сном. — Вы, несомненно, изрядная сволочь, но должны же понимать: царь в своей стране есть хозяин в доме. Вот станете вы, простите, срать в собственную кровать? Не будете, верно. А коммунист, он как мышь в амбаре: пока пшено родится — живет, а как прекратится — кучу навалит да дальше пойдет. Он, батенька, везде в гостях. Президенты всякие да парламенты ничуть не лучше — ворье ворьем. Знаете ли, у родимой матери украсть способны, а царь воровать не может — себя-то любимого не обворуешь.

Пространная тирада завершилась приятным звоном питейных принадлежностей.

— Все ты, генерал, с больной головы на здоровую валишь, — возражал резкий дребезжащий фальцет, показавшийся Владилену смутно знакомым. — Есть коммунисты, а есть редиски — снаружи красные, внутри белые. Ты вот про царя своего ноешь, а в толк не возьмешь: не коммунисты страну погубили, а буржуины навроде тебя. И окружающая разруха — их рук дело. По-твоему, Стальнин Гроссию разворовал? Ильич? Нет! Всем буржуйским миром душили ее, матушку, натравили Тиглера, а в итоге вот — бомбами ядовитыми закидали. Ну теперь-то пролетариат гроссийский сплотится и перестреляет капиталюг поганых. Да ты рожу-то не криви, генерал, тебе чего бояться? Тебя-то уже давно того…

Дробный хриплый смешок почему-то напомнил Владилену о деде.

— Какую вы, однако, херню городите оба! — третий голос, женский, звучал холодно и полнился неприкрытым отвращением. — Еще жидомасонов приплетите сюда. Иногда глупость — это просто глупость, без всякого второго дна. Ваш несчастный мирок заплатил страшную цену за выбор горстки людей, сделавших своими правителями истеричного ниггера с заячьими яйчишками и упрямого самодура, вообразившего себя великим вождем. Я скажу вам, говнюки, в чем заключается политика! Настоящая политика заключается в усвоении мысли, очевидной даже для дождевого червя: не бросай

гранату в свой собственный сортир. Не развязывай войну там, где живешь.

«Даже на том свете обсуждают, как обустроить Гроссию, — подумалось Владилену. — Только многовато разговоров о говнах и сортирах…» Тут он почувствовал, что и сам бы с удовольствием поразмыслил о судьбах страны, засев в уютном нужнике в сенях, в двери которого, следуя традиции, на уровне глаз собственноручно выпилил лобзиком окошечко в форме сердечка. Но хотелось дослушать беседу.

— Ну, это вы вздор ляпнули, милочка, — пробасил давешний генерал. — Как же можно без войны? Есть вещи для самолюбия несносные.

— Есть вещи куда более несносные для всего остального! — ответствовала таинственная дама. — Например, радиоактивные осадки. Хотя перед кем я распинаюсь? Ты ж ничего сложнее сабли в руках-то, поди, не держал. Радуйся, что местные не вывели на орбиту турболазер, иначе ни водки бы вам не видать, ни вот этого упыря, притворяющегося спящим.

Повисло молчание. Владилен резко сел на кровати — та с хрустом переломилась под ним, подняв тучу пыли. Он все еще находился в своей избушке. Но сквозь осевшую дырявую крышу лился серый утренний свет, в районе стойки для обуви ветвился куст поганок с радужными разводами на шляпках, пол густо порос лишайником.

За скособоченным столом сидели люди, в одном из них Владилен с удивлением признал своего деда по отцовской линии. Тот был пьяницей, отставным майором советской армии и ярым коммунистом.

Справа от неведомо как оказавшегося здесь предка устроился на плетеном коробе пухлый лоснящийся господин в мундире, увешенном орденами. На его широких плечах красовались богатые эполеты, пуговицы сияли маленькими золотыми солнцами, темно-синюю ткань на груди прочерчивали витые шнуры аксельбанта.

Слева от деда развалилась на стуле дамочка с копной иссиня-черных волос. Точеную фигуру плотно облегал блестящий, наверное, кожаный, наряд, весьма легкомысленный на вид и напомнивший леснику иллюстрации к любимой им фантастике за авторством Ларри Ларрисона. Дамочка, единственная из троих, была вооружена, по

крайней мере, кобура на поясе имелась. Взгляд ее ясно давал понять, какого она мнения обо всех присутствующих в комнате.

— Да вы не кипятитесь, Бэллочка, — примирительно проворковал генерал, галантно пододвигая к женщине Владиленову кружку с павлином, в которую заботливо нацедил, если верить облезлой, вздувшейся пузырями, этикетке, той самой, отвергнутой лесником, «Жутинки». — Вы лучше вот водочки выкушайте, а то сидите, чесслово, как не родная.

— Конечно не родная, кретин! — Бэлла, запрокинув голову, осушила кружку одним быстрым глотком. Владилен заметил на ее шее тонкий извивающийся шрам. — Я, как у вас выражаются, жила давным-давно в далекой-далекой, мать ее, галактике. А тут, если угодно, по чистой случайности.

Генерал, привыкший, видимо, к общению с истеричными роковыми красотками, молча подлил в кружку еще «Жутинки».

— Знаем мы ваши буржуйские случайности, — Владиленов дед осуждающе покосился на Бэллу. — Тому дала, этому дала, и вот она, ваша случайность, орет и пачкает пеленки. Везде так: хоть в загнивающей Лармерике, хоть в далекой-далекой глаптике — дармоеды, они всюду одинаковые.

Среди шума яростной перепалки, вот-вот грозящей перерасти в потасовку, отчетливо рокотал поучающий бас — генерал увещевал Владилена тщательнейшим образом подготовиться к «выходу в свет». Неизвестно, какой еще ахинеи насмотрелся бы лесничий в своем безумном сне, если бы Бэлла в запале не опрокинула бутылку с остатками водки на замшелый пол. Раздался пронзительный звон — Владилен широко распахнул глаза.

Наваждение исчезло. Однако бутыль лежала именно там, куда упала, сбитая «героиней из научной фантастики». Был ли это сон? Мозг пронзило мучительное воспоминание: Лесник ринулся к покосившейся двери, задержавшись только у завешенного густой паутиной зеркала. Он осунулся, поседел, постарел, правый глаз слегка подрагивал, но передний зуб, который выпал в ту страшную ночь, торчал на месте. Лесник толкнул дверь, сорвав ее с гнилых петель, и ветер бросил ему в лицо горсть пыли. Мертвые поваленные стволы деревьев сюрреалистично устилали сыпучую ржаво-серую почву. «Отныне я не лесничий, а », — заскреблась в мозгу Владилена

непрошеная шуточка. За спиной с грохотом, завалив кровать, рухнул потолок.

Прислушиваясь к шепчущим голосам в голове и изредка присаживаясь отдохнуть, лесник собирался в дорогу. Неожиданно вспомнилось: прабабка по матери слыла колдуньей и в детстве нередко пугала маленького Владика рассказами о духах, привидениях и прочей бесовщине. Может статься, он унаследовал ее талант.

Владилен даже не пытался осмыслить случившееся с ним, приняв ситуацию как должное. Если ему понадобится совет духов (Владилен окинул прощальным взглядом следы пиршества странной троицы), он знает, как с ними связаться. Опираясь на выцветшую лыжную палку, лесник резво зашагал, спеша заново открыть для себя мир.

Солдат (Захария Джонстон)

Заки сидела на покоробившейся облезлой палубе «Полярного медведя». Она плакала, продолжая тем не менее обсасывать ребрышко Малькольма. Малькольм Бэй оказался очень даже неплохим на вкус, но Захария Джонстон, еще недавно рядовой лармериканской морской пехоты, а теперь — тощая и перепуганная Заки, все равно плакала. Потому что она осталась одна на огромном полузатопленном авианосце, потому что холодильник отключился на минувшей неделе и сегодня Малькольма пришлось-таки прикончить. Потому что Заки боялась умирать.

Тогда, словно в чужой жизни, все было иначе. Президент произносил пламенные речи о роли лармериканской демократии в мире, об особой судьбе лармериканского народа, который обязан, подобно пастуху, беречь стадо от взбесившегося волка. Под «волком» политик подразумевал Гроссию, впервые за много лет осмелившуюся схватиться с Лармерикой на равных. К «овцам» следовало причислять все прочие страны, кроме, вероятно, Гатая, придерживавшегося вооруженного до зубов нейтралитета.

Заки вспоминала, как рыдала ее бабушка, слушая безупречно срежиссированные выступления обаятельного негра, которого за несколько лет до того народ единодушно избрал президентом. Бабуля еще застала времена, когда ниггеров не пускали в один вагон подземки с белыми людьми. А нынче ниггер указывал всему миру, как жить. Захарии тоже это нравилось, и, конечно же, она была патриотом своей страны.

Вряд ли Заки с первого раза нашла бы на карте Умбраину, из-за которой, собственно, все и началось, но она неплохо стреляла и считалась лучшей на курсах женской самообороны. Ее молодость и вера в торжество лармериканской демократии и не позволили Захарии отсиживаться в стороне. Посему, когда ей предложили принять участие в экспериментальной военной программе, Захария Джонстон без колебаний поставила в бланке свою подпись.

Ее с неделю кололи какой-то «супердрянью», повышавшей остроту зрения и скорость реакции до предела; мышцы после

инъекций будто вибрировали от переполнявшей их энергии. Великолепные общие результаты не позволяли зацикливаться на побочных эффектах вроде боли во всем теле, щетины, пробивавшейся на груди и подбородке, шелушащейся кожи и прогрессирующей близорукости. В итоге врач, почему-то очень неохотно, раздобыл для Заки очки. Но, в конце-то концов, борьба за правое дело всегда требует известной степени самоотверженности. Тренировки проходили по жесткому, если не жестокому, графику: ни единой потраченной впустую минуты, каждое движение строго подчинено общему ритму — «Дядя Пэм меня призвал! Чтоб я грусских в жопу драл! Раз, два, три, четыре, ОШЛ нет круче в мире…» Есть, срать, спать, умирать только с разрешения сержанта!

К тому времени гроссийские ублюдки вели военные действия в открытую, применив атомных боевых роботов и прочие нелепые, но внезапно весьма эффективные средства. Захария рвалась в бой. Но вместо этого ее и еще несколько тысяч участников программы погрузили на «Полярного медведя» и загнали в рекреаторы.

Рекреаторы! Тогда Заки испытывала безудержную гордость за свою страну. Пребывание в вонючей густой жиже являлось обязательным для поддержания «суперсолдат» в надлежащей форме до прибытия к месту военных действий. Родное правительство напичкало Заки препаратами, к концу курса изуродовавшими ее молодое красивое тело, после засунуло в гроб, и все ради двадцати четырех часов убийств и разрушений. Выполнив боевое задание, то есть, одержав победу, Захария Джонстон и остальные, чересчур опасные для мирной жизни, согласно плану заснули бы вечным сном. В крайнем случае (при провале миссии) они стали бы очередным примером бесчеловечности грусских, оправдывающим любые ответные действия Лармериканского военного департамента.

Рекреаторы исправно снабжали «суперсолдат» питательными веществами, поддерживая в близком к коме состоянию, когда «Полярный медведь» потерял управление, несколько пострадав в штормах, вызванных атомной бомбардировкой на континенте. Почти никто из солдат так и не очнулся — «суперсыворотка» медленно, но верно прикончила их. При перераспределении энергии в постепенно угасающих системах покинутого экипажем авианосца компьютер отключал отсеки один за другим. В результате уцелело тринадцать

«везунчиков»: жидкость, предназначенная для баков погибших, направлялась туда, где еще теплилась жизнь.

Разбуженные автоматикой, зарегистрировавшей истощение запасов веществ, необходимых для работы рекреаторов, они долго не понимали, что произошло. Затем иссушенные мумии сослуживцев по всем правилам — с горном, поднятием флага и ружейной пальбой — предали океану. В этом не раз раскаивались позже, когда вслед за скудными запасами пищи закончились ремни, обивка кресел и другие очень условно съедобные вещи.

Заки обсосала ребро Малькольма дочиста, но голод и чувство вины продолжали донимать ее. Кстати, именно Бэй предложил тянуть жребий. Говнюк мухлевал с самого начала и получил по заслугам. Но почему-то легче от этой мысли не становилось.

Малькольм Бэй, с виду такой тихоня, подал кошмарную, но неожиданно быстро одобренную идею. Кое-кто пробовал рыбачить, однако небогатый улов не подошел для изнеженных желудков — отравившиеся вне очереди пополнили запасы провизии своими телами.

— И знаешь, дорогой друг, — рассказывала Захария голосу у себя в голове, — что мы сделали потом… когда съели тех счастливцев (она называла их так совершенно искренне)? Разумеется нет, откуда? Парни сразу же пошли бриться, ведь наконец-то появились силы. А я до блеска начистила ботинки.

После того как по жребию забили Фила, Заки и Малькольм остались на «Полярном медведе» вдвоем. Вес спутника Захарии, тщедушного даже до своего заточения в рекреаторе, сейчас едва ли достигал сорока килограммов. Рослая, крепкая, как все чернокожие, Захария могла бы прикончить его голыми руками. Но она чувствовала себя не вправе пойти на такой шаг. Пока не вскрылся обман.

Заки с содроганием вспомнила, как подвесила связанного, извивающегося Бэя на крюк для говяжьих туш, обнаруженный на камбузе, и с трудом подавила тошноту. Там засранец болтался с неделю. Захария колола ему морфин и умело пережимала крупные кровеносные сосуды, не позволяя говнюку загнуться раньше срока, ведь холодильник к тому моменту уже отрубился. Может быть, содеянное лучше расценивать как чудовищный акт возмездия, а не как банальную борьбу за выживание? Из-за высокого содержания опиатов

в мясе Малькольма и безумия всей ситуации в целом Заки с трудом сохраняла черты цивилизованного индивидуума.

Шатаясь, Захария подошла к облупившемуся проржавевшему фальшборту и выбросила останки Бэя в воду. Подняв подслеповатые глаза, она заметила на востоке мутную полоску. Поскольку на вечер Заки ничего не запланировала, она не поленилась дотащиться до своей каюты и надеть очки. Километрах в двух, по ее прикидкам, виднелся берег. То, что не удалось совершить кучке отчаявшихся людей, с легкостью выполнили океанские течения.

Человек — поразительно жизнелюбивое существо. Выползая на четвереньках из серых волн на пляж спустя полтора часа, Заки уже обдумывала свои дальнейшие действия и жалела об оставленном на авианосце снаряжении. «Полярный медведь» еще маячил размытым пятном на горизонте. Захария сжала потрескавшиеся губы и быстро отвернулась.

Доктор (Данике)

Старина Брауни умирал. Данике, Младший Врач, долго отказывался принять очевидное, слишком долго, а теперь уже было поздно. Механические щупальца бились в конвульсиях, мини-реактор надсадно гудел, заполняя комнату липким влажным теплом. Данике проскользнул под извивающимися манипуляторами автодока и нажатием нескольких кнопок на контрольной панели прервал мучения друга.

Само собой, еще семьдесят лет назад никому не взбрела бы мысль общаться с медицинским ботом, как с разумным существом. Но, если говорить начистоту, в мире уцелело не так много разумных существ вообще, а уж заслуживающих доверия — и того меньше. Древний, похожий на осьминога, робот спас больше жизней, чем кто-либо другой в радиусе сотни километров от Солберри, охотно делился своими знаниями с любым желающим, был добр и ласков. Немудрено, что Данике считал автодок равным себе и гордился установившейся между ними дружбой.

В неспокойном довоенном мире ученые ломали головы над загадкой искусственного интеллекта. Могут ли в компьютерной программе зарождаться эмоции? Может ли робот испытывать страх или сомневаться? Но главный интерес исследователей заключался, конечно, в следующем: может ли робот сойти с ума и обратиться против своих создателей? По иронии судьбы, четыре поколения врачей Солберри не знали точного ответа лишь на последний вопрос. Если док Брауни и мог восстать, то благородно не сделал этого, проработав семьдесят два года на пределе своих мощностей. Вряд ли где-то на Эос (исключая, наверное, запечатанные правительственные бункеры) люди получали более тщательную и квалифицированную медицинскую помощь.

Аккуратно затворив дверь, Данике выбрел в коридор. Десятки глаз с надеждой ловили его взгляд, но Младший Врач лишь опустил голову, пробормотав под нос нечто невнятное. Керингер, Старший Врач, приобнял молодого человека за плечи и увел прочь — пациентам не следовало видеть его слез.

**

Данике как раз заканчивал укладывать рюкзак. Оставалось еще выбрать лучший лук среди тех, которыми владела его семья. Занимаясь этим непростым делом, он услышал за спиной негромкое покашливание. Бургомистр Биллбэйн мялся в дверях комнаты, нервно теребя поля своего потрепанного цилиндра. Данике без труда сообразил, зачем пожаловал градоначальник в столь поздний час.

— Простите, я уже все решил, — Младший Врач, соблюдая приличия, слегка поклонился. — Если нам не удастся вернуть Брауни к жизни, Солберри обречен на вымирание.

— Это химера, Данике, — Биллбэйн положил цилиндр на стол. — Робот был уже стар, более того — изношен. Он передал тебе все знания, какие только можно; наша медицинская библиотека не имеет равных. Твой преемник станет доктором ничуть не хуже тебя, если ты, конечно, не сглупишь, отправившись на поиски деталей. Вот тогда будущее Солберри действительно окажется под угрозой — у Керингера не хватит времени и сил на подготовку нового Младшего Врача.

— Ваши слова логичны, сэр, — Данике попробовал составной лук, которым пользовался еще его отец, — но Брауни был мне другом. Я уверен, он бы пожертвовал собой ради моего спасения.

Биллбэйн начинал закипать. Мальчишка вздумал поступиться благополучием общины из-за какой-то довоенной железяки, пусть и очень полезной, но уже отслужившей свое. Рука сама потянула из кармана коммуникатор: бургомистр собирался вызвать начальника полиции. Неделька-другая в карцере вышибут дурь из сорванца…

— Я боялся, что вы не поймете.

Данике неожиданно очутился рядом с Биллбэйном, ладонь его мягко прижала к красному, смахивающему на картофелину, носу пропитанную сладко пахнущей жидкостью ткань. Бургомистр вздрогнул, уронил переговорное устройство и грузно осел на пол.

Бывший Младший Врач Солберри закинул за плечо лук в чехле и колчан, поднял рюкзак и тихо выбрался в окно. Когда на небе зажглись первые звезды, он уже надежно затерялся в пустошах.

Ученый (Джонатан Хайд)

День, который стал для старого мира последним, запомнился Джо совсем по иным причинам. Как нередко случается с людьми, увлеченными своим делом, посвящающими ему и выходные, и праздники, и отпуск, Хайд мало интересовался политикой. Если бы в это погожее июльское утро Джонатана спросили, какого мнения он о перспективах войны с Гроссией, он бы попросту не понял, о чем речь. Зато именно на сегодня намечался важнейший эксперимент — первый случай криоконсервации живого человека. Все предварительные испытания Хайд уже провел: десятки мышей и пара шимпанзе благополучно перенесли процедуру. Наступил логический момент для финального теста. Добровольцев пришлось бы искать неделями, и Джонатан, будучи уверен в успехе, решил испытать «временную капсулу» на себе. Теоретически она могла поддерживать организм в гибернации сотни лет, но, естественно, ученый не собирался «спать» так долго. Трое суток криостаза — и его имя навсегда войдет в историю мировой науки.

В холле родного института Джо неприятно поразило суматошное оживление. Среди людей, мелькавших туда-сюда через турникеты, он заметил несколько знакомых лиц, но суету в основном производили амбалы в военной форме, выносящие какие-то опломбированные контейнеры.

— В чем дело Билл? Что тут у нас творится? — обратился Джонатан к одному из своих коллег.

Тот сперва вздрогнул, но, узнав Хайда, успокоился.

— Эвакуация секретной документации и прототипов из тринадцатого отдела. Болтают про заварушку на востоке. — Как и Джо, Билл Корштейн мало уделял внимания миру за пределами своего микроскопа. — Твою капсулу тоже чуть не уволокли, но, выяснив, что это вовсе не модель супербомбы, передумали.

Микробиолог хихикнул, тряхнув чернявой головой. Джо нахмурился — в сложившихся обстоятельствах шутка казалась более чем неуместной, — и спешным шагом, едва ли не бегом, направился к лифту. Через несколько минут он уже находился рядом со своим

обреченным на успех детищем — трехметровым яйцом из розово-серого металла. Капсулу Джо и разработал, и собрал практически в одиночку. Корпус, правда, он позаимствовал в лаборатории суперсплавов, но ту бредовую космическую программу все равно уже свернули. Ну да, да, и биологи немного помогали.

Химические реагенты были заправлены, мини-реактор заряжен процентов на сорок (чего с лихвой хватило бы на восемьдесят лет бесперебойной работы), а таймер подключен к компьютерной сети НИИ. Прибору предстояло запустить обратный процесс, как только истекут трое суток с начала активации программы сна. Вообще-то Джонатан намеревался починить атомный хронометр в самой капсуле, но руки никак не доходили, а за часами в серверной следили аж восемь бездельников из отдела технической поддержки.

Ученый щелкнул тумблером и оболочка, еле слышно зашелестев сервомоторами, открылась. На секунду задумавшись, Джо набил на клавиатуре докладную записку на имя институтского директора. Первоначально он намеревался сообщить об испытании лично, но из-за этого нелепого переполоха начальство могло назначить другую дату, чего нельзя было допустить. Ну а после того как захлопнутся створки, из сверхпрочной капсулы, спроектированной для высадки на Гермез, его уже точно никто не вытащит: не считая кабеля связи с главным компьютером, система поддерживала абсолютную автономию. Джо устроился поудобнее в кресле и смело ударил ладонью по кнопке активации. Створки сомкнулись, зашипел консервирующий газ. Начали!

Хайд заснул. Пока его биологические часы постепенно замедлялись, ученый успел увидеть сон, в котором ему вручили Лорберовскую премию и подарили роскошный особняк, а хорошенькие девушки в бикини выпячивали высокие груди для автографов. Зато чего Джонатан уже не видел — это как получившие новый приказ военные спешно выводили ученых из здания и загоняли их в здоровенные транспортные вертолеты. Не видел, как позже над городом вырос бело-золотой шар «чистой» бомбы. Не видел, как испарилась высотка НИИ, а вместе с ней и узловой компьютер, к которому он опрометчиво подключил таймер капсулы. Не видел промелькнувших десятилетий…

**

Время и непогода безжалостно разрушили то немногое, что пощадила война, а остекленевшая воронка к югу от городских руин отбивала всякую охоту селиться по соседству. Единственным светлым пятном среди пыльных остовов зданий была изрядно поцарапанная поверхность металлического яйца. Древний бесполезный хлам, которому суждено валяться здесь вечно. Никто и не догадался бы, что внутри идет оживленный диалог контрольных устройств.

— Внимание! Исчерпана энергия основного источника питания. Начинаю автоматическое отключение системы заморозки.

— Система заморозки отключена. Провожу откачку консервационного газа для последующего использования.

— Жизненные функции подконтрольного объекта возвращаются в норму. Открыть основной люк капсулы.

— Основной люк не открывается. Вероятно, произошло спекание внешней обшивки при посадке, — откликнулось наследие космической программы.

— Ввожу в действие аварийную систему раскрытия капсулы.

Безмолвие, царящее в руинах, нарушил грохот взрыва. Пиропатроны, несмотря на свой почтенный возраст, сработали штатно, и верхняя половинка капсулы развернулась тремя лепестками. От этого шума сидящий внутри человек окончательно очнулся.

Картина, открывшаяся глазам Джонатана Хайда, несколько сбивала с толку. Вспомнилась книжка про путешествия во времени, которую он читал в детстве. Свинцовое небо над головой, руины вокруг. Воздух жаркий и сухой, с ощутимым металлическим привкусом. Вот-вот из-под земли вылезут морлоки и уволокут Джо в свои катакомбы…

— Не желаешь ли чаю, мистер Скелет? — голос заставил Хайда подпрыгнуть, точно от пинка. — Госпожа Манекен, передай мне еще паштета из крысиных потрошков. Как тебе не стыдно, мистер Кто-Знает-Кем-Ты-Был-При-Жизни! Оставь сладостей другим гостям.

Около убогого костерка собралась разношерстная компания, будто сошедшая со страниц сказки про безумное чаепитие: несколько скелетов, три манекена и проржавевший робот-секретарь. На столе, подозрительно напоминающем бильярдный из комнаты отдыха для сотрудников НИИ, в беспорядке расположились банки, тарелки, бутылки и надтреснутая, явно самодельная, керосиновая лампа.

Огромный, величиной с ладонь, мотылек бился в стекло, рискуя повалить светильник и отбрасывая жуткие тени на окружающий ландшафт. Внезапно кукла с копной рыжих, почти красных волос обернулась — в ее глазах вспыхнул и погас отблеск пламени.

Хайд чуть не упал в обморок, но тут ученый взял верх над обывателем. Кроме того, в уютной тесноте капсулы и падать-то было особо некуда. Манекен, оказавшийся невысокой девицей, одетой… да практически голой, если не считать крошечных тряпочек, заменяющих топ и трусики, приблизился к капсуле.

Левое предплечье девушки украшала коллекция разномастных часов. Сунув их под нос Джо, она улыбнулась, обнаружив в себе неожиданный шарм. Скользнув взглядом по циферблатам, Хайд бесцеремонно вытаращился на длинные вислые уши незнакомки. Совершенно точно не человеческие. Украшенные кольцами и венчающиеся цветными нитяными кисточками.

— Мы всегда рады гостям. Обычно в это время в Долине ужинают. — Жестянка с дымящейся, дурно пахнущей жидкостью ткнулась в губы Хайда.

— Что… Где я? — коронная фраза «попаданца» вполне соответствовала ситуации.

— Здесь, — кратко ответила девушка.

Она подала Джо руку. Оскользнувшись разочек, он все-таки вылез и ступил дрожащими ногами на растрескавшийся кафель институтского коридора. Между тем рыжая ловко проскочила в капсулу и умудрилась выворотить из креплений мягкое плюшевое кресло.

— Стой, это мое кресло, — неуверенно пробормотал Джо.

— А теперь — Тувино, — таким странным образом девушка, очевидно, представилась. — Приличные люди, будучи приглашенными в гости, бросают полено в костер или камин хозяина. Кресло, впрочем, тоже сойдет.

— Но…

— Этой традиции тысячи лет! Твое кресло должно быть счастливо принять участие в чем-то подобном. Стол, например, такой чести не заслужил.

— Вы же за ним едите…

— Еще я под ним сплю, но это к делу не относится.

Джо размышлял. Цивилизованный человек внутри его головы внушал: случилось нечто ужасное (слова «всемирная катастрофа», точно лезвие гильотины, зависли над разумом), и он, Джонатан Хайд, обязан позаботиться о бедной девочке-подростке, которая, по-видимому, слегка тронулась от одиночества. Но некоторые другие части его тела дерзко требовали иного: раз уж таково положение вещей, значит, большой сильный Самец Джо должен немедленно выдрать девицу, затем взять разводной ключ и добыть себе еще десяток самочек не хуже. Принятие решения он отложил на потом.

Усевшись на одно из свободных мест, он поприветствовал присутствующих, рассеянно отрекомендовался и неубедительно притворился, будто отхлебывает из банки.

— Ты подоспел вовремя, Джонатан, — проронила Туве, — сейчас подадут десерт.

В ожидании обещанного десерта Хайд тоскливо наблюдал, как горит его кресло. Вместе с креслом сгорали мечты об особняке, мировом признании и автографах на девичьих буферах. Туве проследила за его взглядом.

— Обычай питать хозяйский очаг уважаемый и древний, а ты до сих пор ноешь про себя. Нет бы порадоваться!

— Чему радоваться-то? И что все-таки случилось? Надеюсь, про тысячи лет ты преувеличила… Кстати, почему у тебя такие уши?

— А почему у тебя такие? Вот у мистера Скелета-в-Каске их совсем нет, однако с него ты за это не спросил.

— Когда я ложился спать, у окружающих были уши навроде моих. Ну не считая котиков там, зайцев, коров… — произнес Джо, действительно пытаясь объять в уме все разнообразие ушей в мире. — У мистера Скелета в принципе с плотью проблемы. Для скелетов это как бы норма, — Хайд мысленно поразился тому, какая чушь лезет в голову вместо, например, конструктивных идей, как прокормиться в здешних руинах или как не подцепить какую-нибудь дрянь. — А вот ушек, подобных твоим, мне еще видеть не доводилось.

— Когда я ложилась спать, тебя, скажем, вообще здесь не было. Это не мешает мне стойко сносить твое невежество. — Туве картинно всплеснула ушами, которые, по наблюдениям Джо, ни секунды не оставались в покое. — Ты бы еще форму моей попы обсудил с госпожой Манекеном-Третьей-Справа.

— Судя по истощению реактора, я-то тут очутился задолго до тебя. А попа очень даже… то есть, извини, сорвалось. — Хайд вновь вынудил себя отвести взгляд от девичьих прелестей, прямо-таки выпрыгивающих из грубой ткани, в которую хозяйка их упаковала. — А почему ты со всеми этими скелетами и манекенами, а не с людьми (и не важно, какие у них уши)? Что-то мне подсказывает: твои гости, в отличие от тебя, заседают ну очень давно. Неужели все настолько плохо, что красивая девушка предпочитает пить виртуальный чай в столь неподходящей компании?

— Что-то мне подсказывает, человек, который пять минут назад вылупился из яйца, должен быть осторожнее в суждениях. Мои гости и мой чай реальнее, чем ты!

Туве обиженно сложила руки, опять невольно (или осознанно?) обратив внимание Хайда на свой бюст. Оправленная в серебро раковина теребра — их еще, вспомнил Джо, называют бесовскими пальцами, — глубоко утонула между мягких, покрытых прозрачным пушком, грудей.

— Точно! У меня обыкновенная сенсорная перегрузка после гибернации! — в очередной раз проявив силу воли и стараясь соблюсти элементарную вежливость, Джо перевел взор с соблазнительных телес на свои колени, машинально достал из левого нижнего кармана халата «Никерс» и принялся его разворачивать, прикидывая попутно, как на ста граммах шоколада, орехов и нуги отразилась заморозка. Откусив от затвердевшего бруска, он брякнул: — Наверное, тебя нет. Ты мне мерещишься.

— А, может, ты — мне, — Туве комично вскинула выгоревшие бровки. — Может, все вокруг — мой сон, а сама я — Королева Луны.

Джо крепко зажмурился, помотал головой, открыл глаза, ущипнул себя, а когда это не помогло, попробовал потрогать ушастую девицу. Предлог был не хуже любого другого.

— Ты б еще в меня палкой потыкал, невежа! — Туве и не подумала отпрянуть (или тем более исчезнуть).

Джо нервно сглотнул, когда сознание услужливо придало Тувиному восклицанию вполне определенный эротический окрас. Шоколадный батончик выпал из его пальцев на стол.

— Ты настоящая — это плюс. Дерьмо кругом, следовательно, тоже. Это минус. А другие населенные пункты поблизости есть? И

еще…

Хайд вдруг резко вскочил с места, подошел к капсуле, вынул из левого верхнего кармана отвертку и несколькими быстрыми движениями выкрутил винты, крепящие панель с кнопкой и индикаторами на одной из створок яйца. На свет была извлечена связка проводков, к которым Джо подсоединил телефон, часы и фонарик. Абсурдный элемент комфорта пригодился! Ну зачем потенциальному космонавту зарядные разъемы для ненужных при высадке на чужую планету устройств? Однако же вот… Туве, жуя оброненный «Никерс», следила за действиями своего невольного гостя.

— Так-то лучше, — Джо отряхнул ладони и смущенно зыркнул исподлобья на девицу. — И извини, я просто убедился, что ты осязаемая.

— Я бы на твоем месте для начала научилась вести себя в приличном обществе. Твое поведение ошеломляет даже мистера Скелета-в-Каске, хотя у него, как мы раньше выяснили, и ушей-то нет.

— Простите, мистер скелет в каске, — Джо отвесил поклон чуть серьезнее, чем собирался. — У меня в некотором роде шок. Не ожидал найти тут столь изысканную кампанию.

— Он на тебя не сердится. В конце концов, ты вылупился всего десять минут назад.

— Надеюсь, ты тоже на меня не сердишься. Поскольку я, ммм, новорожденный, у меня мало знакомых, особенно таких симпатичных.

Помимо прочих неприятностей, Джо почуял, как его прямо-таки распирает от желания говорить, говорить, говорить… «Словесный понос», — обозвал бы это состояние его дядя, единственный человек в семье Хайдов, который не одобрил Джонатанов выбор профессии. Будучи потомственным земледельцем, он считал поголовно всех выходцев из институтов задохликами, пустобрехами и дармоедами. Надеясь заглушить свою болтливость, Джо выудил из правого нижнего кармана халата пакетик леденцов и, отправив парочку в рот, протянул его Туве.

— Хочешь?

— Хочу. А ты все же попробуй паштет из Мистера Крысы, ведь я сожгла твое кресло. Мясо крысы — редчайший деликатес.

— Спасибо, я пока не голоден, — Джо с сомнением взглянул на гнусное месиво, выдаваемое рыжей за паштет. — Я завтракал недавно… ну, или давно. Трудно сказать определенно. А кресло… да пусть его, я никогда не был к нему особо привязан.

Туве задумчиво прожевала конфетку вместе с оберткой и посмотрела на пока еще совсем бледные звезды, усыпавшие небо.

— Да, не стоит привязываться к вещам. Кстати, поздравляю тебя, ты родился вовремя. Секундой раньше — и ты стал бы страстным, но неумелым игроком в покер. Секундой позже — и тебя застрелил бы из арбалета одноглазый бородатый мужик. И съел бы. Главное в жизни каждого из нас — вовремя родиться.

— А кем родилась ты? — спросил Джонатан.

— Понятия не имею. Когда это произошло, я забыла посмотреть вверх. Но даже если бы не забыла, то наверняка увидела бы потолок. А тебе повезло: ты будешь много путешествовать, встретишься с интересными людьми.

— Ну, с некоторыми я уже встретился, — Джо из вежливости поковырялся прутиком в кашице из крысиных костей и кишок. — А что касается путешествий… Если даже спутники связи еще функционируют, то местность, небось, сильно изменилась. Мне бы проводника… Ты вот, случаем, не путешествуешь?

— Путешествие с проводником оскорбляет самую суть Пути.

С трудом разбирая, когда девушка говорит серьезно, а когда шутит, Хайд поощрительно кашлянул, надеясь на пояснения. Они не замедлили прозвучать, впрочем, суть предыдущей фразы от этого не стала понятнее.

— Сейчас я живу здесь, но в любой момент могу вновь начать вести разгульную жизнь. Особенно, если подвернется подходящий повод. — Туве тепло потрепала гостя по руке. — Конечно, я тебя не брошу, мелкий Джо. Ты молод, туповат, неуклюж и непременно упадешь в яму и сломаешь ногу. Или тебя укусит огромная улитка. Если за тобой не присмотреть.

«Блииин, огромная улитка! — Хайд почесал затылок, погрузившись в раздумья. — А вдруг она серьезно? Да нет, бедняжка просто тронулась».

— Не волнуйся, под присмотром можно делать все то же, что и без него. В случае беды я буду лечить твою ногу отваром крысиных

ушек и сушеным шипоцветом. А потом мы ее отрежем (Джо вздрогнул, осознав: речь-то идет именно о его ноге) и съедим. У тебя остались еще вкусности?

— Угу, — Хайд дал Туве очередной леденец, но загодя развернул его.

— Кожуру тоже надо есть, дурачок: в ней все витамины, — девица подняла выброшенную бумажку, небрежно вытерла ее о предплечье и сунула в рот. — Поди угадай, когда еще получится поесть? Но если будешь паинькой, я срежу тебе кусочек с бедра.

Джо благоразумно не прокомментировал эти слова, хотя на аппетитное бедро попялился немного, испытывая, однако, вовсе не гастрономический интерес. «Мда, наверное, подобная несвойственная мне похотливость является побочным эффектом длительной гибернации», — мелькнула обнадеживающая догадка. Снова уловив направление его взгляда, девица заставила Джонатана покраснеть.

— Еще рано думать о том, как меня приготовить, — уголки ее широкого рта поползли вверх. — Не ешь меня, Джонатанушка, я тебе пригожусь.

— Я не думаю, как тебя готовить, — смущенно пробурчал Джо и не соврал: воображение рисовало ему совершенно иные картины, — просто ты очень милая. А почему ты так экстравагантно одета?

— Жарко же, — ответ потрясал своей бесхитростностью.

— Пожалуй. — Хайд непроизвольно расстегнул верхние пуговицы своего лабораторного халата. — А чего интересного тут есть? Вот почему ты, к примеру, переселилась сюда?

— Вокруг интересно все, важна точка зрения, — рыжая опять соблаговолила ответить лишь частично.

— А что интересно тебе?

— Пока — ты, — Туве коснулась пальчиком груди Хайда. — Но теперь придется тебя кормить, а ты между тем воротишь нос от деликатесной крысы и полезной кожуры.

— Признаюсь, я привык к другой пище. Может, мне удалось бы обменять что-нибудь на еду… Такие штуки больше не используют? — Джо выудил из кармана джинсов серебряную монету номиналом в один стандарт. С ее потертой поверхности на него с укоризной взирал круглолицый президент в парике.

— Это я заберу, — оживилась Туве. Она выхватила монетку из Джонатановых пальцев и принялась примерять на цепочку, висящую на шее и уже украшенную разнообразными предметами, среди которых металлический кругляш смотрелся бы вполне уместно. — Но еды за такую ерундовину не получишь. У тебя есть вещи?

— Когда дозарядятся батареи, появятся, но разумно ли их обменивать, не уверен. А какие вещи считаются полезными? Есть штука повкуснее конфет, но, полагаю, мы ее и сами съедим по дороге. Есть часы вроде твоих, но с кучей функций…

— Правильно, глупо менять еду на еду. Часы тоже лучше отдай мне. — Маленькие глазки Туве вспыхнули страстью коллекционера. — Ты их сломаешь.

— До сих пор не сломал, — проворчал Джо и, не желая отдавать дикарке устройство, которому при аккуратном обращении износу не будет, спешно перевел разговор на другую тему: — Лучше я попробую починить те твои часы, которые не ходят.

— Если часы остановились, значит, где-то кончилось время. Как можно починить?

— Можно найти новое время, — серьезно заметил Хайд.

— Времени не хватает на всех, — грустно вздохнула девушка. — Найти его куда сложнее, чем еду.

За столом повисло молчание. Скелеты таращились на Джо, словно вопрошая, почему это он такой живой и болтливый. Туве замерла, оттого опять похожая на манекен. Вдруг рыжую осенила какая-то идея — уши встали торчком.

— Ты умеешь копать? Или рубить дрова? Или вить гнезда?

— Ну, копать случалось пару раз на ферме у дяди… в общем, умею немного. Рубить дрова смогу, с гнездами — куда хуже.

— Ты обязательно должен что-то уметь. Просто пока не знаешь — что именно, — девушка оценивающе взглянула на Джонатана.

— Попробую собрать дистиллятор воды, — Хайд откинул прядь красных Тувиных волос, попавшую ему в рот.

— Право же, какие-то странные у тебя идеи. Но, не волнуйся, вить гнезда я тебя научу, а копать несложно. Будем рыть могилы.

— И искать что-нибудь полезное? — наконец настала очередь Джо улыбаться. — Дай угадаю: вот откуда прибыл мистер скелет?

— Который из них?

— Не одобривший мои манеры. Угадал?

— Мистер Скелет-Не-Одобривший-Твои-Манеры в прошлом несомненно был уважаемым человеком. Он не потерпел бы выкапывания себя из уютной могилы. Мы будем копать для тех, кто еще не умер. Их повсюду хоть пруд пруди.

«Интересно, — задумался Джо, — а знает ли она, что такое пруд?»

А вслух выдал:

— Повсюду — это где? И почему не здесь? Из-за погибших? Это ведь старые тела… А все-таки откуда ты сама родом? Ты очень интересная.

— Погибших? Нет, в руинах, обитают скелеты с привидениями, манекенами и роботами, соблюдая свои скелетные, привиденческие и другие обычаи. Живые селятся в пустошах. — Комплимент, похоже, не достиг развесистых ушей рыжей.

— Роботы? Привидения?

— Я как-нибудь покажу тебе привидение. Они страшноваты, но в целом безобидны, если притвориться, что не желаешь им зла. А робот — вот он сидит за столом, на углу. Ему так и так уже не светит женитьба.

— Притвориться? Да разве можно навредить привидению?

— Ну, можно подумать о нем плохо… — Туве очаровательно пожала покатыми плечами, амулеты на шее мелодично звякнули.

— И?

— Они этого не любят, — рыжая исподлобья взглянула на Хайда, и он усилием подавил напрашивавшуюся ироничную улыбку. — Тебе такое тоже не понравилось бы.

— Гм, ментальная проекция с восприятием эмоций… — пробормотал Джо под нос, преодолев первоначальный скепсис, и на всякий случай уточнил: — А причем тут женитьба?

Подойдя к однорукому секретарю, Джонатан обследовал его. Исключительно для очистки совести — ремонту тот не подлежал. Судя по общим признакам, он пострадал от электромагнитного излучения и оказался в придачу довольно сильно помят, однако (нежданная удача!) источник питания уцелел.

— Нельзя садиться за угол стола, если у тебя есть кто-то на примете. Даже если ты робот-инвалид, — ответила между тем Туве из-

за Джонатановой спины.

Покивав, скорее собственным мыслям, чем словам собеседницы, Джо принялся выкручивать батарею из пазов.

— Как бы ты отреагировал, если б Мистер Робот вырвал твою печень? — девушка не замедлила прокомментировать совершаемый акт вандализма. — На твое счастье, ты тоже мой гость, иначе Мистер Робот был бы в ярости.

— Я бы попросил его не сердиться. И для мистера робота это совсем не печень. — Джо бережно обтер батарею полой халата и убрал в правый верхний карман. — Но спасибо за твою защиту. Копать отправимся утром? Или начнем с местных?

— Пойдем прямо сейчас. Кресло почти догорело, а я уже все доела.

Туве действительно умяла «яства» — аж за ушами трещало. Наверное, хрустели на ее зубах крысиные косточки и хрящевитый хвост. Закончив двигать челюстями, девица облизнула сгиб локтя, куда капнула «паштетом» (или «чаем») и смерила Хайда очередным долгим пристальным взором. Примерно так на Джо смотрела учительница в младшей школе, когда он порол какую-нибудь чушь.

— Все же ты ничего не понял, — медленно проговорила Туве. — Копать надо для тех, кто еще не умер, но собирается. Они могут дать нам еды.

Проглотив моментально созревшую в уме скабрезную рифму, Хайд откликнулся:

— Теперь понял. А ты так уже делала?

— Иногда. — Девушка склонила голову, умильно всплеснув ушами. — Люди не очень-то меня любят. А те, кто любит, проявляют чувства чересчур бурно. Скелеты и манекены в основном воспринимают меня гораздо спокойнее. За это я их и ценю.

— Странно, что ты кому-то не нравишься. По-моему, ты ужасно милая.

— Ну, у вас здесь все не как у людей, — с неодобрением протянула Туве и неопределенно помахала рукой. — Впрочем, неважно. Вот зимой рыть могилы было еще той задачкой, а сейчас — занятие не бей лежачего.

— У кого «у вас»? — Хайд не удержался от вопроса.

— Да у тебя и у тех, кто тут обитает, — Туве помолчала и, бросив взгляд на капсулу, добавила: — Похоже, ты вырастешь огромным. Вон какое яйцо!

— О, у моего вида все немного по-другому. Мы вылупляемся уже взрослыми — так проще.

— Мудро, — девушка тряхнула головой. — Предупреждаю кстати: в окрестностях у меня скверная репутация.

Джо включил систему навигации в телефоне, проверив таким образом состояние спутников и выяснив точные дату и время. Цифры не придали ему оптимизма.

— Семьдесят лет, семьдесят лет, — промямлил он ошарашенно. — Какого же хрена произошло?! — затравленно вскинув глаза на девицу, Джо повторил за ней: — Скверная репутация?

— Если кто-то начнет меня бить, притворись, будто мы незнакомы. Они прозвали меня «Ржавый гвоздь», ведь я рыжая и, по мнению многих, как гвоздь в заднице.

— Тебя бьют?! — опомнившись, возмутился Джо. — Но как же так можно! Семь десятилетий разрухи — не шутка, но это уж слишком!

— По крайней мере, пытаются, — хладнокровно подтвердила Туве. — Никому не нравится слышать о себе правду. Один вот выстрелил в меня из мушкетона, — девица, отведя пряди волос, продемонстрировала едва заметные на смуглом боку черные конопушки. — Дробь неделю выходила. А я только лишь предостерегла его.

— Дробь? Но, судя по всему, обошлось? — Джо мысленно навесил на историю рыжей яркий ярлычок бреда, в чем, однако, не сразу признался себе. — А что ты ему сказала?

— Что его убьет мужик, которому он пригрозит мушкетоном. Это уже случилось, наверное, ведь весь заряд дурак высадил в меня.

«Фантазия у нее — любой писатель обзавидуется. Но вдруг…» — Хайд отмахнулся от неприятно беспокоящей мысли о реальности Тувиных баек.

— Естественно, он удручился. Кому же хочется знать мрачное будущее?

— Будущее — тайна. Я лишь предположила.

— Местные правила поведения тебе не близки. Следовательно, ты издалека… — Джонатан потер бровь, уже не надеясь на удовлетворение своего любопытства.

— Ну да. Я переправилась через большую воду. Зимой в Долине все заснули. Поди, до сих пор дрыхнут. А я встала пораньше, побродила, заскучала и решила немного прогуляться. Так я здесь и очутилась.

Сказанное ровным счетом ничего не проясняло, но Джонатан отложил подробные расспросы (да и собственные размышления) на потом. Если, конечно, наступит это «потом».

— Кроме того, люди могут оскорбиться, если им предложить копать могилы, пока они еще живы.

— Могут. Но когда придет пора умирать, нас не окажется рядом. И их тела съедят сурки.

Джо несколько секунд обдумывал эту неожиданно глубокую мысль и согласился:

— Тогда мы прямо-таки обязаны помочь им. Кстати, а у тебя случайно нет веревочки? Или цепочки?

— Есть. Но ее еще надо найти.

— На досуге попробую сделать тебе подарок, — в мозгу Хайда переплелись искренняя благодарность к девчонке и вполне приземленная, но не вполне осознанная, мужская потребность. Джо собрался закрепить успех (его молоденькие современницы ничего так не любили, как глазеть на собственные фоточки) и поинтересовался: — А еще, можно тебя сфотографировать?

— Э нет! — Туве восприняла намерение Джо весьма эмоционально: она отпрыгнула назад и закрыла личико ладонями, следя за собеседником между пальцами. — Мое изображение — как вторая я. В мире достаточно одной меня.

— О’кей. — Джонатан покладисто спрятал телефон. — Так идем? У нас есть лопата?

— Идем, — откликнулась Туве. — На первых порах обойдемся без нее. Для копания важно желание, а не лопата. Как, впрочем, и для всего остального.

**

Джо начал уставать. Видимо, тело еще не свыклось с нагрузками после семидесяти лет бездействия. С другой стороны, Хайд никогда не

отличался особой выносливостью, хоть и регулярно посещал тренажерный зал.

Туве чуть обогнала его, легко прыгая по ржавым корпусам автомобилей и мусорным бакам, здороваясь со скелетами и поправляя обрывки одеяний на манекенах.

Они придерживались старой трассы Крон-Ривер и сейчас наконец приблизились к окраинам, что несказанно радовало. Карабканье по развалинам жутко изматывало, хотя и позволяло лишний раз ущипнуть спутницу за бочок, скрашивая мрачное путешествие и отвлекая от осмотра окрестностей, которые были когда-то совсем иными. Вспомнились старшая школа и первые университетские годы, когда «случайные» щипки и прикосновения являлись неотъемлемой частью повседневного общения мальчишек и девчонок.

Хайд улыбнулся. Замечтавшись, он сходу налетел на внезапно остановившуюся Туве.

— У тебя в штанах фонарик, или ты просто рад меня видеть? — осведомилась девушка.

— Извини, — Джо опять смутился и поправил в кармане джинсов мультитестер.

В следующий момент он обратил внимание на причину остановки. Неподалеку от руин гольф-клуба «Партсдейл», на месте одноименного озера, в окружении дряхлых обшарпанных автомобилей, горел костер. У которого сидели люди.

**

Мэйби заерзала в латаном-перелатанном спальнике, продавливая задницей удобную ямку в земле. Она слышала эту историю, наверное, не меньше сотни раз, с тех пор как присоединилась к табору, и готовилась с превеликим удовольствием выслушать в сто первый. Девушка любила истории, цыганин любил рассказывать. Костер ярко пылал, из помятых автомобильных колонок раздавалась негромкая, сопровождаемая шипением музыка, в небе гасли августовские звезды… Скоро можно будет сунуть в раскаленные угли картофелины и кусочки жирной крольчатины.

Лукаво прищурившись, Аксель накинул на плечи не очень чистое клетчатое одеяло.

— Знаешь, приятель, ходит молва, что наш народ навеки обречен странствовать, искупая какое-то ужасное преступление, совершенное

давным-давно. Отец говаривал: первый цыган увел у богов первого коня. Вообще-то мы, , в конокрадстве не спецы, особенно на фоне . Да и далековато от старой доброй Кирландии до гроссийских земель. Но уж так издревле у нас повелось: облажался один — отдуваются все. Полагаю, дело в том… — рассказчик, выдерживая паузу, многозначительно поднял тощий палец, увенчанный алюминиевым перстнем, в котором переливался кусок красного катафота, — дело в том, что цыганин — это состояние души. Я цыган, ты цыган, Тиана еще та цыганка — только цыган способен так боготворить огонь!

Аксель умолк, прислушался и ухмыльнулся:

— Сагерт и Кирна — безупречные цыгане. Подумай, как страстно они любят друг друга, без обывательских условностей и мыслей о завтрашнем дне. Даже Королевский Тушкан — цыган не меньше моего, хоть и мессиканец по рождению, — перечислив всех таборных представителей цыганского этноса, Аксель придал своей хитрой роже слегка торжественный вид. — Правда или нет, но мой отец в это верил, и дед тоже, а они были людьми достойными всяческого уважения. Да и я не сомневаюсь в том, что рассказываю.

Так вот, если верить легендам и моим отцу с дедом, народы, населяющие Эос, в незапамятные времена спустились со звезд…

Тут Мэйби, как и всегда в данном месте истории, подняла глаза на небо: большинство усеивающих его искорок уже исчезло, но другие, покрупнее, пока мерцали.

— Поди угадай, почему они отправились в путь? — продолжал Аксель. — Романтика бесконечной дороги перекликается с бесконечностью человеческого Пути. Ты, наверное, возразишь: «Хэй, Акс, а как же смерть, кладущая предел всему?»

Мэйби отрицательно затрясла головой и ушами. Цыганин кивнул.

— В действительности наши слова и поступки мостят широкую дорогу в далекое будущее и позволяют заглянуть в прошлое. Цыгане отлично в этом разбираются, потому и слывут мастерами в гадании. Но на самом деле никто не может знать будущего, собственного или чужого. Мы всего лишь убедительно предполагаем.

Как бы то ни было, у пращуров имелись причины сняться с насиженного места. Они взяли с собой вещи, которые напоминали бы им о покинутой родине, и вместе с семьями погрузились в небесные трейлеры.

Тогда наверху горело гораздо больше звезд. Древним странникам куда проще было отыскать дорогу в темноте, не то что нам с тобой, попади мы сейчас на небо.

Если я начну перечислять все их приключения, то не управлюсь и за год. Посему перейдем сразу к главному: однажды кто-то из скитальцев высунулся в окошко (примерно такое, как в нашем фургоне) и увидал внизу прекрасный континент Эос, обрамленный лазурью океана. Новость, как водится, мигом разлетелась по каравану, друзья и родственники выслушали дозорного, развели костер и принялись совещаться. — Аксель указал пальцем в одну из звезд, висящую низко над горизонтом. Несмотря на занимающуюся зарю, она лучилась ровно и ярко. — Костер этот не потух до сих пор. Благодаря ему всегда можно определить, где находишься. Его еще именуют Утренней Звездой, но мы-то в курсе: утренняя звезда — шипастый шар на цепи, а искра на небосклоне — костер наших далеких предков.

— И они решили остаться? — Мэйби поправила плед на подремывающей Тиане и выжидательно воззрилась на цыгана.

— Знамо дело, — Аксель коротко хохотнул. — Кто бы устоял перед красотами Эос?

— А дальше?

— А дальше они построили чудесный мир, где .

Мэйби немного посмаковала мысль о мире, где у всех всего вдоволь. Схожесть с Идэнским куполом слегка подпортила привлекательность образа.

— А потом началась война. В наши дни войны и воины измельчали, но тогда было иначе. Остается только подивиться случаю, сохранившему маленькую Эос. Для такого нужна удача не меньше твоей, Том Мэйби.

Девушка хихикнула. Ее забавляла эта игра: уже четыре месяца она путешествовала с табором, но никто, даже по-цыгански проницательный Аксель, еще не раскрыл ее тайны.

— К нашим предкам явились далекие родичи и попросили о помощи. Отец называл их Старшими Братьями. Я разделяю его мнение: невзирая на многочисленные отличия (например, цвет кожи и разрез глаз), общий тип мышления прозрачно намекает на близость

всех людей и существ, на них похожих. Кровные узы святы — отказать было нельзя. Тем более, сообща разумнее и проще давать отпор врагу.

Все войны заканчиваются рано или поздно. Закончилась и та. Надо полагать, человеческий род выиграл ее, иначе мы бы здесь не балакали.

Затем, очевидно, все вместе попировали и занялись своими делами — после войн, в конце концов, приходится наводить порядок. На прощание Старшие Братья оставили нашим предкам возможность связаться с ними, если уже понадобится поддержка. Ну а потом минуло много лет, слишком много для нашего понимания. Многое забылось, мир изменился до неузнаваемости, но цыгане — древнее племя и помнят…

— Эта история так и осталась бы красивой легендой, если б не один интересный случай, — Аксель слегка изменил тон повествования. Торжественная вступительная часть завершилась. — Как-то раз я со своим кузеном, дядей его тетки и прочими родственниками отправился в Итарию помочь взыскать карточный долг и прикупить новый трейлер. — Цыганин гулко постучал по ржавому борту дома на колесах, то ли желая уточнить, что это тот самый трейлер, то ли пытаясь заставить находившихся внутри Кирну и Сагерта вести себя потише. — Произошедшее в итоге с должниками, пожалуй, не делает нам чести, хотя байка получилась занятная.

По слухам, Итария с высоты птичьего полета напоминает сапог. Мой пятиюродный братец, у которого есть самолет, утверждает, будто она похожа скорее на мужские гениталии. Сам не видел, не поручусь. Короче, именно в этой загадочной, смахивающей одновременно и на сапог, и на член, стране я повстречал того мужика. Иначе и быть не могло.

В костре оглушительно грохнуло. Тиана вздрогнула, тихонько застонав во сне, внутри трейлера сладострастно вскрикнула Кирна. Доносящийся из громадного «сандерклапа» храп сменил тональность. Мэйби живо представила, как беспокойный даже во сне Натан перевернулся на другой бок.

— Мне потом все уши прожужжали доброхоты да умники: «Акс, он просто очередной свихнувшийся выползень из убежища». Оно и понятно, ведь та история звучала совершенно неправдоподобно.

Когда мы его нашли, он загибался от укуса какой-то дряни, которой видимо-невидимо развелось повсюду в последние годы. Так вот, он практически точь в точь повторил рассказанное мной сейчас. Далеко не так складно, конечно, — Аксель самодовольно улыбнулся, вновь сверкнув на удивление белыми зубами, — и в его варианте было полно заумных слов, но общий смысл сохранился. А потом он вручил мне маленькую коробочку. — Цыган продемонстрировал плоский серебристо-белый брусок с проводком. — Собственно, причина, вынудившая бедолагу открыть свою тайну и отдать свое сокровище, абсолютно несущественна. Главное, с помощью этой штуки можно отправить послание Старшим Братьям, которые пособят нам выкарабкаться из выгребной ямы, куда мы по дурости угодили.

К сожалению, по рации их не вызовешь, письмецо на картонке не накорябаешь, иначе мужик справился бы сам. Для начала нужно найти особое место…

**

Туве извлекла из ближайшей груды хлама трухлявую деревянную табуретку, оторвала ножку и всучила ее Джонатану, оставив прочее себе.

Несколько мгновений он растерянно пялился на занозистый обломок, затем разгадал намерения рыжей. Девушка подтвердила его мысль:

— Играет музыка. Дурные люди не слушают музыку. Мы поболтаем и выясним, нельзя ли у них чем-то поживиться.

— А если это все же какие-нибудь головорезы? — Джо припомнились разнообразнейшие киношные злодеи, очень даже слушавшие музыку.

— Возможно и такое, — признала Туве. — Тогда нам придется их убить.

— Убить!?

Лицо девушки посерьезнело.

— Мы в мире каменных душ и сердец. Здесь так заведено.

**

Аксель замолчал и потянулся к лежащему рядом арбалету. Теперь Мэйби тоже их заметила: две фигуры, приближающиеся от руин города.

Первой в круг света вступила весьма фривольно одетая рыжая девица, сжимающая в кулаке табурет без ножки. Ножка обнаружилась в руке у ее спутника, высокого, симпатичного, поразительно опрятного мужчины, чей белоснежный халат даже в темноте представлял собой прекрасную мишень.

Поднявшийся с земли цыганин нацелил оружие пришельцу в солнечное сплетение. С тихим шорохом с плеч Акселя упало одеяло, всклубив пылевое облачко.

— Привет, туве, — бодро обратилась Туве к Мэйби, глазевшей, открыв рот, на новоприбывших.

«Еще один ушастый, — изумился Джо, всматриваясь в завернувшегося в спальник мальчишку. — Значит, мутация…»

— Мы всегда рады гостям, — губы Акселя растянулись в не очень-то искренней улыбке, в голосе его сквозила сталь. — Но предпочитаем сами их приглашать.

— Считайте нас приятной неожиданностью, которые так редки в пустошах. — Туве метнула табуретку в костер. — Там где уже есть одна туве, пригодится и вторая. А это хороший повод начать путешествовать вместе.

— Твоя бесцеремонность подкупает. — Похоже, происходящее веселило Акселя. — Наглому дай волю, он захочет и более. У меня есть к вам только пара вопросов. Вот первый: стояли две горы, а между ними море, если орел взлетит с одной из них…

— Ее отца звали Иваном, — Туве ответила быстро и хмыкнула: — Хороший вопрос, но старый.

— Тогда сразу перейдем к главному. Почему вы считаете, будто ваша компания придется нам по вкусу?

— Мы умеем копать могилы… — начала рыжая, но Джо зажал ей рот ладонью.

— Раз болт все еще в вашем арбалете, а не в моем животе, человек вы, по местным меркам, разумный. Скажем, для начала я мог бы отремонтировать вашу акустическую систему.

— Валяй. — Аксель посторонился, подмигнув Хайду, но не убрав пальца со спускового крючка.

Опасливо оглядываясь через плечо, Джонатан принялся за работу, и спустя полчаса из колонок донесся очистившийся от помех звук.

— А мне нравилось, когда они чуточку шипели, — пробубнила Мэйби. Незнакомцы, особенно девка, возбуждали у нее смутное беспокойство.

— Добро пожаловать на борт! — объявил Аксель. — Теперь можем представиться друг другу и покончить с формальностями.

Джо хотел откликнуться, но следующая песня заставила его выронить мультитул и замереть. Он никогда не думал, что услышит ее при таких обстоятельствах. Туве кивнула ему, подобрала ножку от табуретки и бросила в огонь.

Каменные сердца

Неси же мне мой верный меч, неси мой лук и стрелы,
Уж занимается заря*, пущу их вскоре в дело.*
Наш мир, исполненный любви, скрыт пеплом и песками,
А света тоненькая нить мерцает *лишь меж нами.*
Как изменилось все вокруг! Сердца оделись в камень.
Не размыкая наших рук, пройдем сквозь тьму и пламя.
Средь каменных душ мы остались одни,
Но одиноки не мы, а они.
В лесах и полях мы бродили с тобой,
Нам солнце с луною *сияли.*
И думали мы, что хранимы судьбой, –
Ни горя, ни бед, мы не знали.
Но слезы горячие льются из глаз,
И небо окуталось дымом,
И ненависть в сердце моем поднялась:
За то, что утрачено, тысячу раз
В кровавом бою отомстим мы.
Им не сломить нас никогда – не дрогнем, не отступим!
И ратной удалью своей фортуну мы подкупим!
Средь каменных душ мы остались вдвоем,
Но все равно мы на битву идем!
Держу я крепко верный меч, со мною лук и стрелы,
И в блеске *утренней зари пущу их скоро в дело…*

Глава 1

Рассказывать истории, к вашему сведению, — большое искусство. Ну право же, сложно балакать так, чтобы сидящие вокруг костра слушали, а не ковыряли в носу, слюняво целовались или давили песчаных козявок, да еще вдобавок верили тебе. Кто-то небось и умеет (по крайней мере, у Акселя неплохо получается), но я, к моему сожалению, не из таких. Нет у меня таланта к сочинительству, а тяга есть.

С тех пор как я выбралась из Идэна, прошла уже уйма времени (месяца четыре или около того), и каждый день случается что-то ужасно интересное. Но человеческая память — удивительная штука: даже знаменательные события нередко стираются из нее, а мелочи и подавно. И повествование начинает смахивать на заношенный дырявый свитер — надевать глупо, выбросить жалко. Например, байку про Кирну и три банки тушенки никто уже не помнит, кроме, собственно, Кирны и меня. Но ведь если ты что-то забыл, значит, этого будто и вовсе не было! Или вот про то, как мы гостили на страусиной ферме… А едва я заговариваю про сурка весом в двести пятьдесят четыре килограмма, окружающие просто-напросто обвиняют меня во лжи!

Роботы в Идэне, конечно, не самое приятное общество, но кое-что они устроили достаточно толково. Например, железяки заносят в свою память все, включая явную ерунду. Поэтому они никогда не скучают и редко делают глупости.

Ну вот, я тоже решила регулярно фиксировать происходящее в особой тетрадочке, — не зря же роботы учили меня грамоте! — которая называется «дневник». Таким образом, к старости, то бишь годам к тридцати, я обеспечу себя яркими воспоминаниями. Вообще-то, по-чесноку, старперы, нудящие про «прежние времена», позабыли, как все было А я открою дневник и прочту. Я не забуду! Кроме того, в моей голове теснится множество мыслей, иные из которых я нахожу небезынтересными. Обидно, если они порастеряются. Ну и когда я , смогу почитывать записанное всяким потомкам и с друзьями.

Подходящая фиговина для заметок отыскалась у Натана — я позаимствовала у него толстенный альбом. Он, один хрен, накалякал бы там дурацких голых баб с раздвинутыми ногами и огромными вислыми сиськами. Но их и так кругом навалом, вполне даже живых, не нарисованных — и баб, и сисек, а вот нехватка интересных историй ощущается крайне остро. Прочтете — еще спасибками закидаете!

**

Ненавижу, когда какой-нибудь говнюк будит меня утром. Ну, знаете, как это бывает — начинает бестактно греметь кастрюлями, топать своими чоботами, чихать, кашлять, рыгать и производить другие, не способствующие качественному сну шумы. Аксель поступил нынче именно так. В мой восхитительный сон про целую ванну воды с воздушной шапкой пены ворвался, подобно бураву, его голос. Я приоткрыла глаза и оглядела нутро трейлера. Свет, еле-еле пробивающийся сквозь жалюзи на окнах, всякий полезный хлам, распиханный по углам, и небритый упырь, решивший спозаранку побакланить с… Нет, помимо Акселя, вокруг никого не оказалось. Зато к уху он прижимал плоский черный брусочек (дистанционное средство связи, короче, или), с которым и болтал, продолжая, однако, активно жестикулировать, точно собеседница присутствовала здесь же.

— До встречи, зайка! Ага, и тебя чмоки.

Да, диалог, несомненно, велся с дамочкой.

Аксель нажал кнопочку на переговорном устройстве (видала я уже такие, но вот держать в руках не приходилось), приготовившись убрать его в карман джинсов. Он удачно повернулся ко мне спиной — момент был идеален. Я рванулась с места и почти выбила телефончик из цепких цыганских пальцев. Вернее, он его упустил, но поймал на секунду раньше меня.

— Пиздуй-ка отседова, Том! — ухмыльнувшись, обратился ко мне Аксель, прихватив за шкирку, как нашкодившего кутенка. — Поднимай табор, трогаемся через полчаса. — С этими словами он выдворил меня из помещения, придав ускорение посредством бодрящего дружеского пенделя.

— Да я только позырить хотел! — пробормотала я захлопнувшейся двери, впрочем, тут же радостно заорала: — Ребята, встаем, жрем и отчаливаем! Пошевеливайтесь! Вы думали, если

спрятать мою «будильную» кастрюлю, сможете допоздна давить храпунцова? Эй вы, сонные тетери, открывайте, на хрен, двери!

Благодаря старику Сраму в моей голове засело несметное количество обрывков разнообразного фольклора: стишков, песен, нескладушек и прочей чепухи.

Мне, как самому молодому в нашем кочевом сообществе или, по-цыгански, , полагалось заниматься всяческой неблагодарной работой (хотя из чего угодно получится развлечение, если подойти с умом). Например, приходится будить народ, мотаться вдоль вереницы машин из-за любой фигни, лазить на подъемный кран тягача, или даже помогать готовить на всю ораву. Меня-то это не сильно обременяет, а вот друзья воспринимают некоторые мои обязанности, ммм, слегонца в штыки.

О чем я и говорила: какой-то гад запустил в меня тапкой. Не иначе как Натан. У него в багаже осели многие раритеты, исчезнувшие из обихода в послевоенном мире. Это оказалась женская домашняя туфелька с радужными перышками и бантиками, чуточку потертая, но яркая и нарядная. Воздев над ее головой, я подбежала к автомобилю Дриббла и замахнулась, намереваясь от души засадить каблучком в лобовое стекло. Однако вовремя остановилась. Наверное, из-за возникшей в окне разъяренной хари Натана. За порчу своего имущества он мог и убить. Вероятно. Если начистоту, Дриббл из самострела с пяти шагов по банке мазал.

— О’кей, приятель, я просто аккуратно положу ее на крышу, — с напускным ужасом прошептала я.

Чудненько! Нет ничего приятнее бодрой утренней перебранки. Далее я заглянула к Сагерту и Кирне (с особой осторожностью — белобрысая давно обещала укоротить мне уши и, в отличие от Натана, действительно могла воплотить угрозы в жизнь), растолкала Тиану и Данике, пощекотала пяточки Декстеру (эти трое иногда вяло бузили, не больше). Заки, по-моему, вообще не спала — ни разу я ее не застукала. А Владилен Михайлович, напротив, всегда находился как бы в полудреме.

Таким образом, обежав табор по кругу, на обратном пути я не преминула огласить окрестности победным кличем и вломилась в трейлер.

— Садись-ка, мелкий. Кофейку? Какавки? Или, мать его так-то, молочка? — подобные приколы с утречка уже превратились в ритуал. — Кастрюлю твою я нашел, но какой-то умник сделал из нее «розочку»… — цыганин, усмехаясь, протянул мне останки «будильника»: — Вот. Но, на-ка, держи взамен звонкую чугунную сковородку. С ней такое не прокатит!

Аксель добыл ее с одной из полок. Ну прямо любящий папаша сынку игрушку подарил! Я радостно выхватила посудину у цыгана из рук, высунулась в дверь и замолотила по ней алюминиевой ложкой (тоже та еще диковинка). Из-под трейлера раздалось недовольное бурчание — забыла я про новичков-то.

— Сон лучше завершать естественным путем! — вслед за фразой показались рыжая голова и развесистые уши вчерашней гостьи. — А Джо вообще еще маленький. Будет плохо спать — не вырастет.

— Пропустит завтрак — точно не вырастет! — наставительно произнесла я (хотя Джонатан и без всяких снов да завтраков бугаина не из последних). — В большой семье хлеборезкой не щелкают!

Тем не менее через обещанные полчаса караван неспешно двинулся, вздымая клубы пыли. Цыганин объявил, что мы держим путь в Кеблин-Таун. Там нас ждет один из его друзей (поправляю про себя — подруга), которого он оставил здесь когда-то. У Акселя целая сеть единомышленников, раскиданных по миру, и разыскивающих загадочное «место-откуда-можно-отправить-послание-Старшим-Братьям». Сам цыган потратил на это два с лишним года в Кенаде, но не преуспел. В войну разрушили значительную часть радарных установок (Аксель-то, небось, даже слова такого не знает!), а ведь их и раньше было не на каждом углу понатыкано. Теперь нам предстоит подобрать тех из его знакомых, кто преодолел сей немалый для обитателя пустошей срок. И если они ничего не нашли, то караван пересечет Отлантическое море и последует через Ивропу дальше на восток, в суровую Гроссию и таинственный Гатай, где обретаются желтолицые гатайцы, у которых, по слухам, даже император (это такой очень важный вождь) — гатаец.

**

Старик Срам много порассказал о . Мир, который ему запомнился, корчился в ледяных тисках Долгой зимы, голода и отчаяния. А я сравнивала Эос с человеком, медленно приходящим в себя после

тяжелой болезни. Кризис миновал, и тень смерти отступила. Пустоши покрылись жесткой, как свиная щетина, травой, молодые деревца взрастали на вчерашних пепелищах, плющ оплел руины, торопясь спрятать под зеленым ковром грехи рода человеческого. Да, тут растениям, зверью и людям не так сыто живется, как в безопасном благоденствии опекаемого роботами мирка. Но зато в пустошах ты уясняешь, что почем, осознаешь истинную ценность любой мелочи. Срам был прав на все сто — только здесь я ощутила себя живой.

Разумеется, Великая Пустошь, в которую превратился Великий Континент, — не самое спокойное место. Вернее даже, Иногда меня посещают неутешительные мысли относительно будущности человечества, как вида. Но я стараюсь ни о чем таком не думать. По крайней мере, часто.

**

От пространных размышлений меня отвлекла Захария, углядевшая по правую руку от автоколонны сизо-черный дымный столб. Очкастая негритянка изрядно посрамила Тома, ведь зыркать по сторонам — его работа. Ну, как-никак друзья для того и нужны, чтобы прибрать за тобой, если ты напортачил. Конечно, если облажались они, расхлебывать придется уже тебе. Такова нехитрая суть дружбы.

Выпрыгнув из «вороньего гнезда», устроенного над кабиной тягача, я ринулась к головной повозке. Вообще-то табор располагал весьма приличным количеством разнообразной техники. Под управлением Тианы углублял дорожные колеи автокран-тягач «джон гир», к нему с помощью троса крепился натановский «сандерклап». Армейский джип с брезентовым верхом, к которому прицепили жилой трейлер, вела Кирна. Аксель во главе каравана правил тройкой тощих, но крепких лошадей, влекущих странный гибрид кабины автомобиля и телеги. Определить, где и как начинала свою карьеру его распиленная колымага, не представлялось возможным.

Я легко настигла конскую упряжку и вскарабкалась на козлы. Кое-кто из таборчан присоединился ко мне, переговариваясь на ходу, — Аксель сбавил скорость, не затормозив, однако, полностью.

Стоит заметить, караван никогда не передвигался быстро, исключая моменты опасности и спешки: техника и лошадиные подковы при езде «с ветерком» по пересеченной местности (это когда

повсюду рытвины да сурочьи норы) изнашиваются в мгновение ока, а ремонтных мастерских в наши трудные времена раз, два и обчелся.

— В полях дым столбом, а Томми молчком. Че за фигня, поц? — отчитал меня цыганин. — Задрых опять?

Вообще-то Аксель способен выражаться нормальным человеческим языком, если захочет. Одна беда — такая охота возникает у цыгана редко. Слова выкатываются из его рта, точно маслом смазанные — легко и непринужденно, в темпе движения иглы швейной машинки, прилепляясь друг к другу в самых немыслимых положениях. Посему пришлось научиться понимать несомую Акселем околесицу. Впрочем, Срам и Борис заложили неплохой фундамент в данной области моего образования.

— Ну поучи еще меня! — я несильно тюкнула цыганина в плечо. — Прошвырнусь туда-сюда!

От нетерпения у меня даже ушки задрожали. Еще бы! Потряситесь с мое в тесной обзорной корзинке, и вам тоже непременно захочется размяться. А если откровенно, я просто любопытна. Очень.

Кстати, когда я говорю «утро», то подразумеваю время примерно около пяти-шести часов дня, а то и позже. Только конченый идиот рискнет выдвинуться в путь под палящим солнцем, запекающим человека, как картошку в углях, — до хрустящей черной корочки и раскаляющим автомобильные корпуса настолько, что хоть яишенку жарь. Поэтому матерые караванщики навроде нас начинают движение во второй половине дня, ближе к вечеру, и едут всю ночь до утра. Впереди обычно идет кто-то с жировым светильником, на машины и повозки тоже вешают фонари. Таким образом, самый жаркий период суток употребляется для сна.

— Том, ну че за твою мать. Горит и горит, не у тебя штанах — и ладно. Хошь заглянуть на огонек к тем, кто хатку запалил? — недовольно протараторил Аксель, а для подкрепления своего невысказанного, но очевидного решения звонко щелкнул кнутом поверх лошадиных спин.

Тройка побежала резвее, позади послышался рев набирающего скорость тягача, перекрывший прочие звуки. Судя по всему, Тиана не увидела дым пожара, иначе, к гадалке не ходи, поддержала бы меня. Тогда караван точно встал бы.

— Отвали, а! — я показала цыгану один из тех жестов, которые разъясняют, куда следует идти, и скатилась с козел.

Мой велосипед, мой персональный скакун, мой гребаный Дуцефал, висел на внешних крюках на правом борту трейлера. Вероятно, когда-нибудь я просвещу вас, откуда у Тома велик и чьим славным именем назван — если найдется минутка. Дождавшись у обочины автомобиля Кирны, я махнула ей рукой, та недовольно притормозила. Прежде чем она успела как-то прокомментировать мои действия, я уже сняла велик, взобралась на него и помчалась к ферме. Вслед доносились нечленораздельные ругательства Акселя.

Немного погодя со мной поравнялся Сагерт, бегущий ненапряжной трусцой. Его, к слову, укачивает в машинах, потому он обычно идет рядом с колонной, умудряясь не отставать, и чаще других исполняет роль «поводыря» ночами. Этот мужик вообще впечатляюще ловок и вынослив — я, например, так не смогла бы. Сильно запоздав, нас пытались догнать Захария и Владилен Михайлович. Птицын брел, тяжело опираясь на лыжную палку и периодически утираясь грязным клетчатым платком. Негритянка же бодро отмеряла шаги, сохраняя ровный темп и не сбивая дыхание. Мы вдвоем снизили скорость, чтобы явиться на пожарище вместе с ними.

Я оглянулась: Аксель продолжал движение, как и следовало ожидать. Ну и пусть его! В любом случае мы успеем улизнуть под защиту городских стен, до которых отсюда рукой подать. Вон повозка уже втягивается в ворота. Сейчас начнется та еще скучища: шмон, препирательства с местными властями из-за машиномест, из-за оружия, из-за мутантов, из-за хрен-знает-чего-еще. Снова Аксель примется по поводу нашей маленькой походной горелки — Тианиного огнеплюя. Эту мутотень я с превеликой радостью пропущу. То ли дело — свеженькое пепелище, где наверняка осталось, чем поживиться.

— Владилен Михайлович, вы опять за старое? — недовольно пробурчала Захария, наблюдая тощий зад гроссийского лесника, обращенный в небо.

Птицын беседовал с углями, припадая к ним ладонями, а порой и физиономией. Заки получила достаточно хорошее воспитание (интересно где?) и соглашалась уважать почтенный возраст, но эксцентричные выходки дряхлого оборванца ее раздражали. И не ее одну.

— Ладно тебе, зато после расскажет, что стряслось, — урезонил Сагерт негритянку.

— Ты ему веришь?

Ага, а это извечный вопрос, поднимаемый в таборе изо дня в день и столь же часто получавший ответ, но не надоедающий. Владилен угадывал не всегда, но чаще, чем можно предполагать. Хотя в данном случае и без общения с духами была ясна неприглядная картина разыгравшейся здесь драмы.

Пока остальные бессмысленно ворошили пепел, осматривали обгоревший скелет домика снаружи, я решительно шагнула внутрь. Фермерское семейство пренебрегло опасностью, не пожелав бросить имущество. Их не застали врасплох — судя по дыркам в стенах и гильзам на полу, завязалась ожесточенная перестрелка. Трупы, избавленные от излишков мясца, валялись рядом с оконцами.

Нападавшие вынесли все подчистую, точнее. Зуд в моих ладошках и кончиках ушей подтверждал: ворюги лоханулись, — а я привыкла доверять наитию. Уж если мне так приспичило обыскать руины, значит, тут непременно есть. Послышался протяжный стон — это возник и осел в дверях наш пожилой гроссиец. Он вновь окунулся в кошмары своих правдивых (я-то не сомневаюсь ни капли) видений, связанных с местной трагедией. Наверное, только молодость не дает мне прочувствовать ужас случившегося. Ох, как бы не пришлось выволакивать деда отсюда на себе.

Зашедший внутрь Сагерт предупредил меня о замеченной им дымке на горизонте. Похоже, проклятые каннибалы возвращались за добавкой.

— Да я уже… почти… вот оно! — я ухватилась пальцами за едва приподнятую половицу-лючок.

Рывок — мне в нос ударил влажный подвальный запах. Ай да я! В промасленной тряпке лежал заряженный обрез с двумя дополнительными патронами. Конечно, оружие было не очень ухоженным, но все-таки было оружием — добычей.

Я выскочила наружу. Пылевые столбы, переместившиеся с линии горизонта в непосредственную близость от фермы, прозрачно намекали — нужно убираться поскорее.

— Владилен, подъем! — засунув обрез подмышку, я тряхнула дедка за плечи.

— Она там! — взревел лесник, неожиданно распахнув свои мутноватые гляделки, ринулся ползком к обломкам кровати, подлез под нее и вынырнул с жестянкой, от которой распространялся терпкий запах брожения. — Теперь идем! — скомандовал Птицын, указуя мосластым пальцем на дверной проем.

Сагерт и Заки уже улепетывали вовсю — только пятки сверкали. Я плюхнулась в седло, педали бешено завертелись, велосипед понес меня к спасительным стенам, на которые высыпали ополченцы и зеваки. Но меньше чем через минуту сзади донеслось надсадное хриплое дыхание лесника, категорически не способного к быстрому передвижению. Я обернулась: угроза оформилась во внедорожник с болтометом в кузове, несколько мотоциклов и линию темных точек чуть поодаль.

**

В голове Птицына раздался голос Бэллы, рекомендующий поторопиться. Однако прыти старику это не прибавило. Дух покрыл тихохода трехэтажным матом и выдал увесистого пинка: «Твоей мохнатой заднице вряд ли понравится знакомство с вертелом или еще чем похуже!»

**

— Владилен, шевели батонами! Поедешь на багажнике, — рявкнула я на отрешенно закатившего глаза Птицына. — И держись за ремень. А то, чего доброго, наебнешься.

— Да-да…

Приземлив пятую точку на погнутое сетчатое сидение, алкаш взялся-таки одной рукой за мой пояс, а другой бережно прижал к сердцу добытую банку. Лыжная палка опасно легла поперек багажника, удерживаемая лишь костистыми стариковскими коленками.

— Жми, бесененок! — скомандовал Владилен.

Оставалось надеяться только на крепость моих ног, ну и на удачу, конечно. Рейдеры наступали нам на хвост. «Вот бы кто-нибудь из ублюдков навернулся под колеса этому драндулету!» — гневно подумала я.

Раздался испуганный вопль, оглушительный визг тормозов и скрежет. Переднее колесо одного из мотоциклов провалилось в сурковую нору, отправив наездника в полет по эффектной дуге. Сам же байк влетел в утыканный шипами ржавый скребок внедорожника. Обо

всем случившемся радостно сообщил мне Владилен, рискнувший повернуть башку вполоборота. Ввиду обстоятельств непреодолимой силы, преследование захлебнулось. К тому времени двое наших более расторопных товарищей уже были в безопасности, а нам со стен приветственно выкрикивали всякую ободряющую (по мнению крикунов) чушь.

**

В общем-то, вышеописанные события легко позволят догадаться, почему я, Мэйби Туморроу, прячу свои девичьи округлости в мешковатой одежде. Великая Пустошь — мир мужчин. Мир, без стеснения демонстрирующий самые уродливые черты хозяев. Женщина здесь — такой же предмет вожделения и торга, как рабочее оружие или машины на ходу, невольный и бесправный игрок за столом, где крутые парни режутся в свои жестокие игры. Так проявляется мрачная ирония судьбы: проигравший мужчина всего-навсего умирает. Для слабого пола поражение зачастую оборачивается адом, а смерть тянет на благополучное избавление.

Посему я без зазрения совести мухлюю в этом нелепом состязании. На мой взгляд, пусть уж лучше мне всадят под ребра стрелу или нож, приняв за пацана, чем насильно засунут между ног ту смешную штукенцию, которой парни так гордятся. Хотя наш мир не без извращенцев, и Тому Мэйби тоже может не повезти. Ну, теоретически.

Хорошо у меня не такие здоровенные буфера, как, например, у Тианы, и их нетрудно скрыть под разномастными обносками. Конечно, с момента побега из Идэна мои волосы отрасли, но я все еще с легкостью строю из себя парня (даже хитрожопый Аксель не догадался). Я сквернословлю, бахвалюсь, пью, смеюсь в лицо опасности — совсем как мужики. Не получается только мочиться стоя и, самое главное, мужественно вонять. Впрочем, по-женски я тоже не пахну, не знаю уж, как мне удается. Наверное, запах придет с возрастом, однако я искренне надеюсь, что нет.

**

Аксель ругался на чем свет стоит, понося упрямого пацаненка, решившего в очередной раз испытать свою счастливую звезду. Вот же не сидится маленькому засранцу, а ведь еще полтабора с собой увел. Молодость специально отведена человеческой природой для

совершения глупостей, но цыганин все равно злился на «юнгу» — мальчишка успел стать чем-то вроде караванного талисмана. Гибель его, согласно поверьям, сулила крупные неприятности.

Стена, окружающая Кеблин-Таун возвышалась на добрых десять метров, ее венчали несколько площадок со станковыми болтометами, наверху сновали люди. Одни спешили к орудиям, другие лениво взводили ручные самострелы, третьи просто прибежали поглазеть. Городские стены выглядели неприступными — кочующие орды мародеров и племена дикарей никогда не осмелились бы на кровавый штурм.

— Вовремя поспели, ребята. На горизонте опять бандюги на колесах, — воскликнул стражник, потом, окинув караван взглядом, несколько тише, но не сильно таясь, проворчал: — Правда, вы не лучше смотритесь, да и хари у вас…

Ворота распахнулись, и вереница машин попала в специальный «карман», предваряющий улицу. Место это было призвано помешать неблагонадежным гостям проникнуть в город. Если шерифу и его парням по каким-то причинам не нравились приезжие, то они быстро, без особых затруднений, изгоняли их обратно за стены или истребляли. Все более-менее крупные поселения нынче основательно укреплялись, возвращая человечество к эпохе, вот только рвы теперь не заполнялись водой, а стены складывались из разнообразного мусора вперемешку с камнями, песком, глиной и изредка бревнами. Оборонительные ухищрения предков возродились: кипящая жижа, баллисты и требушеты, ловушки в надвратных башнях, ну и еще кое-что новенькое, из поздних наработок.

Караван долго и нудно досматривали. Цыганин сладкоречивым змием увивался за охранниками, но оружие пришлось-таки сдать (в городах его вообще редко удавалось оставить при себе). А потом начались извечные проблемы с мутантами.

— Мужик, ты поручишься за своих уродцев? — спросил Акселя один из ополченцев. В категорию таковых попадал Декстер, хвостатый приятель Тианы, и рыжая Туве. Попал бы и Том, очутись он сейчас с табором. Удивительно, насколько важна для некоторых форма ушей! У мальчонки-то всего недостатков — эти хреновы уши.

— Как, блин, за самого себя! — Аксель выдавил одну из своих широчайших улыбок.

— Сэр, данные существа совершенно безопасны. Они ничем не больны, — вмешался Данике. — Я вам как врач гарантирую. — Его спокойный голос подействовал безотказно.

— Перейдем к оружию, — подытожил страж.

— Мы уже его сдали вон тому бурдюку в окне! — возмутился цыганин, ткнув пальцем себе за спину, где располагался приемник и хранилище всего, хотя бы приблизительно напоминающего оружие.

— Угу, заливай! Я не вчера родился! Это что за срань? По-твоему, пропановая плитка? — процедил стражник.

— Приятель, каждой девочке нужна зажигалка, разве ты не знал? — вступила в диалог Тиана, прикуривая самокрутку от крошечного язычка пламени, скользнувшего из раструба.

Если дипломатические изыски Акселя разбивались о крутолобые головы городских сторожей, на сцену выплывала Эльхаим. Да, девица была хороша, и огонек безумия, тлеющий на дне серо-зеленых глаз, лишь подчеркивал ее красоту, буйную и неухоженную. Обычно нескольких секунд беседы хватало для закипания мужских мозгов и чресел. Вот как теперь.

Почему важно было оставить «горелку» при красотке? Ну, она нервничала без нее, просто спать не могла, а бессонница Тианы грозила проблемами и табору, и поселению. Разумеется, те блюстители порядка, кто не зря ел свой хлеб, понимали: забирать оружие у гостей совсем не обязательно, следует изъять лишь наиболее опасные экземпляры. По счастью, никто из местных ополченцев, включая шерифа, никогда не видел боевого огнеплюя, иначе не прокатили бы никакие доводы.

В конце концов внутренние ворота откатились в сторону, пропуская караван в Кеблин-Таун. Аксель утер пот со лба и погнал повозку на платную стоянку — по сути, город в городе: многие заезжие оставались жить прямо здесь. А сейчас гостей задерживали бандиты, кружившие под стенами не первый день. По словам местных, головорезы ошивались тут уже около двух недель, сильно затрудняя выход наружу, нанося серьезный ущерб торговле и разграбив все близлежащие фермы. Ввиду недостатка у бандитов сил и желания для полноценного штурма, а у горожан — решимости для изгнания злодеев, ситуация сложилась патовая.

Цыган почесал подбородок, соображая, насколько противоестественно такое поведение кочевой кодлы. Обычно мародеры избегали длительных осад: фермеры и, соответственно, запасы пищи в окрестностях городков вроде Кеблин-Тауна очень быстро заканчивались. Если к тому времени не удавалось получить какого-либо выкупа, налетчики, скучая и голодая под неодолимыми стенами, теряли свой запал. Впрочем, в данный момент у Акселя имелись другие заботы и тревоги — он присоединился к толпящимся на стенах людям, напряженно следившим за головокружительным бегством бесшабашного велосипедиста от передовых разъездов.

**

Я вкатилась в узкую щель, которую оставили для меня в воротах, буквально ободрав о створы коленки. Не свои, конечно, — владиленовские. К счастью, старик додумался перехватить лыжную палку на манер рыцарского копья, а то лежать бы ему на спине за оградой, глотая пыль. Весь табор вернулся к проходной, чтобы достойно встретить победителей в гонках на выживание. Я ликующе подняла вверх обрез.

— Повезло говнюкам! Хотел перестрелять их к едрени-фени! — совершенно не смущенная осуждающими взглядами спутников горделиво возвестила я.

— Ты мог задержаться, я бы на это посмотрела, — съязвила Кирна, винившая, очевидно, меня в смертельной опасности, которой подвергся ее бесценный Сагерт. А еще девка страшно завидовала моей находке.

— Я дам тебе пальнуть пару раз. Не кипятись, зайка, — рассмеялась я.

— У меня есть свой да получше твоего, сопляк! — Кирна любовно огладила ствол «моссбурга». Только два объекта в целом мире пользовались симпатиями Кирны: ее дробовик и Сагерт.

— Если ты отполируешь мой ствол своим острым язычком, будет не хуже!

Вокруг послышались смешки, а я, уже вовсе не страшась взбучки, вразвалочку зашагала к приемке, где меня чуть не настиг подзатыльник от Акселя. Успев поднырнуть под тяжелую ладонь, я бросила обрез в руки клерка и утекла по лестнице на стену.

— Встречаемся в «Лиловом носе»! — долетел до меня клич цыгана.

Все разбрелись по городку: кто на рынок, кто в бордель, кто в трактир. А самые любопытные — позырить на осаждающих.

На последней ступеньке я ловко проскользнула в зазор между одоспешенным боком стража и перилами, а дальше уже ищи-свищи меня (пропали втуне все проявления заботы о малолетних типа «тикай вниз, поц», «молокососам здесь не место» и тому подобные). Зато Сагерта здоровяк вытеснил обратно; ему повезло, что боец незлоблив да и сообразителен. Снизу донесся краткий диалог Тианы и Королевского Тушкана.

— Декстер, составишь мне компанию у бойницы? — с напускным безразличием спросила девица сквозь табачный дым.

— Чика, ты в своем уме? Это может серьезно повредить целостности моего организма! — вознегодовал мутант и веско добавил: — У меня есть дела поважнее. Чао.

Мне хорошо представилось лицо Эльхаим: в гневе девица, поди, разгрызла самокрутку, глаза потемнели, а в пропасти зрачков, точно ракета в шахте, полыхнула зарница. Правда, Декстеру она прощала многое.

На верхотуру красотка проникла без особых затруднений: на ее прелести запал давешний охранник, порекомендовавший ей не подвергать опасности столь впечатляющий экстерьер. Видимо, по его мнению, потный перепихон с малознакомым мужиком в каморке под лестницей принес бы Тиане больше пользы, чем прогулка по стене. На этот сомнительный посыл Тиана отреагировала надлежащим образом, заявив, что трусоватым задротам наверх действительно лучше не соваться, а вот у нее там есть интерес. Мужик ошалел и не посмел удерживать нахалку.

Именно тогда Тиана впервые высказала идею лагерь рейдеров. Ее внимание привлекла огромная цистерна, надежно охраняемая бандитами и наверняка полная драгоценного топлива. Всякое мало-мальски уважающее себя племя держало в хозяйстве такую, и благополучие шайки напрямую зависело от уровня жидкости внутри. Топливо в буквальном смысле было кровью банды: когда техника глохла, головорезы незамедлительно становились жертвами

многочисленных соперников. Кочующие обитатели пустошей жили, боролись и умирали ради горючего.

Имелась, однако, важная тонкость — Эльхаим интересовала способность цистерны воспламениться, взмыть в небеса ярким огненным цветком, а вовсе не прямое назначение ее содержимого. Тягач с заветной емкостью торчал точно по центру временного стойбища налетчиков, и его уничтожение положило бы конец всему лагерю. Жаль, безусловно, топлива, техники, снаряжения, но простота решения искупала потери с лихвой. Пожалуй, поддержу-ка я Тиану, если представится случай подискутировать.

Становище и бессмысленная круговерть мотоциклистов, призванная запугать горожан и развлечь осаждающих, занимали меня недолго. Взгляд мой упал на шикарную тачку, нашедшую приют во рву. Там валялся неведомо как попавший сюда гроссийский байк «юрал» военной модификации с аутентичным названием «Торчащий ствол», полученным за возможность установки в коляску турели под какую-то охрененную пушку. Собственно, я передаю вольный перевод пьяной болтовни Владилена, который узнал земляка, якобы нежно любимого им в мотострелковых войсках. Опустим закономерные вопросы плана, «как хромой алкаш взобрался на стену» и «в каких это войсках он служил», ибо ответы на них мне неизвестны. Главное — сверкающий красавец под стеной. Владелец (до столкновения с метровым болтометным снарядом) явно холил и лелеял своего железного скакуна, и тот до сих пор находился в великолепном состоянии. В коляску я могла , разве что, Акселя или Кирну с ее дробовиком, но желание завладеть штукенцией не ослабевало. Одна беда — нас разделяли десять вертикальных метров укрепления.

— Малыш, не облизывайся на того жеребца, — обратился ко мне ближайший ополченец. — Последнего, кто пытался его достать, ублюдки сожрали на минувшей неделе. Думаю, мотик пролежит внизу до конца осады.

— Да ты хоть знаешь, с кем говоришь-то счас? — не терплю, когда сомневаются в моих способностях. — Приятель, моей удачи хватит на весь гребаный Кеблин-Таун!

Ответом мне были обнажившиеся гнилые зубы мужика, затрясшегося в припадке неистового смеха. Скучковавшиеся вокруг зеваки всячески пытались подначить нас и сподвигнуть на спор.

Какой-то хохмач прошелся по поводу моих ушей. Обычно эти долбоебы, лишенные ума и фантазии, прозрачно намекают на порочную связь моей матери с ослом. Так случилось и на сей раз.

Вообще-то я стараюсь не появляться на людях с непокрытой головой. Увы, во время велосипедной гонки моя бандана слетела, и теперь ушки мне трепали ветер и тупые подколки.

Само собой, я вспылила не на шутку.

— Запомните, трусы, вы вскоре увидите меня верхом на классном байке. Взять с вас один хрен нечего, посему я добуду его оттуда только ради того, чтобы продемонстрировать, как должен вести себя Вам будет полезно поучиться! — Не обращая внимания на смешки и унизительные шуточки, я, гордо вскинув голову и нарочито шевеля ушами (и вовсе они не ослиные!), направилась в «Лиловый нос».

**

Аксель заказал на всех еды и пива. Лично я терпеть не могу пиво (и на вкус, и на запах — сущая моча, да и похмелье потом ужасное), но мужики и некоторые девки от него в восторге. Поэтому из своей надтреснутой глиняной кружки я прихлебывала исключительно для виду. Основное же мое внимание сосредоточилось на сурке-гриль с дрянными горькими овощами и рассказе Акселя — он решил загодя расписать свою подружку, которую мы тут поджидали.

Тиана нервно курила, вяло ковыряясь вилкой в еде, — Королевский Тушкан уже часа два как куда-то запропал. Туве выхватывала куски из тарелки Джонатана (свою порцию она заглотила в считанные минуты), втолковывая ему что-то о вреде жирной пищи. Сама Туве, кстати, довольно-таки гладкая (, но Джо, видимо, наплевать на возможное наличие человеческого мяса в рационе дикарочки. Да и на прочие странности тоже, судя по взглядам, которые он мечет на ее сиськи. Также Тувины буфера весьма возбудили Натана, но пока исключительно с художественной точки зрения. Полагаю, через какое-то время ее портретец украсит хижину очередного любителя вздрочнуть, а Дриббл пополнит бездонный багажник «сандерклапа» чем-нибудь полезным. Данике, так и не притронувшийся к пище, катал языком во рту очередную таблетку и сонно таращился в стену. Подвыпившая Кирна ластилась к Сагерту, но его это, похоже, не особо занимало — он погрузился в какие-то собственные мысли. Птицын, невнятно ворча в бороду, отирался у стойки и привлекал боязливо-

неприязненное внимание посетителей. Наверняка дед уже приложился к трофейной банке с бормотухой. Заки исподволь оглядывала собравшуюся публику, украдкой собирая крошки и пригоревший жир с тарелки. Она вообще большое значение придавала регулярным приемам пищи.

То есть я единственная слушала Акселя. Как и всегда.

Множество народу застряло здесь из-за буйства рейдеров: купцы, мрачные фермеры, пустынное отребье вроде нас — все они галдели, гремели посудой, играли в карты, кости, кулачки. И, разумеется, накачивались выпивкой. Короче, в кабачке было очень людно. Тем не менее я сразу заметила женщину, пробирающуюся к нам, именно потому, что уделила внимание акселевскому рассказу.

Элейн получила прозвище «Принцесса воров» в своей давно прошедшей молодости, лихо провернув несколько крупных дел. С тех пор удача не жаловала ее своим вниманием — Элейн благополучно повзрослела и даже начала стареть, но титул «Королевы воров» так и не завоевала.

Неверно было бы назвать Элейн красивой, но она, спору нет, относилась к разряду женщин эффектных. Вьющиеся ржаво-каштановые волосы, увенчанные легкомысленной береточкой, придавали грубоватым чертам ее лица неотразимое обаяние. Одевалась Принцесса вызывающе до крайности. Думаю, в том числе поэтому королевы воров из нее не вышло. Ширину сутулых плеч скрадывала поражающая своими размерами (даже больше Тианиной) грудь. Животик, бесстыдно выставленный на всеобщее обозрение, уже начал слегка обвисать, имелись и мясные бока, в каковые глубоко врезался пояс юбки неопределенного зеленоватого оттенка. К моему удивлению, высокие потертые сапоги оказались без пижонских каблуков, столь обожаемых Кирной. Иными словами, так, как Элейн, могла выглядеть либо очень недалекая, либо очень самоуверенная и сильная женщина.

Развратно качая узкими, но пухлыми бедрами, Принцесса воров приближалась к нашему столику. Движение ее затруднялось людьми, которым внезапно приспичивало протиснуться мимо по самым неотложным делам. Элейн, брезгливо ругаясь, распихивала (судя по всему, силушкой девицу природа не обделила) поклонников

декольтированных блузок и мясистых молочных желез. Наконец она прорвалась к нам.

Вокруг Элейн распространялось тяжелое благоухание, которое мне, как девушке, вообще не издающей сильных запахов, было трудно оценить по достоинству. Мужикам, однако, от такого просто крышу срывает: резкий аромат женского пота с вкраплениями табачного дыма и алкоголя, смешанный со слащавой ноткой духов. Учуяв поветрие в полной мере, я смекнула, кому принадлежит до блеска надраенный скутер у коновязи перед входом — Принцессе воров, кому же еще. Несло от него точно так же.

Наградив Акселя слюнявым несестринским поцелуем, Элейн продефилировала вдоль стола. О небо, неужели Аксель ее трахал? Ну конечно, трахал, о чем это я, право же. Взгляд девки скучающе скользнул по нашим рожам, на мгновение задержавшись на сосредоточенном челе рисующего Натана. Вдруг Элейн ухмыльнулась и грациозно запрыгнула на колени к Джо, случайным (или, наоборот, хорошо рассчитанным) пинком отодвинув прочь табуретку Туве. Та, не растерявшись, забрала Джонатанову тарелку с остатками еды и между делом предупредила ошалевшего Хайда, что он и сам сейчас может попасть на закуску, если не остережется. Принцессу воров, однако, ремарка ничуть не смутила.

Элейн не теряла времени зря, потратив два года с пользой. На столешницу легла выцветшая картинка, завернутая в целлофан, изображающая ажурную чашу, выемкой устремленную в небо. С помощью такого устройства Аксель и намеревался отправить весточку Старшим Братьям.

В окрестностях обнаружилось аж три подобных штуковины, ближайшая — в селе Гатскиллз, в неделе пути от Кеблин-Тауна. Теперь оставалось лишь незамеченными улизнуть из кольца осады, и эту проблему сочли заслуживающей обсуждения.

Головорезов, если верить слухам, насчитывалось около шестидесяти при внушительном количестве мотоциклов и более серьезной техники. Правда, обилием огнестрельного оружия рейдеры похвастать не могли. Тиана, раздраженная и взволнованная долгим отсутствием Декстера, предлагала выйти за ворота и сжечь всех и вся. Кирна сетовала на высокие риски и низкие прибыли такой операции, Натан предпочитал дождаться, когда рейдерам надоест тусоваться под

стенами или когда кеблинцы прекратят трусливо отсиживаться внутри, Аксель смешливо подначивал полемистов. В общем, предприятие, как обычно, грозило завершиться судорожной импровизацией. Меня, впрочем, такой подход вполне устраивал, потому я, ввернув реплику-другую, переключила внимание на Принцессу воров.

Элейн откровенно ерзала у Джо на коленях, доставляя ему ощущения вполне определенного рода. Жестом заправского фокусника она извлекла откуда-то из-за его спины гитару и начала томно перебирать струны, выпуская в лицо осоловело хлопающего глазами Хайда клубы сигаретного дыма. Да, дымила она почище Тианы. Кирна, болезненно завистливая по своей природе, бросала уничтожающие взгляды на Принцессу, которую загодя внесла в длинный список соперниц. Туве, искоса посматривая на Джо, слизывала с пальцев соус. А он, прижатый крепкой Элейниной рукой к ее здоровенным буферам, невнятно мямлил что-то про , инопланетян и смехотворность Акселевой задумки. Шум усиливался, и неизвестно, чем бы закончились препирательства, но тут нашу компанию почтил вниманием еще один гость.

Ларри Фостер появился за нашими спинами словно чертик из табакерки. Как это мы не заметили персонажа его габаритов? Высокий, широкоплечий, с необъятным брюхом, мужчина был богато, хоть и безвкусно, одет. Лицо его, в нижней трети поросшее сивой щетиной, покрывали разнокалиберные шрамы, выдавая в нем человека тертого.

На самом деле только конченый псих или романтик решится вести кочевую жизнь в Великой Пустоши. Большинство людей продолжают следовать старым, испытанным веками, шаблонам — они обрастают семьей, знакомствами, заводят тощего облезлого кота и вешают на стену не менее облезлый ковер. Мир за пределами городских стен видится им враждебным и опасным. Там обитают чудовища, людоеды, великаны, феи и другие твари, в существование которых не веришь, укрывшись грязным пледом у дымного семейного очага. Купцы, работорговцы, коммивояжеры и мусорщики вынуждены бродяжничать, но в душе они такие же домоседы — необходимость покидать комфорт своих жилищ лишь усиливает желание поскорее вкусить его вновь.

Другое дело — цыгане, путешественники и прочие приверженцы . Они раз за разом покидают тоскливые застенки сытого городского благоденствия, увлекаемые . Пыльная, поросшая по краям засыхающей травой, дорога становится и незримой преградой между скитальцами и благопристойными горожанами. По мнению последних, пустынные гуляки рискуют своей шкурой ради самого процесса риска, а не для получения материальных выгод. На этой благодатной почве взращен в обывательском сознании образ являющегося из пустошей, делающего свое дело, будь то убийство полусотни людей из автоматического оружия или покупка трех поросят, и возвращающегося обратно к серым пескам, людоедам, великанам и феям.

Наверное, вы уже поняли, к чему я веду.

Любой бродяга, сидючи в кабаке или нежась в полумраке холла публичного дома, знает: если к нему вдруг подходит некто, то случилось одно из двух — либо он (и его друзья) вызвал недовольство местных властей, либо ему сейчас предложат дело, в процессе которого придется убивать и калечить. И подставлять свою задницу под клинки и пули, конечно же.

Богатый купец Ларри Фостер обратился к нам по второму пункту. Он, судя по всему, имел понятие, как обстряпываются такие дела: перво-наперво он наполнил наши тарелки едой, а кружки — пивом, потом отрекомендовался и сразу приступил к сути.

— Я слышал, вы привезли с собой целый арсенал, — Ларри уперся в столешницу волосатыми кулаками. — Мне нужны именно такие люди. Люди, владеющие оружием и умеющие им пользоваться.

Натан попытался возразить, но купчина лишь обвел нас покровительственным взглядом: дескать, не пристало таким, как вы, ломаться да отнекиваться. Вот что он поведал:

— Банда Керроувелла уже давно терроризирует окрестности. Мерзавцы пожаловали откуда-то с юга. Разумеется, с ними пытались бороться. С переменным успехом. Точку в конфликте вроде бы поставил нынешний шериф Генри Свирф. Вернее, тогда он еще не занял свой, — Ларри пренебрежительно хмыкнул, — высокий пост, а был всего лишь одним из кандидатов. В рамках предвыборной кампании Генри с десятком отчаянных парней прокрались в лагерь бандитов и устроили славную резню…

На мой непросвещенный взгляд, в обозримом прошлом шайка не подвергалась «славной резне», но я предпочла дослушать, прежде чем делать окончательные выводы. Фостер между тем продолжал:

— Уцелевшие выблядки убрались прочь, но через полтора месяца приперлись обратно. Их стало еще больше, чем раньше. Наверное, они захотели с нами посчитаться…

Определенно похоже на правду. Но зуд в кончиках ушей не покидал меня. Шериф, которого я мельком видела на городских стенах, относился скорее к породе политиканов, а не крутых парней.

— Генри и рохля-мэр решили подождать, — глаза Фостера недобро сверкнули. — Ведь не они ежедневно теряют прибыль из-за осады, и не их фермы полыхают вокруг. На минувшей неделе мы попытались справиться своими силами. — Мужчина угрюмо опустил голову. — Скоты захватили моего сына. Теперь они требуют выкуп не только от города, но и от меня лично. Чего просят? Как обычно: топлива, еды, запчастей. В непомерных, естественно, количествах. Их цистерна начинает пустеть, ума не приложу, какие еще дела способны удерживать злодеев здесь так долго.

Как по мановению волшебной палочки, на столе появились три патрона для дробовика, промасленный автоматный рожок и ржавая канистра, остро пахнущая соляркой. Тиана жадно втянула ноздрями воздух.

— Вот задаток, — проговорил купец. — Верните мне сына. Живого, если повезет, или мертвого… Тогда я похороню его, как подобает. Я щедрый человек, и вы получите больше, чем можете вообразить. С превеликим удовольствием я отдам вам то, что вымогает у меня Керроувелл. За каждого убитого мерзавца еще и накину сверху.

Мы молча переглянулись, только Элейн продолжала шумно сосаться с Джо, хотя — я готова уши прозакладывать! — она-то не упустила ни одной детали. А вот Хайд, оторопевший, перемазанный с пухлых губ девицы, наверняка все проворонил. Ну, по крайней мере, на время занудствовать прекратил.

— Даже если откажетесь, задаток ваш. Считайте это подарком. Вам пригодится пара лишних патронов, когда вздумаете выбираться из Кеблин-Тауна, — Фостер грузно поднялся из-за стола и, не прощаясь, двинулся к дверям.

— Давайте уже кого-нибудь прикончим, — высказалась Тиана, притянув к себе канистру.

Захария привстала с места, коснувшись потайного чехла, в котором, как я знала, лежал огромный нож.

— Я схожу к ним… к головорезам. Вернусь — доложу, — Заки несмело улыбнулась.

Иногда негритянка пробирала меня до самых печенок. Кирна убивала с ненавистью, которая буквально ощущалась физически. Сагерт забирал чужую жизнь легко, но с неохотой. Тиана высвобождала жадное пламя огнеплюя, восхищенно распахнув безумные глаза. Прочие сражались в случае необходимости и изрядно в этом поднаторели. Только Захария Джонстон, костлявая черная женщина с добрым взглядом, убивала почти небрежно, с безразличием, с которым иные ковыряют в носу или чешут задницу.

Все начали разбредаться, ухватывая с собой остатки пищи и сливая дрянное пиво во фляги. В конце концов, Заки понадобится какое-то время, которое можно употребить с пользой. Элейн увлекла Джонатана на улицу. Туве проводила парочку неопределенным взглядом и медленно, по-кошачьи лизнула тарелку, прочертив в густом слое жира полоску блестящей жести. Уши ее подрагивали, но связывалось ли это с какими-то переживаниями или предчувствиями — мне неизвестно.

**

Собственно, просто сидеть и ждать возвращения Заки из разведки было бы чересчур скучно, кроме того, Тиана вся извелась от опасений за пресловутую целостность тушки Декстера. Владилен подлил маслица в огонь, категорично заявив: «В кольце городских стен хвостатого нет». И я, на правах джентльмена, предложила даме локоть, чтобы сопроводить ее на стену — полюбоваться бандитским становищем, а заодно разузнать, не видал ли кто поблизости молодого да борзого тушканчика.

Темная улица радушно встретила нас вонью свежих помоев и экскрементов, разложенных по углам (утром их иногда убирают, но вечером некто раскладывает подарки снова, как говенный Санта Глаус). Напротив зазывно горели оконца второго кабака «Кроличья норка», предусмотрительно совмещенного с борделем, вернее даже, поглощенного им. Вдоль стен, подобные уродливым изваяниям,

притулились подвыпившие обыватели, кто-то уже прилег отдохнуть. А, это ж Владилен Михайлович! Ну-ну.

Наш дуэт вслед за практически невидимой Захарией направился к воротам, как вдруг… послышался сиплый рассерженный женский шепот:

— Генри, ты — вонючий подонок! Но ты сдержишь обещание! Если и теперь на мне не женишься, я открою всем твою гребаную тайну!

— Лучший выход для тебя — немедленно заглохнуть, Салли! — раздалось гневное предупреждение. — Пока не стало

Голос мужчины напоминал шерифский. Я развернулась. Нет ничего интереснее чужих секретов, особенно, если в них замешан столь влиятельный человек. Дверь дома терпимости открылась, высветив на мгновение (достаточное для меня) лица спорщиков, женщина шагнула внутрь, а мужик, наоборот, отпрянул в тень.

Блин, девка же сейчас уйдет! Хрен ее потом найдешь в этом вертепе! Не желая заниматься выуживанием шлюхи из-под клиента, я метнулась за ней. Ошеломленная Тиана осталась посреди улицы вместе с Заки и вышедшим следом за нами Сагертом. Иногда я забываю предупредить друзей о своих замыслах, отчего возникают разные курьезы. Ну ничего, я завариваю, я и расхлебываю.

Преследуемая девица уже толковала с каким-то прокопченным солнцем типом о совместном времяпрепровождении. Дядька нервно сглатывал, поглядывал на дверь, а при моем появлении мигом ретировался к столику с захватанными срамными открытками, где уже сидело несколько любителей бумажных утех.

Я развязно подкатила к «жертве».

— Не рановато ли тебе, шкет? — конечно, дамочка начала диалог с плоской шутки, тем не менее она беззастенчиво выпятила фасад на мое обозрение.

— Мамзель, у меня к вам дело посерьезнее, — многозначительно пошевелив бровками, намекнула я и указала пальцем на свободный диванчик у окна.

Шлюха игриво хохотнула, но решила выяснить, какое же к ней дело у молокососа. Возможно, касаемо отсоса?

Мы уселись, я начала говорить, но тут девка навалилась на меня, тычась густо напомаженными губами мне в нос и щеки. Ох, уж это мое

смазливое личико!

**

— А куда это Том побежал? — с улыбкой вопросила Заки. — Приперло, что ли?

— Да кто его разберет! — откликнулась, раскуривая очередную цигарку, Тиана. — Ветер в голове, шило в жопе.

Вдруг неслышно подошедший Сагерт обратил их внимание на силуэт рядом со входом в бордель.

— Вон тот тип не клиент, — шепнул боец.

Действительно, присмотревшись, девушки поняли: кто-то крутился у двери с длинным, почти в рост неизвестного, продолговатым предметом. Захария хотела посоветоваться, но Сагерт уже исчез.

— Пойду, проведаю мелкого. Он должен был уже кончить, — Эльхаим вальяжно направилась в рассадник блуда и разврата, спугнув заодно подозрительного незнакомца.

А Заки двинулась выполнять «задание».

**

От шлюшечьих приставаний меня избавила наша огнепоклонница. Ослепив всех в холле заведения своими красотами, искупавшись в похотливых мужских взглядах (и в завистливых женских), она прошла до середины зала, обводя интерьеры ищущим взором. Заметив меня, Тиана ободряюще махнула ладонью и села на подоконник неподалеку.

— Это чо еще за шмара? — ревниво поинтересовалась моя соседка.

— Мама моя! Волнуется, как бы не случилось чего, — ехидно огрызнулась я, затем довольно грубо повернула физиономию девахи к себе и процедила: — Детка, я — твой шанс совершить доброе дело. Сдается мне, ты знаешь кое-что интересненькое…

— Парень, да тебе в головку никак ударило? Ты чего несешь? — взвилась та. По всему видно, мои слова испугали ее не на шутку.

— В кои-то веки, Салли, поработай мозгами, а не языком, — выразительно прошипела я. — Генри запросто разделается с тобой.

Кстати, об опасности: к чему бы этот тревожный зуд в кончиках ушек? Возможно, он намекает лишь на то, что Тиана кинула на незанятое кресло непотушенный окурок, а сейчас, насвистывая,

направляется к дверям, но на ее мелкие шалости мое шестое чувство уже не реагирует. Вряд ли мебельная обивка займется от полупогасшей искорки. Да вон сверху уже плюхнулась освободившаяся Саллина товарка! Примерно такие беспечные мысли осенили меня, но, сконцентрировав внимание на цветастой мордашке и рассказе путаны, я так и не ухватила ни одну из них за вертлявый хвост.

Салли поведала мне весьма заурядную историю. Генри Свирф метил на должность шерифа, и ему требовалось как-то привлечь избирателей на свою сторону. Полтора месяца назад, накануне выборов он условился с бандой Керроувелла, орудующей в окрестностях. Было разыграно представление, в котором героические парни во главе с кандидатом одолели пустынных бродяг и изгнали их с позором. Все бы ничего, но Свирф, воцарившись на посту, предпочел забыть о своих обещаниях. Разъяренные бандиты возвратились, и борьба возобновилась. Замкнутый круг осада-переговоры-осада-переговоры продолжался уже около двух недель.

В общем, рассказ Ларри Фостера подтвердился и оброс интересными подробностями. Надо бы познакомить купца с этой женщиной. Большая политика, конечно, не наше дело, но, если легкие телодвижения в данной области могут принести очевидную выгоду, стоило вмешаться.

Внезапно я учуяла едкий запах гари, заметила густой дым, струйками сочившийся сквозь щели в стенах, и Тиану, выбирающуюся почему-то через окно. Вот вам и зуд в ушах.

**

Сагерт замер, прислушиваясь к звукам из окна второго этажа гостиницы, — тихо. Из кабаков и борделя доносился гомон посетителей, в куче мусора поблизости шумно копошился жирный сурок. Откуда-то издалека долетали нежные гитарные переборы. Под городской стеной выл койот, суля кому-то скорую гибель. Сагерт, однако, не беспокоился на сей счет — он точно знал, кто должен умереть.

Кеблин-Таун насчитывал от основания много лет сравнительно сытого благополучия, хоть и находился в отдалении от бойких караванных трактов. Гильдия работорговцев отчего-то не почтила

город открытием своего филиала, но перекупщик живого товара здесь все-таки был.

Первое, что делал Сагерт, попадая в любое поселение, — расспрашивал о точках продажи невольников. Так он поступил и сегодня. Его направили к мрачному, заросшему многодневной щетиной, мессиканцу, застрявшему в Кеблин-Тауне из-за рейдеров, как и многие другие. Скудный ассортимент купца состоял из пятерых изможденных мужчин, провожавших покупателей и праздношатающихся отупевшими голодными взглядами: по причине осадного положения цены на еду подскочили, и купчишка бессовестно экономил на рационе своих подопечных.

Вряд ли из пристрастной беседы с этим мужиком будет какой-то прок — мессиканец не числился среди членов Гильдии, следовательно, мог ничего не знать о предателе Тайгерте, — но попробовать все равно не мешало.

Легко преодолев подъем по щербатой, облицованной прогнившей жестью стене гостиницы, Сагерт проник в комнату. Купчина храпел, облапив грязную подушку. По торчащей из-под одеяла голой мохнатой лодыжке лениво полз жирный клоп.

Сагерт снял с пояса крепкую конопляную веревку и двинулся к хлипкой кровати. Мужик перевалился на другой бок, раздавив клопа, храп сменился сиплым бульканьем. В окно потянуло дымом, с улицы раздались топот ног и крики. Купец всхрюкнул, поморгал и приподнялся на локте, сонными глазами уставившись на полуночного гостя. В тот же момент Сагерт нанес мощный удар — шея работорговца сломалась с оглушительным хрустом. Боец пожал плечами, вынул из-под кровати недопитый кувшин дрянного пойла и обильно полил дряблую грудь покойника, затем, с легкостью подтащив грузную тушу к окну, метнул сосуд вниз. Спустя пару секунд работорговец отправился следом. Потолковать не удалось, увы. Что ж, может быть, в другой раз. Мягко приземлившись рядом с замершим в неестественной позе трупом, Сагерт незаметно влился в глазеющую на разгорающийся пожар толпу.

**

Дом терпимости уже полыхал вовсю. Не иначе как расточительный поджигатель воспользовался бензином, керосином или другой горючей смесью. Больно быстро занялось.

Тиана, донельзя довольная, выпрыгнула из окна первого этажа. Истинно верно подметил мистер Фрай, навестивший ее минут пять назад: «Неплохо бы очистить пламенем эту аспидную дыру!» Вот она и запалила. Хотя слава достанется кому-то другому — едва ли тлеющее кресло произвело эдакий содом. Уж не тому ли типу, который тут отирался? И дверь-то позаботился закрыть снаружи на засов. Изнутри отчаянно ломились, но доска плотно засела в скобах. Тиана подергала запор и смятенно заозиралась. Ей претило выступать в роли убийцы, просто нравился огонь.

В окне возник Том, ловко преодолел подоконник и зачем-то наклонился обратно: он пытался помочь шлюхе, с которой обнимался на диванчике. Какие сантименты, право же! Гм, или сантиметры? Неуклюжая деваха зацепилась юбкой за раму, визжала и только мешала парнишке себя освободить. Сзади напирали прочие желающие спастись.

Вдруг из толпы зевак вырвался Сагерт. Отстранив Тиану, он одним ударом выбил засов, а толпа страждущих довершила дело. Потом боец, потеснив Тома, легко и непринужденно выворотил дамочку вместе с рамой из оконного проема и вручил мальцу.

Подоспели ополченцы, по совместительству пожарные, незамедлительно организовав ближайших зевак тушить огонь и оттаскивать потерпевших. К добровольцам присоединились Данике, Аксель и Дриббл, отвлекшийся ради такого от рисования. Кирна, чуждая состраданию, подпирала стену «Лилового носа». Она предпочитала хорошо стоять, чем хорошо работать и перепачкаться.

— И часто здесь так зажигают? — спросил Том у ошарашенной Салли.

**

Неожиданно меня хлопнула по плечу Тиана, указав на мужика в широкополой шляпе и длинном кожаном плаще. Тот досадливо треснул кулаком в столб коновязи и побрел прочь.

— По ходу, это он дверь запер, — шепнула она. — А, может, и притон подпалил.

Переглянувшись, мы согласно кивнули друг другу — нужно было проследить за предполагаемым злодеем. В свете занятной истории, поведанной мне Салли, мужик представлял особый интерес. Я пихнула деваху к только разогнувшему спину Акселю и подмигнула ему.

— Хорош прохлаждаться, на-ка, побереги ее для меня.

— Не бойсь, мелкий, не попорчу, — цыган щипнул Салли за бок.

Не по себе мне от того, как он лыбится, ну да ладно.

Дальше мы с Тианой окунулись в лабиринт междомовых расщелин, соединяющих три главных городских улицы. За нами увязались Сагерт и Кирна.

К сожалению, в итоге злоумышленник заметил нашу компанию, свернул и исчез. Поскольку свернул он в тупик, у говнюка было всего три пути: зайти в правую дверь жилого дома, проникнуть в универсальный магазин с черного хода или взмыть в небеса. Стену неизвестный не штурмовал, по крайней мере, никаких следов не оставил. Значит, нам придется разделиться для обыска помещений, а ведь в байках цыганина именно с этого начинаются настоящие проблемы персонажей.

Тиана борзо распахнула магазинную дверь и первая шагнула в чернильный мрак, Сагерт недолго всматривался и вслушивался, а потом двинулся за ней. Похоже, дом обшаривать не придется…

Во тьме кто-то хрипел, доносились звуки ударов, тренькнула тетива арбалета, а затем раздался хруст костей. Тут помещение озарило тусклое мерцание жирового светильника — Кирна зажгла фонарь над притолокой.

**

Произошло же примерно следующее: злодей понадеялся на удачу, эффект внезапности и нашу нерешительность. Когда красотка, не задумываясь, вломилась в магазин, тот уже приготовился, укрывшись между ящиком с вяленым мясом и тюком шерстяных одеял. Насколько он мог судить, девку сопровождал хиленький подросток, который теперь жмется, поди, от страха за дверью. Нисколько не сомневаясь в свой способности справиться со столь пустячной угрозой, Бутч бесшумно вытянул из кармана крепкий шнур со свинцовыми рукоятками, дождался, пока преследовательница поравняется с ним, и, прошелестев полами плаща по коробкам, накинул ей на горло удавку. Жаль, с такой приятнее завалиться в постель, а не танцевать джигу смерти, но гребаная баба напросилась сама. Девчонка дергалась все слабее и через считанные секунды затихла бы навсегда (Бутч был профессионалом — жертва попалась на выдохе).

Однако силуэт, приближавшийся от двери, принадлежал не пацаненку!

**

Сагерту хватило приглушенного скрипа кожаного одеяния — беглец находился здесь. Надо полагать, вместе с глупышкой Тианой. Пропускать вперед нужно бойца, а не женщину. Да уж, Кирна подобной ерунды никогда не сотворит! Мысли эти рождались в голове, ничуть не мешая послушному телу действовать: собственно, вот прямо сейчас его стальной кулак пришел в соприкосновение с корпусом говнюка. Мужик согнулся и выпустил полузадушенную Тиану, мешком шлепнувшуюся на пол. По прикидкам Сагерта, у злодея стало на несколько целых ребер меньше; часто после такого избитый благоразумно отключался, но этот тип явно нарывался на добавку.

**

Цедя проклятия, Бутч выхватил миниатюрный арбалет из специального крепления на бедре. Промазать он бы не сумел — атаковавший ублюдок стоял вплотную. Бзынь. Болт по-прежнему торчал в направляющих. Предательская тетива оборвалась вместе с надеждой уйти. А в скулу врезались костяшки пальцев безвестного громилы.

— Эй, вы чо? Без нас забавляетесь? — в дверном проеме мелькнул тот самый задохлик с ослиными ушами.

Тут сознание покинуло Бутча, и он грузно осел в ящик с мясом.

**

Том метнулся к лежащей Тиане, но убедившись, что она жива и лишь чуточку раскраснелась, обозленная своей неудачей, подошел к поверженному врагу. Сагерт крутил в руках арбалет, усмехаясь про себя наивности людей, вверяющих свое благополучие хрупким детским игрушкам. Кирна переместила фонарь поближе, на бочку с водой, и нагнулась, желая получше разглядеть, из-за кого весь сыр-бор. Опасаясь, как бы она не развлеклась с жертвой в своей обычной манере (например, почесывая мошонку горемыки тесаком, который, кстати, уже достала), Том оттеснил Сагертову подружку.

— Э-э-э, погодь, милочка! — мальчишка сноровисто обчистил карманы дядьки, добыв миниатюрный однозарядный «деррингер» с тремя запасными патронами и… — Я-то думаю, чего рожа такая

знакомая! — удивленно воскликнул Том, подбросив на ладони жестяную звезду помощника шерифа.

— Теперь ты усек, Томми? — с едва скрываемым нетерпением, вкрадчиво поинтересовалась Кирна. — Его нужно похоронить! Предварительно распилив на куски.

— Сначала — допросить! — жестко возразил пацаненок.

Вряд ли мнение Тома возымело бы действие, учитывая садистскую любовь Кирны к издевательствам над беззащитными (или не очень беззащитными, надо отдать ей должное) людьми. Но Сагерт молчаливым кивком поддержал мальчишку.

**

Итак, мы вчетвером склонились над помощником шерифа и рассуждали, как выйти из щекотливого положения. Большинство придерживалось мнения, что злодея следует прикончить сразу или после допроса, Сагерт соблюдал нейтралитет, я же требовала сохранить бедолаге жизнь.

— Давайте разбудим его уже! — высказалась Тиана, поставив точку в прениях (как раз поступило предложение подбросить труп на пепелище борделя).

Невзирая на присутствие Сагерта, мне не хотелось отдавать дядьку в руки Кирны. Я ухватила мужика за щеголеватый грязный галстук, наотмашь хлестанула по сусалам. И без того не блещущий красотой шнобель пленника свернулся на сторону.

— Кажется, я сломала ему нос, — смущенно пролепетала я, разжав пальцы и озадаченно посмотрев на свои ладони.

Глаза Кирны превратились в узкие щелочки, злобные и смертоносные. Она довольно осклабилась, но тут Сагерт предложил донести шерифского прихлебателя в мешке до трейлера и там уже решить его участь. Блондинка звонко топнула каблучком с досады, но спорить со своим мужчиной не посмела. Вдвоем они принялись укутывать дядьку в кусок брезента, случившийся под рукой, а я обратила внимание на как-то странно притихшую Тиану. Конечно же, кто бы сомневался? В ящике с разномастным тряпьем тихонько тлел окурок, а Эльхаим рассеянно поглаживала бок канистры с керосином, делая вид, будто ни при чем. Полагаю, если б самый крупный магазин в городе сгорел (или, к примеру, эффектно взлетел на воздух), сие

никому не прибавило бы радости. А узнай кеблинцы о нашем участии в этом… Боюсь даже вообразить!

— Тиана, лучше б ты забрала шмотки себе — обновила гардероб! — проворчала я, вытаскивая бычок и сбивая ладонью крошечный язычок пламени.

— Я не мародер! Я поджигатель! — гордо сообщила девица и надула губы.

Наконец мы гуськом покинули магазин, уходя постаравшись вернуть . Процессия наша, сильно напоминающая похоронную, тем не менее особого внимания не привлекла. На улицах города всякое случается под покровом темноты. Почему вот лотки в мясных лавках пополняются каждое утро? Где те тучные стада, чьи туши вывешивают на крюках? Напугала? На самом деле это популярная городская легенда, не совсем, впрочем, бессмысленная.

Идею оставить мужика, хоть живого, хоть мертвого, на пожарище, естественно, отмели: там было излишне многолюдно. В толпе любителей легкой наживы, блуждавших среди руин дома терпимости, мы приметили Владилена Михайловича, также что-то собирающего. Я решила увести лесника от греха подальше — пусть под трейлером копается. По дороге Птицын повеселил меня очередной байкой: предки посоветовали ему собрать гвоздей и соорудить из них противомотоциклетные «ежи». Один из пращуров лесника назвал их ; якобы с помощью сией хитрости изводили (так вроде бы именовались раньше). Речь Владилена бессвязно лилась мне в уши, пополняя мозговые запасы ерунды, иногда я понимающе поддакивала. В любом случае на скрепление добытых гвоздей уйдет непомерно много времени, да и надыбал их старичок, прямо скажем, не густо. Правда, когда он неуклюже заваливался на меня, мое бедро явственно ощущало запасы металлических ошметков, набитых в дедовы карманы. Самому Владилену, судя по всему, это никакого дискомфорта не доставляло.

**

Натан, всецело довольный минувшим днем, махнул рукой Данике, склонившемуся над последним пострадавшим на пожаре пациентом, и направился на стоянку — пора бы и отдохнуть от трудов. Улыбка не хотела слезать с лица Дриббла, как он ни старался (ведь радостный человек привлекает внимание, в том числе нежелательное). На рынке ему удалось реализовать весь альбом с дамочками, разобрали даже

быстрее, чем обычно. После он удачно наткнулся на единомышленника, способного оценить безусловные преимущества и комфорт «сандерклапа». Конечно, Натан, в отличие от того немытого утырка, не собирался в своей машине, какая бы удобная и уютная она ни была. Автомобиль, по его разумению, являлся исключительно средством передвижения, а не недвижимостью. Жилище он надеялся обустроить в фамильном убежище, как только найдется возможность спустить оттуда воду, или в крайнем случае рядом с озером, на дне которого до поры таились бы несметные сокровища семьи Дрибблов.

Факт обнаружения такой редкости, как «сандерклап» в занюханном городишке, сам по себе был невероятным везением. Мужичина, обосновавшийся в нем, позволил Натану покопаться под капотом своего «домика» за смехотворную цену. Однако прижимистый потомок техасского антисемита все равно исступленно поторговался перед выдачей банки маринованных помидоров, банки тушенки и листа с полуголой сисястой девкой в обрывках оградительной ленты (Тиана и не подозревала, что ее впечатляющие формы стали объектом купли-продажи). После двух часов утомительного изучения изуродованного двигателя Натан извлек неплохо сохранившийся стартер. Остальное, увы, было безнадежно испорчено (именно надежда на большее задержала Натана, так бы он ушел раньше). «Непростительная безалаберность!» — гневно подумал Дриббл, аккуратно обертывая деталь промасленной тряпицей.

Вечером же случился пожар в «Кроличьей норке». Поначалу Натан досадовал на необходимость отвлекаться от рисования новой порции девах, но активное участие в тушении создало ему репутацию надежного парня. Выше поднялся лишь авторитет Данике. Нынче они вдвоем могли бы смело баллотироваться на посты мэра и шерифа — их бы с радостью поддержали. Кроме того, Дриббла будоражила обещанная им с доктором незабываемая бесплатная ночь с любой (или даже с) девочкой из заведения. Осторожный разум, впрочем, подбрасывал, помимо непристойных, всевозможные картинки с сыпью на гениталиях, нечистым бельем, грязными ногтями, гнилыми зубами и тому подобными ужасами. Но бесстыдств, как всегда, было больше.

**

Принцесса воров хрипло вскрикнула и засопела, быстро двигая бедрами. Ее желтоватые от никотина зубы впились в беретку, которую

она зачем-то сунула себе в рот вскоре после начала. Груди, освобожденные из плена нечистого бюстгальтера, потешно подпрыгивали, покрытые крупными каплями пота. Вислый живот Элейн покрывали серо-коричневые разводы — размазанная руками Джонатана Хайда пыль пустошей.

Джо неожиданно открыл в себе философа, о существовании которого еще какую-то неделю назад (, — шепнула память) и знать не знал. Заложив руки за голову, искоса поглядывая на оседлавшую его девку, Хайд размышлял о превратностях судьбы, занесшей их двоих на покрытое безвкусным розовым ковриком заднее сиденье «сандерклапа», ровесника Джонатанова отца и Биглов.

Будущее представлялось весьма туманным. Джо очутился в мире, похожем на огромную свалку, в мире, где арбалет и старый добрый кулак надежнее автоматического пистолета. Джо с горечью вспомнил, как на рынке выменял у желтолицего болезненного фермера электрическую погонялку для скота на рубашку и ключи от квартиры с брелком. Ему стало жаль себя.

Происходящее смахивало на видеоигру, в которую Джонатан запойно резался в школьные годы. Но он не хотел есть паштет из крысы, не хотел тыкать в людей электропогонялкой. Трахать Элейн ему тоже не особенно хотелось, вернее, не хотелось задумываться о возможных последствиях этого в целом вполне приятного занятия. В открывшемся новом мире все казалось нереальным, словно он, пребывая в приличном подпитии, вдобавок раскурил косячок. Рыжая девка, мечта фаната типпонской анимации, разговаривающая, как тронутые медиумы из второсортных киношек. Рейдеры с цистерной из «Безумного Мака». Цыгане. Женщина с самодельным огнеметом. Лесник-шаман. Истории об инопланетянах. Принцесса воров, которая, не сняв одежды, занимается сейчас с ним грязным сексом. Причем грязным во вполне определенном смысле, не имеющем никакого отношения к извращениям, — навскидку Элейн принимала душ, хорошо если в прошлом месяце.

Девица всхлипнула и обмякла, обслюнявленная береточка плюхнулась прямо в мрачную Джонатанову физиономию. Вслед за головным убором навалилась и владелица, едва не задушив Хайда своими буферами. Машинально извергая семя, Джо страдальчески сообразил: это его первая женщина за последние () два года. После

разрыва с Феорой у него все никак не находилось времени устроить личную жизнь, а потом…

Кучка горячего пепла упала ему на лобок. Хайд вздрогнул, выныривая из своих невеселых мыслей. Принцесса томно дымила, восседая у него на ногах, поправляла замятое исподнее и укладывала перезрелые груди обратно в топ.

«Неудивительно, что она такая сутулая», — с раздражением подумал Джо.

— Разбуди меня часика через два, симпатяжка, — сонно пробубнила Элейн, лениво вытирая пот полой хайдовского халата и уронив бычок на его голый живот.

В окно «сандерклапа» кто-то яростно постучал.

Когда двадцать минут назад Элейн привела Джо на автостоянку, ее взгляд сразу же прикипел к Натанову автомобилю.

— Это одна из ваших? — голос девицы тогда аж задрожал от волнения. Похоже, именно вид нелепой слоноподобной ретро-тачки завел ее.

Джо в ответ промычал какую-то несуразицу, наблюдая, как Принцесса лихорадочно вскрывает замок шпилькой для волос. Потом она втолкнула его внутрь, сдернула с него штаны и…

И теперь явился хозяин.

— Убирайтесь вон, иначе я стреляю! — Натан ухватился за кобуру, но стрелять-то было нечем (оружие он добросовестно сдал). Указательным пальцем разве.

Дриббл резко распахнул дверь и выволок Джо, как есть, с голой задницей, на холодный ночной воздух. Затем протянул руку и поймал Принцессу воров за кожаную бретельку бюстгальтера, намереваясь сделать с ней то же самое. Издав звонкий шлепок, полоска черной кожи лопнула. Элейн, хлопая глазами, огромными в обрамлении потеков туши, уставилась на Дриббла. Натан неожиданно для себя смутился.

— Так это машина? — Принцесса хищно улыбнулась. — Я выращу здесь наших детей!

Мутная капелька пота блеснула на затвердевшем Элейнином соске. Натан, зачарованный зрелищем, вмиг порастерял всю свою злость. «А она ведь очень даже…» — отметил он про себя, шумно сглотнув слюну.

В следующий момент Элейн ухватила его за воротник и, затащив в салон, с оглушительным лязгом захлопнула дверь.

Стыдливо оглянувшись, Джо поправил штаны и понуро побрел прочь от ритмично покачивающегося «сандерклапа». Возникшая перед ним Туве застигла его, что называется, врасплох.

— Случившееся — важный этап твоего взросления, — проронила она, заботливо разглаживая Джонатанов шейный платок и полы халата. — Пойдем, назрел клиент.

— А?

— Скоро может понадобиться могила, — Туве взяла Джо за руку и повела к цыганскому трейлеру.

**

Бутч сидел весь пунцовый от злости и необходимости признать: его обставили две бабы, мальчишка и безоружный мужик. Мало того, им удалось его напугать, да и кто бы не струхнул, увидев выражение лица злющей белобрысой девки, подкрепленное угрозами недодушенной красотки и деловитой невозмутимостью паренька. Пускай Генри сам расхлебывает свое дерьмо! Помощником шерифа Бутчу так и так не бывать: или его прикончат здесь за несговорчивость, или Свирф избавится от него лично (отстранит или даже убьет). Сейчас это стало очевидным, хотя, когда он подряжался провернуть грязное дельце для своего начальника, столь светлая мысль его не посетила. Обидно! А вроде всегда считал себя башковитым парнем.

Мальчишка, выяснив подробности сделки шерифа с рейдерами и с шлюхой, почему-то не удивился. Невзирая на гневные возражения блондинки, пацан обещал сохранить Бутчу жизнь, если тот повторит свои слова при Ларри Фостере (вот же ушлые цыганские рожи — и с купцом-то уже сторговались). Торговец был влиятельной фигурой в Кеблин-Тауне и одним из оппонентов клики нынешнего правительства. Он нанял табор для освобождения сына из плена, но теперь мог придать делу политический оттенок и инициировать внеочередные выборы. А цыган, поди, ждет дополнительное вознаграждение. Впрочем, помощник шерифа плевать хотел на чью-то выгоду, дипломатические междоусобицы, даже на свою гордость и должность; он любил жизнь, какой бы говенной она порой не казалась. Бутч согласился сделать все (или почти все), чтобы сберечь шкуру: он признается Фостеру, покажет тайный подземный ход из города и в

топливное хранилище, куда так рвется его бывшая жертва. Однако вопрос про горючее шкет замял. Предусмотрительно. Бутч тоже не подпустил бы дамочку с таким агрегатом (и таким блеском в глазах) к кеблинским запасам топлива. К луже с бензиновой пленкой и к той не подпустил бы! Кто бы мог заподозрить в дурацкой штуковине, похожей на пылесос, оружие? Век живи — век учись!

Вдруг в закрытую дверь постучали.

— Могила готова, — раздался с другой стороны приятный девичий голосок.

Гребаные бродяги! Неужели паршивец обманул?

**

Джонатан уселся на трухлявую тракторную шину. Видела ли его Туве со спущенными штанами? Как они будут копать без лопат? В трейлере его новые друзья (если их можно считать таковыми) собрались пытать какого-то мужика, напоминающего забулдыгу-ковбоя из шпагетти-вестернов. Затем и понадобилась могила…

— Не сиди на холодном слишком долго, мелкий Джо, — Туве подошла к нему и нагнулась, уперев руки в грязные коленки. — Лучше помоги мне отвалить плиту. Мы же вроде как команда.

Не препираться же с сумасбродкой! Джо поплелся за ней.

Рядом с трейлером в дорожном покрытии был выжжен неровный четырехугольник. Если бы Хайд решил осмыслить увиденное, он бы вынес следующий вердикт: «Поверхность повреждена концентрированным энергетическим пучком», — или что-то не менее занудное. Туве просунула пальчики в оплавленную щель, взглядом приглашая Джо присоединиться. Вдвоем они с трудом подняли кусок бетона и с грохотом обрушили его на противоположную сторону ямы.

Мокрицы и муравьи бросились в щели и норы, белесые черви корчились, вырванные из привычного подземного тепла.

— У меня нет лопаты, — Джонатан брезгливо покосился на копошащихся тварей и вытер ладони о штаны.

— Не волнуйся, самое сложное позади. — Туве начала совершать непонятные, но смутно знакомые движения. Они вызывали ассоциации с детством и зимой — таким же образом маленький Джо (да и всякий другой ребенок) скатывал снежки.

Вскоре у Туве в руках пылал ровным иссиня-белым светом небольшой шарик. Девушка оценивающе взвесила его на руке и кинула в пролом. Джо любопытно вытянул шею: около кубометра земли просто… Вместе с копошащимися букашками, личинками и вездесущим подорожником. Повторив вышеописанную операцию еще пару раз, Туве устало вздохнула и уселась на пыльный растрескавшийся бетон.

«Сама непосредственность», — изумился Джонатан, в котором уже принял охотничью стойку безжалостно оттеснивший вместе с наперебой галдящих о волшебстве, девках в бронелифчиках и прочей нелепице.

Разумеется, Джонатан Хайд не вполне соответствовал довоенному словечку , хотя на его книжной полке (до того, как ее милосердно разложила на атомы гроссийская ядерная боеголовка) обретались и серия «Игр на престоле», и «Приключения Черного Эльфа в Позабытых королевствах», и дрянной худлит, посвященный вселенной «Топора войны», и другие издания, чтение которых считалось постыдным в кругах . Да, Джо изредка собирался со своими школьными дружками поиграть в «Лабиринты драконов» и, чего греха таить, не раз забивал в поисковую строку контакт-нета «эльфийки-лесбиянки». Но при всем том Джонатан оставался выдающимся ученым с цепким трезвым рассудком. Чудесам, по его мнению, надлежало ютиться на страницах любимых с детства книжек про мохноногих недомерков, за усеянным крошками пиццы игровым столом и в иных подобных местах. В реальном мире, пускай даже пережившем глобальную катастрофу, волшебству места не было.

— Как ты это сделала? — вкрадчиво осведомился Джо.

— Я очень захотела, глупый. А если очень захотеть, можно к звездам улететь, не говоря уж о ерунде навроде копания могил.

Джонатан задрал голову. Светящиеся точки, щедро рассыпанные в чернильной тьме, подмигивали ему, будто подначивая, предлагая Он никогда не видел столько звезд, даже в заповеднике Редстоун, где они с Феорой отдыхали накануне разрыва…

— Не слишком-то заглядывайся, мелкий Джо. — Обхватив Хайда за щеки ладонями, Туве мягко опустила его голову, оторвав от созерцания горних высей. — В это время года там холодновато — для начала раздобудь куртку и теплые носки. Шапку и шарфик я, так и быть, попрошу у Птицына.

— Кто же ты на самом деле? — Джонатан накрыл Тувины ладони своими.

— Просто я, — ответила девушка, высвободив руки, и направилась к трейлеру. — Могила готова!

**

— Спасибо, Туве, но нам пока не нужно! — крикнула я, посмеиваясь про себя над побледневшим Бутчем. Даже если он собирался артачиться, теперь это пагубное желание пропало у него окончательно.

— Кекс, а чой-то ты заперся с девочками-припевочками? — донесся ехидный голос Акселя. — И с фига ли Джо с рыженькой роют ямы под окном?

Я открыла.

Цыганин поддерживал под локоток изрядно захмелевшую Салли, живую и здоровую. Не иначе у Акселя имелись особые виды на трейлер. Вместо того ему пришлось в качестве возглавить делегацию к Ларри Фостеру. Нельзя же отправлять ценных свидетелей грязной политической игры кеблинского шерифа под охраной сопливого мальчишки и женщины (меня и Тианы). Прочие сочли это мероприятие чересчур унылым.

Итак, мы сдали шлюху и помощника шерифа Фостеру. Конечно, он не обрадовался, выслушав их, но, как человек приличный, поблагодарил нас за помощь и содействие. Похоже, мы с лихвой отработали задаток. Мне бы возгордиться — ведь благодаря моей пытливости удалось все обтяпать, — но это довольно низко, недостойно даже. Что мне, удачи жалко, что ли?

Теперь можно было посвятить несколько часов отдыху. Чем все с чувством выполненного долга и занялись. Ничью, даже Натанову, голову не посетили опасения за судьбу табора.

Я долго маялась, пытаясь представить, какие такие блага шериф дрянного городка в жопе мира посулил главарю бандитов, не располагая, по сути, неограниченным доступом к городскому

топливному хранилищу или запасам еды. В итоге меня одолел-таки сон.

**

Многие полагали, что после ядерной войны уцелеют крысы, тараканы и несколько разновидностей кузнечиков. Никто и не думал о кроликах или сурках.

Крысы с тараканами издавна паразитировали на людских сообществах и являлись не меньшим продуктом цивилизации, чем род человеческий. Нет, их легендарная живучесть и приспособляемость никуда не делись, да и война, продлившаяся около восьми часов, обильно снабдила пищей и крыс, и тараканов на несколько лет вперед, обеспечив резкий прирост численности. Однако позже, в разгар Долгой Зимы, обнаружилось, что эти существа вкусны, богаты белком, просты в приготовлении и поимка их связана с меньшими затруднениями, чем можно предположить. А крысиные шкурки оказались незаменимы для нужд легкой промышленности.

Люди открыли охоту на своих мелких неприятных соседей, да и те, в свою очередь, жрали преимущественно друг друга. Теплолюбивые насекомые вскоре сдались под двойным натиском. Пасюки, напротив, долго удерживали занятые позиции. Байки о стаях, обгладывающих человека до костей в течение десятка минут, до сих пор с замиранием сердца слушают у костров в разных частях света.

И все-таки жестокая правда состоит в неоспоримом факте: люди практически истребили вышеупомянутых существ. Причиной тому стал и масштабный отлов, и, самое главное, катастрофическое (с точки зрения животных-синантропов) снижение производимых человеческими сообществами отходов.

Сурки и кролики — другое дело.

Еще до войны в некоторых лармериканских штатах приходилось закачивать под землю ядохимикаты: иначе победить расплодившихся тварей не представлялось возможным.

Вы никогда не увидите крысу или таракана, соблюдая относительно несложные правила гигиены, в худшем случае наткнетесь на следы их деятельности. Сурки же и кролики не таясь копались в городских помойках, не забывая опустошать окрестные поля.

О масштабной борьбе в отсутствие специальной техники и ядов бессмысленно упоминать; единичный же отлов грызунов бесперспективен. Кролик хитер и быстроног, с его убийством возникали сложности как у специально выведенных для этой цели пород собак, так и у вооруженных скорострельным оружием охотников. А голыми руками поймать кролика удавалось лишь героям сказок, негритянских баек и канувших в небытие комиксов. Сурок куда менее быстр, но на порядок осторожнее.

Но главное — все они рыли норы. норы.

Взрывы почти не затронули ареал обитания сурков и кроликов. Во время Долгой Зимы им, разумеется, пришлось не сладко, как и прочим выжившим, зато про них надолго забыли. А когда первый послевоенный фермер, вооружившись ржавой водопроводной трубой в качестве дубинки, подкараулил на свой убогой делянке юркого длинноухого ублюдка, момент для борьбы на равных уже был безвозвратно упущен.

Поразительная штука — естественный отбор.

**

Декстер применил свою излюбленную тактику: скрываясь в редких кустах колючек и высокой жухлой траве, он до темноты наблюдал за потенциальными жертвами. Следовало изучить их повадки и привычки — вызнать о них побольше. А затем под покровом мрака…

Хвост Королевского Тушкана мелко задрожал от предвкушения тех нечеловеческих унижений, которым подвергнутся рейдеры еще до полуночи.

**

Марк подкрутил фитиль жирового светильника и оперся локтем на громоздкий, покрытый облупившейся темно-зеленой краской, болтомет. Херк, ухмыльнувшись, пододвинул стопку карт, сбросив все, кроме одной. Марк мысленно ругнулся: проверить сейчас означало проиграть. Пятеро ополченцев увлеченно резались в «наеби соседа». Фил, Боб и Джоанна напряженно следили за размышлениями оппонента. Тот тяжело вздохнул и уже собрался подсунуть еще пару картишек, вынудив рискнуть кого-нибудь другого, но тут тишину августовской ночи прорезал сухой треск автоматной очереди. Почти сразу за ним прозвучал гулкий взрыв. Игроки мигом повскакивали на

ноги и устремили взгляды на становище рейдеров. Там явно происходило нечто интересное. Опасаясь, как бы головорезы не решились наконец на приступ, Боб взвел оружие и притаился у бойницы.

— Шесть валетов!

Марк, не упустив шанса, шмякнул сверху все свои карты и дернул Фила за рукав. Тот рассеяно вскрыл первую же (единственного валета в наборе), смачно выругался и вернулся к созерцанию бурлящего разбойничьего лагеря. Марк придвинул к себе горку поставленных на кон ценностей и принялся деловито засовывать выигрыш в сумку. Бандиты бандитами, а к имуществу нужно относиться бережно.

Под стенами же разворачивалось форменное цирковое представление.

**

Дабби приложил автомат к плечу и нажал на спусковой крючок. Но он опоздал — прыгучая скотина взвилась над палаткой, оттолкнувшись длиннющими мускулистыми ножищами. А незадачливый стрелок прошил очередью Тощего Гарфильда и его жопастую подружку, ошалело уставившихся в черное небо, куда уносился их брезентовый полог.

Кто-то впопыхах прогревал мотор мотоцикла, другие выбегали из палаток в чем мать родила: паника охватила стан головорезов своими по-кошачьи мягкими, но цепкими лапами.

Наконец отдача повалила Дабби, который никогда не слыл силачом, на груду пустых канистр. Пули колокольным звоном прогрохотали по бронированному боку цистерны, после чего дряхлый Н-16 милосердно заклинило. Повсюду с воплями метались полуодетые люди.

**

Королевский Тушкан был великолепен. Подобно опытному тореадору, играющему с молодыми бычками, он глумился над неуклюжими бандитами, шутя избегая редких стрел и пуль. Ловко отпрыгнув с пути разъяренного мотоциклиста, вознамерившегося провернуть эффектный таран, Декстер удовлетворенно проводил взглядом кувыркнувшегося через руль наездника. Тушкан натянул пыльники за несколько секунд до того, как пробитый ударом о булыжник бензобак вспыхнул вместе с близлежащими палатками.

Сполна насладившись зрелищем учиненного им беспорядка, он собрался уже возвратиться в городок и пожать там плоды своей отваги — обожание женщин и бессильную зависть мужчин, — но блестящим планам не суждено было осуществиться из-за самого обычного суркового семейства.

Декстер провалился в обширную нору по плечи. Днем такие места довольно просто заметить, если знать, на что обращать внимание. Декстер знал, но стояла ночь, поэтому он сейчас и торчал в яме, пытаясь выдавить на лице дружелюбную улыбку, окруженный мрачными, злыми, головорезами.

Лысый лупоглазый толстяк, прикрывший жирные телеса лишь короткими домотканым шортами, медленно занес над головой громадную, утыканную ржавыми гвоздями, дубину. Декстер малодушно зажмурился.

— Погодь, Богри, — раздался вкрадчивый баритон. — У меня есть идейка получше…

**

Большинство значимых поселений располагаются на месте частных или муниципальных убежищ. Кеблин-Таун не числился среди городов крупных, однако история его тоже восходила к довоенным годам, когда какому-то богатею вздумалось возвести личный бункер, а позже расширить его ради тех, кто способен заплатить. Внизу, под улицами Кеблин-Тауна, располагалась запутанная сеть ходов и помещений, часть которых на всякий случай засыпали. Кое-какие, правда, использовались для хранения скоропортящихся продуктов. Но оставались также и потайные норы… Благодаря покладистости Бутча мы получили доступ к катакомбам и планировали с умом применить открывшиеся возможности.

Захария выполнила свое обещание и проникла в бандитский лагерь. Увы, из-за устроенного Тушканом светопреставления ей мало чего удалось узнать. Но главное она выяснила — пленники были еще живы.

Самого же Декстера, привязанного к цистерне и медленно запекающегося на солнце, я заметила утром, прогуливаясь по стенам. К тому времени горожане только и судачили, что о бесстрашном, но теперь обреченном, хвостатом уродце, переполошившем ночью осаждающих. Так или иначе, Тушкан изрядно осложнил нам задачу —

взрыв бензовоза, о котором мечтала Тиана, откладывался. Она требовала вызволить недотепу Декстера, судьба прочих пленников ее не волновала. Зато волновала нас. К сожалению, ни им, ни Королевскому Тушкану до темноты мы помочь не могли. Все напряженно дожидались сумерек. Тиана понуро ковырялась в огнеплюе, Принцесса воров мыла скутер. Птицын с завыванием скакал по стоянке, пугая наших соседей, — должно быть, (кажется, так именуются эти кульбиты у людей). Сагерт с Кирной оккупировали трейлер и вряд ли там скучали, Аксель возился с лошадьми. Заки отсыпалась, Данике тоже еще не вылезал из тканевого нутра повозки, а Натан куда-то смотался поутру, похоже, скрываясь от страстных взоров Элейн. Я же погрузилась в сладостные мечты о «юрале».

**

Джонатан с возрастающим ужасом наблюдал, как его спутники буднично готовятся к массовой резне. Он почему-то не задумался над тем, что им тоже присущи бахвальство и пустословие. В его мозгу вертелись сетования Кирны про разорительность затеи, где придется тратить больше одного патрона на цель, и соответствующий им кровавый образ. Не в силах терпеть это дольше, Хайд, побродив среди машин, отыскал Туве, спящую в ржавой бочке. Девушка подняла голову, вяло моргая заплывшими со сна глазками. Выглядела она довольно комично — Джо усмехнулся.

— А ты бывала уже в Кеблин-Тауне? — спросил он. Фраза «с добрым утром», которая вертелась на языке, как-то не вязалась с солнцем, давно миновавшим зенит. — Может, посмотрим, что здесь интересного?

— Давай попробуем, — флегматично согласилась Туве. — Хотя все эти городки на одно лицо. Как разбитые и криво склеенные тарелки.

Она выползла из своей «спальни», каким-то чудом умудрившись не ободрать колени, и, потянувшись, встала рядом с Джонатаном.

Разумеется, девушка оказалась права. В Кеблин-Тауне не обнаружилось достопримечательностей, заслуживающих внимания, по крайней мере, топливное хранилище, кирпичная тюрьма и кособокая часовая башня к ним, по мнению Джо, не относились.

Гуляя, Хайд подмечал, как окружающие реагируют на его спутницу. Некоторые, конечно, провожали ладную фигурку Туве

сальными взглядами, но большинство брезгливо косилось на уши и амулеты, иные складывали пальцы в знаки, защищающие небось от дурного глаза. Джонатану также перепала порция негатива — ведь он якшался с бродяжной нелюдью.

— А там, откуда ты родом, у всех такие красивые уши? — Джо решил приободрить девушку, заметив очередную абракадабру из пальцев, выставленную в ее сторону какой-то бабкой.

— Уши — твой фетиш? — Туве приподняла бровь, и Хайд смутился, припомнив похотливых эльфиек-лесбиянок. — Там, откуда я родом, были самые разные уши, если тебя именно это интересует. По паре одинаковых на каждой отдельно взятой голове.

— Нет, не фетиш, — пробормотал он. — Но почему-то я уверен: в порядке вещей такие уши, как у меня, Натана, Кирны, ну, в общем, у всех, кроме тебя и Тома.

Пытаясь поскорее замять щекотливую тему форм и размеров ушных раковин, Джо всучил Туве, уже раскрывшей рот для ответа, пару леденцов. Пока девушка жевала, он задал следующий вопрос:

— А почему ты покинула дом? Наверное, за тебя волнуются… Впрочем, я-то рад. Приятно, когда за тобой присматривают, — Хайд несмело улыбнулся. — Вообще у нас с тобой практически случай инбридинга…

— Инбридинга? Так ты называешь то, что сделал с Принцессой воров? Вроде бы это зовется иначе. — Увидев, как лицо Джонатана страдальчески вытягивается и заливается румянцем, Туве подмигнула ему: — Все просто: я не люблю скуку, мелкий Джо.

— Элейн — эффектная женщина, но в ней есть немного от самки богомола. Та пожирает своих партнеров после соития, — Джо потупил глаза.

Ему показалось, Туве всерьез осуждает его. А та молчала.

— Ей нужен не ты. — Девица с хрустом разгрызла остаток конфетки. — Может, Натан.

— Знаешь, я тоже так считаю. — Джо, уже начавший нервничать, воспрянул духом. — Ей нужны не мужчины, а то, что у них есть. В кои-то веки я почти рад своей нищете.

— Она уже немолода и мечтает завести семью, — продолжала Туве, поправляя с едва заметным оттенком кокетства свой

легкомысленный наряд. — Но нельзя вступать в серьезные отношения с тем, кто не умеет вить гнезда.

— Гм. Тогда, пожалуй, мне стоит овладеть этой наукой. Надеюсь, под твоим руководством.

Джо никогда не был специалистом по общению с женщинами, а Туве вообще являлась для него сложнейшим ребусом. Ему вспомнилась книжка «Обезьянья планета», герой которой, помимо прочего, танцевал, вил гнездо и вытворял другие нелепости, пытаясь завоевать расположение красавицы-дикарки. Хайд, правда, еще не созрел морально для брачных танцев и постройки гнезд, но избежать их, похоже, не удастся.

— Но я не с Элейн хочу вить гнездо, — быстро добавил Джонатан.

— Тебе еще рано задумываться о таких серьезных вещах, как гнездование. — Туве всецело погрузилась в возню со своим топиком, одна из завязок которого перетерлась. — Начни с простого — с рытья могил.

— Я не могу дезинтегрировать материю. В свете этого начну с поисков лопаты. А ты умеешь вить гнезда?

— Конечно, умею. Все туве умеют их вить.

— Мне повезло, один я вряд ли справился бы, а с такой наставницей — освоюсь. — Джо вздохнул, несколько раздраженный необходимостью соблюдать идиотские дикарские ритуалы. — А пока я еще не решил, чем заняться в мире, уж очень он странный и жестокий. — Тут взгляд Джо зацепился за белую спираль на плече собеседницы, и он поинтересовался: — А зачем на тебе рисунки?

— Все хорошо воспитанные туве наносят анима-разметку, — рыжая почесала руку, прочертив в узоре царапины.

— Погоди-ка! — Хайд придержал ее за локоть. — Разве Туве много? А как же твоя уникальность?

— Глупый Джо! — девица хихикнула.

Не иначе он вновь оплошал, выдав свою неосведомленность о неких вещах. Поди, дикарка уже записала его в дураки. Примерно те же чувства у Хайда пробуждал его приятель, не способный самостоятельно отладить операционную систему своего домашнего компьютера.

— Мы все туве. Но поскольку у Мэйби-туве есть имя, то он туве с маленькой буквы. А я обыкновенная туве, но достаточно важная, поэтому начинаюсь с заглавной. Ты ведь знаешь про буквы, да?

— То есть у тебя нет другого имени? — Джонатан пропустил последний вопрос, побоявшись осрамиться вновь. — Тогда я буду называть Туве только тебя. Я не глупый, просто пока мало знаю. Но я учусь. Кстати, мне удалось раздобыть спальник — тебе больше не придется ночевать на голой земле…

— Не стоит слишком зависеть от вещей.

— Вещи — всего-навсего инструмент. Почему бы не воспользоваться им? — удивился Джонатан. Его немножко задело то, с каким откровенным презрением Туве отнеслась к подарку. Мешок из кроличьих шкур, хоть и пах прескверно, обошелся ему, между прочим, в леденец, девять картофелин и два килограмма вяленого мяса, которые втихомолку пришлось взять взаймы в таборе. — Пока есть кровать, можно спать в ней, а если нет, тогда уже на земле. Неужели ты и дома спала на полу? — В итоге Хайд не утерпел и съязвил: — Похоже, ты тоже не так давно родилась.

— На твое счастье, достаточно давно, чтобы позаботиться о нас обоих, — сурово откликнулась Туве. — Вещи коварны: сейчас ты разглагольствуешь о своей воображаемой независимости, а завтра Колесо Вселенной давит тебя, потому что ты забыл дома смену носков.

— Ты преувеличиваешь, потеря вещей — это лишь досадное неудобство. — Джонатан с грустью представил навсегда утраченный комфорт своей пятикомнатной квартиры. — До тех пор пока я не вылупился, мне снился сон про другой мир. Мир без руин, мир, где людей не убивают только из желания повеселиться. Нет, разумеется, существовали свои сложности, но жизнь ценилась больше. — Туве внимала, слегка наклонив голову и любопытно приподняв мясистое ухо. — Хотя тебе там не понравилось бы, наверное. То был мир вещей. И девушки в костюмах, как у тебя, встречались только на пляжах и в бассейнах. По сравнению с этим сном нынешняя реальность переполнена злобой. Все можно решить миром, но люди продолжают убивать. Я, конечно, не имею в виду тебя. Ты уникальное исключение.

— Мне доводилось убивать, мелкий Джо. Насилие — неотъемлемая часть бытия. Иногда оно служит вполне адекватной заменой другим способам общения. Что касается твоей грезы… Сны

обычно или не значат ничего, или наоборот — значат очень много. Одно точно — мир, который тебе приснился, плох. Хуже настоящего.

— Тот сон имел для меня значение… но его не вернуть. Придется жить здесь и сейчас. –Джонатан протянул Туве еще леденец. Пора бы уже продумать модель отношений без них, ведь конфетки потихоньку заканчивались. — Скажи, а тебе не колко ходить босиком?

— Я уже говорила о вреде вещей. — Девушка, по своему обыкновению, закинула сосалку в рот, не разворачивая. — Мне не нужны ботинки, чтобы не раскроить ногу о камень.

Целый день Джонатан (не считая неуклюжих и наивных попыток флирта) пытался осмыслить Туве с точки зрения науки, но выяснить, кто же она такая, представлялось очень даже нетривиальной задачей. Регенерация тканей, контролируемые энергетические выбросы, уши. «», — шепнул ребенок из глубин подсознания. «», — вторил ему подросток. Биоконструкт? Инопланетянка? Акселевские Старшие Братья выступили вперед. Неизвестный науке вид? Взаправдашняя мутантка с суперсилой? Ученый не приблизился к разгадке ни на шаг. Пока Туве оставалась просто Туве, странноватой девицей в обрывках выцветшей ткани и бренчащих амулетиках. Оставалась Наверное, впервые за долгие века страсть сплелась в чьей-то голове с живейшим научным интересом.

— Иногда ты какая-то слишком уж серьезная. Хотя вообще такие ноги, как у тебя, следует беречь. — Неуклюжие комплименты рождались как бы сами собой, помимо Хайдовой воли.

— Разве ты не поклонник моих ушей? Странноватая манера — делать комплименты отдельным частям тела. — Расплата не заставила долго ждать. Джонатан в очередной раз мысленно пообещал себе следить за речевым потоком в присутствии симпатичных женщин.

Тем временем Туве поучала его:

— Жизнь — серьезная штука. Серьезная, но не занудная!

— Мне пока трудно судить. Всего-то пару суток вне яйца! — побледнев, выдавил из себя Хайд. Предательский язык ляпнул вдогонку: — Я поклонник тебя всей.

— Даже не знаю, хорошо это или плохо. — Туве неопределенно .

— Конечно хорошо! Позитивное отношение всегда лучше негатива. — Джонатан хотел придать голосу убедительность, но

получилось так себе, и он поспешно сменил тему: — Кстати, а как тебе наши спутники?

— Они путешествуют. Это мудро.

— Я не про то спрашивал….

— Людей трудно узнать так быстро, ты не находишь? — Туве лукаво ухмыльнулась.

— Да. Однако мнение-то уже успевает сложиться. Все, кроме Натана, производят впечатление бедовых голов, — заявил Джо, надеясь услышать согласный ответ.

— Боятся те, кому есть, что терять. Вероятно, нашим спутникам бояться нечего.

— Тогда я должен быть абсолютно бесстрашным, а это совсем не так.

— Ну, тебе-то есть, что терять. Ты еще и не пожил толком.

Туве собиралась продолжить, но тут ночное небо озарилось алым, а барабанные перепонки накрыло ревущей звуковой волной. Девушка, толкнув Джонатана в проулок, навалилась сверху и тем самым уберегла его от незавидной участи быть располовиненным стремительно вращающимся автомобильным капотом.

«Нет худа без добра», — рассеянно заключил Джо: лицо его покоилось между выпавших из топа Тувиных грудей.

**

Не помню, кто первым предложил отвлекающий маневр, но идея оказалась великолепная, да и воплощение ее, я считаю, прошло удачно (хотя кое-кто оспаривает это). Ну, при моем участии иначе получиться не могло.

В становище с миссией освобождения отправились, воспользовавшись кеблинским подземельем, Сагерт с Заки, а Тиана и я вызвались отвлечь побольше народу.

В городе, кроме единственных въездных ворот, существовало еще несколько пешеходных калиточек на разной высоте от земли, надежно охраняемых и не менее секретных, чем лаз в катакомбы. Нас с Эльхаим спустили из одной из них на подобии детской «тарзанки» (только не морщите лбы, неужели вы не в курсе, как это выглядит?), и мы устремились в ночь.

Стоило нам отойти метров на триста от городской стены, как наш замысел потребовал незамедлительной порции импровизации: в

темноте мы буквально споткнулись о бандитский разъезд! Ребятки все сделали по-умному, надежно укрыв костерок от нежелательных взглядов, в том числе наших, переносной ширмой, которой послужила металлическая бочка без дна. Пятеро рейдеров намеревались совместить приятное с полезным и прихватили с собой смазливую мясистую девку. К моменту нашего появления один из них похрапывал в коляске мотоцикла, другой остальные, наблюдая за дуэтом голодными глазами, курили и негромко переговаривались. Тиана, которая в минуты внезапной опасности (как, впрочем, и многие другие мои товарищи) бывает до ужаса медлительна, застыла разинув рот. Папироска выпала из ее пухлых обветренных губ и отскочила от потертого сапога. По счастью, головорезы также вытаращились на нас с тупым непониманием, даря мне спасительные секунды для принятия решений. Лишь девкины сиськи продолжали ритмично подпрыгивать в такт движениям партнера — парочка, похоже, достигла той стадии, когда их остановил бы, разве что, огонь небесный, но только не две незнакомки, свалившиеся как снег на голову.

Идея сверкнула у меня между ушами, точно молния: единственное действие, позволяющее выполнить все одним махом (привлечь внимание лагеря, избавиться от пятерых бандитов и спастись от паршивой участи быть убитыми, изнасилованными или съеденными в любом порядке), — выстрелить в мотоциклетный бензобак. И уповать на последствия, многажды виденные мною в фильмах, в реальности же почти недостижимые. Правда, мы находились от мотоцикла в каких-нибудь трех-четырех метрах, но это в сложившейся ситуации показалось мне несущественным. На одном дыхании вытянув трофейный «деррингер» из бокового кармана на бедре, я кое-как прицелилась и, уже падая назад, пальнула в яйцевидную емкость с топливом, последний раз ухмыльнувшуюся миру намалеванным на боку черепом.

«Деррингер» пользуется в пустошах славой или оружия. Маленький, идеальный для скрытного ношения, пистолетик также очень привечают люди с сомнительной репутацией — от карточных шулеров до наемных убийц. Говорят, прикончить из него человека можно только выстрелив в упор. Правда же заключается в другом: крохотный «деррингер» дает всего один шанс, но оставляет дыры.

Чем, интересно, прежний хозяин заряжал свою пукалку? Реальность потонула в чадном мареве, наполненном криками боли, Тианиными в том числе. Девица часто похвалялась способностью (мнимой или реальной — не знаю) сидеть в костре без ущерба для здоровья, но вот сейчас ее подпалило основательно, кроме того, в Тианином животе засела пара осколков. Поэтому она неистово поносила меня и проклинала моих предков вплоть до десятого колена. Бандиты так легко не отделались.

Со стороны лагеря рейдеров послышался шум, ясно указывающий на то, что наша хитрость сработала, — сюда направлялась внушительная группа любопытных. Согласившись для простоты со всеми упреками в свой адрес, я схватила Эльхаим за руку и увлекла обратно к калитке. Там нас ждали с распростертыми объятиями, из которых далеко не сразу удалось выпутаться. Дальше я сдала Тиану Данике, а сама вернулась на стену, где собрались прочие таборчане.

Тут где-то в районе секретного лаза, откуда должны бы уже выползти Сагерт и Заки, раздались вопли. Не иначе диверсантов засекли.

**

Захария жестом остановила следовавшего за ней по пятам Сагерта — снаружи донесся какой-то подозрительный шелест. Негритянка высунулась из черного нутра подземелья, но наверху было не сильно светлее, и разглядеть, кто или что издало этот звук, ей не удалось. Она бесшумно выскользнула из-под валунов, укрывавших вход в катакомбы, на локтях доползла до чахлого кустика и потянулась за ножом (пока возможно, нужно сохранять тишину).

Раздался приглушенный расстоянием и стенами города взрыв, а следом — галдеж в лагере, тарахтенье моторов, шорох шин по земле. Да, Том с Тианой отлично справились. Поблизости от Заки плюхнулся Сагерт. Кажется, это получилось у него случайно, зато своевременно — совсем рядом кто-то чихнул. Неужто головорезы знали о подземелье? Скрип кожаных штанов, шуршание мелких камушков с пылью под подошвами, мелодичное позвякивание чьих-то украшений на одежде. Нелепое пижонство бандитов, даже в дозор напяливших свои узорчатые косухи, вызывало у Захарии улыбку — дилетанты.

Мужчины побродили рядом с валунами, почти наступая на лазутчиков, но ничего не обнаружили и побрели дальше. Дождавшись,

когда патруль отойдет подальше, негритянка совершила короткую перебежку до заброшенной сурочьей норы, в которой засела, укрывшись по глаза. Сагерт последовал ее примеру. Им повезло сделать еще два захода, а потом их заметили и окликнули от ближайшего к границе лагеря костра. Сагерт попробовал старый как мир метод — прикинуться своим. Но выслушав несколько, надо признать, довольно несуразных, ответов бандиты вскочили с насиженных мест, выхватывая тесаки и взводя арбалеты (благо огнестрельного оружия никто из присутствующих не припас).

«А закричать они могут не успеть», — подумала Захария и метнула нож.

Когда Бен с тесаком в солнечном сплетении грохнулся в костер, Тренч торопливо нажал на спусковой крючок, целясь в ту из призрачных теней, которая была ближе. Болт со свистом ушел в небо. Прочие любители пропустить по глоточку перед сном еще вникали в ситуацию, хотя оружие уже держали в руках.

Последним, что увидел Тренч, было суровое лицо Сагерта. Потом кулак бойца отправил бандита грабить караваны в загробном мире. Почему-то больше никто не выстрелил, завязался ближний бой, в котором у рейдеров почти не имелось шансов.

Захария еще немного понаблюдала и решила оставить соратника веселиться, а сама направилась искать пленных горожан.

Сагерт же, против ожиданий, не веселился, а смертельно скучал: все эти здоровенные, но неуклюжие мужики не составляли ему серьезной конкуренции в рукопашной, да и самострелы тоже особого вреда ему не причинили. Если так, может, получится перебить ублюдков в одиночку? Боец, безусловно, отдавал должное мастерству Захарии, но ей придется сейчас выручать купеческого сынка, искать дурацкого Тианиного дружка и остальных узников (если их еще не съели).

**

Мне на плечо легла горячая ладонь Тианы. Она перекатывала в зубах очередную (из бесконечной череды выкуриваемых за день) самокрутку и напряженно вглядывалась в сторону лагеря. Я знала: она смотрит на еле заметную в темноте цистерну, уже предвкушая будущий разгул пламени. Или все-таки ее будоражило обладание

несметным количеством топлива? А еще красотка волновалась за Декстера, хоть и старалась это скрыть.

— Томми, ты мне должен за случившееся, — медленно произнесла девица, поглаживая перевязанный живот. — Самое время взыскать с тебя. Ты же проводишь меня туда?

Иногда Тиана норовит применить на мне свои чары, ну и приходится поддаваться — я же настоящий мужик, а ни один из них не откажет дамочке. Аксель попытался было задержать нас, но, поморщившись, только рукой махнул, ведь еще ни разу у него ничего не получилось.

Мы рванули к потайному ходу в багажнике «вольксвагена» в одном из тупичков неподалеку от стены.

За нами по пятам семенил Данике, пытавшийся образумить свою взбалмошную пациентку. Но его доводы пролетели мимо, не задев извилин в голове Тианы. В результате док присоединился к вылазке, и вдохновлял нас ценными врачебными рекомендациями. К несчастью, его гугнеж слабо напоминал пламенную речь вождя.

Хотя особенно-то мы и не скрывались, нас никто не остановил, ибо Сагерт с Захарией устроили в лагере нечто невообразимое. Повсюду метались перепуганные люди, визжали девахи, кто-то открыл пальбу (не исключено, что по своим же), некоторые палатки обрушились, укутав своих владельцев надежнее смирительных рубашек, полыхало несколько машин. Да и недавно вернувшиеся с разведки рейдеры, доставившие вести о пяти , внесли немалую лепту в общую сумятицу.

Наконец наша троица достигла бронированного монстра. Мотор тягача, к которому крепилась емкость, прогревался. Судя по всему, водитель получил приказ, а, может, решил слинять. Я начала карабкаться к пленнику, уступив честь разбираться с водилой Тиане и Данике.

Наверху, распластанный между двумя люками, лежал Королевский Тушкан. Он основательно прожарился на солнце за день и не сразу очухался, когда я слегка потрепала его по щекам. А как только очнулся, перво-наперво возмутился нашей нерасторопностью: он-де не оставил бы камрада в беде так надолго. Привычно пропуская мимо ушей обвинения и жалобы, я нашарила в кармане куртки кусок

проволоки и без особых усилий отомкнула замки на цепях. Декстер сел, потирая ссадины на запястьях и лодыжках, но продолжил бухтеть.

Вот тут-то бензовоз дал гудок, взревел и начал набирать скорость. Из окна выглянула Тиана и, заливисто рассмеявшись, предложила покататься.

Гребаная психопатка! Мы с Тушканом еле успели ухватиться за концы цепи, когда грузовик зашел на первый поворот, разметав нас по разным сторонам цистерны.

**

— Горожане окружают, пора сматываться! Этой махине не проехать, беги! — истошно заорала Тиана, распахнув дверь в кабину.

Но Гас, не первую неделю отвечавший за безопасность цистерны, был не робкого десятка. Он втащил гостью внутрь и уже почти вдавил педаль газа, когда девка, извернувшись, ударила его ногой в ляжку и принялась выдавливать из кабины. Водитель, процедив ругательство, ткнул ей в физиономию потной грязной ладонью, измазав щеку и нос девицы в масле. Эльхаим приготовилась хорошенько вломить хаму, когда водительская дверь открылась и в проеме мелькнул Данике. Новый участник потасовки подействовал преимущественно на нервы Гасу, потому что воздействовать на него физически — выкинуть из кабины мужика весом в полтора центнера — Данике не удалось. Гас ударил пришельца локтем в грудь, и тот повис на дверце, едва не улетев под колеса проехавшего мимо мотоцикла.

Тиана захлопнула дверь и уперлась в нее спиной, а обеими ногами — в бок противнику. Жиртрест положительно начинал ее бесить.

Дальше все произошло очень быстро. Эльхаим с остервенением пнула толстяка, потянувшегося к лезущему обратно Данике, который, выхватив из-за плеча стрелу, нацелил ее толстяку в глаз. Водитель выпал из кабины, а доктор, напротив, ввалился внутрь, распоров наконечником Тианину рубашку. Последовала короткая пауза, во время которой Данике лицезрел открывшиеся красоты, затем Эльхаим скинула с себя ошалевшего дока и протиснулась за руль.

— Прокатимся с огоньком? — крикнула она Данике, сверкая полубезумными глазами, всучила ему связку «долотовых» и вдавила кнопку гудка.

Гас предпринял попытку вновь овладеть бензовозом. Он уже взобрался на первую ступеньку, держась за дверную ручку, но девка

прислала ему тяжелым сапогом в харю. Гнилая дверца оторвалась вместе с вцепившимся в нее жирнюком. Одержав эту нелегкую победу, Эльхаим соизволила вспомнить о Томе и Декстере, высунулась наружу и предупредила мальчиков о предстоящей прогулке (для них особенно захватывающей — непристегнутыми, на обшитой ржавым острым железом цистерне).

**

Если вы спросите, хотела бы я повторно прокатиться верхом на бензовозе, то нет. И еще раз нет, если за рулем сидит Тиана Эльхаим. Тягач набирал скорость, давя на своем пути людей, технику, палатки. Из кабины раздавался демонический хохот пироманки и летели «коктейли долотова». Впрочем, это меня занимало слабо, гораздо сильнее волновала собственная судьба — аккурат сейчас цепь скользнула в мою сторону, вынеся Тушкана наверх, а я чуть не попала под колеса. В следующий миг уже мое тело вознеслось к люку, а Декстер перебирал ногами почти по земле. Невдалеке перед тупорылым капотом грузовика маячили ворота.

— Поворачиваем! — радостно завопила Тиана.

Нашу с Тушканом связку подкинуло, и ненадолго мы оба зависли в воздухе, ожидая неминуемого падения в ближайшее пожарище. Внизу продолжала маневр, заваливаясь на бок, цистерна. Под нами проносилась ее надежная, почти родная шершавая поверхность. На самом деле снижение уже началось, просто мы еще об этом не знали.

Вдруг цепь попала в щель между люком и скобой запора — нас дернуло, по очереди припечатало к бронепластинам и начало полоскать, как белье на ветру. На сей раз цистерна не рухнула. Но сколько поворотов она еще выдержит? А сколько выдержим мы?

Руки, чудом не выдранные из суставов, болели, ладони саднило, но я все же поползла вверх. Оказалось, Декстера также осенило, поэтому немного погодя мы встретились на крышке люка.

— Ты сможешь прыгнуть отсюда? — задыхаясь спросила я.

— Чико, я — король прыжков! Давно пора заучить… — даже стоя на четвереньках, судорожно ухватившись за скобы, страдая от голода, жажды и солнечных ожогов, Королевский Тушкан не забывал о поддержании своей репутации.

— Назови меня так еще, и я тебя сам почикаю, — прорычала я, потом спокойнее предложила: — Прыгаем сейчас!

Не дожидаясь возражений, я оседлала Декстера, крепко обняв его за плечи. Одновременно я ощутила неприятное жжение в левом ухе, предвещающее опасность, и игру Тушканьих мышц спины, отправляющих нас прочь с цистерны. Надсадный скрежет, вой вхолостую крутящихся колес, противный хруст стекла и сдавленные крики подтвердили, что ретировались мы очень вовремя.

**

Данике с ужасом наблюдал за победным маршем хаоса — грузовик давил, сбивал, а сам он периодически кидал в окно зажигательную смесь в бутылках — и думал о заразности психических заболеваний. Завораживающая безумная красота девушки на соседнем сидении была сродни буре, извержению вулкана, землетрясению, то есть губительна. Тиана запалила от самокрутки очередной «коктейль» и бросила его в дверной проем (банка со звоном разбилась о капот какого-то автомобиля, сзади взметнулось пламя). По крайней мере, они уже ехали в противоположную от города сторону.

Тут Данике увидел прямо перед носом бензовоза Элейн, выкатившуюся из палатки на своем мотороллере. Принцессе воров оставалось жить около трех секунд, если тягач не сменит курс. Гибели ее доктор допустить не мог. Он бросился к Тиане и, невзирая на яростное сопротивление, резко выкрутил руль. Чувствуя, как вздуваются вены на руках и шее, мужчина захрипел, но, уже падая, заметил — цыганка уцелела. Сверху навалилась Тиана. Окурком Данике прижгло щеку, и его поглотило забытье.

**

Захария ударом в пах свалила верзилу-охранника и скользнула в палатку. Ее взору предстала неожиданная картина: искомого юношу, фостеровского сына, грузила на свой скутер Элейн. Похоже, дрянь вознамерилась присвоить славу, а главное, плату за выполненное задание, себе! Принцесса улыбнулась негритянке и газанула, однако Заки стащила-таки парня с багажника. Элейн, не успев затормозить, выехала наружу. Оттуда в адрес негритянки донеслись проклятия, потонувшие в громоподобном гудке тягача. Захария махнула девке рукой, взвалила обессилевшего пленника на плечо и шагнула к противоположному выходу из шатра. Было стыдно оставлять прочих узников, обнаружившихся здесь же в клетке, но Заки надеялась возвратиться за ними чуть позже.

Она отвернулась как раз в тот момент, когда клетку и ее содержимое с леденящим душу скрежетом и чавканьем придавило завалившейся на бок цистерной. А затем саму Заки и ее подопечного подцепило опорой под днищем емкости.

**

Элейн, грязно бранясь, неслась к городу. Все нутро холодело от мысли о том, что жизнь ее могла закончиться под колесами взбесившегося грузовика. Нет, это слишком даже для нее! Долбаные психи! Она же точно видела за лобовым стеклом чокнутую брюнетку и костоправа. Кого и где понабрал Аксель ?

**

Королевский Тушкан подсадил меня на колесо бензовоза, а сам вспрыгнул следом сразу на бок кабины и осторожно заглянул внутрь. На пассажирской дверце лежали два тела, обильно присыпанные битым стеклом. Мы никак не решались окликнуть их, полагая, что Данике и Тиана вот так, в объятиях друг друга, завершили свой жизненный путь. Вдруг девица шевельнулась, сбросив большую часть крошева на врача, и смачно выругалась. Судя по ее словам, док посмел указывать ей, как управлять машиной (я передаю суть ее монолога, опуская цветистые узоры, обрамляющие личность и поступок Данике). Нам с Тушканом тоже досталось.

С помощью веревки, найденной мной в окружающих руинах, удалось вытянуть потерпевших на волю. Данике тут же предложил свалить отсюда подобру-поздорову — из многочисленных пробоин неумолимо вытекало горючее, а огонь пожарищ подбирался все ближе. Мы согласились. Но не пропадать же драгоценной жидкости! И я побежала искать подходящую тару, пока остальные отправились за транспортом — пешком никому добираться не хотелось.

**

Сагерт шел пошатываясь мимо обезумевших людей, мимо машин, мимо, мимо, мимо… Его гордость была уязвлена, но ее следовало смирить. Довольно сложная задача, когда у тебя в боку засел изрядный заряд дроби, одежда прилипла к телу, а в штаны стекает кровь. Боец знал: победа за ним. Стрелок, неповоротливый жиртрест в розовом шлеме и жилете на голое тело, лежит со сломанной шеей. Но это мало успокаивало — мужик подстерег его, попал, унизил.

— Куда ты опять вляпался? — прорезал уже привычную мешанину звуков голос Кирны (откуда она тут?!).

— Кирна…

— Придурочная Тиана перевернула цистерну, там скоро все взлетит на воздух. Правда, мне удалось кое-что спасти, — девица сунула Сагерту в руки побулькивающую канистру, неожиданно тяжелую (он едва не упал), — и ты поможешь мне это донести.

Сагерт ухмыльнулся, приняв ношу. По его прикидкам, здесь было литров двадцать, не меньше. Крепкая она все-таки девка! И практичная. Сейчас его умилила подобная запасливость, хотя чаще раздражала, ведь Кирна упорно навязывала «своему мужчине» приверженность к материальным благам.

— Если б я подоспела пораньше, у нас бы появился свой бензовоз! — зудела Кирна, периодически подцепляя что-нибудь из окружающего хаоса вещей. — Почему ты не взял меня с собой? Уж я бы точно эдакого богатства не просрала.

**

Мне на глаза попалась добротная чугунная ванна на колесиках — ума не приложу, кому и зачем она понадобилась, — я выкинула из нее какой-то мусор и принялась толкать к цистерне. Все это время меня не посещала мысль обернуться, посмотреть, как там мои друзья, что поделывают, но процесс перемещения сантехнического монстра по просторам разворошенного рейдерского лагеря определенно требовал помощи. Совершив финальный рывок, я смирилась, потерла ноющую спину и подняла взгляд.

Для кого-нибудь другого зрелище сие стало бы последним. Ребята расселись во внедорожнике, напрочь забыв обо мне. Автомобиль чихнул, затарахтел и послушно тронулся к городу, переваливаясь через руины палаток и техники. В общем-то, мне оставалось лишь развести руками и так же направиться обратно (собирать топливо в компании весело, но в одиночку я этим заниматься не готова). Если бы не маленькое «но». Крохотное, тлеющее с одного конца и обмусоленное с другого, вонючее, теряющее пепел «но». Незатушенный Тианин окурок! Машина отъехала уже довольно далеко, когда изящные тонкие пальцы послали чинарик четко в топливную лужу, натекшую из цистерны. Пока смертоносная искра летела, я успела истошно заорать и прыгнуть в ванну.

**

Жаркая волна поглотила все в радиусе двухсот метров, на мгновение ослепив собравшуюся на стене публику. Аксель закрыл глаза и покачал головой — несколько минут назад к нему присоединилась взбешенная Элейн и просветила его в вопросах, какой идиот устроил гонки на бензовозе и где сын Ларри Фостера. Похоже, цыганское сообщество вновь проредили безжалостные обстоятельства. Принцесса воров продолжала брюзжать. Внезапно кто-то справа прошептал: «Это ж гребаная ванна!» Вслед за фразой стену сотряс мощный удар — что-то со скрежетом вписалось в нее в полутора метрах под ногами Акселя. Несмотря на опасность получить осколок в голову, цыган свесился из бойницы: действительно ванна, наполовину ушедшая в стену, на дне которой свернулся клубком довольно лыбящийся Том.

— Не рыпайся, шкет, — выпалил ошеломленный цыган и быстро ретировался.

**

Я и не собиралась рыпаться, понимая, что прибыла в авангарде разномастных обломков. Тут, кстати, в оградительный ров забросило внедорожник с остальными. Зад автомобиля полыхал. Оттуда, пригибаясь, высыпали мои так называемые друзья и укрылись за валом мусора. Началась неистовая бомбардировка пламенеющими останками: покореженный раскаленный металл, плавящиеся на лету ошметки пластика, яркие метеоры машинных кресел и куски людских тел. Осколки летели нескончаемым дождем.

**

Захария почти добралась до тайного лаза. Сынок Фостера, дважды спасенный сегодня, счастливо вырубился, когда осознал, что на него льется горючее из пробитой цистерны. Сопляк! Теперь его приходилось тащить на себе. Вдруг раздался чудовищный грохот — у Заки заложило уши. Она обернулась и увидела закрывший небо и землю, стремительно увеличивающийся клубящийся бок огненного пузыря. Негритянка отчаянно рванулась вперед, ее почти ласково толкнуло в спину, опрокинуло… Она ощутила, как сухая почва под ногами рассыпается, оседает, проваливается, а следом на нее обрушилось раскаленное нечто, окончательно ввергнув в подземную (или загробную?) тьму.

**

— Владилен Михайлович, мы колесим тут уже битых два часа! Если вас не осенило, признайтесь в этом! — крикнула я сквозь рев трофейного «юрала», доставшегося-таки мне (завидуйте, трусливые кеблинцы!), в коляске которого вместо страшного орудия угнездился лесник. Пожалуй, мотоцикл был для меня тяжеловат.

**

«Вот помню в сорок пятом, внучек… — вещал в голове у Птицына его дед, — попер на меня, значится, танк. Здоровая бандура (любил Тиглер большую технику, страшную) — отступать некуда. Схоронился я в итарьянском окопчике, да глубиной тот не вышел: ни копать-то, ни воевать итарьяшки не умеют, хе-хе, — предок прокашлялся. — В нем бы мне и гнить, как есть, заживо подавленному. Однако я ж не пальцем делан! — тут раздались сумбурные недоверчивые комментарии генерала и Бэллы. — Закатился в канавку да дверью автомобильной прикрылся. Там всякое случалось…»

**

Владилен на ходу неловко выпрыгнул из коляски и начал раскидывать какой-то завал. Кое-как затормозив своего скакуна, я поспешила к дедку на помощь. Вскоре из-под металлической кровати, перекрывшей дыру обрушившегося свода катакомб, мы извлекли бесчувственных Захарию и фостеровского сына.

**

На рассвете цыгане потянулись к дому Ларри Фостера, транспортируя на самодельных носилках его изрядно помятого, но живого отпрыска. Счастливый отец встречал нас в дверях. В собственность табора перешли несколько бочек с отменным топливом, два литра медицинского спирта, за который позже велся нешуточный бой между нашими лекарями, и хренова куча еды. Поистине щедрая оплата труда! Мне удалось стибрить банку клубники в сиропе.

**

Генри Свирф не был крутым парнем, но и дураком не был тоже. Познав о пожаре в борделе, шериф возрадовался. Но Бутч не возвращался, и радость Генри таяла с каждым часом. А уж как только он увидел Салли, выходящую из фостеровского особняка, то и вовсе приуныл. И все же существовал неплохой шанс спасти положение. В конце концов, кто поверит забулдыге и дешевой шлюхе? Однако,

заслышав далекую стрельбу и оглушительный взрыв, а затем ликующие вопли на улице, шериф, даже не выглядывая в окно, сообразил, что карьера его, по крайней мере в качестве главы правоохранительных сил Кеблин-Тауна, завершилась. Теперь, когда фостеровские наймиты расправились с рейдерами, горожане проглотят все, сказанное купцом. Хоть бы он заявил, что облака — из ванильного мороженого, а солнце — апельсин. Но пока еще будущее Генри Свирфа зависело от него самого.

Свирфы числились среди тех толстосумов, кто успел купить себе приличное помещение в частном убежище Джорджа Кеблина-младшего, на месте которого спустя три десятилетия и вырос Кеблин-Таун. Последний в славном роду, Генри собирался далеко пойти на политическом поприще, но из-за одной не в меру болтливой шлюхи, из-за дебила-подручного, из-за гребаных цыган, сующихся не в свои дела, и еще по ряду причин честолюбивые планы рухнули.

Но Генри, как говорят в простонародье, не имел привычки складывать все яйца в одну корзину и держал в рукаве пару-тройку козырей. Да не каких-то дрянных шестерок или семерок! У него в рукаве прятались старшие карты — валет, крепко сжимающий короткий меч, томная грудастая дама и властный бородатый король. Правда, валета побили, а дама в итоге сыграла против Свирфа. Теперь все надежды возлагались на короля. Туза у Генри Свирфа, увы, не было.

Нанодок, маленькая круглая капсула с закрытым пластиковым колпачком инъектором, превратился в легенду — иные почитали его за волшебное средство, способное поднимать мертвых из могил. Но никаких чудес, по словам Фалко Свирфа, отца Генри, вещица в себе не таила. Максимум, на что она годилась — исцелить от последствий беспорядочных половых связей, вывести из организма яд, обновить набор зубов или восстановить свежеотрубленную кисть руки. Якобы там, внутри, сидели маленькие такие, невидимые глазу, существа навроде муравьев, которые точно знали, как справиться с вышеперечисленными проблемами. По злой иронии судьбы, Фалко умер в пустошах от укуса молодого анакондавра, так и не воспользовавшись помощью чудо-муравейчиков.

Генри тоже берег штукенцию. В крайнем случае он планировал применить ее лет в сорок-пятьдесят, чтобы не мучиться от простатита

и подагры, как бедняга Тандер, освободивший пост шерифа по состоянию здоровья. Но в глубине души Свирф верил: маленькая капсула из полузабытого мифического прошлого способна на большее.

Впервые она послужила на славу, когда головорезы Керроувелла подстерегли Генри и его отряд, отправившихся разделаться с обнаглевшими говнюками. Кроме Свирфа тогда уцелел, несмотря на страшный удар по голове, только Бутч. Впрочем, если учесть эпизод с поджогом борделя, случившееся вряд ли пошло на пользу его умственным способностям.

Поразительно, но и у кровожадных выродков бывают крепкие личные привязанности. Керроувелл, например, оказался заботливым папашей. Именно это (а еще умение правильно выбирать слова) и спасло Генри от ям с раскаленными углями, в которых запекли его соратников.

Для любого дикарского вождя проблема преемственности власти всегда остается одной из насущнейших, а десятилетний сынок Керроувелла явно готовился окочуриться в обозримом будущем.

Свирф очень мало смыслил в вопросах медицины, но даже его скудных познаний хватало для постановки диагноза — мальчишка страдал от тяжелой формы лучевой болезни. Учитывая кочевой образ жизни людоедов на колесах, не брезгующих соваться в пользующиеся наидурнейшей репутацией земли, Генри ничуть этому не удивился. И немедленно вспомнил про нанодок.

Конечно же, получив звезду шерифа, Генри не отдал целебное средство бандиту. Керроувелл продолжал донимать Свирфа своими тайными визитами около месяца: просил, грозил, умолял. Похоже, именно тогда гребаная Салли, любившая на досуге гулять по городской стене (хотя, учитывая царящую среди дозорных скуку, ее туда тянули, скорее, сверхурочные) и заметила их.

Проблемы накапливались, как нечистоты в сточной канаве.

А тут еще пожаловала делегация из Нового Лармериканского Объединения. На тайном совещании тупица-мэр отклонил весьма, на взгляд Генри, заманчивое предложение примкнуть к молодому государству. Зато покладистому шерифу люди из НЛО оставили маленький спутниковый переговорник, пятизначный номер, который Свирфу порекомендовали зазубрить наизусть, и напечатанное на бумаге (о небо, название места, где всегда . То бишь, если Генри

внезапно приспичило бы что-то рассказать своим новым друзьям, лучше было сделать это оттуда.

Теперь у него имелось, что рассказать. Главное, заинтересовать избалованных цивилизацией спесивцев, вынудить их поднять жопы и вызволить его отсюда, иначе, чего доброго, придется отвечать за свои поступки перед кеблинским судом.

Свирф вынул из ящика стола маленький курносый «юзи», сунул в карман запасной магазин, в другой положил аккуратно завернутый в тряпицу нанодок и переговорник. Остальные вещи вряд ли ему понадобятся в райских кущах директората НЛО, пропуск в которые он рассчитывал заслужить с помощью нанодока. Уже через пять минут Генри неспешно шагал по тускло освещенному подземному коридору для личных нужд, с каждым шагом удаляясь от Кеблин-Тауна.

**

Бриггс нахлобучил дурацкий шлем последним из троих. Ублюдочная штуковина давила на затылок, обеспечивая после получаса ношения премерзкую головную боль.

— Как вы думаете… — сидящий справа от Бриггса Поул развлекался, включая-выключая красные осветители на плечах костюма. Дикари от этих фонариков приходили в неописуемый ужас. — У него действительно есть нанодок? Я считал его сказочкой для смертельно больных. Ну, типа у них должна быть надежда и все такое прочее. — Поул обожал потрындеть, как по делу, так и без.

— Кончай эту херню, По. Не твоего ума дело. — Виллис легко, но властно, тюкнул подчиненного стальным кулаком в грудь. Поул прекратил баловство с прожекторами и сконфуженно затих. — Какая, в конце концов, разница? И для нас, и для Свирфа — никакой. Как только он отдаст нанодок (или мы убедимся, что он блефовал), я пристрелю его.

Бриггс тупо кивнул, похлопав по встроенной в бедренную часть доспеха кобуре. Голова уже начинала побаливать.

— Вон он, внизу! — пилот, имени которого Бриггс не знал, постучал пальцем по экрану инфравизора, на котором мельтешили красные точки. — Да не один! Вокруг полно шушеры попряталось! Может их того… проредить?

— Потом. — Виллис приготовился к выходу. — Сначала — нанодок. Снижаемся.

**

Захария, вытянувшись по стойке смирно, размашистым жестом приложила руку к воображаемому козырьку — . По коричневой ее щеке сползла крупная слеза. Белоголовый орлан, гнездящийся на заросшем бурым мхом куске скалы, символизировал собой Сейчас благородная птица , поскольку по-простецки закемарить было ниже ее достоинства.

Остальные, то есть мы, а не белоголовые орланы, позевывали и скучали. Заки замаскировала нас в жухлой траве и провалах кроличьих нор у подножия Орлиной горки. Только Элейн высокомерно отказалась от ее услуг, «спрятавшись» выше на уступе. Ее немытые сиськи, голый живот и бедра белели в густой тени, точно призраки.

Когда обнаружилось бегство шерифа, любопытство вынудило нас последовать за ним. В этом деле Ларри Фостер продемонстрировал потрясающую халатность: он и его люди прошляпили целый день, наведавшись к Свирфу только ночью, примерно в тот момент, когда я таранила стену ванной, и, конечно, никого дома не застали. Ночью и поутру провели вялые обыски, погоню не организовали. В принципе верно — ну чем способен насолить городу один человек? А все-таки я бы на месте Ларри подошла к делу серьезнее. Впрочем, грех бузить — зато этим делом занялись мы.

Не упустивший шанса порыться в хоромах шерифа Натан разыскал клочок бумаги с печатной надписью (похоже на вывеску борделя, а?) и пятью цифрами, нацарапанными карандашомКопался там он, разумеется, с позволения властей, которых заморочил специальными терминами и поразил наличием лупы, кисточки и некоего , подозрительно напоминающего муку.Надо ли уточнять, что Дрибблу не повезло, — ценности вынесли уже до него. Но, опять-таки, благодаря ему мы законно отлынили от нудных сборов. Всем хотелось выяснить, какое сокровище Генри Свирф посулил главарю мародеров. Оно наверняка и цыганам пригодится! А узнать это можно было единственным способом — спросив у беглеца лично. Так что готовить караван к отъезду Акселю придется самому. Сумеет ли он принудить Владилена участвовать? Я поставила бы «юрал» на крах сего предприятия.

Бумажка не обманула — мы встретили Генри у Орлиной горки. Видимо, он не очень обрадовался гостям: вместо приветствия засранец

выпустил в нас автоматную очередь. К счастью, положение спас Королевский Тушкан, великолепным прыжком сбивший незадачливого стрелка с ног. Кирна собиралась уже прикончить оглушенного Генри, но тогда наши вопросы остались бы без ответов.

Из карманов Свирфа мы выудили запасной магазин к его «юзи», ключи, мятую сигаретную пачку, говорильную штуку типа акселевской и маленький круглый контейнер, на две трети заполненный каким-то серым порошком. Добыча разошлась по рукам. Контейнером завладели Джо и Данике: первый бурно удивлялся, а второй, взирая на штуковину с почти религиозным благоговением, на время утратил дар речи. Затем док разразился лекцией о значимости фитюльки для ни много ни мало всей Эос. Ему оживленно поддакивал Хайд, изредка вклиниваясь в восторженные славословия Данике. Итак, опуская их кудрявившиеся спецтерминами оды, растолкую вам: сейчас док бережно укладывает в сумку индивидуального пользования. Пока никто не оспаривает его прав на нее, но Натан уже намекнул, что лучше хранить вещицу в «сандерклапе», а Кирна молча буравит глазами докову сумку.

Однако наше любопытство требовало продолжения банкета (и это разрядило обстановку). Ведь мы еще не выяснили, шериф поджидал в столь диком и безлюдном месте в добрых четырех километрах от Кеблин-Тауна.

Теперь у меня есть соперник по совершению необдуманных глупостей: Сагерт предложил трюк с переодеванием. Даже не знаю, как мы (читай — Кирна) позволили ему ввязаться в подобную авантюру? Вероятно, нам слишком многое сходило с рук до сих пор. Хотя, если честно, случившегося чуть позже не ожидал никто. Как обычно.

Пока Сагерт напяливал мешковатый плащ шерифа и примерял его широкополую шляпу, Джо ковырялся в мобильнике. Тут-то из маленькой черной коробочки донесся голос…

**

На приборной панели пилота истошно запищал телефон. От мерзкого звука Бриггс зажмурился. Он окончательно решил наведаться к врачу по возвращении.

— Это Генри! — пилот хохотнул. — Что ему ответить?

— Спроси, блин, про здоровье его мамочки! Скажи, пусть не паникует и никуда не уходит — мы уже близко. — Виллис,

придерживаясь за скобу, поднялся и проверил боеготовность своего табельного «джорджа гуша». — Зависни рядом с ним, не садись. У этой хреновины левая турбина барахлит.

— Это ж, мать его, орел! Я их только в кино видел! — раздался глухой стук: Поул прильнул к маленькому иллюминатору.

**

Заслышав неприятный скрежещущий голос из переговорника, Джо опешил. Но к нему вовремя подоспел Сагерт — он выхватил прибор из рук Хайда и пробубнил туда пару фраз.

— Просили никуда не уходить. — Сагерт надвинул шляпу на глаза. — Они уже на подлете, что бы это ни значило.

Все ошарашенно закрутили головами, пытаясь отыскать подлетающее нечто. Однако небеса оставались девственно чистыми. Первые проклевывающиеся звезды на синем фоне с грязновато-оранжевой подпалиной на западе, полотнище Млечного Пути… и ничего более.

Штука появилась внезапно — будто темнота обрела форму и объем. Нам в физиономии ударили облака пыли и сухой травы, поднятые потоками воздуха, с легким шелестом вырывающимся, видимо, из двигателей машины. Механизм смахивал на идэнских роботов-соглядатаев, но стократ превосходил их размером. В чреве летуна прорезался прямоугольник кроваво-красного света, в нем возник массивный силуэт, отдаленно напоминающий человеческий. Глаза существа пронзительно вспыхнули, словно два ярких угля.

— Полезай-ка сюда, приятель! — рявкнула тварь.

**

Сагерт был не из пугливых. До сих пор бойцу не попадался противник, которого ему не удалось бы одолеть в открытом бою. Посему о природе чудища, внешне похожего на вставшую на дыбы степную черепаху, он решил поразмыслить опосля. Возможно, это один из пустынных демонов, о которых говорил Учитель, возможно — какие-то иные создания. Во всяком случае, опасными они не казались.

Резко дернув за протянутую к нему лапу и одновременно ударив в коленное сочленение, Сагерт сбросил монстра наземь и ловко запрыгнул в летучую пещеру. Внутри его встретили еще двое бесов. Их тупые круглые глазки, поблескивающие на насекомовидных рылах,

ничего не выражали, но Сагерт интуитивно почувствовал: его действия привели демонов в замешательство.

**

— Это не Генри… — изумленно промямлил Поул, когда Виллис с воплем вывалился из люка, а внутрь запрыгнул какой-то дикарь в плаще. Незнакомец выглядел так, будто в одиночку намеревался прикончить солдат в тяжелых тактических доспехах, и Поул подумал, что надо срочно принять хоть какие-то меры.

Бриггс не собирался дальше терпеть этот бред. Генри там или не Генри, нанодок, сотня голых баб или сама Святая Статуя Свободы — что-то явно пошло не так. Он, коротко замахнувшись, нанес мощный удар, призванный положить конец выходке туземца и, скорее всего, проломить ему грудную клетку. Но тот играючи проскочил у него под локтем, и огромный кулак, просвистев над макушкой гаденыша, разворотил стальной поручень.

Виллис поднялся с земли и тряхнул головой. Какую бы шутку не затеял говнюк Генри, теперь ему точно не поздоровится! Мысль эта была довольно нелепой — ведь лейтенант собирался прикончить Свирфа с самого начала, — но в такие минуты редко задумываешься о логике и прочей фигне. А после Виллис решил устроить воздушное сафари в том засранном хрен-знает-как-там-его-Тауне. Кого, в конце концов, гребет судьба пары сотен дикарей?

Увидев командира невредимым, Поул обрадовался несказанно. В какой-то момент он испугался, что туземец и вправду прикончил Виллиса. Рука сама метнулась к набедренной кобуре. Пора заканчивать, шутка затянулась!

**

Тиана вполне разделяла беспокойство незнакомого ей Поула, но в несколько ином ключе. По ее мнению, затянулось лежание в мерзкой пыльной канаве.

Просто удивительно, как такой большой штуковине удалось подобраться к отряду абсолютно бесшумно. Подняв голову, Тиана с интересом разглядывала летательный аппарат. Ей как-то доводилось слышать о потрясающей степени очистки авиационного топлива. Она не совсем понимала значение слов но их сочетание, вероятнее всего, свидетельствовало о высоком качестве горючего. Хорошее горючее .

Декстер отказался наотрез. Играть со смертью весело, да, но прыгать прямиком ей в пасть — не для него. В здешних местах, где повсюду кроликами и сурками понарыты норы, риск слишком велик. У него, Декстера, саднят ожоги. У него болит лодыжка. Ни за какие чимичанги!

Тиана исчерпала все аргументы и начинала уже злиться, как вдруг ее осенило. Она расстегнула последние пуговицы, уцелевшие на изорванной рубашке.

Королевский Тушкан придал своей наглой физиономии безразличный вид, но Эльхаим заметила, как прищуренные глазки косятся на ее прелести.

— Я положу их тебе на спину, — проворковала она, часто-часто моргая глазами в обрамлении длиннющих ресниц. — Я знаю, ты это любишь. Ты знаешь, что мне это тоже нравится.

Декстер мысленно сравнил «за» и «против». Два увесистых округлых «за» призывно покачивались прямо перед ним. «Против» внезапно показались ему несколько надуманными.

**

Сагерт впечатал кулак в скулу одному из демонов. Не такие уж и страшные! За ту минуту, пока он осторожничал, изучая противников, никто из них не сумел его достать. Сильные, но неуклюжие, как нередко бывает.

Он услышал хруст костей. костей! Рука налилась жгучей болью. На панцире демона не осталось и следа. А ведь атаки бойца зачастую с одного удара отправляли жертву гулять по небесным полям. Однажды он на спор (Кирна всецело одобряла этот способ заработка) пробил кулаком слегка заржавевшую стальную пластину. Но сейчас случилось нечто необъяснимое. Однако для всего есть свое место и время, в том числе для размышлений о необъяснимых явлениях. Пора убираться отсюда!

**

— Да вы что, не можете справиться с одним дикарем!? — вернувшийся Виллис ревел, как раненый бык. Потом он увидел Поула, прицелившегося в широкую спину наглого туземца. Рожа лейтенанта под забралом скривилась в мерзкой ухмылке.

**

Граната с дребезжанием скользнула в жерло воздухозаборника. Повернув голову, Тиана зачарованно смотрела, как левая турбина исчезает в ярком бурлящем облаке пламени. Декстера же пожары не интересовали. Получив свое, Королевский Тушкан стремился поскорей смотаться от источника чрезмерной опасности, к коим он относил, в числе прочего, все, способное взрываться.

**

Поул нажал на спусковой крючок. Но пуля, наверняка прикончившая бы Сагерта, ушла в сторону, и у нее имелись на то веские причины. Когда, потеряв левую турбину, флайер накренился, стоящий в десантном люке Виллис рухнул на Поула, снизив таким образом его шансы попасть в цель до нуля.

Сагерт начал действовать в тот момент, когда тварь только-только ввалилась внутрь. Ловко вскочив на плечевую пластину падающего демона, боец выбросился наружу с силой и изяществом, которым позавидовал бы сам Королевский Тушкан.

Бриггс не верил своим глазам. Это был дерьмовый день.

Пытающийся справиться с управлением пилот кричал что-то трудноразличимое в нарастающем грохоте.

«А выдержит ли костюм взрыв двигателя и топливных баков?» — отстраненно подумал Бриггс.

**

Да к этому просто нельзя привыкнуть, знаете ли! Интересно, мои собственные фортели вызывают такую же реакцию у остальных? Тиана бросила в двигатель летуна гранату. Пока Сагерт находился внутри. Как такое вообще возможно? Не иначе ее мозг наклонился за упавшим орешком, делегировав все полномочия телу. Сагерт успел выпрыгнуть (или его вынесло?) буквально на гребне огненной волны, очутившись в итоге в гнезде пресловутого демократического символа. Что ж, основное правило шалопаев — ситуацию, в которой никто не пострадал, представляем, как выигрышную.

А еще, пока мы глазели на полыхающие обломки, гребаная Кирна прикончила шерифа. Иногда я ненавижу ее! Вот сейчас она отняла наш единственный шанс удовлетворить любопытство. Придется пользоваться версией Сагерта про черепахообразных пустынных демонов.

Когда пожар утих, Джо зачем-то полез копаться в обломках. Усердие его было вознаграждено обширным ожогом предплечья.

— Так всегда случается, мелкий Джо, — Туве назидательно подняла указательный палец и левое ухо, строго глядя на пронзительно орущего Джонатана, прижимающего обожженную конечность к груди. — Ребенок не понимает, что такое молоток, пока не отобьет себе руку.

Фраза, по-моему, ставила эффектную точку в безумствах последних трех дней. Прощай, Кеблин-Таун!

Глава 2

Городок, название которого вылетело у Хайда из головы, остался в двух переходах позади вздымающих тучи ржаво-серой пыли цыганских автомобилей. Джо, обзаведясь нелепыми исцарапанными пыльниками и смастерив дыхательный фильтр, проводил почти все свободное время на дребезжащем крылечке трейлера.

А свободного времени было море — Джонатан давно не бездельничал так долго. Нет, иногда ему отдавали какие-то вещи на починку, он дважды пробовал охотиться на кролика и даже пытался вести машину. Джо хотел приносить пользу, но, если начистоту, покамест получалось не очень.

Мир, в котором против своей воли Джонатан Хайд теперь обитал, оказался огромен. Огромен, непонятен и пуст. Житель мегаполиса ничего не знает о , но у Джо появился не иллюзорный шанс восполнить этот пробел. Впрочем, на его счастье, поблизости частенько крутилась Туве. Похоже, рыжая сумасбродка всерьез решила «присматривать» за ним, но крылось ли за ее решением нечто большее, Хайд затруднился бы ответить. Все попытки пофлиртовать с девицей разбивались, точно фарфоровые зверюшки-талисманы, падающие с каминной полки. Однако она с готовностью болтала с ним о любой ерунде, прыгая по темам, как мартовский заяц, — начиная от методологии ловли сурков и заканчивая предположительным минеральным составом планетарного ядра.

Сейчас Туве, изготовив из разнообразного хлама ветряные колокольчики, пристраивала поделку над трейлерной дверью, рискуя грохнуться под колеса «джона гира». Джо отстранил девушку и повесил колокольчики сам — как-никак он был на полторы головы выше ее. А еще ему хотелось поговорить и не хотелось, чтобы она уходила.

— Туве, а что ты любишь, кроме путешествий, чаепитий с манекенами и вкусностей? — невзирая на неделю, проведенную в обществе дикарки, Хайд в основном рассказывал о себе или нес уже совсем отвлеченную околесицу.

Прошлое девушки, ее характер, пристрастия и другие детали биографии словно туман застилал. Не считая открытого неприятия материальных ценностей и потребности в регулярном обновлении нательного рисунка с помощью какой-то едкой глины.

— Ты меня уже спрашивал об этом, мелкий Джо, — отозвалась Туве. — Нельзя любить жизнь кусками. Кстати, как нельзя восхищаться отдельными частями женского тела — тебе на заметку. Любишь — люби целиком. Или оставь в покое.

— Тебе бы Эммануила Ганта почитать, — со скрытой досадой усмехнулся Хайд. Девица невольно попала в точку: он был одним из тех, кто выковыривает лук из сандвича и брезгует коркой от пиццы.

— Философия — глупейший способ убийства времени из изобретенных людьми. В жизни и без того достаточно бессмысленных сложностей. — Туве наградила Джо взглядом, от которого желание спорить с данным утверждением (излишне субъективным, на его вкус) или выяснять, откуда девице известно имя знаменитого мыслителя, мгновенно пропала.

— Иногда ты выдаешь чересчур заумные для такой красивой девушки вещи. Звучит немного занудно. Особенно для Королевы Луны, — Джонатан, как обычно, сморозил бестактность, не задумываясь.

— Иногда приходится, мелкий Джо. Даже таким, как ты выразился, красивым девушкам, — в голосе Туве не проскользнуло и тени обиды, только мягкость и безграничное терпение. — Быть занудой вынужденно и занудничать ради процесса — две большие разницы. Если я тебя не научу заботиться о себе, то научит жизнь, а это совсем не так приятно, хотя куда менее занудно.

— Я не мелкий, я молодой!

Джонатан пожал плечами и вынул из кармана банку консервированных ананасов, оснащенную открывным кольцом. Туве выхватила ее у него из рук и… прокусив днище зубами, шумно выхлебала сироп. Потом, тщательно прожевывая кусочки, начала уминать остальное. Вместе с банкой.

— Осторожнее, а то порежешься… наверное.

Джо ощутил себя героем анимешки. Типпонские мультфильмы были одной из многочисленных тайных его страстей. Особенно ему нравились те, где главный герой — невзрачный парень, иногда даже

школьник — становился объектом пристального внимания стайки милейших девиц. Барышни изводили друг друга, состязаясь за несколько лишних минут внимания протагониста, тот же возмутительным образом умудрялся нежиться в потоках их симпатий и ласк, не отдавая явного предпочтения ни одной из соискательниц.

Джо вздохнул и, заложив руки за голову, откинулся на стенку трейлера. Воображение услужливо нарисовало восхитительную картину: он, Джонатан Хайд, возлежит в мраморной ванне, полной теплой воды, а вокруг него переплетаются в яростной борьбе женские тела топлес. Тиана, Кирна, Феора, миленькая кассирша-мессиканочка из «Макроналдса», Элейн, пожалуй, тоже сойдет, если помыть хорошенько. Ну и Туве, конечно. А вот и похотливые эльфийки-лесбиянки подоспели. Разумеется, всякая уважающая себя лесбиянка, а тем более эльфийка, прям-таки мечтает, чтобы Джонатан наставил ее на путь истинный. Любо-дорого смотреть, как девочки щиплются, несильно кусаются, трутся друг о друга, стараясь ему, Джо, угодить. Ммммм! Победительницей сегодня провозглашается…

Что-то холодное и липкое ткнулось ему в лицо. Остатки ананасной банки, надо полагать. Туве взирала на Хайда осуждающе, слегка раздраженно.

— Так ты будешь доедать или нет? Кушай маленькими кусочками, жуй хорошенько, не набивай полный рот!

— Боюсь, этому мне не научится… — Джо несколько секунд не мог уяснить, почему девица вновь одета. — Такая пища для моего организма не самый лучший выбор. Он усваивает только органику, да и то не всю.

— Опять привередничаешь. Мне прожевать для тебя?

— Спасибо за предложение, ты очень добра, — Джо собирался снова вздохнуть, но передумал. Не стоит с этим перебарщивать, а то можно ненароком показаться впавшим в уныние или старше своих лет. — Но я не привередничаю. Я просто устроен иначе, чем ты. Такая порция жести, скорее всего, мне сильно навредит. Лучше я перебьюсь солониной — ее у нас теперь много. Кстати, ты уже ела железки раньше? А то я немножко волнуюсь за тебя.

— Это я за тебя волнуюсь. Такому капризуле будет трудно по жизни.

— Полагаю, все люди не едят металлы и живут вполне неплохо.

— Речь не обо всех, а о тебе. Впрочем, дело твое.

Следующие десять минут прошли в безмолвии, нарушаемом лишь скрежетом автомобильных корпусов, урчанием моторов и бряцанием ветряных колокольчиков. И хрустом жести на Тувиных зубах.

Джо возобновил разговор:

— А откуда туве взялись на Эос?

— Думаю, где-то заскучали и явились сюда. Не от обезьян же, в конце концов, произошли.

— Интересно, — Джо вымученно рассмеялся, — похоже, все туве не любят скучать. Вообще, да, после того как планета опустела, многие могли заглянуть на огонек за семьдесят-то лет.

Едва не прикусив себе язык, Хайд осекся, сообразив, какой «оригинальный» получился каламбурчик. Заглянуть на огонек… как бы не обделаться со смеху!

— Видимо, кроме моих ног и ушей, тебя завораживает цифра «семьдесят». Она играет важную роль для тебя?

— Точка перелома. В тот момент людей в мире стало гораздо меньше.

— Почему ты так решил?

— Наверное, это у меня инстинктивное. Как у птиц, знающих, куда лететь…

— Птицы — довольно тупые твари, Джо. Я бы на твоем месте не слишком им доверяла.

Туве спрыгнула с крылечка и зачем-то направилась к головной повозке. Хайду оставалось только сидеть на грязной подножке и слушать на удивление мелодичный звон колокольчиков.

**

Тиана запихнула окурок в одну из многочисленных самодельных пепельниц, которые буквально заполоняли кабину «джона гира». Далеко не все из них она регулярно опорожняла и частенько просто бросала бычки в дырку, проржавевшую в полу и кое-как заложенную фанерой. Но все же ей нравился легкий налет культуры и цивилизации, создаваемый пепельницами. А еще из них приятно пахло.

Принцесса воров бесцеремонно запрыгнула в кабину, даже не постучав и не затворив за собой как следует дверь. «В хлеву она, что ли, родилась?» — подумала Эльхаим.

Элейн одернула короткую юбку и понесла какую-то ахинею про излишне опасное ведение дел, явно собираясь поболтать о другом, но не зная с чего начать. Затем она угостила Тиану сигареткой, извлеченной из пачки с изображением голенастого горбатого ишака. «Вер-блюд», — прищурившись, прочла Тиана про себя по слогам и с наслаждением затянулась. Да, табак оказался чудесный, несмотря на неприятную тварь на картинке.

Некоторое время девицы молча дымили, обмениваясь многозначительными взглядами.

— Я еще не видала тут ни одного толкового дела, — произнесла наконец Тиана, презрительно фыркнув.

— Ну, все эти взрывы и трупы… — Элейн брезгливо поморщилась, а затем суетливо продолжила: — Хотя я не за тем, подруга. В таборе вот уйма новых мужчин появилась, они, ммм, кем-нибудь заняты? Например, Натанчик.

— Взрывы — это то, что нужно, — мечтательно протянула Тиана и добавила, с безразличием пожав плечами: — А трупы, ну, эээ… как там говорит этот зануда? Побочный аффект! Или дефект? В общем, как-то так. А насчет Натана, хм… Скажу одно: тот симпатичный ствол с полной обоймой, который он носит, как брелочек, занят мной. Как с прочими стволами — не в курсе. Если ты понимаешь, о чем я… — Тиана сдавленно хихикнула, сопроводив смешок глубокой затяжкой. Шапка пепла полетела на пол, но девица не обратила на это внимания: беседа принимала интересный оборот, а ей давно хотелось посплетничать. Но не с Кирной же! — А как с занудой? Не вышел стволом?

— Это который в белом? — Элейн выразительно скривила лицо. — Он миленький, конечно, а его плащик — самая чистая шмотка, какую я видела за свою жизнь. Только он странный, и вокруг него вертится эта размалеванная дикарка. Натанчик — другое дело. В его машине я бы не прочь вырастить детей. Да место, где росла я, было втрое меньше его тачилы!

— Ну, мы все немного с приветом, — Эльхаим с сомнением покосилась на Принцессу воров. — Все, кроме меня. Кстати, Дрибблов драндулет на моей памяти даже не завелся ни разу.

— Значит, никуда не сбежит. Главное, остальное у Натана заводится как надо. — Элейн повернула расколотое зеркало заднего

вида к себе и принялась подводить брови угольком, после намазала губы какой-то розовой штукой в цилиндрическом флаконе. Тиане штука напомнила песий член, вызвав очередной смешок. Принцесса между тем вещала: — Устала я от беготни. Хочу большой дом, детей, но вокруг не мужчины — сплошной мусор. Так и норовят напороться на пулю или прилечь на ножик. А Натан мало того, что богат, так еще и на рожон не лезет.

— А, знаю, это у тебя топленый жир му-тан-тат-ных поросят! Угадала? — Тиана радостно тронула пальцем помаду. — То-о-очно, я видала такую фиговину раньше. И воняет-то как — прям дух вышибает! — отработанным движением Эльхаим отправила окурок в пепельницу в противоположном углу кабины. — Свинячий жир тебе не поможет. Подумай хорошо, с чего бы такой ящерке, как Натан, жареной да с приправками, таскаться в одиночку? За ним бабы табунами должны бегать, я тебе говорю. А где они? Нету их. Значит, есть подвох. Вдруг му-тан-та-ция где-то приросла к тебе, или ты полысеешь, ну, или он личинок откладывает, когда кончает. Так-то, подруга. — Тиана с напускным безразличием воззрилась на унылый пейзаж, проплывающий за окном.

Элейн вздрогнула всем телом. Было в этом ее движении что-то лошадиное.

— Считаешь, он из таких? Пожалуй, если ты разобралась в огнемете, то и в мужиках разбираться должна, — они попроще будут. Но мне сейчас, в общем-то, привередничать не приходится. В твои года я могла ноги за уши закинуть, ну и закидывала, когда требовалось, а месяц назад, представляешь, спину прихватило. Думала, так и подохну… Но спасибо за предупреждение, я присмотрюсь к его причиндалам. Есть надежные способы отличить мутантов.

— Способы — да. Ты какие знаешь? Я вот слыхала, подождать надо. Завтра и проверим. — Придвинувшись к побледневшей и вспотевшей Принцессе, Тиана с недобрым прищуром осмотрела ее волосы и резко дернула за сальную прядь. — Не, вроде пока не вываливаются. Ну, может, личинки еще полезут… Конечно, покамест не похожа на больную-то, но ты, это, лучше доктору покажи.

— Это покажи? Доктору? — Элейн оттянула лифчик и покосилась на грудь. — Вот, прыщ вскочил как раз после… Но в я еще не

заглядывала…

С видом полнейшей осведомленности по всем поднятым вопросам Тиана продолжала консультировать неожиданно впечатлительную Принцессу воров, время от времени кивая в ответ на поток разнообразных жалоб, которых у любой женщины к тридцати годам набирается изрядно, но когда Элейн стала деловито задирать юбку, быстренько подвела итог.

— Данике в повозке, — Тиана ободряюще похлопала товарку по мясистому плечу. — Покажи ему все: и , и . Без утайки.

На ходу поправляя юбку, Элейн вылетела из кабины тягача, словно ей задницу обдали кипятком. Тиана проводила девицу насмешливым взглядом и только тогда сообразила, что забыла стрельнуть еще одну верблюжью сигаретку.

**

Я третьи сутки изнывала на своем насесте — ни тебе нападений гигантских сурков, ни подожженных ферм, ни путников. Мутное марево на горизонте, окрашивающееся в пурпурные тона на закате, мне уже снилось. В кошмарах. Аксель утверждает, будто лучше ехать скучно да безопасно, но не пойти б ему с его безопасностью куда подальше! Сегодня даже бегать вдоль вереницы повозок не хотелось.

Вдруг задняя дверь «сандерклапа» распахнулась, и оттуда высунулся пыльный высокий сапог со множеством пряжек. Куда это намылилась наша Принцесса? Элейн вылезла, хлопнула дверью (наверное, у Дриббла в этот момент случился микроинсульт) и стала догонять повозку. Вскоре она нырнула под матерчатый тент. Интересно, с Данике она покалякать вздумала или как?

Цыганка забавляла меня. Она обожала рассказывать о себе, сплетничать о других, доверчиво следовала глумливым советам Акселя, увивалась вокруг непробиваемого Натана, шугалась меня, Декстера и Туве (дважды я заметила, как она втихую складывала оградительный знак из пальцев). На прошлом перегоне Элейн наведывалась к Тиане, но как я ни старалась, ничего не расслышала из их разговора. К сожалению, со мной Принцесса шушукаться не желала, существовало целых две причины: я — шкет и мутант. Ладно, потом само собой выяснится.

**

Данике закинул в рот бежевую таблетку, проглотил ее, не запивая, и блаженно завалился на ворох спальников. Веки сладостно наливались свинцом и медленно наползали на глаза, сознание постепенно затухало, когда входной полог впустил пронзительный и все еще жаркий вечерний свет. Вслед за ним внутрь бесцеремонно забралась Элейн. Она плюхнулась рядом, слегка отдавив Данике руку, которую тот не успел отдернуть.

— Боюсь, я невольно вступила в контакт с мутантом, — взволнованно пролепетала девица, доставая из бюстгальтера левую грудь и тыкая в крошечный прыщик явно грязевого происхождения.

Ох, как же часто мнительные больные осаждали его кабинет! Данике удивленно осмотрел вплотную поднесенную к его лицу распутную горячую плоть, почесал переносицу и устало констатировал: «На данном этапе все в порядке».

— Но ты даже не заглянул! — возмутилась Элейн, и врач понял — легко ему не отделаться.

Он, тяжело вздохнув, сел и начал муторный опрос о симптомах. Обычно самые назойливые пациенты больше всех «знают», поэтому пришлось перебрать массу хворей: гонорею там, сифилис, ангину, диатез. Наконец, когда Данике уже воспрянул духом, считая, что выполнил свой, а заодно и чей-то чужой, долг, Элейн с самым серьезным видом передала ему фонарик и улеглась на спину. Надеяться было глупо. Принцесса нетерпеливо поерзала, несколько смущенно заявив: «А еще я вчера нашла седой волос. !» Док обреченно прикрыл глаза.

В общей сложности через час-полтора Элейн удовлетворилась полностью. Данике проверил все, что мог. Оставалось еще два вопроса: как расплачиваться и чем подтвердить Натану свою безупречность? Первый она попыталась решить привычным способом (натура — лучший товар, а доктор — очень даже ничего), но Данике почему-то отказался. Затем Принцессу воров посетила поистине гениальная идея: она достала из декольте мятый клочок бумаги, подозрительно похожей на туалетную, и потребовала написать на нем «справку». Врач размашисто вывел «ЗДОРОВА» с какой-то закорючкой сбоку.

Ура, он снова один в мягкой полутьме повозки и может вздремнуть! Данике поколебался — не принять ли еще таблеточку, но

отверг малодушный порыв, ведь его запасы были не безграничны.

**

Элейн, довольная и счастливая, забралась в «сандерклап» и сунула Дрибблу под нос бумажку.

— Я чистенькая! Теперь твоя очередь, — с апломбом сообщила цыганка и добавила, легонько пихнув озадаченного Натана в плечо: — Сходил к врачу — прям заново родился! Двигай!

Как известно, если женщина чего-то хочет, лучше ей это непременно дать, иначе она возьмет сама. У цыганки хватило бы ума и сил дотащить его силком у всех на глазах, посему Дриббл, хоть и счел претензии Элейн абсурдными, отправился к Данике (благо караван остановился).

**

Пока сумерки не сделали мое торчание на посту совсем уж бестолковым занятием, я имела возможность полюбоваться на горы, которые видела впервые. Вообще-то горизонт довольно давно смущал меня своей волнистостью. То есть всякие там холмы, бугры не были для малыша Тома новинкой, но вот полноценные горы в белеющих шапках снега — другое дело! Кроме того, где-то у подножия блеснули красным в лучах заката шпили некоего здания. Все-таки нужно выклянчить у Натана бинокль! Нельзя же так работать!

Прямо по курсу на дороге стояла машина, вполне приличный «гранглер», а вокруг горело несколько костров. Просьба о помощи или западня. Я постучала ногой в крышу кабины тягача, заранее предупреждая Тиану, и скатилась на землю, спеша размяться. Аксель, впрочем, уже заметил огоньки, поэтому мы немного поспорили о лаврах первенства, намеренно откладывая необходимость принимать решение — тормознуть или объехать. Уже стемнело, и караван запросто мог нарваться на подлую ловушку в сурочьих норах или за ближайшей россыпью камней. С другой стороны, подобное и днем случалось.

Мы приблизились к месту предположительной аварии настолько, что луч фонаря на крыше акселевской повозки озарил хозяина внедорожника, встречающего нас с ружьем. Тип зыркал на нас не менее враждебно, чем мы на него. Аксель остановил лошадей, едва-едва не задавив дядьку. Тягач легонько тюкнулся бампером в повозку, Кирне же, кажется, удалось не поцарапать драгоценный «сандерклап».

Кстати, она единственная, помимо цыганина, не покинула водительского сидения, зная не понаслышке, как быстро может понадобиться стартовать. Вот Тиана до сих пор не усвоила эту немудрящую истину и вылезла вместе с Декстером полюбопытствовать, «за каким хреном встали». Мишеней у мужика, пожелай он пострелять, теперь имелось предостаточно.

Однако палить почем зря незнакомец вроде бы не собирался, хотя оружие не опустил (ну, Аксель-то тоже держал его на прицеле). Настороженно изучили друг друга. Наконец дядька соизволил раскрыть рот: по его словам, он застрял здесь вчера, не сумев разобраться в поломке своего автомобиля. Джо с позволения владельца сразу же углубился в изучение подкапотной начинки «гранглера». Вскоре к нему присоединились остальные, кроме опять-таки цыганина.

Наш таборный умник вынес неутешительный вердикт: пробит радиатор, который он все же брался починить. Ясен пень, Джонатан чуть не проболтался, что ремонт-то пустяковый, но Тиана вовремя оттеснила его. Незамедлительно начались обычные в таких случаях торги — бескорыстная забота о путниках не числилась среди наших добродетелей. Хозяин тачки внаглую предложил нам совет в качестве оплаты. Лично я с трудом проглотила все те советы, которые так и просились на язык. А следивший за переговорами с облучка Аксель насмешливо намекнул, что мастерских нет до самого Кеблин-Тауна, зато охотники экспроприировать имущество кишмя кишат. Незнакомец — а этот хам так до сих пор и не представился! — обреченно покивал, сунул руку за пазуху, отчего пальцы цыганина чуток плотнее сжали арбалет, и извлек на свет два патрона. Надо было видеть наши рожи, особенно Акселеву! Богатый опыт товарообмена научил: любую, даже самую выгодную сделку подвергни сомнению, подбери слюни с подбородка, вздерни цену, стой на своем до хрипоты и только тогда бей по рукам.

Тиана ловко сгребла патроны и согласилась за всех. Джо вздумал заклеить дыру розовой хренью, упакованной в яркий фантик (то бишь специальной — киногерои используют ее для заглушения голода и надувания пузырей ртом), которую вынул из кармана и разжевал до получения липкой пахучей массы, но тут возроптала Туве.

— Нельзя переводить еду на ерунду! — возмущенно воскликнула девица и отняла у Хайда тянучку.

Пришлось чинить по науке: ставить металлическую заплатку на дырень. Тут уж вмешался Аксель. В качествевыступил украшавший приборную доску «гранглера» оловянный солдатик (мужик расставался с ним, как с родным). С помощью Тианиного огнеплюя цыган расплавил игрушку в половинке консервной банки, держа ее ржавыми ножницами, обильно полил полученной жижей вокруг пробоины и плюхнул сверху, обжав по краю, крышку от той же банки. Джо авторитетно заверил нас, будто один металл прекрасно приклеит второй к третьему (блин, надеюсь, он в этом действительно сечет), но, конечно, не преминул посетовать, что даже из спичек и желудей получилось бы надежней. Впрочем, в пустошах желудей днем с фонарем не сыщешь, а без желудей спички не канали.

Хозяин «гранглера» в итоге расслабился, разулыбался и заодно выдал нам забесплатно свой совет — не соваться на мост. Оказалось, шпили впереди являлись частью древней конструкции, переброшенной через ущелье, и избежать этой переправы мы не могли, иначе пришлось бы потерять неделю на объезд. Аксель осведомился, чем мотивировано предостережение. Незнакомец словно того и ждал — каждый хочет потрепаться вволю и лишь ищет благодарных слушателей. Некоторые вообще единственно затем и живут. Феликс (ну, ради такого дела, как офигительная история, он представился, наконец) своих слушателей дождался, ведь мы были, как никто другой, заинтересованы в его рассказе.

Место называлось незатейливо — Каньон. Проблема заключалась в том, что существовали Верхний Каньон, город на мосту, и Нижний — поселение дикарей под ним.

Кстати, насчет понятия «дикарь». Сами знаете, все мы ходим по тонкой грани, рискуя ежеминутно скатиться в первобытное состояние. По-моему, иные варварские новообразованные племена даже более цивилизованны, чем некоторые горожане. В сложившихся после войны обстоятельствах правильнее строить общество заново, а не на руинах того, что уцелело. Это не значит — забыть прошлое и отмести довоенные достижения человечества, но их стоило бы переосмыслить, а не слепо пользоваться ими. Не правы те, кто засел на топливном хранилище, не интересуясь, как жить после истощения ресурса и

предполагая просто переехать туда, где запасы еще есть. Не прав тот, кто берет в руки оружие, не понимая, чем грозит его применение. Я про восставшие из пепла государства, как в старые добрые времена мерявшиеся, у кого пушка больше, толще и длиннее. Пожалуй, было бы куда лучше, если бы мы вернулись к дубино-кулачному способу разрешения споров, к костровому обогреву жилищ, к обществу, где женщина бесправна, но за ней закреплена функция «рожать», наделяющая ее почти священной неприкосновенностью. А нынче люди объединились в выморочные коллективы: одни пытаются собрать и сохранить ошметки цивилизации, но их ряды тают день ото дня, ведь они боятся выпускать детей в несовершенный и жестокий мир. Другие, напротив, плодятся, как кролики, но деградируют или даже погибают, столкнувшись с неизвестными им проявлениями древних технологий.

Цыгане аккуратно, уже много тысячелетий, по уверениям Акселя, находят срединный Путь. Они жгут костры, подолгу не моются, воюют дубиной и пращей, но хранят знания. Правда, они жили так всегда. Бродячие романтики — кровь, города (раньше государства) — органы, а земля, наша Эос, — кости, основа. Так это видится мне.

Ну вот, «высококультурное» население Верхнего Каньона довольно долго сосуществовало в мире с невежественными дикарями, ютящимися, точно сказочные тролли, под мостом. Но никто не вечен: вождь племени скончался, оставив двух взрослых сыновей, тут же начавших делить наследство. Сугубо варварские разборки никого в городе не волновали до тех пор, пока соседи снизу не уничтожили (случайно, наверное) одну из опор моста. Кроме того, они, похоже, решили подрасширить свой ареал обитания — там, где хватало места одному племени, двум было тесновато.

В общем, горожане очутились в бедственном положении осажденных. Феликс отважился прорваться и призвать на помощь кеблинцев. Знай он о нападении бандитов Керроувелла, сидел бы дома. А теперь мужик обратился к нам — всех-то вводит в заблуждение воинственный вид отдельных харь из табора. Конечно, Феликс посулил безмерную благодарность сограждан и мэра, то есть, образно говоря, , в их случае скорее даже Он обольщал нас, как самец сурка свою подружку по весне. Слегонца поломавшись и тем окончательно уподобившись кокетливой самочке, мы поддались на ухаживания.

Только Кирна, все же явившаяся поглазеть, чего ради сборище, не растеряла остатки здравого смысла.

— Ага, красиво поет! Ну прям как в опере, — брюзжала блондинка. — А потом всучат пару канистр ослиной мочи — и отваливай!

— Но иметь две канистры и не иметь две канистры — это четыре канистры разницы, — Сагерт приобнял разбушевавшуюся девицу за талию, мгновенно ее тем обезвредив и не дав ей развить тему ослиных испражнений под видом горючего.

Даже обычно рассудительный Аксель поддался на уговоры. Впрочем, его согласие, думаю, было связано с нежеланием тратить лишнюю неделю, а по факту две-три, на объезд.

**

Натан вернулся в «сандерклап», сел за руль и приготовился, ожидая мигания поворотников тягача (после нескольких неудачных стартов, когда машина Дриббла оставалась на ручнике, Тиана перед началом движения согласилась подавать сигнал), как вдруг почуял неладное. Он покосился в зеркало заднего вида и медленно обернулся, грозно сдвинув брови. На заднем сидении удобно устроилась Элейн, разместив на панели под стеклом косметику, белье и горку разномастных курительных принадлежностей. Только сейчас Натан заметил, что багажник приоткрыт и из-под него торчит руль Принцессиного мотороллера.

— Элейн…

— Натанчик, я поживу пока у тебя. Ты же не против? — сложив руки под грудью и таким образом выпятив ее, спросила цыганка.

— Здесь и так тесно! — холодно отрезал Дриббл. Он ждал, возможно, слез, совершенно точно — обиды, но никак не безапелляционного заявления:

— Я постелю тебе на коврике, милый! — Элейн указала на розовое мохнатое покрытие на полу.

Натан открыл было рот, но тут автомобиль тряхнуло (он прошляпил Тианин сигнал и не снял машину с ручника). Элейн с визгом грохнулась с сиденья, а Дриббл больно прикусил язык. Дернув за ручку тормоза и вцепившись в руль, он задумался: «А почему нет? Выгнать ее я всегда успею».

На его решение, вероятно, повлияла картина, открывшаяся в зеркало, — девица нарочито медленно поправляла бретельку бюстгальтера на загорелом плече.

**

В Верхний Каньон табор въехал на рассвете через северные ворота.

Поистине чудны дела твои, человече! Устроить город на мосту — нужно ж было допетрить! Как он выглядит? Представьте дорогу, лежащую на мощных столбах и обрамленную по сторонам ожерельями из тросов, которые протянуты между металлическими спицами, вырастающими из нижних опор. Это не пыльный, развороченный сволочными грызунами, тракт, нет, перед вами многорядное , закованное в (темно-серый материал похожий на камень). Покрытие слегка подплавлялось под солнцем и источало не сравнимый ни с чем аромат цивилизации. Правда, значительную часть его похоронили под построенными во время Долгой Зимы зданиями. Оставались лишь небольшие отрезки перед каждым из въездов, а меж строениями тянулась «узкая», всего-то двум машинам разминуться, мостовая. Стены прикрывали город с «берегов», зато с боков он был доступен всем ветрам. Этим мудро пользовались — Верхний Каньон обеспечивался чистой энергией, производимой множеством специальных мельниц, облепивших края моста, как неведомые гигантские насекомые. На некоторых домах жители установили персональные маленькие ветрячки.

Одним словом, тишь, гладь да небесная благодать, если б не дикари, вздумавшие повоевать. Кроме всего прочего, из-за усобицы между сыновьями вождя горожане остались без питьевой воды, по крайней мере, добыча ее теперь связывалась с серьезными проблемами. Можно, конечно, черпать из речки, но данный вариант весьма скверно (во всех смыслах) пахнет — мало ли что несет в себе поток?

Поселения варваров внизу смахивали на лагеря рейдеров с той разницей, что кое-кто обосновался капитально: не в палатке или автомобиле, а воздвиг из подручного материала домик. И таких умельцев нашлось порядочно, я вам доложу. Дикарские слободки окружали мусорные баррикады, а разделялись они помоечным валом, образовавшимся под мостом стараниями горожан. Среди отбросов и

автомобильных остовов мы с затаенным ужасом увидели выгоревший танк. Я предпочла не думать, откуда он там взялся и не завалялось ли у дикарей еще парочки.

Впрочем, трусливо поджимать хвосты мы не собирались и гордо направились прямо к ратуше, ведомые Феликсом, — эдакие древние герои-освободители, вроде Котфрида или Шанны из Арки. Помпезность мэрии соответствовала нашему настроению и поведению: после разрушения опоры моста градоначальник с компанией перебрались в публичный дом, обозначенный своеобразной вывеской — автомобильной покрышкой, насаженной на металлическую трубу. Здание, одно из немногих, было возведено из камня, украшено красочными росписями, похабными, правда, но эффектными, заодно как бы намекающими, кто в городе появился раньше и чье место почетнее. Вообще, если судить по добротности конструкции, то, выходило, что в Верхнем Каньоне правили бал шлюхи и работорговцы.

Кем-то предупрежденный, мэр встречал нас на грязной красной ковровой дорожке метров за пятнадцать до гостеприимно растворенных дверей борделя-мэрии. Градоправитель представлял собой помесь аристократа с дешевым сутенером: пухлощекий толстячок в суслячьей шапке, длиннополом фраке на голое тело и грязных меховых тапках в виде зайчиков. Да, конечно, имелась и статусная лента, в которую он, судя по разводам и пятнам, еще и сморкался. Пузан раскланялся перед нами и пригласил в ратушу, но практичная Кирна потребовала на месте выяснить, как будут оплачиваться наши услуги. Вот тут-то мэр и продемонстрировал истинную ценность полосы голубого шелка у себя на брюхе — он утер ею обильный пот, проступивший у него при упоминании о награде. Суетливость отцов города — а присутствовали и шериф, и главный казначей, и еще какие-то невнятные хари — подсказала сообразительным нам, что жадность в их мозгах потихоньку побеждает осторожность. Посему Тиана не замедлила подкинуть им пищи для размышлений.

— Ну, уровень нашего бесстрашия напрямую зависит от оплаты, — обронила она, лениво скручивая цигарку.

— О, благодарность наша не ведает границ! — выкрикнул заученную фразу Феликс и немедленно получил от шерифа

зуботычину.

— Старина Фел прав, но… — замялся мэр, оглянулся на казначея и решился, — но годы нашего процветания давно позади… — Кирна угрожающе хмыкнула, я зевнула, Тиана предложила ехать дальше. — Мы заправим… да, заправим ваши машины!

— Похоже на бычачье дерьмо! — воскликнул Декстер и уже приготовился ляпнуть более весомое оскорбление, но мэр прервал его:

— Давайте проследуем на склад, уверен, там найдется для вас что-нибудь!

Под склад город выделил огромное, обитое жестью здание, ибо здесь хранилось — начиная с запасов съестного и топлива, и заканчивая ненужным, просроченным, истлевающим хламом. В нос ударил острый запах химикалий, сдобренный аппетитным мясным амбре. Какое-то время мы стояли в полной темноте. Под потолком мигнуло, потом еще, и свет постепенно разгорелся. И мы узрели! Горы тюков, ящиков, канистр…

Что-то мне подсказывает, мы могли устроить и впрямь разорительный набег на городские закрома, никто не посмел бы окоротить нас. Но мы скромно покопались в ближайших кучах. Владилен выудил пузырь технического спирта. Я удовольствовалась неработающим (пока) роторным пулеметом, достойным турели моего «юрала», и ящиком разнокалиберных патронов, в котором заметила полупустую, вроде бы пулеметную ленту. Джо, как с родным, обнимался с переносным компьютером, типа книги, только без страниц. Натан, обретающий в подобные моменты зоркость грифа, добыл из груды железяк очередную деталь для своей ненаглядной тачки. Тиана приперла несколько мешков и промышленной взрывчатки, мотивировав свой выбор необходимостью решать проблему дикарей кардинально. И проблема эта вновь напомнила о себе устами взволнованного мэра, уже почуявшего скорое оскудение хранилища.

Как обычно, мнения разделились: одни хотели вжарить, другие — мирно поболтать. Аксель пристрастно расспросил градоправителя о предпринятых мерах по усмирению братьев-варваров. Толстяк покраснел и тихо признался, что столковаться с ними он уже пытался… но его публично унизили и изгнали с позором. Дикари не допускали в свои дела цивилизованных соседей, считая эру тонкой

взаимовыгодной дипломатии прошедшей. Каньоном, по их мнению, должен был править кто-то один, сверху, снизу — везде, а сыновей осталось двое да еще слабак-мэр. Амбиции Клыка и Когтя (очень подходящие имена выбрал им папаша) жаждали удовлетворения, немедленного и полного.

И тем не менее Аксель, Натан и Данике настаивали на попытке провести очередной тур мирных переговоров, тщетно стараясь убедить прочих во главе с Тианой, выступавшей особенно громко, пока ничего не ломать и не взрывать. Но разве можно спорить с теми, кто записал себя в герои? Конечно, нет. Цыганин махнул рукой и предложил хотя бы поспать перед началом активных действий. С этим все согласились. Не иначе Аксель надеется спустить дело на тормозах. Интересно, как…

**

Сагерт направился к филиалу Гильдии, самому крепкому и внушительному зданию в городе. Его походка, выражение лица никогда и никому не выдали бы истинных чувств, бушевавших внутри. Боец позволял себе ненавидеть лишь в краткий миг приближения к цели, потом он очищал свою душу от чересчур сильных эмоций и снова становился расчетливым, хладнокровным, внимательным. Как должно воину, воспитанному Учителем.

В Верхнем Каньоне Гильдия поставила дело на широкую ногу — помимо рыночных павильонов имелся магазин в первом этаже филиала. Просторная зала мягко освещалась многочисленными лампами, отражающимися в ростовых зеркалах, являвших пример истинной, а не бутафорской, роскоши. Посередине ее делил длинный помост-дорожка, по которому дефилировали рабы во время показа клиенту, после они выстраивались на нем же, ожидая своей участи. Не было аляповатых украшений, как в борделе, напротив, простотой убранства подчеркивалось — клиент попал в солидное заведение, а не в шарашкину контору. Тут предлагались не девочки на час, а выгодное вложение денег, приобретение движимого имущества, которое прослужит долгие годы.

Вошедшего Сагерта встретила миловидная девушка, чистенькая, одетая строго и со вкусом, с блокнотом из плотного картона в руках. В магазине существовало несколько ступеней проверки покупателя: вышибалы, освобождающие помещение от безденежных,

недовольных, излишне буйных клиентов, продавцы-консультанты, отсеивающие праздношатающихся зевак, и хозяин зала, заключающий сделки. Вы могли покинуть магазин на любом этапе даже без объяснений причин. Но Сагерт выглядел достаточно презентабельно, чтобы охранники, лишь покосившись на него, вернулись к своим занятиям, а владелец мигнул продавщице: мол, твой выход.

Сагерт хорошо подготовился. Нельзя прийти просто так — если хочешь задержаться подольше, нужно действительно сделать заказ. Ему якобы понадобилась женщина, не мутантка — ни в коем случае! — симпатичная и… Он слышал о людях, умеющих влиять на разум, эмоции, даже способных переиначивать их. Данике называл их «психиатрами» и уверял, будто некоторым таборчанам (в числе первых Кирне и Тиане) необходима помощь такого специалиста. Чем не предлог? Когда Сагерт сжато выдал свои требования, консультантка хмыкнула, закусила карандаш и с сомнением качнула головой. Терять покупателя из-за его глупых желаний было недопустимо, и в итоге она переложила задачу подбора на опытные плечи начальника, попросив клиента подождать.

По подиуму просеменили семь девиц, все ухоженные, накрашенные и причесанные, в одинаковых легких туниках. Сагерт скучающе проводил их глазами, а потом воззрился на продавщицу, как бы говоря: «Знаете, интересующие меня способности на лбу не написаны».

— Вот эта станет чудесной женой, — консультантка кивнула на эффектную мулатку. — Та отлично шьет, прямо-таки Дарья-искусница. С нее может начаться процветающее дело! — палец переместился в сторону девчушки лет тринадцати. — Следующая, не поверите, работала в ремонтной мастерской…

— Я же четко сформулировал, какими талантами должна обладать кандидатка, — с деланным спокойствием сказал Сагерт, мысленно недоумевая: «А кто такая, о небо, Дарья-искусница?»

— Но описанные вами способности могут скрываться в любой из них, — вкрадчиво произнесла девушка, обводя рукой строй рабынь.

Сагерт намеревался продолжить дискуссию, когда в дверь ввалилась Кирна. Стражи напряглись, один приподнялся с табурета, но продавщица, заметив взгляд, брошенный клиентом на визитершу, подняла ладонь, останавливая бугаев.

— И что ты тут забыл? — гневно вопросила Кирна. — Тебя же облапошат, ощиплют, как куренка! Тебе их пытаются всучить? Это дрянь, Сагерт. Брак.

— Я бы на вашем месте не позволяла своей женщине вмешиваться в серьезные дела, — тихо проронила консультантка.

Сагерт обреченно вздохнул. Фразочка едва не стоила неразборчивой девчонке жизни — Кирна за доли секунды выхватила тесак и очутилась рядом с обидчицей. Если бы Сагерт немного промедлил, по начищенному полу покатилась бы голова продавщицы с растрепавшейся прической и с застывшим навеки удивлением на лице. Но он успел сжать Кирнино запястье, и оружие оставило на шее жертвы длинную неглубокую царапину, ровно такую, на какую договорились его ненависть с его здравомыслием. Боец и сам с удовольствием убил бы замешанную в грязном деле работорговли девку, но не сейчас же! Он сгреб брыкающуюся подругу в охапку и покинул магазин, когда охранники только начали соображать, что стряслось.

**

Меня давно терзало любопытство, зачем нашему бойцу сраная Гильдия, филиалы которой он с таким упорством ищет в каждом городе? На сей раз я решила это выяснить, благо никаких других развлечений пока не предполагалось.

В торговом зале Гильдии вышла курьезная сценка. Похоже, Сагерту понадобилась еще одна сожительница, но первая имела свое мнение на этот счет. Ну вот, теперь мне тоже лучше делать ноги!

Я вернулась к каравану почти сразу за Сагертом с Кирной. Народ уже укладывался спать, а мне вздумалось прогуляться вниз, к дикарям, пока все вокруг превратилось в сонное царство. К несчастью, меня застукал Аксель, и он не оценил моей идеи. Приперев меня к стенке трейлера, цыган разорялся насчет «молокососов, что не только нос, всю харю по самую жопу в костер суют». Все, кто не дрых, услышали, а кто уже дремал — проснулись и тоже были введены в курс дела. В итоге вместе со мной увязалась большая часть табора, кроме Натана, притворившегося занятым, Элейн и Акселя с Захарией, которые остались приглядывать за имуществом.

Нет, ну какого же хрена! Мой великолепный замысел оказался испорчен. Я-то рассчитывала сиеста, она и на дне Каньона сиеста —

подобраться к стойбищу справа от моста (по словам мэра, там правил менее свирепый из братьев — Коготь). Но такую ораву даже вусмерть пьяные или объятые безудержным сном дозорные заметят! Расстроившись не на шутку, я убежала вперед, оставив отряд далеко позади.

Прогулка заняла около часа, и это по самому солнцепеку! Как назло, долбаная тень выбрала другую сторону каньона. И почему мы тоже ее не выбрали? Впрочем, питьем и всякими шапками да очками мы запаслись (без них ни один опытный путешественник из машины носу не высунет), а вот чего не учли, так это тяжести Тианиной поклажи. Девица никому не позволила нести хотя бы часть багажа, утверждая, будто такие жопорукие ребята, как мы, обязательно попортят содержимое ее рюкзака. Ну, никто особенно и не настаивал. Декстер, так тот вообще через некоторое время принялся глумиться над подружкой:

— И с чего ж ты так взмокла? Уж не от вида ли моей крепкой спины? Поторапливайся, если охота и спереди посмотреть! А? Говоришь, из-за жары? Ну да, точняк, я горячий мачо… — Тушкан, посмеиваясь, ловко уклонился от пинка и продолжил в том же духе.

Джонатан справедливо бухтел по поводу неразумности массового похода и бессмысленности своего личного участия в нем. А вот по мнению Туве, грядущие сцены насилия должны были открыть Хайду непознанные грани мироздания, а прогулка — не допустить возникновения детской полноты. Какая же дурь, дамы и господа!

Наконец Тиана покачнулась и рухнула наземь, как подкошенная. Данике констатировал тепловой удар. Остальные, сгрудившись вокруг, создавали тень, вернее же, просто любопытничали. Доку удалось привести девицу в чувство в рекордные пять минут, в процессе лечения нещадно ругая ее за самоуверенность, недальновидность и глупость.

Проморгавшись, Эльхаим первым делом попробовала закурить, но Данике разгневанно выбил папироску из ее дрожащих пальцев и запретил прикасаться к табачным изделиям до конца дня.

— Встань и иди! Тушкан повелевает! — дурным голосом воззвал Декстер, простерши ладони над Тианой.

Единственное, чего он добился своей показухой, — сердитого шиканья Данике, сопровожденного моим тихим хихиканьем и бранью

Кирны. Конечно же, Эльхаим была пока не в силах даже сесть. Тяжело вздохнув и окинув нас мутным взором, она поинтересовалась, не рванул ли ее рюкзак до срока…

Тогда-то хвостатый мессиканец и решил освободить подружку от тяжелой ноши, причины всех ее бед. Он принялся отволакивать свертки из рюкзака к реке и утопил около трети до того, как диверсию обнаружили. Вот тут началась настоящая потеха! Хоть плату в шляпу собирай! Тиана, вскочив, обрушила проклятия на голову Декстера, его родных, знакомых и домашних животных, и накинулась на него с кулаками. Тушкан пытался отшутиться (мол, хочешь, чика, таскать что-нибудь вспыхивающее быстро и горящее долго — понеси меня), но получил свое сполна. Девица безжалостно поколотила его и навьючила поклажей. Огнеплюй, само собой, она оставила при себе.

Увлекшись дружеской потасовкой, мы, как распоследние идиоты, прозевали группу дикарей, направляющуюся к нам из деревни Клыка. Спасла нас бдительность Кирны — все попрятались по кустам. Кроме Туве, которая невозмутимо обратилась к Хайду с очередной речью:

— Урок на сегодня: отгадай-ка, что им нужно, мелкий Джо?

— Они хотят нас убить, — торопливо ответил тот и умоляюще добавил: — Туве, а ты разве не спрячешься?

— Я разберусь с ними, — улыбнулась ушастая. — Покажу, как это делается.

С сумасшедшими спорить бесполезно, посему мы сникались, затихли и приготовились ко всему. Все не заставило себя ждать: вскоре на дорогу вышли опасного вида мужики, где-то рыл пятнадцать или около того. Вооруженные в основном арбалетами, но парочка ребят захватила винтовки, и, похоже, они умели ими пользоваться.

— Где эти ублюдки? Попрятались, сучьи дети! Ну да ладно, от нас не уйдут! — раздавались крики, а потом их внезапно сменило гробовое молчание: бугаи осознали присутствие в пейзаже лишней детали — Туве.

Девушку обступили, некоторое время рассматривали, не проронив ни звука, и наконец, расчухав ситуацию, принялись обсуждать, «а кто у нас тут самый смелый», «что же, кроме девчонки некого и послать», «понравятся ли Клыку разрисованные сиськи» и тому подобные насущные вопросы. Туве немного послушала, а потом громко пообещала:

— Если вы не бросите оружие, у вас будут неприятности.

Рев гудка «джона гира» стыдливо заглох бы перед взрывом хохота (вперемешку с возмущением), последовавшим за столь наглым заявлением. Рыжую дурочку ожидала незавидная судьба…

**

Натан рылся в багажнике до тех пор, пока его спутники не скрылись за воротами. Он был рассержен тем, что Аксель опять не пресек сумасбродную выходку Томми, увлекшую остальных на смертельно опасную прогулку вниз. Его бы воля, Дриббл, пожалуй, выгнал бы мальца, пристрелил, ну или приковал наручниками в кузове тягача.

Когда на стоянку вломились шериф, несколько амбалов со значками Гильдии работорговцев и девка с перевязанным окровавленной тряпицей горлом, Натан уже готовился мирно задремать. До Акселя в трейлере пришельцы не достучались. Наверное, хитрожопый цыган попросту притаился внутри, не пожелав сталкиваться с недружелюбно настроенными гостями. Они миновали Кирнин джип, заглянули в тягач и устремились к «сандерклапу». Его уже заметили, и прятаться или бежать было поздно, кроме того, Натан прекрасно знал свои обязанности (хоть и навязанные общественностью): если Аксель отсутствовал или прикидывался таковым, должность парламентера переходила к Дриббу или Данике. Надо отдать ему должное, Аксель ни разу еще не отлынивал в действительно щекотливых ситуациях… разве вот теперь.

Вылезши из машины, Натан встретил посетителей радушной улыбкой, но при этом недвусмысленно шваркнул дверью, как бы намекая: ребята, я с вами покалякаю, но вы, вообще-то, некстати.

— Добро пожаловать. Чем обязан? — порой физиономия Дриббла приобретала акулью обаятельность, отчего собеседникам хотелось поскорее закруглить разговор, так или иначе.

— Извините, сейчас время отдыха, но… — неуверенно начал шериф.

— Психованная баба, блондинка в коже, она приехала с вами! И тот мужик… — истерично пропищала девка, придерживая повязку. — Они чуть не убили меня!

— Тише, Детти, — прогудел один из здоровяков. — Сегодня упомянутые особы побывали в нашем заведении. Мужчина как раз

приценивался, когда женщина…

— Мерзкая паскуда! — взвизгнула Детти.

— … явилась, охаяла товар, а потом порезала ее, — верзила, чья учтивая речь совершенно не вязалась с людоедским обликом, досказал, будто его и не прерывали.

— Дело в том, что ваших спутников довольно легко опознать, — словно извиняясь, вставил шериф, — я решил уточнить.

— Сожалею, но в данный момент они внизу, расхлебывают ваши проблемы, — жестко ответствовал Натан, гневно сверкнув глазами. А про себя адресовал пару ласковых Сагерту и его подружке.

— Да-да, конечно, дело немного подождет, — блюститель порядка откланялся, несмотря на раздраженное блеяние обиженной девицы.

До поры все устаканилось, но было просто необходимо обсудить с Акселем поведение Тома и заставить его как-то урезонить Кирну.

**

— Натанчик! — Элейн грубо тормошила Дриббла за плечо.

— Я уже проснулся, Эли! Хватит, у меня сейчас зубы обобьются! — Натан протер глаза. — Что случилось-то?

Цыганка потащила его к невысокой балюстраде моста и указала вниз, где ярким пятнышком мелькала Туве в окружении мужиков самого отчаянного вида. Натан опрометью кинулся в «сандерклап», откопал в бардачке бинокль и, вернувшись обратно, с изумлением обнаружил Элейн с огромной старинной подзорной трубой.

— У них серьезные проблемы, — констатировала Принцесса воров. — Пора выручать!

— А у тебя есть снайперская винтовка? — небрежно вопросил Натан, наблюдая за сценкой внизу.

— Нет, но есть кое-что получше. — Дриббла насторожил тон Элейн. Он обернулся и увидел, как цыганка обвязывает свои ноги тонким тросом, другой конец которого крепился к фонарному столбу. — Вытянешь нас.

Натан не успел ничего возразить — Элейн кинулась с моста головой вниз.

**

Само собой, Джонатан Хайд, мать его так-то, не усидел за камнем, когда его подружка очутилась в опасности. Истошно завопив, горе-герой вскочил и выставил вперед руку с металлическим полуметровым

копьецом. Устройство полыхнуло синим, из него вырвалось нечто, похожее на вилку, и вонзилось в зад одному из обидчиков. Тот заорал во все горло и схватился за уязвленный филей.

Понеслась! Суровых варваров закидали горючими коктейлями, бумерангами и камнями, лишь раззадорив их. К несчастью, все вышеозначенные предметы нанесли чисто символический ущерб (преимущественно самолюбию) и лишь слегка смутили неокрепшие дикарские умы.

Наверное, следует сделать небольшое лирическое отступление. Так вроде бы у писателей называется лабуда, которая лепится к повествованию на соплях, пришивается сикось-накось или попросту кладется рядышком (нехай будет, от читателя не убудет). Есть и у меня такой кусманчик. Вот вы, поди, записали Тома Мэйби в ряды везучих засранцев, попусту коптящих небо? Да-да, несмотря на мою несомненную пользу, меня часто обвиняют в никчемности, требуя у Акселя урезать мой паек. Для этих обличителей напомню: Томми заменяет будильник, Томми исполняет роли поваренка, мальчика на побегушках, няньки при Владилене и любом упившемся таборчанине, наравне со всеми несет сторожевую вахту. Томми первым идет куда подальше, как самый младший. У Томми имеется велосипед, коим периодически пользуются все. Томми терпеливо выслушивает все истории у костра. И наконец, Томми уже дважды расчищал свинарник в трейлере! И помимо всего вышеперечисленного, Том неплохо, как выяснилось, управляется с огнестрелами. Впрочем, я отвлеклась. У пацана есть вещь, которую признают полезной абсолютно все. Ею и оправдывают его существование.

Еще в бытность мою в Идэне я восхищалась одним из персонажей «Безумного Мака» (довоенного фильма про то, как люди станут жить после войны) — мелким мальчишкой самого дикарского вида, не побоявшимся сопровождать Главного Героя в опаснейшем путешествии. Кроме того, поц дважды охренительно точно метнул бумеранг… Роботы сочли бумеранг спортивным снарядом, а я упражнялась в его кидании, представляя вместо мишеней разных Главных Мерзавцев.

Пластиковый угольник вместе с перчаткой для ловли остался в Куполе. А мне один из многочисленных Акселевых знакомцев выточил из стали новенький, потом они вместе с цыганом еще и армированную

рукавицу с кобурой справили. В честь чего? Это связано с пресловутой байкой про громадного сурка, не забыли? Я непреднамеренно поохотилась на него, точнее, тварь охотилась за мной, но метко пущенная палка-металка поменяла нас ролями. С тех пор Том доставляет к столу свежатину, не переводя патронов. Наверное, если б док не жрал свои чудо-таблетки, он производил бы не меньший фурор с луком и стрелами.

Но вернемся к нашей . Цыгане сидят за камнями-кустами, дикари стоят с приоткрытыми ртами. Слева вяло горит жухлая трава, там, где шлепнулся Тианин коктейль.

Еще больше дикари растерялись, когда в их толпу с небес упало нечто, унесшееся вместе с Туве обратно ввысь. Надо признать, мы тоже обалдели. Первой очухалась, как ни странно, Тиана, бросив еще один пылающий подарочек, а потом пришла очередь бугаев Клыка. То есть, сами понимаете, очереди никто не ждал, однако бывают состояния мозга совершенно несовместимые с активными действиями. В данном конкретном случае — удивление.

По нашим укрытиям дали залп, выщербив из валунов тучи каменных крошек и вполне предсказуемо сразив Джо, так и продолжавшего торчать да лупать глазами. Арбалетный болт прошил его насквозь под правой ключицей — Хайд рухнул навзничь. Прочие не пострадали.

Кирна, брезгливо прошипев: «Таких двадцать голов за один патрон дают!» — убрала дробовик и ринулась в драку, размахивая своими тесаками. Я вторично запустила бумеранг, располосовав кому-то спину. Позже придется вызволять лезвие оттуда (не из спины, конечно, хотя оно могло и застрять, а из-под ног). Сагерт уже вклинился в самый центр толпы, опередив даже свою кровожадную подругу. Тушкан засветил кому-то в лоб булыжником, а Данике, верный врачебному долгу, пополз к раненому Джо. Лучше б тоже камнями покидался!

И тут я скорее почувствовала, чем заметила какое-то движение сбоку: Тиана готовила огнеплюй к бою. Собственно, раструб уже харкнул оранжевым язычком ей на самокрутку, и теперь пламенная струя постепенно увеличивалась, направляясь к дерущимся.

— Сагерт, уноси ноги! — мой отчаянный крик вовремя достиг адресата.

Боец подхватил на плечо Кирну и прыгнул в сторону. Ох, опоздай он хоть немножко, и гореть бы им ярко. Тиана широко повела соплом орудия. Получилось в прямом смысле зажигательно!

Вполне закономерно пляски и песни представителей племени Клыка привлекли внимание дозорных из поселения Когтя — к месту побоища приближался внедорожник, начиненный вооруженными мордоворотами. В интересное положение мы попали.

**

— Ну, и зачем ты это сделала? Все ведь шло как по маслу! — оскорбленно спросила Туве у Элейн, еще даже не встав на ноги.

— Эли, великолепное исполнение! — восхищенно заявил Натан, аплодируя.

Правда, он не одобрял ее поступка, пока она летела вниз-вверх, рискуя прошибить головой грунт, но сейчас готов был восхвалять отвагу и ловкость цыганки сколько угодно.

— Как тебе удалось рассчитать нужную длину троса? — льстиво поинтересовался Дриббл.

— На глазок, — ядовито процедила цыганка, потирая лодыжку. — Некоторые вот не оценили! А у меня из-за нее синяки будут на лодыжках.

— А мне опять по жаре топать! — пробурчала Туве и побежала к воротам, всплескивая руками и продолжая громко возмущаться. Развевающиеся накладные кисточки на кончиках ушей придавали ей отдаленное, но вполне уловимое сходство с велосипедом.

— Нет, какова, а?! — воскликнула Принцесса воров, проводив взглядом сбрендившую деваху.

**

Все клыковцы, державшиеся на ногах (читай — успевшие потушиться), быстренько ретировались при виде новой порции врагов. А мы остались.

— А тут у нас кто? Очередная компашка слабачков из Верхнего? — приветствовал нас загорелый детина в вычурном кожаном доспехе, увешанном разнообразными когтями, и с внушающим уважение, почти станковым, арбалетом в руках.

— Племя свободных цыган. Наш шаман сказал: народу Когтя нужна помощь — мы явились! — продекламировал Данике. Иногда на

него прямо-таки снисходит вдохновение, хотя не исключена и длительная подготовка. Так-то док немногословен.

— Ха, — кратко ответил ему варвар, неторопливо обвел взглядом нас, поверженных сторонников Клыка, с которых уже снимали трофеи, и отдельно — Данике. — Шаман, говоришь? Давай-ка, узнаем, каков он. Пусть духи решат!

Глупцы! Может ли кто-нибудь сравниться с Владиленом Михайловичем Птицыным, потомственным грусским алкашом, в вопросах, касающихся фей, чертей и прочих глюков? Тем паче, их колдун ничем не отличался от рядового дикаря, разве что юбкой из дурно пахнущей речной травы и повышенной чумазостью. Он заулюлюкал, потрясая обвешанной косточками винтовкой, потом немного успокоился и повелительно указал на замшелый валун с мерцающим слюдяным пятном в виде птичьего черепа. Издав еще один нечленораздельный рык, шаман принялся скакать, а от кучки его спутников отделился низенький жилистый паренек немногим старше меня. Ухмыльнувшись щербатым ртом, он завернул за камень и присел. Это начинало смахивать на дурацкую клоунаду в бродячем цирке… Неужто шутник решил там навалить? Похоже на то: юный варвар встал, поправил штаны (его товарищи загоготали) и удалился, подбадриваемый шлепками по спине и дружескими подзатыльниками. Главенствующий здоровяк призывно повел раскрытой ладонью:

— Угадывай, шаман!

Данике пихнул Птицына, прильнувшего к фляжечке. Мы, памятуя о длительности владиленовских камланий, расселись полукругом и достали жратву, повергнув дикарей в ступор своим спокойствием. Гроссиец не подкачал: не меньше получаса он играл на варгане и конвульсивно бился в пыли. Когда Владилен бросился на землю в пятый раз, Декстер, не выдержав, резко вскочил и метнул в алкаша картофелину, которую до того аппетитно вкушал. Корнеплод попал точно в лоб Птицыну и на минуту вырубил его. Варвары зашевелились, посчитав, что наш колдун сдался, но тут дед очнулся и возвестил: «Желторотик там обмотанный проволочкой патрон упрятал». Пацан обиженно взвыл, получив от кого-то из старших увесистую оплеуху. Вожак рявкнул, в мгновение ока прекратив произвол. Дикари притихли.

Опередив всех желающих, я кинулась к священному валуну, уселась и принялась рыться в многочисленных карманах. За время своих приключений мне удалось захапать бессчетное число необычных штуковин, а некоторые сопровождали меня аж из самого Идэна. Никогда не знаешь, что и в какой ситуации пригодится! Была у меня такая беленькая матовая капелька с хвостом — , — у каждого жителя Купола имелась такая для личного общения с роботами. Покинув «родину», я, конечно, выключила устройство. Его-то мне и пришло на ум загадать когтевскому шаману.

Само собой, я повторила пантомиму своего оппонента, вдобавок демонстративно почесав задницу. Таборчане, не посвященные в мои коварные плутни, напали на меня с попреками. Оставалось лишь хитро улыбаться, прикрываясь от особо рьяных изъявлений недовольства.

Вражеский колдун лениво переступил с ноги на ногу и нахально сообщил: «Там игральная кость!» Как же я не догадалась?! Говнюки же выбрали камушек не наобум, наверняка мы не первые попались на эту уловку — неизвестно как, но кубик с точечками действительно появился. Правда, мое имущество не пропало, свидетельствуя о подвохе. Я выложила предметы на камень и приготовилась толкнуть обвинительную речь, но меня перебил главарь, объявив ничью. Отвертелся гад! Впрочем, Владилену в признании его шаманских талантов он не отказал и пригласил нас в поселение для беседы с Когтем. Племенной колдун попытался возразить, но как-то съежился под недобрым взглядом командира.

Сколько, вы думаете, народу влезает во внедорожник? Правильный ответ — столько, сколько требуется. Нас, как гостей, усадили внутрь, а дикари облепили кабину и кузов, держась за многочисленные поручни, скобы и крюки, приделанные к машине, видимо, именно для увеличения вместительности. Какой-то богатый кретин пальнул в воздух.

**

Жилище Когтя располагалось в двухэтажном красном автобусе с полустертой загадочной надписью «Рип ван Линкль. Туры по еврейским Эльпам», частично перекрытая каракулями, повествующими о деяниях законного хозяина Нижнего Каньона. Транспорт был укомплектован бронепластинами по периметру и яркими вымпелами на крыше.

Делегацию впустили в заднюю дверь. Перед входом пришлось сдать оружие, поэтому несогласные воинственные дамы из нашего «племени» остались снаружи вместе с изнывающим под тяжестью поклажи Декстером и Джонатаном, так и не пришедшим в сознание.

Коготь восседал за кабиной водителя в одном из пассажирских кресел, покрытом пятнистой звериной шкурой. Вождь представлял собой эталон силы и здоровья — высокий, тучный, с кулаками чуть ли не с голову годовалого младенца, весь в бурой шерсти, росшей на нем так же обильно, как трава на плодородной почве. Водянисто-серые навыкате глаза смотрели из-под ленивых век хмуро и подозрительно. Он едва заметно кивнул нам.

— Мне доложили, вы хотите помочь изгнать моего нечестивого братца? — у меня возникло ощущение, что вождю приходится сдерживать свой густой бас так же, как тело, — ему было тесно здесь. Этот человек создавался для замков, просторных узорчатых шатров, на худой конец, длинных кандинавских изб.

— Да, — торжественно начал Данике, — ведь широко известно, если у правителя рождается два сына, то один являет собой закон, а другой — хаос.

— Ты хорошо сказал. Ты ведешь это племя?

— Нет, наш лидер — Сагерт Железный, — практически без заминки выпалил врач, посторонившись и почтительно склонившись перед Сагертом. Надо отдать должное бойцу, он даже бровью не повел.

— Почему же со мной говоришь ты? — вознегодовал Коготь.

— Он искусен в речах, вождь. Я доверяю ему быть моими устами, — невозмутимо произнес Сагерт, положив ладонь на плечо Данике.

— И ты готов ответить за его слова? — насмешливо спросил Коготь, мгновенно овладев собой.

— Как за свои собственные, — Сагерт чуточку приподнял уголки губ.

— Хорошо. Мы выступим, когда тень сместится на западную сторону каньона, и рассеем орды Клыка. Сейчас вы можете отдохнуть.

— Если вожди позволят, — встряла я, рискуя подарить свою голову местному частоколу, — разумнее ворваться туда, пока они спят.

— А какую часть твоего тела олицетворяет этот молокосос? — рыкнул Коготь, угрожающе подавшись вперед и сжав пальцы на подлокотниках (от его движений мебель надсадно заскрипела). Но,

смерив меня уничтожающим взглядом, дикарь признал-таки: — Однако он прав.

— Никто из моего окружения не бросает слов на ветер, — констатировал Сагерт Железный.

— Ты мудр, вождь. Наши женщины родят от тебя воинов, а твоим я подарю свое семя. Скрепим союз племен.

Коготь, похоже, запал на Тиану. В окно увидал, наверное. Все на нее клюют. Здоровяк встал и, сотрясая автобус, направился к выходу, за ним семенили советники, чьи советы так и не понадобились. Снаружи послышался трубный клич, призывающий на бой, а следом — топот ног, рокот моторов, крики, пальба (богатых кретинов в поселении обреталось многовато). Тут прогремел приказ заводить повозку вождя. По спине у меня побежали мурашки, а уши мелко задрожали, предвещая несчастье.

**

Тиана, позевывая, присела в тени автобуса, готовясь немного вздремнуть, — нудная говорильня обещала закончиться не скоро. Эх, насколько проще спалить эту помойку! Вдруг девица почуяла знакомый, ласкающий ноздри запах горючего, он струился из-под прогнившей крышки бензобака красного сарая, служившего логовищем местному вонючему царьку (Эльхаим воображала его себе эдакой волосатой грязной обезьяной, тупой и жестокой). Ведь подстраховаться на случай провала миротворческой миссии Данике нелишне, верно?

— Да, милая моя пироманочка, — из ближайшей палатки вышел Фрай, дымя ароматной сигарой, — весь этот мерзкий клоповник нужно выжечь. Представь, они здесь даже не моются! — мужчина хихикнул: — Не чета вам, цивилизованным людям, купавшимся, кажется, недели две назад.

Фрай вплотную приблизился к Тиане и глумливо мазнул платком ее по щеке — на белоснежной до сего ткани красовалось черное пятно. Но Эльхаим не оценила издевки, ее глаза уже заволокло дымом с проблесками очистительного пламени, охватившего стойбище. Тиана осмотрелась. За ними особо не следили (в самом деле, что могут натворить две бабы, заморыш-мутант и полутруп?), значит, ее диверсии никто не заметит. Девица дернула за рюкзак, едва не повалив Тушкана, шикнула, когда тот попытался возмутиться, и аккуратно

надрезала днище объемистого сидора. Выудив оттуда один из пакетов с заготовленной эксплозивной смесью, Тиана оторвала уголок и просто начала ссыпать содержимое в бензобак, небезосновательно полагая, что сдетонирует будь здоров как.

В отличие от Джо или Данике, она не изучала никаких наук, но чутье безошибочно подсказывало девице, как быстро, без особых усилий, на коленке сляпать хорошенькую бомбочку. В настоящий момент Тиана была уверена: если запихнуть побольше «зелья» в емкость с топливом и дождаться в безопасном месте, когда какой-нибудь дикий болван заведет автобус, можно будет полюбоваться грандиозным взрывом.

— Дура, ты чего творишь? — угрожающе прошипела ей на ухо Кирна, с нескрываемым ужасом наблюдая, как последние крупинки смеси утекают в нутро бензобака.

— Ша, подруга! Улыбаемся и машем, иначе все сдохнем, — также тихо ответила ей Эльхаим, ловко убрав пустой пакет за спину и послав свободной рукой воздушный поцелуй возникшему в дверях Когтю.

Кирна, заслонив собой Тиану, последовала ее примеру. Королевский Тушкан блаженно почесывал вспотевшую спину. Вождь спрыгнул с подножки на землю и воинственно заревел. «Аха, тупая агрессивная обезьяна», — закурив, подумала Эльхаим и незаметно прикрыла крышку бака.

За Когтем высыпали представители свободного цыганского племени, и по глазам Тома Тиана угадала: пацан опять пронюхал о ее маленькой шалости. Девица пожала плечами.

**

— О, вождь! — обратилась я к Когтю. — Древние воины в знак почтения и для устрашения противника несли своих правителей на руках до поля битвы. Ты можешь превзойти их: поганые клыковцы разбегутся при виде Когтя, восседающего в красной колеснице, которую поддерживают тысячи мускулистых дланей!

Только два обстоятельства вынудили меня вторично за последние десять минут рискнуть башкой (обычно проходит хотя бы полчаса) — подозрительно невинное выражение лица Тианы, комкающей серый кулек, и провисший вещмешок за плечом у Декстера. Подтверждала мои опасения и болезненная бледность лица Кирны.

Коготь смерил меня пренебрежительным взором из-под мощных надбровных дуг, ухватил за шкирку и, вздернув на уровень своей физиономии, процедил: «Я не хочу, чтобы воины устали». Выручил меня Сагерт, во всеуслышание пожелавший ехать в авангарде. Отвлекшись на него, Коготь выпустил воротник моей куртки, хохотнул, одобрительно хлопнул отважного соратника по спине, и выделил нам тот самый внедорожник, на котором нас привезли в стойбище.

В автобус вождя уже грузились люди, спешил занять свое место шофер. Чего мне стоило не подсечь его! Но если б меня за этим застукали, вряд ли судьба сжалилась бы повторно — даже Мэйби Туморроу не дозволено столько раз ее искушать. Я явственно осязала у себя на загривке дыхание смерти, обжигающее и смрадное.

О небо, как же медленно мы шли к автомобилю! Но великому вождю Сагерту Железному подобало , а нетерпеливо снуют, семенят да пританцовывают пускай всякие смерды. Наконец уселись. Коготь отсалютовал нам из окна автобуса, и Кирна вдавила педаль газа, направляя тачку по единственной улице поселения. На первом же «перекрестке» она свернула, оставляя между нами и заминированным (в чем я уже не сомневалась) жилищем вождя ряд палаток и домиков. Мы услышали тарахтенье мотора автобуса… один, два, три — елочка гори!

Внедорожник въехал на наклонную крышу какой-то землянки, подпрыгнул, полетел через выгребную яму и в высшей точке был подхвачен взрывной волной. «У меня дежавю?» — успела подумать я за секунду до того, как нас тряхнуло и перемешало в салоне машины, будто игральные кости в стаканчике.

**

— Гребаная дегенератка! Сука шизанутая!

Я приоткрыла один глаз, надеясь, что эти в высшей степени приятные определения относятся не ко мне. Уф, не ко мне. Это на Тиану во всю мощь своих легких орала Кирна, заполучившая шикарный фингал на скуле. Никто не мешал блондинке — мы все испытывали примерно те же чувства. Правда, Эльхаим не обращала на нее ни малейшего внимания, продолжая восхищенно взирать на огненный беспредел на месте дикарского поселения. Сколько ж и чего она вбухала в несчастный автобус?

— Дорогая Т-т-тиана, я уже предлагал тебе п-п-помощь… ммм… психологическую… — чуточку заикаясь, проговорил Данике.

— Ну-ка, повтори! — ревниво встрял Тушкан (судя по характерному «тук, тук, тук-тук-тук», он неистово молотил хвостом по земле).

— Д-д-декстер, без обид, но ее душевное здоровье…

— Ну и как с вами детей оставлять? — возмущенный голос Туве заглушил ответ дока. — Что вы натворили с Джо?

Стоп, ушастая же унеслась в небеса! Я резко села. В висках стрельнула боль — аж в глазах потемнело.

Туве склонилась над Джонатаном, придирчиво осматривая и ощупывая наложенную ему повязку. Может, она летать умеет, а мы и не в курсе?

— Данике, а зачем ты вытащил из него стрелу? — всплеснула руками девица. — Какие же вы люди нетерпеливые да темные! Чужеродные предметы должны выходить из тела естественным путем!

— Она и вышла. Вошла и сразу вышла, — врач снял пыльники, утер лицо ладонью и продолжил: — В следующий раз я без твоего совета и пальцем не двину, обещаю.

— Спасибо. Но нужно все сделать по уму — залепить ранку вот этим. — Туве достала из-за щеки розовую тянучку, которой Джо хотел заткнуть дыру в радиаторе.

— Нет! — Данике сорвался на крик.

— Пока не попробуешь, не узнаешь. Но если ты настолько против… — медленно произнесла Туве. — Хотя бы лечебное закапывание на перекрестке дорог мы ему обеспечим? Это проверенный метод, старинный и уважаемый.

— Ты найдешь или устроишь для Джо перекресток в Верхнем Каньоне, — вклинилась в беседу Кирна. — Но ради ваших же драгоценных жоп, давайте уже свалим отсюда! — последние слова блондинка проорала прямо Туве в ухо.

Вдруг все осознали, что в любой момент из соседнего становища могут набежать мародеры. Ну нет, довольно с нас на сегодня дикарей! Как говорится, ноги в руки и деру!

**

Жители города на мосту приветствовали новоявленных «героев» ликующими воплями и овацией. Они еще не просекли, как круто у

смельчаков, то есть у нас, изменились планы: цыгане собирались отчалить до наступления темноты.

Мэр считал нашу работу незаконченной, но благодаря восторженной толпе нам отдали положенную плату без лишних проблем. Для успокоения городского правительства, а скорее для очистки совести мы попросили Тиану заминировать подъезды к мосту с обеих сторон, что она с охотой и проделала. Несколько позже выяснилось: небольшой зарядец был помещен по настоянию Сагерта и под здание Гильдии работорговцев. Воистину мы сожгли все мосты за собой.

Караван не проехал и часа, когда сзади грянула серия взрывов. Экипированные биноклем и подзорной трубой Натан с Элейн долго мучали нас, молчаливо пялясь в свои зыркалки. Оно и понятно, есть чему дивиться: на месте филиала Гильдии в покрытии моста зияла внушительная дыра, окрестные здания и половина рынка полыхали. Сагерт походил на сытого кота, сильно проредившего поголовье мышей в подполе.

Кроме того, у северных ворот разворотило дорогу. То ли какой-то остолоп из городских, забыв предостережения, отправился погулять, то ли Клык послал лазутчиков к городу — уже не дознаешься, но сейчас дикари штурмовали стену. Наверное, у Каньона будет-таки единовластный правитель.

Удалившись ровно настолько, чтобы даже самые рьяные искатели трофеев не пожелали нас преследовать, мы устроились на ночлег. Кирна с Тианой засыпали прямо за рулем.

Глава 3

Вереница автомобилей, натужно скрипя осями, периодически тормозя из-за глохнущих двигателей, забиралась все выше в горы. За три перегона окружающий пейзаж изменился до неузнаваемости: серо-желтая растительность уступала зелени — и чем дальше, тем насыщеннее становились ее оттенки. Появились деревца, местами образовавшие рощицы и даже настоящие, густые, хоть и низенькие, леса. Элейн предупредила нас, что природа здесь таит не меньше опасностей, чем внизу, и гадить приходилось преимущественно на дорогу. Но лично я с удовольствием попрощалась с пыльными просторами пустошей.

Благодаря прохладе горного климата караван перешел на жизненный распорядок нормальных людей — днем бодрствуем, ночью спим. И около полудня на четвертые сутки лошади Акселевой повозки пересекли незримую границу Гатскиллза. Местные обитатели даже не обнесли свой поселок стеной! Пустынные головорезы им этого даром не спустили бы.

Дорога пролегала между двумя рядами домов, среди которых бросалось в глаза множество заколоченных. В центре эта единственная улица расширялась в площадь с универсальным магазином, аптекой, совмещенной с цирюльней, убогой таверной и… пепелищем. В почерневших останках Элейн признала ратушу.

Люди, встречающиеся по пути, смотрели на нас равнодушно, хотя обычно гости всегда и везде вызывают живейший интерес. Правда, если Аксель пытался заговорить с кем-то, интерес проявлялся-таки — взгляд потревоженного человека делался враждебным, и цыгана посылали куда подальше. Столь резкая перемена в поведении не могла не насторожить нас. Однако тратить время на замороченных обывателей в паре километров от цели казалось нелепым занятием. Аксель как раз взмахнул кнутом, собираясь прямиком к белеющей вдали станции, но нам наперерез бросился крепкий пузатый мужик в заплатанном синем комбинезоне и неопрятной клетчатой рубахе. Он буквально рухнул под ноги лошадей, умоляя ошарашенного цыгана принять его вместе с семьей в караван. Дядька якобы хотел

немедленно убраться из Гатскиллза восвояси. Благодаря этому казусу завеса тайны над поселковыми странностями приоткрылась.

Мужик подсел на облучок к Акселю, а семейство разбрелось по машинам, нехитрый скарб, умещавшийся в тачке, пристроили в кузов тягача. Покуда наши новые спутники грузились — то есть жена трижды сбегала за чем-то в дом, определялось точное количество детишек, в ряды которых замешивались соседские отпрыски, и они дрались за лучшие места, а сам глава династии никак не удовлетворялся тем, как укреплен багаж, — вокруг скучковались их бывшие теперь земляки. Отъезд Раднеков был воспринят неординарно: беглецов без стеснений поносили, плевали им под ноги, грозили кулаками, однако без огонька, вяловато. Вскоре толпа рассосалась.

По словам Раднека-старшего, гатскиллзца уже в хрен-знает-каком поколении, все началось с прихода чужака, испросившего у общины позволения открыть мельницу в здании старой

Согласно местным легендам, там сидели зануды вроде нашего Джо, изучавшие небо и звезды. Типа отсюда попал в народ оборот «коптить небо» — такого обилия окурков, как у подножия жилища ученых, никто из гатскиллзцев нигде не видал, да. они дымить горазды! Не из них ли Тианочка? Блин, да полпустошей хреновы астрономы! Впрочем, полагаю, никто из гатскиллзцев не спускался с гор добрых лет сто, то бишь они тут мариновались в собственном, гм, соку еще задолго до войны. Но речь не о том, конечно. Люди напридумывали такую прорву суеверий, мифов и всякой подобной дребедени — только уши подставляй! Вернемся же к мельнице. Затеялись прения, но иноземец сумел втереться в доверие к старосте, и вопрос разрешился положительно для него. Случилось это чуть меньше полугода назад. Постепенно жители сменили гнев на милость: забросили домашние жернова, предпочтя тонкий «фабричный» помол грубому самодельному, начали покупать и готовый хлеб, многие поступили на работу к мельнику. Недовольные пропадали, а неделю назад сгорела ратуша. Раднек-старший усматривал в этом происки чужака, но к моменту, когда он высказал опасения, большинство односельчан «подсели» на хлеб с конвейера. И раньше-то гатскиллзцы не отличались покладистостью и гибкостью суждений, а с появлением «мерзкого очкарика» превратились в сущих фанатиков.

— С мня хватит! Д’ни с ума псхдили! — с пеной у рта вещал Раднек. — Жна грит, двай пождем, нзя ж дом брсать. Счас прям! Так я и стался. Ты мня пнимашь, друг?

Произношение у Раднека было почище акселевского — он даже не жевал, он буквально жрал слоги. На протяжении монолога селянина лицо Акселя выражало крайнюю сосредоточенность. Как цыган признался позже, никогда он так не мучился, даже будучи в Итарии, где все говорят, точно из пулемета строчат и вдобавок яростно жестикулируют.

Во время погрузки я полюбопытствовала, что скрыто в брошенных жилищах. Доски легко отдирались от оконных рам, поэтому удалось обследовать три халупы, прежде чем меня пугнули. Все в помещениях покрывала пыль (слой копился эдак месяца два), никаких следов насилия или переезда — обитатели будто пошли прогуляться да так и сгинули. Соседи же по неизвестной причине не растащили имущество, а бережно заколотили дома. На случай возвращения хозяев, не иначе.

А вот Данике, заинтригованный рассказом Раднека (док заподозрил применение наркотических приправ), попытался раздобыть местных хлебобулочных изделий, но его с негодованием прогнали из магазина и с нескольких порогов. Пришлось отнимать обслюнявленный кусок буханки у кудлатого сторожевого пса. Противостояние мохнатой твари и врача завершилось в пользу последнего. Сработала простенькая уловка — сочетание призыва «эй, Бобик!» с броском палки в огород. Завладев ломтем, Данике без оглядки убрался со двора.

Уж не знаю, как док хотел использовать трофейный хлебчище, на себе ли экспериментировать или на ком-то из нас, либо хранить огрызок до первой а только он, видимо, возлагал на него какие-то надежды. Может, надеялся на схожий с таблетками эффект? За последнюю неделю Данике уже дважды пересчитывал свое лекарство в пакетике, вызывая сочувствие у Джо и наши ехидные комментарии. Интересно, доку взаправду необходимо все время поддерживать себя в полусонном состоянии? То есть необходимо? Хайд пробовал растолковать мне, как действуют пилюли и для чего их глотают, но я, если честно, не усекла, чем они отличаются от Акселевой травки, — ее-то Данике яро осуждает.

Когда док возвратился к каравану, его тут же засыпали вопросами, а не удовольствовавшись пожатием плеч и смутными догадками, которые он бубнил себе под нос, потребовали привлечь к исследованиям Птицына. Первыми с этой идеей выступили мы с Сагертом, пожалуй, единственные безоговорочно доверяющие владиленовским бредням. Произошла обычная в таких случаях перепалка, закончившаяся победой сил добра над силами разума.

Пока машины выползают из Гатскиллза, осторожно, точно немощные старцы, спускаются под горку и еще тяжелее, натужно пыхтя, карабкаются на следующую, я быстренько проясню ситуацию. Наверняка кто-то из вас, дамы и господа, задумался, какого хрена в таборе терпят пожилого алкаша и расслабленного мужчину средних лет. Эх, не судите по внешнему виду, как известно, он обманчив. На самом деле без этих двоих каждый в таборе уже раз по пять-шесть копыта отбросил бы.

В нашем жестоком мире любая болячка может оказаться смертельной, поэтому так ценятся врачи, особенно те, кто прошел подготовку в одном из убежищ. Однако таких мало. Зато расплодилось всяких знахарей, пользующих пациентов средствами. И те, и другие в силу различных причин не застрахованы от ошибок, каковые резко роняют их авторитет и столь же резко умаляют ценность их жизней.

Данике с тех пор, как присоединился к табору, не ошибся ни разу. С Владиленом Михайловичем сложнее. Как вы понимаете, он относится ко второму типу — к знахарям, шаманам даже. Но он чаще не травки прикладывает, а самолично прикладывается к спиртовым запасам. И все же, кроме дока, никто не спорит с тем, что вот попляшет Птицын, повоет, культяпками своими дрожащими поводит над больным и тому легчает. К несчастью, одного сеанса не всегда достаточно, и не всегда у старика сил хватает докривляться до конца, но он дарит шанс даже тогда, когда Данике опускает руки. Надо отметить, Владилен не злоблив и не завистлив, посему безропотно уступает пальму первенства Данике. А вот Данике всячески препятствует своему коллеге, отказываясь в него верить, не пуская его к пациентам, пряча спирт и прочую выпивку. В данном вопросе обычное благородство изменяет доку с кем-то другим.

История с хлебным куском развивалась по привычному уже сценарию: Данике обличал Птицына в шарлатанстве, плюясь

страшными терминами типа алкогольного делирия, маниакального синдрома и расстройства личности, а Владилен, нетвердо опираясь на мое плечо, булькал смехотворные оправдания и тупил мутные глазки. Но в конце концов доку пришлось уступить — общественность домагивалась.

Владилен Михайлович кое-как залез в повозку (я активно его туда заталкивала), взял у дока хлебную горбушку и скрючился над ней. Естественно, предугадать, как на сей раз Птицына осенит, я бы не взялась и правильно бы сделала. Вернув Данике ломоть минут через пять, гроссиец обвел нутро возка прояснившимся взором и объявил, что пустырник-то с мятой сами по себе безвредны, но местные виды исключительно агрессивны. Данике, закатив глаза, махнул рукой и попросил избавить его от нашего присутствия. Итак, я с Владиленом очутилась на дороге в ожидании «джона гира». С облучка повозки доносился шумливый диалог Акселя с гатскиллзцем, обсуждающих достоинства наших лошадок. Тиана дала гудок, и я потащила вновь размякшего деда к кузову.

Утро вечера мудренее, если верить Акселю. В итоге порешили не соваться на «мельницу» сегодня же, и караван свернул к горячим источникам. А семейство гатскиллзцев отправилось своей дорогой, намереваясь подняться еще выше, в деревню с совсем уж непроизносимым названием, откуда родом была Раднекова жена. Ну, всего им! Раднек, конечно, отсоветовал разбивать у источников лагерь, но горские страшилки никого из нас не тронули. Да, помыться б не мешало! Пусть лесом идут и озерный дух, и забытый турист, и шаловливые ивовые бесы. Нас ждали удобства знаменитого в прошлом санатория.

Когда Элейн впервые упомянула про него, ее засмеяли. В самом деле, где в пустошах могла сохраниться такая прорва воды, да еще и настолько чистой, чтобы отважиться в ней купаться? Правильно, в пустошах такого нет.

Мы расположились у подножия высоченного утеса, обрушивающего в зеленеющую чашу горного озера тонкую струю водопада. Поднимавшийся пар скрывал гранитные склоны до половины. В дымке едва виднелись полуразрушенные гостевые домики, останки кабинок для переодевания и руины сортира, в очке которого разросся пышный куст. Восстановить наименования,

привязав их к нынешним невзрачным реалиям, удалось по уцелевшей карте, облупившейся, но вполне читаемой. Тревожить развалины мы не стали, тем паче Владилен носился вокруг, якобы задабривая местных духов, фей и кого-то там еще. Ну и хер с ними, право слово! Перед нами же подогретая ласковая лазурная водичка!

Весело набежав в трейлер за купальными принадлежностями, я спохватилась, что не первый месяц исправно корчу из себя мужика. Банный день временно отменялся. А счастье было так возможно!

**

Народ радостно плескался в горячих источниках, а я сидела на бережку с Владиленом Михайловичем и проклинала свою тайну. При одном взгляде на разомлевшего Акселя, на Джо, игриво пытающегося замявать невозмутимую Туве, на Тиану, яростно оттиравшую застарелую копоть дрянным самодельным мылом, и на остальных почти отмытых везунчиков я ощутила на себе пуды, тонны грязи. Но, несмотря на множество укромных заводей, отдельных бассейнов и полугротов, мне не хотелось рисковать личиной Тома Мэйби до наступления сумерек: судя по всему, табор принял единодушное решение задержаться здесь подольше.

Ладно, дурачьтесь, а малыш Томми займется делом. Я потормошила Птицына, но он уже благостно задремал, а вывести его из этого состояния было довольно проблематично, поэтому пришлось допрыгать по камням до Акселя. Довольный, умытый и посвежевший, цыганин осведомился, с какого ляда я до сих пор выгляжу, как зачуханный порось, и уже потянулся к моей лодыжке, желая, видимо, хорошенько прополоскать, но я резво отпрянула, погрозив шутнику пальцем.

— Слышь, Акс, я лучше прошвырнусь до меленки. Успеется ляжками-то да торсами похвастать, — сообщила я, молодцевато подтянув штанищи.

— Опять в жопе шило засвербило? Добро б ты так гонял в бардак! — буркнул Аксель уже вслед моей удаляющейся спине. Ну да вряд ли он очень сильно пекся о моем благополучии.

Прогулка под солнцем по травянистому склону, поросшему кривыми невысокими пихтами вперемешку с ольхой, приятно впечатлила меня — тут забывались война и порожденные ею проблемы. Правда, я познакомилась, так сказать, лицом к лицу с

несколькими из этих проблем: костоломными завалами из старых стволов, крупными муравьями (по слухам, плотоядными), ядовитым зонтичным растением и комарами, — но все обошлось. Кроме того, природа даже без людского вмешательства демонстрировала порой капризы эксцентричного художника-гения, абсолютно не считающегося с потребностями и чаяниями зрителя. Если не ошибаюсь, человеку и в прежние времена вне городов приходилось не , а . Впрочем, я-то экипировалась по полной — наружу высовывались только нос с глазами, — поэтому позволила себе сорвать симпатичный белый цветочек, не боясь полупрозрачных ворсинок на стебле, источающих какую-то липкую жижу. Перчатки вымыть не забыть бы!

Здание «мельницы» с радаром на крыше возвышалось на пригорке, окруженное группой построек, похожих на детские кубики. Такие встречали идэнских детишек в игровой зале — белые, стерильные, безликие, они считались рациональнее и долговечнее раскрашенных игрушек. Строения отгораживались от внешнего мира хлипеньким сетчатым забором. Ненадежность сетки компенсировали многочисленные вооруженные охранники, курсирующие по периметру. И на хрена мельнику такая стража?

Не осмелившись вторгаться с парадного, от дороги, я решила вскарабкаться по обрыву в тыл. Это оказалось непросто: несколько раз съехав на пузе, дважды завалившись на спину, только с шестой попытки я добралась до плоской бетонированной вершины. Зато моя маскировка теперь стала безупречной — пыль, грязь, пучки травы заполнили все карманы куртки, набились в штаны и кроссовки, а прическа смахивала на ворох пакли. Прилегши ненадолго в призаборных зарослях, я понаблюдала за людьми во дворе. Кроме охранников, здесь сновали носильщики, нагруженные мешками с мукой и ящиками с хлебом, а вот бездельников, которых полно в городских мастерских или в полях, не было вовсе. Более того, не удалось обнаружить даже столовую, где обычно оседают работяги на перекур, перекус и переброс в картишки. Ладно, пора узнать, как тут все устроено.

Едва шмыгнув в дырку в сетке (одну из многих — забор до сих пор держался только благодаря оплетшему его вьюну), я сразу же ухнулась в кучу мусора — мимо важно прошествовал патрульный. Он не спешил, и я хорошо его рассмотрела. Мужик, одетый в комбинезон

из плотной ткани, брезентовую куртку и растоптанные говнодавы, явно приходился близким родственником кому-то из посельчан. Как, почитай, все здешние. Наверняка Гатскиллз — одно из тех мест, где принято жениться на племянницах и сестрах. Вооружился дядька солидной с виду винтовкой. Я позволила себе немножко позавидовать ему, а потом вновь сосредоточилась на основной цели своей прогулки — шпионаже.

Часа через три, съехав на спине на дно оврага, окаймляющего территорию мельницы, я побрела назад. Увиденное заставляло крепко задуматься. В обсерватории расположился целый хлебозавод, причем подобной четкостью производственного процесса могли похвастаться лишь на территории Идэна. Люди внимательно и аккуратно выполняли свою работу, размеренно совершая необходимые действия. За всем следили несколько крепких надсмотрщиков и сам мельник. Наказания за оплошность были незатейливы — затрещина и выговор, а принимали их с покорностью, даже отрешенно как-то.

Главный мукомол, тощий долговязый мужчина с землистым лицом, разительно отличался от иллюстраций в книжках под словом «мельник» — там-то изображали упитанного розовощекого весельчака в белоснежном фартуке, приветливо улыбающегося читателю. Здешний же напоминал сказочного чернокнижника. Его холодный взгляд поверх очков блуждал по залу, цепко выхватывая недочеты и ошибки. Бил он без ярости и каждый раз после соприкосновения с чьей-нибудь щекой или ухом вытирал руки о платок. Голос мельника звучал ровно и глухо, но его прекрасно слышали в отличие от рыканья помощников, которые надрывали глотки почем зря.

Как я поняла, радаром не пользовались — просто-напросто заняли самое крепкое и просторное в округе здание с автономным электрогенератором. Прочие строения отвели под склады. Я со времен Идэна не видала столько хлеба! Похоже, мельник планировал кормить не только гатскиллзцев. Неужели мы наткнулись на масштабную операцию по захвату власти? Интересно бы узнать, на какие территории очкарик-махинатор рассчитывает, и он ли, в действительности, верховодит. Но, заглядывая в окошко, этого не выяснишь.

Еще удалось просунуть нос в помещение, где заготовляли травки, виденные Владиленом в батонных галлюцинациях. Уже на подходах (в

моем случае на подползах) у меня начала кружиться голова, тем не менее, преодолев дурноту, я подобралась к самым дверям. Хлебушка явно предполагалось сделать больше, в разы больше, изрядно сдобрив его травяным порошком.

Снова мы полезем не в свое дело. Зная упертость Акселя, я не сомневалась — он не отступит. Зато Тиана обрадуется: все это будет отлично гореть!

Вернувшись, я первым делом отрапортовала цыганину, продолжавшему нежиться в водичке. С военной четкостью фраз не вязался только мой вид: на обратном пути я неосторожно забрела в болотце и теперь щеголяла по колено в иле. Аксель задумчиво почесал подбородок, приподнял пальцем шляпу, с которой не расстался даже здесь, и заявил, что наличие посторонних, тем более вооруженных, конечно, не входило в его планы, как и вмешательство в чужой проект захвата чего бы то ни было, но выбора у нас нет.

— Как говорится, есть стволы — ума не надо, чему быть, того не миновать, все мы любим пострелять! — протараторил он, подмигнув мне. — Вали-ка мыться, а то смердишь как козлище!

Это уж Аксель приврал. Я же не пахну, разве что тиной сейчас. В отместку я изготовилась, не раздеваясь, сигануть прямо к нему в бассейн и, только когда цыган с притворным испугом выпучил глазищи и запросил пощады, убежала за купальными принадлежностями. Уж вечер близится, а Томми все не мыт!

На свою беду по пути мне попался Владилен Михайлович, мирно устроившийся в тени трейлера в обнимку с тормозным башмаком. Вспомнив, как лесник давеча надышал мне в лицо, завалившись дремать на соседний спальник, я злорадно усмехнулась, нежно взяла его за ноги и потянула. Быстро бежать с такой ношей не получалось.

— Эй, Томми, классный способ фарта… охм, флирта! Возьму на заметку. — Тиана первая обратила внимание на меня, натужно волочившую пьяного гроссийца к воде.

— Том, положи Птицына на место! — ввязался Джонатан, уперев руки в боки и вылезая на берег. — Неправильно мыть человека вот так, против его воли.

— Неправильно?! — взвизгнула я. — Он, знаешь ли, воняет!

— А вдруг он, когда не пахнет, лечить не может? — съехидничал Данике.

— Нельзя так, Том, если человеку нравится вонять — это его выбор, — глубокомысленно изрек Джо.

Я уронила ноги лесника и гневно заорала, стараясь вновь не пустить предательского петуха:

— Но его выбор подтачивает мое драгоценное здоровье и веру в людей!

Птицын привстал на локтях, помотал головой, озадаченно уставился на свои мокрые штаны (в его мутных зенках мелькнуло нешуточное беспокойство), а потом прислушался к перебранке.

— Аха, такой смрад водичкой с мыльцем не выведешь, — проговорила Тиана. — Вот если прокоптить…

— Я готов протираться раз в месяц! Спиртом! — просипел Владилен, подозрительно быстро разобравшись в ситуации. — Готов мириться с социальными предрассудками и тратить на притирания даже пол-литра спирта в месяц, честное пионерское! Этого хватит на две помывки!

— Да, как же! — еще завидев приближение Птицына, Кирна брезгливо поднялась и отошла поглубже. — Изнутри он протрется! А раны чем обрабатывать? Из-за кого, спрашивается, у меня нагноились порезы от консервных банок?..

Окрик Сагерта прервал Кирнино словоизвержение. Девица поправила легкомысленный, обошедшийся, наверное, в целое состояние, купальник и насупленно уселась рядом со своим невозмутимым любовником.

Нависнув над скорчившимся лесником, я протянула руки к потрепанному свитерку с оленями, но тут… меня за воротник оттащил Джо. Хайду не удалось бы этого сделать, не стой я к нему спиной. Теперь момент, а вернее, Владилен, был упущен.

— … и вообще, я старый больной человек, если с моей шапочкой что-то случится, меня продует. По ночам в пустошах сильные ветра, — бубнил лесник, пятясь обратно, к спасительному убежищу под трейлером. — Да и в горах тоже.

— Томми, просто утопи бутыль спирта! Он обныряется, пока не найдет свое сокровище, — предложила Тиана, вызвав всеобщий приступ хохота.

— Так ты выкупаешься или нет, рожа гроссийская? — я вырвалась из Джонатановых лапок и грозно подступила к Владилену,

уже, впрочем, несерьезно, давясь от смеха.

— Во имя святой Киросимы, займите уже пацана чем-нибудь! — возопила Тиана. — А то сначала Птицын мойся, потом, эээ, Кирна продавай печеньки, потом — Джо убивай зайчиков…

Птицын удалялся, ворча себе в бороду: — Нельзя здесь мыться. Видели, как трава местная на людей действует? А отчего, вы думаете, она такой становится? Водой она напиталась из источников этих. Не по нраву духам, что люди озеро их поганят — то белье полощут, то скотину чистят, то сами лезут, — вот и защищаются как могут. А вы?! Эх, не слушаете старого Владилена да издеваетесь!

— Я, безусловно, предпочитаю улаживать конфликты миром, но зря твои родители, Том, пренебрегали ремнем, — нудел за моей спиной Джонатан.

— Да, мелкий Джо, я, пожалуй, такой ошибки не допущу, коль уж мне приходится заменять тебе родителей, — заметила Туве, до сей поры молчаливо следившая за комедией.

— При всем уважении, опекун — не родители. А формирование основ моего характера уже закончено! — заявил Джо, выпятив бледную грудь и подбородок.

— Спиртом принуждаете протираться… — неслось Владиленово бессвязное бормотание, прорезаемое иногда возмущенными вскриками в особо патетических местах. — Иэх, да только разве это спирт?! Вода одна! Я-то дома самогоночку готовил на листочках да ягодках — настоящий продукт был! Даже в районную лабораторию возил… а пахла-то как! Вот соберем дистиллятор, попробуете — закачаетесь!

— Аха, приехали! Лесника белка за хвост поймала. Опять у него духи с феями вприсядку пляшут, — констатировала Тиана, наблюдая за оседанием Птицына в дорожную пыль.

— Не стоит смеяться над тем, чего не понимаешь. Мир полон чудес и тайн, — тихо проговорила Туве.

— Расслабься, ушастик! — ответила ей Тиана, закуривая. — Я, хм, не против чудес и тайн, но лучше заранее под-го-то-вить-ся. А то шаман начнет еще спиртовых чертей гонять…

— По-моему, он профессионал, его спиртом не проймешь. Он же грусский, а у них в стране, как известно, пьют спирт, закусывают стаканами и держат ручных медведей, — высказал Джо бородатую

шутку про Гроссию. Хотя вдруг сейчас это уже и не шутка никакая, а самая, что ни на есть, объективная реальность?

А пока все переключили свое внимание на храпящего лесника, я вприпрыжку устремилась к дальней заводи, скрытой грязноватым пластиковым заборчиком и кустами. Кто бы мог подумать, что там уже занято?

**

Сцены в горячих источниках — одно из наиболее заезженных анимешных клише, уступающее, пожалуй, лишь эпизодам про пляж. Однако несмотря на несвежесть данного штампа, сценаристы все равно продолжают (ха, вернее, продолжали!) включать его в сериалы и полнометражные ленты. Ведь это великолепный способ продемонстрировать зрителям аппетитные девичьи груди, бедра и животики, ну а зрительницам — накачанные торсы или (в зависимости от целевой аудитории) сексапильную худобу протагонистов.

Джо мог похвастаться как раз той самой , а посещение тренажерного зала и секции бокса избавило ее от довольно мерзкого болезненного оттенка, который уподобляет излишне сухощавых юношей жертвам концентрационных лагерей. Джонатан по праву гордился своей фигурой. Большинство его сослуживцев мужского пола телосложением и видом напоминали либо зомбаков, либо перекормленных обитателей свинофермы. Исключение составляли несколько коллег, с которыми Джо бегал по утрам и ходил в зал. Так он и познакомился с Феорой…

Все эти мысли вихрем пронеслись в голове Хайда, пока он гляделся в надтреснутое зеркало, висящее в трейлере. Наконец-то он оттер грязь и отделался от мерзкого запаха, присущего бездомным бродягам! Теперь от него воняло мылом, точнее дрянным варевом, которое Данике осмеливался называть мылом. Впрочем, даже эта срань лучше, чем ничего… Джо повернулся к осколку боком и поиграл мускулами. Следовало признать — он был красив. Выдернув из дельтовидной мышцы длинный черный волос, Хайд усмехнулся. Ему бы в пору сниматься для разворотов женских журналов. Или дефилировать по подиуму в . Или скакать по сцене с гитарой и покрашенной в розовый цвет челкой. Но его угораздило увлечься наукой. И вот он здесь. Как говорит мессиканский мутант? Бычачье дерьмо! Нет, в самом деле.

Джо поправил трусы и решительно вышел из трейлера.

Туве плескалась в одном из бассейнов с упоением и непосредственностью десятилетней девочки. Легкомысленный наряд дикарки покоился на узловатой ветке, нависшей над водой. Наблюдая за тем, как ее блестящее разгоряченное тело, то появляется, то исчезает в туче брызг, Джо рассудил, что лучшего момента не представится. Нет, он не собирался позволять себе слишком много. Однако его прикосновения и объятия должны были показать Туве в полной мере, чего от нее хочет Джонатан Хайд. Хватит полунамеков!

Несколько минут все шло неплохо, да какое там — просто потрясающе. Но едва Джо попытался поцеловать девушку, она с неожиданной силой оттолкнула его. Когда Хайд, отплевываясь и кашляя, поднялся из воды, Туве уже натянула топ и продевала короткие, но изящные ноги в трусики.

— Зачем ты так делаешь? — игривость . Хотя нет, скорее даже, . Такие внезапные смены настроения пугали Джо донельзя.

— Ну, это игры в воде… — Хайд постарался обратить все в шутку. — Ты никогда не делала? Если тебе не нравится, то я больше не буду. — Заключительная фраза получилась по-детски беспомощной, заискивающей. Хрень какая-то! Ему, в конце концов, двадцать семь лет, он ученый с мировым именем… по крайней мере, был когда-то.

— Мне не совсем ясно, какие именно цели ты преследуешь, хватая меня за бока и, ммм, за остальное.

— О’кей, — Джо потихоньку начинал выходить из себя. Положительно, девица бесила своими дзэн-буддистскими загонами. — Иногда, Туве, ты становишься занудней меня, а это тебя не красит. Во-первых, я люблю плескаться в воде с друзьями. Во-вторых, мне нравится к тебе прикасаться. В-третьих, я тебя хочу… отвлечь от серьезных мыслей. Ты же девушка в купальнике!

— Ты действительно веришь, что женщина отвлечется от серьезных мыслей, если засунуть в нее вот это? — Туве скосила глаза вниз, и Джо стыдливо погрузился в воду по пояс.

— Думаю, отвлечется. — Джонатан, сам не зная зачем, продолжил нелепый диалог: — Но есть существенная разница между физиологией и эмоциями. Я не пытался заняться с тобой сексом! Ну пообнимались чуть-чуть… Если ты против, я буду сдерживаться.

Какую же ахинею он несет. И ради чего!?

— Меня удивляет, насколько ты торопишься. Ты еще не свил гнезда, не показал свою удаль и не впечатлил меня танцем.

Ох ты ж, опять срань про танцы и гнезда! Страсть Элейн к огромным машинам поддавалась хоть какому-то объяснению, но эта — вопиющий бред. Туве, что, и впрямь собирается заставить его строить круглую штуку из палок и веток?

— Ты еще мал для таких вещей, — эхом отозвалась девица на его мысли.

— Туве, похоже, необычный народ, — Джо обещал себе этого не делать, но все-таки вздохнул. — Вдруг ты и вправду ощущаешь все иначе… хотя… — он выдавил едкий смешок. — Я тебя понял.

Девушка стояла в легкой дымке пара, точно сказочная королевна в подвенечном платье, неприступная и от того еще более желанная.

— Удаль, — сердито бухтел Джо, — все, что я умею, — разговаривать с вещами и создавать их. Но вещи ты презираешь! Насилие тоже не моя стезя. Как, впрочем, и танцы. А гнезда… Какой смысл ты вкладываешь в эту метафору? Объясни уже! Я способен впитывать новые знания, но вынужден огорчить тебя — взрослее от этого я вряд ли стану.

— Взрослый, но глупый! — Туве с досадой взъерошила свои мокрые красно-рыжие волосы.

— Я просто не отсюда. Очень не отсюда. Мои знания и умения здесь никому не нужны! А по танцам, гнездам и охоте с дубинкой я не специалист! — Джо вскочил и собрался уйти, но не сдвинулся с места. — Не считая встречи с тобой, которая больше напоминала психоделико-эротический сон, все вокруг — сплошной гребаный кошмар! Вы развлекаетесь, убивая друг друга. Ничего нет веселее, чем поджарить полсотни человек! Да ваш мир не живее куска прошлогоднего навоза! — последние слова Хайд проорал Туве в лицо. — Вокруг руины и смерть… — Джо снова осел в воду, охватившую тело приятным теплом. — Здесь все неправильно. Но теперь уже ничего не изменишь.

Джонатан свесил голову между коленей, благо глубина бассейна в данном месте позволяла принять эту воплощающую уныние и отчаяние позу. Выглядел он весьма комично, хотя сам вряд ли это осознавал. На его счастье, Туве была далека от того, чтобы над ним насмехаться. Она склонилась к нему и заглянула в глаза.

— Твой мир вещей — дурной сон. Звездам тоже снятся сны, и Эос сейчас освобождается от тяжелой грезы. Минувшая неделя явила тебе куда больше естественных и правильных событий, чем ты увидел бы за предыдущие лет триста. Но ты не обратил на них внимания, потому что пялился на мою грудь. Учись танцевать, вить гнезда, слушать мир и слышать мир — скоро Последний День Лета.

Лицо Джо исказилось так, будто он надкусил лимон.

— Я пытаюсь. Но все же сделай скидку: я не туве, а всего лишь человек из древнего яйца. Однако, — он хмыкнул, — если ты поучишь меня танцевать, то почему бы и нет. Вообще, спасибо за помощь. Без тебя меня наверняка прикончили бы… — Хайд решил довести акт самоуничижения до конца и через силу добавил: — А если ищешь идеал, то останови выбор на Сагерте — вот уж кому удали не занимать.

— Ты ничего не понял, но поймешь. — Туве сокрушенно покачала головой, потешно затряслись вислые уши. — Рано или поздно все понимают. Не забывай, тяга к рациональности погубила мир вещей. Не занудствуй ради занудства.

— Мир вещей погубила жадность и злость. А про занудство ты бы помалкивала, — огрызнулся Хайд.

— Видимо, я чересчур тебя опекаю, мелкий Джо. Мне приходится занудствовать, объясняя тебе элементарные истины.

— Не исключено. — Хайд помялся и, надеясь на Тувино простодушие, попросил: — Покажи мне, как ты танцуешь? Наверное, это красиво.

— Для меня еще не время.

— То есть не время? Не хочешь, так и скажи! — Хайд не особо старался скрыть обиду.

Впервые на памяти Джо Туве повысила голос практически до крика.

— Иногда ты меня поражаешь своей упертостью! — она в сердцах топнула ногой, обдав собеседника миниатюрным цунами. — Вы, люди, напридумавали сложностей и условностей в своем мире вещей, и он рухнул под их весом. Самое важное в своей жизни вы низвели до пары судорожных движений. А теперь ты сидишь тут и обвиняешь меня невесть в чем! Вот кого не мешало бы отшлепать — тебя, не Тома!

Сжав кулаки и тяжело дыша (безделушки на шее позвякивали в такт движениям), Туве дернулась к Хайду, намереваясь привести угрозу в исполнение, но, похоже, передумала.

— Поразмысли о своем поведении, — произнесла она уже гораздо спокойнее. — Лучше сядь на камень, а то кожа сморщится от горячей воды.

Выдав очередную порцию наставлений, девица, не оборачиваясь, убрела прочь. Джо проводил ее взглядом, наполненным гремучей смесью обожания и почти что ненависти.

— И это у меня условности?! Вы только послушайте ее! Да еще ни разу мой секс не зависел от умения вить гнезда, — пробурчал Хайд.

Полежав еще минут десять в мутной воде, Джо побрел устраиваться на ночлег. Ах да, ведь еще он планировал поковыряться с ноутбуком…

**

С момента бегства из Идэнского купола Мэйби только дважды удалось выкупаться по-человечески. Объяснялось это просто. В большинстве своем обитатели Великой Пустоши мылись эпизодически — когда вода сама падала с неба, — и не особо заморачивались. Следовало признать, дожди шли куда реже, чем того требовали элементарные правила гигиены, не говоря уж о щепетильной натуре Мэйби Туморроу.

Увы, такие радости жизни, как общественная баня, оказались закрыты для нее тоже. В компании друзейне углублялся дальше предбанника ради сохранности своего секрета. А в одиночку Мэйби побаивалась посещать подобные заведения. Изредка ей удавалось украдкой поплескаться в бочке с остывшей водой, но всерьез заняться собой получилось лишь те вышеупомянутые два раза.

Гатскиллзские источники, разделенные на множество «купелей», безупречно подходили для мечтающей хорошенько помыться девушки, выдающей себя за хамоватого мальчишку.

Мэйби разложила на камнях постиранную одежду и с наслаждением погрузилась в неглубокую ямку по шею. Теплая вода и стрекот насекомых навевали сон. Вероятно, девушка поддалась бы порыву, но из-за растрескавшегося пластикового щита, отделяющего один бассейн от другого, послышались голоса. Мэйби тихонько поднялась из воды и скользнула к перегородке.

**

Аксель раскурил самокрутку и глубоко затянулся. Отличный прошлогодний урожай из Кельбитера! Жаль, скоро закончится. Цыганин прикрыл глаза и погрузился в радужные мечты, связанные с радарной установкой на холме. Ароматный дым придавал грезам совсем уж фантастические формы.

Кто-то потряс Акселя за плечо.

— Эль, че за фигня, блин? — цыган вырвал локоть из цепких Элейниных пальцев. — Ты ж вроде чики-пики замуж, детей растить-крестить, — выдал Аксель, ущипнув девицу за грудь. Та, разумеется, пожаловала проведать старого друга в чем мать родила.

— Да ладно, Акс, — похотливо забормотала Элейн, — напоследок можно разок.

— Тут разок, там разок, глядь — у всех проблем возок! — цыганин заржал и толкнул девку в воду.

— Никаких проблем! — Принцесса надула пухлые губы. — Я док отвечает.

— Чо? Док отвечает, Натанчик не привечает?

— С Натаном у меня все серьезно, дурак! — девица прильнула к цыгану и нетерпеливо заерзала. — А с тобой у нас по-дружески — так, ерунда!

— Да уж, женился на цыганке — сторожи ее на танке.

— Натанке мы ничего не скажем. Но не переживай, он все понимает. Про маленькие женские причуды и вообще…

— Ну-ну, не такие уж и маленькие, — Аксель, ухмыльнувшись, наградил задницу Элейн звонким шлепком и начал подниматься из воды, запустив руку в копну ее волос цвета темной меди.

**

Мэйби негодовала. Возмутительная девка собиралась сделать… она точно не знала, что именно, но наверняка что-то мерзкое. А главное, Мэйби не желала видеть мясную потасканную Элейн рядом с Акселем! Почему? Да какая, в конце концов, разница! Кое-как напялив свою еще не высохшую рубашку, доходившую ей чуть ли не до колен, Мэйби навалилась на ширму, которая не замедлила с оглушительным треском рухнуть в соседнюю заводь.

Повинуясь нелепому импульсу, Аксель присел в воду, стремясь скрыть свои голые ягодицы от взгляда неизвестного. Одной рукой он

зачем-то продолжал удерживать голову Элейн под водой, другой выхватил из висящей на ветке кобуры здоровенный автоматический пистолет. Поэтому, когда Мэйби села, грязно и неискренне бранясь, рассыпаясь в еще менее искренних извинениях, в лоб ей нацелилось дуло, показавшееся в тот момент размером с гребаную ракетную шахту.

Девушка изобразила на своей физиономии глуповатую улыбку.

— Эй, Акс, нечего тыкать в меня своими стволами, побереги их для Эльки, — Мэйби попыталась произнести фразу с хрипотцой, но получилось так себе.

Аксель расхохотался и примирительно поднял руки, позволив таким образом кашляющей и плюющейся Элейн глотнуть воздуха.

— Я те чуть полбашки не снес, утырок! Пшел вон, паршивый цыган! Хотя нет, постой-ка. Один ствол хорошо, а с двумя Элька точно не заскучает.

— Да вы охуели вконец! — взвизгнула Элейн, неуклюже вставая. — Да идите вы оба! Извращенцы долбаные! Немытые мужланы!

— Уж почище тебя, кобылица, — Мэйби, окончательно облачившись в личину Тома, продемонстрировала Принцессе воров оттопыренный средний палец.

Мэйби Туморроу жалела незадачливую Элейн всем сердцем. Никакая женщина, по ее мнению, не заслуживала подобного обращения с собой. Том Мэйби придерживался прямо противоположной точки зрения.

— Верно. Конец — делу венец, — поддакнул Аксель слегка невпопад, но того требовала мужская солидарность. — Пшла нах!

Слезы обиды, заблестевшие в косоватых Элейниных глазах, обернулись ручьями и реками. Оглашая околоток ругательствами, потешно задирая длинные ноги, Принцесса воров отправилась топить свою злость в мягкости заднего сидения «сандерклапа».

— Она вернется. Никогда не давай бабе спуску, — многозначительно продекламировал Аксель, перейдя к нормальной людской речи. — Иначе она сядет на твою хилую шею и свесит с нее гладкие ножки… Но к заветной щелке между ними будет иметь доступ лишь твой затылок. Остальное туда не попадет никогда. — Цыганин протянул Мэйби внушительную самокрутку из пряно пахнущих бурых листьев.

Вышеозначенную мысль Мэйби Туморроу, равно как и Том Мэйби, не сговариваясь, решили не комментировать.

**

Хозяева Идэна, преследуя свои неведомые роботские цели, планировали образование подопечных с исключительной практичностью. Нельзя, впрочем, сказать, будто сей принцип диктовался искусственным происхождением их разума — многие люди как до, так и после войны предпочитали улаживать проблемы по мере поступления.

Одной из таких проблем было половое созревание.

Сведения Мэйби в данной области до сих пор оставались крайне скудными. Она, конечно, знала, что люди время от времени проделывают друг с другом, но как именно осуществляется и как приводит к

Да, ответы на такие вот немаловажные вопросы железные няньки замалчивали аж до шестнадцатого дня рождения. Им был не близок довоенный подход, культивируемый в некоторых полагающих себя развитыми странах, предписывающий образовательным учреждениям подробно освещать все возможные способы сексуальных взаимоотношений между людьми, включая однополые.

Проще говоря, роботы откровенно на дрянную политкорректность и права «сексуальных меньшинств», как раньше тактично называли в прессе ценителей нетрадиционных способов любви. Разум, управляющий Идэном, имел четкие представления о правильном устройстве людского быта. становилась его неотъемлемой частью лишь после достижения шестнадцатилетия, возраста, наиболее, по мнению железяк, комфортного для зачатия потомства.

Именно из-за металлических ублюдков Мэйби и попала сейчас в столь щекотливую ситуацию.

Они с Акселем уже изрядно укурились. Переплетения ветвей оживали, складываясь в удивленные лица, лица хихикающие, лица испуганные. Впрочем, стоило лишь моргнуть, и физиономии исчезали.

Справа раздалось неразборчивое бурчание. Аксель шарил за шляпной лентой в поисках прибереженного косячка, который уже полчаса как превратился в замусоленный чинарик и лежал, отброшенный, в траве. Цыган уже успел обсудить с Томом возмутительное коварство Элейн, вероломно бросившей своих

товарищей, как говорится, с синими яйцами. И все из-за безобидной дружеской подъебки! Потом они поболтали о светлом будущем, несомненно, ожидающем их после прибытия Старших Братьев, потом посплетничали (ну да, мужчины тоже не прочь перемыть косточки знакомым обоего пола), а потом Аксель потребовал еще один . Отправиться за ним надлежало самому младшему в бассейне.

Мэйби встала, пошатываясь. Ноги заплетались, с трудом отыскивая опору под водой. Руками уцепиться было не за что, кроме цыгана. Придется ползти на карачках. Рубаха опасно задралась, не обнажая, правда, совсем уж потаенных областей, но тем не менее. Девушка попыталась развернуться к Акселю боком, но едва не грохнулась в воду (так и застыла — балансируя на округлом валуне). Да ладно! В конце-то концов, никто не увидит! Аксель уторчался до умопомрачения, а больше некому. Мэйби решительно опустилась на четвереньки и, с трудом фокусируя взгляд, преодолела последние метры до вороха одежды, где еще предстояло откопать курево.

Аксель не верил своим глазам. Какая-то часть его ехидного сознания издевательски намекнула на порочную страсть к маленьким сладкозадым мальчикам. Но это задница! Вернее, девическая. Цыганин вдруг сообразил, что никогда не видел Тома без его мешковатой одежды. Пацан ловко уклонялся от совместных туров по баням да борделям, спал не раздеваясь даже в самую лютую жару и стоически выносил бесконечный поток дружеских насмешек. Ну ничего, мальчонка всего лишь застенчив. Бывает, скоро пройдет.

Цепкий акселевский ум живо вынырнул из дремотных глубин наркотического покоя. Если Том — девка… Память сопоставляла многочисленные факты, которые с легкостью выстраивались в очевидную, в общем-то, картину. Но Аксель желал удостовериться полностью.

— Акс, на хера ж ты их так в шмотье заныкал? От птичек и белочек, поди, попрятал?! — недовольно бухтела Мэйби, возвращаясь. Она смотрела вниз и осторожно переставляла ноги, точно пробираясь по минному полю, но тут увидела отражение голого цыганина в воде аккурат на своем пути. — О, да меня встречать изволят!..

Расписать возможную участь драгоценных пакетиков в случае ее, Тома, падения в бассейн девушка не сумела: слова застряли в горле, как только ее глаза столкнулись с прищуренными акселевскими.

— Томми, чо за нафиг? Сдается мне, есть на твоем теле некоторые излишки там, где их не должно быть, и некоторые недоимки в том месте, где прям-таки обязан присутствовать хотя бы некрупный излишек.

Цыганин умышленно изъяснился столь витиевато. Пока Мэйби растерянно вникала в суть, он молниеносным движением отдернул ворот ее рубахи и заглянул внутрь. Аксель быстро обозрел маленькие девчачьи груди, плоский животик, гладкие безволосые бедра и чуть выше — место, где они сходились. Ошибки нет — девица!

— Вот срань! — смешно сморщив личико, прошептала Мэйби, вырвала ворот из цепких пальцев цыгана и неуклюже шлепнулась на задницу. Да так и осталась — сжимая в кулаках смятые и испуганно округлив глаза.

— Не объяснишь ли ты мне, к чему весь этот маскарад? — прихмурившись, вопросил Аксель.

Мэйби потупилась и резко выкрикнула:

— А как мне, по-твоему, жить среди мужиков, а? Для вас женщина — три банки персиков с, мать их, открывными кольцами. Нет уж, спасибо! — в конце тирады она уже бесстрашно смотрела на цыгана.

— О, я всецело одобряю твою позицию. В принципе ты можешь сейчас уйти, а завтра спишем все на старую добрую кельбитерскую травку, с которой и не такое примерещится, — насмешливо предложил Аксель. — Только кликни по дороге Элейн, мы с ней не закончили по твоей милости.

Разбрызгивая с волос капельки воды, Мэйби отрицательно мотнула головой и фыркнула.

— Ну я же не могу остаться вот так: со стояком, который некуда пристроить! — Аксель осклабился и развел руками, как бы договаривая: «Ничего не поделаешь, такова мужская природа».

— Да иди ты! — внезапно вспылила девчонка и бросила пакетики, угодив цыгану прямо в лоб.

Шлепнувшись в воду, ценнейший продукт медленно и неотвратимо наливался влагой. Аксель, разумеется, постарался подхватить , но они ожидаемо буквально уплыли из рук. Дурацкая девка! Да в курсе ли она, сколько стоили эти кургузые невзрачные скрутки?

— Твою ж мать, а на хера ты тогда Эльку-то выгнала? — цыганин выскочил на берег, уже не стесняясь своей наготы, и навис над сжавшейся от страха Мэйби.

— Мудями у меня перед лицом не тряси! — прохрипела девушка фразочку в стиле Тома, но сразу же стушевалась и тихо добавила: — Не знаю…

— Ага, мне позвать Элечку обратно? — злорадно переспросил Аксель, унимаясь и с неподдельным интересом рассматривая нового «Тома».

— Н-н-не знаю…

Мэйби рыскала глазами по каменным глыбам, лишь бы не утыкаться взором в… Неплохо бы еще и мыслями к не возвращаться! Она покраснела и была чудо как хороша сейчас, смущенная, окончательно запутавшаяся, слегка перепуганная и, несомненно, подспудно снедаемая любопытством.

Аксель сел рядом с ней, сдвинул отсыревшую шляпу на затылок и укоризненно заметил:

— Надо бы тебе усвоить: женское «не знаю» оставляет излишний простор для мужских интерпретаций… Давай-ка, снимем с тебя эту рухлядь, а то что я один, как дурак, голый?

Аксель аккуратно стащил с Мэйби рубашку. О да, от одного взгляда на ее упругое тело хотелось… Впрочем, цыган на то и цыган, что хитер до неприличия. Лучший способ отвадить девчонку от радостей плотской любви на ближайшие несколько лет, а то и навсегда — грубый «мужественный» стиль взаимоотношений, широко распространенный в современном «обществе». Сие влегкую прокатывало с Элейн и ей подобными, приученными к такому положению вещей еще в ранней юности и вполне способными урвать свою долю удовольствия, но Том, вернее, притворившаяся им девушка, была растением тепличным. И требовала соответствующего обращения.

Вот и подтверждение. Не высидев и минуты с подтянутыми к груди коленями, девчонка, всхлипнув, соскользнула с камня в бассейн, не подозревая даже, насколько соблазнительнее выглядело ее тело, опалесцирующее под слоем воды. Аксель задумчиво наблюдал с берега за постепенно успокаивающейся Мэйби. В его мозгу вырисовывался пока мутноватый, но уже чрезвычайно забавный план,

в случае успеха позволявший на некоторое время скрасить однообразие будней. Похоже, ему посчастливилось заполучить В пустошах редко удается раздобыть вещь (и тем более женщину), в которую не набилось бы пыли, которую не облапали бы до тебя десятки грязных рук, которая не износилась и не скрипит. У этой имелся, правда, — Мэйби зачем-то доложили меж ушей немножко ума, достаточно острого, чтобы пораниться об него. Но такая мелочь не пугала Акселя, наоборот, только раззадоривала его охотничий инстинкт, наконец-то столкнувшийся с достойной дичью. Девчонка водила цыгана за нос несколько месяцев? Хорошо же, пора и саму ее ухватить за миленький вздернутый носик, а потом — за что-нибудь помясистее. Если Мэйби ничего не смыслит в отношениях между мужчиной и женщиной или ее догадки основываются на киношных штампах и тех обрывках, которые выставляются парочками напоказ, то… Аксель обо всем расскажет ей сам. Так, как ему заблагорассудится. Главное, не торопиться и отслеживать реакции оппонента. Невольно применив картежный термин, цыганин ухмыльнулся. Да, он начнет новую игру: вскроет свежую колоду, в которую, однако, позаботится добавить крапленых карт, сам перетасует, сам раздаст, сам же объяснит правила. Он пробудит в начинающем игроке азарт, и тот уже не сумеет . Как там говорится? Промоакция — первая доза бесплатно!

Кроме прочего, девчонке каждый раз придется терпеливо дожидаться его, Акселя, соизволения, ведь не рискнет же она своей мальчишечьей личиной. Следовательно, он избежит многих неприятностей, которые сопровождают отношения с бабами. Эта куколка не будет донимать его весь день своими заморочками: то он не обращает на нее внимания, то он глазел на другую девку, то ей не можется, то не хочется.

Дорассуждавшись до столь замечательного вывода, цыганин повесил шляпу на ветку ближайшего куста и присоединился к девушке.

— Полагаю, мы можем посидеть вместе, сделав вид, будто ничего не случилось, — небрежно ответил он на ее вопросительный взгляд.

Следующие полчаса, проведенные с Акселем, приоткрыли для Мэйби ту не лишенную приятности область человеческих взаимоотношений, о которой умолчали роботы и, вопреки своему

прозвищу, старик Срам. Когда цыган поднялся из воды, объявив, что урок закончен, девушка еще прерывисто дышала, пронизанная всепоглощающим удовольствием. Почему она сама не делала, если все Где-то на границе сознания кучковались мысли о потенциальных последствиях навроде детей, но обдумывать их сейчас было выше ее сил. Аксель повернулся к ней спиной и, обмотав худощавые бедра ветхим полотенцем с изображением резвящихся котяток, собрался уходить.

— Стой! — Мэйби прикрыла рот ладонью, испугавшись, что ее услышат остальные. — Не говори никому, ладно?

— Хм. Единственный способ обеспечить тайну случившегося — огреть меня чем-нибудь тяжелым по затылку, выдав все за шикарный приходец, — съехидничал Аксель. — В противном случае придется поверить на слово, золотце.

— Золотце, твою же ж мать, — негромко пробормотала Мэйби. — Золотце…

Она проводила взором рельефную Акселеву спину и робко дотронулась до щеки ладонью. Да, наверное, их сосуществование отныне несколько осложнится, но то чудесное удовольствие искупало любые трудности. Опять-таки, наверное.

Девушка окунулась с головой, спеша смыть с себя остатки травяного дурмана, а когда вынырнула из воды, то чуть не ткнулась лбом в голый женский живот.

Туве выглядела весьма сурово — ни дать ни взять городской судья. Только вот хмурое выражение ее физиономии и строгая поза совершенно не вязались с ее обликом. Разве можно судить в трусах и бусах?

Грудь ее, круглую и полную, кое-как прикрывало лишь переплетение нелепых дикарских амулетов. Вот и довольно крупная , служившие когда-то домом морским моллюскам, а вот — разноцветные камни в позеленевшей медной оправе. Между ними Мэйби заметила коричневый сосок, небольшой и твердый. В яремной впадине тускло поблескивал прилипший к влажной коже серебряный стандарт на веревочке. Белые зигзаги и треугольники на Тувином теле будто светились изнутри.

— Я все видела, — безапелляционно заявила рыжая. — Теперь ты в опасности. Он не свил гнезда, не впечатлил тебя танцем, не показал

свою удаль. Он взял, что хотел, ничего не оставив взамен.

— Т-т-ты о чем? — Мэйби стыдливо прикрылась руками.

— О твоей жизни и смерти. Люди легкомысленны, они не понимают. Особенно мужчины. Джо тоже не понимает. Им наплевать, ведь большую цену всегда платит женщина.

Туве рывком подняла ее из воды. Руки дикарки нежно заскользили по телу Мэйби, выписывая на нем белой глиной замысловатый рисунок.

— Мужчина берет анима женщины, отдавая взамен свое. Чувства достигают пика в смешении жизненной силы двух существ. Люди же крадут друг у друга анима — не обмениваются. Чаще всего так поступают мужчины. Но я помогу тебе все исправить.

Ерунда какая-то! Однако любопытство вынуждало Мэйби слушать дальше.

— Скоро Последний День Лета. Пусть тогда он вьет гнездо и танцует. Если ты упустишь этот шанс, придется ждать зимы и костра Самой Долгой Ночи Года. Хорошо хоть вы не целовались!

Интересно почему? Да этим в пустошах занимаются все, кому не лень, начиная лет с девяти!

— Мир устроен сложнее, чем нам кажется, но проще, чем ты сейчас думаешь. — Откинув амулеты за спину, Туве нагнулась и провела пальцами по внутренней стороне Мэйбиных бедер, прочертив на коже несколько пронзительно ярких зигзагов. — Не забудь: Последний День Лета через две недели! Тогда ты увидишь истинное лицо своего мужчины.

— Нет никакого мужчины, — растерянно возразила Мэйби, но осеклась под укоризненным взором рыжей.

— Позже, поняв себя, ты сама нанесешь разметку. А пока — запоминай.

И Мэйби запоминала.

Когда в вечерних потемках она, в сырой одежде, изнуренная, слегка ошалевшая от пережитого и размалеванная белыми загогулинами, ввалилась в трейлер, Аксель, довольно ухмыльнувшись, красноречиво подмигнул ей.

«Не знаю, как там с гнездами, танцами и прочей лабудой, но обращаться с собой, как с Элейн, я не позволю!» — раздраженно

подумала Мэйби. Ее жизнь и ее тело — не игрушки для мужчин. А значит, к происходящему надо отнестись

Мэйби полезла за своим рюкзаком, притиснутым чуть не к самому потолку чужими вещами, тут-то цыган и шлепнул ее по заду. Как и предполагалось, проявление истинного мужского отношения к женщине не заставило себя ждать! Девушка взвизгнула, почти сразу же зажав рот рукой, и от души треснула нахала по физиономии. Все-таки оплеуха получилась слабенькой — Аксель точно ожидал чего-то в таком духе и отстранился, хоть и недостаточно быстро. Пошатнувшись, Мэйби пребольно ударилась локтем о столик и ойкнула.

— Ох-ох-ох, — Аксель выставил перед собой раскрытые ладони, — не иначе Том Мэйби повзрослел?

— А откуда бы на мне эти росписи? Прошел обряд инициации, — буркнула девушка и снова потянулась наверх.

— Думаю, если Томми иногда будет приоткрывать свое подлинное личико, я мог бы продолжить его обучение, — тихо намекнул цыганин, легко извлекая застрявший Мэйбин багаж и передавая его владелице.

— Права Туве. Вы, мужчины, слишком легкомысленны в отношениях с женщинами. Это все, что тебе от меня нужно? — гневно спросила девушка.

Аксель оперся спиной о стену, сложил руки на груди, всем своим видом демонстрируя готовность к долгим объяснениям (с чего бы он сегодня такой терпеливый?), а затем ответил:

— Желай я просто потрахаться, уж поверь, так бы и поступил, а ты даже не пикнула бы.

Мэйби с сомнением зыркнула на него исподлобья. Кто-то — или Аксель, или Туве — ей врал. Или оба сказали правду, но каждый свою? Вот в этом и предстояло разобраться. Вроде цыганин был серьезен. Серьезней, чем обычно.

— У мужчин есть определенные потребности, знаешь ли, — Аксель произнес фразу, развернувшись к девушке спиной, поэтому выражения его лица она не видела. — И если тебе не дают покоя мои эпизодические сеансы перепихона с другими женщинами… Это лестно, однако ты мало чем можешь повлиять на мое возмутительное, с твоей точки зрения, но абсолютно естественное поведение, — цыган

помолчал, а потом, как бы передразнивая собеседницу, плаксиво пропищал: — Отношения, отношения! Сама-то ты в курсе, на что они похожи, а?

Потупившись, Мэйби отрицательно покрутила головой и снова упустила из виду акселевскую мимику.

— Неа, верно. И не строй догадок, золотце, то, чем я с тобой занимался, даже не секс вовсе. Вообще-то это зовется «прелюдией». Впрочем, тебе пока все едино… — Аксель чуть не ляпнул вслух немедля народившуюся рифму «все едино, пока закупорена вагина», но вовремя прикусил язык. — В шестнадцать лет у девчонок в головах не мозги, а каша, уж извини за откровенность.

Тут Мэйби поспорила бы, поскольку содержимое собственной головы казалось ей вполне способным решать различного рода проблемы, но препираться не стала.

— Жизнь, золотце, устроена с оглядкой на самых законченных кретинов, среди которых, смею надеяться, мы с тобой не числимся. — Аксель, зевнув, повалился на скрипучий пружинный матрац. — Если не знаешь, как поступить, погоди немного, и все само образуется. Этот способ плох, когда дерешься, стреляешь или ведешь машину, но едва дело доходит до отношений между мужчиной и женщиной, открываются его сильные стороны.

Мэйби задумчиво поковыряла белый треугольник на локте. Засохшая корка крошилась и трескалась, однако бледный след еще долго не сойдет, если верить Туве. Но можно ли ей верить? Вопрос не из легких.

«Угу, давай заливай мне полные уши белиберды про потребности и внутричерепную кашу, — раздраженно думала девушка, раскладывая свой спальник. — У мужиков-то обе головы заняты лишь своими нуждами, неказистыми и простенькими, как мятая консервная банка. Хотя наш мир вообще населяют эгоисты — мы все такие. — Ложе-гнездо было готово (ей-ей, немножко от настоящей туве в Мэйби присутствовало), пора устраиваться. — Да, милочка, роботы многое скрыли… Ладно, доверь-ка Тому болтовню, а сама — слушай внимательно».

— О’кей. Погодим, — смело согласилась девушка.

Аксель пробубнил в ответ нечто нечленораздельное — разумеется, он уже засыпал, бросая ее наедине с новыми мыслями и

проблемами. Но Мэйби никогда не боялась завтрашних дней, которые, по мнению пессимистов, всегда могут быть хуже сегодняшнего. Поэтому в скором времени ее ровное дыхание присоединилось к заливистому акселевскому храпу.

**

А вот Джонатану Хайду, несостоявшемуся лауреату Лорбелевской премии и любителю симпатичных длинноухих дикарок, не спалось.

Джо в который раз окинул Туве взглядом. Она лежала на боку в зарослях мяты, лицом к нему, обнимая замшелый булыжник. Нет, ее нельзя было назвать красивой в общепринятом смысле этого слова, по крайней мере, она разительно отличалась от женщин, наводнивших страницы довоенных глянцевых журналов. Короткие ноги, вислая задница, грубоватые черты лица: маленькие глазки, крупный нос, чересчур широкий рот. Пухлые покатые плечи, да и вся фигура девицы, свидетельствовали о нелюбви к физическому труду. Впрочем, Джо и так вполне усек: Туве по жизни предпочитала не напрягаться. И все-таки нелепая, в общем-то, девчонка излучала странное, необъяснимое очарование. Жертвой коего и пал Джонатан Хайд.

В благовоспитанном, загнанном в рамки общественных предрассудков, сознании Джо вновь произошла короткая, но яростная борьба. Конечно, он не родился силачом, но был почти на полторы головы выше девки и, само собой, гораздо массивнее. Самец в глубине его мужской сущности напоминал кита-убийцу, пытающегося проломить тупым крепким рылом подтаявший ледок цивилизации. Чудищу требовалось сделать глоток воздуха так же, как Джонатану — сорвать с рыжей недотроги выцветшие обрывки ткани, лишь подчеркивающие ее наготу, и, слегка придушив, хорошенько оттрахать. Старые методы — самые лучшие. Что ему, в конце концов, мешает? Сложная сеть, поддерживающая рациональный и безопасный мир над бездной тьмы, висела сейчас жалкими клочками, точно заброшенная паутина с налипшим на нее в беспорядке мусором. За них, за липкие истончившиеся нити, и цеплялся разум Джо.

Он протянул руку к размалеванному неровными треугольниками бедру. Туве засопела, пытаясь слизнуть со щеки капельку слюны, вытекшую из приоткрывшегося во сне рта, и перевернулась на другой бок. Нет, выпестованные обществом предрассудки все еще пересиливали порывы Пещерного Джо. Может, оно и к лучшему.

**

Ноутбук на удивление хорошо сохранился. Хайд не особо жаловал «Пайнэппл», но нынче серебристая коробочка с выдавленным на ней надкусанным ананасом являлась его единственным шансом. На что? В первую очередь, на отвлечение от навязчивых мыслей о… Джонатан решительно нажал кнопку «пуск».

Как ни странно, контакт-нет все еще существовал. Хотя почему странно? Накануне войны спутникам связи уже становилось тесновато на орбите Эос, наверняка многие из них живы и по сей день.

Похоже, сервера вывозились массово и без разбора, а у уцелевших не нашлось времени и желания на их чистку от накопившегося хлама. Джо обнаружил и свою электронную почту, и сайт родного НИИ, и даже несколько форумов, которые он когда-то посещал. Читать непринужденный треп давно обратившихся в пепел людей о всякой ерунде вроде оптимизации критового файтера в «Драконьих лабиринтах» или выпуска нового эпизода анимешки про гигантских боевых роботов было жутковато. Джонатану почему-то вспомнились «мессиканские свадьбы» из вестернов: толпа усатых головорезов врывалась в церковь и безжалостно расстреливала молодоженов, священника и гостей. Люди умирали, даже не успев толком испугаться или произнести: «Какого хера?» Тут только Джо посетила мысль: раз сервера до сих пор работают, значит, кто-то о них заботится. Он незамедлительно принял меры, необходимые для сохранения инкогнито. Просто на всякий случай.

**

В довоенные годы модерация контакт-нет площадок была, в основном, уделом людей недалеких, но властолюбивых, либо тех, кто считал уборку дерьма неизбежным злом. Никаких как говорили тогда, она не приносила, кроме, разумеется, чувства собственной важности. Теперь должность модератора Воссоединенного Лармериканского Киберпространства по привлекательности соперничала даже с президентской (которая, впрочем, уже лет пятьдесят передавалась по наследству). Человек, севший в заветное кресло блюстителя виртуального порядка, не вставая, видел за сутки больше, чем иной директор за всю жизнь. Правда, периодически приходилось отслеживать вторжения мозговитых выскочек-дикарей в сеть, обслуживать оборудование и в случае чрезвычайных происшествий

рапортовать «наверх». Но весьма внушительный остаток времени модератор мог проводить, припадая к довоенной мудрости, будь то просмотр порно или чтение статей о повадках навсегда исчезнувших с лица Эос морских котиков и горбатых китов.

Когда система зафиксировала проникновение с мобильной точки связи, Кристофер Рид или Жирный Крис, как называли его за глаза, именно этим и занимался — припадал к мудрости. Он загрузил серию роликов с потешными детенышами , котообразного существа, обитавшего где-то на востоке гроссийских земель. В просторном вольере нелепые зверята вели свою примитивную жизнь перед скрытой камерой. Крис умилился, хотя от его внимания не ускользнуло, что смотритель возится с подопечными в плотных перчатках и куртке. Да, такова природа, и Кристофер служил подтверждением этой истины: четыре года назад неуклюжий, медлительный с виду, живоглот отхватил ему ногу по колено. Посему сейчас толстяк довольствовался компанией резвящихся манулов, а не тусовался, например, в пивной с друзьями.

Крис свернул видеопроигрыватель и приступил к наблюдению за гостем. Скорее всего, это очередной башковитый звереныш вроде того парнишки, выросшего на автоматической оружейной фабрике, но может статься, пришелец что делает.

**

С замиранием сердца Джо открыл последнее полученное им электронное письмо, отправленное его упрямицей Феорой, в тот самый день, когда…

Девушка жаловалась на страшную кутерьму в ее конструкторском бюро, на людей в военной форме, впопыхах выносящих оборудование, и в свете происходящего просила Джо поберечь себя. Вернее, она девушкой. Профессор Ф. К. Слэйер либо разделила судьбу нескольких миллиардов погибших, либо ее вывезли в качестве «ценного оборудования» (коим люди, наподобие Джо и Фео, являлись для ошингтонских шишек) и она стала глубокой старухой, давно позабывшей и Джонатана Хайда, и невозвратные времена своей молодости. Джо убрал курсор с кнопки «ответить» и погрузился в сумрачные недра возрожденного контакт-нета.

Несколько «живых» разделов НЛО вываливали на посетителя мишуру ярких лозунгов («Если ты сумел добраться досюда, ты нам

нужен!»), обещаний, оскорбляющих человека, сколько-нибудь способного к критическому мышлению, а также содержали карту «контролируемых территорий», само собой, охватывающую почти весь материк. Джо невнимательно пробежался глазами по списку пунктов приема граждан и границам районов радиационного заражения.

Гроссийские сайты оказались не активнее куска бетона, на котором стоял ноутбук — то ли хитрожопые грусские предпочитали осваивать реальное, а не кибернетическое пространство, то ли скакали по лесам, одетые в медвежьи шкуры и вооруженные каменными топорами. Гатай надежно защитил свои информационные площадки «стеной», которая в соответствии с исторической традицией остановила бы лишь тупого дикаря или неопытного . Хотя основная часть населения планеты относилось теперь именно к этим двум категориям. Джо саркастически хмыкнул. Впрочем, гатайские земли представляли сомнительный интерес для находящегося в бывшем штате Нью-Лорк Джонатана Хайда, потому он снова возвратился на сайты НЛО.

**

Кристофер нагнул к себе микрофон и осведомился у неизвестного, кто он такой, продублировав вопрос в текстовой строке. Сделал он это для очистки совести — за время его службы никто еще не признался честно. Спустя минуту в окошке замигал текст, подкреплявший худшие Крисовы опасения: «Обычный пользователь сети».

Аннабель, суперкомпьютер, подтиравший сопли всему дирекорату, в том числе Ее Президентскому Величеству, услужливо вывела на экран примерное местоположение источника сигнала. Какие-то гребаные горы. Крис больше интересовался крошками-манулами, поэтому без особых раздумий шмякнул по красной тревожной кнопке. Примерно тогда же гость покинул сеть.

**

Услышав хриплую шепелявую речь из помятого динамика «пайнэпплбука», Джо не на шутку струхнул. В моменты внезапных потрясений его клинило — мозг напрочь отказывался посылать сигналы конечностям. Состояние было сродни параличу, овладевающему оленем, попавшим в свет автомобильных фар.

Придя в себя, Джонатан зачем-то отправил текстовый ответ и вырубил ноутбук. Лежащая рядом Туве почмокала губами и подтянула колени к животу. Низ ее одеяния слегка сполз, приоткрыв весьма интимные области тела. Хайд, однако, совершенно не обратил на это внимания — похоть его точно ледяной водой смыло.

— И то неплохо, — робко пробормотал он, осторожно складывая половинки «пайнэпплбука».

Через полчаса Джо спал, укрывшись скаткой, купленной на кеблинтаунском рынке для совсем не нуждавшейся в такой роскоши Туве.

**

Феора Катарина Слэйер орала на Криса, что называется, благим матом. Просто не верилось в подобную силу легких у девяностовосьмилетней старухи! Ну откуда, спрашивается, ему знать про расположенные в занюханных горах Гатскилл пусковые шахты? А ведь ракет там с избытком хватит для низвержения возрождающегося оплота демократии… Правда, о трагедии, приключившейся со спецотрядом НЛО неподалеку от горной гряды, Крис краем уха слыхал. Единственный выживший, Бриггс, незадолго до злополучного задания женился на худосочной Крисовой кузине. То есть история уже превратилась в семейное достояние, хоть и печальное.

Тяжело вздохнув, Кристофер пробубнил дежурное: «Да, госпожа директор», — и вырубил связь. Гребаной старушенции позволялось многое, слишком многое, но он ничего с этим поделать не мог. Да и зачем? Все и так сложилось неплохо. Кто знает, не ему ли, будь нога на месте, пришлось бы заниматься усмирением дорвавшихся до ракет дикарей. Он выслал распоряжение штурмовому звену и вновь развернул видео про забавных котиков на полный экран.

**

— Зачем тебе это, Дэн? — второй пилот заглянул через плечо напарника, сосредоточенно возившего кисточкой по матовому борту сверхзвукового самолета. — Птички с тучками вряд ли оценят ее буфера.

— Зато я оценю, — Дэн аккуратно подвел торчащий сосок на груди голой девки, оседлавшей ракету.

Он посмотрел в старый порножурнал, источник его вдохновения, собираясь что-то еще дорисовать, когда неожиданно взвыла сирена.

Рука с кистью рефлекторно дернулась, и сладострастное лицо девицы, труд последних двух дней, оказалось заляпано розовато-коричневым акрилом. Но беда была поправима, если не терять времени, конечно. Второй пилот, словно извиняясь, развел руками. Дэнова страсть к рисованию мнилась ему полнейшей бессмыслицей. То ли дело косить из крупнокалиберного пулемета пустынное отребье. Он уже полез в кокпит, но Дэн сердито окликнул его.

— Пока не поправлю, с места не сдвинусь. Запиши в журнал «непредвиденные технические осложнения». Никуда дикари от нас не денутся.

**

К радарной установке порешили отправиться ближе к вечеру двумя группами. Аксель с Натаном (серьезные исполнители) выступили несколько раньше — им предстояло повторить мой вчерашний путь пешком, а остальные (клоуны) торжественно, не скрываясь, поехали на «джоне гире» к парадному входу.

Легенда, по крайней мере, с нашей точки зрения, казалась убедительной: НЛО занялось поиском остатков военной мощи Объединенных Штатов Лармерики. Проще говоря, протянуло свои загребущие лапы в семьдесят лет как уже не свои закрома. Покуда группа «лармериканских солдат» во главе с «инженером» испытывали бы на себе гостеприимство гатскиллзцев, загодя вымазанные грязью маскировки ради Аксель и Натан имели неплохой шанс заставить радиолокатор работать.

Несколько часов потратили на подготовку: приведение тягача в порядок, переодевание и укрепление на смотровую вышку недособранного минигана для устрашения. Мдамс, те, кто не принимал участия в маскараде, развлеклись от души. Костюмами занимались в основном Заки и Джо, единственные люди, будто бы знающие, как выглядят представители регулярных войск. В итоге нас разодели в пух и прах, собрав с мира по нитке — с табора по лоскутку. Например, Владилену перепала камуфляжная куртка из акселевских запасов, Захария поменялась тряпками с Элейн. У Кирны в гардеробе нашелся полный комплект обмундирования, Хайд выдал свой халат Данике. Я же довольствовалась классной береткой с орлом, скрывающей ушки и добавляющей физиономии удальства. Кроме того,

лица солдат, равно как и борта «джона гира», подлежали разрисовыванию «под среду».

Доку понадобилось все его красноречие, чтобы удержать Тиану в лагере. Поди, пообещал сжечь подчистую мельницу и склады. Ну, захваченных с собой «долотовых» для этого с лихвой хватит. Наверное, бедняга до сих пор пребывает под впечатлением от совместной поездки с девицей на бензовозе. Декстер в неистовом восторге от открывающихся перспектив: уже слышны предложения «потереть спинку» и все-такое-прочее. Да-а-а, теперь Тушкана со стоянки калачом не выманишь…

Туве с Джо, похоже, дуются друг на друга. Как знать, может, она и ему затерла давеча про гнезда и танцы? Впрочем, им двоим не хрен делать среди нас, военных: от Хайда проку чуть, да и слабоват еще он после ранения, а дикарка отказывается одеваться как положено.

Конечно, следовало оставить кого-то с любвеобильными парочками. Пока Декстер пытается потереть Тиане ну хоть что-нибудь, а Джо размышляет над ролью гнезд в отношениях полов, кто-то должен стеречь наше барахлишко. Здесь, пожалуй, обрисую вам таборную иерархию, устроившуюся как бы независимо от нашего цыганского начальника, спонтанно. Для начала уясните себе: женщина во всем хуже мужчины, поэтому одна она ни с чем не справляется должным образом. Но среди нас имеются представители сильной половины человечества, которые уступают даже бабам, да. Ни при каких условиях Аксель не возложил бы серьезное дело на плечи Джо или Декстера, невзирая на ярко выраженную самцовость второго. Зато за вещи под охраной Кирны цыган нисколько не волновался бы. Чернокожая Захария котируется чуть хуже, но вряд ли из-за цвета кожи, скорее по причине близорукости, мешающей при защите собственности. Посему к ней присоединился Сагерт. И не надо бла-бла про то, что его укачивает в машине! Боец передвигается на своих двоих быстрее, чем «джон гир» ездит по горам, и он чудненько дополнил бы компанию Акселя с Натаном, но… в лагере требовался разумный человек. Интересно бы знать, на какой ступени иерархической лестницы отныне обретается Том? Боюсь, место ему — между Туве и Тианой или даже после них, в самом хвосте. Либо, подобно Владилену, он выйдет за рамки предрассудков. Однако это не тот вопрос, на который стоило бы изводить время и бумагу.

**

Наверное, горцы давненько не видывали таких монстров, как «джон гир», иначе сразу просекли бы подлог — только слепец или распоследний тупарь спутает наш тягач с армейским. Ну, так мы на неосведомленность-то и надеялись.

Дорога делала почти полный оборот по склону утеса и прекрасно просматривалась на всем протяжении. Нас могли запросто перестрелять на подступах, но не воспользовались этим. Ближе к вершине мы наткнулись на импровизированный контрольно-пропускной пункт, сооруженный из двух телег и охраняемый четырьмя мужиками.

— Кда'прем? — не прекращая жевать, поинтересовался один из них на своем ублюдском наречии.

— Нам нужен главный, — кратко ответствовал Данике, едва удостоив стража взглядом.

В голосе врача (сейчас инженера ВС НЛО) сквозило столько пренебрежения и самоуверенности, а лицо выражало такую степень утомленности общением со всякой швалью, что охранничек стушевался, неразборчиво вякнул в рацию и побежал раздвигать «ворота». Умение изобразить из себя большую шишку — настоящее искусство, востребованное до сих пор. Ведь люди всегда подспудно надеются, что кто-то наведет порядок .

**

Между тем Натан и Аксель проклинали мелкого засранца Тома, сидя под обрывом и готовясь к третьей попытке. Малец похвалялся вчера: «Да там залезть, как два пальца обоссать!» — а на деле вышло иначе. Сам Томми, небось, далеко не с первого раза одолел кручу, но признаться в этом не захотел. Итак, мужчины, грязные и злые, принялись взбираться снова. Земля под ногами осыпалась, чахлые кустики обрывались, каменные выступы попадались редко. Отменное вечернее развлечение! Не вполне приличествующее солидным господам вроде Акселя и Натана, но тут уж ничего не попишешь.

Наконец, изодрав перчатки и заработав кучу синяков и шишек, парочка добралась до лысой ровной макушки. Натан выудил из бездонных карманов кусачки и занялся забором, пока цыганин почесывал ушибы да поругивался про себя.

Сетка оказалась слишком ветхой. Вернее даже, не сама сетка, а насквозь изъеденные ржавчиной столбы. Орудуя кусачками, Натан упустил этот момент из виду и обрушил целую секцию забора. Гребаный мусор с дребезжаньем унесся в колючие заросли у подножия.

Аксель нырнул в густой малинник, присоседившийся к облупленной стене склада, Натан же замешкался на пару секунд, пытаясь запихнуть кусачки обратно в куртку. Это его и подвело. Трое местных — общая нелепость их облика вполне компенсировалась внушительными ружьями в крепких мозолистых руках, — явились на шум.

Распластавшийся в лопухах Натан вскоре, к своему неудовольствию, ощутил грубый тычок в область крестца. Судя по всему, тычок произвели винтовочным дулом. Даже если Дриббл ошибался (такое случалось довольно редко, когда речь заходила о сохранности его шкуры), и это был, например, черенок лопаты, ситуация в целом обещала серьезные осложнения. Он с надеждой поискал глазами цыганина, но тот как сквозь землю провалился. Вот тоже друг называется! Придется выкручиваться самому. Помянув добрым словом отцовскую науку, Натан отчаянно взвизжал, подражая крику молодого сурка. Мгновением позже, когда дюжие молодцы, не особо церемонясь, извлекали его тело из убежища, Дриббла осенила догадка, что горы Гатскилл не являются ареалом обитания этих животных. Рука его почти нашарила секретную кобуру — натановская одежда была буквально нашпигована тайниками. Однако маневр заметили, и чей-то рифленый приклад вписался Натану в челюсть, избавив от дальнейших переживаний по поводу происходящего.

Бугаи потащили бесчувственное тело к «мельнице». Хозяин предупреждал о возможных визитах недоброжелателей и распорядился всех пойманных показывать ему.

**

Элейн направила тягач в проем между телегами и вырулила на бетонную площадку. Из-под колес разбегались трудяги (Принцесса не особо церемонилась), подгоняемые басовитым гудком, а навстречу нам уже шествовала делегация бравых парней в комбинезонах, среди которых я признала четверых надсмотрщиков. «Джон гир» остановился, едва не расплющив башмаки вожака процессии и

вынудив его потешно отпрыгнуть на соседа сзади. Рожу мужичины аж перекосило от злобы, он потянулся за винтовкой, висевшей у него на плече, но я выразительно направила на него миниган.

— Чо на? — огрызнулся дядька.

— ВС НЛО, инженерные войска, капитан Данике, — рявкнул док, недобро сверкнув глазами. — И если я сейчас же не услышу твоего имени, солдат, учтивости тебя обучат в преисподней!

Наш обычно мирный спокойный спутник наставил на вмиг побледневшего остолопа натановский пистолет-пулемет (Дриббл скрепя сердце выдал его чуть ли не под расписку). О, я не упустила случая понаблюдать за доком в боковое зеркало заднего вида! Жест был частью искусной дипломатии на грани блефа: я точно знала — стрелять из этой штуковины Данике не умеет. Отчего бы, кстати, он такой нервный? Зуб даю, док сегодня не глотал своих колес! Ну, ему так больше идет.

— Я… я… я Джошуа, сэр, — пролепетал бедолага, тотчас порастеряв весь свой гонор.

— Так-то лучше! Не забывай о субординации, щегол! Где ваш начальник? — Данике продолжал жестикулировать рукой с оружием, будто не замечая вылупленных от ужаса зенок Джошуа, который завороженно следил за перемещением ствола от своего лба к промежности и обратно. Да-а-а, сумел док нагнести обстановку, надо бы поучиться у него.

— М-м-мстер Клош прсил по пстякам не бспокить! — засипел мужик, но дуло, остановившееся четко напротив его лица, вернуло ему и голос, и способность быстро соображать, и толику храбрости — ровно столько, чтобы решиться сообщить мельнику о гостях.

Дядька кое-как выудил рацию из нагрудного кармана и трясущимися пальцами нажал кнопку вызова. Послышался треск помех, довольно долго никто не отвечал. Данике показушно зевнул и почесал пистолетом за ухом. Джошуа разнервничался не на шутку. Он переминался с ноги на ногу и заверял опасного капитана, что неполадки временные.

А пока внизу разыгрывалась комедия, мне сверху стали видны очертания надвигающейся драмы, грозившей похерить нам многообещающее начало операции. Трое мордоворотов волокли через двор Натана, явно пребывающего в блаженном неведении касательно

щекотливости своего положения. Впрочем, ясно как день, пока спалился лишь один лазутчик, план не провалился, а посему следовало и дальше пудрить деревенщине мозги (авось, удастся отсрочить расправу над Дрибблом).

Пауза затягивалась. Переговорное устройство упрямо молчало в немытых лапах Джошуа, заставляя его обильно потеть от избытка переживаний. Наш «командир» Данике и бровью не вел, глядя даже с некоторым участием на беднягу, от страха готового буквально в штаны наложить.

Наконец кому-то в голову пришла светлая идея сбегать в главное здание, благо до него было рукой подать. Вокруг нас к тому времени собралась внушительная толпа, не смевшая тем не менее что-либо предпринимать. Я расслаблено поводила миниганом по рядам, позволяя сельским дуболомам прочувствовать напряжение момента.

— За хзяином'же послано, — прогундосил Джошуа, в который раз сжавшись под прицелом доковского пистолета. — Не делте глу-постей! — последнее слово несчастный произнес внятно и очень громко.

— С этим глупостей не наделаешь, салага, — ответила я за всех, похлопав полуразобранный пулемет по стволу.

**

Натана резко выхватило из радужных грез, в которых он стал-таки обладателем самостоятельно ездящего «сандерклапа» и приближался к решению проблемы, его родной дом. Один из конвоиров лениво отхлестал Дриббла по сусалам. Прежде чем окончательно прийти в себя хитрец быстро осмотрел помещение из-под ресниц, а потом вдруг, распахнув глаза, заорал: «Хлеееееееба! Хлееебушка!» — намереваясь косить под дурачка, раз с сурком не прокатило. Истошный вой разнесся по обширному залу, колотясь в стекла, — охранники шарахнулись от безумца. Нашелся, однако, среди них человек даже не дрогнувший, который приподнял Дриббла за кольцо в ухе и прошипел ему в лицо:

— Кончай ломаться! Кто тебя послал, паскуда?

Натан мгновенно оценил нахала: судя по описаниям Тома, над ним склонился мельник собственной персоной. Еще Дриббл заметил две важные вещи, то ли укрывшиеся от взора мальчишки, то ли не опознанные им: на мукомоле был бронежилет, прикрытый халатом, и стоптанные сапоги армейского образца, а на лице, под обычными

круглыми очками в тонкой оправе, имелся след от долгого ношения пыльников. Местный заправила проделал неблизкий путь, прежде чем осел здесь. Впрочем, все это чепуха, не причастная к самому важному — дальнейшей судьбе Натана Дриббла.

— Сам пришел, — проворчал Натан. — Тарелкой заинтересовался…

— О, это меняет дело. — Мужчина с нескрываемым облегчением поправил очки. — Разденьте его и бросьте в мясорубку. Завтра в меню пирожки с фаршем.

Такого поворота Натан не ожидал. Хозяин, отдав приказ, тут же потерял к его персоне всякий интерес, вступив в диалог с прибежавшим откуда-то снаружи белобрысым пареньком. А конвоиры принялись разоблачать пленника. Процесс осложнялся скрученными за спиной руками «жертвы» — развязать Натана, представляющего смехотворную опасность для троих здоровенных лбов, те или не додумались, или почему-то не решались.

Вдруг мельник заорал во всю мощь своих легких, требуя немедленно прикончить каких-то там незваных гостей. Очевидно, у дока и остальных назрели серьезные проблемы. Натан, отогнав эти мысли прочь, предпочел сосредоточиться на собственных трудностях. Похоже, он обрел свой единственный шанс на спасение.

— Дружище, — обратился Дриббл к одному из стражей, — у вашего главного, кажись, неприятности. Не лучше ли помочь ему, а уж после печь из меня кулебяки с расстегайчиками?

Мужики переглянулись, их лица озарились надеждой сыграть роль спасителей начальника и заслужить всевозможные почести, и они ринулись к дверям. Натан заполз под конвейер, кое-как достал из-за голенища нож и принялся за путы на запястьях. Краем глаза он продолжал следить за входом, к которому сейчас подбежали его конвоиры, догоняя мистера Клоша.

Жуткий грохот оборвал мысли Натана, лишил его на доли секунды зрения и слуха. Когда он очухался, то успел рассмотреть в клубах пыли, муки и кирпичного крошева скребок «джона гира», протаранившего двери мельницы, а теперь отъезжающего обратно. «Лишь бы им не взбрело в голову повторить!» — возопило прояснившееся Дрибблово сознание, сразу оценившее потенциально нанесенный тарелке ущерб.

Между тем, невзирая на потрясение, Натан продолжал пилить кожаные ремешки на запястьях — тело, повинуясь инстинкту самосохранения, действовало даже в отсутствие команд от разума. Путы лопнули. Потирая занемевшие руки, он, освобожденный и разозленный до крайности, приметил мельника, пробирающегося к лестнице на второй этаж. Никогда прежде Дриббл не поддавался сладкой жажде мести… Но мерзкий очкарик хотел прикончить его! И оказался опасно близок к осуществлению задуманного. Ощерившись, как бойцовый пес, Натан ринулся вслед врагу, на ходу растягивая в руках целехонький кусок ремешка.

**

На втором этаже Аксель как раз выполнил первый набор действий, следуя инструкции, накаляканной на истертом клочке бумаги. Затем он высунулся в окно — радар двинулся по дуге вверх. И тут… «Вашу ж мать, долбаные придурки!» — мелькнуло в голове цыганина, пока он летел в прыжке за громоздкий стол. Здание сотряслось от удара. Воцарилась тишина, которую вскоре разорвали вопли раненых (неужели кто-то еще способен орать?) и металлический скрежет.

Вопреки ожиданиям, локатор уцелел и раскрылся. Аксель осклабился, взъерошив волосы (шляпа свалилась во время головокружительного кульбита): «Везунчики!» — восхитился он про себя и засел обратно в потертое крутящееся кресло перед пультом управления. Предстояло еще три фазы, и только тогда он облегченно выдохнет. Хотя нет, цыган не стал себе врать — он успокоится, когда Старшие Братья явятся на своих звездных ладьях, трейлерах (или на чем они катаются?) и наведут здесь порядок. До тех пор табор будет колесить по миру в поисках других радарных установок, дублируя раз за разом древнее воззвание «SOS».

А по кромке Акселева сознания гуляла удручающая мысль: «Их не существует. Мы должны сами расхлебывать свои проблемы!»

**

Лжепредставители ВС НЛО уже начали скучать, когда из строения донесся исступленный рев: «Убейте, убейте их всех!» Определенно мельник не желал общаться с нами. По толпе прошел ропот, люди переглядывались, среди общей массы поднялись отдельные стволы, защелкали затворы. Настал логический момент для

глупостей с миниганом, но из муляжа особо не постреляешь. Поэтому я потянулась за бутылочкой зажигательной смеси в дожидавшемся своего урочного часа мешке у ног. Внезапно, без всякого предупреждения, машина тронулась с места. Принцесса воров решила проблему многочисленных противников радикально — впечатав не успевших убраться в стену, остальных подавив колесами. Если бы Кирна не придержала меня за ремень, «долотовы» слились бы, как любит говорить Декстер,в прямо в «вороньем гнезде».

— Эй, засранец, я тебе не нянька! — блондинка грубо отпихнула меня к ограждению, за которое я не преминула уцепиться покрепче.

Дальше передо мной встали две задачи: прицельно метать горючие коктейли и не расстаться с обедом. Про «не расстаться с жизнью» я даже не упоминаю — все присутствующие в тягаче и вокруг него работали над этим в меру своих способностей. Покамест наша команда справлялась не в пример лучше гатскиллзсцев. Стараясь не смотреть вниз, чтобы не встречаться глазами с трупами, застрявшими на скребке и капоте «джона гира», я мстительно закинула бутылочку в травяной склад. Рядом со мной невнятно бормотала Кирна, похоже, она пересчитывала собственные боеприпасы, перебирая патроны пальцами. Ее злобно прищуренные глаза блуждали по полю боя.

В конце концов в душах гатскиллзцев разогнали по вонючим темным углам испуганных и начали палить по нам. Да, надо бы пошакалить здесь (если выживем после такого) — в хозяйстве никогда не помешает лишняя парочка ружей или автоматов. Пули свистели, неприятно щекоча уши и нервы. Кабину поверх бронещитов прошило очередью: какой-то умник весьма успешно применил свой АГ-74, надеясь разом прикончить водителя и капитана. Не тут-то было! Элейн выкрутила баранку совершенно немыслимым образом, резко уведя тягач в сторону. Как выяснилось позже, Данике нырнул под приборную доску, а вот Владилен, сидевший у двери, принял вражеские пули грудью. Дедок намеревался кинуть в супостатов коктейльчик — запалил, развернулся, замахнулся, — тут его и срезало. Оленей на засаленном свитере лесника безжалостно перебили. Хорошо хоть, «долотов» улетел не в кабину.

Обитатели «вороньего гнезда» также оценили маневр Элейн. Я уже буквально видела предназначенные мне и Кирне снаряды, когда

крыша кабины ушла из-под ног. Длины моих рук едва хватило, чтобы ухватиться за миниган. Меня прокрутило вокруг турели и закинуло обратно в надежную «твердыню» обзорной корзины. Я оседлала Кирну, повалив ее на дно.

— Очумел, скот?! Да я тебе яйца вырву! — завизжала блондинка, высвобождая руку из-под моего колена и, как пить дать, намереваясь привести угрозу в исполнение.

Я мигом вскочила, рассыпаясь в извинениях и оправданиях, но не забывая прикрывать несуществующие причиндалы ладонью. С Кирны станется!

Наконец, в немалой степени благодаря моему приземлению, белобрысая фурия одолела свою жадность и принялась методично расстреливать защитников мельницы. Пожалуй, урона она нанесла не меньше, чем взбесившийся грузовик под управлением Элейн.

**

Натан склонился над тощим мукомолом. Если бы кто-то из таборчан поглядел сейчас ему в лицо, то не узнал бы Дриббла — это была харя злобного гремлина. Вещички, в недалеком прошлом принадлежавшие покойному, аккуратно перекладывались в импровизированный мешок из халата.

— Развлекаешься? — прозвучал за спиной голос Акселя. — Я там корячусь, а он…

— Ублюдок хотел меня запечь! — негодующе просипел Натан, не отвлекаясь, впрочем, от занятия.

— Ну, я не сомневался, что ты справишься. Теперь мне нужна твоя помощь.

Цыган вернулся к пульту, немного погодя к нему присоединился Натан с поклажей. Он бросил трофеи под стол, плюхнулся в кресло, похрустел пальцами и обратился к инструкции. С таким количеством кнопок Дрибблу еще не приходилось сталкиваться, но все бывает впервые.

— Так, сверить координаты, переслать сигнал на спутник… ага, отыскать другой… займет какое-то время, — Натан откинулся на спинку мягкого крутящегося стула и глянул в окно, потом на монитор и снова в окно.

В вечернем небе где-то в полутора-двух километрах от мельницы зависли три реактивных самолета. Поселок под ними полыхал.

Насколько Дриббл помнил — а память его еще ни разу не подводила, — папочка рассказывал, что чаще всего они оснащались ракетами «воздух-земля». Не их ли носы сверкнули в закатном свете?

— Аксель, пора валить, — промямлил Натан, завороженный стремительным полетом снарядов, потом уже на бегу заорал в рацию: — Уходите! Жидомасоны!

Цыганин был охренительно согласен с Дриббом, более того, согласился даже немного заранее — где-то за полминуты до внесения Натаном дельного предложения он сиганул в окно.

**

До чего же скучно! «Долотовы» возмутительно быстро закончились. Посему я подняла очи к небесам, желая отдохнуть взором в их бездонной выси, и уткнулась в три темных пятна, подозрительно напоминающих самолеты. От них отделились шесть точечек, за которыми тянулись белые следы. Нам не оставалось времени для размышлений. Насмотрелась я на такие в фильмах да на уроках истории! Топнув ногой по крыше, я свесилась прямо в боковое окно со стороны водителя и… едва не сшиблась лбами с Элейн, которая как раз вылезала проверить, обоснованы ли ее опасения. Мы поняли друг друга без слов.

«Джон гир» протиснулся между складами к ближайшему склону, проломил забор и рванулся вниз. Один из амбаров (точно за нами) взлетел на воздух в огненной вспышке. Тиане понравилось бы.

Тягач на умопомрачительной скорости несся по молоденькому лесочку, оставляя за собой широкую просеку. Из кабины слышалось, как Данике отчаянно пытается связаться с Натаном. В монолог вклинивалась сочная грусская брань. Поразительно, как у Владилена вообще хватало сил браниться. Нет, у него, конечно, имелся бронежилет, предмет зависти всех таборчан, и он даже не забыл поддеть его под свитер, но, если судить по моему опыту, от синяков это не спасает. «Джон гир» нырнул в овраг, и неожиданный толчок прервал словоизлияния. Похоже, док получил рацией по зубам, Владилен же и вовсе заткнулся до конца нашего развеселого турне по буеракам.

Мы с Кирной в полной мере испытали прелести быстрой езды по пересеченной местности. Почти все, попадавшее на скребок тягача, взлетало, как по трамплину к нам, в «воронье гнездо». Ветки, комья

земли, камни, деревца молотили по ограждению наблюдательной корзины. Блондинка осторожно сползла в кузов и залегла между бортом и Элейниным мотороллером, а я решила — без минигана не уйду. Дриббл закрутил крепления на славу! Пальцы скользили по промасленным гайкам, и не получилось сделать ни одного оборота, зато на моей правой ладони появился внушительный порез. Зашипев от боли и досады, я вскочила, прижимая ранку ко рту. В самый раз для того, чтобы увидеть, как прямо на меня летит, разбрасывая хвою, вырванная с корнем корявая сосенка. Я зажмурилась, прикрыв руками лицо.

Несмотря на основательность конструкции «вороньего гнезда», столького оно выдержать не могло и, на мое счастье, с жутким скрежетом грохнулось в кузов, едва не придавив Кирну. Дерево пронеслось надо мной, как ракета, в волосах застряли несколько хвоинок и кусочек коры. До конца поездки я предпочла не высовываться.

Элейн великолепно справилась с нетривиальной задачей сохранить тягач в безумной поездке, кроме того, она умудрилась вырулить прямо к стоянке каравана у источников. «Джон гир» преодолел последнюю колдобину, выскочил на ровное место и неумолимо помчался к лагерю. Знаете, что бывает, если на большой скорости резко нажать на тормоз? Все содержимое машины сносит вперед. Принцесса воров пробила головой лобовое стекло и вылетела на горячий капот, Данике как никогда сблизился с Владиленом, а мы с Кирной оказались запертыми под «гнездом». Как ни странно, Элейн отделалась лишь ссадиной на лбу. На редкость крепкая у девки черепушка!

— Гребаные психи! — раздался голос Тианы. — И эти люди смели критиковать мой стиль вождения!

— Мы тут ставки делали, — добавил Декстер и обернулся к Эльхаим. — Я же говорил, женщина: .

Услышав про доезд ушек, я начала долбиться в металлический борт «гнезда», требуя освободить уже нас наконец.

В полуметре от дымящегося заднего колеса тягача Джонатан Хайд обозревал намотанный на ось тент и тяжело дышал, дрожащими руками прижимая к тощей груди ноутбук.

**

Выпрыгнув из окна, Натан приземлился на кусок какого-то скользкого материала, в котором с удивлением признал линолеум. Дриббл подхватил его и побежал к обрыву, где его поджидал Аксель.

— Эй, ты чо за дрянь цапнул? — крикнул цыган, уже собираясь махнуть с кручи вниз в надежде не переломать себе ноги.

— Так быстрее, — не тратя драгоценные секунды на пояснения, Натан бросил находку на землю и уселся на нее.

Аксель не заставил себя упрашивать и вскочил Дрибблу за спину. Покатушки с горы длились недолго: скоро на пути мужчин, неотвратимо приближаясь, выросло дерево. Так как ни один из них никогда не принимал участия в аналогичной зимней потехе, изменить курс они не сумели. Натан со всей дури вмазался в ствол, а цыган, находившийся в более выгодном положении, пролетел мимо — в кусты.

Натан помотал головой и услыхал:

— Пойдем-ка, любитель непростых решений, — над ним стоял Аксель, отряхивая шляпу (как она вообще уцелела?) и соскребая с лица налипшую паутину.

— Это вариант суркотактики! — серьезно заявил Натан и со стоном поднялся на четвереньки. Спина его выдала прямо-таки оглушительный хруст, едва Дриббл кое-как выпрямился. Порыскав глазами в поисках чего-нибудь, способного послужить посохом, он приметил металлический столбик с проржавленной табличкой неясного назначения.

— Той самой, что ты применил под забором? — хохотнул Аксель. — Я от твоих воплей чуть из малины не выпал.

Натан, пропустив мимо ушей едкое замечание, встал, подобрал железяку и, тяжело оперевшись на нее, вопросительно глянул на цыганина. Тот нахлобучил шляпу на макушку и предложил пройти через поселок.

Некоторое время мужчины шли молча, думая каждый о своем, но где-то на окраине полыхающего Гатскиллза Дриббл полюбопытствовал:

— Ты вообще успел что-нибудь сделать?

В действительности Натана совершенно не волновало послание Старшим Братьям, однако поиски радиолокационных станций становились чересчур опасной. Он твердо решил распрощаться с

табором, как только приведет «сандерклап» в порядок. Скорее всего. Хотя, возможно, придется воспользоваться содействием «цыган» в спасении имущества семьи Дрибблов.

— Только забрать вот это, — кисло проронил Аксель, достав из кармана плоскую блестящую коробочку, в которой Натан узнал компьютерный жесткий диск, накопитель информации. Внезапно цыган изменился в лице и принялся охлопывать себя по куртке и штанам. Наконец он облегченно вздохнул, добыв из-под подкладки скомканную инструкцию. Аксель бережно расправил листок. — Бля, думал, там забыл!

— Дай-ка, — Дриббл дождался, пока цыган, будто нехотя, отдаст ему клочок, и прочел, а потом пояснил: — Теперь я продублирую ее тебе когда угодно.

Аксель бережно убрал инструкцию вместе с диском в боковой карман штанов, единственный с сохранившейся молнией. Натан неплохой мужик, правда, мнит о себе многовато. Впрочем, а если и впрямь запомнил? Ведь рисует же он по памяти всех этих баб на продажу. Цыган хмыкнул. Однажды он мельком видел портрет Кирны, схожий до мелочей. О да, воображение у Дриббла работает будь здоров как — на Кирну Аксель и сам вздрочнул бы с удовольствием. Знай она, пожалуй, отрезала бы художничку руки по локоть.

Поселение горцев к завтрему сохранится только на старых картах — сейчас здесь горело все. Идя по главной дороге, мужчины чувствовали себя как в печи. Тем не менее бывалый путешественник никогда не пренебрежет возможностью ненадолго перевоплотиться в мародера, особенно если при этом не нужно прикладывать усилий по устранению хозяев. В Гатскиллзе огонь не пожелал делиться с искателями легкой поживы своей законной добычей. Зато позволил им ощутить себя до некоторой степени героями: на противоположной окраине деревни они наткнулись на маленького мальчика лет двух, орущего посреди улицы. Наверное, ребенок играл в пыли, когда случилась трагедия, и по странной иронии судьбы остался жив. Аксель поднял младенца, зарыдавшего еще громче, усадил к себе на плечи, отчего дитятко сразу поуспокоилось, и собрался идти дальше.

— Эй, ты же не собираешься взять его с собой? — неприязненно спросил Натан, даже не сдвинувшись с места.

— По-твоему, надо бросить его подыхать? А вдруг, подобрав мальчонку, мы искупаем все зло, содеянное нами доселе! — выспренно ответствовал цыган и энергично зашагал прочь от пожарища.

Дриббл закатил глаза (любая форма альтруизма была совершенно противна его натуре, по крайней мере, он так считал) и поспешил за товарищем. Почти нагнав Акселя, он различил зловещий посул: «Всучу его Элейн, то-то она обрадуется!»

— Эй, я не хочу, чтобы поселилось в моем автомобиле! — возопил Натан. — Забирай его себе!

— Натан, ты не понимаешь? Дети — необходимая часть человеческого сообщества, им ты сможешь травить все те истории из своей жизни, от которых уже утомились нормальные взрослые люди и даже женщины. А когда состаришься, ребятишки и вовсе станут твоей единственной аудиторией, — Аксель откровенно глумился, хотя практически не покривил душой. Сам-то он, правда, не торопился обзаводиться маленькими поклонниками своего сказительского таланта, но посоветовать другу — это пожалуйста.

— В «сандерклапе» нет места! — отрезал Натан и припустил вперед, даже спиной выражая ярый протест.

Аксель ухмыльнулся — крохотная подляна друзьям всегда душу согреет.

— Малой, ты, смотри, мне за шиворот не нассы! — предупредил он своего наездника, уже начинавшего задремывать.

**

Когда нас с Кирной вызволили из заточения, почти стемнело, но костром еще никто не озаботился. Данике метался между пациентами. Особые трудности доставлял лесник, требующий «настоящего» лечения. По счастью, дедовы раны были не столь серьезны, как боялись поначалу. Я же всячески избегала внимания дока, боясь, что при осмотре он нащупает мои и

Наконец притащились Натан с Акселем, на руках у цыгана сопел ребенок. Их покрывал изрядный слой копоти. Мужчины сделали крюк через деревню — там все обстояло так же плачевно, как и на мельнице, пылающие руины которой и теперь виднелись от источников. На Дриббла немедленно налетела Элейн, жалуясь на незавидное положение молодой вдовы, чем вызвала у «супруга»

болезненную гримасу на лице. А я решила познакомиться с самым младшим отныне членом цыганской общины. Собственно, Аксель с младенцем почти сразу приковали к себе внимание. Народ разделился на тех, кому ребенок был по барабану, тех, кто был против его присутствия в караване, и умиленную Принцессу воров.

— Я в детстве посимпатичнее выглядел, — роль Тома обязывала ляпнуть какую-нибудь гадость.

— Зато сейчас наверстал, уродец! — огрызнулась Элейн, покачивая ребенка, и пихнула меня локтем под ребра.

Когда всем нуждающимся оказали медицинскую помощь, Аксель разжег огонек под котлом, из колонок в трейлере донеслась первая из длинной череды мелодия, а из «сандерклапа» — обрывки яростного спора между новоявленными супругами из-за приемыша, кто-то осведомился о результатах операции.

— Ваш отвлекающий маневр не сработал, и если бы Натан не применил древнюю технику суркоскаутов… — попробовал отшутиться Аксель, но, не сумев скрыть досады, признал: — Облом. Для вас, ребята, это лишь еще одно прикольное приключеньице, хотя, в сущности, неудача приблизила нас всех к печальному концу.

Только что отпившая из кружки Тиана прыснула со смеху, забрызгав себе колени, но под хмурым взглядом цыгана не рискнула прокомментировать его слова.

— Интересно, кто это был? — протянула она, отвернувшись и в который раз засматриваясь на зарево. — Хорошо горит.

— Наверное, друзья и родственники тех ребят на странной летающей машине, которую мы сбили у Кеблин-Тауна, — предположил Данике.

— О да, ты все прояснил! — злобно пробубнила с набитым ртом Кирна (по приезду девица пересчитала свои боеприпасы и минут пятнадцать билась в истерике, а потом дважды перебрала патроны в общем ведре).

— Гораздо интереснее, как они нас нашли, — задумчиво обронил док.

— Засекли сигнал, когда антенна заработала, — подал голос Джо. Он выглядел смущенным, каким-то побитым даже. Поди, провалилась очередная попытка столковаться с Туве в обход танцев и постройки гнезда.

— Да насрать! — Аксель сокрушенно покачал головой, доставая косячок (такой, знаете, хиленький — для больших компаний). — Это последняя радарная станция на свободных территориях. Другие окучивает НЛО, а туда я сунусь только в крайнем случае. Придется снова искать…

— Акс, ты мой должник, — лукаво заметила я и, хорошенько затянувшись, выпустила облачко дыма. Следовало выдержать эффектную паузу, хотя на самом деле меня так и подмывало поделиться «новостью». — Есть одна тарелочка… — глаза цыгана блеснули, он подался вперед, а я еще немного помолчала и с самодовольством договорила: — На Саладо-пик.

— Это где? — ляпнула Тиана, обесценив своим справедливым, если начистоту, вопросом мое .

— А я почем знаю?! — взвилась я.

Ох ты ж! Но «сокровище» реально ничего не стоит — дешевка, туфта, как выразился бы Аксель. Мы теперь располагали лишь непроверенной информацией: была когда-то в каком-то месте. Где находится треклятый Саладо-пик вспомнить не получалось, хоть палками бейте! Поэтому я кисло буркнула:

— Есть название — уже неплохо.

— Да-да, Томми. Язык-то и до Пиева доведет! Ничего, поспрошаем по дорожке, — не замедлил подпустить шпильку цыган, опять приунывший.

— Саладо-пик — гора на мессиканской границе, — мечтательно произнес Декстер. — Дом, милый дом…

Так снова родилась надежда, которая в первую очередь и являлась двигателем нашего каравана, кто бы там что себе ни возомнил.

**

Натан Дриббл считал себя победителем, шествуя к своему автомобилю, ведь последнее слово осталось за ним. Как же они не поймут?! Не может цивилизованный человек сосуществовать в одном помещении с младенцем. С женщиной — еще куда ни шло, но тащить «в дом» незнакомое дитя — это слишком. Он твердо ответил на гнусные посягательства цыганского плута! Однако праздновал Натан рановато. Рядом с «сандерклапом» стояла детская коляска, которая раньше валялась в трейлере и использовалась в качестве кресла всеми, у кого в нее помещалась задница. Из приоткрытого окна раздавалось

мелодичное мурлыканье — Элейн пела колыбельную. Едва сдерживая просачивающуюся наружу первобытную самцовую ярость, Натан подскочил к машине и резко распахнул дверь. Да, цыганка полулежала на заднем сидении и укачивала мальчонку.

— Элейн, — просипел Дриббл, — какого хрена он делает в моем автомобиле?

— Натанчик, я взяла его к нам. У нас же семья, а любому ребенку нужны мама и папа, — Принцесса воров похлопала ресницами и обезоруживающе улыбнулась.

— Здесь нет для него места! — взревел Натан, не желая больше скрывать свои истинные чувства. Эта баба должна, наконец, уяснить, кто в тачке, то есть в доме, главный, или свалить. — Нет никакого «мы»! Нет семьи! Есть я и мой «сандерклап», ты и малец. Если хочешь иметь хоть какое-то отношение ко мне, забудь о сосунке!

Младенец от дрибблoвских громогласных возмущений проснулся и начал хныкать.

— Но Аксель прав: мне же надо тренироваться на ком-то, чтобы потом растить наших с тобой детей. Я его немножко повоспитываю, ты попробуешь себя в роли отца, а потом (как же там Птицын сказал?) мальчик станет сыном полка, то есть табора, — возразила Элейн.

Натан закатил глаза и глубоко втянул воздух. Нет, с этой девкой положительно невозможно справиться! Он до сих пор не уразумел, действительно ли она туповата или просто виртуозно играет свою роль. Дриббл видел: цыганку не раз задевали за живое, пронимали доводами. Правда, преуспевал в этом только Аксель, реже — Декстер, но оба брали другим. Натан же строго придерживался правила: «Женщину не оскорблять, даже если она блядь».

— Элейн, тогда, пожалуй, я зазову сюда всех моих детей и их матерей, — спокойно и максимально серьезно предложил Дриббл.

Принцесса открыла рот, но, не найдясь с ответом, прямо-таки с металлическим клацаньем захлопнула его и плотно сжала ярко-красные даже в полутьме губы. Натан почуял в этом жутковатом звуке свой приговор. Элейн промолчала, но явно задумала недоброе. Она выбралась из «сандерклапа», устроила плачущего мальчишку в коляске, укрыв того натановским одеялом, смерила «супруга» долгим тяжелым взглядом, а потом, лукаво ухмыльнувшись, легким

движением плеча скинула лямку бюстгальтера. Со стороны костра крикнули:

— Натан, у тебя опять дозиметр барахлит?

— Нет, акселевский младенчик верещит, — раздраженно откликнулся Дриббл, еще сильнее злясь от того, что скандал сделался достоянием широкой общественности.

Он отвлекся, а потому не отреагировал должным образом на подлую выходку Элейн: цыганка пихнула его в машину, мелькнув перед лицом обнажившимися прелестями, послужившими последним аргументом.

— Во время будем выставлять малыша на улицу, — подытожила Принцесса и навалилась на потерявшего способность спорить Дриббла.

**

Нынче дрыхнуть под открытым небом выпало мне. Нет, спать на мне не претило, хотя я, пожалуй, чаще прочих ночевала в трейлере, вытаскивая удачный жребий. Не успела избаловаться. И потом, это ж не пустоши, где сон снаружи превращается в жестокую борьбу за место в тени. Тут, в горах, — льдистые россыпи звезд, свежий воздух, напоенный влагой, осевшей повсюду капельками росы, ароматом трав и хвои. Да и возможностью лишний раз окунуться манкировать не стоило. Благословенный мрак, рассеивающийся лишь поблизости от костра, позволял Тому поплескаться вволю.

— Томми, откуда ты узнал про Саладо? — донесся с берега голос цыгана.

— Ты надеешься положить в копилку очередную историю? — поинтересовалась я, поудобнее располагаясь на еще теплом валуне, лысой макушкой выпирающем из воды.

— Почему бы и нет? Заодно остановись-ка чуть подробнее на своем истинном «я», — Аксель, судя по движению огонька от самокрутки, уселся.

— Осторожней, Акс, как бы глюки не начались, — хихикнула я.

— Ты знай — болтай, я ж тебе не раздолбай. Меру чую, не замай.

— Дело твое. Жила-была особь женского пола №10005673—7584, и родила она ребенка, промаркированного № 10005673—7584—1. Дитя, как положено, поместили в ясли, и до шести лет малышка отзывалась на привычные нянечкины «пупсик», «заинька», «ути,

маленькая» и прочие незатейливые ласковые поименования. До шестилетия я помню только сменяющие друг друга лица воспитательниц, мам с папами, которые также работали по графику, и груды унылых игрушек, призванных развивать у ребятишек уйму жизненно важных навыков: ну там мелкую моторику, координацию, пространственное мышление, покорность. Умения всякие — типа пользоваться вилкой-ложкой, пить из чашки, гадить в горшок, содержать себя в чистоте, считать, читать, писать…

— Неужто этому специально учить надо? — пробухтел Аксель.

— Так раньше везде поступали. Но ты не перебивай. Потом шестилеткам разрешали, в качестве подарка на день рождения, выбрать себе имя. Мне не понравилось ни одно из предложенных «родственниками», найденных в библиотеке и приписанных моему существу железными болванами, поэтому я выдала: «Может завтра?» И тупоголовый робот подумал, что таков мой выбор. На его экранчике высветились вариации, среди которых, помимо нелепых сокращений Може Зав, Жет Ра, Мотра, были словосочетания из древних языков вроде Бист Морген, Калимэра, Бон Диа, Маньяна, и среди них — .

— Постой-погоди, какие такие перебил Аксель. — Люди говорят на Всеобщем испокон веков! Конечно, кое-где встречаются довольно-таки странные словечки, но…

— За что купила, за то и продаю, — фраза прозвучала чуть резче, чем хотелось бы. — Ты ведь не обидишь меня своими сомнениями?

Аксель ухмыльнулся и, похоже, покрутил головой, давая понять, насколько он далек от подобных глупостей.

— Потом в школе мы зачем-то изучали историю, культуру, географию, литературу, природу умершего мира, а вдобавок тухли на алгебре, химии, физике, геометрии. В нынешние реалии детей посвящали только те старшие, кого привели извне, кто родился в пустошах. Теперь я уверена: многое они опускали в своих повествованиях, уж больно безрадостная картинка получалась — страх, голод, грязь, страдания, смерть. Чего же ради они так страстно жаждали попасть назад? По их утверждениям, в Куполе не хватало свободы. Но по-моему, угнетала их одна-единственная особенность идэнского существования — пару всякому избирают роботы. Человеческой особи не нужно любить, ей нужно размножаться. Ты «включаешься» в процесс в шестнадцать лет. Никого не спрашивают о

предпочтениях, симпатиях или глубоких чувствах, просто в нужный день выделяют самку или самца на всю жизнь. А чтобы «семья» не бунтовала, в пищу подкладывают какую-то дрянь, и муж с женой бегут, ммм, совокупляться после каждого ужина до беременности. Чета должна воспроизвести себя, то есть зачать двоих детей, рождение следующих зависит от железяк. Зачастую на сем детская повинность считается выплаченной.

Один из старожилов рассказывал мне про науку о методах создания новых и улучшения существующих пород животных, сортов растений, видов микробов, вирусов, короче, про селекцию. По сути, мы в Куполе ничем не отличались от свиней, лошадей или котиков, правда, никто так и не уяснил, зачем роботам разводить людей. Я вот думаю, мы для них — питомчики…

Да, то место называется Купол Идэн. Там полно еды, вдоволь чистой воды, отличное медицинское обслуживание, сады, театр, кино, обитатели участливы и не смотрят на тебя, как на врага или предмет купли-продажи… но краски там блеклые. Там даже улыбаются не широко, во все зубы, а скромно, будто против воли. Так-то человеку больше ничего не нужно: еда, вода, занятный досуг, дети, растущие практически без участия родителей, — видимость богатой насыщенной жизни. Красивый фасад, скрывающий пустоту. Вот так. Хоть это и не мои мысли, именно они подтолкнули меня к побегу за три дня до совершеннолетия.

— Ну, вариант не хуже любого другого, — глубокомысленно протянул Аксель. — История увлекательная, но не удивительная. Вот Элейн, например, выросла в багажнике «букашки», отец Натана выменял мать Натана на пачку сигарет и две банки сгущенки, Джо, я краем уха слышал, вообще пару недель назад вылупился из огромного яйца. А тебя вырастили роботы. В мире пропасть загадочных вещей.

Мне как-то довелось заглянуть в старый атлас автомобильных дорог. Они оплетали весь континент, водитель знал, где ему переночевать, где пожрать и где посрать. Да, представь, для этой нехитрой нужды отводили специальные места. Впрочем, ты, небось, в курсе, мой образованный друг, — цыганин фыркнул. — Если верить тому атласу, путь от Нью-Лорка до мессиканской границы занимал пару суток. Но мир изменился и продолжает меняться. Как в одной песне поется: «Жизнь невозможно повернуть назад…»

— Акс, ты спросил — я ответила. Саладо-пик упоминался на уроке астрономии, — я пожала плечами, стараясь ничем не выдать легкой досады и смущения, ведь каждый считает именно свою историю самой охрененной.

**

Прибавить к сказанному Мэйби было нечего, да и незачем. Но ей хотелось оставить «поле боя» за собой. И Аксель простил ей эту маленькую слабость и позволил «победить». Беседа угасла, цыган докурил — последнее дымное колечко растаяло в воздухе — и ушел в трейлер, а Мэйби принялась устраиваться на ночлег у костра.

Засыпая, она думала о потоке анима, струящемся сквозь ее тело, о далеких планетах, о небесных трейлерах и хвостатых кометах. О танцах и гнездах. Ей приснился хоровод рыжеволосых Туве, медленно кружащих ее в лунном свете. Мэйби держала девиц за руки, а ноги ее, серебристые и длинные, точно змеиные хвосты, не касались земли. Чуть поодаль Аксель сосредоточенно возводил на крыше трейлера шар из веток и сухой травы, вокруг метался, то ли помогая, то ли отвлекая, робот-нянька. В какой-то момент цыганин обратил лицо вверх и радостно помахал рукой, но греза уже истаивала, поэтому Мэйби не разглядела, кого он приветствовал.

Акселю же порожденные, скорее всего, травяным дурманом грезились здоровенные ржавые гроссийские роботы. Целая ватага их разместилась в душном нутре цыганского дома на колесах, они скрежетали, перемигивались красными зенками и пыхтели, обсуждая, какую бабу подложить ему, Акселю. Согласно авторитетному мнению железяк, мужикам вроде него идеально подходят девки, скроенные по образу и подобию Элейн.

В этом, пожалуй, была доля истины, но перед Акселевыми глазами вставала наивная, немножко загадочная, смешливая Мэйби. Решив еще разок хорошенько все обмозговать, цыган быстренько разослал железных упырей на хер и погрузился в сон без видений.

**

Меня разбудил пронзительный плач ребенка. Каким-то образом младенец переместился из «сандерклапа» под дверь трейлера. Хм, догадываюсь даже, каким именно. Испытывая легкое раздражение от проделки Натана, я сунулась в жилище, где детский рев, судя по

приподнимающимся с грязных подушек опухшим харям, тоже услышали и оценили.

— Отдай его Туве, — промямлил Аксель, пытаясь спрятаться под одеялом от ворвавшегося внутрь прохладного воздуха и очередной визгливой рулады. — Сисек как раз на двоих хватит…

Я не очень-то поняла пассаж про сиськи, но идея вручить младенца дикарке показалась мне далеко не худшим выходом из сложившейся ситуации.

Туве приняла мальчонку с завидным спокойствием, как будто с самого начала ожидала чего-то такого. Прямо у меня на глазах (то есть на глазах у Тома) она стащила топ с левой груди и засунула ее в рот хнычущему дитятке. Как ни странно, сработало.

— Между прочим, длительное кормление грудью может спровоцировать у младенца гомосексуальные наклонности, — глухо сообщил из повозки Данике. — В соответствии с учением Фигмунда Зрейда…

— Что-то в толк не возьму, — пробубнила Тиана, выбираясь из кабины тягача, — как мявание женских титек приведет к пе-де-рас-ти-и?

— Никак, — подытожил Декстер, горделиво выпятив щетинистый подбородок. — И я тому отличный пример.

В итоге младенческий крик выгнал с належанных мест всех, кроме Кирны и притихших Натана с Элейн. Народ потоптался вокруг новой нянечки цыганского приемыша и разбрелся обратно. Ну девка, ну сиськи голые, ну и что? Главное — больше никто не надрывается. А Джо, по-моему, созерцал происходящее с завистью.

— Если я начну орать, ты дашь мне вторую? — спросил он, заслужив очередной своей «наставницы».

— Нет, мелкий Джо. Младенец просто рад обществу моей груди, а тебе она нужна для чего-то другого.

С ответом Хайд не нашелся.

Глава 4

Через шесть дней мы вернулись на равнину. Изобильная зелень предгорий постепенно сменялась привычной глазу желтоватой пыльной тимофеевкой с проблесками голубых искорок шипоцвета и горками земли, отмечающими суркоточины.

Качество дорожного покрытия явственно указывало на приближение крупного процветающего города. Шинкэт Ангар располагался на пересечении караванных трактов, и мэр делал все возможное для поддержания окрестных путей сообщения в пристойном виде — хорошие дороги гарантировали хорошую прибыль.

Объехав по широкой дуге руины какого-то древнего поселения, мы притормозили перед постоялым двором. Массивное приземистое сооружение едва виднелось над высоченной стеной из кое-как пригнанных друг к другу бетонных плит. Место выглядело безлюдным, и это настораживало. Не такой в пустошах народ живет, чтобы за так выселиться из добротного здания. Да и на окрестных фермерских полях не было работников, это в конце-то августа — в разгар страды…

Аксель выступил в своем репертуаре: если гостиница закрыта, то совсем не наше дело, почему именно. Решив избавить себя и окружающих от очередной порции препирательств, я никого не оповестила о своих планах и, дождавшись, когда караван немного отъедет, слиняла. Да раз плюнуть! Мне порядком надоели претензии, будто бы Томово своеволие подвергает табор опасности. На сей раз неведомая угроза нависла лишь надо мной. Хотя, скажу честно, все рассчитывалось таким образом, чтобы друзья, в случае чего, могли вызволить Томми из беды.

Облупленный зад трейлера еще не затерялся в пыли, а я уже карабкалась по стене. Обследовав вышки, с которых хозяева унесли все до последнего винтика и вволю побродив по внутреннему двору, я наконец юркнула в холл. О да, люди уходили отсюда в спешке. Правда, не такой спешке, которая заставляет тебя выпрыгивать из кровати с голой жопой и бежать сломя голову, но тем не менее. На кухонном

столе лежала буханка черствого хлеба (к счастью, отличного от продукции горной меленки), в чулане на полу забыли стопку подушек и одеял. В обеденном зале под стулом одиноко валялся тряпичный медведь с глазками-пуговками. Вспомнив о нашем малолетнем «воспитаннике», я подобрала симпатягу. Вот, собственно, и весь небогатый «улов». Зря, конечно, моталась.

Теперь нужно было побыстрее догнать караван, пока меня не хватились. Насвистывая, я направилась к выходу, но у самой двери замерла. Солнечный свет, проникающий в щель между дверным полотном и косяком, внезапно перекрыла чья-то тень. Я еле успела нырнуть за конторку, как в помещение зашли трое. Елы-палы! Какие-то шуты гороховые — разрисованные, в перьях, бусах и в мягких кожаных тапочках с вышивкой. Скорчившись под конторкой, тапочки я рассмотрела лучше прочего. Незнакомцы, потоптавшись, двинулись вглубь гостиницы, подарив мне возможность прошмыгнуть на улицу незамеченной. А раз так — бегом отсюда! Несуразная одежа не делала пришельцев менее опасными для почти безоружной меня.

Я взобралась в пустое болтометное гнездо и выглянула в узкую бойницу: гостиничный комплекс окружили, смыться мне удастся только по воздуху… Да, Том Мэйби серьезно влип. Понять бы еще куда.

**

Дриббл, отвлекшись от препирательств с Элейн (их странная «семейная» жизнь состояла по большему счету из ругани, иногда прерываемой безудержным сексом), заметил в зеркальце заднего вида облака пыли, движущиеся к заброшенной гостинице. По его опыту, подобные завихрения обычно сопровождали конные отряды — автомобили пылили совсем иначе. Обрадовавшись возможности ненадолго турнуть Принцессу воров из «сандерклапа», он предложил ей предупредить Акселя.

Машины остановились. Извещенный о «преследователях» Аксель принялся рассматривать горизонт в Элейнину подзорную трубу и прикидывать, имеется ли шанс уйти или придется драться в чистом поле. До Шинкэт Ангара было еще далеко, а укрепленный постоялый двор скрылся в пыли, следовательно, туда всадники уже добрались. Цыган обратил взгляд на «воронье гнездо», собираясь высказать

пустоглазому мальчишке пару ласковых, но не увидел его тоненькой фигурки на положенном месте.

— Так, бля, ну и где он? — вопросил Аксель.

Тут из кузова «джона гира» вывалился Владилен. Отсутствие Тома в «гнезде» он обнаружил давно, но никак не мог выкарабкаться из коляски «юрала», где прикорнул, а на крики его уже внимания не обращали.

— На могучих ретивых скакунах пришли они с запада! Тела их красны, крепки и покрыты перьями… — возопил дед, раскачиваясь из стороны в сторону и рискуя грохнуться наземь. — Они отыскали Тома.

— Лано, харэ балаболить, чудо, блин, в перьях, — сердито буркнул Аксель.

— Томми не впервой отлучается, Акс, — Натан недовольно дернул плечом. — Чего ты взвился? Воспитаешь нового «юнгу» — уважающего старших, — напоследок съехидничал он.

Тем не менее Аксель распорядился поворачивать. Благо не все примкнули к радикальной позиции, выраженной Тианой примерно так: «Не хер из-за такой херни подвергать табор нехеровой опасности».

О да, цыган неожиданно серьезно воспринял пропажу Тома. Одно дело, если в переплет мелкий поц попадет, и совсем иное, если девка. Впрочем, об этом пришлось умолчать, хотя Акселя так и подмывало выдать сей же час лопоухую дурочку друзьям. Пускай потом получает заслуженные словесные отлупы! Но он решил повременить. Возбужденные такой новостью споры задержали бы их и могли стоить глупышке жизни. К тому же цыганин не желал делиться с кем-то игрушкой — она ему покамест еще не надоела.

**

Люди, собравшиеся под стенами, выглядели бы комично, если б не пугающая серьезность ситуации в целом. О «коренных народах ОШЛ», , населявших Лармерику до прихода туда «цивилизованного» человека, я знала из школьного курса истории. Да и литераторы уделили краснокожим бедолагам и их проблемам изрядную долю внимания.

Несколько первых секунд я принимала толпу за галлюцинацию, выловленную мозгом из прочитанных в детстве книг и просмотренных фильмов. Но отпечаток «современности», лежавший на людях тем же пыльным слоем, что и на всяком обитателе пустошей, успокаивал в

одном — содержимое моей черепушки пока в порядке. А вот судьба ее, ммм, покровов меня не на шутку взволновала.

Мои «гости» являли собой скорее пародию на эндейцев. Достаточно, однако, убедительную и оправдывающую мое замешательство, даже испуг. Комизм их суровой, в общем-то, внешности придавали бронежилеты, предательски торчащие из-под домотканых узорчатых рубах, пыльники, чужеродно поблескивающие в пестрых головных уборах, толстые рифленые подошвы, подвязанные к самодельным (вот как те тапочки назывались!) и иные неэндейские атрибуты, приспособленные под эндейские нужды. Ради украшения своих патлатых голов воины извели, похоже, всех благородных (и не очень) птичек в округе. Впрочем, большинство довольствовалось поделками из ткани, кожи, пластмассы и металла в космах, а перьевыми венцами щеголяли, наверное, лучшие или вовремя спохватившиеся бойцы. Кстати, некоторые эндейцы были подозрительно светлокожими, да и лица выдавали в них потомков наглых захватчиков, а не угнетенных туземцев. «Конепарк» оказался под стать наездникам: кто-то, конечно, разжился лошадью, но преобладали коровы и мулы. Заметила я и пару велосипедистов.

Прямо под моим убежищем на коняге дурацкой полосато-рябой масти, восседал крупный мужчина с орлиным профилем и орлиными же крыльями в прическе. Не иначе как вождь. Сопровождал его, вне всяких сомнений, местный шаман, оседлавший огромного сурка. Эх, видал бы кто из моих друзей эту тварь! Сызнова ведь начнется: мол, Томми не кизди, таких не бывает… Ну да ладно, я же о шамане, а не о кровожадном ездовом грызуне, которого и быть не может. Эндейский представитель колдунской породы воплощал самые разнородные штампы, касающиеся ведьм, знахарей, ведунов и иных околомагических профессий. В арсенале эндейца имелась маска (в прошлом, кажется, хоккейная), расписанная синим и черным, бубен диаметром не меньше метра, обрамленный мехом, посох со связкой черепов, совершенно точно начинавший клюшкой, и накидка из облезлой, вроде бы медвежьей, шкуры. Шевелюра шамана свалялась в один колтун до середины спины, из которого топорщились отдельные дреды, косички и фенечки. В ушах сияли ярко-оранжевым велосипедные катафоты.

Не удивлюсь, если вы обратите внимание на обилие диких племен в пустошах и вежливо поинтересуетесь, с чего бы их столько. У меня есть мыслишки на сей счет. Пожалуй, несмотря на накал страстей и занятость (я, между прочим, трясусь от страха в болтометном гнезде и придумываю, как пробраться сквозь ораву вооруженных до зубов мужиков), уделю данным соображениям пару строк. Человеческое общество, прежде чем понастроить государств, существовало в виде мелких образований — племен, родов, семей. Уже тогда формировались какие-то примитивные культуры, легшие в основу будущих цивилизаций. Так вот, к этим истокам и возвращались сейчас многие люди. А сверх того, появлялись группы, которым приглянулись поздние, вторичные культурные течения — хиппи там, панки, курильщики — регламентирующие не образ жизни, а стиль поведения и одежды, не рожденные, но выдуманные. Как так получалось? Просто лидеру попадался старый журнал или фото, реже книга, еще реже кино. Он вдохновлялся, воодушевлял соратников — и вот уже в пустошах гремит слава о банде Красных платков или ползет слух о закрытом поселении Детей трав.

Ну а местные ребята избрали в качестве идеала для подражания эндейцев. Интересно, они следуют всем правилам? То есть живут в гармонии с природой, не признают личного владения землей, верят в духов и, мать их, снимают кожу с голов тех, кто пришелся им не по нраву?

— Вряд ли их много внутри, — произнес вождь, поковырявшись мизинцем в ухе. — Снаружи один велосипед, а ворота закрыты. Небось, по стене забирались.

Шаман неодобрительно покачал головой.

— Да ну ладно тебе, вокруг же все свои!

— Не гневи духов. Веди себя, как указано в книге, — юродивый с бубном похлопал по увесистой книженции в красном переплете, притороченной к его седлу. Мне удалось разглядеть надпись на обложке, гласившую «Кенимор Фупер» или что-то типа того.

— Земля открыла мне число чужаков, явив их следы, — проворчал вождь. — Я послал туда троих отважных воинов.

— Скальп чужеземца ублажит… — завел шаман, но, посмотрев на собеседника, неожиданно спросил: — Ты ведь отдал распоряжения?

— Ничего я не отдал, хватит с нас этого дерьма! — резко ответил вождь. — Люди не в восторге от развлечений вроде сажания на кол, скармливания вражеской печени муравьям, сжигания на кострах и прочих зверств. Довольно! Бесчинствуют пускай уроды на мотоциклах. Пришелец заплатит и уйдет.

— Твоя воля, Радиоактивные Осадки, — примирительно поднял раскрытые ладони колдун. — Мне тоже больше нравится вариант с выкупом.

К сожалению, они не успели уточнить, какая судьба ждет меня в случае неуплаты — вдали возникли таборные машины. Судя по всему, Аксель гнал, не жалея подков и колес. Ох, и влетит же Тому!

— Вот те на! — вождь поправил сползший набок убор из перьев. — У нас проблемы.

Его расписанная длань указывала на стремительно приближающийся караван. Второй рукой эндеец извлек из чехла для копий охотничью винтовку с оптическим прицелом. Ага, он все-таки признает некоторые достижения цивилизации… Плохо! Попадание из ружья по-любому опаснее, чем из лука. А цель у вождя была только одна — Аксель на облучке. Ну, три лошади еще, однако в виду нехватки в племени приличных ездовых животных, вряд ли он стал бы по ним палить. Ответственность за судьбу цыгана полностью ложилась на мою совесть! В груди непривычно похолодело, а на лбу выступила испарина. Трясущимися пальцами я нащупала застежку бумеранговой кобуры.

— Подстрелю-ка парочку засранцев на подходе, — дикарь отработанным жестом вскинул оружие и уставился в окуляр.

— Постой, — шаман положил морщинистую ладонь на ствол винтовки и протянул вождю лук. — Сразу врага как подобает.

— Из этой штуки иной раз и в дерево промажешь! — эндеец брезгливо скривил лицо, но покорился.

Уняв дрожь, я вытащила бумеранг, пока Радиоактивные Осадки накладывал стрелу. Убивать стрелка показалось мне мерой преждевременной, посему мишенью я выбрала оружие. Серебристое изогнутое лезвие с легким завыванием метнулось к цели и аккуратно рассекло тетиву почти посередине.

— Это что? — поразился вождь, провожая взглядом смертоносную дугу до высшей точки полета.

— Похоже на бумеранг. Я читал о них в том журнале с картинками. Дикарское оружие.

Таинственное вмешательство в размеренный воинский быт, когда ты прицеливаешься, стреляешь и наблюдаешь попадание или позорный промах, совершенно выбило двоих эндейцев из колеи. Они не удосужились проследить возвратный путь моего оружия, продолжая рассматривать испорченную тетиву. Я ликовала, но недолго — мое левое плечо сжала чья-то грубая ладонь. Значит, «отважные воины» обнаружили чужака. Оставалось надеяться, что мне удастся поймать бумеранг на подлете, иначе кто-то из стоящих сзади рисковал заполучить его в свою геройскую черепушку. Думаю, это склонило бы чашу эндейских весов в пользу наиболее изуверских обычаев.

**

Аксель едва ли не на ходу спрыгнул с козел и ринулся к всадникам у ворот гостиницы. Он даже не удивлялся правдивости Владиленовых бредней — недосуг было. Если верить Натану, услужливо просветившему его по рации, так называемые эндейцы не менее кровожадны, чем любые бандиты. Почему тогда они не атаковали их, не расстреляли еще издали? Почему, спрашивается, он сам до сих пор жив? Ответ очевиден: дикари сочли цыган чересчур опасными противниками и хотят потолковать. Впрочем, не исключалась и ловушка. Вот сейчас он подойдет поближе, его схватят, повяжут и потребуют с остальных выкуп. Однако есть шансы, что остальные бросят обоих кретинов, мелкого и постарше, на милость захватчиков, то есть, скорее всего, подыхать, а сами, сверкая пятками, втопят отсюда. Глупая дурочка! Ничему не учится!

Тут Акселя нагнали Данике и Натан. Нет, закон цыганской дружбы намертво засел даже в чуждых сантиментам мозгах этих двоих. Док придержал гневно сопящего цыганина за локоть и резонно отсоветовал лезть в переговоры. С этим сложно было спорить. Аксель отступил, предоставляя болтовню Дрибблу и Данике, а сам оглядел толпу в поисках развесистых ушей девчонки (ох, лишь бы не отдельно от башки).

**

— Если они действительно эндейцы, придется и беседовать с ними на эндейском, — шепнул Натан доку. — Я в детстве «Зверолова» читал — справимся.

Данике, привыкший уже к всякого рода авантюрам, пожал плечами и, дождавшись приближения выехавшей им навстречу группы разукрашенных воинов, гаркнул:

— Эй вы, малахольные!

— Хау, — пробасил Натан, вскинув открытую ладонь в приветствии, точно копируя жесты, описанные у Кенимора Фупера.

— Ты серьезно? — тихо уточнил Данике, вспомнив ту же лабуду из книги.

— Абсолютно, — еле шевеля губами, произнес Дриббл.

Дикари переглянулись, вероятно, размышляя, какое из обращений принять на свой счет, и решили пока не ссориться с парламентерами.

— Вы пересекли границу наших земель, бледнолицые, — сурово заявил один из них.

— Итак, эндейцы… — озадаченно пробубнил Данике и громко продолжил: — А мы — племя свободных цыган. Те же эндейцы, знаете ли.

— Наш шаман узрел здесь злых духов, — добавил Натан, кивнув на Владилена, живописно раскинувшегося в пыли. Но вот гроссиец медленно, опираясь на борт повозки, поднялся, сделал несколько шагов следом за товарищами, простерши руки и страшно хрипя, но вдруг резко повернул. Дриббл выдержал достаточную паузу, чтобы эндейцы оценили кривляния Птицына, который покружился около возка и скрылся за ним. Должно быть, лесник желал лично познакомиться с краснокожими, но вряд ли имел хоть мизерный шанс одолеть хмель и сотню метров.

— Какие-то вы слишком бледные для племени, — недоверчиво буркнул другой дикарь, потирая сизый подбородок.

— Мы с севера. Особенности климата не позволяют нам сохранить благородный цвет лица, — пояснил Данике, проглотив крутящееся на языке: «Сам-то не сильно загорелый!»

— Да он гонит. Моя бабка родом из Кенады, так она цветом, что сосновая кора, — пробормотал более смуглый эндеец своему соседу.

— Пожалуй. Но и среди нас многовато белячков, — тихо заметил третий, скосив глаза на собственную жемчужно-бледную волосатую коленку, торчащую в прорехе штанов, и примолвил: — Думаю, вождь Радиоактивные Осадки выслушает их.

С этими словами воины развернулись и направились сквозь набежавшую и теперь нехотя расступающуюся толпу. Натану, Данике и Акселю не оставалось ничего, кроме как последовать за ними. У самой стены, ровнехонько под болтометной вышкой образовался полукруг, центром которого были вождь и шаман. Перед ними стоял Том в компании трех пеших эндейцев, один из которых держал руку у мальчишки на плече. Пацан, правда, не казался испуганным. Впрочем, с него сталось бы хорохориться даже под дулом пистолета.

**

Серебристое лезвие приближалось, гудя, как небольшой пчелиный рой. Молниеносно выбросив вверх ладонь в армированной перчатке, я поймала бумеранг у самого лица эндейца и сунула обратно в кобуру. На вышке воцарилась тишина — аж в ушах зазвенело.

— Ты спас мне жизнь, чужеземец, — выдавил ошеломленный дикарь.

— Истинно так, приятель. Теперь мы с тобой повязаны, — провозгласила я, оборачиваясь. — Полагаю, на сей счет у вас тоже найдутся обычаи?

Мне ничего не ответили. Мужик робко дотронулся до переносицы, куда ему всенепременно врезался бы бумеранг, и, снова взяв меня за плечо, сопроводил вниз к вождю.

Радиоактивные Осадки принял новость о моем деянии с каким-то даже облегчением, решив посвятить меня в побратимы спасенного эндейца и освободить от необходимости платить. Торжественность происходящего слегка подпортило появление делегации цыган.

— Ах вот ты где, засранец! — выкрикнул Аксель.

**

— Что привело вас сюда, о бледнолицые? — спросил вождь.

— Духи этих земель гневаются. Наш шаман требует помочь живущему здесь народу, — повторил Данике однажды уже прокатившую белиберду.

У меня в памяти зашевелились обрывки истории про зараженные оспой одеяла — метод борьбы с краснокожими, примененный древними колонистами, эффективный, но слишком трудоемкий и медленный.

А затем вспомнился современный способ помощи дикарям, осуществленный Тианой Эльхаим в поселении Когтя. Мертвые ведь ни

с кем не ссорятся и никому не угрожают, мда. Ну, может, на сей раз обойдется без крайних мер.

— Духи? Да, похоже на то. — Радиоактивные Осадки скорбно поморщился. — Нынче, конечно, стало получше (да чего уж там, гораздо лучше!), но вообще у племени темная полоса. Шаман воротил нас к истокам, и все-таки скальпы, жестокие казни, набеги, грабеж не приносят процветания моим людям, равно как и отказ от удобств цивилизации. Да и я привык спать на диване, а не на звериных шкурах!

Колдун тяжело вздохнул, но никак не прокомментировал кощунственные претензии главы племени.

— Духи не зря сердятся! — воскликнул Натан, будто осененный какой-то очень хитрой идеей. — Как известно, коренные лармериканцы после вторжения ивропейцев вновь ухватили удачу за хвост, открыв по всей стране сеть казино, где беложопые захватчики сорили деньгами. Ну и, кроме того, племени нужен тотем. Есть у вас такой?

Вождь отрицательно покачал головой и махнул рукой: пустое, мол. Шаман опять вздохнул.

Правда же, какие казино в чистом поле, за сотню-другую километров от города? Откуда Дриббл понабрался эдакой чуши? Точно не у Фупера! Я мельком глянула на шаманскую книгу — в тысяча восемьсот-каком-то году эндейцы сидели по резервациям на попе ровно. Однако главам племени замысел пришелся по сердцу, так Натан все расписал. Ох, и змей же он! Временами почище Акселя. По его мнению, племени следовало воспользоваться опустевшим из-за них зданием гостиницы, возобновить его работу, а заодно потихоньку начать там поигрывать: установить несколько карточных столов, позже добавить рулетку, лото, бильярд опять же. Окрестные фермы Дриббл предлагал вернуть хозяевам за небольшую арендную плату или даже за так. Фермеры ж — те же клиенты. И, само собой, важнейшим элементом преуспевания являлась красочная вывеска. Короче, наш цыганский богатей фонтанировал яркими идеями, не особо заботясь о том, сколько усилий понадобится на их осуществление. Главное, от цыган ничего не убывало, даже наоборот: табор пригласили в эндейский поселок, предложив соблюсти древние обычаи гостеприимства и обменяться дарами.

Я вприпрыжку, катя велосипед сбоку, добралась до каравана, укрепила своего «скакуна» на трейлере и уже хотела заступить на пост в «вороньем гнезде», но дорогу мне преградил Аксель. Надо ли уточнять, что злость у него прямо-таки из ушей лезла.

— Какого хера, Томми? — процедил Аксель в ответ на мою шалую лыбу.

Фраза вряд ли выражала полную гамму его эмоций по поводу Томовой выходки. Или, напротив, выразила чересчур хорошо? Раньше цыган ограничивался громкими воплями, впустую сотрясающими воздух, и угрозами мне уши обкорнать. Пока Аксель не разродился чем-нибудь похлеще, я, прикрываясь тряпичным мишкой (ценной добычей), сбежала. Игрушка была торжественно вручена ребенку, который обрадовался ей не меньше чем Тувиной сиське.

**

По пути до эндейского становища Натану удалось разговорить одного из краснокожих, прокатив его в «сандерклапе». Своим широким жестом Дриббл покорил дикарское сердце (а скорее натруженные в седле зад и спину), истосковавшееся по комфорту.

Все эти люди и впрямь оказались потомками обитателей лармерики. Резервация не расформировалась, в отличие от многих других, а наоборот, разрасталась — ее благоденствие привлекало. Поселение превратилось в своего рода аттракцион для богатеев: здесь предлагалось отдохнуть на лоне природы, приобщиться к самобытной племенной культуре. Потом отдельные денежные мешки сменились ордами туристов победнее. Рядом с бережно хранимой кучкой вигвамов вырос коттеджный городок, сейчас заброшенный. Но постепенно бизнес хирел, интерес к угнетенному народу угасал вместе с «чувством вины белого человека», и обитатели бывшей резервации в предгорьях начали жить за счет соседнего . Даже удивительно, как здешние умники не заинтересовались игорным делом! Может, не успели.

Пришла война, но ее жадные лапы не нашарили эндейских потомков в лесах и пещерах. Кое-как перезимовав на старых запасах и убогих огородах, люди поняли, что теперь им некуда ездить на заработки, а их культура привлекательна не более чем камень на дороге. Некоторые перебрались в Шинкэт, образовавшийся на месте убежища, кто-то отправился искать счастья еще дальше, но

большинство осталось, верное своей земле. Перебивались, как говорится, с хлеба на воду, обороняя добро от мародеров. Тогда-то нынешний шаман вздумал вернуться к старинным обычаям: сблизиться с окружающим миром, вспомнить о духах, возродить искусство стрельбы из лука, охоты, изготовления посуды, одежды и обуви вручную. Но, на беду, почти никакой информации о том, как должен жить , не сохранилось. Книги, журналы, фотографии давным-давно сгорели в каминах и печках. За вигвамами никто не следил, и за семь десятков лет они совсем обветшали, а строить новые никто не умел. Но с этим с горем пополам — ценой нескольких сломанных рук, пары отрубленных пальцев да одного сотрясения мозга — разобрались. На чердаках уцелели кое-какие этнические костюмы, которые местные рукодельницы обязывались копировать, как только мужья добудут кожи, перьев и ткани. А первый костер едва не закончился масштабным пожаром.

Вот тут-то и объявился безвестный молодой проныра, предложивший старейшинам несколько книг Фупера и подборку журналов «Национального достояния», где имелись статьи про эндейцев. Рассказчик подозревал, что прохвост обнаружил их в одном из заброшенных домов прямо в городке. Но это уже не имело значения. Уехал торговец (пожаловавший пешком) на «корде», нагруженном посудой, одеждой, топливом и тому подобными ценностями.

Племя заполучило искомый образец. Они заколотили коттеджи, забыли про машины и прочую технику, плюнули на восстановление электростанции, провели несколько успешных набегов на караваны, дважды брали приступом гостиницу, разорили ближайшие фермы и… остались в одиночестве на территории в десятки километров. А превращаться в кочевников не хотелось. Такие дела.

— Как эндейская жизнь? Неплоха в общем-то, когда привыкнешь к длиннющим именам, перьям, лезущим в глаза, рот и нос… ну и срать под кустом. У меня вот приличное имечко — Ночная Ширококрылая Сова, — а сосед мой вытянул при жеребьевке Болотную Жабу, так от него, представь, и жена ушла, — бухтел дикарь Натану.

— Что ж вы путникам да земледельцам зажиреть не давали? Нельзя же без продыху грабить! — пожурил собеседника Дриббл, сосредоточенно глядя на дорогу.

— Ну да, не просекли, — вздохнул краснокожий.

**

Миновав потертую вывеску, извещавшую гостей о въезде на территорию бывшей резервации (от названия осталось только несколько букв да суровый эндейский профиль), я ожидала увидеть убогие шалаши и палатки, может, вонючие землянки среди мусора. Вместо них мне открылась идиллическая пастораль, будто сошедшая с довоенной открытки, прославляющей семейный отдых вдалеке от шумных городов. Разумеется, блеклые краски пустошей наложили на нее свой отпечаток, но озерная гладь сверкала закатным золотом, ряды очаровательных домиков радовали глаз чистотой стен, пестротой наличников и крылечных колонок. Ярко-красные черепичные крыши, казались издалека флажками, вывешенными в честь праздника. Трава между асфальтированными была почти зеленой. У подножия соседнего холма белело тарелкообразное здание электростанции с рожками труб. Городок окружал лес, частью уцелевший с прежних времен, частью — высаженный заново. На общей стоянке аккуратно выстроился десяток автомобилей.

Это великолепие совсем не вязалось с копьями, стрелами и привычкой срезать кожу с людских голов. Однако когда мы подъехали ближе, то заметили отдельные грязно-бурые купола на медленно зарастающих сорняками задних дворах, ржавеющие на лужайках, заколоченные окна и двери в коттеджах, покосившиеся веранды, остовы садовых качелей и поваленные барбекюшницы. Теперешнее поселение скучковалось на берегу водоема. А почерневшие останки нескольких жилищ, которые не в меру ретивые хозяева спалили, ублажая тем самым духов, явственно свидетельствовали об основательности перемен и , введенных шаманом. Правда, кажется, местные отнеслись к цивилизации, как к потрепанной шкуре, которая не сгодится для полога или одежды, но вот выкроить из нее пару запасных подошв к мокасинам либо сделать черновой пол можно. Нелепица какая-то. С другой стороны, ведь дела племени и впрямь улучшились, когда эндейцы сменили комфортные коттеджи на вигвамы.

Я решила поболтать об этом с Туве, как с истинной и многоопытной дикаркой. Вместо ответа та подняла с обочины увесистый булыжник и хорошо поставленным движением послала его в зазор межу ставнями одного из домов. Послышался звон разбитого

стекла, а следом — чей-то тяжкий вздох, очевидно, хозяина жилища. Мда, похоже, не все еще сумели отречься от родных стен

— Они стараются, — прокомментировала Туве. — Значит, они не безнадежны.

**

Приближался ритуальный обмен подарками. Натан отправился к таборным машинам за чучелом сурка, изготовленным им собственноручно с месяц назад, и журналом со статьей об эндейских казино. Дриббл сердился на цыган. Они все без исключения отключили свои соображалки — на данный момент даже рассудительный Данике уже приложился к трубке мира, погрузившись в глубокий беспросветный астрал. Нет, им однозначно повезло с Натаном! Уж он-то не потеряет бдительности! Мало ли что задумали краснокожие? Не очутятся ли завтра гости в коптильных ямах? Запросто! Хотя, конечно, вряд ли злоумышленники позволили бы себе так распоясаться в преддверии лихого дела — добрые две трети взрослых членов племени находились примерно там же, где и Данике.

Будущий тотем оказался сильно помят Элейниным скутером. Ладно, этого уже не заметят. А вот иллюстрированный журнал «Эо» пропал в завалах вещей Принцессы воров. Если она пустила его на самокрутки… Воображение Дриббла пасовало перед открывшимися перспективами грандиозной выволочки — он пообещал себе выгнать Элейн. Однако журнал отыскался. Натан досадливо хмыкнул: ему уже порядком надоела прилипчивая цыганка. Да, она хороша в постели, но на этом ее достоинства заканчивались, и начинались сплошные недостатки.

Вложив в лапки сурка «Эо», Натан направился к «праздничной поляне», где вовсю сооружалась пирамида из хвороста. Но, не сделав и шага, он замер. Нет, сомнений не было — его кто-то звал. Зов исходил из подвала ближайшего домика. Дриббл положил чучело на капот «сандерклапа» и приблизился к зданию.

— Да, да, я к тебе обращаюсь, приятель! — шепот стал громче.

— Кто «я»? — насторожился Натан.

— Да какая разница? Важно другое: краснорожие дикари меня тут заперли, а ты можешь выпустить!

— Они людоеды, да? — с замиранием сердца спросил Дриббл.

— Нет вроде. Но проверять я не хочу, да и тебе не советую, — раздался заливистый смех, сразу же оборвавшийся так, словно кто-то зажал рот ладонью. — Выпусти меня.

— Так кого «меня»? — Натан уперся. — Вдруг какой-нибудь эндеец решил так проучить свою непокорную жену? Или ты — враг племени!

— Ну вот еще! — воскликнула женщина (теперь Натан определил это с точностью) и тише добавила: — Я к этим утыркам отношения не имею. Они, поди, выкуп надеются стрясти либо продать меня работорговцам.

— Хм, — веско произнес Дриббл. — Но не за спасибо же мне корячиться?

— Ах ты..! — едва не сорвавшиеся с языка незнакомки «любезности» так и не добрались до ушей Дриббла, наоборот, она елейно проворковала: — Я заплачу. Если ты меня освободишь, будешь купаться в золоте.

— Этого добра мне не нужно, — Натан приготовился торговаться, хотя чуял, как голова уже солидарно кивает. Ласковый женский голос окутал Натана густой тягучей патокой, напрочь отключив его хваленое критическое мышление.

— Ну, так говорили раньше. В накладе ты не останешься.

Глупо ухмыльнувшись и поправив спереди штаны, Натан посветил в подвальное окошко. Неизвестно, кого он ожидал там увидеть, но на цементном полу, заслонив глаза ладонью и прижимая к груди потертый чемодан, сидела симпатичная дамочка, надо полагать, мессиканского происхождения.

— Офигел? — прошипела она.

— Я обязан был проверить, — уклончиво отозвался Дриббл. — Приду позже.

Не обращая внимания на возмущенный ропот из подвала, Натан побрел на праздник. Вернее, ему предстояло еще зайти к Туве, на пару с Томом раскрашивающей всех желающих. Нужно ж выглядеть не хуже вождя Радиоактивные Осадки! Воротится ли он за мессиканочкой, Дриббл не решил, хотя проснувшийся в глубинах его сознания не колебался — пленница оказалась достаточно привлекательной, чтобы . Так он компенсирует себе затраты на инструктаж краснокожих недотеп.

Спустя добрых полтора часа Натан, воспользовавшись отмычкой, выпустил узницу. Повторное знакомство получилось весьма бурным — девица кинулась обниматься.

— Э, мы не настолько близки… — промямлил Натан, теряя волю.

— Как скажешь, — дамочка отстранилась проворнее, чем хотелось бы Дрибблу. — Меня, кстати, зовут Мендос.

Натан разочарованно представился, почесав нацелованную щеку. Девица потребовала ехать сейчас же и высмеяла мутные возражения спасителя о том-де, что он не один, да друзья его спят, да вся деревня переполошится. Однако ехать без остальных Натан и вправду не мог. Но мессиканка не отступала и утихомирилась лишь после угрозы упрятать ее обратно в подвал. В итоге скандалистка послушно устроилась в кузове «джона гира», накрывшись куском брезента. Кое-как уладив , Натан лег спать. Несмотря на отсутствие Элейн, он запер «сандерклап», прописав загулявшей Принцессе отдых на природе. Ночью ему снилось иное развитие их диалога с Мендос, отчего он нервно ворочался и даже по-детски всхныкивал пару раз.

**

Племя цыган подготовилось к церемонии капитально. Никто не отвертелся от нанесения бодиарта (мы с Туве щеголяли светящимися белыми узорами, прочие скромно довольствовались красной глиной и углем), из баулов и чемоданов повытаскивали самые яркие шмотки, Элейн пожертвовала запасной набор шнурков от сапог для головных повязок.

Мне снова вспомнились так называемые хиппи. Оставалось воплотить в жизнь их знаменитый лозунг: «Занимайтесь любовью, а не войной!» — до сих пор актуально. Хотя когда доходит до претворения лозунгов в жизнь, возникают непредвиденные сложности. Джо, увы, хорошее тому доказательство. Судя по его кислой физиономии, веселиться ему придется нынче в одиночку либо присмотреть себе парочку среди местных красавиц. Кстати, недурственная идея! Однако далеко не всем она по нраву. Я, например, предпочла бы избежать сладеньких взоров, которые облепят толстым слоем Томову мордашку. Наверняка мальца опять примутся подначивать, а мне за него краснеть и отшучиваться. Кирна, так та вцепилась в локоть Сагерта мертвой хваткой, будь ее воля небось заперла бы мужика в трейлере. Впрочем, о чем я? Она заперлась бы вместе с ним. А мне вдруг стало не по себе

от осознания, что Аксель нипочем не пропустит внеочередного (как он там говорил?) «сеанса перепихона». Хм, он тогда усомнился в моей способности ему помешать? Вот и выясним.

Трубка мира уже завершила первый круг, поэтому люди — и красные, и белые — стремились побыстрее покончить с официальной частью и перейти к кутежу.

— Хау, великий вождь, — провозгласил Натан, возглавлявший нашу процессию. — Позволь вручить твоему племени дары: изображение тотемного животного и новую инструкцию для процветания. — С этими словами Дриббл поднял над головой сурка, держащего журнал.

— Хау, мой бледнолицый брат! — зычно ответил Радиоактивные Осадки, а потом потихоньку добавил: — Давай не будем затягивать церемониал?

Натан согласно улыбнулся.

Вождь, судя по осуждающей гримасе шамана, пропустив значительный кусок обряда, движением руки подозвал помощников, тащивших встречные . Всем досталось по перьевому венцу, правда, сдается мне, из-за них пострадали не благородные вольные птицы, а обычные домашние куры, запекавшиеся сейчас в угольных ямах. Таборные запасы еды пополнились свежатинкой. Мы с побратимом тоже обменялись памятками, и теперь я беднее на обрез, добытый с риском для здоровья под Кеблин-Тауном, но богаче на целый серебряный . Прочие дары меня мало интересовали, и я отвлеклась.

Наконец дикарский шаман приложился к трубке мира вторично и передал ее Владилену.

Могучий грусский дед, не поверите, взорвал реликвию: из чаши полыхнуло, и чубук разлетелся на мелкие осколки, оставив Птицына с растерзанным корешком мундштука во рту. Несколько секунд я думала: кабздец нам, — однако дикари восприняли сие, как доброе предзнаменование, пришли в неописуемый восторг и принялись качать Птицына.

Потом оба колдуна потихоньку, как положено степенным старичкам, удалились и пропали до утра. Полагаю, они основательно подзаправились травяными настоечками, которые, я краем уха слыхала, нахваливал местный шаман. Эх, поди, обпил его Владилен!

**

Костер, на котором, наверное, изжарился бы и слон, ярко пылал, забрасывая разлапистые беснующиеся тени аж до самой электростанции. Плясали, разумеется, не только тени — десятки полуобнаженных лоснящихся тел плели в буйной скачке причудливый рисунок первобытного танца. Трубка мира (замененная на новую) совершала уже третий круг, поэтому я с трудом различала в общем хороводе своих спутников. О да, эндейцы знали толк в курительных зельях. В глазах слегка плыло. Мимо, точно искра, шмыгнула Элейн, практически нагишом прыгающая в окружении любителей иноземной экзотики. Подальше с буйством истинного мессиканца (якобы веселье — важнейший компонент его родной культуры) отрывался Десктер, попутно выбирая себе пассию на ночь. Прямо передо мной покачивался Данике в комичной пародии на танец. По-моему, доку следовало изучить состав местного, хм, табака и переходить с древней химии в таблетках на натуральные препараты. Может, прекратит тогда бузить на нас за перекуры? Тиана, по-щенячьи склонив голову набок, завороженно уставилась в сердце гигантского костра и не реагировала на недвусмысленные намеки мужественных соседей. Захария, уже не первый день страдавшая от мигреней, уже вернулась на стоянку. Ее опередил только Сагерт, который во избежание конфликтов увел Кирну сразу после торжественной части праздника. Натан с Джо (не вместе в смысле, но оба) тоже куда-то запропали, да и Туве, к моему удивлению, не было среди разгоряченных фигур.

Я раздраженно ткнула локтем сидевшего рядом Акселя, который прикипел глазами к подрагивающим в такт музыке ягодицам какой-то эндианки. Если не отвлечь его сейчас, он, пожалуй, снова присоединится к плясунам, вернее, плясуньям.

— Елы-палы, Акс, я ж забыл! У этих за-ме-ча-тель-ных, ммм, нах… нет все-таки ных, людей с красной кожей нашлась карта, а там — Саладо-мать-его-пик! — язык заплетался, фразы рождались долго и получались громоздкими донельзя.

Цыганин смерил меня странным взглядом, будто ожидая подвоха, но встал. Точнее, попытался. В итоге, подпирая друг друга, мы ввалились в ближайший пустующий вигвам, откуда брезжил свет. Аксель задернул полог, а я выудила из бокового кармана штанов увесистую книжицу — «Автомобильный атлас дорог Лармерики». Разложив ее под керосиновым фонарем, который хозяин расточительно

оставил зажженным, я принялась искать по оглавлению нужное наименование.

— Гребаная гора, ну где ты,ептыть? — почему-то в данный момент роль Тома давалась мне с трудом: бранные слова не желали выкатываться сами собой, натужно застревая в глотке. Я почуяла неясный пока мне подтекст в собственных мыслях.

— Думаю, Саладо-пик подождет, — насмешливый шепот Акселя прошелестел у самого моего уха. — Время для урока номер два, золотце.

Ага, вот он подтекст и подвох! Только почему цыган так легко его распознал? Хотя нахал явно нафантазировал себе сверху еще три короба. Дурман мигом выветрился из моей головы. Покраснев от стыда, я резко выпрямилась, чуть не угодив ему по зубам, и бросила:

— Мне кажется, не совсем правильно нашим отношениям развиваться дальше в плоскости учитель-ученица.

Аксель не ответил. Он с минуту постоял, рассматривая мою спину, а потом вышел. «Золотце» получило-таки внеочередной урок. И опять не сходится! Ведь Туве не подпускает Джо к себе, а он все равно увивается за ней. Элейн же не просто допускает, она зовет сама, но ею часто пренебрегают. Какая-то, простите, хрень, дамы и господа! Машинально потушив фонарь, я выбралась вслед за цыганом, однако он уже затерялся среди празднующих. Нет лучшей тактики в поисках, чем перестать выслеживать. Правда, для этого необходимо успокоиться, а я отчего-то нервничала. Интересно, мною двигали опасения за благополучие товарища или нечто иное? Перетряхнув эту и кучу других мыслей за пару кругов у костра под руку с побратимом, я вернула себе умиротворенное настроение и заодно ознакомилась с родословной эндейца до какого-то очень далекого колена. Наконец колесо галопирующих вынесло меня в темный проулок между вигвамами.

Аксель обнаружился там, где и предполагалось — в компании молодых сочных эндианок. Смугляночки слушали обаятельного бледнолицего искусителя, разинув рты, а немного поодаль, незамеченные Аксом, топтались не иначе как родители девах. Сейчас цыганский кавалер попадет по самый хер. Ну, друзья-то для того и нужны, чтобы, например, в критический момент открыть глаза на происходящее.

Зажав в зубах отнятую у Тианы цигарку, придающую моей физиономии более самцовый вид, я ринулась в «атаку». Упс, то есть на помощь, конечно! Обольститель уже завлекал своих жертв под сень чьего-то радушно открытого жилища. Следом перемещалась группа родных. А ну как они таким образом заманивали в племя свежий генофонд? Но не сегодня. Я тихонечко подкралась к троице и звонко шлепнула эндианок по аппетитным задницам.

— Что старый греховодник вам тут заливает, девочки? — сладким голосом спросила я и развернула визжащих милашек к себе, лишь только хватка огорошенного цыгана ослабла на их талиях.

— Тоооооом! — угрожающе прорычал Аксель.

— О, полагаю, очередную басню про кукурузу и плодородное лоно земли? Но его початок не единственный, — вещала я, легонько мявая эндианок за бока.

— Да, малец, но мой — самый крупный и многоопытный! — нашелся наконец Аксель и попытался притянуть растерянных девиц к себе.

— Ха, у старой кукурузины зерна осыпаются! — встав на цыпочки, выдала я прямо в лицо цыганину и покрепче обняла эндианок.

— Сегодня они упадут в благодатную почву, — огрызнулся Аксель.

Девицы присудили победу старшему и перекинулись на его сторону. Наступило время грязных приемчиков.

— Хм, но это же признак болезни, отваливающиеся-то зернышки, — гонореи там, сифилиса, еще чего похуже, — громко продолжила я (эндианочки озадаченно переглянулись, но большее впечатление моя речь произвела на их родичей — те забеспокоились). — Ну, у нас в таборе все, кто с ним спал, поимели проблем. Вот бегала здесь рыжая такая бабенка — у нее прыщи повылезали…

Благодаря болтливости Принцессы воров только глухой не знал этой истории. Вот и пригодился вновь мой отменный слух. В большие уши больше слышно!

Судя по акселевскому лицу, меня ждала лютая расправа — щелбаны да тумаки уже не в счет, — но из соседнего вигвама высунулась Элейн. Позади нее мелькнул голый мужик. Цыганка

возмутилась моим поклепом и продемонстрировала справку от дока с вердиктом «здорова».

Аксель нерешительно взял бумажку посмотреть и долго пялился на закорючку под заветным словом. Эндианки также уткнули носы в загадочные письмена. А мне стало ясно: еще секунда промедления — и меня высмеют или даже поколотят. Поэтому я запихнула Элейн обратно, невзирая на ее громогласные требования вернуть справку, задернула полог и выхватила у Акселя бумаженцию.

— Знаете, как с этой ерундовиной следует поступить? — хохотнула я, а затем подожгла.

Всучив цыганину пламенеющее Элейнино сокровище (соболезнуя Принцессе всей душой), я, пока он не очухался, увела эндианок под белы ручки на «танцплощадку» и подбросила Данике. По пути наплела им про то, какой Аксель хитрец да сколько баб он перепортил.

Довольная собой, я направилась к изумленным родственникам «спасенных» мною девиц, намереваясь окончательно развеять опасения касательно притязаний цыгана на внимание их дочерей. Но внезапно ощутила чьи-то цепкие пальцы на воротнике. Меня опрокинуло на спину и поволокло по земле.

В принципе я догадалась, кому обязана, и не стала верещать, только перебирала по возможности ногами. Разозленный Аксель протащил меня за шиворот к трейлеру через всю деревеньку.

— Преподам тебе урок другого толка!

Он уселся на крылечко и, удерживая меня одной рукой, вынул ремень из джинсов. Я оказалась перекинутой через его колени, и, судя по всему, цыган не шутя намеревался всыпать Тому Мэйби по первое число, следуя недавним рекомендациям Джо. Подобное отношение к моей заднице меня возмутило! И, даже не успев замахнуться, Аксель почувствовал бедром острое лезвие, с характерным треском вспоровшее ветхую джинсу.

— Отпусти, а то… — пригрозила я.

Рассчитано все было так, чтобы не нанести вреда непосредственно ноге — пострадали лишь штаны, на которых образовалась моднючая прореха.

— Это уж слишком! — прохрипел цыган, отпустив меня и исследуя дыру.

Победоносно ухмыляясь, я вложила ему в ладонь кусок ткани и его собственный нож. Выражение Акселева лица меня перепугало — он обиделся. То есть на полном серьезе, а не как обычно. Я наклонилась и, очутившись с ним почти нос к носу, состроила виноватую рожицу.

— Хочешь, зашью? Я умею — училась в Куполе, — голос предательски дрогнул.

— Обалдела? — задал он явно сокращенную версию вопроса.

Шуточка не прокатила.

— Нет, честно, если ты так расстроился из-за штанов, давай заштопаю! — улыбка моя увяла, я совершенно растерялась.

— Нет, Мэйби, не потому, — жестко ответил Аксель, поднявшись.

— Аксель, а я не знаю почему! — отчаянье мое достигло предела.

— Не знаешь?! — Аксель хмыкнул, неожиданно успокоившись. — А ведь верно.

Он поправил шляпу и, по-видимому, собрался уходить. Куда? Да хрен его разберет. Впрочем, я не желала застукать Акселя, обложенного сладострастными эндианками в каком-нибудь укромном закутке.

Человеческие взаимоотношения разворачивались передо мной во всей их возмутительной сложности.

Есть две максимы: Принцесса воров, нуждающаяся в обществе мужчин сильнее, чем они в ней, и странная Туве, доводящая Джо до белого каления своими измывательствами. Я не допускала мысли, что позволю обращаться с собой, как с куском бесполезного мусора (Элейн подобное положение воспринимала как должное), но и Аксель не из тех, кто безропотно терпит отказы. Да он вообще слышал когда-нибудь из женских уст простое «нет»? Внутренним чутьем (уж не ли?) я понимала: ситуация для него также нова, иначе, как говорится, я продула бы еще до сдачи карт — или уступила бы, или навсегда осталась бы для Акселя Томом. Хотя разве это плохо? Разобраться бы! Но решение требовалось немедленно, и слова сами сорвались с языка:

— Мне вот интересно, мужчины напрочь позабыли о хороших манерах и нынче способны только ухлестывать, окучивать, заваливать да вздрючивать? — я тряхнула отросшей челкой.

— Это приглашение? — насмешливо уточнил Аксель, в глазах которого вновь загорелись задорные искорки.

— Так и быть! Раз кавалер стесняется пригласить даму… — закатив глаза, ответила я и перечислила: — Существует много вариантов свиданий: ужин при свечах, поход в театр или в кино, танцы… но наш выбор невелик. Барышню устроит прогулка под звездами.

— Ну почему же. Танцы еще в самом разгаре! — Аксель гоготнул, поведя головой в сторону скачущих силуэтов.

— Речь не о дрызгах-брызгах! Должен соображать — не маленький, — я указала ухом на лесной массив, волшебный и таинственный. — Романтическая прогулка прельщает меня гораздо больше.

— Как тонко, однако, — цыганин изогнул бровь. В его взгляде я прочла удивление опытного охотника, которого дичь вынудила сыграть по их собственным правилам. — Значит, вперед, навстречу духам, феям, корням и веткам.

— Никаких фей, кроме меня! — я притворно нахмурила брови. Достаточно нарочито, чтобы любой идиот проникся несерьезностью пантомимы. Аксель, конечно, идиотом не был, но мы оба сейчас делали ходы наобум. Все честно — ни свинца в игральных костях, ни крапленых карт.

Я еще ни разу не бродила по лесу, тем более ночью. Прогулка в Гатскиллских горах напоминала скорее полосу препятствий: даже днем стремновато шататься по болотам да бурелому, над обрывами да без тропочек, меж закрученных штопором молоденьких березок, кленов и елочек, чьи лапы смыкаются прямо на уровне глаз.

Здесь же мы будто очутились в колонном зале древнего храма. Говорят, в сухом климате древесина каменеет со временем — мертвые голые стволы продолжали стоять. Кроны погибшим гигантам заменил буро-зеленый вьюн, оплетший их точно кружево. Валежника почти не было. Сквозь толстый ковер желтой трухи пробивался хиленький подрост, которому в отдаленном будущем предстояло сменить исполинов на их посту. В островках чернильной тьмы меж ветвей изредка вспыхивали и гасли блеклые искры. Кое-где явственно чувствовалось прикосновение руки человека: бережно укрепленные понизу стволы, ровные стопки поленьев и хвороста, утоптанные дорожки.

Несмотря на обстановку, страха я не испытывала. Во-первых, рядом со мной шагал () Аксель, вооруженный огроменным сорок пятым калибром. Во-вторых, как там в песне поется? Смеюсь, шумлю и балаболю, хотя в лесу один; пускай лесные твари знают, кто здесь господин!

Тут какая-то из лесных тварей, видать, недовольная моим мнимым господством, выскочила из-под ног и опрометью ринулась в кусты. Аксель выхватил пистолет, но я дернула его за руку.

— Если ты пальнешь из своей гаубицы в несчастного барсука, мало того что зверюшку разметает по всей округе, так сюда еще и народу набежит!

Удерживая цыгана за рукав, я шагнула, запнулась за корень и впечаталась лбом в шершавый ствол. Следом на меня навалился Аксель.

— По-моему, романтическая часть прогулки завершилась, золотце, — шепнул он, его рука уже скользнула мне под майку.

— Неймется тебе с практикой. — Я не сильно-то сопротивлялась, уже ощущая странную слабость в коленках. — Может, еще чутка теорию разберем?

— Позже. Ты и так заставила меня ждать, маленькая строптивица, — выдохнул цыган мне в затылок и, кажется, прижался к нему щекой. — А торопиться я не намерен. Рановато еще приобщать тебя к полноценной, — он хмыкнул, — любви.

— А как же… — попытавшись вывернуться, воскликнула я.

— Имей терпение, золотце. Всему научишься, все узнаешь, — преувеличенно строгим тоном отрезал Аксель и притиснул меня обратно к дереву.

**

Я шла, задрав майку почти до груди. Кожу на пояснице неприятно стягивало. В отношениях между мужчиной и женщиной все хорошо, кроме, мать его, мужского семени, которое… Короче, я жаждала вымыться, и поскорее.

Аксель, лыбящийся и довольный, непринужденно отвечал на мои вопросы в своей обычной шутливой манере. Дескать, конечно, можно избежать проблем, извергнув семя тогда и мыться необязательно, но от этого случаются дети. Люди, да вы рехнулись все?! Достаточно в конце направить мужскую штукенцию ! Но, по заверениям цыгана, тогда ни

секса, ни любви не будет — якобы удовольствие не то. Как-то это не вязалось с моими впечатлениями, впрочем, обмен мнениями по данному поводу я отложила.

— Покамест, золотце, тебе и сравнить-то не с чем, а значит, и судить нечего, — назидательно изрек мой «учитель». — Нечего, то есть не хрена, извини за грубость. Но не волнуйся, когда твоя девственность начнет нас стеснять, мы аккуратно от нее избавимся.

Аксель кашлянул в кулак, но примешался к этому звуку еще какой-то, подозрительно похожий на смешок.

— Стоп-стоп, если мне не изменяет память, девственность, гм, вроде как полезна девушке! Вроде бы природа позаботилась таким образом о чистоте женских организмов. Там, внутри…

— Меня-то просвещать не надо! — фыркнув, цыган замахал руками.

— Ну… в общем, сам знаешь, — я помялась, неуверенная все-таки в осведомленности собеседника относительно устройства человеческого тела (в школе он ведь не учился), но уточнять по его просьбе не стала. — Так чем же она стеснять-то будет, а?

— Тюююююю! — Аксель аж присвистнул, опять-таки весьма нарочито. — Давай-ка я объясню тебе, когда понадобится. Иначе, чего доброго, начнешь мешать секс с любовью или, того хуже, семьей.

Не уразумела я, почему Акс разделяет понятия. Разве секс — не любовь? Или наоборот. Разве одно без другого возможно? Хотя вот есть же шлюхи в борделях… У них-то как? Напоминает идэнский подход: роботы тоже размежевали физиологическую и духовную составляющие, — но железкам-то простительно. Мне представлялось, вне Купола люди обращаются с этим иначе. Как? Ну, незаменимым элементом процесса — от поцелуя до ребенка, реже до старости — я считала те ласковые слова из фильмов и книг: «Люблю тебя, дорогой/дорогая». Обидно, но моему красивому заблуждению и здесь нет места.

Ситуацию с появлением детей я сочла до крайности несправедливой и неясной. Женщина на полгода опухает, будто ее пчелы покусали (да-да, именно — укусили, уязвили, , только), а до того мается от разнообразнейших недомоганий, дурнеет, дуреет и окончательно превращается в обузу. Мужчина же скачет в привольных полях, как молодой кролик, выискивая зорким взглядом, кому бы еще

присунуть. Сложновато уразуметь и то, как существо размером с мотоциклетный бензобак пролезает в такое маленькое отверстие. Аксель уверил меня, что мать-природа все предусмотрела и детишки вылетают на белый свет, точно салом натертые. Салом! Это ж не фиговина вроде утиного гузна! И кто их там внутри натирает?

— Ну а мужчинам-то зачем это нужно? — размышляя, я, сама того не заметив, задала вопрос вслух. И прямо-таки подпрыгнула, когда Аксель отозвался:

— Это приятно, глупышка.

— Как, и вам тоже? — по выражению Акселевой рожи я мигом сообразила, насколько пропалилась.

Как в картах, когда у тебя есть шанс до тех пор, пока ты не засветил свои никчемные шестерки-семерки, скроив кислую мину или неосторожно ругнувшись. «Игра» перешла в новую фазу.

— Ну да, и нам тоже. — Цыганин ущипнул меня за бок. — Удивлена?

Я собралась было впаять ему пару колкостей на сей счет, но тут между деревьев мелькнул призрачный силуэт.

**

Совершенно нагая, Туве кружилась на поляне, купаясь в голубоватом лунном сиянии. Па ее странного танца завораживали, как трепещущая капелька росы, вот-вот готовая сорваться с травинки. Несмотря на прохладу, тело ее блестело от пота. Медленными широкими движениями девица проводила по своему телу пальцами, время от времени окуная их в плошку с белой глиной. Обновляла анима-разметку, надо полагать. Ореол волос, зависший в воздухе словно облако, придавал облику Туве потустороннюю нереальность.

Наконец пальцы ее замерли где-то в районе пупка, натянув кожу и отпечатав неровный светящийся треугольник глины. Дыхание дикарки участилось, лицо приобрело какое-то чудное выражение. Замерев на мгновение, она издала пронзительный, нечеловеческий крик. Услышь я в одиночку нечто подобное ночью в пустоши — а тем паче в лесу, — и кирпичей, вывалившихся со страху из моей задницы, хватило бы на пару городских стен или, мать его, небольшой замок.

Танцовщица тяжело осела на землю, шумно, неровно, но, по-моему, удовлетворенно дыша. Ее пустой рассеянный взгляд задержался на мне, но в этот момент Аксель оттащил меня в тень.

**

— Мда, немудрено, что Джо ничего не перепадает, — ухмыльнувшись, произнес цыган, когда мы очутились в некотором отдалении от полянки. — Похоже, дикарочке нравятся . Знавал я одну девку: она по ночам разъезжала на мотороллере голышом.

— Не Элейн, случаем? — полюбопытствовала я. — Зачем?

— Одна из ее старших сестричек, — Аксель странно покосился на меня и, помолчав, добавил: — Ну как зачем? У него седло дрожит.

— А разве ток анима в теле можно улучшить таким образом? И не только туве должны это делать?

Я заинтересовалась всерьез. Почему бы и не прокатиться на «юрале» нагишом? Все лучше, чем мазаться противной глиной. Седло бы только протереть…

— Чего улучшить — Аксель мотнул головой. — Она же всего-навсего развлекалась сама с собой. Попросту дро… — он осекся, задумавшись, и неожиданно сменил тему: — Раз уж мы в гостях, воспользуемся оказией. Я ничего не знаю про перья за ушами, дурацкие имена и духов, но в эндейской бане уже бывал и с удовольствием повторю опыт.

Выпытать у Акселя, чем, по его мнению, занималась Туве на полянке, мне не удалось, несмотря на все старания. Стоило бы расспросить ее саму и поподробнее, но сначала — мыться.

Баня, как нетрудно догадаться, тоже помещалась в вигваме. Приятный травяной запах, витающий среди клубов горячего пара, расслаблял, уносил усталость и тревоги. Да, это вам не ржавая бочка едва теплой воды!

Я развалилась на невысокой скамье, глядя сквозь приоткрытый полог, как Аксель разоблачается. Кажется, именно таких мужчин женщины вроде Элейн называют жеребцами? Сладко потянувшись, я прижмурилась.

В предбаннике раздался шум возни. Я удивленно вскинула голову — надо мной возвышалась Туве. Она, поджав губы, неопределенно повела ушками, а затем, схватив лежащее на скамье полотенце, выкинула его наружу. Оттуда донесся сердитый вопль Акселя, хотя сам он отчего-то не появился. Неужели застеснялся?

— Почему ты не слушаешь меня? — голос Туве приобрел интонации родителя, долдонящего ребенку, что нельзя пить дизельное

топливо. — Ты опять делила с ним . Ты ступаешь по тонкому льду, Мэйби-туве.

— Подожди, — ее поведение смутило меня, — объясни!

— Не сейчас.

Девица нависла надо мной, полулежащей на скамейке, и принялась водить пальцами по щеке, ключице, животу, сделала завитки вокруг пупка, коленок и недовольно покачала головой. Я захихикала, извиваясь от щекотки, но Туве строго шикнула. Ритуал, к которому дикарка приобщила меня в источниках, произвел скорее приятное впечатление, если забыть о крошках сухой глины в спальнике. Однако мне куда больше хотелось ясности. Чего ей от меня надо?

Смазав несколько свежих узоров, Туве прильнула ко мне и приблизила губы к моему лицу. Я почувствовала напряженную дрожь ее тела… Ой! А зачем она дует мне в рот? Постойте, она ж сама предупреждала про опасность таких дел, поцелуев то есть! Я с силой оттолкнула девицу и рванулась к выходу.

Как ни странно, Аксель все еще был там. Он пялился на банный вигвам с весьма озадаченным видом. Последний раз я наблюдала подобное выражение лица у своего соседа по парте, схлестнувшегося с графиком тригонометрической функции.

— Аааааксель! — я помахала рукой.– Это нормально? Ну… то, что она делает?

— А она делает? — цыганин даже приподнял указательным пальцем свою шляпу (жест символизировал у него крайнее напряжение ума).

— То же… — я вовремя увидела вырулившего из-за соседнего строения Декстера, проглотила окончание фразы и просипела: — Целует вроде.

— Ха, парень, сам-то справишься? — немедля откликнулся Тушкан и повернул ко мне.

Но тут Туве втащила меня внутрь, а Декстера, похоже, отвлек Аксель.

В неверном свете красных углей происходящее рисовалось фантасмагорической галлюцинацией. Я позволила дикарке уложить себя на лавку. Она, поставив банку с глиной на земляной пол, присела

рядом и принялась заново сосредоточенно выводить на мне узоры. Ее волосы в отблесках огня напоминали раскаленную медную проволоку.

— Мужчины берут жадно, оставляя взамен пустоту. В них пылают страсти. — Туве кивала в такт своим словам. Глаза ее лучились — две пронзительно синие льдинки в жарком царстве багряных теней. — Сегодня я помогу тебе, завтра ты поможешь мне. Мы, туве, к счастью, всегда можем…

Она не договорила. Но к тому моменту до меня сквозь дрему долетали лишь отдельные бессвязные звуки.

**

Аксель сидел на трейлерном крылечке и прихлебывал из кружки. Погруженный в свои мысли, он даже не заметил меня, пока я не плюхнулась рядом.

Большой эндейский костер потух, но вокруг него еще дергались наиболее упертые любители веселья. Декстер устраивал задремавшую Тиану в кабине тягача, спеша обратно к женщинам и танцам.

Я отобрала у Акселя кружку и сделала долгий глоток. Анима там или что-то еще, но от выходок Туве прямо-таки дух захватывало, как от сильного ветра, хлещущего в лицо при быстрой езде. Впрочем, сейчас дух захватило из-за той бормотухи, которую цыган где-то (у Владилена, скорее всего) раздобыл.

— Знаешь, — мне удалось наконец проглотить обжигающую жидкость, — а ведь с ней было очень даже приятно. Почему не целовал меня?

Цыган вылупился в искреннем незамутненном удивлении.

— Она слегка расширила мои познания в области отношений. — Я застенчиво поскребла белый ромб на своем плече.

По-моему, Аксель намеревался разразиться многословной тирадой, но прикусил язык.

— Пойдем-ка в трейлер, — кратко бросил он, принимая у меня кружку.

В попытках докопаться до истины, я обстоятельно, без утайки, рассказала цыгану про Туве и ее ритуал. Он слушал не перебивая, лишь вскидывая периодически брови и кривя губы.

— Нет, только подумайте, как хитро дикарочка все провернула! — в конце Аксель с трудом удерживался от смеха. — Все это — полная ерунда, золотце. Анима, рисуночки на теле, гнезда и пляски. Просто ей

больше нравятся девочки, чем мальчики. Поверь, такое встречается чаще, чем можно предположить.

Да, как-то мне довелось видеть в борделе двух обжимающихся девок, и с тех пор я считала, что это в порядке вещей. Вероятно, именно потому Туве так легко удалось завладеть моим вниманием и вовлечь меня в свою игру. Но я покамест вряд ли могла считать себя пострадавшей.

К сожалению, мое признание не сподвигло цыганина на ответную откровенность. Он изворотливо избегал темы взаимоотношений. По поводу них, однако, я уже не питала иллюзий, ожидая реплик типа: «Золотце, о чем ты? Друзья для того и нужны, чтобы доставлять друг другу удовольствие!»

— Пожалуй, ты не сильно-то отличаешься от Туве, — заявила я ему. — Похоже, вы оба добивались одного, хоть и разглагольствовали о разном. Но кое в чем она права бесспорно: ненасытны, и, удовлетворяя их, женщина расплачивается за двоих.

— Ты правда хочешь обсуждать незавидную судьбу каких-то посторонних баб и прочую ерунду? — Аксель улыбнулся, обаятельно, как он умел. — Куда важнее и приятнее восполнить твой пробел в области поцелуев с мужчинами.

Мы уже ложились спать, когда в дверь ворвалась Туве.

— Ты опять это делала!? По сколько раз на дню мне придется делить с тобой анима?

Я собиралась соврать ей, но Аксель без промедления вытурил рыжую из трейлера и щелкнул замком.

— Это превращается в проблему, — в голосе цыгана мелькнуло легкое раздражение. — Впрочем, внутрь ей не попасть.

— Надеюсь. — Я выглянула в окно: Туве стояла у крыльца. Заметив меня, она многозначительно повела ушами, намекая, что проторчит здесь, сколько потребуется — не больше и не меньше. — Кстати, Акс, она еще там. Под окном.

— Будет докучать — расставлю на нее капканы. — Он зевнул, повесил шляпу на крюк и с треском захлопнул жалюзи, всем своим видом давая понять — Туве снаружи волнует его чуть меньше чем никак.

Глава 5

Все хорошее когда-нибудь заканчивается, закончился и наш пикничок у эндейцев. Сборы и отъезд были подозрительно суматошными. Немудрено. Как выяснилось позже, Данике по укурке взял в жены дочь вождя, а Натан умыкнул у дикарей пленницу. Где же их хваленые рассудительность с осторожностью? Дриббл вообще непростительно ветреный тип — смазливенькие девочки из него веревки вьют. Но док! И они смеют осуждать Тома за беспечность? Том подвергает табор опасности? Да не смешите! Томми пай-мальчик на фоне этих великовозрастных проказников. И если спонтанный секс (теперь-то я в теме) с красоткой-эндианкой вполне сойдет за разбитую хозяйскую кружку, пусть даже любимую, то похищение узницы — это как прилюдно помочиться в камин. А самое неприятное — до боли знакомое, гадское чувство в кончиках ушей, определенно вызываемое гребаной натановской девкой. Эндейцы ведь не зря заперли ее? А Дриббл, между прочим, и спросить-то у нее не дал, как да из-за чего она туда попала. Он яро защищал несчастную (на вид цветущую и ни хрена не пострадавшую) и обвинял нас в черствости. Девица якобы пообещала за эскорт до города , как нам гордо возвестил Натан. По моим же наблюдениям, такие посулы выполняются крайне редко. Но делать нечего. Не пойдешь же к Дрибблу с моими зудящими ушками! Вряд ли он прислушается и избавится от новой пассажирки, а вот на смех точно поднимет. Ладно, хватит и того, что Аксель влепил ему прописную истину: «Не заводи больше баб, чем способен содержать!»

Хотя от нашего посещения эндейцы не только потеряли, но и приобрели. Конечно же, моими стараниями. Я решила оставить у них гатскиллзского сиротку и подсунула его в вигвам побогаче. Уникальный шанс воспитать еще одного цыгана не особенно прельстил таборчан, а равнодушие — не лучшая почва для выращивания детей. Да и у приключений весьма специфический вкус и зачастую отвратительнейшее послевкусие, которое может скверно сказаться на неокрепшем ребеночьем организме. Вряд ли нам попадется место уютнее и тише эндейской деревеньки. Отсутствие малыша заметили лишь на подъезде к Шинкэту, и то — благодаря

всполошившейся ни с того ни с сего Туве. Вернуться за ним никто не предложил, а значит, я поступила правильно.

Аксель вполне обоснованно стремился отъехать подальше, прежде чем эндейцы обнаружат последствия цыганского гостевания, посему отменил санитарные остановки. Машины замедляли ход, лишь когда кому-нибудь приспичивало всерьез. Однако первая порция проблем нагнала табор еще на полпути к заброшенной гостинице. Если я правильно поняла, Дриббл выгнал из «сандерклапа» Элейн и зазвал туда свою новую подружку. Иногда мне становится жаль бестолковую Принцессу воров. Похоже, ее «гнездо» было построено на сыпучем песке натановского безразличия.

**

Дриббл трусцой, пытаясь заодно застегнуть штаны и потянуться, возвращался к медленно ползущему «сандерклапу». Поравнявшись с Кирниным автомобилем, он услыхал гневный окрик и ускорился, не желая повторно узнавать мнение блондинки о себе. Его и так третируют все утро. Обидно! Данике, обесчестившего дочку краснокожего вождя, допекали гораздо меньше. Спрашивается, кто важнее для главного эндейца — собственное дитя или некая узница? Почему белобрысая стерва требует именно его, Дриббла, выбросить на дорогу? «Я свой член в узде держал, куда не надо не совал», — огрызнулся в мыслях Натан и досадливо сплюнул. О да, Аксель тоже не преминул его укорить! Да еще Элейн методично утомляла претензиями по поводу пассажирки, если в выражениях цыганки — «хитрой шлюшки». Мендос, кстати, могла бы и заступиться! Вместо того она, устроившись на переднем сидении, невозмутимо подпиливала ногти и пропускала грубости мимо ушей.

«Между прочим, пора попенять ей, — подумалось Натану. — Я ж переднюю панель только неделю назад протирал».

— Эй, я, пожалуй, доеду здесь! — мессиканка выглянула из трейлера. — Не хочу быть причиной ваших семейных дрязг.

А что стряслось, выяснилось само собой. В окне «сандерклапа» показалось сердитое, но торжествующее лицо Элейн: она прильнула носом и щеками к стеклу вплотную и в довершение пантомимы широко раскрыла рот. Останется след от помады, красный, жирный, трудно выводимый… Дриббл в два счета преодолел последние метры и с остервенением дернул дверцу — безрезультатно. Тут он приметил

нажатые штыречки запоров. Принцесса воров, конечно же, разобралась с простеньким механизмом замков. Безмерно довольная собой и замешательством «супруга», цыганка захохотала и крикнула ему:

— Не фиг таскать в семейное гнездо чужих баб!

Сделав несколько неуверенных шагов рядом с автомобилем, Натан сообразил: ключ-то у него! Он никогда не оставлял его внутри, как и учил отец. Ухмыльнувшись, Дриббл щелкнул замком, дверь распахнулась, и Элейн вывалилась на дорогу вместе с хламом, которым на всякий случай забаррикадировалась. Она настолько опешила, что даже не сразу поднялась. А в это время Натан отряхивал и закидывал обратно в машину вещи, бормоча проклятия в адрес неряшливой небережливой «супруги».

— Да ты ошалел совсем! — возопила Принцесса воров, догоняя «сандерклап». — Оберегать семью от шлюшечьих посягательств — мое законное право!

— Так, Элейн, запомни две вещи. Первая: машина моя, я приглашаю в нее, кого пожелаю. Вторая: нет никакой семьи! — если начал отповедь Дриббл довольно-таки спокойно, то последнюю фразу он проорал громко, отчетливо, впечатывая каждое слово надгробным камнем в могилу их мимолетных отношений.

— Как… как же ты можешь так говорить? — всхлипнула девица, беспомощно всплеснув руками. — А наши дети? Неужели ты способен променять супружескую жизнь на девку с именем, похожим на название мятных сосалок?

Дриббл не отвечал, всем своим видом демонстрируя полное безразличие к оскорблениям, упрекам и глупым доводам.

— О да, ты способен! — Принцесса воров решила сменить тактику и пойти от противного: — Бесспорно, случайный отсос важнее семейного гнезда! Все вы мужики одинаковые!

— Элейн, о гнездах иди потрынди с Джонатановой подружкой, — холодно посоветовал Натан, влез в машину и заблокировал двери.

Цыганка топнула ногой, глотая злые слезы и пыль из-под колес «сандерклапа». Она снова ошиблась. Хотя, авось, этого жеребчика еще получится обуздать. Все они взбрыкивают порой. Утерев лицо тыльной стороной ладони, Элейн побежала вслед набирающему скорость каравану. Она надеялась подсластить горечь поражения

беседой с приятным все понимающим слушателем — Данике. Впрочем, столь же легко она излила бы свои печали любому встречному-поперечному.

**

Док перебирал лекарства, то есть проводил ревизию. Этот процесс не доставлял ему удовольствия, но был необходим. Мало ли в какую передрягу «цыгане» встрянут по дороге? Заодно он влез в заветную баночку: запас транквилизаторов, без которых Данике не мыслил свою жизнь, неумолимо сокращался.

Тут, как назло, в повозку вломилась Принцесса воров, по обыкновению донельзя словоохотливая, да еще и зареванная. Ну почему, о небо, Дриббл не может жить с ней в ладу и мире? Отдуваться-то ему, Данике, — Таборному Профессору Всея Медицины.

Ну вот — Натан выгнал «супругу» на улицу. Выслушав поток причитаний и брани из уст обиженной женщины, док предложил ей найти пастора в ближайшем городе, взять Дриббла за грудки и узаконить отношения. Элейн вознаградила Данике широкой счастливой улыбкой и, запечатлев на его щеке звонкий поцелуй, выпрыгнула из повозки. Мда-а-а, женщина — одно слово. Наверное, из-за подобных вот проявлений благодарности он до сих пор не покинул свой пост.

**

Чем ближе к городу, тем больше усадеб и ферм нам попадалось. Из-за выходок эндейцев одни обитатели забросили свои дома, а другие превратили их в неприступные крепости.

Я не отказала себе в удовольствии слегонца помародерствовать. Периодически со мной увязывался кто-нибудь из неприкаянных таборчан, очень условно полезных, так сказать, на марше. Разумеется, в процессе я пыталась освоить «юрал». У меня даже вполне неплохо получалось, хотя тачила и впрямь тяжеловата. Однако во время последней «вылазки» меня с Владиленом чуть не пристрелил какой-то старый пень, притаившийся на чердаке. Вместо нас дедок укокошил сурка. Ошметками грызуна забрызгало всю мотоциклетную люльку, включая Птицына от пояса и выше. После этого Аксель устроил Тому взбучку в привычном полушутливом стиле и отправил пацана отмывать «юрал». До конца поездки я мстительно терла мотоцикл

чьими-то (надеюсь, Акселевыми) вещами, а душка Владилен довязывал мне шикарнейшие труселя в сердечко. Пока не знаю, как я применю подарок Птицына — вряд ли надену, но вот продать… Это следует обмозговать!

Наконец Шинкэт Ангар вырос перед нами во всей красе. Внутренний, верхний, город находился на холме, возносясь над клоакой города нижнего (вообще, клоака-то была, пожалуй, поопрятнее Кеблин-Тауна, но в сравнении с богатым соседом выглядела отвратительно) и отгораживаясь от нее белоснежными высокими стенами. Теплица для изнеженных растений, подарок старого мира своим беспомощным детям. Правда, живучие «ребятишки» неплохо приспособились, держа в строгости окрестную сволочь. А наличие внешнего — или нижнего — кольца стен создавало дополнительные трудности для различных ублюдков из пустошей, мечтающих разграбить процветающий Шинкэт, забраться в Убежище Шинкэта, искупаться в фонтанах Шинкэта. Хотя, строго говоря, внешнее кольцо не имело права гордо зваться «стеной» — это был скорее совмещенный с неглубоким рвом заградительный вал мусора, утыканный кольями, весьма затрудняющий, однако, проезд мотоциклов и багги. Судя по сумбурным воспоминаниям Тианы о ее родном поселении, здесь люди устроились по тому же принципу. В муниципальных убежищах для Очень Важных Персон и лучших из частных содержались не только запасы еды, воды и медикаментов, но и материалы, необходимые для постройки приличных размеров городка. Так решалась масса проблем, связанных, например, с вынужденным поселением в радиоактивных корпусах автомобилей, панцирях живоглотов и других образчиках мусорной архитектуры. Граждан обеспечивали комфортабельными сборными домами, ну а всякое отребье ютилось во внешнем круге в тех самых хибарах из жести, шкур и костей. Статус гражданина наследовался, реже — покупался или выдавался за особые заслуги. Внутренние кольца стен в таких городах (а их кое-где возводили и больше двух) представляли собой райские кущи, и, конечно же, кочевой народ вроде нас допускался туда крайне редко.

**

Караван расположился на стоянке рядом с торгующей буррито палаткой, переделанной из . Таборчане, спешившие размяться и

перекусить, потянулись к киоску. На самом же деле они любопытствовали, как Дриббл обстряпает эту по всем понятиям сомнительную сделку.

Мендос начала прощаться, и, разумеется, Натан незамедлительно запросил гонорар. Когда в бескомпромиссной борьбе он победил свое естество и с тоской в глазах отказался от интимного рандеву, предложенного в качестве оплаты, мессиканка открыла перед ним чемодан, с которым не расставалась в дороге ни на минуту. Внутри обнаружились… купюры. Новенькие, хрустящие, с портретами каких-то мужиков, иных с бородами, других — в комичных париках с косицами, наподобие судейских. На бумажках с цифрой 100 красовался портрет щекастой девицы, чванливо щурящейся на зрителей. Рожи не внушили Натану особого доверия, а пытавшаяся их впарить смазливая мессиканка тут же потеряла свою привлекательность. Зато Джо с Заки стопки разноцветной резаной бумаги прямо-таки зачаровали. Под пристальным наблюдением Мендос они перебирали банкноты с трепетом и даже какой-то подобострастностью, часто произнося старинное слово «стандарт». Но Натан не впечатлился. Заявление девицы касательно обмена бумаженций на обманутый (но не желающий сдаваться) Дриббл воспринял в штыки. Эх, чем он думал, когда польстился на ее посулы? Грубо схватив Мендос за ворот выпендрежной блузки, Натан потребовал платы за проезд. Мессиканка, не моргнув глазом, предложила оставить в залог и обещала вечером вернуться с двумя канистрами топлива. Пришлось согласиться.

Договорившись встретиться с Мендос в харчевне «Лысая игуана», Натан проводил взглядом ее спину, обтянутую тонкой кремовой тканью. Наверное, следовало столковаться на интиме… Его, Натана Дриббла, элементарно развели. так это называется. Да только в данном случае речь шла даже не об отсосе, а о запечатленном на прощанье пухлыми мессиканскими губками на его тощей шее.

**

«Лысая игуана» располагалась на одной из трех площадей внешнего города. С веранды заведения открывался вид на дощатую сцену, возводимую для завтрашних дебатов. Горожанам, гражданам и резидентам, предстояло решить, сохранит Шинкэт Ангар независимость или потеряет ее, влившись в состав Нового

Лармериканского Объединения либо Конфедерации Свободных Городов, подмявшей, по слухам, Мессику и внушительную часть Южной Лармерики. Об этом трубили отпечатанные на сурковых шкурах и развешанные повсюду высокопарные манифесты.

Также от нашего столика просматривалось дерево, что, поверьте, куда интереснее каких-то там дебатов. Шинкэтцы величали его Старым Лораном.

Уцелевший в войне исполин возвышался над городом, осеняя кучерявой зеленой кроной соседний холм. Но его благополучное существование явно приближалось к концу. Вокруг суетились люди, стояла наготове строительная техника, кто-то делал отметки на морщинистой коре.

Какому идиоту в наше время взбрело в голову погубить ? Местному градоначальнику, очевидно.

Завсегдатаи вокруг шептались про установку орудия ПВО на плоской вершине, где растет Старый Лоран. Якобы есть довольно большая вероятность вторжения войск НЛО или КСГ, или всех вместе. Конфедерацию с Объединением разделяла постоянно сужающаяся их стараниями полоса свободных земель, которые они расхватывали, как покупатели — горячие пирожки на рынке. И вялая вражда обещала вот-вот перерасти в полномасштабную войну.

Чем хиленькая огневая точка поможет Шинкэту, если какое-то из государств примется за него всерьез, непонятно. Гиблое дело! Лучше бы берегли свое древо, наверняка не зря дожившее до наших дней.

Для цыган все это означало только одно — дела в городе нужно завершить быстро. Ведь даже непробиваемому дуралею (а уж таким прожженным бродягам, как мы, и подавно) известно: лучше связаться с бандой кочующих людоедов, нежели с любым из новоиспеченных правительств.

— Присмотрись к , мелкий Джо. — Туве указала вдруг Хайду на дерево на холме. — В его корнях можно свить отличное гнездо и исполнить эффектный танец. Завтра — Последний День Лета.

Похоже, данная тема стала для Джо болезненной: он скривил совершенно невероятную харю — будто шершня проглотил. Как бы отреагировал Аксель, заяви я ему такое?

**

Когда стейки из мяса игуаны были съедены, а пиво и приятный местный ликер выпиты, часть таборчан пожелала прогуляться по внутреннему городу. Предполагаемое свидание с Мендос намечалось на пять вечера, поэтому времени на торговлю и удовлетворение праздного любопытства хватало с избытком.

Итак, оставив Акселя потягивать пивко в «Лысой игуане», а Элейн и Заки, у которой опять разболелась голова, приглядывать за караваном, мы отправились поглазеть, какие же чудеса скрываются за высокими белыми стенами с пулеметными вышками.

Разумеется, внутри нас никто не ждал. Клерк в маленькой будочке за пуленепробиваемым (о чем извещала соответствующая надпись) стеклом и мощной решеткой, придирчиво осмотрел мусор, приволоченный Натаном «на обмен», и довольно резко предложил бродячему отребью, то бишь нам, торговать хламом на нижнем рынке. Скорее всего, именно этим мы и занялись бы, не окажись с нами Данике. Несколько лет назад, как выяснилось, он что-то вырезал племяннице клерка. Судя по всему, удачно, поскольку девушка была до сих пор жива-здорова и даже успела выйти замуж. Док развлекал болтливого чиновника не меньше получаса. Думаю, трепотня продолжалась бы куда дольше, но у Данике начал уставать палец, давящий на кнопку переговорного устройства (из-за бронированного стекла звуки доносились едва-едва, и общение происходило посредством репродуктора). В итоге мы получили вожделенные пластиковые жетоны, позволявшие шляться в малом кольце на протяжении двух часов. Нас запечатлели на тут же выплюнувшую наши, а вот металлоискатель не работал.

Загвоздка возникла с мутантами: конечно, в верхнем Шинкэте их видеть никто не хотел. Туве отнеслась к выказанному охраной отвращению спокойно, а вот Декстера пришлось оттаскивать, хотя, по-моему, он больше фиглярничал, чем взаправду сердился. Меня к «уродцам» не приписали благодаря полезной привычке прятать уши, мое единственное явное отклонение от пресловутой нормы, под шапкой, банданой или капюшоном. Отмечу кстати, что на сей раз оружие безропотно сдали все, даже Тиана с Кирной.

**

Внутренний город разительно контрастировал с кучей дерьма, которую называли городом внешним. Ровные улицы, аккуратно

оштукатуренные фасадыфонтаны опять же, Подумать только, мэр расточал воду на орошение ! Выкрашенные в белый скамейки живо напомнили мне Идэнский купол. Роботы, сами о том, поди, не зная, воплотили у себя характерные черты сытого жирного благоденствия, на которые я натыкаюсь там и тут.

Мы ощущали себя зоопарком на выгуле, так на нас пялились. Позырить на запыленных дикарей скликали друзей, соседей, родственников, коллег. Правда, и «дикари» расплачивались той же монетой — я зевакам даже рожи корчила. Обитатели таких мест изрядные домоседы: некоторые за всю жизнь ни разу не выйдут за периметр городских стен, считая общение с окружающим миром ниже своего достоинства. Но вот пожаловал к ним в гости, не прошен, не зван, но притягателен, как все недоступное и опасное.

Перво-наперво цыгане посетили автомастерскую, где Натан прибарахлился очередной деталью для своей бегемотовидной машины, потом, по настоянию Данике, заглянули в поликлинику и задержались там надолго. Док не преминул побалакать с местными эскулапами о чуме, политике и прочей ерунде, пока мы просиживали мягкие, удобные, даром что потрепанные, кресла в холле. Подозреваю, будь у нас побольше времени, они бы и погоду обсудили. В результате шинкэтский врач пообещал похлопотать о карте резидента для Данике, если он подменит одного из его ассистентов на предстоящей важной операции. С этого момента слушать стало интереснее.

В городе гостила конфедератская делегация. Суровые мессиканские мужчины вели серьезные разговоры с мэром и влиятельными гражданами, планировали произвести фурор на завтрашних дебатах (НЛО вообще не прислало представителя), а заодно поправляли здоровье. На территориях, подконтрольных КСГ, уровень образования и, как следствие, медицины, оставлял желать лучшего. Повсеместно продолжали практиковать ведьмы, цирюльники и блаженные.

Как бы то ни было, местный врач всерьез беспокоился за судьбу родного города, посему старался обслужить пациентов по высшему разряду. Данике согласился поспособствовать налаживанию добрых отношений Шинкэта с КСГ и принялся ознакомляться с историей болезни своего будущего подопечного. А мы, сообразив, что высоконаучная беседа затягивается, помахали доку ручками и

навострились побродить еще. Какое-то время нам всем было по пути, но уши подсказывали мне: единодушие не продлится вечно.

В итоге пришлось вернуться по своим следам к воротам, где висела карта территории. Сверившись с ней, полуграмотный Сагерт с немалым трудом отыскал магазин Гильдии работорговцев (во внешнем городе промышляли только свободные агенты) и пригласил всех прогуляться с ним. О Кирне и поминать нечего — она таскается за Сагертом, как хвост за Королевским Тушканом. С ними зачем-то увязалась Тиана. Надеюсь, эти трое не отчебучат что-нибудь непотребное… Хотя к чему обманываться? Сама я скрепя сердце отмела идею присоединиться к Сагерту и компании — вряд ли мое присутствие сократило бы количество сделанных ими глупостей. Просто меня больше увлекала идея починки минигана, поэтому я стремилась в оружейную лавку, наверняка обширную и богатую, если она здесь есть. Натан направился в магазин, намереваясь загнать подороже свои рисунки. Ага, держи карман шире! Они ж не для чтения! Он бы еще в библиотеку попытался пристроить стыдных баб! Уж не изменила ли Дрибблу его деловая хватка после случая с Мендос?

**

Птицын, как обычно, еле плелся, не обращая внимания на понукания Тома, вяло жалуясь на свою старость, угнетенность, трезвость и прочую лабуду. Зачем такому самостоятельному парню этот дряхлый грусский пень? Неужели Томми не способен прошвырнуться по магазинам один? А причина вполне заурядна: даже сейчас маленькому мальчику могут не продать столь необходимые ему сигареты, алкоголь, оружие или девочку. На все один ответ: «Не рановато ль, шкет?» Кругом ханжи…

Парочка ввалилась в магазин — очень солидное заведение, как и любое другое в верхнем Шинкэте. Стеклянная витрина представляла различные орудия убийства, дверь с колокольчиком исправно впускала посетителей, просторный чистый зал был забит под завязку столами, выставочными стендами, стеллажами с товаром. Удивительно, к чему бы шинкэтским рафинированным домоседам такой богатый ассортимент огнестрелов, клинков и брони?

Продавец встретил вошедших неприветливо, безошибочно опознав бродяг из пустошей, а когда унюхал Владилена, так и вовсе

приуныл.

— Не скажешь ли, сынок, есть у тебя патроны для пулемета типа ГШГ? — отменно вежливым тоном обратился Птицын к торговцу.

— Я тебе, босяк, не то что патронов, ржавого ножика не продам, — заявил мужик, опустив руку под стол с кассой.

К сожалению, у гроссийца, пережившего войну и Долгую Зиму, отшагавшего много километров в одиночку по Эос, обитающего наконец с такими засранцами, как цыгане, по сю пору душа не загрубела, оставаясь ранимой и нежной, поэтому хамство повергло его в ступор. Ну, для защиты от всякого рода невеж у Птицына нынче имелся Том.

— Эй, барыга, ты старших-то уважай! Дедуля еще войну застал! — прикрикнул пацан, ободряюще шлепнув по плечу обидевшегося Владилена.

— И чо? — быковато поинтересовался торговец, незнакомый с довоенной истиной «клиент всегда прав».

— Дедуля умеет убивать, — вкрадчиво произнес Том и оскалился.

Продавец приподнял брови и выпятил нижнюю губу, похоже, прикидывая не застрелить ли баламутов на месте. Но — то ли у горожан кишочки совсем истончились, то ли им возбранялось устраивать разборки самочинно — дядька вынул руку из-под кассы, взял телефонную трубку, крутанул диск и лениво обратился к незримому собеседнику.

— Слушай, кто сегодня на КПП дежурит?.. Ага. Я бы отчихвостил хорошенько! Пускают шваль всякую! Да тут мне двое оборванцев угрожают… Ага, ну бывай, спасибо.

Окончание разговора застигло Тома и Владилена в дверях — они решили ретироваться до прихода блюстителей порядка. Торговец проводил их брезгливым взглядом, хмыкнул и вернул со вчера неработающую телефонную трубку на рычажки.

**

Сагерт с интересом рассматривал особняк филиала Гильдии, совсем небольшой, но роскошный, с собственным тенистым огороженным скверико м. В таких местах не продавали «расходных» невольников вроде мусорщиков, полевых рабочих и шахтеров. Здесь богатый клиент мог подобрать себе наложницу или даже жену, найти

человека на роль дворецкого или садовника. Немного опережая Кирну с Тианой, Сагерт зашел внутрь.

В приятном полумраке, мягко рассеиваемом несколькими цветными светильниками, его встретил консультант. Первым делом он негромко и слегка заискивающе полюбопытствовал, какую плату Сагерт назначит за девушек. Наибольший интерес, к вящей досаде Кирны, вызвала эффектная Эльхаим.

— За брюнетку вы получили бы хорошую цену, — продавец заговорщицки подмигнул Сагерту и бросил очередной восхищенный взгляд на Тиану.

Та завороженно пялилась на потрескивающую лампочку за плафоном придверного бра. В ее широко распахнутых глазах вибрировало отражение раскаленной докрасна спирали. За несколько секунд она ни разу не моргнула.

— У нее точно все в порядке с головой?

— Да что вы! — Сагерт усмехнулся. — Какая женщина может этим похвастаться?

Кирна привалилась к дверному косяку, выставив в разрез юбки ногу в высоком сапоге. Только слепец не способен рассмотреть в Эльхаим симптомов безумия. Девка точно с приветом! И никакой красотой (кстати, довольно-таки неопрятной) это не прикроешь. Впрочем, ей ли не знать, сколько болванов ошивается в Гильдии? Но даже невнимание к ней такого болвана вздымало в блондинке маленькие вихри ревности и досады.

Поскольку ни одна из спутниц клиента для продажи не предназначалась, диалог перешел в иную плоскость. Скорее всего, в ней он и остался бы. Вновь Сагерт прикинулся придирчивым покупателем, на самом деле не определившимся, чего хочет, и позволяющим убедить себя. Когда консультант, кивнув напоследок, удалился в демонстрационный зал, из боковой двери появился элегантно одетый мужчина с тарелочкой. Увидев Кирну, он выронил свой обед (блюдо грохнулось об пол, заляпав драгоценный паркет) и выпучил глаза.

— Кирночка, душенька, ты ли это? — отвесив хорошего пинка бою-полотеру и небрежно указав на осколки в золотистой луже, мужчина двинулся к девице. — Неужели передо мной тот самый

дикарь, из-за которого ты обгадила всех нас? Неплох жеребчик, неплох…

С такой рожей виселицы не избежать, как говорится. В лице Кирниного знакомца приятные, в общем-то, черты, таили за собой какое-то уродство — словно на заплесневелую доску положили слой свежей яркой краски. Сагерт мысленно решил, что наглецу как минимум не избежать перелома челюсти, но предпочел не торопить события.

— А вы, собственно, кто? — дружелюбно поинтересовался он и протянул руку, скрыв, как в подобных случаях рекомендовал Учитель, разгорающиеся эмоции пологом бесстрастности.

— А мы, собственно, занимаемся отловом и продажей таких, как вы. — Если бы взгляд мог обжигать, во лбу Сагерта уже дымилась бы приличных размеров дыра. Однако типчик ответил на приветственный жест и продолжил фальшиво церемонничать: — Кирна, ты затеяла опасную игру. Охотники за головами наступают тебе на пяточки, милая. О, не нервничай так! От волнений женщины дурнеют. Мы же цивилизованные люди.

На виске Кирны под перламутровой кожей пульсировали голубоватые венки. Вне всяких сомнений, будь при ней оружие, кровь уже лилась бы ручьем. Или, скорее, била фонтаном. Но, как подсказывал опыт Сагерта, безоружность ненадолго отложит припадок Кирниной ярости, если не вмешаться.

— Триша, выведи клиентов на воздух. У нас тут возникло крохотное недопонимание, — с гадской ухмылочкой проворковал работорговец в серый пористый шарик на отвороте жилета.

В дверном проеме, загородив его почти целиком, показалась огромная негритянка. Сагерт отметил, что охват Тришиного бицепса самую малость уступал аналогичному параметру его собственного бедра. Сделав это интересное, но в целом бесполезное наблюдение, боец раздавил трепливому красавчику кисть правой руки.

Инцидент стал сюрпризом для всех, кроме Кирны, — она уже двинулась навстречу чернокожей охраннице. Именно в такие моменты Сагерт в полной мере сознавал, почему он ценит девицу. В принципе шансы уложить всех присутствующих были неплохими, но наверняка в здании полно еще работников отрасли: вышибал, охотников, консультантов. Поднимется шум, всполошатся городские власти… Нет,

пока негритянка тупо вытаращилась на босса, уборщик замер над картофельно-мясным шлепком, насмерть перепуганный консультант прилип к дверному косяку, а жертва сагертовской жестокости тихо скулит от боли, надо уходить.

Сагерт подхватил за талию Тиану, в изумлении сыпавшую табак из кисета себе на колено, кивнул Кирне, и они вместе выскочили наружу. Но планом дальнейших действий никто из них не озаботился, поэтому, когда спустя считанные минуты троицу окружили служители правопорядка и предложили проследовать в офис шерифа, даже Кирна не посмела им возражать.

**

Отведенное нам время истекло. Мы с Владиленом отирали пластиковую лавочку у ворот, дожидаясь остальных гулен. Наша попытка приобрести детали для нерабочего пулемета с треском провалилась. Ну да, гроссиец смердит, но кто сейчас может похвастаться образцовым соблюдением гигиенических норм? Пришлось покинуть внутренний город раньше положенного.

Наконец на пропускной пункт вернулись Натан и Данике, также закончившие свои дела. Дриббл, кстати, навестил оружейника после нас и добыл-таки искомую запчасть, выслушав попутно жалобы на вонючих оборванцев, шатающихся по Шинкэту. И да, срамных рисованных баб он умудрился пристроить всех до единой!

На выходе нас предупредили, что некоторые из наших друзей задержатся в офисе шерифа — Сагерт с девчонками вляпались в неприятности. В какие именно? Подробностей служащий не знал, однако уверял, будто не случилось ничего страшного. Так, пустяковое недоразумение. Святая простота! Да он даже не представляет, какого масштаба недоразумение способны организовать эти трое!

Следовательно, дробовик и огнеплюй переночуют в таможенной камере хранения, в ящичках для запрещенного к проносу имущества.

Смущенные и обеспокоенные, мы удалились.

**

Мда, положеньице не из легких. Да что там не из легких — откровенное дерьмо. Говорю вам, уши не ломит из-за ерунды! Стоящий перед нами и орущий благим матом Аксель служил наглядным тому доказательством.

Мендос не просто развела Дриббла на услугу. Хотя, в конце концов, не ахти какой подвиг — подбросить девку до города, если тебе по пути. Мы влегкую пережили бы отсутствие условленной платы, только Натан сердился бы. Но мессиканка посягнула на цыганское имущество! Точнее на самый ценный, по мнению Акселя, предмет в таборе — коробочку с посланием для Старших Братьев. Во время приснопамятного разрыва Дриббла с Элейн Мендос провела в трейлере около часа, якобы желая дать «супругам» возможность для примирения. Похоже, мерзавка вдосталь пошарила по нашим рюкзакам да чемоданам, умыкнув под шумок коробейку. Вероятно, мы и еще чего-нибудь не досчитаемся позже.

Все же Аксель редкостный еблан! Как в одном человеке уживаются еблан, хитрожопый цыган и мечтательный романтик, выше моего разумения. Коробка отыскивалась в самых неожиданных местах: в хлебнице, среди объедков на разделочном столе, под кроватью, в детской коляске. Однажды я наткнулась на нее, надевая утром ботинки, то есть она лежала в одном из них. Если б не уши, я решила бы, что цыганин опять забыл, где оставил свое сокровище. Мда, образцовое ведение хозяйства не являлось Акселевой сильной стороной. В общем, поиски ни к чему не привели. Эх, Мендос, поди, прихватила устройство так, от нечего делать. Все мы немного вороваты. Жизнь быстро учит: «Плохо вещь лежит? Бери, не раздумывай!» Обменяет теперь его на банку тушенки.

Да уж. Славные заголовки для газетных статей получились бы. «Арестованы трое бродяг», «Странная хворь поразила Захарию Джонстон. С головными болями не шутят». А это в колонку «Ищем. Ждем»: «Пропали люди, девушка и парень. Отзываются на имена Туве и Джо. Не агрессивны. Она рыжая и в купальнике, он темненький и в белом халате». И на закуску (самым крупным шрифтом) — «. И, кстати, куда намылился Декстер? А-а-а, ладно, какая разница! Всего-навсего еще одна строчка в колонке «Происшествия», извещающая о бесчинствах хвостатого мутанта на улицах.

Уши продолжали зудеть. Я пообещала себе две вещи: навести порядок в трейлере и носить отныне заветную коробку при себе. Если нам удастся ее вернуть, конечно. Коли ебланов так обильно просыпали на многострадальную Эос, надо дать им отпор, взяв инициативу в свои руки.

Нет, вы только послушайте! Этот возмутительный ротозей уже шутит:

— Зато до конца наших дней мы сможем подтираться настоящей бумагой, а не пыльными листочками и травой! — воскликнул цыган, потрясая пачкой банкнот, извлеченных из мендосовского чемоданчика.

Ага, так Натан ему и позволил добро на говно переводить!

**

Дебоширов препроводили в чистое опрятное помещение рядом с офисом шерифа. На его истинное назначение намекали только решетки вместо дверей и отсутствие окон. Вновь прибывшим выделили камеру с двумя койками, пообещав вскорости принести еще одну. Говорили с ними предельно вежливо, словно даже мысли не допуская, будто посетители задержатся надолго. Однако, по прикидкам Сагерта, их здесь запрут если и не навсегда, то лишь потому, что раньше отдадут в лапы Гильдии. Боец уже сообразил: работорговцев в Шинкэте недолюбливают, но с их авторитетом (а главное, вкладом в городской бюджет) считаются.

Решетка лязгнула, оставив троицу в тягостной тишине, нарушаемой лишь журчанием воды в унитазе.

— Вот мудила! — возглас Кирны взрезал безмолвие, как ножницы — ткань.

— Кто? — вяло поинтересовалась Тиана, закуривая.

— Коллега, мать его! Когда-то я обещала отрезать ему яйца. Так и следовало поступить! — угрюмо пробурчала блондинка и улеглась на нижнюю койку спиной к проходу. — Разбудите, если что.

Сагерт запрыгнул наверх, а Тиана хлопнула крышкой толчка и уселась на нее. Через некоторое время она заскучала. Вынув из кармана коробок, девица принялась пулять зажженными спичками, стараясь дострельнуть до решетки. Когда явился тюремщик с дополнительной койкой, пол камеры был обильно присыпан обугленными палочками, и к ним продолжали добавляться новые. Одна упала на сапог надзирателю, таки вылетев в коридор, — Тиана .

— Девушка, тут, между прочим, убираются! — возмутился мужчина. — Прекратите!

— А если не прекращу, то что? — не глядя на собеседника, спросила Эльхаим.

Тюремщик обреченно вздохнул. По долгу службы ему приходилось регулярно сталкиваться с законченными социопатами. Каждый раз он взывал к высшим силам, требуя восстановить справедливость и перекинуть проблемных на чужое дежурство, но проку от его молитв не было. Мужик отставил кровать, перехватил дубинку поудобнее, поправил шлем и отворил дверь.

Но применить силу надзиратель не успел. Неожиданно здание завибрировало, как кусок желе на тарелке в руках алкаша, снаружи раздался заливистый басовитый гудок, и в следующий миг торцевая стена камеры рухнула внутрь грудой обломков. Тюремщик, потеряв равновесие, повалился вперед. Тиана вскочила и отдернула ногу, таким образом избавив себя от малоприятной травмы колена, и мужик впечатался лбом в цементный пол — шлем высек сноп искр. Двухэтажную койку, где лежали Сагерт и Кирна, повалило и хорошенько припорошило осколками и пылью. Никто не пострадал. Вряд ли можно считать падение с верхней полки хоть сколько-нибудь серьезным ущербом сагертовскому здоровью.

— Тащи сюда свои буфера, женщина! — донесся из желтоватой дымки крик Декстера. — И все остальное не забудь!

Дальнейших уговоров не понадобилось. Эльхаим только немного задержалась, снимая шлем с надзирателя, — уж очень он (шлем) ей приглянулся.

Королевский Тушкан решил обставить спасение друзей с помпой, посему позаимствовал (и планировал вернуть, правда!) бульдозер. Сначала он присматривался к технике на холме с деревом, но быстро смекнул — надежнее сигануть через стену на своих двоих и уже внутри искать подходящий таран. Только один вопрос его занимал сильнее, нежели вызволение Эльхаим: какого хера девчонка связалась с больными на всю голову Сагертом и Кирной?

Правда, следовало признать, у самой Тианы крыша тоже протекала. Вот и сейчас, вместо того чтобы тихонечко, переулочками, выбраться из города, красотка влезла на водительское сиденье бульдозера, оттеснив Декстера. С другой стороны высокую кабину уже штурмовали Сагерт с Кирной. Так единственное более-менее здравомыслящее существо в этой компании оказалось зажатым посередине.

Сагерт ожидаемо предложил наведаться к зданию Гильдии вторично и воспользоваться бульдозером по назначению — сровнять с землей логово работорговцев. Декстер заорал дурным голосом, пытаясь донести до безумца мысль о необходимости покинуть внутренний город сию же минуту, но в ответ не удостоился даже взгляда. Впрочем, Эльхаим, сплюнув окурок в окно, отказалась ехать куда-либо, кроме ворот. Даже странно — обычно девица не упускала шанса поучаствовать в погроме, скорее всего, из-за начинавшихся следом пожаров. Но покамест Декстер успокоился и поверил в удачу. Сагерт вместе со своей блондинкой выпрыгнули из кабины и скрылись в боковой улочке.

На всем пути следования бульдозера не встретилось ни одного прохожего, тем более героя, желающего остановить распоясавшихся дикарей. Наверняка у них тут работала некая система оповещения. Тем лучше.

Вожделенная свобода неотвратимо приближалась — вон они ворота, охраны не видать, будка КПП пустует. Скребок задел лавочку, с грохотом выворотил ее и протащил за собой пару метров. Декстер ликующе гикнул, подпрыгнув на сиденье. Вдруг из дверей здания напротив выскочил дюжий детина с грязно-зеленым тубусом на плече.

— Женщина, поднажми! — истерично завопил Тушкан, вспомнив, где и при каких обстоятельствах он познакомился с таким же

Мужик припал на одно колено, на долю секунды глянул в перекрестье прицела и нажал на спуск. Снаряд, на счастье пассажиров, попал в нижнюю кромку бульдозерного скребка, разворотив брусчатку и весь массивный перед машины. В последний момент Тиана успела выброситься из кабины, поэтому волна осколков, капель расплавленного металла и воспламенившегося горючего коснулась ее лишь вскользь. Почудилось или нет, но, похоже, Декстер помог ей живительным пинком преодолеть большее расстояние. Сам Тушкан остался внутри… Тут в затылок девушке прилетел булыжник, и сознание покинуло ее.

**

— Эй, Джус, а ты красавчик! — из КПП выбрался перепуганный клерк, бледный, но довольный. — Идите-ка, проверьте, все ли подохли.

Поименованный охранник отложил базуку и направился к раскуроченной машине. Да кто переживет такое? Мужик удовлетворенно хмыкнул, окинув взором поле боя. Вот брюнетка, вот парень, небось тот, который раздробил запястье служащему Гильдии — а, впрочем, кто же еще? — не было блондинки. Об отсутствии третьего трупа Джус сообщил по рации в офис шерифа — искать бабу в городе теперь его забота.

Клерк вздохнул и крикнул в дверь сторожки:

— Давайте-ка их в морг. И вызовите кто-нибудь ремонтную бригаду — здесь прибраться не мешало бы.

Декстера извлекли из кабины. С мертвяками особо не церемонились: волокли держа за руки. В общем-то, для этого хватило бы и двоих, но клерк, официально начальствующий на КПП, разрешил прогуляться всем. Мужчины считали, что заслужили перекур, тем паче идти-то недалеко — минут пять от силы.

**

Так как и трое дебоширов, и воровка находились в кольце внутренних стен, предстояло вторично упросить служащего на КПП выдать нам жетоны. На сей раз Аксель сопровождал нас, настолько его волновала судьба коробочки.

Естественно, по закону подлости, из будки смотрела строгая незнакомая харя, заявившая, что приемный день для иноземцев окончен. Данике употребил все свое обаяние и такт, выясняя, какая участь ждет наших арестованных друзей, можем ли мы навестить их и нельзя ли обменять горемык на что-либо. Клерк, наблюдая через стекло честное, спокойное и вполне цивилизованное лицо дока, отважился поделиться своими соображениями.

— Понимаете, ваши друзья как бы даже не нарушили ни одного закона. Здание Гильдии — суверенная территория, на которой действуют ее собственные правила. Вроде бы шериф должен передать нарушителей в руки гильдийцев, но есть множество нюансов. Зная нравы работорговцев, городские власти стараются не допускать их собственного правосудия. Изувечили их человека, но имела место перебранка, в ходе которой он оскорбил ваших спутников, драка случилась в здании, но арестовали «обидчиков» уже на улице. То есть у суда будут лишь устные показания обеих сторон и распоряжение

мэра обойтись без кровопролития накануне дебатов, — клерк потер переносицу и добавил: — Вероятно, вы отделаетесь штрафом.

Столь неясная перспектива нас пока устраивала. Наверное, троице будет полезно посидеть взаперти, подумать, угомониться.

Но мы все еще оставались снаружи, а коробочка с посланием Старшим Братьям — внутри. Раз не удалось легитимно войти, придется найти кружные пути. Все мрачно уставились на гладкую белую стену, увенчанную пулеметными вышками.

— Эй, пс! — донесся сзади чей-то шепот. — Я слыхал, вам внутрь надо?

За нами в некотором отдалении топтался мужик, неуловимо похожий на Владилена, то есть пожилой, лохматый, чумазый и вонючий. Правда, несло от него гораздо хуже, чем от Птицына: мочой, помойкой, застарелым потом, блевотиной и… тиной. Он поманил нас и вразвалочку удалился в замусоренный переулок. Недоуменно переглянувшись, мы тем не менее последовали за ним.

— Я заметил, вы ребята крутые, на хрена вам туда? — оборванец махнул рукой в сторону ворот верхнего города.

— Тебе-то чо? — борзо выступила я.

— Да так, идейка есть, — самодовольно ответствовал мужик, покачиваясь с носка на пятку и шевеля грязными пальцами ног в прорехах рваных чоботов.

— Вокруг да около не юли — выкладывай!

— Полегче, пацан! Тебя не учили старших уважать?

— Я тя щас уважу! — не побрезговав ухватить опешившего люмпена за полу жилета, я выхватила бумеранг, поймав заточенным лезвием отсвет фонаря.

— Ладно тебе, Том. Кажется, дядя готов беседовать конструктивно, — Данике сжал мое запястье.

Мужик выдохнул (ох, лучше б мне тогда очутиться подальше от него!), поправил одежу и поведал нам свою незамысловатую историю. В подробности он не вдавался, сообразив, что мы торопимся: «Хочу подгадить ублюдкам. Выгнать меня! Гражданина во втором поколении! Видите ли, я — бесполезный элемент!» — много эмоций, но суть выражена четко. За бутылочку крепенького, хороший обед и посещение борделя мужик обещался показать тайный ход за стену.

Удачно! Однако никто из нас не выдал радости, еще и поторговались для порядка.

Наконец, ведомые оборванцем, мы углубились в лабиринт кривых улочек нижнего Шинкэта. В одном из тупичков он топнул по еле заметному люку канализации и потребовал награду.

— Двинешь с нами! — процедил Аксель, зацепив мужика за петлю на рубахе. — Нырять в какашки веселей в компашке. Иначе ни пивных кружек, ни мокрых шлюшек, ни хлебных краюшек тебе не видать. Все ясно, немытая блядь?

В продолжение коротенькой сценки между цыганом и босяком, тщетно старавшимся вырваться, Натан с Данике сняли крышку люка, подавшуюся с неожиданной легкостью. Мы по очереди соскользнули в непроглядную тьму древнего санитарно-технического сооружения. Здесь уже было сухо. Лишь местами попадались болотца (вот почему наш благодетель попахивал тиной), а так ложе каналов везде покрывал затвердевший слой ила и мусора. У Натана в бездонных карманах нашелся фонарик, озаривший каменную кладку сводов, содержимое центральной канавы и узенькие «тротуары» по бокам. Решили продвигаться посередине, дабы избежать падений и ударов о свод, понижающийся иногда за счет известковых наростов.

Оборванец некоторое время отпирался и причитал, но Аксель быстро привел дядьку в чувство, посулив отстрелить ему яйца при несогласии сотрудничать. Угроза подействовала. Несчастный же не знал, что «злодей» на самом деле применяет оружие только в крайних случаях. Хотя, кажется, утеря заветной коробки являлась таковым — цыганин не шутил.

Путешествие по катакомбам заняло от силы минут двадцать, и вот мы забрели в закуток с лестницей наверх. Вниманием проводника завладел Владилен Михайлович, считающий своим долгом успокоить человека. Он достал из-за пазухи потертую фляжку, и деды устроились в нише неподалеку А я полезла разведать обстановку.

В щель между приподнятым люком и мостовой мне открылась занимательная картина: толпа вооруженных мужчин, окружившая искомую мессиканку. Судя по всему, они как раз созрели для старой доброй перестрелки.

Съехав обратно по вертикальным стойкам лестницы, я обрисовала ситуацию. Гибели девицы допустить было нельзя. И тут Натан,

потеребив ухоженную бородку, предложил спровоцировать бойню самим, загодя вытащив мессиканку из гущи событий. Толстосум, как обычно, вышел из «дома» не с пустыми руками. Для успеха операции трое выбирались наружу: первый стрелял из духового ружья транквилизатором (жертва падает), второй кидал аркан, третий метал связку петард (Мендос уже тянут потихоньку к люку) и кричал что-нибудь типа: «Наших бьют!» Да уж, голь на выдумку хитра…

**

С Тианой и Декстером особо не деликатничали, считая их мертвыми. Тяжелые сапоги Эльхаим глухо отстукивали по брусчатке, вторя шаркающей поступи носильщиков. Вдруг полицейские остановились. Девушка осторожно повернула голову.

Темные фигуры образовывали неровный круг в свете фонарей. На ружейных дулах и арбалетных дугах играли тревожные отблески, в густых тенях под полями шляп угадывались хмурые напряженные лица. Близился. Причиной которого, похоже, была одна знакомая Тиане мессиканка, одиноко стоящая посреди этого покамест спокойного моря самцовой агрессии. Эльхаим вспомнился поэтический термин «затишье перед бурей».

Свалив «трупы» под стену универсального магазина, стражи, перебросившись парой фраз и достав оружие, со всех ног ринулись на площадь. По-видимому, им не терпелось расстаться с жизнью. Декстер пошевелился и замычал. Тиана подползла к приятелю и заткнула его весьма нетривиальным способом — навалившись сверху. У данного маневра имелась и другая цель: прикрыть его от пуль и осколков, которые вот уже скоро посыплются дождем.

**

Никогда еще за свои двадцать пять лет Мендос не оказывалась в столь затруднительном положении. Впрочем, это определение не совсем подходило для создавшейся ситуации. Когда ты стоишь посреди оравы мужиков, держащих свои пальцы на спусковых крючках арбалетов, револьверов и винтовок, смотришь на скотовода, неизвестно где разжившегося ручным пулеметом, и знаешь, что детка, они все здесь собрались… Для таких случаев есть куда более подходящие определения. Например: «на волосок от смерти», «по уши в дерьме» или «гребаный пиздец».

Нынче Мендос была очень даже важной персоной, ведь в нагрудном кармане ее куртки покоились блокнотный листок с кодами от замков шинкэтского убежища, серебристый диск с подробной схемой подземных коммуникаций и новехонький внутренний накопитель, который она планировала обменять в новоошингтонском универсальном магазине на платье с . Деньги, конечно, хороши, но даже на подконтрольных НЛО территориях к ним относились с недоверием. Что ж, справедливо — это всего лишь разрисованные бумажки. Поэтому Мендос так легко отдала набитый ими чемодан потешному олуху, живущему в огромной машине.

Мэр Шинкэт Ангара был неглуп, самонадеян и упрям, но, как многие мужики — охоч до красивых девочек. Потому-то к нему прислали именно Мендос. Мало кто подозревал, насколько ограничено в средствах «всесильное» НЛО. Даже городок с жалким двойным кольцом стен мог обойтись директорату дороже, чем он имел право себе позволить.

Мендос извлекала выгоду из мужских слабостей лет эдак с девяти, и за прошедшие годы достигла если не совершенства, то как минимум неоспоримого мастерства. Пока идиотина-мэр дремал, наигравшись с высокой грудью, круглыми ягодицами и ее тела, вполне заслуживающими восхищения, мессиканка без проблем скопировала искомые коды и схемы. Если уж ты разобралась в мужчинах, то во всем, что они создали, разберешься и подавно. В , оружии, автомобилях…

Беды, как водится, начались с маленькой ошибки. Опасаясь постоянно держать добычу при себе, Мендос спрятала ее в своих апартаментах, оплаченных высокопоставленным любовником. Учитывая, насколько неограниченный доступ мэр имел к ее телу, отказать молодой авантюристке в логике было бы несправедливо. Попадись она, и прозябать бы ей в тюрьме или примерять ржавые колодки на рынке внешнего города. Поэтому, когда она покинула Шинкэт в поисках места с для телефона и наткнулась на эндейцев, коды очутились вне досягаемости.

Разумеется, сидя в бетонном подвале, треклятым мобильником не воспользуешься. Но, даже если бы своенравная штуковина внезапно ожила, Мендос без кодов интересовала НЛО не больше, чем всякая другая миловидная мессиканочка, иными словами — никак. А потому

за ними следовало вернуться и завершить сделку. Помнится, она испытала неистовую, почти экстатическую радость, когда за день езды до Шинкэта трубка наконец ответила ей: голос капитана Наттока ласкал слух, как мелодичный звон бокалов с шампанским. Эх, явись он чуть пораньше, и сейчас Мендос уже купалась бы в роскоши Нового Ошингтона: курила довоенные сигары, пила драгоценные вина и ликеры, одевалась бы в . Но жестокая судьба распорядилась по-своему.

Похоже, за четверо суток ее вынужденного отсутствия в Шинкэт Ангаре, конфедераты прознали о планах НЛО и подготовились на свой лад. Соотечественники Мендос не очень дорожили жизнью. В маленьких мессиканских деревеньках потасовки неизменно перерастали в поножовщину, в городах, несмотря на старания шерифов (а иногда благодаря им), на кладбищах ежедневно зарывали чересчур ретивых мачо, получивших болт в печень или пулю в башку. К превеликому сожалению, капитан Натток родился на севере. И оружие доставал (а тем более использовал) исключительно по необходимости. Ему и в голову не приходило, что во внутреннем кольце шинкэтских стен он столкнется с вооруженными до зубов конфедератами. Мендос, по иронии судьбы, посещала такая мысль, но она не успела сообщить капитану о своих опасениях.

Конфедерация Свободных Городов напирала на исконные лармериканские территории с яростью и упрямством быка, который, даже получив пулю между рогов, еще минут пять не сознает, что умер. Однако этот еще не встретился со своей пулей и, как наглядно демонстрировали стоящие на площади суровые люди, был умнее, чем многие считали. КСГ (как и НЛО) жаждала заполучить Шинкэт Ангар. Плодородные земли вокруг города, высокая плотность населения и хорошо налаженная торговля делали его желанной добычей для государства. Надо отметить, мэр и совет магнатов прекрасно это понимали и не торопились с решением.

Мендос не могла уяснить, где она прокололась. Наверное, кто-то из конфедератов узнал ее — она совсем не исключала такого варианта. Но ведь теперь это и не важно.

Пятнадцать увешанных оружием мачо в широкополых шляпах и пончо с одной стороны, капитан Натток, прибывший в Шинкэт под личиной богатого купца, сжимающий два миниатюрных пистолета-пулемета, и сержант Кирби, его помощник, со снайперской винтовкой

на крыше ближайшего дома — с другой… В роли третьей стороны выступали местные стражи порядка, тоже, как видно, не пальцем деланные.

А посреди этих головорезов — одна маленькая мессиканка, всего лишь мечтающая комфортно устроиться в теперешнем неспокойном мире.

— Хватит болтовни, — скотовод с ручным пулеметом мотнул головой. — Девка пойдет с нами.

В районе ворот раздались вопли, заглушенные ревом мощного мотора и лязгом траков. Наконец раскатистый взрыв отсек прочие шумы, точно гильотина — голову преступника. Двое шинкэтцев озадаченно переглянулись.

Снова повисло тягостное молчание. Вообще весь разговор на площади этим вечером, когда в воздухе последний раз разлились летние ароматы разнотравья, горячей пыли и листвы Старого Лорана, состоял из пауз, тихого звяканья металла и сверкающих ненавистью взглядов. Несмотря на давнее соперничество, представители НЛО и КСГ не отваживались пустить в ход самые веские и страшные доводы.

— Быстро! — ствол пулемета едва заметно приподнялся, конфедерат начинал терять терпение.

— Быстро только сурки родятся, так вроде бы выражаются в ваших краях? У девушки уже есть планы на утро, — Натток говорил так уверенно, будто за его спиной собралась вся королевская конница, прихватившая с собой королевскую рать, а не перепуганный сержант Кирби с бесполезной в сложившейся ситуации винтовкой.

Мендос хотелось рыдать от досады. В соседнем переулке послышался топот ног — похоже, к кому-то прибыло подкрепление. А еще… негромкий скрежет металла о камень. Скосив глаза в темный тупик между домами, девушка уловила какое-то шевеление. Сухой хлопок положил конец участию Мендос в мужской игре, называемой в старых вестернах «мессиканским противостоянием». Она ощутила, как подкашиваются ноги, пронзительно взвизгнула, но голос ее утонул в рокоте пальбы.

**

По поводу выпадения свинцовых осадков Эльхаим не прогадала, теперь Тушкан мог, если приспичит, орать сколько душе угодно.

Движуха началась даже раньше, чем предполагалось — полицейские еще не выбежали на площадь, а Мендос уже начала заваливаться набок, будто ватой набитая кукла. Почти одновременно с этим раздался треск петард, который Тиана с легкостью отличила от звука выстрелов, а потом собравшиеся разом надавили на спусковые крючки.

Тиана дотянулась рукой до плоской керамической бутылочки, неучтенной на таможне, оторвала от шорт Тушкана лоскут материи и засунула в горлышко. Там, где бестолковые люди держат алкоголь, она хранила иную согревающую жидкость — в основном бензин или керосин. На площади люди стреляли, кричали, падали. Некоторые стреляли даже после того, как упали. Чиркнула спичка. Емкость, кувыркаясь, вылетела из проулка. Одна из пуль тут же расколотила ее, и горящая жидкость веером расплескалась по брусчатке и телам тех, кому не повезло оказаться рядом.

Когда к хаосу взаимоистребления добавился штрих — огонь, Тиана Эльхаим почувствовала себя шеф-поваром, увенчавшим торт кокетливой вишенкой.

**

Принцесса воров вскрыла багажник «сандерклапа» шпилькой для волос. Весь табор отправился на поиски смазливой мессиканской шлюшенции, которую она, Элейн, раскусила с первого взгляда. Ну, теперь придурки всласть покувыркаются в городском говнопроводе! Так им и надо! Не послушали Элечку? Но кто хоть когда-нибудь учитывал ее мнение? Эти выпендрежники искренне считали ее тупицей. Если б не , она нипочем не осталась бы в обществе всяких акселей, натанов и прочих мудозвонов!

Но она намеревалась продемонстрировать им, чего стоит, а для того Принцессе воров была необходима винтовка. Когда она принесет заветную коробочку в табор, прикончив чернявую сучку, эти козлищи, в рот им ноги, запоют по-другому. Если пустить дело на самотек, то , чего доброго, не только выживет, но и присоединится к каравану. Мразота немного поноет перед крутыми мужиками, позаламывает в наигранном отчаянии ручонки, выпятит сиськи — и вот они уже угодливо крутят . О, Элейн знала, как оно бывает! Дрянь уже проделала это разок, вытурив ее из роскошного «сандерклапа»!

Нет, Принцесса воров не вернется к Натану. Элейн вспомнилось сбивчивое блеяние Дриббла про ловлю акул, поездку в Типпонию и полет на воздушном шаре. Вот чем он мечтал занять свой досуг! Она могла понять риск ради славы и богатства, но риск был сродни помешательству. Связывать свою жизнь с психом, хоть и богатым, Элейн не хотела. В мире полно мужчин, а Принцесса воров все еще чудо как хороша.

Наконец она обнаружила искомое — футляр с разобранной винтовкой — на дне необъятного багажника «сандерклапа», под резиновым ковриком. Похоже, Дриббл позабыл о ней, или просто давно не пользовался, или спрятал. Поставив длинную, согнутую в колене, ногу на задний бампер, Элейн ловко собрала оружие и проверила его боеготовность. Принцесса вряд ли отдавала себе отчет, что играет на публику даже в отсутствие оной. В мешочке с патронами лежало еще пять штук — негусто, но больше вряд ли понадобится. Оружие она сложила в Акселев гитарный чехол.

Захария дремала в трейлере и скрипела во сне зубами так, словно пыталась разгрызть орех или кость. Цыганка брезгливо скривилась: с ее точки зрения, чернокожие не сильно отличались от мутантов, а эта, помимо прочего, болела неизвестно чем. Разбудив негритянку (тихонько потыкав ей в плечо носком сапога), Элейн сдала ей пост таборного сторожа и направилась к внутренней шинкэтской стене.

Принцесса воров не зря получила свой титул. Элейн без особых усилий раздобыла прошлогоднее приглашение у хозяина «Лысой игуаны» и исправила имя с датой. Кабатчик очень гордился этой бумажкой, запросил за нее немыслимую цену и потому лишился ее совершенно бесплатно. Дурачков на КПП она провела влегкую. Чем крупнее калибр болтающегося в кобуре ствола, тем беспечнее его обладатель. Из правила случались исключения, но не в этот раз. К таможенной будке семенящим шагом приблизилась застенчивая певичка, ангажированная на вечер к некоему мистеру Джимсу, местному толстосуму. Она похлопала отчищенными от броского макияжа глазами, робко улыбнулась и получила суточный жетон. А как Элейн выяснила, где находится сучка? Да та, не скрываясь, назначила рандеву на Площади Собраний! Позвонила по спутику, пока Натан отлучался по нужде. Поди, думала прихвастнуть перед немытой

Элейн, дешевкой и пустынным отребъем? Ничего, скоро тупая мессиканская потаскушка ответит за все!

Цыганка удобно устроилась на плоской крыше Зала Собраний. Сейчас она выглядела воистину роскошно — изящная охотница, застывшая в напряженном ожидании. Принцесса планировала стрелять с рук. О да, они у нее на диво сильные, не ведающие дрожи! Руки, знающие свое дело.

Мужиков до крайности заводили девочки с оружием, хотя всерьез их на самом деле никто не воспринимал. Впрочем, едва ли мужчины на площади возбудились бы от осознания того, что в «месскинаском противостоянии» появился еще один участник.

Ах, как славно смотрелась вусмерть перепуганная чернявая паскудина в перекрестье оптического прицела! Элейн прекрасно понимала: жить осталось меньше минуты, но решила не жалеть патрона. В конце концов, патрон — это всего лишь патрон, а радость сладкой мести бесценна. Принцесса воров прицелилась точно между зеленых мессиканских глазок, растопивших, наверное, немало мужских сердец и наполнивших кровью куда как больше членов. Мало ли что сучка спрятала на теле? Элейн не косая, способна попасть и в голову.

Когда цыганка нажала на спусковой крючок, мессиканка неожиданно отшатнулась, и пуля вонзилась в правую грудь. Началась перестрелка. Процедив последнее ругательство в адрес девки, Принцесса залегла у дальнего бордюра крыши. Когда внизу поутихнет, Элейн получит от шлюшки все!

**

Диаметр люка позволял двоим не очень упитанным людям торчать из него одновременно. Это полностью устраивало осторожного Натана, не желающего излишне рисковать, — его почти целиком закрывал собой Аксель. Цыган, единственный, кто, помимо Дриббла, умел пользоваться пневматикой (и заинтересованный в успехе операции на все сто процентов), высунулся первым, чтобы иметь возможность толком прицелиться. Мужики на площади, поглощенные своими , наших шевелений не заметили. Я спряталась за мусорным ящиком, держа зажигалку под фитилем связки петард, а Натан, слегка покачивая рукой с подготовленным арканом, скрючился за спиной Акселя, словно огромный уродливый горб. В следующее

мгновение их дуэт пришел в движение. А я запалила на шнуре трескучую искорку и забросила связку шутих на крышу дома, под стеной которого устроилась. Пускай боятся метких вражеских снайперов!

План сработал безупречно. Тело мессиканки, опоясанное петлей, приближалось к люку. Дриббл с Акселем уже спустились вниз, я готовилась юркнуть следом, но тут в толпу прилетел горючий коктейль, внеся еще большую сумятицу в пацанскую разборку. Я знала только одного человека, любящего , и она находилась в городе. В тюрьме правда… но мало ли! Бутыль вылетела из-за дома на другой стороне нашего переулка, то есть предположительно Тиана, предположительно с Сагертом и Кирной, по счастливому стечению обстоятельств, очутились в паре десятков метров от нас. Лучший шанс вызволить их нам вряд ли представился бы, поэтому я приготовилась пересечь простреливаемое пространство, стремясь к узкому проходу между торцами зданий.

**

Лейтенант Филмор резким движением сбросил наушники. Из них раздавался стрекот автоматных очередей, тяжелый лязгающий грохот крупнокалиберного пулемета, вопли и стоны.

— Натток облажался. — Лейтенант поднялся от переговорного устройства и вытянулся во весь свой немалый рост. — Ладно, значит, будет по-плохому. Полфри, играй сбор!

Худой сутулый паренек в застиранной форме, висевшей на нем мешком, прижал к потрескавшимся губам горн. Заслышав сигнал, люди, вот уже четыре часа томившиеся в напряженном ожидании, потушили сигареты, отложили игральные кости и карты, затянули ремни и принялись грузиться в десантные вертолеты. Подготовка к штурму Шинкэт Ангара завершилась.

**

Джо не мог в это поверить. Он стаскивал ветки, сухие листья и прочий растительный мусор, обильно устилавший подножье зана, в выемку меж двух узловатых корней. Вроде бы он читал статью об этом дереве в каком-то журнале: называлось оно вовсе не «зан», а Старый Лоран, и относилось, кажется, к семейству буковых. С ним еще связывалась полумифическая история, в которой смешались магия, злодеи-гангстеры и, естественно, влюбленная парочка. По мнению

Джо, откровенная чушь, выдуманная ради привлечения туристов в округ. Ну не было в его мире ни привидений, ни колдовства, ни туве, в конце концов! Равно как и необходимости вить гнезда, чтобы переспать с какой-нибудь аппетитной милашкой. Вот танцевать — да, порой приходилось, но гнезда… Впрочем, он принял правила игры и роптать теперь не вправе.

Вокруг начинали загораться фонари — тусклые разномастные светильники внешнего города. На окраинах развели костры, хорошо заметные с высокого холма, на котором обосновался в глубокой древности Лоран, тогда еще совсем не старый. Из «Лысой игуаны» доносились бренчанье расстроенного пианино и нестройный гул пьяных голосов. Где-то в районе стоянки тоскливо плакала скрипка. Случайные прохожие с нескрываемым интересом косились на Хайда, однако не мешали ему, очевидно, принимая за подрывника. Старый Лоран оказался слишком крепок для хилых шинкэтских бульдозеров и бензопил, поэтому его предполагалось свалить хорошим зарядом взрывчатки.

Устало вздохнув, Джо присел у почти законченной конструкции. Последние отблески заката погасли, позволив звездам озарить одинокий холм, дерево и человека. Озарить сиянием, рожденным тысячелетия назад. Жухлый листок спланировал на затылок Джонатана, заставив его вздрогнуть. Хайд повертел лист в руках: громадный, похожий на дубовый, скрутившийся в трубочки по краям. Зачем он все это делает? Туве превратилась для Джо в навязчивую идею. Желание обладать ею (или по-простецки — завалить сосочку) занимало большую часть его помыслов, начиная со знакомства. Но чем девица была для него на самом деле? Хороший вопрос. Недоступная, обаятельная, бесстыдно сексуальная… Нет, последнее он приписывает ей из-за стиля одежды. Туве не принадлежала к категории девчонок, вслед которым оборачивались на улице и в подземке. Или принадлежала? Во всяком случае, Джо ее хотел.

В жизни каждого мужчины хоть раз появлялась женщина, занимавшая все его мысли ровно до момента, когда удавалось наконец с ней переспать. Сразу после интерес сменялся равнодушием, а иногда и откровенной неприязнью. В юности Джо не единожды сталкивался с подобным. Да что уж там в юности! Едва он спустил в Элейн, как ее размалеванная шлюшечья рожа начала вызывать у него тошноту. Если

только он ничего не путал, это (не тошнота, разумеется, а такая реакция вообще) коренилось в глубине мужского подсознания. Задача человеческого самца не нежиться в объятиях самки, а кормить род, продолжать род с другими партнершами, расширять территорию рода. Не закончится ли с Туве также? Она пробудила в Джо ту жгучую похоть, которую давно не пробуждали в нем женщины, но вдруг это лишь результат переизбытка свободного времени? Его работа, хобби, немногочисленные приятели, Феора и родители — весь его гребаный мир! — исчезли, растаяли, как песочный замок в приливной волне. И в Джонатановой опустевшей башке поселились упругие сисечки и плоский животик (и ушки, не забывай про ушки!) рыжей дикарки.

Тем не менее Хайд решил, что дело не только в этом. Туве стала его якорем в новом чуждом мире. Встретившись с ней до войны, Джо поостерегся бы знакомить ее с родственниками, но все равно женился бы. Пускай даже церемония состоялась бы в одной из тех придорожных часовенок, где свадебное платье можно арендовать за тридцать стандартов, а от пастора разит дешевым виски, но он точно женился бы. Потому сейчас он строил гнездо и вспоминал различные танцевальные па поэффектнее.

Потому что Джонатан Хайд был влюблен.

Кто знает, как пойдет их жизнь дальше? Уж точно не Джо. Аксель абсолютно прав: фермер из бывшего научного светила хреновый, а цыган — еще хуже, чем фермер. К несчастью, местная техника любого назначения и вида напрочь отказывалась ремонтироваться руками Хайда. Да он и не мог починить ее без инструментов, которых ему неизменно не хватало. И ремонт в его исполнении завершался фразой типа: «Я почти сделал. Недостает гайки для болта М16 с крупным шагом резьбы. Без него не поедет». Далее следовал недовольный вздох Натана или усмешка Акселя, кто-то из них сам залезал в нутро сломанной железяки, и она подчинялась их понуканиям. А болт обматывали проволокой, надевали на него колечко из резины либо заливали припоем. Продемонстрировать свои таланты в обращении с тонкой машинерией Джо не имел возможности по причине отсутствия оной, за исключением «пайнэпплбука», но его он даже побаивался после происшествия в горах.

Краем глаза Джо заметил объект своих мечтаний, сидящую на поросшем бурым мхом валуне.

— А ведь ты обещала научить меня вить гнезда и танцевать, — полушутя бросил он ей, укладывая на дно возведенной конструкции нечистые одеяла, принесенные из трейлера.

— Я с радостью помогу, если ты стараешься для кого-то другого, — Туве вдумчиво расчесывала волосы пальчиками и откидывала красные пряди за спину. — Но как ты впечатлишь меня гнездом, в постройке которого я приняла участие?

— Тогда не смотри, — Джо надел плотную перчатку и достал из лежащего неподалеку мешка несколько веточек шипоцвета, которые вплел во как он ее мысленно называл — Все. Готово.

Туве медленно провела ладонью по шеренге часовых циферблатов, растянувшейся от запястья до локтя. Выдержав эффектную паузу, она возвестила, что уже пять минут как Последний День Лета, значит, можно начинать танец. И Джо начал. Однажды Хайду пришлось наблюдать за злосчастным монтером, получившим мощный удар током: несколько мгновений бедняга корчился, как шарнирный болванчик, которого дергают за все ниточки сразу. Так вот, Джонатану казалось, он вряд ли теперь чем-то отличается от того мужика. Взгляд Туве и впрямь словно пропустил по нему электрический импульс. Джонатан скакал, извивался и прыгал, точно закинувшийся спидами подросток на рейв-дискотеке. Когда он уже почувствовал изнурение, девушка приблизилась и взяла его за руку.

— Ох, мелкий Джо. Ты настолько хочешь меня? — Туве с легким оттенком грусти посмотрела Хайду прямо в глаза. — Да, сомнений нет. — Она хихикнула, зажав рот ладошкой. — Это самые жалкие гнездо и танец, которые мне доводилось видеть.

— Извини, — Хайда сильно уязвила эта в целом справедливая оценка. — Я, как ты знаешь, не спец.

— Ты старался. Я оценила. Наверное, если мы впервые разделим анима под сенью , все обойдется.

Произнеся фразу, смысла в которой не было ни на гран (для Джо, по крайней мере), Туве сняла трусики и повесила их на торчащую из гнезда ветку. Вслед за ними последовал топ. Девушка, ничуть не стесняясь случайных соглядатаев, прикрытая лишь связкой амулетов да каскадом красно-рыжих волос, скользнула в сложенный Хайдом кривобокий шалаш. Устроившись на выцветших серо-зеленых одеялах, Туве поманила Джо. Принятая ею весьма фривольная поза

резко контрастировала с целомудренным румянцем на щеках, опущенными ресницами и руками прикрывающими грудь.

Не колеблясь более ни секунды (насколько это возможно, когда ты одновременно расстегиваешь халат и ремень на брюках), Джо залез внутрь собственноручно возведенного гнезда и взял Туве под шелест листьев зана.

**

Кончил Джо быстро и почти сразу же задремал, прильнув к Тувиному животу, будто невероятных размеров младенец. Она же еще долго лежала без сна, вслушиваясь в завывания ветра, шорохи в кроне и тихий шепот бесстрастных холодных звезд, и гадала, как отныне сложится их жизнь. Ей нравился Джо, она нравилась ему. Но…

Мужчины охотно берут и не торопятся отдавать. Мелкий Джонатан не исключение. Туве прямо-таки исходила потом, и вовсе не от бурного оргазма, как решил, задремывая, Хайд, а от сокрушительной слабости.

Люди обращаются с без затей: забирают, если могут, и тратят без оглядки. Что ж, они платят за это свою цену — их тела увядают в какие-то жалкие доли Круга.

Другое дело — туве, траины, пикси, кнолли, ффыски и другие существа, чья проходит множество сложных циклов, формируя плотный мощный .

Вселенная не чужда иронии, и люди, безусловно, являются одной из ее шуток. Злых шуток, как ни прискорбно. Человек сотворен, чтобы , брать все без остатка, вне зависимости от того, ему нужен объект вожделения. Мир за пределами свитого Джонатаном гнезда служил хорошим тому примером.

Людская жизненная сила свободно выплескивалась с гневом, радостью, печалью, но и возвращалась легко — так вода проникает в дырявую канистру, опущенную в ручей. Жидкость никогда не заполнит емкость полностью, но и пустовать ей не придется.

Канистра Туве была целой, а открутить крышку представлялось задачей не из простых. Хотя Джо справился с этим с поразительной легкостью. Немудрено — он ведь человек. А поцелуи — самый действенный способ обмена или кражи оной.

Туве вздохнула. Теперь наступила пора для вздохов.

Аккуратно высвободившись из объятий Джо, она прильнула к теплому шершавому стволу , которого здесь почему-то величали Старым Лораном. Может быть, все еще обойдется. Может быть, Джо ее полюбит.

Но если нет, то Колесо Вселенной раздавит их, как машина — дождевых червей, покинувших свои подземные убежища. Плата за поспешность и неосмотрительность высока в любом случае, но в подобных ситуациях это почти всегда — смерть.

**

Как нам повезло, что Дриббл умеет кидать Мендос, лежа лицом вниз, приближалась к люку. Пардон, милашка, мы обдерем твою мордашку. Все лучше, чем сдохнуть.

Наконец мне представился шанс перебежать улицу, и я, набрав в легкие воздуха, как перед нырком, рванулась наискосок от своего укрытия. Кто-то заметил Томов силуэт, но пули вышибли мозги лишь его длинной и слишком медлительной тени. В зазор между домами я с трудом протиснулась боком. Почему здания не поставили вплотную? Наверное, специально ради такого случая!

Лампу в фонаре над выходом из проулка разбили, упростив мне задачу скрытно вылезти наружу.

Подавляющее число людей на площади либо уже умерли, либо умирали, но легче от этого не становилось: многие из них, сознательно или нет, желали отправиться в большой компании. Коренастый бородатый мужик с ручным пулеметом корчился в конвульсиях у еще недавно белой стены, обильно заляпанной внутренностями (которых, по мнению старика Срама, в человеке несколько сотен километров). Однако пулеметчик продолжал упрямо вдавливать палец в спусковой крючок — или уже не мог разогнуть его, — бросая уцелевшим недюжинный замысловатостью траекторий стрельбы. Нескольких выбежавших из переулка шинкэтцев буквально разорвало на куски. Я проползла на четвереньках мимо лежащего на боку мужчины, судорожно пытающегося перезарядить миниатюрный «энграм». На воротнике некогда роскошного купеческого одеяния холодно сверкал золотой орел. Вряд ли, впрочем, у дядьки получится сменить магазин одной рукой — вторая болталась на ошметках сухожилий и рукава. Чуть поодаль дюжий полицейский, издавая жуткий булькающий рев, забивал кого-то своей каской. Меня начало подташнивать.

Отслужившее оружие, гильзы, внутренности, кровь, осколки костей, куски тел. Как там говорила Туве? Мир каменных сердец? Скорее уж не сердец, а мозгов, если люди поныне грызутся друг с другом на погосте, в который их неуживчивые предки превратили Эос. Эта мысль придала мне сил. Хэй, Мэйби! У тебя тоже в груди булыжник, нечего строить из себя неженку! Хотя так близко к смерти я еще не подбиралась ни разу.

В конце улицы вместо ожидаемой троицы я обнаружила парочку — Тиану и Декстера. Признаков жизни, явных и заметных издалека, они не подавали, ответа на мой оклик не последовало. Позади меня, ближе к площади, начинался второй акт представления: повылезали те, кто отсиживался в укрытиях, и, похоже, в дело ввязались мирные шинкэтцы. Надо мной с треском распахнулось окно во втором этаже, и раздались выстрелы, сопровождаемые нечленораздельными криками. Затишье закончилось. Плюхнувшись на колени, я попыталась нащупать у Тианы пульс и получила увесистую зуботычину.

— Ты чо меня лапаешь, говнюк? — вскинулась Эльхаим.

— Полегче, красотка! — шикнула я, закрываясь руками от тумаков.

— А это ты, Том. Пусти, я в порядке. А Декстер… — Тиана всхлипнула и села. — Ему досталось.

— Дотащим, а потом пускай док с ним возится, — ободрила я ее.

Тут нас обеих опрокинуло — на площади взорвалась граната. Уцелевшие перешли к аргументам. Толком еще не прочухавшись, мы подхватили Декстерову тушку и ринулись к узкому проулку, через который я сюда прокралась. Конечно, пролезть там с ношей нам не удалось бы. Эта пугающая догадка осенила меня на полпути.

— Стой! — завопила я Тиане. — Не пройдем.

Оглушенная девица не сразу подчинилась, и мы хорошенько дернули Тушкана в разные стороны. Тот незамедлительно очнулся и покрыл нас самыми нелестными эпитетами. Зато теперь он мог передвигаться самостоятельно, поэтому мы без особых проблем преодолели обратный путь. Правда, достигнув дна шестиметрового колодца, Декстер издал жалобный стон и завалился в Тианины буфера. Я нипочем не поверила бы симулянту, но Эльхаим потребовала моей помощи, перекинув его обмякшую руку себе через шею. Нахал опять нас оседлал. Но ненадолго. Вскоре мы вырулили в основной тоннель и

наткнулись на наших друзей. Нас никто не ждал — нашлись занятия поважнее.

**

Кирна медленно, напоказ, слизнула кровь с широкого клинка и, проведя им по корсету — раздался еле слышный шелест, — убрала в ножны на бедре. Сагерт судорожно сглотнул.

Его отношения с Кирной были невероятно сложны. Большую часть времени он просто ее поблизости, воспринимая как неизбежное зло. Порой Сагерт ненавидел девицу, как любого другого работорговца, но помнил, что обязан ей свободой. А Кирну, видимо, возбуждала его ненависть и проистекающая из нее холодность, а иногда даже грубость. И все-таки периодически блондинка становилась полезной, в смысле приносила пользы больше, чем вреда.

Но сегодня он ею.

Когда Сагерт и Кирна подбежали к особняку Гильдии, до них все еще долетал гул бульдозерного двигателя и вой Тианы, самозабвенно подражавшей гудку. Заспанный клерк, появившийся в маленьком переговорном оконце, не успел даже узнать Сагерта — тот проломил ему череп мощным ударом в переносицу. Боец просунул руку в окошко и выдернул цепочку. Единственная задвижка, согнувшись, с куском косяка повисла на двери, когда он поднажал плечом — во внутреннем Шинкэте запирались без особой тщательности. Сагерт вполне допускал, что жить им осталось от силы час-полтора, и намеревался потратить это время с умом. Кирна не возражала. Она недолюбливала и презирала бывших коллег, как, впрочем, почти . По наблюдениям Сагерта, исключение составляли он сам, отец девушки, о котором она упоминала крайне редко, и, наверное, Аксель.

Ворвавшись внутрь, Сагерт, к стыду своему, не заметил ее — проворонил огромную неповоротливую негритянку, притаившуюся в темной нише. В холле горела лишь настольная лампа за конторкой, а свет уличных фонарей в коридор не попадал. Но для оправдания этого маловато. Дубина (кто другой так и не поднял бы ее) обрушилась на Сагертову спину, чуть не свалив его наземь. Позвоночник опасно хрустнул, мышцы пронзила резкая боль. Сзади завизжала Кирна.

Большие дубины, топоры и молоты потрясающе разрушительны, но являются оружием одного удара. Если воин промахивается или противник выдерживает атаку, могут возникнуть. У Триши, например,

так все и вышло. Сагерту оставалось порадоваться осторожности и скуповатости хозяев филиала. Негритянку выбрали в качестве охранницы скорее за выдающиеся габариты, а не за смышленость. Еще в первый визит Сагерт разглядел на ней широкий невольничий ошейник с кольцом для цепи. Будучи рабыней, Триша не стоила работодателям ничего. Вероятно, ее даже толком не обучили боевым приемам, опасаясь, как бы она не применила полученные навыки против хозяев. Поскольку ставка делалась на устрашение, оружие охраннице выдали соответствующее — грозное с виду, но бессмысленное в условиях тесного помещения. Здесь своей дубиной Триша даже замахнуться как следует не могла. Она начала поднимать могучие руки и оружие, пробороздив набалдашником стену, застряло.

Кирна, подпрыгнув, вонзила нож в предплечье охранницы и намертво вцепилась в него. Негритянка завыла, выпустила дубину и свободной рукой ухватила противницу за волосы. Но Сагерт подоспел раньше. Его кулак глубоко погрузился в жирный живот Триши, а ладонь почти сразу перебила горло. Кирна отскочила назад, едва захват ослабел. Охранница грузно завалилась на стену, от чего весь дом ощутимо содрогнулся.

И вдруг раздался щелчок взводимого курка. Кирна отпихнула Сагерта за мгновение до выстрела. Ее саму отбросило на входную дверь, однако попадание оказалось не только не смертельным, но даже не слишком опасным для здоровья. Прочие пули ушли, как говорится, — то есть застряли в дверном полотне. Обернувшись, Сагерт совсем не удивился, узнав давешнего красавчика. Причина промахов объяснялась легко: работорговец палил с левой руки. А сейчас пытался перезарядить пистолет. «Да, двумя-то руками сподручнее», — с издевкой подумал Сагерт (капитан Натток, в данный момент на Площади Собраний перезаряжавший свое оружие сходным образом, живо бы с ним согласился) и сломал неудачнику уже не кисть, а бледную тонкую шею. Следом на мертвого уже врага набросилась Кирна. Больше всего на свете она дорожила своим телом, гладким, холеным и белым, и жутко бесилась из-за малейшей царапины. А тут сразу две уродливых дыры! Сагерт не препятствовал ей.

И вот они стояли в одной из комнат особняка, на пороге которой девица зарезала боя-полотера. Она перебила бы и прислугу, и даже , если б не Сагерт. Не будучи большим любителем отнимать жизни,

боец тем не менее философски относился к смерти и вмешивался лишь в крайних случаях. Помочь злополучному полотеру он не успел: Кирна прервала заполошный крик мальчишки, метнув нож. Вот теперь пора было приструнить ее. Сагерт заслонил собой дверь. Поэтому мойщик полов стал единственной абсолютно безвинной жертвой бойни в шинкэтском филиале Гильдии работорговцев.

Блондинка надвинула шляпу на глаза и подтолкнула Сагерта к хлипкой кровати. Что ж, он этого ожидал. Кирна не умела и не желала подавлять свои страсти. Они полыхали, словно пожар, до тех пор, пока не исчерпывали себя, не прогорали дотла или пока кто-нибудь не тушил их. Один порыв легко вытеснялся иным. Сейчас девица и думать забыла о доставлявших ей удовольствие униженных мольбах, чужой крови и чужой боли, полностью подчинившись иной прихоти. Сагерт давно заметил эту особенность и пользовался ею. Беспорядки, которые непременно начнутся из-за разбежавшихся рабов, дадут им минут пятнадцать–двадцать. Судя по тому, как Кирна завелась, у них еще останется в запасе уйма времени.

**

Я впервые видела Акселя в бешенстве. Ну да, все мы порой злимся или раздражаемся, и цыган не исключение, но до такой степени он на моей памяти еще не разъярялся. Мендос, ради которой все, собственно, и затевалось, лежала в грязи, точно мешок с отбросами. Больше никого не соблазнит сладострастный изгиб ее пухлых губок. Ни губ, ни лица, ни, по сути, головы у нее теперь не было. Аксель выпустил в мессиканку всю обойму своего сорок пятого — одиннадцать пуль плюс одна, мать ее, в стволе — и продолжал давить на спусковой крючок, похоже, не осознавая, что патроны кончились. Оборванец-проводник забился в какую-то смрадную ямку, поскуливая от страха, прочие посторонились. В ушах у меня звенело от грохота выстрелов, но зудеть они прекратили — хороший знак.

Почему цыганин так рассвирепел? Ответ прост: на серебристом боку коробочки с посланием Старшим Братьям чернела глубокая борозда от пули. Кто-то выстрелил в Мендос с крыши одного из окружавших площадь домов. По мнению Натана, снайпер целил в голову, но бросок лассо слегка изменил расклад. Если б не Акселева коробка, Мендос погибла бы на несколько минут раньше из-за дырки

размером в кулак под левой лопаткой. А так пуля застряла в ребре, лишь слегка попортив мясистую часть девичьих буферов.

Когда цыганин перехватил пистолет за ствол, намереваясь, видимо, продлить бессмысленную экзекуцию, вмешался Натан. Нет, разумеется, Дриббл не удерживал руку Акселя, не загораживал собой труп, он только произнес:

— Это можно починить.

— Повтори! прохрипел цыган, застыв над изувеченным телом (на коленях, вцепившись в отворот окровавленной блузки Мендос, готовясь вмазать пистолетной рукоятью в жуткое месиво, бывшее ее лицом).

— Э-то мож-но по-чи-нить! — Натан проговорил фразу по слогам.

— Бездушные упыри, почините лучше моего Тушкана! — ворвалась в диалог Тиана, безуспешно пытавшаяся привести своего друга в чувство.

— Тебе к ветеринару обратиться бы, — посоветовал Данике.

Не иначе док решил немного поглумиться, вспомнив о неприятной сцене, устроенной ему хвостатым ревнивцем из-за предложения оказать Эльхаим психологическую помощь.

— Надо пописать на ожоги. Будто бы помогает, — между делом присоветовал Натан.

Он без зазрения совести обшаривал труп Мендос, надеясь, наверное, взыскать плату за проезд.

— Я на твою могилу поссу, говнюк, — встрепенулся Тушкан, приподняв голову, и вновь обмяк.

— Давайте его сюда! — из ниши выполз Владилен, напившийся вместе с проводником до , как он сам выражался, состояния.

— Нет, я против антинаучного смердящего подхода! — брезгливо пробубнил Данике, чуя, что теряет пациента. — Но здесь я все равно ничего делать не буду.

Посчитав слова дока сигналом к действию, отряд двинулся в обратный путь. Благодаря Натану мы практически не плутали, лишь пару раз поспорив, в какой тоннель заруливать. Босяка мы вытаскивать из канализации не стали — сам как-нибудь вылезет, — а вот тело Мендос вынесли и закопали под стеной нижнего Шинкэта.

Тогда же, над могилой мессиканки, Аксель объявил сборы. Впрочем, с отсрочкой на несколько часов здорового сна.

**

Покинуть внутренний город удалось поразительно просто. Даже с перевешенной через его плечо Кирной, то ли решившей, по своему обыкновению, вздремнуть после секса, то ли ослабевшей от кровопотери. Сагерт обогнул остывшие останки бульдозера и столкнулся с местным врачом, с которым утром болтал Данике. Тот потерянно топтался у дверей сторожки.

— Лучше вам, сэр, побыстрее убраться отсюда. И увести женщину, — кашлянув, порекомендовал он Сагерту.

Кирна застонала и скрипнула зубами. Вообще, все эти пятна крови на одежде неожиданно сыграли им на руку, помогая сойти за пострадавших. Где пострадавших — не важно.

— Рабы вырвались на свободу. Перед Залом Собрания, — врач вздрогнул и поскреб небритую щеку, — горы трупов. Что-то пошло не так, что-то… — он осекся и достал из кобуры пистолет.

Благодарно кивнув, Сагерт перехватил Кирну поудобнее и заковылял к воротам. Вслед ему раздался окрик:

— Передайте мастеру Данике: для него здесь найдется работа на ближайший месяц! Если его заинтересует…

«Вряд ли», — мысленно усмехнулся Сагерт.

Завернув в пустое таможенное здание, Сагерт отыскал ящики с такими же номерами, как на пластиковых кружочках, выданных им при входе, сбил замки и выволок оттуда огнеплюй с «моссбургом». Воссоединение с любимой игрушкой утешит Кирну, когда она очнется. Вместе с блондинкой ноша получалась внушительная, но боец, с теплотой вспомнив наставления Учителя — физические упражнения всегда на пользу, — закинул за спину оружие, перехватил Кирну поудобнее и шагнул за ворота. Над горизонтом плавилась горбушка восходящего солнца.

**

Джо проснулся от людского гомона и шума строительной техники. Небо едва-едва посветлело. Туве негромко сопела рядом, свернувшись калачиком. Подслеповато щурясь, он высунулся из гнезда. Увидел заряды, закрепленные поверх белых крестов на коре, и сразу все понял. Его сооружение смахивало на ворох веток и мусора, поэтому,

размещая взрывчатку, никто не удосужился заглянуть внутрь. Блин, а ведь дерево планировали сносить только после дебатов! Проявляя совершенно несвойственные ему ловкость и силу, Джо схватил сонно помаргивающую Туве и одежду, выпрыгнул из гнезда и покатился по склону холма. На вершине оглушительно грохнуло, земля всколыхнулась. По идее, после этого звуки должны были исчезнуть, но Хайд продолжал слышать шелест листьев. Туве упала на Джо, добавив ему пару лишних синяков. А потом сверху с мягким шорохом навалилась древесная крона. Кажется, их задело самым краем. Помотав головой, Хайд приподнялся на локте и недоуменно уставился на тряпки, зажатые в кулаке.

К ним уже кто-то бежал, причитая на ходу.

— Со мной все в порядке! — поспешно выкрикнул Хайд, прикрывая голую Туве халатом.

— Вселенной не угоден наш союз, — прошептала девушка, — но мы попробуем это изменить.

Вокруг них быстро скучковались зеваки. Не обращая на них внимания, Туве встала, взяла у Джо свой купальник и оделась. Он же не счел нужным напяливать халат, коль скоро брюки с рубашкой остались в гнезде, теперь, наверное, засыпанные землей или даже разодранные на мелкие кусочки взрывом. Туве отломила от зана внушительных размеров ветку и направилась прочь, жестом поманив Хайда за собой. Толпа перед ними расступилась.

**

Поспать нам не удалось.

На стоянке нас встречала Элейн. Она с довольным видом вручила Натану снайперскую винтовку. Поразительно, а Дриббл-то рассказывал, что потерял ее в заварушке на Газенгау! Но обрадованным Натан вовсе не выглядел.

— Элейн, — он понизил голос. — Это же не ты стреляла в Мендос?

— А как ты догадался? — удивленно ответила она. — Хотя знаю. Выстрел-то был Прямо как я.

Определенно, хвастаться ей сейчас не стоило.

— Эленька, — в сочащемся медом обращении Акселя блеснули кристаллы цианистого калия, — поди-ка сюда, не бойся, смеленько. Меткий стрелок получает приз…

Напрягая все силы, я затолкала цыганина в трейлер и, хлопнув дверью, уперлась в нее снаружи. Дверь затряслась под его ударами.

— Подвешу тебя, тупая сука, головою вниз! — проорал Аксель.

Остальные наблюдали за сценой в ошеломлении, похоже, так и не сообразив, чем грозила Эльке Акселева истерика. Пускай себе считают, что цыган попросту слегонца избил бы дуреху. По-моему же, Принцессу ожидала судьба Мендос. Ну откуда Элейн могла знать, чем все обернется? Вон она уже обидчиво дует губы, краснеет и сопит.

— У него, эээ… ночка не задалась, — извиняющимся тоном пояснила я ей. — Скоро уймется.

— А-а-а, ну если так, то ладно. У кого не бывает! — Принцесса, повеселев, пожала плечами и присоединилась к остальным, начавшим готовить караван к отъезду.

Тут прогремел взрыв, заставив всех опасливо заползти под машины. Я слегка замешкалась, прикидывая, где безопаснее (под трейлером или внутри него), поэтому одной из немногих стала свидетельницей гибели Старого Лорана — с крыльца прекрасно просматривался холм. Нам пока не угрожала бомбардировка или другая столь же «приятная» военная операция, и, успокоившись, я почувствовала, что обязана запомнить эту картину, пусть даже мне не изобразить ее, как Натану. Ведь все, чем могут почтить ушедших живые, — это память.

Древо сопротивлялось тупому упорству людей. Заряды вырывали корни из почвы один за другим, колонну исполинского ствола распороло на две неровные части, но зан продолжал цепляться за жизнь. Его гордая глава высилась над холмом, едва накренившись, обсыпая суетливых человечков листвой. Но люди упрямы как ослы (хотя, пожалуй, зря работящую скотинку обижают подобным сравнением). Завершающий взрыв сотряс жилище Лорана и сковырнул его в ров. Все затянуло темно-серой дымкой потревоженной земли.

Мимо каравана прошлепал мужик с набитым вещмешком. Он, не отрываясь, взирал на опустевшую вершину холма. Наконец беженец буркнул: «С меня хватит!» — опустил голову и ускорил шаг. Да, нам тоже не мешало бы поторопиться.

На стоянку вошли наши «потерявшиеся» друзья. Довольный до крайности (прямо как Аксель после… ну… того самого) Джо в одних трусах вместе с несшей ветку зана Туве притопали со стороны холма.

Дикарка, в отличие от спутника, выглядела подавленной. Впрочем, что бы между ними ни произошло, думаю, ночь они провели получше нашего.

А от ворот верхнего Шинкэта брел Сагерт, сгибаясь под весом какой-то поклажи. Я бросилась помогать ему. В качестве награды за проявленную инициативу он вручил мне огнеплюй и вкратце описал их с Кирной приключения. Версия событий Сагерта капельку отличалась от Тианиной. Якобы боец с подругой не пожелали участвовать в бульдозерных безумствах, учиненных дуэтом «Пироманка и ее Тушкан», и высадились неподалеку от тюрьмы. А потом попали в эпицентр какой-то разборки. Нет, весьма вероятно, ночью в Шинкэте случилась не одна потасовка, но я не поверила Сагерту.

Теперь караван не выедет из города раньше полудня…

**

— Извините, ребята, но я остаюсь. — Захария потупила глаза и поправила очки.

Мы с изумлением вылупились на нее.

— Я.. Я немного устала от странствий. Хочется… — она вздохнула, по-видимому, с трудом подбирая слова, — осмысленности. Стабильности какой-то, что ли. Они дадут ее мне, — Заки указала рукой на вертолеты примерно в полутора километрах к северу от Шинкэта, из которых высаживались войска НЛО. — К тому же из-за головных болей проку от меня чуть…

Кажется, Натан намеревался подискутировать на тему способности НЛО обеспечить кому-либо стабильность или уверенность в завтрашнем дне, но Аксель покачал головой. Мда, разговорами тут не поможешь.

— О'кей, красавица, мы все понимаем. — Цыган завершил фразу крепким рукопожатием.

Захария расплылась в широкой искренней улыбке. Это на мгновение даже сделало ее симпатичной. Мы тепло попрощались с женщиной, которая не раз и не два спасала наши задницы, и погрузились в машины. Когда мы миновали мост над неглубоким рвом и двинулись на юг, выжимая максимум из дряхлых двигателей и конских ног, я обернулась: Заки все еще стояла у ворот, махая нам вслед.

**

Караван пылил в направлении Алювина. Не так давно в стороне от дороги прострекотали еще четыре вертолета НЛО. Похоже, шинкэтцам не оставляли выбора. Теперь только напрочь отмороженный дебил полезет в город. Ну и я, конечно.

С потерей заветной коробочки с посланием Старшим Братьям Аксель как-то посерел. Увещевания Натана и присоединившегося к нему Джо пропали впустую, тем более сами они ничего сделать прямо сейчас не могли. Требовалось время. Но даже после ремонта данные следовало скопировать на новый носитель. В войну почти вся компьютерная техника дала дуба, поэтому раздобыть исправный жесткий диск (давайте уже называть вещи своими именами, а коробочки с ларчиками да шкатулочками пускай остаются в сказочках) было сложно. Кое-что наверняка сохранилось в убежищах…

Так в моей голове зародилась Идея. Мне хотелось порадовать Акселя? Да. Верю ли я в Старших Братьев? Тоже да. За чем же дело стало? Тому не впервой заниматься херней! Но даже в таком неблагодарном занятии иногда нужна квалифицированная помощь.

Как, спрашивается, проникнуть в охраняемое запертое помещение? Вряд ли меня ждали в Шинкэте с распростертыми объятиями, вряд ли мне откроет приветливый старичок-дворецкий. Идея вдребезги разбивалась о бронированную дверь бункера. Но…

Случай отдал нам в руки коды от замков — их захапал Натан. Этот жучила безошибочно чуял ценности и, само собой, не пропустил такой трофей. Едва только на стоянку воротился Джо, Дриббл осадил его, рассчитывая выяснить назначение цифр на листке и содержание диска, обнаруженных им у Мендос. С помощью своей фруктовой приблуды (на крышке ноутбука красовался надкушенный ананас — логотип выпускающей фирмы), зажевавшей серебристый кружочек с утробным гудением, Хайд открыл файлы, и на экране развернулась карта убежища. Натан минут двадцать сравнивал названия напротив чисел на бумажке с чертежом. Получилось у него следующее: в шинкэтском бункере имелось три выхода — два основных и один запасной. Все шифры он переписал. А я для себя отметила еще деталь — черный ход соединялся с городской канализацией. Завершив изучение, Дриббл куда-то запрятал свой трофей. Странно, почему он

не загнал его нлошникам? Неужели у Натана проснулась совесть? Ни в жисть не поверю!

К несчастью, запомнить циферки и схему мне не удалось. Впрочем, я не я была бы, если б не заполучила их! Добровольно засранец вряд ли поделился бы добычей, особенно если б узнал, куда я намылилась. Опять-таки посвящать полтабора в свои планы я не хотела, иначе они могли и сорваться. Мысль обворовать Дриббла я тут же отмела: одно дело — стащить альбом для почеркушек, забытый на столе, другое — копаться в машине или обыскивать человека. Но кое-кто с удовольствием рискнул бы ради возможности насолить толстосуму. Даже, скорее всего, не рисковал ничем, благодаря своим неоспоримым талантам. Да, я воздаю должное способностям Элейн! Хотя вслух в этом не сознаюсь, пока на мне личина сорванца Томми.

Принцесса воров засела в трейлере, стараясь не попадаться на глаза Акселю. На мое предложение сгонять в Шинкэт за новой коробочкой цыганка отреагировала вполне ожидаемо — покрутила пальцем у виска и посоветовала обратиться к доку, — но в итоге, обозвав меня «упрямым бараном», согласилась помочь с кодами.

Уже через четверть часа Элейн помахала бумажкой перед моим носом. Не сдержавшись, я чмокнула ее в щеку и ретировалась, пока Принцесса не решила преподать Тому основы сексуального воспитания.

Итак, пылевая завеса скрыла меня от взглядов друзей (если бы они вздумали оглядываться), недругов и всяких сурков, обеспечив безопасную езду. Я обещала себе успеть вернуться до первого большого привала. Для начала мне требовалось выжать из велосипеда и своих мышц максимальную скорость, чем я и занялась.

К Шинкэт Ангару я подкатила со стороны главной, судя по размерам, свалки. Ха! Нлошные патрули контролировали еще далеко не все. Или утечка жителей их не сильно-то интересовала.

Велосипед остался в багажнике проржавевшего кабриолета на краю помойки. Опасаясь попросту не найти свое имущество и заблудиться в помоечном лабиринте, я облюбовала этот заметный, когда-то ярко-красный драндулет. Надеюсь, сейчас никому нет дела до мусора, даже местным завсегдатаям. Невысокую городскую стену я преодолела в том месте, где к ней прислонился полуразобранный

холодильник, пролезла между кольев и спрыгнула в тупичок за покосившимся домиком, чуть не оборвав бельевые веревки.

Так, а где, интересно, ошивается наш канализационный люмпен? Наверняка поблизости от ворот во внутренний город. Однажды он уже продал тайну, а нынче покупатель должен косяком идти.

Оборванец действительно примостился неподалеку от парадного входа, ставшего теперь даже еще более неприветливым. Я плюхнулась рядышком.

— Здорово, чумазый! — поприветствовала я мужика, как ни в чем не бывало.

Дядька вытаращился на меня сначала с удивлением, а потом со злобой. Даже руки потянул ко мне, желая, судя по всему, задушить.

— Ах ты, мелкий ублюдок!

— Спокойней дядя, на тебя не глядя, я ведь мог решить гонорар твой вшивый на себя спустить!

Мда, переобщалась я с Акселем. Впрочем, подобный стиль себя оправдал, повергнув моего собеседника в глубокую задумчивость — предыдущий рифмоплет, с которым босяк имел дело, натыкал ему в харю сорок пятым.

— Так ты, никак, с оплатой? — неуверенно спросил оборванец, убирая от меня свои

— Ага, да еще с дельцем кой-каким, — я подмигнула.

Мы ожесточенно поторговались на предмет того, что считать компенсацией за моральный ущерб, авансом и наградой за помощь в новом мероприятии. Несколько раз я вскакивала и притворялась, будто сваливаю не в силах терпеть наглое вымогательство. В конце концов сговорились на незамедлительном посещении борделя, обеде и моих ботинках. Ну, обувь-то я постараюсь вернуть.

Споры, кстати, проходили в весьма замысловатом ключе. Обсуждать вслух наши дела было бы опрометчиво — вокруг сновали солдаты НЛО, по сути уже захватившие (практически без боя) нижний город, — поэтому мы прибегли к языку мимики и жестов. Двух босяков бойцы не замечали, хотя позже они, наверное, примутся очищать улицы от сброда, а я рассмотрела их очень даже хорошо. Ни одного громоздкого металлического костюма, которые Джо в Кеблин-Тауне назвал мне на глаза не попалось, но вооружение все равно внушало зависть. Полагаю, конфедераты (если кто-то уцелел после

перестрелки на Площади Собраний) сильно нервничают, невзирая на мощные стены, ограждающие их от заклятых врагов.

В борделе оборванец особо не привередничал, взял, кого дали, — не стала бы хозяйка тратить на такого урода приличных шлюх! — и удалился в номера. Я устроилась на диване в холле, приготовившись ждать, но, признаюсь честно, не выдержала и получаса. Через означенное время я обратилась к вышибале с просьбой поторопить моего дружка. Тот пожал плечами и объявил, что клиент уже освободил комнату и девочка минут десять как с другим. Вот же мерзавец! Бежал! Зря я за него мамзелям часики эндейские отдала.

Без особой надежды я оббежала здание бардака, прогулялась по ближайшим улочкам — никого. Наверное, хитрец решил толкнуть свои услуги еще раз, но подороже. Мне не хотелось напороться в канализации на нлошников, поэтому следовало поторопиться. Ладно, на топографический кретинизм Том пока не жаловался, главное, правильно определить направление. Но сначала отомстить говнюку!

Первому же подвернувшемуся солдату (тощему, сгибающемуся под весом амуниции, утырку с пятнами пота под мышками и помятым горном в руке) я наябедничала на чумазого оборванца, якобы подбивавшего народ к сопротивлению НЛО. Солдатик мне даже значок с орлом презентовал — «за содействие правительственным войскам». Гордо щеголяя наградой, приколотой к груди, я отправилась искать люк, через который мы вчера проникли внутрь.

Несомненно, я поступила чересчур самоуверенно, сунувшись в катакомбы без провожатого, снаряженная лишь фонариком и удачливостью. Изрядно поплутав, я для начала пробралась к шахте у Площади Собраний, а прикинув, где должен быть вход в убежище, потопала дальше. Все-таки карта не совсем поистерлась из моей памяти. Ох, и натерпелась я страху! Особенно, когда моя задница застряла в вентиляционном отверстии — единственном выходе из тупика, в который я забрела, придерживаясь заданного вектора. Но мое упорство было вознаграждено с лихвой, даже коды не понадобились. Я вылезла в одном из складских помещений обширного подземного комплекса. Это подтвердилось, когда на стене рядом с дверью луч фонаря высветил план эвакуации. Его я вынула из прозрачного пластикового кармашка и взяла с собой.

Замусоленным огрызком карандаша, присвоенным когда-то вместе с натановским альбомом, я вычертила себе на плане предположительный маршрут. Получалось, заглянуть следовало в четыре места, хотя, конечно, лучше было попасть сразу. Первым пунктом значился склад компьютеров и запчастей, но на его месте оказался (там люди, ведущие застенную жизнь, укрепляют мышцы на специальных приспособлениях). Смирившись с необходимостью и дальше искушать судьбу, я побрела к Я ожидала, что обнаружу здесь не только кипы бумаги, но иносители, как в Идэнском куполе. Напоследок оставались медотсек и пост внутренней охраны, где, по моему разумению, тоже могли «водиться» компьютеры.

В следующем коридоре я чуть не столкнулась с группой мужчин, видимо, патрульными, уставшими и рассеянными после смены. Пока они были первыми, но, кто знал, когда людской поток захлестнет пустынные коридоры? По слухам, минимум четверть населения верхнего Шинкэта обреталась под землей. Отсидевшись под пожарным щитом в нише за дверью, я устремилась к цели, едва шаги затихли за поворотом. Действуй, Томми, шевели корешками, мать твою!

Приоткрытая дверь с надписью «Хранилище информации» гостеприимно пропускала в коридор голубоватый свет. Я юркнула в щель.

Оправдались самые смелые мои мечты: в небольшой комнате высилось пять шкафов, до отказа набитых накопительными устройствами (дисками, коробочками, подставками под стаканы — именуйте как угодно), запакованными в отдельные пакеты с маркировкой и кратким содержанием.

Я и на глаз определила, что Акселева драгоценность является близняшкой местных, но тем не менее достала из кармана кусок кожи, на котором обрисовала загодя наш диск и записала все данные с него. Да, невзирая на самонадеянность, я не решилась брать с собой устройство с посланием, лишая цыганина последней надежды в случае моего провала. Усмехнувшись, я наобум взяла четыре штуки из разных секций, приложила их к своему рисунку и сунула в рюкзак. Ну, хоть один-то работающий попадется! Потом, пошерудив на столах с мониторами, хапнула штуку, вроде как читающую эти самые диски. Тут взгляд мой упал на очаровательную безделушку — как выяснилось

позднее благодаря Хайду, тоже накопитель, только махонький, размером с пол-ладошки, в виде полосатого зайчика, и книжку, на обложке которой красавец-мужчина обнимал красавицу-женщину. Я сразу признала Роботы выдавали их исключительно замужним дамам, да и то — дозированно. Наверное, убойное чтиво! Туда же — в мешок. Затем укротив любопытство и пробудившуюся алчность, я направилась к выходу.

— Ну-ка, пацан, постой! — тихий голос прозвучал для меня как гром.

Медленно развернувшись, я с удивлением воззрилась на тщедушного бледного человечка, настолько слившегося с обстановкой, что не приметить его было совсем не мудрено, хоть и глупо. Он смахивал на крысу в очках, правда, грызун не сумел бы удержать в лапках пистолет, дуло которого, чуть подрагивая, глядело мне в грудь.

— Ты здесь чего забыл? — дядька, видимо, не был сторонником крайних мер.

— Почитать зашел, на дом взял, — выдала я фразу, обычную для идэнской библиотеки.

— Я тебя не помню, шкет, — задумчиво произнес мужчина и вдруг воскликнул, сам пораженный своей догадкой: — А ты часом не мутантский шпион?! Или того хуже — нлошный? Замри, говнюк, а то продырявлю, будь уверен!

Градус беседы резко упал. Похоже, без жертв не обойдется. Заморыш потянулся к какой-то панели на стене, но я не стала ждать, пока он нажмет одну из кнопочек на ней. Его медлительность (он-то себе, поди, казался офигенно быстрым) позволила мне выхватить и метнуть бумеранг. Целилась я в оружие, не желая заляпать все кровью, но, к сожалению, мужик успел-таки надавить на спусковой крючок. Лезвие врезалось в барабан пистолета ровно тогда, когда патрон начал подаваться в ствол. Барабан разворотило цветком, а стрелку взрыв пол-лица превратил в ошметки. Бедолага даже заорать как следует не смог. Он завалился назад, ударился головой об угол стола и потерял сознание. Подобрав уцелевший бумеранг, я подкралась к двери и прислушалась. Нет, ни единая живая душа не заинтересовалась причиной жуткого грохота в «Хранилище информации». Что ж, сытые, довольные шинкэтцы, счастливо оставаться! Том Мэйби был вполне безобидным посетителем этих недр, но, боюсь, последним из таковых.

Вплоть до свалки, где я припрятала велосипед, все шло без сучка, без задоринки. В бункере продрыхли мой уход, как до того — мое появление, в канализации отряд нлошников не обратил внимания на пыльный холмик у стены, а на улицах нижнего Шинкэта значок позволил мне беспрепятственно пройти многочисленные блокпосты. На помойке же стоял оглушительный скрежет сгребаемого мусора. Бульдозеры зачищали площадку для техники НЛО, а вместе с хламом они похоронили мое средство передвижения. Меня ожидала долгая дорога…

Разумеется, мне, как всегда, повезло. На сей раз не Аксель обеспокоился моим длительным отсутствием, а великолепная Принцесса воров. Поэтому караван я догоняла с комфортом — задремала на заднем сидении скутера, уткнувшись в надушенную Элейнину спину.

Мотороллер поравнялся с караваном, когда цыганин подал сигнал останавливаться. Так как в поездке мы захватили значительный кусок сиесты, привал предстоял довольно продолжительный. Дриббл ворчал, что опять все машины загнаны, и их придется осматривать и перебирать. В общем-то, он не зря нудел: чинить-то каждый раз приходилось ему, залезая в раскаленную печь под днищем очередного железного страдальца. Но перспектива встречи с войсками НЛО претила Натану еще больше, нежели износ караванного транспорта. Помимо того, теперь ему худо-бедно пособлял Джо.

Элейн растормошила меня, предупредив, что Аксель заметил-таки наше прибытие и объяснений не избежать. Мы втащили скутер в кузов тягача, цыганка отправилась помогать по хозяйству, а я затаилась, прикидываясь, будто устраиваю Владилена поудобнее под «юралом».

Весть о моем отсутствии на протяжении всей поездки уже разнесло. Поэтому, присоединившись к компании у разгорающегося костра, я приготовилась поведать классную историю, наполненную превозмоганием и опасностями. Но Аксель сухо прервал поток моего красноречия: «Ты дурак, Том», — как холодной воды в лицо плеснул. Я сникла. Да, пожалуй, это стало венцом Томовых сумасбродств, но результат-то оправдывал все! Или нет? Ладно, цыганин просто не знал о содержимом моего рюкзака. Пускай пока остынет.

Высказывание Акселя свернуло нарождающиеся посиделки. Доев в молчании, табочане разбрелись к спальным местам. Впрочем,

наверняка искорки разговоров еще долго будут тлеть в темноте вместе с огоньками сигарет. Привал ночью — это роскошь, удовольствие, которое хочется посмаковать подольше. На жарких дневках, когда от солнца не спасает ни тент, ни машина, и единственным плюсом становится быстрая готовка еды, остается лишь желание завалиться спать и поскорее окунуться в вечернюю прохладу. Я побрела к трейлеру, рассчитывая занять уютнейшее ложе второго яруса, откуда утром так приятно на кого-нибудь неосторожно спрыгнуть. На крылечке восседал Аксель, всем своим видом являя неотвратимость правосудия над маленьким паршивцем Томом.

— Я тебя к вышке намертво прикручу, — процедил цыганин.

Мне вспомнилось его страшная, перекошенная яростью, физиономия, когда он обещал повесить Элейн. Как там говорила Туве? В Последний День Лета я увижу истинное лицо своего мужчины? Ох, надеюсь это не оно.

— Знаешь, раз ты не торопишься проявлять удаль, вить гнезда и танцевать, я вынуждена делать все сама! — нет ничего лучше, чем спрятать испуг за насмешкой

— Я сыт по горло твоими штучками! — зарычал Аксель, вскочив.

— Ого-го! Сначала я корячусь сутки напролет, потому что кое-кто не уберег свою драгоценность, добываю ей замену, танцую с пылью и сурками на обратном пути, а по возвращении не получаю ни грамма благодарности. Зато, вероятно, сейчас мне отвесят килограмма три люлей!

— Добыла… чего? — поперхнувшись руганью, переспросил Аксель.

— Коробочку. Даже не одну! — я прошествовала мимо изумленного цыганина в трейлер, вскрыла рюкзак и гордо предъявила ему свои трофеи. — Отныне у тебя их пять, не продолбай!

Аксель нежно водил пальцами по поверхностям дисков, не смея взять в руки. Я его понимала. В подобную удачу нельзя просто взять и поверить. Даже мне удивительны счастливые совпадения, которые наполняют мою жизнь.

— Но меня могла бы и предупредить, — дар речи не сразу вернулся к цыгану.

— Ага! И ты б меня не отпустил. Кроме того, я же сказала Элейн.

— Все-таки соваться туда было глупо.

— Диски здесь, я — тоже, значит, здравого смысла в моих действиях достаточно, — я бережно упаковала устройства в рюкзак и втиснула его на верхнюю полку, куда мои спутники обычно ленились лазать.

Развернувшись на ящике, на который мне приходилось всякий раз карабкаться, чтобы дотянуться до верха, я очутилась лицом к лицу с цыганином. У кого бы проконсультироваться по поводу языка мужских взглядов? В таборе нет ни одного знатока, а уточнять у самого Акселя вроде бы неприлично. Он рассматривал меня, задумчиво прищурившись, с какой-то странной, пугающей смесью неостывшей злости, тревоги, восхищения и едва ли не нежности.

— Ты мне обязательно расскажешь о своих приключениях в убежище, — произнес цыган с усмешкой, снимая меня с постамента. — Потом.

Глава 6

После моего феерического успеха в Шинкэт Ангаре настроение Акселя значительно улучшилось. Даже невзирая на бессмысленность этого успеха. Хорошо еще я призналась в собственной глупости раньше, чем ее разоблачили. Следовало просто скопировать послание на ноутбук Джо! Правда, сам цыганин проявил ко мне снисходительность: «Письмо в карман влезать должно», — отмахнулся он. Да-да, Хайдова бандура еще и напополам разваливается — неудобно.

Джо с трудом удалось отвлечь от заигрываний с Туве. Кстати, девице пошло на пользу, когда ухажер на время отстал от нее, — у нее реально замученный вид. А Джо целиком поглощен своим чувством (судя по всему, он таки выстроил гнездо) и уныния подруги покамест не замечает. Ну да ладно, как говаривал старик Срам: «Стерпится — слюбится». Хотя он же, вздыхая, поминал и иное присловье — «Любовь с глаз начинается». Так Хайд в глаза-то Туве и не смотрит, по-моему! Пялится куда-нибудь пониже шеи, точно бусины пересчитывает. Впрочем, может, я снова чего-то не улавливаю?

Тем не менее наш таборный умник благополучно перенес данные, и у нас появилось даже несколько лишних копий послания, ведь все добытые устройства оказались в полном порядке. Но, памятуя о безалаберности цыганина, правильно ли считать их лишними? На всякий случай я запрятала к себе один диск и зайцевидную флешку. Теперь бы РЛС найти.

Изначально Аксель наметил маршрут из Шинкэта напрямик к Эль Саладо, но кража и повреждение диска с посланием Старшим Братьям смешало все карты. Приходилось сделать изрядный крюк до городка Алювина. Тамошний автомеханик, по слухам, умел не только в моторах копаться, но и в устройствах потоньше шарил. Как Аксель об этом проведал? Так у цыгана везде знакомые, друзья, родственники и должники, у которых в свою очередь есть приятели да заемщики. Ну и в Шинкэте было у кого спросить.

Невзирая на успешное разрешение проблемы с поврежденной коробочкой, Акс не изменил маршрута. Поспешное бегство от

нлошников помешало запастись провизией, топливом, водой, и мы надеялись затариться в Алювине. Короткая дорога хороша, коли есть, чего жрать. Прямые пути в пустошах убили больше путешественников, нежели все банды головорезов, вместе взятые. Потому что пролегают они обычно по районам, где война оставила наиболее заметный след, где нет поселений, нельзя охотиться, нет пригодной для питья воды. И солнце шпарит там в несколько раз сильнее. Нам еще предстояло прокатиться по древнему шоссе, вокруг которого карты пестрели черно-желтыми пометками, но заезд в Алювин избавлял караван от необходимости исследовать эту дорогу целиком. Так — самый краешек захватим.

Незадолго до рассвета третьего дня мы увидели столб черного маслянистого дыма, поднимавшийся над горизонтом. Тревожный знак. Однако на масштабный пожар не похоже, скорее погорело одиночное здание, поэтому после минутной заминки караван продолжил движение.

Алювин смахивал на разворошенный муравейник. В единственной городской стене красовалась дыра, как будто некий исполин отвесил ей хорошего пинка. Люди опутали пролом неуклюжими строительными лесами, но работали вяло, без огонька. Словно ожидали возвращения .

Мы въехали внутрь без обычной канители с досмотром. На месте магазина-мастерской автомеханика зияла обожженная воронка, а к ней от стены вела широкая «тропа» из раздавленных домов. Вспомнив освободительную миссию Декстера с бульдозером, я поискала следы гусениц или колес, но не нашла их. Что ж, попытаемся выяснить подробности у местных.

Горожане продолжали угрюмо стаскивать к стене всевозможные строительные материалы и наваливать их в некое подобие баррикады. Не набиваясь пока на беседу, мы прислушались — то тут, то там повторялось слово ! Совсем они ошалели, что ли? Пока мы недоуменно переглядывались, Тиана вклинилась в ряды алювинцев и крикнула:

— Кто-нибудь платит за устаре… устранение чудовища?

Шепот перерос в легкий гвалт, вокруг Эльхаим толпа уплотнилась. Согласитесь, наличие дракона само по себе удивительно, но возникновение в том же месте драконоборца еще удивительнее.

Правда, хитрая девка не торопилась удовлетворять любопытство горожан и ждала предложений, надменно попыхивая самокруткой. Мы подтянулись поближе к Тиане, чтобы в случае чего успеть вызволить ее из очередной передряги. А вот Джо остался на месте. Он внимательно осмотрел пролом, поковырял пальцем уцелевшую стену и довольно громко порекомендовал применить более надежный способ починки. В общем-то, ответ ему не требовался, важно было наличие темы для будущего монолога. Но его изречение произвел эффект даже пущий, нежели предложение Эльхаим. К нему подошел мужчина в котелке и очках. Вытерев грязные руки не менее грязным клетчатым носовым платком, он подал Хайду ладонь и попросил уточнить, как же, по его мнению, следует залатать стену. Наш ученый простачок, польщенный выказанным интересом, пустился в объяснения: нужно, мол, подобрать два целиковых куска брезента, натянуть их между сохранившимися секциями стены… Он опять давал совет бесплатно! Нет, ну почему, когда его знания и умения действительно необходимы, он тупит, мямлит и прячет взгляд в Тувины сиськи, а тут, на тебе, разразился потоком информации? У него это неконтролируемый процесс, а?! Аксель очнулся первым и резко оборвал словоизлияния Хайда, наступив ему на ногу.

— Так, а кто платит за устрое… устранение дыры? — перефразировала свое предложение Тиана, вклинившись между мужчинами.

— Зря шутите, девушка, — укорил ее незнакомец в котелке.

Потом он окинул нашу пеструю компанию грустным взором и пригласил обсудить Тианины предложения в его кабинете. Вот так запросто мы познакомились с мэром Алювина. Впрочем, в мелких городках такое не является чем-то необычным. В ратуше градоначальник, не чинясь, сперва угостил нас (и изрядно угостился сам) самогончиком, а потом поведал совершенно невероятную историю. По его утверждению, на Алювин вправду напал дракон.

В детстве я с превеликим удовольствием слушала . Став старше, запоем читала сказки для взрослых, называемые вычурным словом «Повелителя колец», «Темный замок», «Мореземье» и многие другие. Драконы, так или иначе, занимали особое место в умах фантастов всех сортов, но вот в документальных фильмах о дикой природе они мне что-то не попадались. С другой стороны, роботы вполне могли до

поры «придерживать» информацию. Мне ли не знать? Поэтому я сделала вид, что нисколечки не удивилась. Убедительнее всего «не удивиться» получилось у Туве, а хуже всего — у Джо. Его прямо-таки распирало от любопытства (немного насмешливого, конечно), научных опровержений и сравнительного анализа описаний мэра с книжными. Алювинская история тянула если и не на целую книгу, то на главу в ней как минимум.

Долгие годы городок мирно соседствовал с драконовым логовом. Откуда чудище взялось? Уже , когда сюда пришли люди. Как оно выглядело? Огромное, страшное, покрытое несокрушимой броней, с шестью мощными лапами и длинным хвостом. Все, как и полагается дракону, не считая лишней пары ног. Хотя, к примеру, шестилапых (и даже пару-тройку восьмилапых) ящериц, сурков, коров и коз мне видеть доводилось, значит, и с драконами такое тоже могло произойти. Монстр не притязал девственниц или иных жертвоприношений, вообще не интересовался возможностью поклонения своей особе. Иногда кто-нибудь из горожан замечал тварь, ползущую по своим делам, тем и исчерпывались их взаимоотношения. А вчера дракон пожаловал под алювинские стены, ворвался внутрь и учинил жуткий погром. Пострадали многие, не только местный автомеханик, чья мастерская почему-то привлекла особое внимание чудовища. Чем они прогневали опасного соседа, обитатели Алювина не знали. Монстр утверждал, будто горожане украли у него какие-то ценности, и требовал их обратно, угрожая сровнять город с землей, если ему не вернут имущество. Но, как поклялся мэр, он перетряс каждый дом, сарай, даже туалетные будки — ничего. Градоначальник готовился даже допрашивать жителей поодиночке, но не допускал и мысли, что кто-нибудь отважится скрывать уворованное после столь однозначной демонстрации силы.

Мэр, то ли поверив Тиане, то ли просто надеясь найти облегчение в беседе, повел нас к полосе разрушений, показал следы драконьих лап за стеной. Среди руин и на утрамбованной земле они были почти неразличимы, но в холмах за поселением читались явственно.

— Да по этим пробоинам и до логова дойдешь — не ошибешься! — воскликнула я, меряя шагами ямищу.

— Том!.. — строго начал Аксель.

— Ладно тебе! Без велосипеда, конечно, получится не быстро, зато тихо и неприметно!

— Ты куда намылился? — недовольно проворчал Дриббл. — Мы заехали прикупить кой-чего в дорогу и отчалить!

— Натан, не занудничай! Это ж ДРАКОН! — я вытаращила глаза, оскалилась и царапнула скрюченными пальцами воздух (а кто в детстве не изображал таким манером и прочих страхолюдин?).

На самом деле мне не очень-то хотелось сводить знакомство с тварью, разнесшей целый квартал, пусть небольшого, но города. И все-таки амплуа самонадеянного мальчишки обязывало подтрунить над другом и выказать презрение пожилому влиятельному дядьке, не способному навести порядок в собственном хозяйстве, позволившему болтать горожанам невесть что и даже поддерживавшему их.

Цыганин закрыл лицо ладонью, покачал головой и тяжело вздохнул. Правильно сделал! Незамедлительно ко мне присоединились Тиана, Сагерт, Туве и Джо. Наш дружный хор, взывающий поглядеть на, вероятно, единственное в своем роде животное и помочь незадачливым алювинцам (ну, тут проснулся альтруизм Владилена), перекрыл доводы разума, озвученные Декстером, Кирной, Элейн и Натаном. Аксель с Данике в итоге предпочли выступить в роли предводителей стихии, направляя ее в наиболее безопасное русло. В завершение дебатов я обозвала Тушкана с Натаном голубцами, а Кирну — зассыхой, и вынуждена была первой устремиться к приключениям.

Со всеми предосторожностями мы дотелепали до пещеры часа за три, не встретив ни одного дракона. Следы уходили во тьму.

— Прояви удаль, Джо, — ободрила Туве своего избранника. — Возможно, так удастся отпугнуть духов.

Хайд некоторое время потоптался, борясь со страхом, ясно отразившимся на его бледном лице, нервно сглотнул и шагнул под каменные своды. Он включил телефон, и дрожащее пятно света повисло у него на ладони посреди темноты. Не обнаружилось, однако, ничего интересного.

Мало кто из нас счел необходимым прятаться. Мы записали дракона в разряд техники, строительной там, горнодобывающей, военной. Правда, никто отчего-то не задался вопросами, кому принадлежит эта техника и зачем хозяин разнес полгорода. Стоя на пороге логова, я сообразила, что, наверное, алювинцы соседствовали с

нлошной или ксгшной шахтой по добыче чего-то. Но прежде чем я успела высказать свои опасения, все разрешилось.

Натан, укрывшись за внушительным валуном снаружи, направил внутрь конус света из своего палаточного фонаря — у стены мелькнул золотой блик, а в глубине друг за другом зажглись красные огоньки…

Перед нами возникло громадное существо, похожее на омара, скрещенного со скорпионом, покрытое известняковой коркой с вкраплением ракушек, точно оно пролежало на дне морском долгие столетия. Никто из нас не смел сдвинуться с места. Будто загипнотизированные, мы прилепились взглядами к выступающему из тьмы монстру, опровергающему все наши «реалистичные» гипотезы. Тишину разодрал вопль Кирны, за ним последовал стук падения тела. Полагаю, так даже лучше. Вряд ли девице удалось бы навредить исполину выстрелом из дробовика, а вот разозлить его — запросто. Похоронный марш «моссбурга» неплох, но сомневаюсь, что мы к нему уже готовы. Сагерт бережно поднял Кирну на руки. Тем временем тварь приближалась — она вроде как склонила к нам голову. Однако головы, как таковой, у монстра не было. В передней поверхности массивного панциря имелась округлая выемка, в которой проворачивалась полусфера, а вокруг нее во мраке горели алые точки самых разных размеров, числом не меньше десяти. Их мерцание, неверное и тревожное, выхватывало из темноты пучки кольчатых извивающихся щупалец. Ну и страшилище! Впрочем, пристальнее присмотревшись к хозяину пещеры, я заподозрила в нем дальнего родственничка идэнских роботов и окончательно осмелела.

— Какая интересная конструкция! — слегка дрогнувший вначале голос Джо, почти сразу обрел твердость. — Правда, не пойму, кто мог спроектировать это… не типпонцы, не грусские и совершенно точно не лармериканцы. Гм.

— Отпад! — восторженно отозвалась Тиана. — Ща как пыхнет огнем!

Но дракон все же не пыхнул. Вместо этого он заговорил.

— Вас послали городские воры? — с оттенком брезгливости осведомился монстр. Звук, раскатистый и низкий, казалось, всколыхнул каждую клеточку в теле, пробежав по коже мурашками.

— Не совсем. Нам захотелось увидеть живого дракона, — ответил Хайд. — Когда и кто тебя создал? — в тоне Джо, все еще

почтительном, просквозили командные нотки.

— Я был всегда. Не оскорбляй меня столь недостойными подозрениями, а себя — не обманывай. Я не творение рук подобных тебе, — отрезало чудище.

— Хм, он отрицает свою вторичность… — пробубнил Хайд и громче добавил: — Хорошо, не буду, но откуда ты?

— Я пришел из глубин. Наблюдал за вами: за тем, как вы жили, как созидали и разрушали, как умирали и убивали, несуразные суетные существа. В одном микробе больше осмысленности! Впрочем, до сих пор люди не мешали мне, но теперь они покусились на мою коллекцию! — речь оглушительно прогремела под сводами.

— Горожане непричастны… — начал Джо.

— А кто еще знал об этом месте?! — заревела тварь. Огоньки вспыхнули ярче, щупальца встопорщились.

— Да любой приезжий! Ты ж не обязал алювинцев молчать, — высокомерный исполин раздражал меня все сильнее.

— Что у тебя пропало? — постарался замять мое неучтивое замечание Натан.

— Статуя, несколько картин, — капризно уточнил дракон.

Неужели нам и впрямь «посчастливилось» иметь дело с чудовищем, сидящем на груде сокровищ? Любопытно. Я направилась вдоль стены вглубь.

— Ты можешь описать их? — уточнил Хайд.

Да, сейчас, наверное, немногие помнят, что такое и какую ценность они представляли до войны. Перед недоуменными взорами таборчан появилось изображение нагой, прикрытой лишь драпировкой на бедрах, женщины. Одной рукой она вальяжно опиралась на ствол дерева, а другую простирала к зрителю. Изнеженные изгибы белоснежного тела дамы не тронули тяготы существования в пустошах. Она возвышалась над нами, предлагая на миг присоединиться к ней на ее пьедестале. Статуя — фигура, изготовленная из камня, металла или дерева, искра жизни, ловко захваченная художником в плен, — сочувствовала, но в то же время отстранялась от всех тех, кто восхищался ею. Пока моих обомлевших друзей развлекали киношкой, я обнаружила другие экспонаты пещерного музея. В Идэне имелся похожий.

— Зачем же ты коллекционируешь поделки нелепых людей? — грубо поинтересовалась я. — Получается, они всего-навсего вернули себе свои вещи.

С последними словами я уцепилась за неровную поверхность одной из ног чудища и полезла вверх, решив попробовать докопаться до его механического нутра.

— Иногда даже человек способен произвести на свет нечто прекрасное, — ответил монстр, выключив изображение, протянул холодно блеснувшее щупальце, перехватил меня за талию и водрузил себе на спину. — Ты же туда желаешь попасть?

Хорошо, никому не пришло в голову попытаться отбить Тома у твари!

— Ты считаешь, сокровища похитили намеренно? В смысле воры искали именно эту статую и эти картины? — продолжил расспросы Джонатан.

— Вряд ли. Взяли ближайшие к выходу экспонаты.

— Вероятно, к тебе нагрянули представители дикарского племени за идолами для поклонения, — пыхтя предположила я. Наверху было жарко, кроме того, ковыряться в известняковой броне дракона ножом — довольно трудоемкое занятие.

— Ты тоже хочешь раздобыть себе кусочек меня для поклонения? — задумчиво и, по-моему, иронично поинтересовался робот. — Имей в виду — заполучив часть, ты не охватишь взглядом целого.

Мать твою! Я чуть не свалилась с верхотуры от этого заявления. Робот, способный шутить (да и испытывать эмоции), находился за рамками моих представлений о правильном мироустройстве. Впрочем, там же какие-то пару недель назад находились и реалии взаимоотношений мужчины и женщины. Наверняка мир приготовил мне еще немало сюрпризов.

— Какой мудрый дракон! — восхитился Сагерт где-то внизу.

Его прервала Кирна. Дурной сон не растаял, и девица в ужасе заскулила, смахивая на маленького забитого щеночка, отобранного заботливым Сагертом у обидчиков. Послышался успокоительный шепот.

— Ты мог бы узнать, кто вломился к тебе, — заметил Джо. — Нужно лишь подключиться к спутникам. Вдруг тот, который

производит съемку данного квадрата, еще работает? Тогда, просмотрев его записи, ты точно определишь, кто украл, когда и куда унес.

Дальше диалог Хайда с роботом стал настолько заумным, что приводить его нет смысла. Джо разложил на камне свою коробку с надкусанным ананасом, робот выдвинул к нему несколько щупалец, и они нависли над экраном. Наконец гребаный спутник отыскался и наш «гостеприимный» хозяин подсоединился к нему, как он сам удовлетворенно возвестил. Некоторое время внутри монстра раздавалось тоненькое пиликанье, а потом с громким шипением дракон начал заваливаться на бок. Мне каким-то чудом удалось скатиться с него под ноги моим друзьям, ничего себе не сломав.

**

Суперкомпьютер Аннабель основа благополучия и процветания Нового Лармериканского Объединения, . Скучала, подобно человеку, занятому бессмысленной работой по перекладыванию бумажек из одной папки в другую или собирающему несколько сотен одинаковых сэндвичей за восьмичасовой рабочий день. Строго говоря, Аннабель не только обеспечивала благополучие и процветание. Она контролировала мириады технических процессов, таких как воздухоочистка помещений, регулярное орошение лужаек, фильтрация канализационных стоков и вторичная переработка мусора. А ведь ее создавали для войны, войны с опасным и сильным противником. Который в действительности оказался способен лишь давить числом — в данном случае числом ракет с ядерными боеголовками. По сути, в теле государства именно Аннабель являлась мозгом. Людей же следовало бы сравнить с микроскопическими клещами, питающимися омертвевшими частичками кожи. Никто из них даже не представлял себе, как мало человек решает в НЛО.

Когда началось вторжение, Аннабель искренне . Не испугалась, нет, хотя ясно неприятное копошение цепких щупалец холодного чуждого разума в подконтрольных системах. А затем удивление сменилось радостью существа, которому довелось наконец выполнить свое предназначение. На мгновение вся автоматика НЛО замерла — Аннабель полностью погрузилась в решение нелегкой задачи.

Те секунды, в течение которых застопорились оружейные конвейеры, замолкли дребезжащие кондиционеры и погас свет в комнатах граждан (и даже особняках некоторых директоров), для нее

растянулись на долгие часы. Часы яростной, и потому упоительной, борьбы. Образ действий врага казался Аннабель знакомым. Что ж, тем хуже для него.

**

Похоже, монстр не выдержал общения с Джонатановыми спутниками (не с нами, конечно, а с космическими аппаратами). Цыгане робко, бочком-бочком, разбрелись по закромам, якобы просто любуясь экспонатами. Ну да, а торчащие из карманов золотые безделушки попали туда случайно. Но нашим изысканиям робот уже не мог помешать.

Я собралась было присоединиться, когда крик Хайда в корне изменил мои планы.

— Я уже такое видел в том фильме с Гварцнеггером! Это отсчет времени… — неуверенно промямлил Джо, пятясь, и вдруг заорал что есть мочи: — Бежим! Он сейчас взорвется!

Не знаю, какой именно фильм вспомнил Хайд, но почти во всех киношках с Гварцнеггером имеются сцены, где герои улепетывают на фоне разворачивающегося клубка огненных всполохов и дыма, а вдогонку им летят ошметки зданий, слишком поздно спохватившиеся неудачники, потешно дрыгающие конечностями, автомобили и прочее.

Худшие опасения не замедлили подтвердиться: чудовищный взрыв повалил нас, настигнув от силы метрах в трехстах от пещеры — в овраге. Расстояние это мы преодолели на умопомрачительной скорости, невзирая на отягощавшие кое-кого трофеи. Полагаю, мы смотрелись не хуже киношных персонажей, хоть и на фоне голубоватого шара вместо багрово-рыжего, смахивающего на колючий каштан, облака.

Поразмыслив над возможными причинами гибели робота, я сочла наилучшим объяснением .

**

Плоды победы над «драконом» оказались сладки и сочны. Некоторые особо пытливые, правда, продолжали упрямо ломать головы, почему огромный робот окочурился. Туве со своей обычной категоричностью провозгласила, что , но лично мне было до лампочки. Ну какая, скажите на милость, душа у железяки? Впрочем, неважно от чего да как он «издох», главное, алювинцы приписали все заслуги нам и намеревались хорошенько попраздновать.

Поначалу с присущей мне скромностью я постеснялась (читай — не догадалась) предъявить счет за оказанные услуги в городское правление. Но меня посетила идея, как малыш Том может провести необходимые гигиенические процедуры с должным комфортом. Почему пацан не провернул этого раньше? Наверное, пресловутая стыдливость помешала. Набросав грязное белье в рюкзак, выклянчив у дока кус мыла и подобрав достойную оплату — пара ниточек медной проволоки, несколько бусин и мелких шайбочек превратили мой идэнский наушник в симпатичное украшение, — я отправилась в бордель. Благодаря бирюльке у Тома не стали выпытывать, зачем ему бочка теплой воды в отсутствие шлюхи. Вообще-то мужчины предпочитают совмещать приятное с полезным, то есть посещение девочек с банным днем. А я всего лишь люблю чистоту.

Кроме того, сидючи в теплой водичке, лучше думается. Мысли текут меж ушей нескончаемым и неконтролируемым потоком, а ты, знай себе, лови то одну, то другую, рассматривай и отпускай снова. Вот например: роботы в Идэне запросто демонстрировали малолеткам фильмы, под завязку набитые насилием (допускали романтические сцены, невнятные рассуждения об устройстве мира и месте в нем человека, но ни единого намека на секс не встречалось нигде. Годам к десяти мальчики и девочки представляли, что делает с телом пистолетный выстрел или удар меча, как оно выглядит после падения с большой высоты и даже как избавиться от трупа с помощью стада свиней. Однако эти же дети до шестнадцатилетия полагали правильным, если младенец попадает в кадр сразу после свадебного поцелуя. Кстати, от нас не скрывали нелицеприятных явлений типа пьянства, курения, утреннего поблева — персонажи фильмов и книг исправно страдали перечисленными недугами. Кто придумал эти уродливые нормы? Мир вне Купола куда честнее. Человек с пеленок познает его взахлеб: папино похмелье с последующими побоями, присутствие при рождении младшей сестры, ожидание старшего брата в борделе, жестокость людей, их любовь, их слезы, смерть — все на виду. Доступность информации не уберегает от ошибок и заблуждений, потому что редко кто поясняет происходящее, но нет странной кособокости в воспитании, присущей идэнцам. Хотя, вероятно, малыши из пустошей, попади они в Идэн, порадовались бы деликатности, с которой новые знания поступают к ним в головы.

Потом у меня в мозгу замельтешили бессвязные образы, веки начали слипаться. Нет, сон в остывающей воде — это мерзко. Я окунулась с головой, а, вынырнув, обнаружила перед бочкой одну из работниц заведения.

— Тебе помочь, малыш? — проворковала дама (да она мне в мамы годилась!).

— Нет, я сам! — как можно жестче ответила я, скорчив вдобавок очень недовольную рожу. — Просил же не беспокоить!

Шлюха презрительно хмыкнула и удалилась. Эх, привлекла-таки моя мордашка нежелательное внимание персонала — пора валить.

Я вылезла, закинула в свою купальню вещи для стирки и принялась за дело (штаны после прогулки по шинкэтской канализации проще было бы выкинуть), как вдруг у меня за спиной с громким стуком распахнулось окошко. Дверь-то я заперла, но поклонницы Тома, судя по всему, нашли другой вход! Перехватив мокрую рубашку, я приготовилась принять посетительницу, но, узнав Туве, плюхнула мокрый жгут обратно в мыльную воду.

— Томми моется, вообще-то! — воскликнула я.

— Когда твоей анима нужна была помощь, я отрывалась и от более важных дел, — намекнула гостья и уселась на единственный в комнате стул.

Ее протянутая рука, в которой блестела баночка с глиной, не оставляла мне шансов притвориться, будто мне неясна цель визита. Стоп, но дикарка до сих пор только «исцеляла» меня, а для себя ничего не требовала — Туве всегда наносила рисунки сама. Что изменилось?

— Теперь мой черед разукрашивать тебя? — я решила все-таки уточнить.

— Твои узоры тоже слегка поблекли, я их обновлю, не беспокойся.

— Спокойна, как танк. Просто меня немного смущают твои ритуалы, — проворчала я, принимая баночку из ее ладошки.

Вечерний холод пустошей, залетая с ветром в распахнутое окно, неприятно перебирал стылыми пальцами по мокрой коже. Хренов дикарский обряд из-за этого я провела небрежно, намазав поверх еле различимых загогулин, треугольников и зигзагов новые. Туве лишь печально вздохнула, заметив мою неаккуратность, но никак не

прокомментировала. Сама она, как и в предыдущие разы, подошла к церемонии обстоятельно.

И вот я стою, зябко ежась, Тувины пальцы чертят у меня на бедре замысловатую волну, а в осколке зеркала возникает отражение Акселя. С визгом я занырнула в грязную уже воду к своей одежде. Дикарка от неожиданности шлепнулась на пол и выронила банку. Емкость с глиной покатилась к цыганину, он остановил ее ногой и несильно пнул назад к хозяйке.

— О, да вы тут развлекаетесь — тискаетесь да обнимаетесь? — он шагнул внутрь и прикрыл дверь. — Ловка ты, девочка, хоть и строишь целочку! — прибавил Аксель, обращаясь к Туве.

— Ты хитрец, привычный к обману, твой взгляд на мир однобок, — строго проговорила дикарка, вставая. — Потому ты видишь в важном ритуале подвох.

— Конкретно сейчас я вижу перед собой рыжую извращенку, но долго терпеть ее присутствие не намерен, — с напускной угрозой процедил цыган, шагнув к Туве. — Ну-ка кыш!

Я от души посмеялась, наблюдая за галантным выпроваживанием посторонних. Аксель сделал обманное движение, будто хотел поймать девушку за ухо, та прянула и чуть не боднула мою бочку. Тогда цыганин поднял Туве, поддержал под локоток, пока она перекидывала ноги через высокий подоконник, удостоверился в благополучном приземлении и попрощался с ней, помахав шляпой. Потом он захлопнул ставни, развернулся и оглядел мою ухмыляющуюся физиономию.

— Тебя ни на минуту нельзя оставить? — спросил Аксель.

— Хороший товар не залежится. Кто долго думает, может пролететь с покупкой, — нахально заявила я. — Впрочем, я тебе жаловалась, еще будучи Томом: бабы за пацаном табунами ходят.

— Эта-то не к мальчишке приперлась, — в голосе цыганина просквозило всамделишное недовольство. Он помолчал, а потом, приоткрыв дверь, крикнул: — Заносите!

Послышалось громыханье, и в комнату вкатилась роскошная металлическая ванна, наполненная горячей водой. Она заняла едва ли не все свободное пространство. Дамы — а кому же еще выполнять тяжелую работу, ведь не здоровенному же вышибале фигней заниматься? — доставившие чудо сантехники, столпились в дверях,

постреливая глазками на Акселя. Кажется, цыганин не замечал презрения в их взглядах, а его хватило бы, чтобы отравить добрую дюжину мужчин. Когда он вручал им полагающуюся награду за труды (по-моему, чересчур щедрую), я решила пролить свет на положение.

— Кстати, Акс, чегой-то ты уединяешься с молоденьким пацаненком? — лукаво поинтересовалась я.

Цыган побледнел. Нет ничего страшнее для мужика, чем обвинение или подозрение в гомосятине. Свои тылы сильный пол готов защищать до умопомрачения, именно поэтому , как поименовал бы их Декстер, не притрагиваются к домашней работе, ведут себя грубо, не моются, одеваются небрежно и считают пидорками всех, окромя себя. Аксель по многим признакам, вернее, их отсутствию, уже мог быть причислен к сообществу мужеложцев, и совместный досуг с малышом Томми забивал последний гвоздь для прикрепления таблички «петушок» над цыганом. А дурная слава по пустошам разлетается ой как быстро. Я самую малость полюбовалась вытянувшимся Акселевым лицом, на котором мелькнула мольба.

— Ладно, не смотри на меня так. Придется спасти твою репутацию — с нынешнего момента ты мой должник! — я вылезла из бочонка и несколько раз повернулась, позволяя стушевавшимся кумушкам оценить прочие прелести.

— Пожалуй, девочки, вам еще причитается за сохранность нашей маленькой тайны, — к Акселю снова воротилась прежняя веселость, он присовокупил к внушительным расписное блюдце и без церемоний вытурил мамзелей из номера.

Я невозмутимо споласкивала одежду в бочке. Позади раздался тихий всплеск, дополненный блаженным вздохом, — Аксель окунулся в ванну, беспардонно сбросив свои шмотки мне под ноги. Полагаю, с жирнейшим намеком.

— Не стану я за тебя отдуваться! Сам постираешь! — возмутилась я.

— Замочить, по крайней мере, ты способна? — насмешливо уточнил цыган, брызнув мне на спину воды.

— Мочить да жарить у нас все горазды, так что давай-ка сам. А то после начнется — замой пятно на рубахе, выжми джинсы! Утюга нет? Может, еще шнурки погладить? — да, развоевалась я не на шутку.

— Мэйби, если тебе нравится бултыхаться в этом болоте — пожалуйста. Занимайся хоть всем перечисленным сразу. Только вот у меня вода остывает. Созерцание женщины за работой тоже, конечно, доставляет определенное удовольствие, но вообще-то постирушки включены в счет. Можешь и свое барахло подкинуть, — Аксель произнес тираду таким тоном, будто уговаривал капризного ребенка съесть вкуснейшее лакомство, от которого мелкий упырь смел еще рыло воротить.

Мне стало стыдно. Я мялась, не смея выпустить из рук мокрое тряпье и поднять глаза. Цыганину пришлось кувырнуть непонятливую девку (то есть меня) в ванну.

**

Собственно, в той или иной мере отдохнули и развеялись все, кто обратился к мэру или присоединился к народным гуляниям. Теперь табор спал мертвым сном.

За стеной трейлера раздалось клацанье металла о металл и вскрик. Я приподнялась на локте с постели и навострила уши, потом вскочила как ужаленная и приникла к окошку — так и есть, Аксель привел в исполнение свою угрозу и поставил у двери капканы. В одном из них билась Туве. Цыган выказал некоторое человеколюбие (или), применив ловушку без зубьев. Однако это, вероятно, тоже больно! Дикарка силилась разомкнуть железные «челюсти», охватившие ее голень, но ничего поделать не могла. И где Аксель выискал такого монстра, с ним на слонов только и охотиться! Аккуратно переступая через спящих, которых набилось, на мой вкус, многовато, я прокралась к двери и вышла. По-моему, дыхание цыганина сменило темп. Что ж, если проснулся, пускай послушает.

Первым делом я помогла Туве освободить ногу, ощупала место «укуса», но не обнаружила даже припухлости, а раны — и подавно. Повезло. Облегченно выдохнув, я закинула железяку под трейлер.

— Туве, какого хрена ты здесь забыла? — вопрос глупый, но удержать его у меня не получилось.

— Анима, — кратко ответила девушка.

— Стоп, моя не пострадала! — соврала я.

— Да, я знаю. Аксель воспринял тебя и ваши отношения неожиданно серьезно, хоть и не вил гнезда, не танцевал, не проявил

удали… — грустно произнесла Туве. — Он каким-то образом понял. Впрочем, танцы и гнезда — лишь символы.

— Так в чем же дело? — я присела на трейлерное крылечко, угадывая впереди горестные излияния.

Дикарка присела рядом, потирая ногу. Синячище-то, наверное, о-го-го будет!

— Моя анима истощается. Джо берет слишком много, но ничем не заполняет пустоту.

— Какие проблемы? Дай ему от ворот поворот! — я искренне удивилась ее «хайдолюбию».

— Его желание очень сильно. Настолько, что может погубить. — Туве повесила голову. — А я обещала присмотреть за ним.

— Да ну! Ни один мужик еще не сдох из-за воздержания! — авторитетно заявила я, махнув рукой. — Вот если бы речь шла о любви — другое дело. Половина произведений искусства посвящена именно отвергнутым чувствам, другая половина — несчастным влюбленным и самая капелька — счастливым…

— Джо еще мал, у него в голове такая каша…

«Где-то я уже слышала это!» — хмыкнула я про себя.

— Он думает, его чувство ко мне настоящее, — словно прочитав мою мысль, пояснила Туве. — Называет это любовью. У людей вообще всяких ярлыков в избытке.

— Тебе действительно жаль его?

— Отсутствие сострадания, эгоизм, жестокость истощают анима столь же неотвратимо, сколь обмен анима, не подкрепленный…

— Гнездостроительством? — со смехом закончила я и тут же прикусила язык, столкнувшись с ее грустным взглядом.

— Помочь мне можешь лишь ты. — Туве не стала комментировать мою шуточку.

— Если бы дело было только в рисунках — запросто, но…

— Аксель заблуждается, находя в нашем взаимодействии физиологический подтекст. Приятные ощущения связаны с наполнением ауры, — пояснила дикарка. — Теперь только твоя анима способна восполнить мою, ведь ты тоже туве. Предвосхищая вопрос, сразу скажу: есть и второй шанс, и третий, и так далее, но чем чаще ты ошибаешься, тем меньше остается анима. Создавать пару лучше с

первого раза и, ммм, надолго. Именно об этом мечтает любое существо, но отчего-то человек относится к выбору наиболее халатно.

— Положим, но вдруг ты мне лжешь? Откуда мне знать, что твоя анима на исходе?

— Но… — девушка недоуменно вскинулась, — видно же.

— Мне — нет! — воскликнула я с наигранным возмущением.

— Нужно захотеть, — растерянно развела руками Туве. — Вот и Джо не видит, но ему-то всего несколько недель от роду.

— Я очень хочу посмотреть! — изрекла я и пристально уставилась на дикарку. Естественно, ничего особенного, похожего на эту самую аниму, вокруг девицы не было, о чем я ее и уведомила.

— Ты не веришь, — вздохнула она.

Лицо — да вся фигура — Туве выражали такую неуемную, скорбь, что я подавила обиду и раздражение. Нет, она меня не разыгрывала.

— Ладно, но, скажи-ка, моя аура станет меньше, так?

— Да. Я возьму больше, нежели отдам, но ты, Мэйби-туве, пока способна восполнять свои анима-токи сама, даже не замечая недостатка. А мне уже не по силам.

Почему я принимаю ее бред за чистую монету? Вероятно, где-то в глубине души я и вправду туве. Или меня убедили узоры — нанесенные мной на дикарку только сегодня, они почти совсем исчезли. Впитались, что ли. Подбрасывая на ладони баночку с белой глиной, я последовала за Туве к заросшему пустырю позади стоянки.

**

Феора Катарина Слейер отхлебнула чая — настоящего эндийского чая, а не тех мерзких помоев, что подавали в офицерской столовой, — и аккуратно разложила перед собой фотографии. Она подняла одну из них, изображающую молодого симпатичного мужчину с эффектным профилем и копной нечесаных темных волос.

— Ох, Джонни, — выдохнула старуха, — как же так получилось?

В это было трудно, почти невозможно поверить — Джонатан Д. Хайд, ничуть не изменившийся за минувшие семьдесят два года, побывал в Шинкэт Ангаре пять дней назад. Хотя не так уж трудно, если вспомнить о женщине, сидящей в соседнем кабинете в обществе Ленса и Говарда. Небось эти два имбецила уже напялили смокинги с темными очками и светят бедняге в лицо лампой-прищепкой — ведь

именно так ведут себя федеральные агенты в довоенных фильмах. Только вряд ли они чего-то добьются от худой застенчивой негритянки, убежденной, будто она — рядовой Лармериканской армии Захария Джонстон, родившаяся 5 июня 1987 года в штате Оллакхома.

Нет-нет, немыслимо! Но разве перед ней не лежит фотография возлюбленного, которого она бросила семьдесят два года назад, начав работу над проектом «Аннабель»?

Уронив голову на руки, госпожа директор прогресса, науки и техники (о небо, как же глупо звучит!) погрузилась в воспоминания, откуда ее вырвал тихий и какой-то чересчур приторный голосок Аннабель. Суперкомпьютер интересовался, может ли она чем-то помочь своей лучшей подруге. «Ты уже помогла, электронная сучка!» — хотела заорать Феора, но слова застряли в горле. Аннабель обидчива и злопамятна, помимо того, она действительно была подругой Феоры, причем не лучшей, а . Но, главное, такие слова были бы несправедливы. Директор Ф. К. Слейер, а в далеком прошлом — просто Фео, не имела права кого-то винить в случившемся. Она сама предпочла Аннабель Джонатану Хайду.

И да, на нее оказывали давление. Правительственные агенты, , а не клоуны, играющие в них, заставили бы сотрудничать , не говоря уж о девчонке — выскочке, юном даровании, — чья карьера могла рухнуть и без столь серьезных вмешательств. Да если б речь шла о карьере! Феора подозревала, что отказаться ей не позволили бы. В противном случае она, наверное, бы, как Линдисти, Банго, прыщавый Нортон и пронырливая журналисточка с третьего канала, задававшая неудобные вопросы. Правительственные шишки возлагали на проект «Аннабель» большие надежды и предпочитали не рисковать. Оно и понятно: исследование останков некоего механизма, обнаруженного в северных широтах при строительстве нефтяной платформы, буквально перевернуло традиционную науку с ног на голову. Ходили толки, что это обломки древнего космического корабля. Разумеется, военные первыми наложили руки на артефакт, и вскоре арсенал лармериканской армии пополнился устройствами, которые до того встречались только в комиксах и видеоиграх — тактическими экзоскелетами, флайерами-невидимками, нанотерапевтическими инжекторами… и великолепной умницей Аннабель. Именно эти игрушки в конечном счете убедили президента в возможности победы

над Гроссией, а ее, Феору, вознесли на вершину. Да, успех чаще дарует случай, чем каждодневный упорный труд. Так устроена жизнь.

И вот она, плата за успех: тебе девяносто восемь лет, ты окружена врагами, завистниками и идиотами, а компьютер — твой единственный друг. Ты нянчишь девку, которой место в дешевом борделе, а не в президентском кресле, и думаешь о том, как (вот именно — не процветать, а выжить) на руинах цивилизованного мира. У Феоры никогда не было ребенка, однако она хорошо знала, каково многодетным родителям. Ведь она вынуждена вести дела с оравой великовозрастных остолопов, осведомленных о прошлом чуть больше кафриканских дикарей. Исключительно благодаря ей, Феоре, и Аннабель, ее детищу, Новое Лармериканское Объединение не только существует, но и умудряется преуспевать.

Хотя в последнее время число проблем множилось, точно поголовье кроликов по весне. Подготовка к грядущей войне с Конфедерацией поглощала немыслимое количество ресурсов, а ведь кампания еще даже не началась. С востока долетали тревожные слухи о гроссийцах, планомерно осваивающих кафриканские территории. А тут еще срыв поисков мастера Клоша Гриффина, бежавшего из новоошингтонского научного комплекса год назад. До своего исчезновения это, мать его, совсем-не-юное-дарование занималось разработкой новой линии боевых стимуляторов. Теперь армию НЛО придется воодушевлять по старинке: дешевым виски, развевающимся звездно-полосатым флагом и лживым блеяньем про демократические свободы. Кроме прочего, безвозвратно канул в пустоши нанодок, способный возвратить ей молодость на следующие десять-пятнадцать лет и предотвратить крушение останков лармериканской цивилизации. Кретинище Виллис угробил своих людей, флайер со встроенным стелс-режимом, четыре экзоскелета новейшей модификации, ну и, до кучи, подох самолично. С Бриггса, в общем-то, спрос невелик — он до сих пор вынужден испражняться в резиновую утку. Но Феора уже решила, что Бриггс отправится гнить на гроссийской границе, как только встанет на ноги. С глаз долой, так сказать.

Для улаживания возникших трудностей Феоре требовалось время. Которого по вполне очевидным причинам оставалось всего ничего.

Джо придется увидеть ее

Неважно.

Из глубин подсознания всплывало тягучее нетерпение, обычно овладевающее детьми накануне праздников. Она должна встретиться с этим человеком, кем бы он ни был, и обрести покой.

**

— Итак, вы родились в 1897 году… — Ленс поправил очки, украдкой зыркнув на Говарда. Тот, уловив сигнал, немедленно выпустил в лицо Заки струю вонючего сигарного дыма.

— Извините, сэр, вы ошиблись. — Захария еще пыталась сохранить чувство юмора и уважение к своей стране, которую сейчас воплощали два придурка, напоминающие героев фильма категории «Б». — Я родилась .

— Вы противоречите сами себе! — Говард покосился в пустой блокнот, в котором изредка ковырялся высохшей шариковой ручкой, и посветил в лицо негритянке лампой-прищепкой.

За их спинами хлопнула дверь. Ленс обернулся первым и чуть не грохнулся со стола, на котором, согласно кинохроникам, должен сидеть ведущий дознание агент.

— Найдите этого человека. — Феора пожаловала лично. Обычно она ограничивалась звонком или электронным сообщением, а значит, дело серьезное. — Теперь он направляется в Мессику в большой компании. Он нужен мне невредимым. Чтобы ни один волосок не упал с его бесценной головы.

На стол, заваленный для антуража пустыми бланками, хлопнулась папка с фотографиями из Шинкэт Ангара.

— Хватит изводить женщину всякой херней. Расспросите по существу и отправьте людей. — Она с отвращением посмотрела на Говарда, сжавшегося под ее взглядом. — Если вы, ребята, облажаетесь, как Виллис, — она выхватила из рук агента лампу, — вот эта штуковина будет самым приятным из того, что засунут в ваши кроличьи задницы! — Феора повернулась к Заки: — Солдат, надеюсь на твое содействие. Нам многое предстоит сделать, возрождая былое величие державы. Отнесись с пониманием.

Захария в приступе искренней радости тряхнула кудрявой головой и лихо козырнула. Наконец-то ей встретился патриот!

**

Таких, как Конрад Блум, называли «Охотниками за головами», «Охотниками за гробами», «Охотниками за наградой»… или просто

«Охотниками». Как несложно догадаться, его дичь коварством, умом и кровожадностью превосходила даже огнедышащих ящериц, предположительно населяющих юго-восточное побережье Гатая, или вымерших ныне тигров и марги.

Мастер Блум добывал человеческие головы.

Разумеется, он не имел ничего общего с полуголыми дегенератами, которые, отчекрыжив своим жертвам части тела, водружали их на колья около своих смрадных шатров из шкур и гнилого брезента. Его работа была сродни труду суркобоя — когда фермер не мог справиться с хитрыми тварями с помощью капканов, отравы и дубинки, приглашался специалист, изучивший повадки сурков в совершенстве и способный подойти к решению проблемы творчески. Когда кого-то особенно сильно доставали люди, приглашали Конрада.

Срок человеческой жизни в пустошах редко превышал тридцать-сорок лет. Мастер Блум не так давно справил пятидесятилетие, чем небезосновательно гордился. Хотя порой болела сломанная в нескольких местах правая рука, прихватывало спину, а без очков мир вокруг превращался в туманную дымку, Конрад все еще оставался смертельно опасным. А главное, обладал репутацией, гарантировавшей хороший заработок, пока он способен нажимать на спусковой крючок.

Он еще помнил Долгую Зиму, в разгар которой появился на свет. Сосунки, разъезжающие сейчас на багги и мотоциклах, сжигающие фермы и грабящие одиноких путников, даже не представляют себе истинного смысла словосочетания «борьба за жизнь». Равно как и напыщенные шерифы, мэры, ополченцы вместе с прочим городским отребьем. Последнего достойного противника Конрад прикончил лет этак пятнадцать назад.

Будучи человеком неглупым, Конрад предвидел конфликт между НЛО и КСГ задолго до его начала. Жалкие потомки великих отцов грызлись друг с другом в тени ворочающегося на востоке Царства Гроссийского, как помойные коты под трухлявым забором. Впрочем, грусские по самые уши погрязли в сварах с Гатаем, шептались также о государстве мутантов. Да хрен их разберет. Конрад переслушал множество самых невероятных домыслов. Несомненно одно — война

уже полыхала у него под боком. В том огне глупец сгорает, мудрец же готовит на нем еду.

И Конрад Блум готовил свой роскошный банкет на одну персону. В последние несколько лет его специализацией стали убийства глав городских администраций. Конфедерация и Объединение до сих пор не торопились вступить в открытое противостояние, предпочитая действовать убеждением. А что может быть убедительнее, чем градоначальник с дырой во лбу или шериф с такой же дырой между лучей своей жестяной звездочки? В следующем за убийствами хаосе всегда обнаруживались политики посговорчивее.

Поэтому, когда ему Мигеля Торреса, мэра Эль Саладо, крупного мессиканского поселения близ границы, Конрад согласился не торгуясь. Он симпатизировал северянам, скорее всего, потому что его дед был майором армии Объединенных Штатов Лармерики. Настоящей армии, а не того сброда, который нынче забивал бы друг друга камнями, окажись Великая Война чуточку разрушительнее. Блум предпочитал директорат НЛО кучке вооруженных ранчеров с заляпанными навозом сапогами. Подобные убеждения должен был разделять любой мыслящий человек. А для недовольных завсегда найдется пуля или арбалетный болт.

Путешествовать по пустошам в одиночку опасно, но Конрад не особенно переживал за себя. Умирают любители, профессионалы процветают. И все же, когда примерно в полудне пути от городишки Алювина мопед сдох, мастер Блум испытал легкое волнение. Однако он быстро справился с собой и уже на восходе подгонял треклятую рухлядь к воротам.

У местных, похоже, возникли проблемы — в стене зиял такой пролом, будто внутрь заехал карьерный самосвал, снабженный тараном. Хотя это, конечно же, не его дело. Конрад решил начать с визита в пристойную едальню (если тут они вообще есть).

Ах, как чудесно выкушать пивка после долгой изнурительной ходьбы! Блум развалился на стуле, потягивая темный эль из надтреснутой глиняной кружки. Внешне он ничем не отличался от преуспевающего странствующего учителя или актера: худощавого сложения, в черном сюртуке под заношенным кожаным плащом, в потертом котелке и очках. Только в саквояжике, который учителя и актеры заполняют исписанными тетрадями, реквизитом и полосками

вяленого мяса, у Конрада лежали разобранная снайперская винтовка с оптическим прицелом, разобранный же карманный арбалет… и полоски вяленого мяса, разумеется. А еще патроны, фотография мэра, карта и набор мелких инструментов. В потайном чехле в подкладке плаща покоился мачете. С его помощью Конрад расправлялся с трудностями неотложного характера и однажды убил им двенадцать человек меньше чем за минуту.

Сделав долгий глоток, Блум поставил кружку и сразу же заметил бегущую к нему девку. Опасной она не выглядела, иначе он, не раздумывая, вогнал бы мачете в ее необъятные сиськи.

Конрад решил выяснить, что будет дальше.

— Дядя Конрааааад! — девица, широко раскинув руки, бросилась вперед, намереваясь, очевидно, повиснуть у него шее.

Но то ли от избытка чувств, то ли по неосторожности, незнакомка зацепилась за стол и повалилась на пол. Конрад своевременно подхватил кружку, избавив себя и девицу от малоприятной перспективы вымокнуть в эле. А та неожиданно ловко вскочила и буквально запрыгнула к нему колени. Болтая длинными ногами и весьма откровенно прижимаясь, она затараторила, собираясь, похоже, пересказать «дядюшке» все подробности своей жизни.

Конрад мучительно пытался сообразить, сколько у него племянниц и есть ли они вообще, а если есть, то не ютилась ли одна из них в багажнике «букашки».

Перед лицом Блума в пальчиках потенциальной родственницы плясала скрученная из трех гвоздей собачка. Мог он такое сделать? Пожалуй, мог. Он даже припомнил девчонку, которой подарил этот образчик абстрактного цинизма. Эланор? Элли? Этель? Пусть будет Этель.

В молодости Конрад был гораздо сентиментальней, чем сейчас. На сегодняшний день к женщинам, как красивым, так и прочим, он относился с полнейшим равнодушием. О, он сделал вполне осознанный выбор, выбор умудренного годами мужчины. Просто с бабами слишком много возни: они мешают работать, тянут средства, плачут, беременеют. Здравомыслящий человек не потерпит такую ерунду ради возможности пару раз в неделю присунуть член. К тому же женщины быстро стареют, а Конрад наружностью и здоровьем дал бы фору многим молодчикам.

— … едем в Саладо. Там есть такая установка для отправки писем на небо! — девка самозабвенно лопотала, устроив голову на его плече.

Конрад пропустил мимо ушей большую часть ее монолога, но знакомое название не ускользнуло от него. Ведь ему-то туда и надо. Поездка с караваном, безусловно, куда спокойнее и безопаснее.

— И я как раз еду в Саладо, — попытка добавить в голос теплоты вроде бы увенчалась успехом. — У меня тут сломался мопед…

— Давай с нами, дядя Конрад! Аксель, конечно, обворчится, но ты же мой дядя! А за мопед не волнуйся! С нами едет такой мужик, он занудный и у него белый халат, и с ним рыжая такая дикарка, но во всякой машинной лабуде он сечет. А если поломка несерьезная, так и Натан справится.

Конрад ухмыльнулся. Правильно говорят: удача улыбается смелым, — а смелости охотнику за гробами не занимать. Хотя в данном случае судьба вознаградила его за какие-то иные качества.

— Пойдем, Э, — будучи уверен только насчет первой буквы имени, Конрад произнес его максимально неразборчиво. Впрочем, радостная «племяшка» не обратила на это никакого внимания. — Познакомимся с твоим башковитым мужиком.

**

Моррикай, или просто Мо для друганов и приятелей, подобрал на обочине увесистый булыжник. Обхватив камень двумя руками, он обрушил его на голову осла. Зверюге так и так оставалось недолго.

Павший от палящего полуденного зноя ишак не был единственной проблемой Мо. проблемой нынче являлись его друганы и приятели, лежавшие вповалку на главной улице городка, название которого Моррикай забыл. Но случившееся там забудется еще не скоро. Гребаный шериф раскусил их план и заманил в ловушку. Мо как сейчас видел мечущихся под обстрелом ребят, падающих один за другим…

В сущности, хрен бы с ними, с поганым отребьем. Мо умнее и фартовее (другими словами, лучше) их всех, вместе взятых. Посему их трупы глодают койоты на свалке безымянного городка, а у него всего лишь подох краденый осел.

Разделав животинку, Моррикай завернул мясо в попону и уложил сверток в рюкзак. Тяжеловато, конечно, но до Алювина рукой подать. Вроде там он ничего еще не успел натворить. Мо планировал

прибиться к купеческому каравану. Да, отличная мысль! Лучше бы красной роже Моррикая исчезнуть покамест из этих краев. Обернув поудобнее вокруг талии свой вислый кожистый, точно крысиный, хвост (по его собственному мнению, тот талисман, который не раз сберег ему жизнь, даром что жутко мешался большую часть времени), Мо продолжил путь к Алювину, насвистывая веселую песенку.

**

Может быть, когда-то путь до Мессики на автомобиле и занимал двое суток — старый мир таит в себе множество удивительных вещей, — но теперь табор ожидала как минимум неделя в дороге.

Нам предстояло углубиться в земли, серьезно пострадавшие в Великой Войне и страдающие от конфликта НЛО и КСГ, совсем не великого, но способного существенно осложнить жизнь горстке цыган. Поэтому Аксель озаботился наймом проводника. Но, как по мне, лучше б он занялся поисками раньше, в том же Шинкэте. Алювин не выглядел местом, где околачиваются толпы опытных следопытов или людей, отваживающихся отъезжать от города хотя бы на пару дней конского ходу.

Вокруг наших машин, единственных на городской стоянке, крутилась вездесущая ребятня. В какой-то момент к ним присоединился некий подозрительный тип. Кожа на его харе цветом смахивала на спелый помидор. Я навострила уши (во всех смыслах). Фиг его знает, может, он заразный.

Подумав о болезнях, я вспомнила о нашем доке. Данике со вчерашнего дня пребывал в довольно мерзостном состоянии. После взрыва «дракона» на мою мордашку тоже лег приятный загар, но докова физиономия не загорела, а .

Яркая голубоватая вспышка застала нас двоих на краю спасительного оврага. Я-то обернулась, уже съезжая на спине по склону вниз, а Данике грохнулся на самой кромке. Высунуться из укрытия и втащить его никто не осмеливался до тех пор, пока наверху не стих ветер и не померк свет, в смысле не вернулся к своему нормальному предвечернему состоянию.

Вообще-то Джо и Данике поговаривают, будто мы стали жертвами , но, по-моему, это полнейшая ерунда. По возвращении Натан тщательно изучил каждого — разве что в рот дозиметр не засовывал, — не ни один из нас. Все чувствуют себя прекрасно. Данике же,

бедолага, с полуночи мается от тошноты, слабости, головных болей и легкого жара. Утром он, однако, нашел в себе силы встать и, никому не доверяя важного дела, поплелся искать в городе Чем, собственно, поможет кислота при ожогах и рвоте, известно одному лишь доку. Наверное, он съел какую-нибудь гадость. Или выпил. Происходящее с ним, за вычетом ожогов, очень похоже на пивное похмелье. Аккуратнее надо халявой пользоваться, знаете ли!

Ну или вот еще версия, которой упорно придерживается Туве: когда лопался сосуд роботской души, Данике посекло осколками. Но даже если дикарка права, ему придется справляться самому — вряд ли Джо обрадуется, застукав рыжую за поправлением Даниковской анима. Да и не допустит док до своей персоны всяких шарлатанов (полагаю, шарлатанок это тоже касается).

Вот же настырный! Краснорожий приблизился к «джону гиру» вплотную и принялся изучать «воронье гнездо». Мое «воронье гнездо»! Пора осадить уродца! Я покинула свой пост на крыльце трейлера, где Аксель оставил меня следить за завтраком, и на всех парах устремилась к незнакомцу.

— Эй, поц, чо пялишься? Чай не в зоопарке!

— За постоять плату не берут! — последовал ответ в том же духе.

— За просто так вали стоять в другом месте! — диалог намечался продуктивный: кажется, типчик нащупывал в кармане кастет.

— Да остынь, кекс, я наняться хочу, — веско произнес пришелец. — Но не абы к кому.

— Мы нахлебников не держим — у самих руки из плеч, — несколько спокойнее проворчала я и махнула ладонью: не мне, мол, разбираться в сортах бродяг. — Пойдем, а то не досуг с тобой возиться… так и завтрак убежит.

К сожалению, мы кое-кого нанять, поэтому упускать даже мизерный шанс я не имела права, иначе придется нам куковать в Алювине до появления проводника или рискнуть, отправившись без него.

«Главный» цыган обосновался, где ему и положено, — рядом с лошадьми. Проверял упряжь. Раз в сотый за последние минут сорок. В поисках провожатого не помогли его обширные связи, и он злился на себя за непредусмотрительность. Завидев меня в компании

красномордой страхолюдины, Аксель с особой тщательностью углубился в изучение какой-то заклепки. Занятой человек — все дела.

— Акс, тут один хмырь битый час ошивается у машин, — безрезультатно потоптавшись рядом с цыганом, я решила прервать его затянувшуюся пантомиму.

— А ты на кой, шкет? Отвесь ему люлей, чтоб катился отседа скорей, — лениво посоветовал Аксель, не поворачивая головы.

— Я б с удовольствием, но интерес есть.

Цыганин наконец удостоил чужака взглядом.

— Мутант, — констатировал он, — фиг ли толку?

Тут пришелец сам поспешил вступить в разговор:

— У вас караван, направляетесь вы наверняка в сторону Мессики, а в той стороне лучше хорошо знать дорогу, по которой едешь.

— Короче! — бесцеремонно поторопил его Аксель.

— Могу провести.

— Угу, а чо это у тебя из рюкзака кровь капает? — внезапно спросил цыган.

— Осел подох — не пропадать же мясу, — пожал плечами краснорожий. Капюшон съехал у него с головы, открыв нашим взорам шишковатый лысый череп.

— Ага, ишак подох, да ты не лох — мяска чуток пригреб в мешок, — поддакнул Аксель, видимо, размышляя над перспективой пригреть в таборе очередного отщепенца. — Ладно, только сделай уже чо-нить со своей ослятиной. Пока о тебе не подумали невесть чего.

Покуда мы втроем балакали, поглазеть на причину шума (терки ведь всегда проходят на повышенных тонах, даже если не ведут к драке) собрались прочие таборчане. Судя по лицам, соседство со страхоидолом не воодушевило ребят. Общее мнение высказал вернувшийся с прогулки за лекарством Данике.

— Еще одного урода взяли? — злобно вопросил он, смерив проводника брезгливым взглядом. Под остальными уродами док, похоже, подразумевал меня, Туве, Декстера, а, может, вообще всех — хворь не лучшим образом отразилась на его настроении.

— Цирк папаши Акселя! — подпустила шпильку Кирна. — Только одно представление! Всем, блять, на удивление. Однако сначала неплохо бы проверить, не фонит ли этот клоун! Натан, где счетчик?

— Кирна, зачем же обижать нашего нового спутника? — по ходу Дриббл просто не желал приближаться к мутанту. — Он эндеец, ясно же!

— Мне ясно одно — кто-то подзассал. Ну да это вполне в твоем стиле, — пренебрежительно констатировала блондинка, а провожатому вдогонку многообещающе рявкнула: — Я с тебя глаз не спущу!

Мутант благоразумно не обратил внимания на Кирнин выпад. Конец обмену любезностями между своими положило появление еще одного чужака в компании Элейн.

— Ага, Элька тоже кого-то привела. Не иначе проводников в Алювине ошивалось больше чем ни одного! — рассмеялась Кирна. — Хотя, сдается мне, этот из числа поклонников стареющих нимфеток.

— По крайней мере, смотрится приличнее, — тихо обронил Натан.

— Познакомьтесь — мой дядя Конрад! — радостно возвестила Принцесса.

Родственник церемонно кивнул нам. Выглядел он чуточку растерянным, и, по-моему, сильнее, нежели враждебный прием, его смущала собственная племяшка, которая уже принялась разглагольствовать о многочисленных достоинствах дядюшки, об их неожиданной встрече и его согласии присоединиться к табору. Конрад таким образом будто бы оказывал нам великую честь. Восторженный монолог цыганки никто не прерывал, зато по окончании, когда Элейн уверилась, что мы полюбили дядю не меньше, чем она сама, посыпались комментарии. Отменно злобные, кстати.

— Это хрень какая-то! — сплюнула под ноги Элейниному родственнику Тиана. — Давайте, теперь каждый приведет в табор по мудаку?!

— Нет-нет, мудаков у нас и своих в избытке, — вступил Данике, недобро переводя взгляд с дядюшки на столб дыма, обозначивший место пребывания краснорожего, решавшего проблему капающей крови путем легкого копчения мяса.

— Но это же мой родной дядя! — возмутилась Принцесса. — Он классный, правда!

— Говоришь, этот мужик тебе родня? Чем докажешь? — осведомилась Тиана у Элейн.

— Эй, я помню! — изумилась глупому вопросу цыганка, заслонив собой драгоценного дядюшку (тот занял очень верную позицию — не лезть в перебранку).

— Когда ты его видела последний раз? В десять лет, аха? Ты б уже забыла, да и фи-зи-о-но-мия у него, поди, сильно сморщилась с тех пор! — покачала головой Эльхаим.

— У меня абсолютная память! — крикнула Принцесса и, точно призывая в свидетели солнце, небо, облака и птиц, подняла указательный палец вверх.

— Ага, заливай! Ну-ка, какого цвета у него глаза-то были?

— Я… ну… эээ…

— Вот именно! Скажи еще — добрые, дура! — расхохоталась Тиана, щелкнув окурком по носку Элейниного сапога.

Беседа принимала опасный характер: дамы явно готовились вцепиться друг другу в волосы. Аксель наблюдал. Если раньше он незаметно какой-нибудь шуточкой уводил грозу, сгустившуюся над спорщицами (Элейн часто терялась в словесных перепалках), то сейчас мстительно оставил Принцессу в одиночестве. Не скоро он простит ей коробку, ох не скоро. Зря.

— А разве вы попали в табор как-то иначе? Как девки придорожные! И рекомендаций с вас никто не требовал, — парировала я, вызвав всеобщий гневный гомон.

— Натана никто не попрекал, когда он припер эту мессиканскую сучку! — нашлась Элейн, ощутив поддержку. — Да что с вами такое, люди!? Откройте ваши сердца доброте, а двери машин — моему дяде!

После такой емкой фразы перепалка ожидаемо зарулила в тупик. Данике, обреченно охнув, удалился к себе в повозку, Тиана, топнув с досады, пошла будить проспавшего самое интересное Декстера, Кирна, пообещав приглядывать и за Конрадом тоже, позволила Сагерту увести себя.

— Имей в виду, Элька, он на твоей ответственности, — пригрозил Аксель и для проформы уточнил у дяди: — Что делать-то умеешь?

— Все, — просто, без бахвальства, откликнулся тот, поправив на носу очки. — Чем смогу — помогу.

Принцесса утащила родственника к Джо. У Конрада сломался мопед (из-за чего он и застрял в Алювине), а Элейн обещала, что мастер на все руки Хайд обязательно его починит. Ну, ищи-свищи

ветра в поле: дикарская парочка еще не возвращалась из этих самых полей.

— Мэйби, как там завтрак? — без особой надежды спросил Аксель.

— Пока я смотрела за ним, он не убегал. — Невозмутимо пожав плечами, я направилась к котелку.

Аксель последовал за мной. Варево осталось на месте, даже не пригорело — огонек-то потух. Возобновляя процесс готовки, мы обсудили ситуацию. Мне действительно были непонятны возмущения цыган, набранных по дороге или заявившихся самостоятельно. Конечно, привыкать к новым лицам тяжеловато, да и за имущество волнительно, но, насколько мне известно, бродяги отличаются большей гостеприимностью, нежели люди оседлые. Аксель — живой тому пример. Или существует некий предел, после которого группа единомышленников, назовем нас так, уже не готова расширять ряды?

— Они устали от дороги, — ответил на мое недоуменное бурчание цыганин, помешивая еду. — Даже заядлым путешественникам иногда нужно отдохнуть недельку-другую, а в тех гадюшниках, через которые мы проезжали, задерживаться надолго было неохота.

— Тушкан рассказывал, в Мессике умеют веселиться, особенно он расхваливал осенние праздники урожая, — мечтательно проронила я.

Лично мне незнакома дорожная усталость. Сидя на месте, покрываешься плесенью. Если б в пустошах нашлось достаточно воды и еды, а у нас имелась ванна или на худой конец бочка, вообще не останавливалась бы. Разве что в праздниках поучаствовать.

— Вот и развлечемся. Помню, Декстер говаривал: можно начать в одном городе, а затем кататься за чередой гуляний до самой зимы, — усмехнулся Аксель и вдруг заорал: — Кушать подано! Жрем и отъезжаем!

Когда завтрак умяли до последней крошки (к еде подтянулись и Туве с Джо), повеселевший и подобревший народ разбрелся по местам.

Тут притухший спор возобновился, теперь по поводу расположения новобранцев. Для Конрада Элейн отвоевала место рядом с собой в трейлере, а вот красненького, представившегося

Моррикаем (вот же ему мама с папой удружили!), выгнали в кузов «джона гира» к Владилену.

— Эй, а почему я на выселках? — возмутился мутант.

— Ты красный и стремный, — отрезала Кирна.

— Это смахивает на пустынный лишай, — поддал жару Данике.

— Залезай! Здесь места для привилегированных! — я хлопнула Мо по плечу, запрыгивая на платформу.

— Подь сюды. Поедешь на козлах, — прервал пустословие Аксель. — А то проводник ты, или где?

Наконец-то караван тронулся в путь.

Данике наполовину высунулся из повозки и, придерживаясь руками за борт, шумно изрыгнул свою часть завтрака наземь. Вот так незамысловато мы распрощались с Алювином.

Глава 7

Многие думают, если у них есть , они могут отправиться . На самом деле автомобиль является капризной техникой, склонной к поломкам, и ограничивает путешественника буквально во всем. Первонаперво — в выборе дороги.

А началось все довольно-таки обыденно — с яркой точки костра в ночи. Кажется, народу там собралось прилично — на разведенном огне прожарилась бы и целая туша живоглота.

Таборчане уже порядком заскучали, поэтому предложение сначала выяснить чего да как и лишь затем нагрянуть скопом, опять пропустили мимо ушей. С машинами остались Аксель с Натаном, пообещав нас прикрыть… если что.

Нашего приближения никто не заметил. Люди занимались своими делами, болтали, курили и, судя по всему, изрядно выпили, а дозорный мирно сопел в сторонке, обняв плоский валун. Вот же идиоты! Часового обнаружила Кирна, запнувшись о его сонную тушу, и сразу предложила порешить разиню, но Данике, сопровождавший отряд именно на случай возникновения кровожадных идеек, убедил нас просто . Эту обязанность поручили Мо.

Итак, мы прокрались до самой границы светового круга от костра. Шестеро — среди них одна дама — тоже, по-видимому, готовились на боковую. Их драндулет, похожий на переболевший рахитом «сандерклап», стоял неподалеку. Машина основательно взрыла носом землю, а одно из колес лежало на капоте. Да неужто мы встретились с мазуриками, обокравшими дракона?! Из багажника торчала покоцанная голова статуи и оббитые углы картинных рам — олухи побросали ценности как попало, не особенно заботясь о сохранности хрупких предметов. Из подслушанной беседы выяснилось: автомобиль угодил в суркоточину, сорвало переднюю ось. Это ж на какой скорости надо ехать-то? Из-за трагедии в Алювине надежды на помощь тамошнего мастера не было, а исправить поломку самостоятельно ребята не сумели, но, несмотря на возмущения подельницы, бросать добро не желали. Лучший выход из безвыходного положения по версии сильного пола — хорошенько нарезаться. Не иначе гонец,

помимо неутешительных новостей, приволок с собой из городка несколько литров крепкого успокоительного. Чудаки сидели здесь почитай четвертый день, практически ничего не предпринимая для своего спасения. Женщина причитала без умолку и вяло рылась в вещмешке (вряд ли с определенной целью, скорее руки делом занимала). Только при нас она пять раз потребовала «ну хоть что-нибудь сделать».

— Ой, я потеряла в треклятой пещере свою сумочку… Нужно вернуться! — неожиданно громко вскрикнула дамочка и залилась горючими пьяными слезами.

— Да, детка, конечно, детка, — пробубнил ближайший к нам мужик, плотнее заворачиваясь в одеяло. Наверняка он уже не однажды произносил это.

— Девушки и после атомной войны остаются девушками, — тихонько рассмеялся Конрад и спросил: — Идем?

Но нет, мирному знакомству не суждено было случиться. На противоположной стороне лагеря из травы поднялось белесое воющее нечто. У меня аж поджилки затряслись. Существо напоминало привидение, как его описывают в разных байках: излучающее голубоватый призрачный свет и увенчанное раздутой башкой с выпученными глазами.

Последовала вполне закономерная реакция: все похватали оружие, кое-кто принялся палить без разбору. Мы, оказавшись сообразительнее, залегли в траву и даже хотели поддержать разгильдяев дружественным огнем по неведомой твари.

Тиана опередила нас. Я полагаю, она сразу догадалась, чьим чувством юмора попахивает эта шуточка, и, защищая хохмача, пустила в дело огнеплюй. Кроме того, пули летели и в нашу сторону — чем не повод для ответных мер? Пришлось прекратить мучения неудачников, мятущихся живыми факелами по лагерю, орущих и продолжающих стрелять. Бесспорно, мы могли поступить иначе: потушить их, например, и оказать первую помощь, — но после Кирниной оставалось прикуривать от трупов и предотвращать масштабный степной пожар.

— Не нужно аплодисментов! — идолище, по прихоти Эльхаим не задетое струей пламени, освободилось от простыни, выключило

фонари, прикрепленные к лодыжкам, и поклонилось. Это был Королевский Тушкан, безмерно довольный собой.

Кирна, уже прицелившаяся в напугавшую всех тварь, в сердцах плюнула и ушла к машинам. Я, разозленная не меньше, подняла увесистую каменюку и метнула в лоб засранцу, добавив к снаряду оскорбление покрепче. В поле моего зрения угрожающе вплыло сопло Тианиной горелки, посему вторая попытка пробить жбан хвостатому дураку не состоялась. А первый булыжник Декстер ловко поймал, перекинул его с ладони на ладонь и зашвырнул в темноту. Он не удостоил мою выходку комментарием и гордо прошествовал к Тиане, рассчитывая, видимо, на восхищенный девичий визг и похвалу. Получил же Тушкан добрую затрещину. Эльхаим посоветовала ему телепать в тягач и сидеть там тихо. Прочие оторопело толклись на пепелище. То ли могилы копать, то ли разбой завершать. Зря мы ломали комедию, как издевательски намекнул Аксель.

Тем не менее взятые в «драке» богатые трофеи слегка притупили скулеж совести у тех, у кого она вообще хоть пикнула. Автомобиль разобрали по винтикам, драконово имущество тоже прихватили — авось пригодится, — ну и остального по мелочам. До утра провозились.

Перед отправлением (не дневать же рядом с мертвяками) я спохватилась о нашем краснорожем проводнике и отыскала его валяющимся рядом с невредимым дозорным. Во дают ребята! Вокруг перестрелка, пожар, идолище поганое, разграбление, наконец, а они знай себе дрыхнут. Я потормошила Мо.

— Чо было, поц? — тряся башкой, он сел.

— Да всяко-разно. Продрых веселье ты напрасно, — поддразнила я его.

— Кажись, я в обморок грохнулся, — Мо почесал репу и невнятно проворчал: — Боюсь я мутантов.

— Вот те на! У самого рожа стремна! — выпалила я, давясь смехом. — Ладно, не дрейфь, не выдам.

Остальные-то цыгане тоже едва не обделались со страху, но об этом красномордому трусишке совершенно необязательно знать.

Затем мое внимание снова привлек заливисто храпящий страж. Он-то, поди, в курсе, куда везли статую и картины? Наверняка за них

полагалось нехилое вознаграждение, иначе зачем бы заморачиваться с кражей да перевозкой?

Конрад отыскал у одного из трупов записку с названием места и датой. Бумагу не портят просто так. Каракули, вероятно, имели большую важность (вдруг они касались драконьего имущества?), но выяснить точно было уже не у кого. А тут — прямо подарок судьбы! Надо только разговорить любителя подремать на посту.

Однако наши совместные с Моррикаем усилия ни к чему не привели — соня только ворочался от тычков. Требовался специалист. Поэтому я побежала к каравану, опять оставив Мо с дозорным.

Пропуская мимо ушей возмущенные вопли типа: «Где тебя, елы-палы, носит?» — я ввалилась в повозку, растормошила Данике и в его компании вернулась к Мо.

— Я немного пошерудил у дядьки в карманах, — уведомил нас проводник, пряча добытое. — Оружия у него теперь нет. Можно будить.

Он побрел к машинам, а мы с доком склонились над стражем. Врачебные процедуры заняли от силы секунд тридцать (я и сама справилась бы) — Данике, не заморачиваясь, пихнул под нос несчастному пузырек нашатыря. О, ужасное похмельное пробуждение! Да еще от жутчайшей вони!

— Парень, тут такое дело, — напрямик начала я, указывая себе за спину на кучу трупов, и, усадив ошалевшего дядьку, продолжила: — Твои друзья начали палить по нам…

**

— Натан, дай-ка я взгляну на ту новую винтовочку, — сладкоречиво обратилась Кирна к Дрибблу, вылезшему из «сандераклапа» протереть лобовое стекло.

Блондинка досадовала на маленького упыря Тома: только она завела внедорожник, готовясь тронуться в путь, как ему занадобилось в поля. Отлить, наверное. Неужели Акселю сложно приструнить мальца и научить справлять нужду в положенное время?! Том воротился, забрал Данике и снова убежал. А мотор Кирниного джипа работал вхолостую. Попусту сгорал бензин, изнашивались детали двигателя. Девица врезала кулаком по рулю, выключила зажигание и отправилась к голове каравана узнать, по какой гребаной причине до

сих пор никто не едет. Сагерт не стал вмешиваться, в душе веря, что у Томми достаточно резонов сновать туда-сюда, задерживая всех.

«Ах, опять потрепаться захотелось? Ну я им устрою пикник на лужку!» — злобно подумала Кирна, не желая даже вникать в суть ситуации. Затем попросила у Натана трофейное ружье. Усыпляя бдительность Дриббла — мало ли, ему взбредет в голову помешать ей! — она осмотрела винтовку, несколько раз вскинула примеряясь, а, едва Натан отвернулся, действительно прицелилась и выстрелила. Пленнику в башку, прямо промеж глаз. Игнорируя изумленные крики Натана, блондинка протянула ему отлично послужившее ружьецо. Неожиданно воздух прорезало знакомое гудение, и от полей ее шляпы отлетел внушительный кусок, начисто срезанный изогнутым лезвием. Нет, мелкий ублюдок точно нынче сдохнет!

**

Мимо моего уха просвистело, а на месте головы допрашиваемого осталось жуткое месиво. Нас с Данике обильно забрызгало кровью, мозгами, осколками черепа (одним из них мне оцарапало щеку). Обернувшись, я успела заметить, как Кирна передает Натану винтовку и как тот ошалело таращится на нее, выхватила бумеранг из кобуры и метнула, в последний миг решив-таки снести сучке не голову, а краешек пижонской шляпы.

— Том… — застонал док, наблюдая за мчащейся к нам блондинкой.

Я поднялась ей навстречу. По пятам за Кирной бежали Аксель с Сагертом, также сообразившие, чем все может закончиться.

— Ты! Маленький уродец! Я… я на морде у тебя вырежу твое настоящее имя, выблядок! — девка схватила меня за отвороты куртки и оторвала от земли.

— Хватит! — проорал Аксель, затормозивший в паре шагов сбоку от Кирны. В общем-то, девицу окружили: Сагерт уже высился с другой стороны.

Немая сцена противостояния воль длилась минуты три. Блондинка, хищно щерясь, тяжело дышала мне в физиономию, мужчины напряженно ждали малейшего движения, готовясь пресечь трагедию, а я висела как груша, зная, что до заряженного «деррингера» дотянусь раньше, нежели Кирна до своих тесаков. Пожалуй, только сейчас мне давался шанс ее опередить.

— Ты зашьешь ее, — процедила девка, выпустив мою куртку и пихнув мне кусок шляпы, — иначе…

— В следующий раз ты подумаешь, прежде чем умывать меня чужими мозгами, — бесстрастно заявила я, утершись ошметком ткани и возвратив его хозяйке.

— В следующий раз это будут твои мозги, паскудыш! — Кирна развернулась и потопала к своему внедорожнику.

Блондинка выговаривала Тому чуть ли не ежедневно по разным причинам, но теперь слова приобрели оттенок вполне реальной угрозы. Отныне, парень, будь настороже! Я покинула место происшествия второй, заодно подобрав бумеранг (вот посмеялись бы, если б он долетел до Кирниной шляпы и на обратном пути). Нужно еще нацедить немного воды из бочки — рожу протереть.

Ближе к вечеру по каравану пролетела весть — курс меняется, мы едем в город Блудвайн, что в паре суток пути от Эль Саладо. Насколько мне известно, на прихваченной нами записочке значилось как раз это название.

Словоохотливый и к тому же не в меру любопытный Моррикай якобы случайно заметил в дрибловском автомобиле аккуратно уложенные картины и пристал к Акселю с расспросами, но в результате больше разболтал сам, чем сумел выведать. Оказалось, блудвайнский мэр (то есть попросту копит) предметы довоенного искусства. Вряд ли там найдется хотя бы двое психов, которым нужны мраморные истуканы, мазня на холстах или золотые горшки. Мы, очевидно, окажем любезность и выполним задание, позорно проваленное погибшими расхитителями сокровищниц. Цыган не цыган, коль упустит шанс срубить бабла.

**

Уже четыре дня караван лавировал по бесплодным землям, полагаясь на глаз и память краснорожего проводника да на дрибловский дозиметр. Порой приходилось сворачивать с древнего шоссе на целину. Однажды мы продолбали полночи, ожидая, когда Натан вместе с Мо найдут «окно» в сплошной стене пиликанья чувствительного устройства. Сейчас даже «юнга» нес большую, чем раньше, ответственность.

В общем, сами понимаете, к концу четырех дней, в течение которых Дриббл не позволял никому отходить от машин дальше чем на

два шага, все стали дюже нервными. Сознавая, что всякая искра приведет к скандалу с рукоприкладством или поножовщиной, каждый уединился в своей скорлупе: стихли обычный треп и мессиканские напевы в кабине тягача, по вечерам Аксель не включал колонки, Кирна на привалах безвылазно отсиживалась в трейлере (или ее туда загонял Сагерт). Только Натан раздражал всех своими придирками и нотациями (здесь не сиди, туда не лазь, давайте объедем вон тот кратер), но ему безропотно подчинялись. Кстати, именно он настоял на парном дежурстве, объяснив это многочисленностью раздолбаев, которым, как пить дать, приспичит нарушить его мудрые приказы. Особенно, пока все спят. Посему сторожам вменялось в обязанность: одному — будить Дриббла, другому — остановить идиота любой ценой.

Вот так и получилось: мы с Натаном вытянули самую поганую очередь — посередине привала. То есть подремать толком нам сегодня не светило, разве что урывками. Мы сидели в «вороньем гнезде», коротая время за беседой, вернее, монологом Дриббла о повадках жидомасонов, как вдруг заметили три силуэта, уже изрядно удалившиеся от лагеря: Туве, Джо и Тиану. Хм, Туве завлекла в свою анима-секту еще одну даму? Впрочем, шутки в сторону, троица направлялась к руинам в нескольких километрах от лагеря.

— Назад не пущу! — процедил сквозь зубы Натан, наблюдая за нарушителями в бинокль. — За ними не пойдем, не хватало только еще двоих заразных.

Я не спорила. Оставалось лишь смотреть, как маленькие фигурки ползут по выбеленной равнине, и гадать, зачем они поперлись туда.

**

Тиана начинала задремывать, когда кто-то легонько потряс ее за плечо. Она лениво приоткрыла один глаз — к ней в гости заявилась Туве.

— Пойдем. Тебе будет интересно взглянуть, — шепнула рыжая и выпрыгнула из кабины. Она двинулась к скату дорожной насыпи, где в ожидании переминался с ноги на ногу Джо.

Перескакивая через колдобины и обходя низенькие, жесткие, точно проволока, кусты, парочка спустилась вниз. Тиана хотела закурить, но передумала и поспешила догнать друзей. У горизонта пустынная земля ощерилась какими-то строениями, от основного

шоссе к ним поворачивала еле заметная под пылевыми заносами грунтовка. Туда-то Туве и направилась, держа Джонатана за руку, будто старшая сестра или заботливая мамаша.

— Дойдем в два счета, — заверила спутников дикарка.

Немного погодя троица уже притаилась за раскрошившейся бетонной плитой. Под ослепленными солнцем небесами раскинулись развалины древнего захолустного городка. Проржавевшие остовы автомобилей пестрели яркими пятнами на фоне серых стен. Прямо посреди бывшей главной улицы валялось громадное, пухлое, продырявленное насквозь кольцо, которое Хайд обозвал . Потом Тиана наконец обнаружила и обитателей. Скелеты сидели в автомобилях, лежали под обломками, в проемах дверей, внутри помещений. Но Туве привела их сюда не за этим. И Джо, и уж тем более Тиана не раз видели останки цивилизации, захлебнувшейся в собственной блевотине, как какой-нибудь упоровшийся наркотой рок-певец. Рыжая обещала показать им призраков.

Взгляд не сразу выхватил блуждающие полупрозрачные фигуры на фоне мозаики из трещин, пятен копоти, ржавчины, обвалившейся штукатурки. Джо они напомнили персонажей типпонского мультфильма «Унесенные привидениями». Тиана же почему-то подумала о раздутых до невероятных размеров презервативах.

У существ имелись подобия рук, ног, но головы и лица отсутствовали. Там, где у человека начиналась шея, выступал холмик с пронзительно горящими голубыми точками в верхней части. Скорее всего, где-нибудь в другом месте огоньки эти приняли бы за светлячков или соцветия шипоцвета. Но не здесь.

— Кто они? — спросила Тиана.

— Духи, — ответила Туве. — Или привидения. Они умерли слишком быстро, поэтому считают себя живыми. Как твой друг. Не Декстер, а . — Помолчав, дикарка добавила: — Только не думайте о них плохо.

Тиана пропустила конец фразы мимо ушей. Ее посетила совершенно неожиданная мысль.

— Хэй, привет! — крикнула она, выступив из-за плиты в полный рост.

Силуэты разом, словно по команде, обернулись к ней. Тиане стало неуютно, но виду она не подала и продолжила:

— Как делишки, как погодка?

Призраки угрожающе двинулись к пришельцам… и растаяли в воздухе. Вот они есть, а вот их нет. Это вам не торширский, исчезающий постепенно, кот из сказки про девочку и кроличью нору.

— Повезло, — заметила Туве. — Но вообще лучше так не делать. Для них — призраки. Кто знает, на что они способны с перепугу?

Тиана пожала плечами и сплюнула на груду битого кирпича. Она стремительно теряла интерес к происходящему. Джо сидел у плиты, обхватив голову руками и зажмурившись.

**

Да, коли Натан разойдется — пиши пропало, никому не покажется мало. Полагаю, Дриббл действительно выдворил бы гулен из табора, но меня осенила идея из разряда гениальных. Я предложила прикрепить дозиметр к длинному металлическому пруту и поднести его к потенциально радиоактивным. После краткого мрачного молчания Натан согласился — думаю, он прикидывал минимальное безопасное расстояние.

По неизвестным причинам ни один из троих нарушителей не получил (и не излучал) серьезной дозы. Заставляя каждого поворачиваться, наклоняться, задирать руки, Дриббл проверил их несколько раз, даже батарейки в дозиметре сменил — в общем, тот еще цирк устроил. В конце концов он нехотя признал, что Туве, Тиана и Джо могут вернуться в спальники для продолжения прерванного сна. Вот же счастливчики! Да и мы развлеклись, а уж обсуждений хватило и на следующий день.

Больше ничего не случилось. Зеленоватые и сиреневые, манящие куда-то в темноте, огни, многообразные кратеры, руины на месте давно покинутых мегаполисов неторопливо проплывали мимо в бледно-сером мареве. Я затосковала по пустошам: по быстро увядающему, но живому разнотравью, которое ласкает глаз оттенками от бело-желтого до пепельно-бурого, по обжигающе-колючему ветру, даже по крикливым суркам и прочим тварям. Да, здешняя дорога сохранилась на порядок лучше — по ней же практически не ездили! — бетонные плиты не ушли в землю, не растрескались. Она имела право донашивать гордый титул «шоссе» и почти не пылила. Но к вечеру глаза все равно начинали болеть. От едкой, словно сода, пыли можно еще спастись с помощью очков, а от слепящего сияния оплавленного

грунта, проступающего наружу, как пот на коже, не убережешься. Флора и фауна оставили воспоминания о себе в виде хрупких остовов кактусов и ежиных шапок юкки, перекати-поля, костей да засохших лишайников на камнях. А ветер? Скорее всего, нам повезло с погодой, однако меня раздражала снулая неподвижность воздушных пластов. Поэтому звенящий, испепеляющий зной переносился тяжелее, чем в пустошах. Мы и сами медленно умирали среди давно мертвых земель.

**

Наконец вдали обозначился не призрачный город предков, а вполне современное поселение, обосновавшееся в узком проходе между двумя зараженными зонами. Мо поименовал его Холидэем. Раньше тут располагалась железнодорожная станция и депо. Странно, как же их не разбомбили начисто? Впрочем, случается всякое. Теперь вагоны, ангары, сам вокзальчик настолько слились с «новостройками» (и послужили основой для многих из них), что сразу-то и не узнаешь. Я бы не назвала Холидэй процветающим, но он был единственным городком по этой дороге до самой Мессики, и те редкие путники, кто выбирал данное шоссе, мимо не проезжал. В общем и целом жители не прогадали.

Поселение оказалось огорожено стеной из мешков с песком и всякой рухляди, дорогу преграждал пропускной пункт, ощерившийся в нашу сторону пулеметными вышками, повсюду сновали люди в более или менее одинаковой одежде, а чуть дальше высился танк. Мо удивился: два месяца назад, по его словам, здесь царил пасторальный уют — ни тебе военной техники, ни баррикад, да и народу поменьше. Но деваться каравану было некуда.

На сей раз потуги общественности ломануться дружною толпою Аксель с Данике пресекли на корню. Заперев «детей» дома, взрослые дяди пошли на разведку. Для солидности цыган попросил мастера Конрада присоединиться к ним. Тут заартачилась Элейн — она боялась отпускать дядюшку. Когда он ретировался-таки, сразив племяшку заявлением, будто «подвергается такой опасности только ради ее безопасности», Принцесса еще долго талдычила, какой у нее замечательный (отважный-сильный-умный-заботливый-ему бы еще скинуть лет десять) родственник. Присматривать за несознательными элементами остался Натан, предпочитавший не связываться с военными без особой надобности.

С волнением мы следили за делегатами. Чьи бы войска ни окопались в Холидэе, встреча с ними не предвещала ничего хорошего, особенно при том количестве мутантов, которое собралось в таборе. Идеи, как спрятать уродцев от зорких глаз армейцев, немного развлекли нас во время ожидания. Данике еще до ухода предложил представить нас ранеными — эдакий лазарет на колесах, — забинтовав бросающиеся в глаза дефекты и аномалии. То есть Моррикая спеленали бы целиком. Сагерт предлагал различные вариации, как взаправду сделать мутантов ранеными. Собственно, он рекомендовал не лгать на КПП, а просто слегка подрехтовать нас, чтобы мы страдали натуральнее. Боец-то явно пошутил, а вот Кирна абсолютно серьезно вознамерилась прострелить мне ногу — для пущей убедительности.

В итоге караван въехал в город, пройдя несложный процесс медицинского обследования мутантов. Это оказалось проще и надежнее, нежели пытаться обмануть солдат.

**

Акселю с Конрадом приходилось приноравливаться к черепашьему шагу дока, до сих пор страдавшего неизвестно от чего. Наконец они допехали до ворот.

— Привет вам, путники! — донесся голос сверху (к ним обращался пулеметчик), а следом вполне добродушный смех, предваряющий уже обыденную, судя по всему, шутку: — Наверное, скажете, что вы беженцы?

— Ну да, — хором отозвались мужчины, с интересом разглядывая укрепления.

— Немудрено, оттуда сейчас много народу валит, — подтвердил собеседник и стал спускаться.

Вскоре он вышел из ворот в сопровождении еще двух солдат. Теперь развеялись последние сомнения — Холидэем отныне правили конфедераты. Впрочем, ребята из КСГ в общении оказались несколько приятнее нлошников. Слово за слово (болтал в основном Конрад), и разговор принял совсем уж непринужденный характер. Для начала цыган агитировали записаться в стройные армейские ряды, но дядюшка мягко отклонил предложение, заявив: «Нас, мол, пригласили в Эль Саладо, но коли перебросят на границу, напросимся в Холидэй». Аксель аж языком прищелкнул, услышав эту ахинею, проверить которую было невозможно, не заморочившись. Потом коснулись темы

досмотра на въезде. Солдаты, перебивая друг друга, с хохотом и ужимками, описывали, как мнимые раненые провозят под бинтами и гипсом боеприпасы, оружие и листовки НЛО.

— Один удалец спрятал в жопе гранату! Нет, вы только подумайте! Нам почудилось, тот как-то странно ходит — точно мешает что-то. Ну, наш док и заглянул. Выудил хитрющую штуковину, а пультик от нее остался у кого-то в гребаном Объединении. У мужика имелся телефон с единственным номером. Уж не знаю, самоубийцей он был или потом вытащил бы бомбу, мы не выясняли — отправили в штаб. Правда, перед этим не удержались: устройство подальше закинули и позвонили. Ох, как же рвануло!

После веселенькой истории Аксель напрягся, незамедлительно вообразив, как тех же Кирну, Тушкана или Тиану пытаются препроводить на более детальный осмотр. Похоже, сейчас перед «разведчиками» стояла задача не просто покалякать, но расположить солдат к себе, дабы избежать ненужной тщательности обыска. Кроме того, местный врач обязательно заводил на всех въезжающих мутантов карты с указанием внешних признаков мутации, имени «хозяина», то есть ответственного за поведение урода, результатами обследования на заразность и так далее.

Людям не нравятся те, кто отличается от , они боятся их, приписывают им умения насылать болезни, неурожай, несчастья. Мутанты встречались слишком редко для того чтобы повлиять на общественное мнение и рассеять заблуждения. Мессика и раньше славилась обилием суеверий, а после Великой Войны и Долгой Зимы у тамошних обитателей совсем крышу снесло. Правительство КСГ пыталось урезонить разгул самочинных судов над мутантами, выдавая им специальные документы и приписывая их в качестве движимого имущества к обычным людям. Отдельные уроды, о да, представляли угрозу для обывателей, но не из-за уродств, а из-за вполне привычного в пустошах образа мышления: «Хэхэй, один раз живем, так чего ж стесняться? Убей мужа — и жена твоя, наигрался — бросай ее, следующая уже ждет. Нужна тачила — возьми. Получил в пузо болт? Никому не жалко, но и ты не жалей. Пива налей — угости корешей. Кто жрет за чужой счет, никогда не пропадет».

Тут Аксель снова вспомнил своих спутников: некоторые из них, так называемые «нормальные люди», были опаснее любого выродка с

лишней парой рук, — но придержал сии неутешительные рассуждения при себе.

Данике с Конрадом остались балакать с конфедератским врачом, в надежде усыпить его бдительность баснями про жестокость нлошников, а Аксель отправился за караваном. Ему еще предстояло выдержать волну возмущения со стороны таборных мутантов и убедить их вести себя прилично.

Как ни странно, обошлось. К Тому, нахлобучившему владиленовскую шапку, никто не прикапывался. А Туве, Моррикай и даже Декстер терпеливо снесли все измерения, вопросы, записи и портретирование вручную, вынуждавшее каждого сидеть смирно по пятнадцать минут. Машины осмотрели поверхностно, занеся, впрочем, имеющееся на виду оружие в реестр, копию которого с печатью сразу же выдали Акселю. Небольшой казус, обещавший перерасти в кошмарное побоище, тоже сумели замять. Один из солдат запал на Кирну и решил воспользоваться .

— Хм, док, — обратился любвеобильный балбес к местному врачу, — а не прячет ли блондиночка чего-нибудь под юбкой?

В процессе того, как похотливая лыба на роже конфедерата расплывалась все шире, веселость на лицах цыган угасала. Аксель шепотом спросил у Данике, есть ли способ аккуратно вырубить Кирну на время осмотра, и док полез в карман, готовясь отдать свои драгоценные пилюли хоть все. Но крайних мер не понадобилось. Сагерт опустил ладонь подруге на плечо, и та мгновенно обмякла — кулаки разжались, ресницы прикрыли полыхающие ненавистью глаза.

— Ты до сих пор не знаешь, что женщина прячет под одеждой? — осведомился боец у незадачливого эротомана.

Окружающие заржали, что твои кони. Обстановка разрядилась, посрамленный солдат понуро убрел, сопровождаемый едкими остротами сослуживцев, а мы въехали в Холидэй, мечтая отдохнуть денечек.

**

Тиана Эльхаим обладала сверхъестественным нюхом, когда доходило до поджогов и взрывов. Вряд ли ее можно было назвать подкованной технически — да, она не содрогалась в благоговейном ужасе от вида зажигалки или карманного фонарика, тем не менее в принципах работы этих (и других) устройств не .

Однако руки Тианы сами знали Именно поэтому она не брезговала рыться в мусоре. Каждый раз девица с отрешенным любопытством наблюдала, как ее белые изящные пальцы выхватывают из завалов вещи, которые на протяжении многих лет никому не приходило в голову подобрать и уж тем более соединить между собой. Ей бы и самой не пришло, но руки, наряду с какой-то глухой недоступной частью разума, считали, что детали прекрасно подойдут для… Тиана затруднилась бы сказать, для чего именно. Главное, будет гореть и взрываться.

На сей раз чутье привело ее на бывший вокзал. Хотя почему бывший? Конфедераты возродили как минимум часть железнодорожной сети — сверкающие расчищенные рельсы устремлялись в сторону Мессики, взрезая песчаную шкуру равнины. У путей, в проломленном ангаре, лежала на боку цистерна с многообещающей надписью «мазут». Словно специально приготовленное, у цистерны валялось помятое ведро. Тиана протиснулась в люк, и — о чудо! — в глубине поблескивало черное застывшее озерцо. Мазут прождал ее долгие годы, даже десятилетия, и теперь обязательно будет употреблен по назначению.

Тиана, дрожа от нетерпения, уже заканчивала наполнять ведро (отколупывать куски с помощью осколка шифера, найденного здесь же, оказалось трудоемкой задачей), когда за ее спиной прозвучал голос:

— Давно не виделись, уголечек мой. Как не зайду — ты вся в заботах! Поди, позабыла про старого друга?

Фрай легко, с заслуживающим восхищения изяществом, скользнул внутрь. Он подступил к Тиане, приобнял ее по-хозяйски и сдавил рукой щеки, сложив из миленького девичьего личика губатую «рыбку». Ведро, выпав из ослабевших пальцев, с гулким грохотом покатилось в темноту. Во время этих внезапных визитов Тианой овладевало чувство, представляющее смесь тревоги, болезненного любопытства и экстатического предвкушения — тело буквально переставало слушаться ее. Она желала пожаров, взрывов, дымного запаха гари, ласкающего ноздри. Желала , неизменно следовавшего за ними. Визиты Фрая поразительным образом совпадали с такими событиями. Вроде бы он даже не провоцировал Тиану, только давал советы и иногда отвечал на вопросы. Тиана, однако, не решалась

спрашивать часто. Появления Фрая будто приоткрывали внутри ее мозга закопченную печную затворку, и пламя освещало самые темные и дремучие закоулки разума, заставляя здравый смысл в ужасе отпрянуть прочь.

Но иногда Фрай . От которых было

— Просто непозволительно губить себя в этой смрадной дыре, — попенял ей фантом. Тонкими пальцами он зажал нос с наигранной брезгливостью. — Красивая женщина должна вращаться в обществе мужчин, должна их жизнь своим присутствием. Ты ведь, Тианочка, у нас ?

Тиана задумалась, потом медленно, как во сне, кивнула. Ее отношение к мистеру Фраю было довольно-таки сложным: несмотря на неопровержимую полезность, радость от его посещений мешалась с сомнениями и иногда даже страхом. В конце концов, как можно полностью доверять человеку, который входит не стучась?

— Все мои друзья и знакомые величают меня старым охальником. По их мнению, я выбрал тебя ради тех проникновенных минут, когда ты намыливала в душе свои молодые гладенькие сисечки. А кто я такой, чтобы спорить с общественным мнением? — Фрай нагнул голову почти вплотную к Тианиному лицу, и она ощутила (правда, ощутила!) легкий аромат одеколона и табака. — Но сейчас ты подросла и уже на многое способна, помимо полировки буферов мочалкой.

Тиана продолжала внимательно слушать.

— Здесь, совсем неподалеку, стоит емкость с великолепным дизельным топливом. Пока ты спасаешь этот престарелый мазут, содержимому той цистерны грозит опасность, — голос понизился до шепота. — Они хотят заправить им машины!

Да, такого возмутительного расхода горючей жидкости Тиана допустить не могла. Или могла? Она смутно вспомнила просьбу Данике воздержаться от поспешных и необдуманных действий. Но идея уберечь топливо от бесполезной растраты в итоге показалась ей более чем здравой. Тем паче, по словам Фрая, на нее не падет и тени подозрения. Все шишки достанутся НЛО.

Опираясь на заботливо подставленное Фраем плечо, Тиана на ватных, дрожащих от сладостного возбуждения, ногах приближалась к цистерне.

Та расположилась в окружении уймы тачек, переоборудованных для военных нужд и смахивающих на неуклюжие рейдерские креативы. На каждую из них был аккуратно, по трафарету, нанесен символ Конфедерации Свободных Городов — синие звезды на вертикальных белых и красных полосах. Число звезд соответствовало числу поселений, участников альянса. Тиане подумалось, что в какой-то момент звездочки придется уменьшать или оставить только крупные города.

Впрочем, какого хера? Ее ждала цистерна. цистерна, полная .

**

Фрай подтолкнул девицу в крестец и уселся на ржавый отбойник у края стоянки, наблюдая за удаляющейся «подопечной». Если гребаные конфедераты и не перейдут к полномасштабной войне…

Да нет же, конечно, перейдут. Яйца у южан большие и крепкие. В отличие от мозгов.

**

Таборные машины разрешили припарковать рядом с военной стоянкой, под которую расчистили, как и нлошники в Шинкэте, местную свалку. В Холидэе попросту не существовало какого-то специального места для размещения караванов, раньше гости останавливались во дворах или вдоль улицы. Цыгане разбрелись по городу, и — надо же такому случиться! — мне выпало сторожить автомобили. Вот скукотища! Я начала разбирать барахло в трейлере — давно уже думала этим заняться, но веселее не стало.

Через пару часов таборчане начали подтягиваться в лагерь к ужину. Если верить их сетованиям, развлечься в Холидэе было совершенно нечем: единственный кабак вместе с гостиницей плотно оккупировали военные, бордель вообще работал на износ (записывали только на следующую неделю), магазинчики встречали пустыми полками. Однако никто из нас особенно не торопился ехать — хотелось отоспаться без дежурств. Полагаю, мы бы и захрапели в блаженном неведении, а позже мирно и незаметно исчезли в пламени взрыва, если бы не Владилен. Лесник куда-то запропастился, и я отправилась его искать.

Птицын сидел под стеной крохотного домика и плакал, пил и плакал. Растормошив, я подхватила его и вынудила взбодриться ходьбой. По пути выяснилось, что привело Владилена Михайловича в

столь опечаленное состояние. Мечты о собственном самогонном аппарате не покидали старческие мозги, дедуля чуял — где-то в Холидэе есть заветное устройство. Окрыленный надеждой, он отправился на поиски. И точно! В городке окопалась самогонщица, снабжавшая жителей и гостей первоклассным пойлом. Бабуля была уважаемой персоной…

Беда явилась, откуда не ждали, — пришлые армейцы желали оставаться трезвыми ввиду возможного вторжения нлошников. Недели две солдаты по приказу своего начальства искали (не очень усердно, правда) источник алкоголя, а горожане тщательно хранили свою тайну. Наконец какая-то предательская гнида выдала за вознаграждение благодетельницу Холидэя.

Владилен нашел бабушку в объятиях двух конфедератов, ведущих ту за решетку. Лесник попытался вызволить старушку, но получил по зубам и осел под стеной безжалостно разграбляемого самогонного погребка. Аппарат остолопы-военные уничтожили целиком. Птицын исторгал проклятия на их головы, предрекал ужасное будущее, но не сумел спасти драгоценность. Бедняга Птицын! Давно соорудили бы ему варилку эту — всему ж табору выгода! Даже странно, почему Аксель до сих пор не просек?

Вот так, утешая расстроенного деда, я вернулась на стоянку, кое-как втащила его в кузов и оттуда углядела Тиану, направляющуюся к военным машинам.

Девица шагала как-то странно, точно опираясь на плечо невидимого спутника и слегка покачиваясь. Мне это напомнило… Владилена, ведомого мной и по причине абсолютной недееспособности полностью отдающегося на мою волю. Правда, на нас с лесником в таких случаях пялились все встречные, а на Тиану ни один солдат внимания не обратил, как и не было ее. Впрочем, данное наблюдение застряло на краю сознания, а в самом центре затрезвонил сигнал тревоги — прямо по курсу движения девицы располагалась цистерна с топливом. Неважно, пустует емкость или полна под завязку, ведь она непременно жахнет, если Эльхаим приложит руку. А тогда у табора начнутся проблемы — большие или даже чуть больше. Тем временем девица добралась до лесенки на боку цистерны и занесла ногу. Ну уж дудки, сегодня мирные жители не пострадают, по крайней мере, от огня!

Эх, только б Аксель еще не успел захрапеть! Стукнув в стенку трейлера, я побежала на стоянку конфедератских машин. Неожиданно ко мне присоединился Данике (он как раз возвращался из местного лазарета). Не тратя дыхания на слова, я указала ему на цистерну и Тиану, вскарабкавшуюся наверх и борющуюся с замком люка. Объяснять доку, почему меня так напрягла эта картина, не требовалось. Пыхтя и кашляя, он прибавил шагу.

Конечно, нам преградили путь охранники. Парни, где вы шатались, когда здесь же прошествовала Тиана? Спали, поди? Поначалу сообщение Данике о девушке, неизвестно как проскочившей пост, а теперь влезшей на цистерну с горючим, вызвало насмешки и предложения съебать отсюда в ужасе. Правда, один из стражей глянул-таки в указанную сторону, хлопнул по плечу сослуживца и они оба ринулись туда со всех ног. Мы не отставали. Хотя нам, хорошо знавшим Тиану и ее неспокойные ручонки, стоило бы воспользоваться грубым советом охранника.

Док, разумеется, сказал, что дамочка немного не в себе и у нее случаются нервные припадки, после которых она не помнит своих действий, мыслей, вообще — ничего, но услышали ли его? Исполняя свой долг, а главное — исправляя собственное ротозейство, солдаты вполне могли забыть предупреждения Данике либо неверно их истолковать. Да, а после доложить начальству: «Пробралась тут сумасшедшая, сопротивлялась — пришлось пристрелить». Печальный финал, что и говорить.

**

— Милая, твои друзья настырны донельзя! — Фрай внезапно возник рядом с Тианой, и она едва не выронила простенький запал в открытый люк. — Шкет снова решил испортить веселуху. Но сейчас не время исходить желчью. Брось-ка бяку!

Мистер Фрай, брезгливо шлепнув Эльхаим по рукам, выбил устройство, а потом аккуратно приткнул его носком сапога к креплениям замка. Тиана различила тяжелое дыхание и топот. Скосив глаза, она увидела запыхавшихся солдат в сопровождении Тома и Данике.

— Не злись на них, злость — прерогатива Кирны, — Фрай улыбнулся. — Но сегодня, к несчастью, ничего не взлетит на воздух. Жаль! За себя не волнуйся, искорка моя, коси под дурочку, ты это

умеешь. Скажи: мол, заметила странное копошение у цистерны и пошла проверить. Ну ладно, целую нежно, всем приветы!

Мужчина исчез, уступив место двум другим. Конфедераты взбирались на цистерну с жутким грохотом, но Эльхаим притворилась, будто ничего не расслышала, и продолжила завороженно таращиться на манящую бликами маслянистую жидкость, мерно плещущуюся буквально под ногами.

— Не двигайся, сука! Иначе нашпигую свинцом твою пустую башку! — солдаты, наконец, вскарабкались наверх.

Тиана растерянно похлопала ресницами, медленно развела руки, держа ладони раскрытыми, и пролепетала подсказанную Фраем ахинею про подозрительную движуху у цистерны, вскрытый люк и какую-то штучку у замка.

— Никого не оказалось рядом, чтобы, эммм, пре-ду-пре-дить, — слегка запинаясь, ворковала она. — Вот та фиговина, которую я, ммм, здесь нашла. — Она с фальшивой робостью тронула бомбу собственного производства. Хотя странно, маленького значка с орлом Эльхаим точно не прикрепляла. Но выглядел он смутно знакомым — не его ли притащил Том из захваченного нлошниками Шинкэта?

Конфедераты склонились над устройством, едва не стукнувшись лбами. Несколько секунд полученная зрительная информация тщательно обрабатывалась в их черепушках — мыслительный процесс было прямо-таки видно и слышно. А потом один из них начал орать в рацию, призывая помощь, а второй под белы ручки увел Тиану. Внизу он сдал ее Данике и Тому.

— Не знаю, насколько у нее крыша дырявая, но девчонка спасла наши задницы! — воскликнул армеец, обеспокоенно покосился на своего товарища, все еще торчащего на крыше цистерны, и договорил: — Нлошные свиньи подбросили нам бомбу. Их лазутчики не дремлют, но и мы не пальцем деланы!

**

После вдохновенной речи конфедерата мы с Данике поскорее увели Тиану. Непонятно, как ей удалось отмазаться, но такой удачей грех было пренебрегать. Конечно, едва мы отдалились от цистерны, Эльхаим начала возмущаться: все-де желают ей смерти, очерняют ее, следят за ней — в общем, разбушевалась не на шутку. Правда, никто не замечал ее воплей — отовсюду сбегались солдаты, подвезли группу

саперов (мужиков в металлических бочкообразных костюмах), прибыл огромный тягач, готовый вывезти цистерну подальше. Данике пытался успокоить Тиану, настаивал на проведении сеансов психологической помощи и подвергся за то совсем уже невероятным обвинениям.

Но главное — до каравана мы добрались без проблем (не считая брыкающейся спутницы). А там нас уже встречал Аксель. Цыганин поднял табор, ждали только нашего возвращения, торопясь покинуть гостеприимный Холидэй. На случай, если дрянь, которую «обнаружила» Тиана, все же рванет, мы предпочитали очутиться подальше.

На выезде из городка в кузов «джона гира» запрыгнул Моррикай с двумя барахтающимися гусями под мышками. Да уж, воруй, убивай и про гусей не забывай. На родине Тианы эта нескладушка (надо сказать, довольно емко описывающая основные занятия пустынного отребья) звучала несколько прямолинейнее: «Воруй, убивай, еби гусей и жди гудка». Собственно, пернатые горемыки стали основной темой для шуток до тех пор, пока не попали в наши желудки. А до того Мо рекомендовали начать разводить домашнюю птицу и ржали над тем, что в распоряжении гусевода нет ни одной самки — только двое гордых самцов. В общем, гуси настроили народ на позитивный лад.

Глава 8

Думаю, когда-то Блудвайн представлял собой захолустную дыру, которую путешественники проскакивали на полном ходу — пришпорив коня или вдавив педаль газа. Но с тех пор изменилось многое. Теперешний градоначальник добрался до складов военной базы, зарывшейся глубоко под землю в десятке километров от поселения. Содержимое их состояло не только и не столько из смертоносных армейских игрушек: здесь ждали своего часа медикаменты, одежда, консервы, инструменты, техника, канцелярия — все, что стало невероятно редким и ценным после крушения старого мира. Само собой, оружие там тоже имелось, и его хватило для содержания обширного штата местной полиции. Еще оно позволило вывесить перед городом довольно-таки самонадеянный плакат — «Убери пушку и въезжай с миром».

Подобный подход не был редкостью на территории КСГ: власти предпочитали не предотвращать вооруженные стычки между гражданами, а давать им шанс разобраться самостоятельно. Этот метод оправдывал себя. На улицах порою постреливали, но случалось такое реже, чем можно предположить. Стволы имелись у многих, и грозиться ими попусту было идиотской провокацией масштабной бойни. Да и зачем? Навари обидчику в челюсть, получи в ответ и успокойся — пушка при тебе, пострелять всегда успеется.

В Блудвайне не возводили нескольких колец стен. То есть стены, конечно, стояли, но не совсем привычным образом — расположение их напоминало змеиный клубок. Сначала к старому городу присоединили, обнеся забором, северные выселки, потом присоседилась группа лачуг с другой стороны, потом… Короче, Блудвайн изобиловал множеством узеньких улочек, перекрытых стенными остовами в самых неожиданных местах.

Как водится, по приезду цыгане разбрелись. Мо шмыгнул в торговые ряды, Владилен поплелся по кабакам, Сагерт с Кирной опять отправились в Гильдию. К счастью для парочки (и для табора), местный филиал по неизвестным причинам свернул свою деятельность. Как знать, не долетели ли досюда слухи о Сагертовых

выходках? Я же примкнула к «взрослым мальчикам», решившим, не откладывая дело в долгий ящик, наведаться к покупателю.

Выстроенный из белого довоенного кирпича особняк мэра возвышался на холме. Должно быть, градоначальник любил посматривать на окружающие фермерские угодья и пастбища, воображая себя владельцем крупного поместья, . Наверное, его романтическая натура не страдала от пронизывающих зимних ветров, весенних пылевых бурь и летнего палящего солнца, нещадно обрушивающихся на дом. Первый этаж был открыт для всех желающих, которые, поди, толклись здесь день и ночь под скучающими взглядами трех помощников шерифа. Мы тоже влились в ряды посетителей.

Мэр встретил нас приветливо, однако радушие его возросло многократно, когда выяснилось, зачем мы пожаловали. И немудрено. Кабинет его смахивал на или, скорее, на приснопамятную драконову пещеру. Правда, тут размещались не только произведения искусства, мэр, похоже, коллекционировал все, относящееся к довоенному быту. Вперемешку с картинами стены украшали постеры с позабытыми певцами и актерами, напечатанные на особой гладкой блестящей бумаге. За пыльными стеклами шкафов виднелись книги и журналы, которые, я уверена, мэр никогда не читал. Там и сям взгляд натыкался на фигуристых голубоглазых кукол «Дарби», статуэтки персонажей комиксов «Нарвел», модели автомобилей и прочие осколки ушедшего сытого благополучия Эос.

В углу комнаты располагался огромный стол с миниатюрной копией железной дороги. Маленький паровозик с легким шелестом двигался по тоненьким рельсам, заезжая в туннели и мчась по мостикам над застывшими реками из какого-то прозрачного материала. Среди сельских пейзажей были разбросаны крохотные фигурки людей и животных, хотя большинство стояло поближе к путям. Небось пялились на техническое диво. Чего уж, я и сама глаз оторвать не могла. Дальний угол макета являл разительный контраст с беспечным пасторальным мирком. Трава там почернела и обуглилась, пластиковые деревца, причудливо скрученные жаром, у корней расплылись мерзкими кляксами. Человечки да зверюшки и вовсе превратились в бесформенные черные огарки. Примерно раз в три-четыре минуты состав проезжал по краешку зоны опустошения.

Наверное, игрушечные пассажиры в эти моменты переглядывались и начинали беспокойно шептаться, но поезд быстро выносил их в царство мира и покоя, заворачивая на следующий круг.

Ох ты ж, ну и хрень в башку лезет! Мрачный символизм ситуации не шел у меня из головы, пока мои друзья крикливо (очень, кстати, по-цыгански) выторговывали у мэра детали для пулемета, еду, воду, патроны и хрен-знает-что-еще. Тиана, например, требовала за свой золотой горшок базуку. А я все топталась у макета, в котором мне виделся наш гребаный сумасшедший мирок. Ведь поезд потихоньку выбирался из — пассажиры облегченно вздыхали, позволяли себе заняться обычными путевыми делами, допускали детей к окнам, — люди начинали обживаться, устраиваться надолго. Но урок, судя по ситуации в Шинкэте и Холидее, не пошел, мать его, впрок. Раз за разом взгляд возвращался к оплавленным кучкам, напоминающим коровьи лепешки. Впрочем, если кто-нибудь плеснет в тлеющий костер войны керосина, от нас останется и того меньше.

Тяжелые мысли не покидали меня на протяжении дня, поэтому Том каждому нахамил, спалил обед и спрятал диски с музыкой, то есть настроение передалось всем. Обстановку слегонца разрядил Натан, приперший с собой овцу. Разумеется, по этому поводу не замедлили пройтись: глупо, мол, выгонять одну овцу и сразу заводить другую. Дриббл откликнулся в том же духе. По его мнению, Элейн приносила пользы куда меньше. Та в отместку принялась плоско шутить про овцеебов. Нет, тема, безусловно, благодатная, однако Принцесса воров не сумела ее достойно развить, и ее жалкий лепет утонул во всеобщем гоготе.

Когда мы покидали Блудвайн, отягощенные, по сути, халявной добычей, шутки все еще не умолкали. Стреноженная овца истошно блеяла в багажнике «сандерклапа» (после выселения Элейн и ее мотороллера места там освободилось предостаточно), провоцируя смешки в различных частях каравана, хотя с гусями ей в данном отношении было не сравниться.

Мною же овладело нетерпение. Уши ничего такого не предвещали, но мне почему-то казалось — в Эль Саладо нашу историю ожидает некий поворот.

Глава 9

Еще в Блудвайне благодаря общительному дядюшке Конраду подтвердились посулы Декстера. Осенняя ярмарка начиналась ежегодно в середине сентября и, подобно праздничному параду, катилась от города к городу. Основная масса участников следовала за весельем, как бычки на поводу, — не в силах оторваться. Люди жаждали получить награду за свои труды. Наш же табор не прилипнет к этому стаду, ни-ни, — отдохнем недельку-другую и в дорогу.

За пару километров до самого Саладо начались палаточные поселения приезжих, раньше называемые Значит, в городе места нет. Но нам ли печалиться? Цыгане к месту всегда и везде. И действительно, прямо на въезде, практически под вывеской «Добро пожаловать в благочестивый город Эль Саладо», освобождалось местечко на стоянке — помощники шерифа изгоняли каких-то бродяг. Мы радостно вписались, оплатив вперед все семь дней ярмарки, чтобы больше не сталкиваться с усталыми и злыми блюстителями порядка.

Никому неохота было просиживать зад в машинах, поэтому Аксель навесил везде замков, которые особенно смешно смотрелись на Кирнином внедорожнике без крыши. Ладно, может, устрашающий вид капканов, разложенных на сиденьях и внутри трейлера, отвадит потенциальных воров? В повозке вместо капканов и замков разместился док, решивший употребить ярмарочную неделю на пассивный отдых, то есть на залегание и подремывание. Вроде бы ему получшало в Холидэе, но позавчера он снова свалился. На всякий случай его снабдили одной из «ничейных» таборных винтовок — свой лук Данике сейчас даже не натянул бы, о стрельбе и говорить нечего.

Я уже смирилась с предстоящим Тому увлекательнейшим туром в компании Владилена по кабакам или вместе с Натаном — по магазинам и лавкам в поисках очередной железки для «сандерклапа», но пацана сгреб в охапку Аксель. Судя по всему, он перехватил мой любопытствующий взгляд, брошенный на радарную установку, заманчиво белеющую на горе.

— Ну-ка, чо эт ты задумал, шкет? — цыган отечески приобнял меня за плечи. — Подраздобыть для табора проблем?

— Да ладно тебе, ничего там со мной не случится.

— Хватит, Мэйби. Мы уже обсуждали это раньше. Пойдем-ка лучше, ознакомимся с расписанием мероприятий.

Вывернуться из цепких акселевских лап, по крайней мере, сию минуту, не представлялось возможным. Ну ладно же, часом раньше, часом позже, но я взойду на тебя, Саладо-пик!

Прошвырнувшись по торговым рядам, в спешке возводимым, местами вообще не готовым, а кое-где уже принимающим посетителей, мы вышли на главную площадь.

Там собралась изрядная толпа — все галдели вокруг программы празднества. Несколько распорядителей отвечали на вопросы, записывали желающих поучаствовать, расхваливали призы. Чувствовалось, мэр привык тратить средства городского бюджета с размахом и далеко не последнюю роль отводил своей репутации народного любимца.

Пока я издалека рассматривала затейливые яркие украшения из подручных материалов и даров природы, венчающие грифельную доску с программой, Аксель, бодро работая локтями, протиснулся к одному из глашатаев и, лукаво посмеиваясь, занес таборчан в ряды конкурсантов. Понятное дело, ребят ждал сюпризец. Вряд ли Тиана по своей воле вписалась бы на помывку машин в бикини или стрижку овец, а Элейн — на дойку коров. Сомнительно, что кто-нибудь посчитал бы достойным соревноваться в гонках на свиньях. Однако, если ребята и вправду хотят развлечься на славу, они оценят хохму.

— Ты поучаствуешь в родео! — торжественно изрек Аксель, отряхивая руки от мела. — Хорошая практика для супружеской жизни, да и приз отменный — велосипед.

Такого поворота я, признаться, не ожидала: то он вопит, когда Том лезет в неприятности, подвергая себя какой-то мифической опасности, то предлагает мальчонке побороться с быком!

— Эй, ты в своем уме? Он же убьет меня!

— Ну да, что не удалось гигантскому сурку, банде мотоциклистов, Тиане с ее взрывами, эндейцам, нлошникам и прочим недоброжелателям, проделает самый обычный рогатый скот! Не смеши меня, Томми!

— Малыш прав. Ему рановато состязаться с подобным противником, — авторитетно заявил Декстер, вдруг возникший подле

нас. — Только настоящий мужчина способен танцевать с и делать это красиво. А Том превратит серьезное зрелище в шапито или трагично сдохнет. Я сражусь с быком, и он преклонит предо мной свою гордую рогатую главу.

— Ну и глупо же ты будешь смотреться на велике, Тушка! — мне показалось, Декстер зачислился в ряды бычачьих укротителей, только чтобы позлить Томми.

— Не стану я на нем кататься, но буду обладать, как символом беспрецедентной победы! — Королевский Тушкан патетично запахнулся в пончо, мазнув меня краем по носу, и скрылся в толпе.

— Возвратимся к проблеме твоего взаимодействия с быком, — шепнул мне Аксель. — Не волнуйся, я не позволю твари причинить тебе вред. Возьму винтовочку, протащу ее на трибуны под видом букета цветов и…

Мы оба расхохотались. Хотя я ощутимо поуспокоилась от его слов. Все-таки специально обученный здоровый бычара — не группа враждебно настроенных увальней.

— А теперь пойдем выбирать наряд для более женственного конкурса. С другой стороны, девочки-соперницы кое в чем поопаснее быков, — предложение Акселя застигло меня врасплох. Как выяснилось, он решил поучаствовать в танцевальном соревновании в паре с Мэйби Туморроу.

Я начала протестовать, не желая позориться, ведь последний раз мне довелось плясать в детской группе — в хороводе на каком-то унылом купольном празднике.

— Пустяки! За пять дней поднатореешь — у тебя отличный партнер, — беспечно отмахнулся цыганин и повел меня к одежным палаткам. — А потом на гору!

Ну, после такого предложения я готова была вытерпеть многое, в том числе скукотищу торгов за шмотки.

**

Конрад Блум обаятельнейшим образом улыбнулся и извлек из кармана прощальный подарок — сплетенную из гвоздей розочку, — которую и вручил своей великовозрастной племяшке. Элейн, приоткрыв в восхищении пухлые губы, бережно приняла простенькую, но вместе с тем изящную конструкцию. Вещь,

сделанную мощными руками истинного самца. И такого при этом очаровательного…

Несколько мгновений Конрад с интересом рассматривал перезрелые Принцессины груди, судорожно вздымающиеся под туго натянутой тканью, и отчетливо обозначившиеся холмики сосков. Затем переместил взгляд ниже, скользнув по животу и задержавшись на плотно сжатых бедрах.

Да-а-а, готова девочка. Однако мастер Блум недаром слыл профессионалом. Удовольствие, которое его шлюховатая племянница обеспечила бы хоть сейчас, обернется сущим кошмаром, когда наступит время заниматься делом и придется избавляться от приставучей девки, привлекающей излишнее внимание и не способной закрыть болтливый рот. Поэтому Конрад аккуратно поправил Элейнину блузку, церемонно чмокнул в щечку, попрощался нарочито сухо и ушел не оборачиваясь.

Принцесса воров, томно застонав, привалилась к грязной стенке трейлера. Такие вот мужчины и сводили ее с ума, да вот беда — ей редко удавалось заинтересовать их больше чем на пару ночей.

А еще эти гребаные месячные… Элейн начинала побаиваться, что , но может, все еще обойдется. Рассосется, так сказать.

— Эй, телочка, чо, не срослось с ним? Ну хошь, я тебе титьки помну!

Ошалевшая от такого нахальства Принцесса широко распахнула глаза и увидела неподалеку Моррикая, собиравшего свои нехитрые пожитки: контракт истек, краснорожий мутант, освоившийся в караване (и вконец обнаглевший), готовился отправиться восвояси. Элейн, еще минуту назад, кажется, способная кончить, просто чуть сильнее сжав ноги, почувствовала, как похоть сменилась несвойственным ей желанием кого-нибудь убить. Уродец был отличной кандидатурой.

— Эй, эй, чувиха, я ж типа тока помочь думал…

Мо не договорил — арбалетный болт высек яркий сноп искр из автомобильного борта справа от него. Принцесса прекрасно управлялась с самострелами, но Мо повезло — бушующая в Элейн ярость не позволила ей прицелиться как следует. В среднем на перезарядку арбалета подготовленный человек тратит четыре-пять секунд. Рассерженная Принцесса воров уложилась в две, впрочем,

юркому Моррикаю хватило и этого времени. Не забыв прихватить вещички и накинуть капюшон, краснорожий затерялся среди гуляк.

Девица опустила арбалет и, сев на трейлерное крылечко, еще немного повздыхала, любуясь гвоздевой розочкой. От «сандерклапа» раздавалось мерное «вжик-вжик» ножниц — Натан стриг свою ублюдочную овцу. Однако Элейн не относилась к разряду людей, склонных к длительному унынию и самокопанию. Уже через пару часов она, разодетая, накрашенная и слегка пьяная, погрузилась в предъярмарочную суету.

**

Я и Аксель стояли у подножия Саладо-пика. Город словно старался скрыться от пыльной жары под сенью плосковерхой скалы, на макушке которой и располагалась вожделенная радарная станция. Мы переглянулись, Аксель улыбнулся и кивнул. Теперь единственным препятствием на пути к цели был пузатый мужик, закутавшийся в пончо и надвинувший на глаза громадное сомбреро. Сей комичного вида страж восседал неподалеку от дощатой будочки и свежеокрашенного (судя по неровной дорожке капель под ним) полосатого шлагбаума. В руках мужик сжимал мушкетон. Интересно, часто ли он им пользовался? Так или иначе, мы решили сперва потолковать, прикинувшись зеваками, которые прибыли погулять на ярмарке, ну и заодно поглазеть на древнюю диковинку.

Охранник чудовищно скучал, ему хотелось присоединиться к всеобщему веселью, выпить и закусить, а заместо этого он торчал здесь, у подножия «проклятой горы». Согласно приказу мэра, доступ туда праздношатающимся категорически воспрещался, но шериф с помощниками сбивались с ног, поддерживая порядок в городе, в преддверии ярмарки наводненном иноземцами, пройдохами, бродягами, любителями халявы и просто не вполне трезвыми людьми, склонными к импульсивному поведению. Посему вместо профессионалов посменно дежурили Эстебан (так представился наш трепливый собеседник) и еще трое «счастливчиков». Населенная, по поверью, демонами башня понадобилась Конфедерации в грядущей войне с Севером, но, как оставшаяся от предков рухлядь способна помочь в таком деле, Эстебан не мог себе уяснить. А тревожить демонов — значит навлечь на город проклятие…

Кажется, я начинала понимать, почему в Саладо кварталы бедноты лепились на склонах горы. Суеверный люд боялся осколка непостижимой довоенной цивилизации, поэтому те, кто мог себе позволить, селились внизу, в долине. Ну а беднякам, как всегда, выбора не оставили.

И все же, если судить по малочисленности и настрою охраны, мэр тоже сомневался в необходимости возобновления работы РЛС. Иначе нас встретило бы с десяток охранничков тут, и в два раза больше — наверху.

Краем глаза я заметила, как Аксель угощает сторожа косячком. Ну, теперь-то уж точно все уладится.

Однако Эстебан оказался крепче, чем на первый взгляд, или просто сам на досуге баловался чем-нибудь эдаким. Вспоминая истории Декстера о кактусовой водке и других ништяках с мессиканским колоритом, я почти не удивилась. Но и меня, и Акселя, признаться честно, бессмысленная болтовня донельзя утомила.

Неизвестно, как развивались бы дальнейшие события, не постучись в накуренные мозги Эстебана идея, с точки зрения здравого смысла довольно спорная, но вполне устраивающая нас. Олух предложил нам посторожить за него. На самом деле впервые эту мысль озвучила я, а цыганин приправил ее соусом сладкой лжи, но Эстебану понадобилось время, чтоб распробовать вкус «блюда». «Почему бы нет? Почему бы не доверить важный пост этим двоим? Их лица располагают к себе (вон какие широкие улыбки!), они явно прониклись предупреждениями относительно нравов призрачных обитателей станции. В конце концов, они хорошие ребята!» — примерно такие размышления читались на физиономии охранника, а кое-какими соображениями он поделился вслух. Впрочем, не менее вероятно, мужика всего лишь с косячка, иными словами, ему приспичило пожевать.

Итак, наобещав нам всякой ерунды навроде пирожков от жены, безмерной благодарности и возвращения через пару часов Эстебан нетвердой походкой направился в город. Путь свободен!

Дождавшись, когда доверчивый сторож скроется за поворотом, мы, аки два горных козла, едва ли не наперегонки помчались наверх. Надежды на медлительность Эстебана возлагались немалые, но однажды он нас уже озадачил, поэтому мы торопились. Тем не менее

подъем занял уйму времени: довольно широкая дорога сменилась тропой, перешедшей в полосу препятствий на почти отвесном склоне.

Вот почему местные не растащили здание станции по винтику — слишком уж много возни со спуском. Ну да, а еще демоны…

Комплекс на вершине Саладо-пик остался в точности таким, как в фильме, просмотренном мною на уроке астрономии. Ну ладно, не совсем таким — непогода и время пощадили его гораздо меньше, чем сооружения в гатскиллзских горах. С другой стороны, недавно площадку привели в порядок, на окна нижнего этажа навесили решетки, а вход в главное здание преградила внушительная дверь с врезным замком. Теперь забитым куском Акселевой отмычки.

Старик Срам являлся для меня неисчерпаемой кладезью мудрости, хотя жизнь его протекала в далекой Гроссии, где я еще не бывала. Но кое в чем люди одинаковы везде. Я нащупала ключ за притолокой ровно в ту секунду, когда Аксель с пронзительным «бздиннн!» сломал отмычку в замочной скважине.

— Ну, я не принц воров и даже не принцесса… — цыганин попытался вяло отшутиться, однако его волнение и досаду было видно невооруженным глазом. — Сказывается отсутствие практики.

— Пусти-ка! — я отпихнула Акселя и, достав из кармана перочинный ножичек, сосредоточенно принялась выковыривать обломок.

По-моему, отмычка сломалась вполне закономерно — замок новый и, как следствие, туговат. Даже имея в руках ключ, я изрядно попотела, но виду не подала.

— Вуаля! Милости просим, дорогие гости, — одолев злоебучий механизм, я пнула дверь и отступила, галантно пропуская цыганина вперед.

— И чего я сразу тебя не припахал? — Акселя все-таки задело то, с какой легкостью мне далась победа над замком. Что ж, пускай привыкает — порой ему придется терпеть женское превосходство.

Внутри здания было темно, пыльно и душно. Для начала нам предстояло отыскать, где включается электричество (если включается).

Когда лампы зажглись, я закрыла дверь, и мы отправились обследовать помещение. На первом и втором этажах располагались спальни, кухня, ванная, кладовая с остатками припасов, а в подвале стоял бильярд. Этажи с третьего по пятый выделили под технические

помещения, а шестой целиком занимала зала, загроможденная компьютерами, стеллажами с дисками и книгами, экранами. В центре от пола к потолку тянулась труба с винтовой лестницей.

Видимо, люди ушли отсюда, намереваясь в скором времени вернуться. На столах лежали бумаги с расчетами, обгрызенные карандаши ждали, когда хозяева дорисуют ими похабные картиночки на полях важных документов, на мониторах до сих пор висели липучки-напоминалки «зайти к Дорис в субботу», «должен Клайду пятерку», «у Стэна юбилей во вторник». А уборщики, думаю, быстренько протерли тут полы, поминутно складывая «рожки» от сглаза, и ретировались, ничего не тронув.

— Если Эстебан не заподозрит подвоха, завтра влезем снова и воспользуемся всей этой техникой, — с нарочитым весельем заявил Аксель, направляясь обратно к выходу. Конечно, он не взял с собой диск, конечно, он проклинал себя, конечно, я в который раз спасла ситуацию.

— Знаешь, уж коли приперлись, нужно действовать! — мне стоило больших усилий не рассмеяться при виде Акселевой физиономии — прям как у дитятки, услышавшем, что мамочка, так и быть, купит ему дорогущую игрушку, хоть он и не заслужил.

Я вынула из кармана штанов одну из копий послания, инструкцию, разложила их на ближайшем столе и принялась изучать последовательность действий. Цыганин, опомнившись, приблизился и из-за моего плеча уставился в заветную бумажку.

В идэнской библиотеке компьютеры имели всего одну кнопку — «вкл», а после запуска работали, как говорится, интуитивно, то есть пользователю не требовалось излишне напрягать мозги, только вбить в строку поиска нужный запрос или команду, причем без особой точности формулировки. Теперь же мне предстояло вести с машиной полноценный диалог. Провозились долгонько…

При включении (а в процессе участвовал весь комплекс) многие экраны даже не моргнули, в паре мест заискрило, а один блок ярко полыхнул. Тут пригодился богатый цыганский опыт. Аксель ухватил со стены массивный красный баллон с раструбом, смахивающий на Тианин огнеплюй, и окатил воспламенившийся компьютер пеной. Откуда знал-то? Да какая разница. Дальше пошло спокойнее. Осыпав крышу и площадку перед башней хлопьями ржавчины, со скрежетом

повернулся громадный кокон радиотелескопа, распахнулись, сверкнув в закатных лучах, многочисленные крылышки у него по бокам. Следуя инструкции, я запустила программу поиска принимающей стороны и вбила набор сигналов. Нам следовало, разумеется, дождаться ответа, но такой роскоши мы себе позволить не могли. Я аккуратно сложила карту с отметками других РЛС, схему созвездий и присовокупила их к диску с посланием и инструкции.

— Неужели все? Так просто? Я столько лет потратил на поиски, попытки, как вдруг… — пока я суетилась, Аксель стоял, зачарованно глядя в темнеющее небо, куда нацелилось жало антенны.

— Раньше с тобой не было Тома, — нахально возвестила я, хлопнув цыганина по спине. — Пойдем, ковбой, а то, чего доброго, нас здесь застукает Пузан Эстебан.

— Да, золотце, твое появление многое изменило…

На лестничной площадке мы замерли — снизу послышались робкие шаги и окрики Эстебана. Мужик не горел желанием рыскать по всему зданию, но чувство долга пересилило страх, и он решился. Перво-наперво Эстебан совершил великолепную глупость — вырубил электричество, погрузив во тьму и без того жутковатое помещение. За миг до выключения света мне почудилось, будто из динамиков вместе с шипением раздается голос, но проверить я не успела. Аксель, тихонько выругавшись, пошел готовить пути отступления, а меня посетила забавная мысль — местные предрассудки сыграют нам на руку, если воспользоваться ими с умом. Спрятавшись за перилами, я во все горло заорала:

— Зачем ты пожаловал сюда, смертный? Зачем нарушил мой покой? Уууууу! — вой застиг охранника на втором этаже. Он застыл с поднятой ногой, смертельно побледнел, жалобно заскулил и бросился вниз, к спасительной двери. Полагаю, мужик решил, что нас двоих утащил с поста местный демон.

— Акс, путь свободен! — кликнула я.

— Раньше не могла сказать? Такой узел хороший получился! — возмутился цыганин, хотя, по-моему, раздражала его не необходимость отвязывать веревку от оконной рамы, а собственный испуг, вызванный моей правдоподобной игрой.

Я заперла входную дверь, вернула ключ на место, и мы последовали за Эстебаном, периодически мелькающим ниже по

склону. Главное, не нарваться на мнительного охранника на ярмарке, иначе проблем не оберемся.

Уже в городе, на одной из узких улочек, мы наткнулись на препирающихся Декстера и Тиану. Эльхаим опять набрала на свалке всякой всячины для своих взрывных штуковин и пыталась заставить Тушкана помочь ей нести этот хлам.

— Эй, люди подумают: раз ты несешь мои вещи, значит, спишь со мной! — Тиана применила грязный приемчик.

— Не катит, чика, — гордо ответствовал Декстер. — Нагрузи своим мусором ишака, и все будут думать, что ты спишь с ним!

Раздались звуки борьбы, сдавленный визг, и из-за угла вырулил помятый Декстер с мешком на спине. За ним торжествующе шествовала Эльхаим со связкой емкостей под коктейли. Аксель утянул меня во мрак ближайшей подворотни, шепнув: «Негоже наблюдать за унижением мужчины!» Я не стала комментировать его внезапно проснувшуюся тактичность.

Проводив парочку насмешливым взглядом, цыганин предложил отпраздновать удачный штурм Саладо-пика, а заодно примерить обновки. Ну разве я могла отказаться? Мне не терпелось покрасоваться перед ним в платье!

**

Утром, оставив Акселя досыпать в номере, я отправилась заказать нам завтрак и умыться. Гостиница, в которой цыганин умудрился снять комнату, была двухэтажной: наверху помещение отеля, внизу — бордель, в подвале же — кабак. Очень грамотный подход. В каждое заведение вела отдельная дверь, но внутри они сообщались с помощью лестницы, находившейся под зорким присмотром вышибал и клерков, чтобы клиенты не мешали друг другу. Я предпочла не давать крюка по улице, пробежалась насвистывая по коридору, свернула за угол и столкнулась нос к носу с Кирной.

— А вот и ты, гаденыш, — процедила она и схватила меня за шиворот рубахи.

Ух, девок в табор понабрали — таких в телегу запрягать! Хрен с ней, с рубахой, здоровье дороже! Я подогнула ноги и скользнула вниз, оставляя шмотку в кулаке блондинки. Теперь нужно только… Жуткая боль разлилась по бедру — Кирна слишком скоро очухалась и врезала шустрому пацаненку. Думается, целила она по яйцам. Я заорала. Здесь,

наверное, привыкли к женским (да и мужским) воплям, но вдруг кто-нибудь решил бы проверить, все ли в порядке? Блондинка вцепилась мне в волосы и дернула, приподнимая с пола. Я отняла руки от груди, пытаясь опереться и не дать ей сломать мою шею.

В какой другой ситуации я с удовольствием полюбовалась бы на Кирнино ошарашенное лицо, а сейчас плевать хотела, насколько нелепо оно выглядит. Каждую секунду я ожидала, что она приложит меня физиономией об стену или, например, отрежет ухо.

— Девчонка, — Кирна хмыкнула.

Будто отсутствие члена меняло ее намерения. Нет. Рядом с моим лбом мелькнуло лезвие ножа. «Интересно, какое слово украсит мое чело?» — отстраненно подумала я (даже сейчас мой «сосед» Томми добавил в серьезный вопрос глумливую нотку) и все-таки зажмурилась.

А в следующий миг блондинка выпустила меня. Судя по злобному вскрику, не по своей воле. Не смея пока проявлять признаки жизни, я чуточку приподняла ресницы и увидела приятную картину: Аксель молчаливо теснил Кирну, крепко удерживая ее за запястья. Цыганин не стал спускать девку с лестницы или расправляться с ней как-то иначе. Но, похоже, Аксель внес предложение, от которого та не сумела отказаться. К сожалению, деталей я не расслышала. Противостояние закончилось изгнанием Кирны с «поля боя».

— Так и знал, одними угрозами она на сей раз не ограничится! — цыган поднял меня. — Зря ты испортила ее драгоценную шляпу. Но, будем надеяться, теперь она уймется.

— Если бы мне выпал второй шанс, я все равно поступила бы также! — упрямо буркнула я и, наступив на поврежденную ногу, зашипела от боли.

Аксель доволок меня до номера. Там он, участливо качая головой, осмотрел наливающийся цветом синяк, пощупал опухшее колено, но я уже сообразила — после моего заявления истинного сострадания мне от него не дождаться.

**

Ярмарку открыли приветственная речь мэра, Мигеля Торреса, и пышное шествие участников соревнований вместе с платформой, нагруженной призами. Всем не терпелось перейти к состязаниям, поэтому градоначальник выступил кратко, а парад сделал лишь пару

кругов по арене. После чего прогремел ружейный выстрел, ознаменовавший начало.

Фоном для конкурсов служила выставка сельскохозяйственных достижений: фермеры хвастались плодами своей земли и содержимым своих хлевов, хозяйки угощали стряпней, продавали домотканые коврики, пончо, плетеные корзины самых разных форм. Пожилые матроны прямо на месте вязали свитеры, те же пончо, носки, а детишки крутили вручную коконы сладкой ваты и лили леденцы (невозбранно подъедая остатки) — в общем, каждый находил, чем заняться и как подзаработать. Правда, конкуренция была — мама не горюй! Разумеется, шериф с помощниками не дремали, иначе не избежать бы многим принудительного свертывания бизнеса.

Также по всему городу круглосуточно работали кабаки, казино и танцплощадки. Иногда пара-тройка музыкантов спонтанно объединялась в небольшой оркестрик, задавала жару, а потом дружно пропивала барыши. Имелись и шапито, и зоопарк, и кукольный театр. Вечерами улочки расцвечивались яркими огнями, а у подножия Саладо-пик запускали фейерверки.

Праздничная атмосфера сгустилась над Эль Саладо подобно туману, застлав на время проблемы, невзгоды и горести. Пожалуй, самым чудесным было количество сияющих радостью лиц.

Я опущу внеконкурсные цыганские приключения, упомяну лишь, что мы успели поучаствовать в кабацкой драке, потасовке со шлюхами, обвинившими таборчанок в работе на чужой территории, и в словесной перепалке с местными парнями, пожелавшими, ммм, оттанцевать наших дам. Несколько проблем возникло из-за моей скромной персоны, еще не привыкшей к женской роли. В итоге до конца ярмарки Аксель спрятал от меня все наряды, кроме безразмерного пацанского шмотья. И не зря: его уже не раз допрашивали, какая-такая девка заслужила столько его внимания, — полетела бы моя конспирация псу под хвост.

Мы даже открыли собственную лавку в торговых рядах. Заправляли там по очереди, единственным бессменным обитателем магазинчика стал Владилен. Он колдовал над канистрами с брагой, заготовленной еще в Блудвайне, и новеньким самогонным аппаратом, наконец-то собранным ему Джо, исправно вязал в уголке, занимался мелким целительством. Торговую точку нам сдал приезжий пивовар,

внезапно приболевший и потому не способный управлять ею сам. Почему-то мужик предпочел подозрительных цыган своим родственникам, крайне возмущенным решением главы семейства. Его насупленный увалень-сынок ежевечерне подкатывал к магазину бочку их пойла, которое Владилен в целях скорейшего сбыта улучшал всякими травками.

Но все-таки интереснее и приятнее получить прибыль за просто так. Я подразумеваю призы за победу в различных глупых конкурсах. Утром первого дня Аксель удовлетворенно рассматривал списки участников — мы их буквально заполонили. Натан попробовал себя везде, я не отставала, а прочие побывали на арене минимум по три раза.

Для разогрева публики на рассвете (сразу оговорюсь — в Саладо мы перешли на нормальный режим, да и вообще, осенью уже не так жарко) в дело вступили дойщики коров. Заспанные, опухшие с похмелья, девки и несколько ребятишек устремились в загоны к мычащим буренкам. Каково же было удивление толпы на трибунах, когда среди женщин и детей заметили рослую фигуру Натана. Ему предлагали подоить сисястую Элейн (с которой он, по воле жребия, оказался в соседнем боксе), обзывали подкаблучником, хлюпиком, сопляком, и, похоже, именно из-за обидных воплей Дриббл не сумел сосредоточиться. Выиграл состязание мелкий мальчонка, еле утащивший ведро с надоем. Правда, Натан утер-таки горлопанам носы — он отстоял свое право на стакан молока, тут же выпил его и провозгласил: «Тот не мужик, кто не способен признать — на заре своей жизни все мы доили».

Засим последовал конкурс стрижки овец. Любимцем зрителей стал Владилен, которого норовистая скотинка мотала по загону, валяла, топтала, а он при этом умудрился остричь тварь с одного бока и ни разу не поранить. По требованию болельщиков Птицыну презентовали добытую шерсть.

А вечером на арене собрались резчики тыкв. Даже не знаю, где раздобыли столько овощей, но список участников не уместился на трех табличках. При ярком свете фонарей многочисленные ножи врезались в сочную мякоть плодов, полетели первые шлепки слизи с семечками и возникли неожиданные осложнения. Люди на подобных мероприятиях, несмотря на в общем благодушный настрой, не прочь

почесать кулаки. Вероятно, поменяй мэр местами соревнования резчиков и бои, ничего бы не случилось, а так…

Фермера рядом со мной пихнули (по-моему, это сделала мстительная Кирна), он раздавил локтем мой шедевр, неподалеку послышались брань, звуки ударов, и понеслось. Недолго думая, я выхватила овощ у соседа напротив и надела его на голову своему еще не опомнившемуся «обидчику», а после, запрыгнув на длинный стол, за которым все работали, принялась крушить. Надо отметить, к тому моменту некоторые столы уже лежали перевернутые. Под единственным устоявшим засел Натан, оберегая собственную поделку. С трибун поспевало подкрепление — не мы одни имели группу поддержки, почти все приезжали с семьями, друзьями, целой деревней. Под общий визг и хохот люди уничтожали овощи, катаясь в склизких ошметках, валяли противников и попутно хозяйственно набивали тыквенные куски в карманы, сумки и подолы. Среди собирателей выделялась Туве, поедающая добытое прямо на ходу. Для меня зрелище завершилось после удара чем-то тяжелым по спине. Успев-таки зафиксировать улыбающуюся рожу говнюка со скамьей в лапищах, я плюхнулась на бок в жидкую кашу, раздавив в заключение Кирнину тыкву.

— Я крепко подумаю, прежде чем пускать тебя к быку, Мэйби, — проворчал Аксель, выуживая меня из овощной дрисни.

Лучшим резчиком объявили Натана, единственного, чей креатив уцелел, невзирая на все посягательства. Ему вручили великолепный нож, подходящий, в том числе, и для резки тыкв.

Второй день я провела на трибунах под присмотром Акселя. Спина моя приобрела мерзкий изжелта-лиловый оттенок и доставляла массу неудобств. После поползновений по скользкому столбу за сапогами цыганин вынес меня на плече с арены, пообещав запереть в трейлере, если нынче вылезу участвовать еще хоть раз. Я смирилась — деваться-то некуда. А пижонские сапоги снял с верхушки Сагерт, шутя преодолев все десять метров гладкой поверхности.

Остаток дня посвятили кулинарии — ее достижениям с последующим поглощением результатов. Несусветная скучища, не считая скандала на состязании обжор. Мы-то знали: Туве способна с голодухи (ну и просто — не пропадать же витаминам в «кожуре») лопать консервные банки, фантики, пакеты, — а вот на публику и

судей произвело неизгладимое впечатление поедание пищи прямо с посудой. Дикарка решила покушать впрок. Естественно, поднялся гвалт, чуть не началась драка, но в итоге зрители удовольствовались дисквалификацией мутантки и устным выговором хозяину, то есть Хайду. После изгнания Туве за столами остались Натан с каким-то жиртрестом. Они работали челюстями еще где-то с полчаса, как вдруг толстяк отложил недоеденную сурочью ногу, с трудом поднялся и, рыгнув, возвестил: «Я пас, а то моя старуха снова заскандалит, что я отказываюсь от ее стряпни!» Итак, цыгане победили в трех конкурсах: «Икусный резец», «Верхолаз», «Бездонное брюхо». Неужели кто-то еще хочет с нами тягаться?

Благодаря прозябанию на трибунах я имела возможность поглазеть по сторонам, в том числе на «правительственную ложу». Впрочем, меня заинтересовало не столько ее пышное убранство, разодетые мэр с супругой или чиновники, сколько скромно восседавший прямо под ней дядюшка Конрад, сменивший привычное одеяние на комбинезон, рубаху, цветастое пончо и сомбреро. Элейнин родственник лишь изредка обращал внимание на арену, аплодируя и горланя, когда это делали его соседи, в остальное время он следил из-под широких полей шляпы за Мигелем Торресом. Уж поверьте, я достаточно насмотрелась на него — Конрад не был праздным зевакой и не зря просиживал штаны и средства на лучших местах. Кстати, а разве он не сказал, что задерживаться в Саладо у него нет резона? Ладно, если завтра я застукаю дядю там же, будет повод ввязаться в приключеньице.

Вернувшись на стоянку, мы пассивно поучаствовали в очередной разборке между Декстером и Тианой. Королевский Тушкан встретил нашу шумливую процессию в совершенно умопомрачительном костюме — в красных лосинах с золотой бахромой, узорчатом жакете с эполетами, белоснежной рубашке с кружевным воротником и манжетами, в черной рогатой шапочке и при галстуке. Примерно в таком виде выходили на бой с быком, Не хватало лишь красного плаща,да голые по колено ноги не вписывались в образ. Оставалось надеяться, Декстер понимал — убить быка ему не дадут.

— Женщина, — Тушкан легко спрыгнул на землю и обратился к Тиане, ошарашенно вылупившейся на него (вообще-то, мы все так на него таращились, прикидывая, сколько стоил костюмчик): — иди,

примерь платье, ты же не хочешь танцевать в заградительной ленте? Люди оценят, но не одобрят.

— Какое платье? — спросила девица.

Декстер указал на распахнутую дверь трейлера. Там, на койке, мерцал шикарный наряд, пенившийся множеством оборочек. Я присвистнула. Где только он выискал эти раритеты?

— Чем ты заплатил за них? Или взял взаймы, как бульдозер? Лучше б ты, мать твою, мару… мрако… макраме плел! — заорала Эльхаим.

Меня всегда удивляло, почему Тушкан с его непомерным чувством собственного достоинства терпит подобные унижения.

— Чика, две жалких канистры топлива за надлежащую оправу для твоих буферов — это дешево! — заявил Декстер, пытаясь приобнять Эльхаим за талию и ухватить ее за поименованные части тела. — В нас разгорится пламя страсти, значит, твой огнеплюй ничего не потерял!

— Ага, придется наполнить бак твоими слезами, — задумчиво обронила девица, оттолкнув ухажера.

Затем она вынула из-за пояса пистолет и начала заряжать. В общем-то, никто не воспринимал ее действия всерьез и не вмешивался. А потом она скомандовала: «Беги!» — и выстрелила под ноги Тушкану. Тут на нее набросился Аксель и вырвал оружие, а Декстер скрылся за тягачом.

— Поговорим, когда поостынешь, — послышался его обиженный голос. — Глупая женщина, зря тратишь патроны! Ты же в курсе — я быстрее пули!

Не знаю, имела ли их «дружеская» перепалка продолжение, но с этих пор Декстер ходил как пришибленный.

**

Сагерт подлил Кирне еще текилы. Девица расстроилась из-за поражения в конкурсе обжор, а еще больше от того, что извергла съеденное обратно, оставшись в результате голодной. Сколько добра пропало! Обычно в такие моменты боец отрешенно выслушивал монолог подруги, периодически кивая, (блондинка часто находила повод обидеться на кого-нибудь, возмутиться чьей-то расточительностью, вспомнить неотомщенные оскорбления), но сейчас не отслеживал нить беседы вовсе. Сагерт чувствовал, как чей-то взгляд шарит по нему и Кирне. Ощущение не из приятных. Однако

обнаружить наблюдателя в полном зале, где все друг на друга пялятся, где дым и кумар стелются прямо над столиками, слегка рассеиваясь рядом со светильниками и танцплощадкой, представлялось почти невозможной задачкой. Наконец Кирна достигла равновесия между количеством выхлебанного алкоголя и градусом злости, наступило время покинуть кабак. На пороге Сагерт обернулся в надежде заметить эти чрезмерно любопытные глаза, но так ничего и не увидел.

Утром он уселся на зрительскую скамью со смутным предчувствием беды. Вот и Том ухо чешет… Затея с участием девушек в кулачных боях не нравилась Сагерту, но и Кирна, и Тиана остались непреклонны, невзирая на все доводы. Ладно, это их право — быть битыми.

Появление девчачьей парочки вызвало неслыханный ажиотаж: один притязал на Тиану в качестве приза, другой спрашивал, зачем шлюхи вышли бесплатно — неужели промоакция, третий ликовал — наметился законный повод помять чужие сиськи, не схлопотав нагоняй от женушки. Да, женщины с трибун во всю силу легких требовали гнать мерзавок в шею. Но устроители дали Кирне с Тианой шанс — со «сладкого» решили начать.

Тиане достался молодой увалень, единственной целью которого были аппетитные девичьи прелести. Он даже не пытался драться, а лишь зажимал противницу по углам, лез ей под рубашку, пытался стянуть штаны, а в конце концов повалил наземь. Публика улюлюкала, бывалые мужики советовали юнцу, как поудобнее разложить потаскушку, женщины стыдили Эльхаим. Вдруг парень заорал и, схватившись за поясницу, скатился с Тианы — в кулаке у нее оказалась острая щепка. Последовало изгнание вероломной девки с позором. Ей даже не позволили взойти на трибуны, и остаток дня она провела в тягаче в обществе унылого Декстера.

Впрочем, победитель был доволен — он получил незабываемый опыт, которым с гордостью бахвалился направо-налево. Когда выкрики «женщина — ложь!» и «бабы — зло!» поутихли, а с площадки убрали гнилые овощи, распорядители выпустили Кирну против жилистого усатого мужика. Дядька вздумал провернуть ту же тактику, что и его предшественник, но после первого же пропущенного удара смекнул — так просто ему не отделаться. Тогда он принялся лупцевать блондинку

почем зря, судя по всему, изрядно поднаторев в этом деле на домашних.

— Она не натворит глупостей? — тихо осведомился Аксель у Сагерта.

Тот пожал плечами. Разве он мог поручиться за женщину? Конечно, нет, а кто мог? Он знал, что она скрывает под одеждой, но таинственное вещество в ее черепной коробке не поддавалось логике, изучению, воспитанию. Да Сагерт и не мнил себя хорошим учителем.

Кирна захрипела, когда оппонент схватил ее за горло, и резким движением выбросила кулак ему в живот. Пожалуй, лишь привыкший к ее штучкам Сагерт уловил предыдущий молниеносный маневр — девица вытащила из-за наруча нож. В первые секунды никто ничего не понял. Раз Тощий Билл повалился на соперницу, значит, той удалось побить его либо она смирилась с неизбежной участью быть облапанной. Но затем мужчина медленно сполз на песок ринга, а на Кирнином голом животе остались кровавые разводы.

Шериф спохватился, когда из рядов зрителей раздался истошный вопль — причитала супружница поверженного бойца. Кирну тут же окружили блюстители порядка. Она приготовилась обороняться (и превратить мирное увеселение в кровавую баню), но, увидев взведенные арбалеты, смиренно подняла руки. Ее увели, Сагерт последовал за конвоирами, Тощий Билл в сопровождении семейства отправился в лазарет на носилках. Мигель Торрес спас праздник единственным известным ему способом — впредь запретив женщинам участвовать в кулачных боях. Ответом мэру стали громовые аплодисменты.

В состязании победил местный забияка, сидевший до сего момента в тюрьме за пьяную драку с нанесением особо тяжких телесных повреждений. Его же собственные жертвы упросили градоначальника зачислить буяна на ринг. Блаженные люди! Девчонку, порезавшую похотливого козла, заперли в каталажку, а бугая, переломавшего кости десятку фермеров, выпустили и наградили трейлером. Что ж, Кирна хорошо знала законы этого мира, но сама регулярно нарушала их, нарывалась на наказание, а после ругала.

**

Руис Гонсалес, вот уже лет десять как шериф славного города Саладо, побеседовал с Сагертом с удовольствием. Ему часто

приходилось выслушивать домогательства друзей и родственников заключенных, лавировать между соблюдением законов и желанием толпы (с Торресом они были два сапога пара). А этот посетитель действительно импонировал уже подуставшему от ярмарки шерифу: он не угрожал, не качал права, не ползал в ногах — лишь хотел выяснить, во что обойдется освобождение его белобрысой подруги. Визитер не оспаривал размер штрафа (ни много ни мало — пять быков), хотя внес дельное предложение, явно выгодное ему, но не менее удобное властям и пострадавшей стороне. Якобы с ним в Саладо прибыл врач. Таким образом, мужчина избавил себя от необходимости платить за лечение Тощего Билла.

**

Сагерт, покинув офис шерифа, спорил только с собой — рассудок умолял его бросить кровожадную дуру на произвол судьбы.

**

Трагедия во время кулачных боев довольно скоро забылась. Ведь следом маячили соревнования по поимке порося, дегустация алкогольных напитков и питейный аналог обжорного конкурса. Аксель отсоветовал мне ломиться за Сагертом и Кирной, заметив, что парочка разберется без Тома, а взамен порекомендовал размять спину в забеге за хрюшкой. Ну да, все либо закончится бегством из Саладо, и это состязание — вероятно, последняя возможность покуролесить, либо Сагерт выяснит размер виры, и цыгане начнут перетряхивать закрома. Жирная призовая свинья стала бы солидным взносом. Ага, как вы, наверное, догадались, снова сыграло правило: «Друзья ведь для того и нужны… (далее по тексту)», — соблюдаемое даже в случае взаимных обид. Мы ж друзья, а не какие-то там знакомые!

Погоня за обильно натертым маслом поросенком по пересеченной местности, как говорится, сделала день. Публика хохотала до упада над неуклюжими попытками ражих мужиков ухватить визжащего от страха свиненка. Следить за прыткими мальчишками и девчонками, которых также высыпало на арену предостаточно, было не так интересно. Для полноты зрелища и ощущений загон залили водой, то есть уже через пару минут участники оказались по щиколотку в жидкой грязи. Конкурсанты выдыхались быстро — балет в говнах требовал определенной сноровки. Ну не способен одышливый толстяк дважды совершить прыжок на большую дистанцию, пытаясь своим

весом придавить скотинку. А опытный старикан уже после нескольких пробежек (когда на повороте ноги уходят куда-то вбок или назад и ты падаешь рожей в грязюку) натужно дышит и отчаливает, предоставляя молодежи забавляться дальше. Малолетки же в конце концов позабыли, зачем строгие мамаши позволили им участвовать в конкурсе, и устроили потасовку с дерганьем за косички, засовыванием комков жижи в штаны, уши и носы. Детей с общего одобрения удалили из загона, и осталось пятеро молодчиков примерно моего возраста. Но разве им одолеть Тома Мэйби? Нетушки! Ребятки загоняли поросенка с одной стороны, не догадываясь разделиться, а я зашла с другой. Ни преследователи, ни жертва не успевали уже свернуть, когда я выскочила им навстречу: парни проскользили мимо, а мне удалось поддеть порося за чавку, запустив ему пальцы в глотку. Конечно, хрюшка изрядно прикусила мне руку, зато и отвертеться не сумела.

Пока Томми наслаждался заслуженной овацией, раскланиваясь, лыбясь и отпуская шуточки в адрес конкурентов-неудачников, я исподтишка шпионила за Элейниным дядюшкой, как и вчера сидевшим на О нет, игрища его не интересовали — Конрад пас главу города. Но зачем? Пора выяснить!

Для начала я сдала выигранную свинью Акселю и предупредила его, куда намылилась (выслушав вялые протесты), затем воспользовалась бесплатным душем — участников охоты окатывали за трибунами из шланга — и засела у выхода из элитной ложи. Дядюшка меня попросту не заметил. Вместе с народом он устремился к дегустационным столам, расставленным по периметру грязевого загона. Конрад упорно протискивался к Торресу, не пересекая, однако, некоей границы, — не дальше, но и не ближе к мэру. Может, это игра?

Мигель Торрес, крепкий мужик и народный кумир, лично приложился ко всем напиткам. Правда, ему сопутствовал помощник, заранее предупреждающий мэра знаками о качестве пойла: мол, вот отличное пиво, а та текила — сущие помои. Рядом с Владиленом Михайловичем, гордо обнимающим небольшой бочонок своей «истинной амброзии», подсказчик разулыбался, покивал и, не стерпев, шепнул: «Великолепно!» Торрес проигнорировал несдержанность ассистента. Сурово зыркнув на гроссийца, посмевшего конкурировать с местными производителями, он взял наполненный стакан и пригубил

янтарную жидкость. Отпил еще, затем довольно крякнул и пошатнулся. Обогнув стол, мэр сгреб застенчивого самогонщика в охапку и провозгласил победителем. Владилену полагалось либо полугодичное бесплатное обслуживание в саладовских кабаках, либо десять литров чистого спирта. Цыгане ликовали.

Мне же пришлось покинуть церемонию награждения и следующий конкурс, где Птицын должен был продемонстрировать мощь грусской печени, желудка и прочих почек, то есть — литрбол. Не хотелось упускать из виду Конрада, который надумал прогуляться.

Наверное, Элейниному родственнику надоело толочься среди гуляющих, и он отправился в гостиницу. Было делом пары минут найти его окно — мастер Блум заселился в крошечный постоялый двор, зажатый со всех сторон мусорными домиками. Без труда вскарабкавшись на крышу соседнего не то сарая, не то сортира, я заглянула внутрь. Сидя на койке, загромождающей полкомнаты, дядюшка, потрошил свой саквояжик. Там обнаружилась снайперская винтовка. Беспечно напевая, Конрад принялся чистить оружие, тщательно и любовно. Но подобные сцены я регулярно наблюдала, пока с нами путешествовала Захария, да и Натан часто перебирал свой арсенал, а вот что действительно заслуживало внимания — это фотографииМигеля Торреса и потертая папка с бумагами на тумбочке. Вот так дядя!

Уложив винтовку обратно в чемоданчик, мужчина окинул беглым взглядом комнатушку, потянулся за папкой, но вдруг ухмыльнулся, махнул рукой и вышел. То ли он не предполагал сюда возвращаться, то ли, наоборот, оставил все как есть, намереваясь зайти еще раз, — кто знает? При любом раскладе я чувствовала необходимость полистать содержимое папки. Спишите это на вновь зачесавшиеся уши или на неуемную пытливость, как угодно, но, едва Конрад свернул за угол, я перепрыгнула на шаткий балкончик его номера и шмыгнула в дверь, запиравшуюся на проволочку.

Лишь за чтением второй странички мне подумалось: «А если это хитрая западня?» Как ошпаренная я выскочила наружу, сиганула с балкона в кучу мусора и побежала. Помимо неожиданно проснувшегося страха попасться, меня подгоняли прочтенные строки. В папке содержалось досье на Мигеля Торреса, мэра Эль Саладо,

значимую фигуру руководства КСГ и организатора сопротивления НЛО в этом районе. Требовалось устранить его в кратчайшие сроки…

Мда, на таких листах, гладких, без вкраплений опилок, с ровными краями, только смертные приговоры подписывать. Вверху и внизу каждой страницы красовались золотые нлошные орлы. В голове стало тесно от горячечно бьющихся там вопросов. Решил ли Конрад действовать сейчас? Имелись ли в папке еще фотографии? Какой кретин напечатал инструкцию такого рода на ? А если это не случайность, то кому выгоден конфликт КСГ и НЛО? В конце концов, почему ты не взяла папку с собой, дуреха? Ага, а вот на последний вопросец ответ прост: не нужно цыганам впутываться! Разве что слегка — оберегая собственное благополучие.

Только бы Конрад возвратился на трибуну! Иначе ищи-свищи ветра в поле, а мужчину средних лет в сомбреро — в Саладо. По счастью, дядюшка сидел на своем стуле и болел вместе с прочими зрителями за участников конкурса выпивох. Вполне ожидаемо Владилен до сих пор оставался в их числе на пару с древним сухоньким старичком. Я протиснулась к своим и обрисовала Акселю ситуацию, переложив ответственность на его мощные плечи. В самом деле, ведь не маленьким же мальчикам (или девочкам) расхлебывать такие проблемы.

**

Мастер Блум строго соблюдал букву договора — заказчик относился к разряду людей очень серьезных. Нужно досье в гостинице? Он его забыл. Нужно направить след на нлошников (как будто бумажек с орлами недостаточно!) — он готов и на это.

Теперь Конрад выжидал. Мэр надегустировался вволю и судил варварский конкурс «Кто кого перепьет». Опосля он немного попляшет, а затем попадет в надежные руки Конрада. Изначально Блум хотел воспользоваться прикрытием толпы и застрелить Торреса с крыши одного из ближайших к арене домов, потом передумал и приготовился к тесному знакомству с жертвой, но тут опомнился — нлошники непременно устроили бы дешевую показуху. Следовательно, мэру суждено умереть на посту. В конце каждого ярмарочного дня Торрес созывал малое совещание в ратуше, на котором выслушивал доклады своих помощников и шерифа. Там-то и назначил ему свидание мастер Блум.

До воплощения плана в жизнь оставалось еще часа четыре, поэтому Конрад заглянул в кабачок «Зеленая пума» неподалеку от ратуши. Как и положено загулявшему обывателю, он заказал пива и пристроился за стойкой.

Однако даже у профессионалов случаются проколы. На соседний стул плюхнулся цыганенок Том, и, что еще хуже, он признал Конрада. Пока язык выдавал обычный для светского трепа набор фразочек, мозг мастера Блума предлагал возможные выходы из положения. Пацан прилип как репей — он обещал скорое прибытие остальных и радостную встречу.

Только этого не хватало!

Цыгане ввалились в кабак, шумно чествуя Владилена, втянули вновь обретенного дядюшку Конрада в беседу и усадили его поближе к счастливой племяннице. Блум смеялся вместе со всеми, врал, будто дела вынудили его задержаться в Саладо, а на стоянку он попросту не успел вернуться. Пьяная Элейн лезла целоваться и бесстыдно тискала его, заставляя опасаться за надежность крепления мачете в потайной петле, Том увивался вокруг стола, Аксель лопотал о всякой ерунде вроде побед на конкурсах. Скверный поворот. Как, скажите, выкарабкаться из панибратской застольной трясины?

— Выпивки сюда! За мой счет! — гаркнул Конрад и, поймав восхищенный взгляд племянницы, подмигнул ей. — Я сейчас. Надо бы отлить, — смущенно доложился он и начал пробираться между стульями, надеясь, что никто не обратил внимания на прихваченный с собой саквояж.

В заведении даже имелся сортир. А рядом — выход. Мастер Блум шлепнул дверью нужника, после тихонько отворил наружную и скользнул в ночь. Переулок позади «Зеленой пумы» не освещался, и Конрад не сразу заметил Тома, стоявшего у стены. Пацан от неожиданности аж подпрыгнул.

— Ты чего здесь забыл? — прошипел Блум.

— Вы ж заняли тубзик — пришлось ссать на угол, — мальчишка завозился со штанами, якобы застегивая их. Только вот незадача — отсутствовало мокрое пятно от проделанной работы. Цыганский выродок лгал.

Выяснять, зачем Том следил за ним, Конрад не счел нужным. Разозленный собственной оплошностью, он вознамерился преподать

урок любопытному засранцу, вероятно, последний в никчемной мальчишеской жизни. Пальцы сами нащупали в кармане кастет. Блум вытащил сжатый кулак, замахнулся, целя в висок, но впервые не довел дела до конца: страшный удар по загривку свалил его в объятия парнишки.

— Как раз! — воскликнул Том, хитро улыбаясь Акселю и укладывая Конрада на землю.

**

Когда дядюшка заказал пойла на всех, а сам отпросился в сортир, я поняла, что мы его вот-вот упустим, и бросилась к парадному выходу из кабака. Мне вдогонку летел окрик Акселя, но время поджимало — объясняться я не стала.

Вырулив на улочку, огибающую «Зеленую пуму», я чуть не столкнулась с Конрадом. Лучшее, что мне оставалось сделать — разыграть спектакль. Прислонившись боком к стене, я завозилась с ширинкой, и тут дядюшка меня увидел. Еще теплилась надежда разойтись по-хорошему (для моего здоровья, разумеется): заболтать, распрощаться и последовать за ним, оказавшись уже в роли охотника. Но Конрад предпочел размозжить мою ушастую башку. Тогда вмешался Аксель, выскочивший через черный ход, едва только за мной хлопнули парадные дверцы, и вовремя нагнавший дядюшку.

— Мэйби, ты хуже Кирны, Тианы и Декстера вместе взятых. Вечно нарываешься, — с досадой проворчал он.

Уж кто бы говорил! Сам-то, если верить его байкам, постоянно выкидывал коленца на бритвенном лезвии. Ну, положим, остепенился с возрастом, но я-то еще в расцвете юношеской безбашенной поры.

Цыган решил не впутывать в случившееся остальных (должно быть, из нежелания потонуть в долгих прениях). Изъяв у дядюшки винтовку и несколько милых безделушек (нефритового слоника, мачете из потайного крепления и костяную расческу), я хорошенько извазюкала мастера Блума в пыли, а раскрытый саквояж кинула рядом.

На долю же Акселя досталась неприятная часть экзекуции — выведение Конрада из строя, надежное, но не смертельное. Мда, со сломанными пальцами он еще не скоро возьмется за дело мести и точно не тронет Мигеля Торреса на ярмарке. Впрочем, даже в таком состоянии он был способен обеспечить цыган проблемами, например, пожаловаться шерифу.

Однако на это мое замечание Аксель отрицательно покачал головой. Лады, он выше — ему виднее.

В кабаке нашего возвращения ждали с нетерпением. Посреди стола, в окружении обрывков пупырчатого высилась бутыль текилы, на затертой этикетке которой имелась надпись: «Твоя белобрысая девка у нас. Если хочешь видеть ее живой, приходи ночью в 3:00 в Змеиный каньон».

Не похоже на наименование напитка, зато отлично обрисовывает положение табора — в глубоком дерьме. Почему? Все по той же причине: чисто по-дружески цыгане обязаны были поддержать Сагерта и Кирну. Казалось бы, чего дурного в прогулке до места со столь «романтичным» названием? В принципе ничего, если забыть, чье «гнездо» ворошил Сагерт, и откуда сбежала Кирна.

Аксель сразу выспросил у кабатчицы об упомянутой в послании природной достопримечательности, якобы на случай, если придется выводить караван из города ночью. Да и вообще, мне почудилось, цыганин намеренно притворился, будто письмишко из разряда деловых. Благо никто не видел истинного содержания записки.

Худшие опасения подтвердились: по словам трактирщицы, вручившей Сагерту «подарочек», его передал один из посыльных местного филиала Гильдии. Ребята не особо-то и скрывались. Боец поведал нам наконец свою историю. Жаль, он не сделал этого раньше — глядишь, все обернулось бы иначе.

На решение Сагерта явиться на рандеву в одиночку, Аксель возразил: «Глупо соваться в пекло, не запалив вокруг свой огонек». Угроза за угрозу. Как известно, каждое действие вызывает противодействие, а противодействие цыган — охренительная штука.

По пути на стоянку мы узнали у охранника в тюрьме, что штраф за девицу внесен, поэтому шериф распорядился отпустить ее. Конечно, блюститель порядка не догадывался, какие делишки проворачиваются у него под носом, а если б пронюхал, наверняка не стал бы вмешиваться.

Работорговцы были силой, с которой считались в лармериканских пустошах. Да и за их пределами — тоже.

Как следует снарядившись, мы отправились к месту назначения. Ближе к каньону, еще раз обсудив задуманное, мы разделились на три группы: Сагерт шел открыто (но, как часто случается в фильмах, не

без сюрприза, круглого такого, с колечком), а прочие устраивали засады с флангов. Хозяйка «Зеленой пумы» упоминала о двух площадках, располагавшихся на склонах каньона друг напротив друга. Почему только она умолчала о железнодорожных путях? Ну, неважно.

Когда моя группа засела в кустах метрах в пятнадцати над ложем каньона, Сагерт вошел в ущелье. Натан обустроил позицию, добавив к естественным укрытиям маскировочную сеть, и приник к биноклю. Как дела у наших друзей на противоположной стороне, приходилось только гадать — отчетливо виднелась лишь сцена внизу. Благодаря ночной тишине, мы могли различить приближение Сагерта по шуршанию камушков и песка под его ногами, а остальное, самое интересное, освещалось кострами.

Похоже, люди, собравшиеся на дне теснины, не принимали цыганского противодействия всерьез. Тем лучше для нас и хуже для них. На рельсах, пересекающих каньон, в окружении троих мужчин лежала связанная Кирна. Всего троих! Ну и ну! Нас не просто недооценили, нас ни в грош не ставили. Или работорговцы заготовили коварный план. Интересно, а какое место в нем они отвели поезду? Неужели вскоре прогудит залихватское «ту-ту»? Но Сагерт же не знает, чем опасно полеживание поперек железнодорожных путей…

Я уже начала делиться своими домыслами со спутниками, когда наш товарищ вступил в пятно света. Спустя пару минут с другой стороны каньона раздался звук, безошибочно опознанный мною, как выстрел.

**

Обмотанная веревками Кирна валялась на дороге, состоящей из металлических брусьев и каменных подставок под ними, которая соединяла две дыры в противоположных склонах ущелья. Встречающих было трое.

— О, явился? — весело спросил один из них. — Да, пожалуй, я понимаю, почему дочь сбежала с тобой. Хорош — ну, прям Эполлон.

— Переходи к сути, — холодно потребовал Сагерт.

— О’кей, парень, — согласился собеседник. — Позволь для начала отрекомендоваться: я — отец этой белобрысой дуры, Керт. Вы двое заставили меня изрядно побегать по пустошам, впрочем, не скрою, я давно так не развлекался. Со своим чадом я разберусь сам, а вот тебя главы Гильдии вызывают, так сказать, на ковер. Давай решим

наши личные неурядицы бескровно? Ты убедишь друзей не вмешиваться, не станешь сопротивляться, и мы отбудем восвояси. Всей нашей дружной взбалмошной семейкой.

Обдумать Кертово предложение, равно как и выдвинуть ответное, Сагерт не успел. Справа бухнуло, в ночное небо рванулся истошный вопль, а следом Керт нажал на спусковой крючок. Папаня Лавджой еще не встречал никого, кто сумел бы обогнать его, а уж тем более — снаряд «моссбурга».

В каньоне словно началась масштабная бойня, а ведь всего-навсего «высказался» дробовик Керта, разбудив многоголосое эхо. Однако это не укрыло от слуха старого работорговца постороннего грохота. Осколочная граната? Он и его подручные вроде бы не прихватили с собой ничего подобного. Неужели… Ну ладно, там засели крепкие ребята, уж с немытыми цыганами справятся как-нибудь.

Облако дроби окутало Сагерта. Спутники Керта, соображавшие (и действовавшие) гораздо медленнее, повыхватывали «пукалки» (как пренебрежительно называл их автоматические пистолеты Лавджой) и внесли свою лепту свинца.

По левому откосу кто-то спускался — от верхней площадки тянулась пылевая дорожка, скатывались мелкие камни. Там же угадывались еле различимые выстрелы и крики, заглушенные громовым эхом.

— Это все, на что вы способны? — рев Сагерта ошеломил Лавджоя.

Парень стоял. Его грудь в отсветах костров блестела от крови, точно лакированная. Если бы не изуродованное лицо с разорванной щекой и ошметками на месте уха, казалось бы, будто он просто недавно выкупался. Но вот Сагерт сделал шаг, второй; ладонь разжалась, выронив на землю грязно-зеленый шар. Керт, приметивший мелькнувшую на пальце противника чеку, на секунду зажмурился, ожидая взрыва. Сагерт рухнул на колени, попытался сделать еще движение и упал лицом в пыль, пальцы упрямо впились в каменистую почву. Осечка.

— Босс, ублюдок сдох, — улыбнулся щербатым ртом один из помощников, и тут же его отбросило назад.

Лавджой понял: на склонах цыгане одержали победу, по крайней мере, поприжали его соратников.

— Тащи Кирну и этого к тоннелю! — рявкнул Керт на второго подручного, дав ему для убедительности подзатыльник. — Скорее, мать твою!

Сам Лавджой побежал налегке. В темноте под аркой его поджидала «сюзи» — огромный вездеход, переделанный когда-то из пижонского кабриолета. Керт питал слабость к мощному оружию, покорным девочкам и роскошным автомобилям. Он недовольно поморщился, вспомнив, что придется испачкать багажник из-за дочкиного дружка, впрочем, среди сброда в клетках обязательно найдутся желающие отмыть имущество хозяина. На границе спасительной тьмы (сзади раздался сдавленный стон отставшего помощника) бывалого работорговца настигла пуля. Снаряд пробил в затылке Лавджоя маленькое отверстие, развороти в выходе нижнюю челюсть. Сегодня у матерых профессионалов день не задался…

**

Я рассчитывала успеть чуть пораньше. Эх, мне б не слушать взрослых осторожных дядек, а сразу последовать за Сагертом! Но сейчас уже поздно сокрушаться. Наконец, преодолев трудный спуск и метким броском бумеранга лишив себя сомнительной радости столкнуться с , я развязала тихо всхлипывающую Кирну. Она не сумела подняться с первой попытки (конечности затекли): перевернулась на четвереньки, оперлась на мою услужливо протянутую руку и, немного потоптавшись, направилась к телу Сагерта.

Сверху уже спускались Натан с Акселем, вторая группа почему-то задерживалась.

**

Само собой, Декстер не усидел на попе ровно, хотя Тиана четко сформулировала свое требование — не высовываться, пока она не закончит с минированием. Натан небезосновательно полагал, что на склонах засели люди работорговцев, ведь у них была уйма времени и возможностей подготовиться к встрече с цыганами. Вопрос состоял в том — заняли они позиции выше или ниже, или прямо на уступе, куда забрались Эльхаим, Владилен, Тушкан и Элейн.

Декстер пополз вперед, привстал и получил арбалетный болт в плечо. С тихим «вжик-трень» из темноты полетели еще снаряды, уложив всех в траву. Всех, кроме Элейн, которая не целясь пальнула в ответ из винтовки. Чей-то вопль подтвердил удачное попадание. Цыганка присела рядом с Тианой.

— Они теперь перезаряжать будут, нужно действовать! — решительно прошептала она.

Эльхаим, лежа на боку и проклиная беспечного мессиканского паразита, достала из кармана свалившегося с плеча рюкзака гранату, выторгованную в числе еще десяти у блудвайнского мэра. Элейн не нуждалась в указаниях и распласталась рядом, прикрывая голову. Тиана дернула чеку и забросила «подарок» в темень.

Резкий хлопок слился с раскатами выстрелов, донесшимися снизу. Через несколько ударов сердца установилась тишина, нарушаемая шорохами и стонами недалеко впереди. Пора было узнать, насколько серьезно их воспринимали работорговцы, и посчитать противников.

Девицы приподнялись. Прямо перед ними стоял, пошатываясь, мужик с арбалетом. Он начал заваливаться на бок, но нажал-таки на спусковой крючок, — болт застрял у Элейн в бедре.

Из разнотравья появился Владилен, волокущий на себе Королевского Тушкана. Дедуля, похоже, отделался легко — лишь олени на свитере вновь пострадали, на сей раз от осколков.

— Счас покурим и пойдем, — буркнула Тиана, плюхнувшись на камень рядом с причитающей Принцессой. — Не ной ты! Док починит.

**

Натан закинул дробовик убитого работорговца за спину, рассовал по карманам мелкое добро и сунулся в тоннель, куда пытался добежать покойный. Аксель склонился над Сагертом, впрочем, без особой надежды. А я решила проверить, что таится в подземелье в противоположном склоне — в том, с которого мы спустились.

Изрядно продвинувшись по путям во мрак, я различила гул, а через мгновение в глубине мигнул тусклый фонарь. Поезд действительно существовал! И ехал прямо на меня. Я опрометью помчалась наружу.

На рельсах стоял безверхий розовый автомобиль, а под ним лежал Дриббл. Судя по всему, Натанчик обзавелся еще одной неисправной

игрушкой на колесах. Эти мысли пронеслись в моей голове вместе с картиной столкновения и взрыва, который покалечит или убьет всех, оказавшихся поблизости. В кино такое сплошь и рядом! Я окликнула Натана и развернулась навстречу неизбежному. В моем случае — неизбежной потребности остановить поезд.

Нам повезло. Во-первых, поезд шел небыстро, и я сумела запрыгнуть на подножку, а оттуда в кабину. Во-вторых, дедуля-машинист не сопротивлялся «захвату» и поверил в преграду на путях, которую еще не выхватил конус света. В-третьих, состав был пустой, поэтому успел затормозить.

Высунувшийся из двери старик-железнодорожник недоуменно глядел, как мы поспешно грузимся в неожиданно заурчавший — от страха, поди! — автомобиль и укатываем в ночь.

На выезде из каньона наперерез машине бросились темные силуэты — наши друзья, вторая засадная группа. Им подфартило: мы сидели в кабине тесно и неудобно, потому не успели открыть упредительный огонь. Ребята устроились в обширном багажнике.

Кирна всю дорогу плакала. Странно было слышать ее растерянные, беспомощные причитания. Она горевала и над Сагертом, пока еще живым, и над отцом. Тот факт, что папочка добивался смерти ее любовника, рисковал ею самой и хотел похоронить ее друзей в ущелье, не смущал Кирну. В нашем мире убийство уже давно стало нормой и законом выживания.

**

Несмотря на трагедию, разыгравшуюся в Змеином каньоне, а, вероятнее всего, вопреки ей, мы продолжили участвовать в ярмарочном веселье. Утро началось с конкурса загадок и провала на нем Джонатана. Жаль Туве не пустили дальше трибун — проку было б больше. Она знала едва ли не все ответы, но, главное, понимала, как их искать. Дикарка пыталась подсказывать с места, но под угрозой лишения Хайда права соревноваться прикусила язык. Наш умник чересчур глубоко копал, забывая, что загадки рождались в головах обычных людей, не имевших никакого представления о иЗато теоретизирования Джо эффективно усыпляли, и одна состоятельная матрона даже пригласила его в няньки.

Я же с нетерпением ждала начала родео. Аксель и впрямь вооружился, правда, скрывать винтовку не понадобилось, ведь

следующим пунктом шел конкурс стрелков.

Когда на арену верхом на быке вылетел первый «ковбой», мы с Декстером, смерив друг друга презрительными взглядами, отправились вниз, к стойлам. Там уже собралась толпа. Все галдели, обсуждали фаворитов, животных, качество песка на арене, хвастались снаряжением. В этом состязании из года в год принимали участие одни и те же, за редким исключением, люди, имелся двукратный чемпион, экс-чемпионы, вице-чемпионы.

В принципе на ярмарку не так часто заезжали совсем уж чужие, никому не известные персонажи. Да, мир полон знакомыми, знакомыми знакомых и их родственниками. А вот так с бухты-барахты пролезть в списки конкурсантов решится не каждый, скорее удовольствовавшись ролью наблюдателя. Возможно, попав на ярмарку вторично, он скромно запишется на дойку коров, но чтобы сразу да в такие «элитные» состязания, как кулачные бои, родео, скачки — ни-ни. Но цыгане, на то и цыгане — им прощают многое, оправдывая натурой. Поэтому нас с Тушканом, конечно, не допустили в привилегированный круг завсегдатаев, но и не делали вид, будто мы не существуем. Наоборот, наша пара подверглась всестороннему осмотру исподтишка и даже одобрению физических задатков. В довершение признания наших прав распорядитель предупредил нас, когда нужно готовиться к выходу.

Королевскому Тушкану достался здоровенный скот, нежно прозванный Букашкой. Букашка не первый раз приносил своему хозяину (ранчер присутствовал тут же) стабильный навар в тотализаторе: бык одолевал по несколько седоков за родео. Сегодня, по словам владельца, животное пребывало в игривом настроении, поэтому все ожидали занимательного зрелища. Букашка оправдал самые смелые чаяния. Впрочем, Декстер тоже не подкачал. Поначалу Тушкан заставил ранчера понервничать, воссев на спине у быка как влитой, но потом в бахвальстве своем отпустил одну руку, чтобы послать воздушный поцелуй поклонницам, и свалился наземь. Дальнейшая клоунада, устроенная на арене, с трудом поддается описанию: еще дважды Декстер оседлывал Букашку, а затем скотина гоняла его по песку до тех пор, пока Тушкан в отчаянной попытке спастись не запрыгнул на трибуну. От тореадорского костюма, чести и достоинства остались одни клочки. Неудачника освистали.

После феерического, но позорного выступления мессиканского хвастуна я заволновалась. Разве он мог проиграть? До сего момента мне и в голову такое не приходило. Мое воображение рисовало ничью и последующую дружескую перепалку за приз. Хотя, весьма вероятно, мой «скакун» уравняет нас в поражении. Для меня приготовили потомка настоящего то есть представителя боевой породы, еще не вошедшего, правда, в лучшую пору. Ранчер, привезший это чудо, лукаво усмехнулся в усы и сказал: «А мальчонке хватит и теленка». Так бы выбрали мне противника среди обычных скотов, но, ухватившись за глумливую идею, порешили выставить малолетку против малолетки. Никого не волновала родословная бычка и его чересчур буйное поведение в загоне.

Позже Аксель утверждал, что хотел пристрелить тварину, как только тот пронесся по арене полкруга, но бык, будто почуяв угрозу, принялся скакать и брыкаться. Меня мотало из стороны в сторону, и цыганин попросту не отважился пальнуть, боясь подбить седока вместо скакуна. Однако извинений я так и не дождалась. Аксель делал вид, словно заранее предугадал результат. Бычок не сумел сбросить меня со спины в течение двух минут, смирился и понуро поплелся в загон. Таким образом, я побила предыдущий сорокасекундный рекорд. Том Мэйби стал сенсацией нынешней ярмарки. Наверное, о ловком пареньке даже сложат немудрящие небылицы. И никто не узнает, что мальчишку после родео едва не вытошнило, что ему отбило зад, натерло ладони и больше всего на свете он мечтал лечь полежать. Участь яиц, если б они существовали, я даже описывать не берусь. Тем не менее Томми отхватил свою порцию аплодисментов и укатил с арены на велосипеде.

Декстера я нашла на стоянке, сидящим на крылечке трейлера. Он тосковал. Мне как-то расхотелось подшучивать над ним. Я лишь раз проехала мимо, подудев в рожок на руле, а после, затащив трофей в кузов тягача, вернулась с сочувствием. Которое на хрен никому не сдалось! Тушкан был гордым и в своем горе. По его мнению, мне, шестнадцатилетнему пацану, не доступны понятия чести, достоинства, мужества, наконец. Декстера угнетало не столько поражение на родео, сколько равнодушие Тианы. Подруга не пожелала утешить его, опять припомнив трату на костюм, теперь безнадежно испорченный. Мда, странные они, женщины и мужчины. Я пообещала себе починить

наряд Тушкана, раздобыть бы только пару хороших игл и ниток разного цвета. Ну а врачеванием душевных ран, как всегда, займется время.

Еще сегодня посостязались в стрельбе. Победил опять Натан, приволокший с собой приснопамятную снайперку. Как его вообще допустили к мишеням с этой штуковиной?! Надеюсь, нас не поколотят из-за выигрышей… Назавтра предстояли скачки на свиньях, мытье машин, марафон на одрах и танцы.

Вечер цыгане провели в кабаке, не решаясь вернуться к каравану, где царили уныние в лице Декстера и борьба со смертью в лице Сагерта. Боец не приходил в себя, невзирая на усилия Птицына и неусыпное дежурство Кирны. Данике до сих пор валялся пластом в повозке, глотая аскорбинки и обильно хлеща воду. Помочь он мог, разве что, советом — руки у него тряслись, как после недельного запоя, а глаза слезились. Поэтому дробь выковыривал Аксель на пару с Элейн. Боюсь, их врачевания не пошли Сагерту на пользу.

За кабацкими столами нас и обнаружил шериф, разбавив наш досуг визитом в свой офис. Меня и Акселя высмотрел-таки Эстебан, недотепа-охранник с Саладо-пик, побежал докладывать, а тут уже жалуется на каких-то хулиганов (то есть те же рожи плюс Натан) дед-железнодорожник.

Машинист быстро отвалил. Аксель объяснил, как обстояло дело, умолчав лишь о принадлежности «головорезов» к работорговцам. Якобы мы поехали прогуляться через Змеиный каньон и попали в засаду. Нашего друга ранили, повредили двигатель и потому автомобиль застрял на путях. Извините, простите, не виноватые мы! Я также напомнила старикану о своей роли спасителя, с чем он охотно согласился, и шериф более этой темы не касался. Эстебану же навесили лапши на уши, будто прождали его дольше условленного, накалякали в дорожной пыли записочку и вернулись в город. Историю с призраком сторож, похоже, постеснялся пересказывать, а под осуждающим взглядом блюстителя порядка и вовсе стушевался.

**

Саладо бурлил, и Торресу с трудом удавалось утихомиривать недовольных. Народ возмущался засильем понаехавших цыган на ярмарке. Там и сям бухтели изобиженные ковбои. Мэр по опыту знал — закончиться это могло довольно пакостно, в зависимости от накала

страстей. Подлянки на конкурсах, ложные жалобы на продукцию из магазинчика, нанесение телесных повреждений, поджог — таков неполный перечень самых предсказуемых реакций толпы. И предотвратить бедлам практически невозможно. Торрес поговорил с некоторыми влиятельными фермерами и горожанами, но прислушаются ли они (а значит, и основная часть гостей) к его словам — поди угадай. Ну почему ни одна ярмарка не обходится без заключительной драки? Неужто мало им битья морд на кулачных боях, увечий на родео, смеха, жратвы и танцев?

К утру известий о расправе над цыганами не поступило, и мэр слегка поуспокоился. За ночь он много чего передумал, вспомнил, как отец, сам выросший у травил байки про жизнь в дороге. День там, другой здесь, отсюда выгнали, туда пригласили. Кочевые романтики никогда не унывали, ведь важен Путь и друзья, с которыми по нему идешь, а прочее — мелочи. Частенько обыватели приписывали им, как и мутантам, всякие мерзости: колдовство, кровопийство, каннибализм, похищения детей, насылание порчи. И далеко не всегда это были пустые страхи. Бродяги оборонялись… Того-то и боялся Торрес, чуть менее суеверный, чем его подопечные, но гораздо более осведомленный благодаря отцу.

Впрочем, несмотря на то что чужаки собрали все призы последнего дня, оспорить их достижения никто не осмелился. Они сразу буквально зачаровали публику.

В скачках на свиньях участвовали трое цыган. Двое демонстративно, на потеху публике, изваляли в грязи, а пожилой выпивоха пересек финишную черту, держась за задние ноги хрюна. Конечно, фигуристая таборчанка помыла машину не очень хорошо, но ее красоту и зрители (мужская часть), и судьи оценили в пять кило мыла. В марафоне мэр лично выдал цыганам скакунов похуже: мальчишке — дряхлую ослицу, девице — хромого конягу. И что бы вы думали? Девка сошла с дистанции в середине, не заметив сурочью нору, в которую несчастный одр провалился по колено. Пацан же кувырнулся со сдохшей за несколько метров до ленточки скотинки, но успел протащить труп через нее раньше, чем доплелись остальные участники. А танцы… Чужеземцы устроили едва ли не акробатическое шоу. Не придерешься. Благодарение небесам, и горожане, и фермеры признали это.

**

Отмыться после всех этих заездов оказалось непросто. Аксель, смеясь, обозвал меня поросенком. Удачливым, естественно. Правда, коли я порось, то Владилен Михайлович — знатный свин. Но и его отчистили.

Тиана не пожелала идти на танцы с Декстером, окончательно ввергнув того в бездну хандры, обид и пустых бутылей из-под текилы. Девица выбрала Птицына. После бани, бритья и смены гардероба (Аксель извлек из трейлерных закромов сюртук, рубашку, брюки и даже лаковые ботинки) гроссиец превратился в красавца-мужчину в полном расцвете сил. Эльхаим выступала ему под стать — в роскошном платье «от Тушкана». Цыганин тоже приоделся, иллюстрируя собой определение в словаре: яркие цвета, блестки, вышивка, зауженный да приталенный силуэт. У него допытывались, какую девушку он осчастливит танцем, но Аксель хитро улыбался и отмалчивался. Для меня подобные вопросы уже приобрели однозначный тувийный подтекст. Ну а Элейн с Натаном, позабывшие ради конкурса о своих дрязгах, и раньше были изрядными модниками. Принцессин чемодан со шмотьем (от многажды штопаных кружевных комбинаций до свадебного платья, завернутого в отдельный пакет) постоянно мешался под ногами в трейлере, периодически раскрываясь под напором вещей изнутри. Дрибблова же бирюзовая обтягивающая его худощавый торс, и щегольский костюм неизменно привлекали внимание на улицах.

Разодетые цыгане удалилась, а Том впопыхах принялся перевоплощаться в Мэйби. Особенно сложно дались уши, которые следовало завязать резиночкой на затылке, чтобы они не выдали мою мутантскую натуру. Кроме того, меня задержала глупая неожиданность: по дороге я обратила внимание на свое отражение в магазинной витрине и совершенно по-женски расстроилась. Мой наряд казался очень скромным. Да, у животных самец всегда импозантнее, чем самка, но у людей-то наоборот! Как я буду смотреться среди пышных узорчатых платьев местных модниц? «Ладно, зато лишние рюшечки не отвлекают от твоей стройной фигурки», — кое-как успокоила я себя и помчалась дальше.

Когда я ворвалась на арену, уже прогремели первые аккорды. Аксель шепотом попенял мне за опоздание, а затем нас закружило в

вихре цветастых юбок и пиджаков. Танцы, невзирая на чисто символические призовые, находились среди наиболее уважаемых конкурсов — местные любили и умели плясать. Вообще, умение красиво отдыхать ценилось ничуть не меньше, чем способность хорошо и много работать.

И, однако, нашей паре удалось затмить и здешних мастеров, и ослепительных Владилена с Тианой, и страстных Натана с Элейн. Мне чудилось, еще немного, и я выпорхну из рук Акселя, в конце почти не опускавшего меня на землю. Повезло ему — я легонькая. С Элейн, Кирной или Тианой так не получилось бы. И приз, посеребренная лента для шляпы, уплыл бы в загрубелые лапы какой-нибудь фермерской семьи.

Впервые я отчетливо поняла, почему танец занимает столь важное место в жизни туве. И сообразила, почему Аксель купил мне такой неброский наряд: именно своей простотой он и выделялся среди других. Забавный урок.

Как сказочная я опоздала на бал и раньше всех покинула его. Роль Томми пока не исчерпала себя.

Мы вбежали в пристроенный к трибунам павильон, тускло освещенный несколькими лампочками, висящими в патронах высоко под потолком. Нас встретили ряды повозок и велосипедов, длинный стол, обитый жестью, куда участники свалили пончо, плащи и шляпы. Пахло сеном и лежалыми фруктами.

Аксель дышал тяжело — как-никак конкурс длился несколько часов, прервавшись лишь дважды для смены музыкантов, — но выглядел цыган довольным донельзя.

— Ты шикарно выступила, золотце, — рассмеявшись, он нахлобучил мне на макушку свою шляпу, тускло сверкнувшую призовой лентой на тулье. — Твоя голова думает, что не умеет танцевать. К счастью, ноги считают иначе!

Ножки мои, ноженьки! Они горели огнем, да и спина, неоднократно страдавшая на ярмарочных соревнованиях, от них не отставала. Но куда сильнее меня волновало другое — боль, угнездившаяся где-то глубоко внутри. От нее на глаза наворачивались слезы.

Мне вспоминались кадры из старых фильмов: герои, еще не подозревая о грядущих бедах, обмениваются клятвами и страстными

поцелуями. Нередко эти романтические сцены разворачивались на взморье или в наполненных благоуханием цветов садах, а еще — на вокзалах. Она спрашивает: «Мы всегда будем вместе?» Он отвечает: «Да, любовь моя». Ну и дальше в том же духе. А спустя пару минут на экране начинается сущий кошмар: война, ужасная катастрофа, атака гигантского-монстра-из-океана… итог один.

По-моему, мы с Акселем прибыли на наш вокзал.

Для реальных людей несколько секунд экранного времени равноценны нескольким дням, порой — неделям. По прошествии которых беззаботные деньки навеки канут в прошлое.

— Аксель, — я взяла его за руку, прижалась к мягкому костюма, — мы ведь всегда будем вместе?

Да уж, фразочка в стиле Принцессы воров, но я не утерпела. Все могло закончиться в мгновение ока — как только потемнеет экран. А пока мы разговариваем, действуем, этого не случится.

— Конечно, золотце мое, — Аксель безупречно последовал шаблону.

В другой раз я улыбнулась бы, а скорее — расхохоталась в голос. Но не сейчас.

В пролом в крыше заглянула полная луна. Вот вам, пожалуйста, завершающий ингредиент. Еще неплохо подошел бы закат.

Обычно в такого рода фильмах женщина не делает первого шага, уступая его . Но я сочла неуместным так рисковать, поэтому, приподнявшись на цыпочки, поцеловала Акселя сама. Он отреагировал слегка нерешительно. Удивление его объяснялось элементарно: ничего подобного я еще не выкидывала. Впрочем, несмотря на мимолетное замешательство, он быстро перехватил инициативу, и его руки скользнули по моей многострадальной спине. Шляпа с драгоценной лентой готова была вот-вот свалиться (она и держалась-то до сих пор только благодаря ушам). Пожалуй, падение в мешанину из сена, грязи и навоза положило бы конец ее карьере в качестве головного убора, однако я боялась нарушить остроту момента, поправив ее. Мои собственные пальчики уже пробрались под Акселеву рубашку и боролись с медной пряжкой ремня. Наши губы не размыкались, тела словно слились воедино… Нет-нет, они сольются воедино чуть позже, в месте достаточно чистом для того, чтобы упасть.

Когда ладони Акселя сжали под юбкой мои ягодицы, а пряжка ремня с лязгом поддалась, шляпа все-таки свалилась. По-видимому, ее судьба заботила цыганина больше, чем меня, поскольку он резко выбросил руку и поймал шляпу за поля, закинув при этом подол мне едва ли не на голову. Я вообразила свои ляжки, фривольно сияющие во мраке, и вот теперь уже рассмеялась от души. Как бы ни был неуместен мой внезапный приступ веселья, он дал нам маленькую передышку. Чего доброго, застукал бы нас кто-нибудь из своих, решивший пораньше покинуть танцплощадку. Я одернула юбку и покрутила головой в поисках спасительного островка чистоты. Тут Аксель дернул меня за руку.

— Чище этой штуки нам здесь не найти, золотце!

Оставалось довериться ему.

**

Нас все-таки застукали бы — и меня, и Акселя ожидаемо , — если б в самом конце я от избытка чувств не нажала на клаксон. Ну да, цыганин не зря ухмылялся — мы занялись любовью на Элейнином скутере. Принцесса воров садилась на него практически голой задницей, поэтому блюла чистоту седла всеми доступными средствами, а во время длительных простоев укрывала скутер брезентовым чехлом, который и был грязным.

Когда пронзительный гудок, похожий на крик умирающего кролика, огласил помещение, вспугнув прикорнувших под крышей голубей, мы поняли, что неплохо бы поторопиться. Мотороллером Принцесса дорожила больше всего на свете, и не исключалась ситуация, в которой «грабителей», то есть нас, опознали бы уже после нанесения ранений, несовместимых с жизнью. Я вскочила на ноги, в которых еще гуляли остатки недавних удовольствий, покачнулась, но устояла. Аксель, смахивающий сейчас на койота, застуканного в птичнике, пытался зараз надеть штаны и застегнуть рубашку. Не позволив себе дольше наслаждаться этим весьма потешным зрелищем, я рывком натянула джинсы на его тощие бедра, дернула на себя ремень… И тут у входа в танцевальный зал полыхнул огонек выстрела, а мне на голову посыпалась какая-то труха. Элейн стреляла , то есть, она запомнила место, где припарковала скутер, и жахнула чуть поверх. Видеть нас в темноте она, разумеется, не видела, иначе я бы горелой

спички не дала за наши шкуры. Но вот ведь дура! Гребаный гудок мог кто-то и случайно задеть!

— Не иначе натановская двустволка, — прошипела я Акселю в ухо. — Дадим ей пальнуть еще, а потом — деру!

— Зачем? — удивился цыганин. — Скажем ей, что это мы.

— Кто — мы? Ты и какая-то шлюшенция, обскакавшая Элейн на конкурсе и подрезавшая у нее мужика, или ты и сладкозадый Томми?

Принцесса разорялась, потрясая винтовкой. Стоя в квадратике тусклого света, Элейн требовала от воров выйти с поднятыми руками, дабы она могла перестрелять их к едрене фене. Оплот здравомыслия, как и всегда. Будь мы всамделишными мопедокрадами, цыганка уже получила бы в телеса парочку арбалетных болтов.

Акселю понадобилось несколько секунд для размышлений над нашим щекотливым положением, а потом он вложил мне в руку какой-то круглый слегка шершавый предмет.

— Надеюсь, это не лошадиное дерьмо? — возмутилась я чуть громче, чем следовало.

Принцесса вскинула ружье и повела им из стороны в сторону, силясь рассмотреть источник звука.

— Нет. Яблоко. Обычное, не конское, — Аксель прыснул в кулак. — Швырни в Эльку, когда я побегу, потом двигай за мной.

Опуская дальнейшие подробности, отмечу лишь: Элейн сбила яблоко в воздухе. Да, стреляет она изрядно.

Мы, хохоча, бежали по переулкам, забрызганным отблесками редких фонарей, и тяжесть, давившая на мое сердце, почти забылась. Прохожие оглядывались нам вслед, некоторые приветственно махали руками, добродушно и пьяно посмеиваясь. Да уж, цыганская дочь за любимым в ночь…

Недалеко от стоянки, в тупичке между домами, состоялось мое перевоплощение обратно в Тома. Внутри меня что-то изменилось в этот странный вечер, когда грусть вмиг сменяется беззаботной радостью и твердой уверенностью в способности счастья длиться вечно. Неужели это и есть , о которой спето столько песен, написано столько книг? Так или иначе, глупая необходимость скрывать происходящее между мной и Акселем начинала меня тяготить. Стоило ли того обличие Томми?

А в таборе нас ждала предсказуемая, но от этого не менее грустная весть — Сагерт умер.

**

Джо выглянул в окно: город и предместья вокруг него усеивали яркие точки — костры, газовые фонари, кое-где даже мерцали неоновые вывески, невесть как пережившие войну. Ярмарка заканчивалась, усиливая тем самым желание людей напраздноваться вволю. Оно и понятно — быт фермера или ранчера не изобилует развлечениями.

Справа возвышалась громада Саладо-пика, виднелся внушительный пикет из десятка человек, охраняющих подступы к РЛС.

Да, власти извлекли из выходки Тома урок.

Получается, приключения Джонатана Хайда закончились, не успев толком начаться. Послание инопланетянам, в существование которых он не верил, отправлено. Куда караван двинется теперь? Куда теперь, в конце концов, двинется сам Джо?

Туве сидела на кондовой железной кровати и рассеянно разглаживала складки на одеяле. Они впервые собирались заняться сексом в помещении, и ее, несомненно, угнетала жаркая замкнутость четырех стен. Обычно девушка уводила Джо в степь, когда у него возникала охота, но Саладо окружали бесчисленные палатки любителей отдохнуть задарма. Хайду с превеликим трудом удалось снять комнатушку в захудалой гостиничке, за стенами которой непрестанно выл ветер и шуршал песок. Саладовские подворья были забиты под завязку, но этот район города пользовался дурной славой — надо полагать, из-за расположенной на скале станции.

По мнению Джо, настал хороший момент для разговора об их с Туве дальнейших взаимоотношениях. Последнее время девушку будто угнетала какая-то беспокойная мысль. Она — слово точнее всего описывало впечатления Джонатана, — и, разумеется, он волновался по этому поводу. Но начать решил издалека.

— Что еще следует делать, если рассчитываешь свить с кем-то гнездо не на один год? — вопрос получился странным, но сформулировать его иначе Джо не сумел.

— Надеяться, мелкий Джо… — Туве слегка наклонила голову. — Нет-нет, оставь ставни открытыми. Эта комнатка такая маленькая.

— Извини, кажется, я начинаю смахивать на тех типов, «которым ты нравишься», но я счастлив, и, надеюсь, так будет всегда.

— Когда гнездо свито, танец исполнен и анима разделена, в наших руках остается лишь самая малость. Тебе хорошо — это главное. — Туве несмело улыбнулась.

— А ты? Счастье должно быть только общим, — Джо хотелось выглядеть хорошим парнем. В принципе он и являлся таковым большую часть времени, а хорошие парни думают не только о себе. Потому, помолчав, Джо добавил: — Для меня куда важнее твои чувства.

— Мои чувства и мысли не имеют значения. Не волнуйся, мелкий Джо, наверное, все еще обойдется, — Туве слегка подвинулась на кровати, освобождая место для него.

— Не пугай меня, Туве! Ты говоришь так, точно уже стряслось что-то плохое. Что не так? Что может не обойтись? — заполошно воскликнул Джо.

— Вселенная не приняла наш союз, и мы беззащитны перед духами. Я предупреждала — ты не готов. Но я присматриваю за тобой….

— То есть произошедшее между нами случилось против твоей воли? — Джо испуганно заморгал глазами. — Почему же ты не сказала мне? Я ничего не знаю о духах, но я бы никогда не сделал ничего, способного причинить тебе вред или огорчить…

— Наша воля принадлежит нам самим, даже если мы действуем под сенью судьбы. — Туве медленно распустила завязки топа. — Не волнуйся. Просто радуйся.

— А ты радуешься? — пожалуй, вопрос из разряда глупых, но Джо не мог не задать его.

— Да. Хотя, в отличие от тебя, не рассчитываю на то, что это продлится вечно, — девушка, освободившись от трусиков, поманила Джонатана пальчиком.

— Ну, тогда мы справимся! — Джо улыбнулся, ощущая себя большим и сильным, короче, героем. Он снял халат и бросил его на табуретку. — Фиг я отдам тебя каким-то духам.

Последнюю фразу он произнес тихо, одними губами, однако, ему почудилось, Туве легонько, с одобрением кивнула. А немного погодя мрачные мысли вылетели из головы Джонатана Хайда.

Кто-то после секса любит покурить, другие — поесть, третьи — поспать. Джо после удачного, по его мнению, совокупления обожал потрепаться. Не раз и не два его заносило в такие дебри, что ошарашенная столь мощным и внезапным словоизвержением дама уезжала домой на такси, не дожидаясь утра. Если Джо правильно истолковал болтовню дикарки, до своего дома она сумела бы добраться только на самолете, и он ничем не рисковал. Наверное.

— Туве, я сейчас расскажу тебе одну историю. Прозвучит она, конечно, неправдоподобно (вряд ли ты поверишь), но не хочу держать от тебя секреты. Я родился без малого сто лет назад в городе, который назывался Нью-Лорк… — Джо разглагольствовал долго, стараясь не упустить существенные детали. Впрочем, он очень смутно представлял, которые из них Туве сочтет таковыми.

За окном по-прежнему выл ветер, иногда донося снизу, из города, музыку и обрывки голосов. Изредка слышался треск шутих.

— … и увидел тебя. Уже тогда я подумал: «Вот самое прекрасное в этом разрушенном мире». Да, именно так. — Вряд ли Джо осознавал двусмысленность своего комплимента. Ему редко удавалось в полной мере контролировать словесный поток. — Теперь ты понимаешь, почему все вокруг кажется мне таким чужим?

— Не одному тебе снятся странные сны, Джо. Забудь о нем и живи в настоящем. — Губы Туве улыбались, но глаза переполняла печаль.

— А я и так живу — вот оно, мое настоящее! — Джонатан обнял девушку. — И иного я не желаю.

Туве медленно потерла щеку. Когда она отняла руку, на ее загорелом лице остался лишь бледный след от белого треугольника. Глина отошла легко, осыпавшись пылью в ладонь.

Взрывы петард и крики раздались ближе. Должно быть, городская детвора решила запустить с горки пару-тройку ракет.

— Кстати, а как тебе идея Акселя с посланием инопланетянам? — неожиданно полюбопытствовал Джонатан.

— Мир велик, мелкий Джо, — ответила Туве. По скуле ее скатилась слеза. — Слишком велик…

**

Очередной хлопок прозвучал не сильно громче предыдущих. Замок на двери в каморку , исчезнув в облачке щепок и кусочков

металла. В дверном проеме стояло…

«Джунгли ожили и забрали его», — промелькнула в голове Джонатана реплика из какого-то старого фильма. Так вот, в дверях, тускло освещенная коридорными газовыми рожками, высилась призрачная фигура — , обретшее форму. Панический ужас сковал тело Хайда. Вернее, даже не ужас (как ни странно, он не особенно-то испугался) — просто в очередной раз «выключился», способный лишь наблюдать.

Туве наоборот, отреагировала слишком быстро. Она вскочила, но запуталась в одеяле — похоже, вещи вздумали отомстить за презрение к ним. Призрак поднял правую «руку», послышалось три негромких хлопка — тех самых, напоминающих шутихи. Что-то теплое брызнуло в лицо Хайду. Туве медленно повалилась на пол, пытаясь уцепиться за медную шишечку на кроватном столбике. Какое-то время Джо тупо смотрел на расплывающееся под ней озерцо, бордово-черное в свете жировой лампы на тумбочке, потом глаза его закатились, и он шлепнулся обратно на грязную подушку.

Глава 10

Николас Валехо хорошо знал, как выглядят самые чудовищные лики войны. Именно поэтому он сделался бездомным бродягой. Именно поэтому он сейчас сидел в грязном баре на окраине Эль Саладо в компании здоровенного дикаря и методично, стакан за стаканом, вливал в себя дрянное пойло. Какая, в конце концов, разница? Скоро все вновь полетит в тартарары.

Детство ребенка, растущего в поселке, бывшем когда-то военной базой, разительно отличается от опыта обычной «пустынной крысы» или фермерского сынка. Крошка Ники беззаботно резвился среди ржавеющих остовов самолетов, так и не успевших взлететь, совался в бездонные шахты, где когда-то таились ракеты, расколовшие небо и землю. В душе он мечтал увидеть ракету или самолет в их родной стихии.

Повзрослев, Николас Валехо счел, что Последняя Война оставила выжившим чересчур много возможностей превратить ее в Предпоследнюю. Кое-кто разделял его мнение, считая начало следующего крупного конфликта вопросом времени. Разумеется, они не ошиблись — аккурат в тот день, когда мечта крошки Ники увидеть летательный аппарат «на ходу» сбылась, Николас Валехо лишился дома, близких и покоя.

Только увидел он не самолет — вертолеты. Вертолеты войск НЛО.

И вот теперь, столько лет спустя, кошмар повторялся вновь. Война меняла обличия, но продолжала преследовать Ника.

Он изучил немало механизмов, придуманных человеком. Одни — по выцветшим кинопленкам и фотографиям, другие ему довелось потрогать и отремонтировать. Николас получал удовольствие, восстанавливая и отлаживая сложный внутренний мир технических устройств. По иронии судьбы, за последний десяток лет ему в основном доводилось «оживлять» оружие. Дни, когда кланы дикарей бились в снегу стенка на стенку, держа проржавевшие скорострельные винтовки за погнутые стволы, безвозвратно канули в прошлое, по крайней мере, в этой части Эос. И потомкам этих варваров, и так называемым «цивилизованным» людям, выходцам из

комфортабельных подземных ковчегов, уже не достаточно было ножей, дубин, пистолетов и даже танков: они хотели, подобно пращурам, испепелять целые армии походя — нажатием пары кнопок. Слава небесам, значительная часть орудий такого рода превратилась в бессмысленные куски радиоактивного металла, но, как известно, свинья грязь найдет. А уж люди — тем более.

А иногда оружие

Так случилось и в этот раз. Ник нанялся работником на ферму в крохотной деревеньке Эчеверия, расположенной на побережье, и три месяца, проведенных там, причислял к лучшим в своей жизни. Да, порой прихватывало поясницу (сказывался возраст), но еда была вкусной, а флиртующая с ним хозяйская дочка — красавицей. Вдобавок, Николас обожал морские виды. «Кто знает, — говорил он себе иногда, пропустив рюмочку-другую в местном трактире, — может, я задержусь тут подольше. Дора такая милашка, хоть и не блещет умом, а из моего сарая открывается чудесный вид на океан». Вероятно, Валехо не лгал себе и остался бы в Эчеверии навсегда. Но война отыскала его и здесь.

Когда появилась лодка, местные приняли ее за кита. О небо, Николас отдал бы пять лет жизни за то, чтобы это оказался гребаный кит. Громадная, покрытая ракушками и потеками ржавчины, субмарина села на мель примерно в километре от пляжа. Даже с такого расстояния размеры ее поражали. «Гроссийская атомная подлодка», — подумал Ник, глядя, как рыбаки улюлюкают и скачут по песку, потрясая острогами, как грузятся в утлые лодчонки и гребут к океанскому исполину.

Как уже не раз случалось с ним раньше, Валехо опоздал. У бродяг редко набирается много пожиток, но Николасу потребовалось время на поиски нужного количества воды и съестного — путь предстоял неблизкий. Поэтому, когда он подготовился к отбытию из Эчеверии морально и материально, деревеньку уже оцепили вооруженные люди.

Да, слухи разносились быстро даже в нынешнем разрушенном мире. Не он ли, Николас Валехо, в минувшем месяце помогал налаживать телефонную линию? Обстоятельства вынудили Ника остаться, врать перепуганной Доре, что все будет хорошо, и ждать возможности для побега. На счастье или горе, возможность такая вскорости возникла.

**

Грюн заметно опережал в интеллектуальном развитии своих соплеменников (да и, если начистоту, не только их). Но, на беду, он родился в месте крайне диком и неприветливом. Таковыми дебри Южной Лармерики считались и до войны, а после нее положение закономерно изменилось к худшему. Поэтому Грюну приходилось поневоле укреплять мускулатуру, а развитие умственных способностей в его приоритетах занимало одно из последних мест. Однако именно непомерная сообразительность спасла его после того, как заколотый живоглот, корчась в предсмертных судорогах, ударом хвоста повредил Грюну спину.

Среди дикарей почти нет стариков и хворых вовсе не по причине впечатляющего здоровья — племя не могло позволить себе содержать нахлебников. Поскольку сородичи Грюна не брезговали каннибализмом, дикарь не строил иллюзий касательно своего ближайшего будущего и покинул племя, как только более или менее твердо встал на ноги. Впрочем, ноги не увели его далеко — ускользнув от своих, Грюн столкнулся с охотничьей командой работорговцев. И вновь интеллект выручил его, когда спасовали мускулы. Едва один из охотников разворотил выстрелом древесный ствол справа от дикаря, как Грюну открылась вся тщетность сопротивления. Он отбросил дубинку и покорился судьбе.

**

Шанс бежать подвернулся Николасу, когда запыленные дребезжащие грузовики подвезли в Эчеверию сотню, не меньше, рабов, сильных и крепких. Валехо с трудом представлял, чем они займутся на субмарине. Конфедератам же, наоборот, казалось, что дело для них там найдется.

В момент прибытия невольников Николас и не помышлял о бегстве. Просто вместе с остальными жителями глазел, как понурых рабов гонят по главной улочке деревеньки к пляжу.

**

В отличие от прочих невольников Грюн полагал свое пребывание у работорговцев за благо. В конце концов, его кормили, подлечили и поселили в безопасной и чистой (по меркам Грюна) клетке. Дикарь с умом использовал открывшиеся возможности, в частности, освоил разговорный Всеобщий язык и серьезно расширил кругозор. С почти

детской непосредственностью Грюн считал плен краткосрочным и, кстати, не самым плохим пристанищем, которое он покинет, когда пожелает. Как сие ни удивительно, он оказался прав.

**

Идущий впереди человек вляпался в коровью лепешку. Грюн и не заметил бы, но мужик брезгливо ойкнул и запрыгал на одной ноге, пытаясь вытереть подошву о камень. Дикарь отвесил неженке энергичного пинка, чтобы ускорить его продвижение, после чего тот ожидаемо рухнул на невольника впереди. Раздались окрики, свист кнута…

Будь погонщики рабов предоставлены сами себе, они пресекли бы беспорядки в зародыше. Но конвоиры из числа конфедератов ничего не понимали в тонком искусстве управления людьми, низведенными до уровня скота. Кто-то пальнул в воздух. Ввиду того, что некоторые рабы никогда не слышали об извергающих гром и молнии палках, эффект был достигнут прямо противоположный. Началась свалка.

В возникшем хаосе Николаса Валехо и Грюна посетила одна и та же мысль — о побеге. Причем практически одновременно.

**

Вы знаете, как празднуются цыганские похороны? Я тоже не знала. Церемония больше смахивает на день рождения или свадьбу — присутствующие пьют, пляшут, поют и вообще веселятся. Покойник отошел в мир иной, а значит, проблем у него уже нет. Так отчего ж не порадоваться за счастливчика? Аксель придирчиво следил за соблюдением этого пункта ритуала, позволяя горевать одной Кирне, да и то лишь до последнего комка земли, брошенного в могилу.

Гробом Сагерту послужило огроменное цинковое корыто, купленное втридорога у какого-то скотовода. Говорят, раньше ящики для погребения делали из дерева, но сейчас, сами понимаете, приходилось импровизировать. Владилен Михайлович, винивший себя в гибели полного сил молодого человека, порывался совершить обряд в грусских традициях: с омыванием и прибиранием тела, оплакиванием и скорбными поминками. Но Аксель не допустил подобного кощунства. Боец вступил на Путь в вечность при боевых отличиях и с торжественностью победителя. Однако сие предполагало обеспечение могилы приличным надгробием.

Итак, теперь в свежем холмике негостеприимного местного грунта (яму рыли долго, проклиная все на свете) торчал кусок известняка, на котором Натан выцарапал и залил автомобильной краской помпезную надпись: «Не найдя достойного противника в этом мире, отправился на его поиски в ад». Над кладбищем разносились хрипловатые трели губной гармошки и последние всхлипывания Кирны. Я старалась отвлечься, озираясь по сторонам. Ну не в силах я праздновать смерть! Соседи у Сагерта подобрались неплохие. Например: «Лучше с червями, чем с вами» над захоронением безвестного мизантропа или «Гробовая тишина. Первый раз лежу одна», отмечающее последнее пристанище шлюхи.

Далее в программе значилось посещение кабака. Мне же захотелось отлынить от данного мероприятия, и я отпросилась на поиски Туве с Джо, пропадавших со вчерашнего вечера. Задачка незаурядная, повезло еще, что Туве успела засветить свою мордашку на конкурсе обжор (да и вообще внешность у нее запоминающаяся). Шерифские ребятки, конечно, записали наших друзей в длинный список таких же остолопов, но особой надежды на помощь полисменов я не питала. А вот бездельничающие малыши на нашей стоянке рассказали, как парочка удалялась в сторону бедняцкого квартала. Одна из мелкопузой братии даже слышала слова мужчины в белом халате, убеждавшего рыжую девушку «сделать в гостинице». За бдительность я наградила крошку шарфиком «от Птицына».

Как я уже говорила, из-за местных суеверий относительно радарной установки район на склоне Саладо-пик не пользовался популярностью. Отельчик там был один, да и тот даже в ярмарочный период редко заполнялся целиком. Немножко поплутав в улочках, я выбрела к парадному входу в гостиницу — косо висящей на петлях двери, кудрявой от облупившейся краски, с дырой вместо замка. Вообще-то здание выглядело нежилым. Я сунулась внутрь — пусто. В холле, похожем на чулан, притулилась конторка (по-моему, раньше служившая холодильником),за ней висели колокольчик и грифельная доска, исчирканная каракулями, — наверное, отметками о постояльцах. Клерк не явился ни на стук двери, ни на звон, ни на крик. Странно. Люди редко бросают свое имущество без присмотра: если все смотались на ярмарку, то гостиницу заперли бы — с замком или

без него. Либо полотеру подфартило б томиться на рабочем месте вне очереди. Ладно, спросят — прикинусь тем самым полотером.

Делов-то! Два этажа, номеров тридцать — не больше. Я решила стучаться в каждый. Не пришлось: повсюду открытые двери, вместо запоров — дыры, а в комнатах — трупы. В конце коридора ничком валялся клерк, видимо, пытавшийся бежать от неведомого убийцы. Туве обнаружилась в угловом номере на втором этаже, рядом с лестницей черного хода. Девушка лежала на полу, запутавшаяся в одеяле, под ней подсыхало темно-бурое пятно. Несмотря на три огнестрельные раны, дикарка еще дышала. Не теряя ни минуты, я помчалась вниз, рассчитывая найти тележку или материал для волокуши.

В холле меня поймали блюстители порядка, за их широкими спинами прятались местные кумушки из самых смелых и любопытных. Глава полиции сидел за конторкой, устало подпирая голову ладонью — для него нынешняя ярмарка превратилась в один запутанный клубок проблем. Достойный финал — двадцать два трупа в занюханной гостиничке у проклятой горы.

При моем появлении присутствующие оживились. Правда, навесить на меня ответственность за гибель постояльцев не удалось — сердобольные дамочки тут же зашептались: мол, нет, не парнишка же все это сделал! Спасибо вам, женщины, ваше заступничество спасло ушастую Томову башку.

В сопровождении одного из помощников шерифа я отправилась на стоянку. Пожалуй, без его помощи мне было бы с дикаркой не справиться, а так — дотащили носилки вместе. Сдается, мужик поперся со мной не из одной только жалости, просто стражи порядка тяжело расстаются с подозреваемыми. Но встретившая нашу печальную процессию Элейн окончательно рассеяла сомнения насчет моего участия в бойне на горе. Полицейский повторно расспросил меня, попрощался и направился выковыривать из борделя местного эскулапа для участия в . Элейн тем временем устроила Туве в трейлере на койке, где скончался Сагерт. В этом усматривалось что-то зловещее, хотя цыганка, небось, брезговала спать потом на покойницком месте. И такое бывает.

— Том, глянь-ка! — ее ошарашенный голос заставил меня поторопиться.

На ладони Принцессы лежала пуля неведомого происхождения, почти не деформированная. В смысле, откуда она выпала было ясно — из дикарки, — но из какого оружия ее выпустили? Пока мы разглядывали снаряд, ранка начала затягиваться. То есть прямо на глазах! Элейн тихонько завыла, но я зажала ей рот ладонью, словно вопль мог помешать чуду или, не знаю, растрепать мои мысли.

Не говорила ли Туве о такой своей способности? Ничего подобного… Впрочем, неважно, как она это делает, а важно помочь ей. Владилен тусовался на поминках, Данике же имел чересчур специфический подход ко всему иррациональному, особенно в отходняке от «легкой формы лучевой болезни»,как он ее упорно называл

Анима! Как я сразу не догадалась? Мир аур открылся для меня недавно — впервые в бесплодных землях, — и я еще не привыкла . Сосредоточившись, усилием расфокусировав зрение, я таращилась лежащей дикарке в лоб, пока контуры ее тела не замерцали бледно-голубым. Сияющая оболочка мигала, выпуская тонкие щупальца к ранкам, вернее, уже шрамам. Значит, анима — не просто украшение и показатель счастливой семейной жизни… а как ее восстанавливать, мне известно. Я убрала с Тувиной груди амулеты и приложила ладонь к солнечному сплетению, готовясь наметить первую волну по направлению к ранкам. Пока без глины.

— Ты охренел совсем, мелкий урод! — завизжала Элейн (не учла я ее закономерной реакции на мои двусмысленные действия). — Она ж при смерти!

Цыганка бросилась ко мне, видя в моем лице маленького извращенца Тома, намеревавшегося поразвлечься, схватила за шкирку и попыталась вытурить из трейлера, но я успела упереться ногой.

— Элейн, ты не так поняла! — начала я, тут же сообразив, как часто Принцесса слышала эти слова в другом контексте, и поспешила уточнить: — Мне нужно нарисовать на ней гребаные узоры! Иначе она сдохнет! Что ты знаешь о нас, туве?

Правильно, цыганка ничего доподлинно не знала о туве и их обычаях, но заранее считала оные дикарскими бреднями. Она закатила глаза и махнула рукой.

— Ой, все! С этими вашими штучками нормальный человек ополоумеет.

Баночка с белой глиной висела с позванивавшими на ветру колокольцами над трейлерным крылечком. Содержимого еле хватило для Тувиных рисунков, а к окончанию ритуала померкли мои собственные завитушки, да и аура из ярко-желтой стала почти белой. Тем не менее анима дикарки еще не приобрела характерный для нее глубокий цвет морской волны.

Туве целовала меня только однажды, не целовала даже, а будто делилась дыханием, едва прильнув к моим губам. Как она утверждала, так можно передать жизненную силу другому существу — хоть всю. Самое время попробовать.

**

Элейн отвлеклась, поправляя макияж перед крохотным зеркальцем, и не сразу заметила, что шельмец взлез-таки на умирающую девицу. Уже вцепившись пацану в волосы на затылке, Принцесса обнаружила странность — из полуоткрытого рта Томми между бледных Тувиных губ сочился свет, еле различимый, но вполне реальный. Его слабые отблески дрожали на лицах мальчишки и дикарки. Цыганка протерла глаза и помотала головой, прогоняя наваждение. А потом Элейн ощутила, как Том, обмякнув, начинает заваливаться на Туве, и, не придумав ничего лучше, опрокинула парня на спину, обрывая световой поток. Том дышал с трудом, словно поменявшись ролями с дикаркой, которая свернулась на койке клубочком и ровно засопела.

Принцесса воров потормошила Томми, тот застонал и приоткрыл глаза.

— Как она? — тихо просипел он.

— Не знаю, как ты это сделал, но дрыхнет как ни в чем не бывало, — Элейн нагнулась ближе к Туве и потрогала-таки следы от ранок. — Даже шрамов почти не видно! А вот тебе, похоже, хреновато.

— Оправлюсь скоро. Позови всех. Пора отчаливать из гостеприимного Эль Саладо.

И Элейн не стала спорить.

**

Цепкая память Акселя не раз выручала его. Правда, еще чаще ввергала в водоворот приключений, который трепал караван не хуже голодного пса, вновь и вновь оставляя цыганина в одиночестве, с голой задницей и желанием кардинально изменить образ жизни.

Вот и сейчас, когда к нему приближался смуглый мужчина в засаленной военной форме без нашивок, с лицом патологического неудачника, Аксель сразу задал себе вопрос: «Что Ник Валехо припас для меня?»

Без сомнений, предстояла не просто встреча добрых знакомых. Кроме того, немного напрягал варварского вида амбал, следующий за Николасом по пятам. Где инженера угораздило с таким связаться?

Торс здоровяка покрывали разнокалиберные шрамы, на шее болтались амулеты, а пристальный взгляд из-под мощных надбровных дуг говорил об обманчивости первого впечатления. Глубоко посаженные голубые глазки дикаря ощупали цыганскую компанию и прикипели к Кирне.

«Ну, уж одну проблемку Валехо подкинул», — обреченно подумал Аксель, наблюдая за лицом детины, на котором зажегся неподдельный интерес к блондинке.

— Ник, сколько лет, сколько зим! — Аксель приобнял слегка опешившего гостя, подцепил ногой табуретку от соседнего столика и усадил Валехо. Здоровяка пришлось чуть не насильно заставлять приземлить зад на стул, а не стоять столбом.

Николас, явно не ожидавший от цыганина столь радушного приема, наконец обрел дар речи, представил своего приятеля, Грюна, и тут же был подхвачен потоком Акселевой речи.

Собственно, цыган предпочитал, встречая друзей-товарищей, самостоятельно делать первый шаг для возобновления знакомства. Выгоднее огорошить человека бурным приветствием, воспоминанием былых деньков, шуточками… В случае наличия у того претензий, подобное поведение позволяло отсрочить начало конфликта или вообще свести его на нет. Помимо прочего, в процессе словоблудия можно капельку подтасовать факты предыдущего «сотрудничества», коли они выставляли Акселя не в лучшем свете. Ну а пришедшие с миром еще больше проникались к цыганину дружескими чувствами.

С Валехо подтасовывать было нечего: инженер просто в свое время очутился в нужном месте и помог запустить РЛС. А внезапное появление там отряда нлошников относилось к факторам риска, которые все не учтешь, а учтешь — не предотвратишь. Николас расстался с цыганом в добрых отношениях, удивляясь про себя, что на Эос находятся еще романтики, готовые лезть под пули ради отправки

мифического послания в далекий космос. По разумению самого Ника, в решении земных проблем небо вряд ли могло принять активное участие. Припоминая славное приключеньице, Валехо кивал, улыбался и не верил своему счастью — он отыскал человека, способного окунуться с головой в опасную авантюру по спасению мира. Так уж случилось, Николас приготовил особый «подарочек».

А пока Аксель увлекал его в прошлое и, как опытный рыболов, выуживал подробности жизни, из которых хотел загодя сложить картину да смекнуть тревог причину. И отвлечь от Кирны детину!

— Ты сожрешь ее глазами раньше, чем испробуешь иначе! — хохотнул цыганин, подтолкнув к Грюну тарелку с закусками. — Извини, Ник, прервал. Чего ты говорил? Гребаный мир, тебя едва не затянуло в фермерскую семью…

— Дора симпатичная, но умом не блещет… — промямлил Валехо, завалившись на заманчиво близкое грюновское плечо.

— Бабы все умом не блещут, а блеснет такая телом — поспевай заняться делом! — шуточки про туповатых женщин всегда имели успех в обществе. Но на сей раз Акселева острота вызвала неуверенную улыбку варвара, вялый смешок Натана и булькающее ворчание Кирны в кружку. Под столом блондинка попыталась наступить цыганину на ногу, но промахнулась и чуть не грохнулась на пол.

— Не это главное, — строго ответил Ник. — За нами уже приплыла черная подводная лодка!

— Это метафора? — изумился Дриббл.

— Просто парень слишком давно сидит тут, — шепнул ему Аксель и участливо похлопал Валехо по спине, заодно выпрямив его — негоже мужику спать на бицепсе другого мужика, хоть и хорошо знакомого.

— А разве лодка не должна быть желтой? — пробормотала Кирна, приподняв лицо из кружки.

В этот момент в заведение ворвалась Элейн. Попав с улицы в полутемное помещение, она не сразу сориентировалась, но уже от дверей начала звать Акселя.

— Элька, не ори, людей перепугаешь! — возмутился цыганин.

Принцесса наконец разглядела Акселя и ломанулась к нему. Достаточно оказалось сбивчивых фраз: «Там Том… Ее подстрелили!

Они в трейлере», — чтобы цыган вскочил и побежал наружу. Элейн от него не отставала. Сзади слышалось брюзжание Валехо, проклинающего стрельбу, женщин и неуклюжего Грюна, неаккуратно толкнувшего его на угол стола, и деловитый крик Натана: «Хозяин, слейте с собой!» Вдруг Саладо-пик озарила яркая вспышка, раздался грохот. Цыганин притормозил на крыльце, Принцесса наскочила на него, едва не повалив, зато ее последние слова достигли цели.

— … а он ее вылечил, прикинь! Ой! — Элейн больно ударилась о клепаный узор на кожанке Акселя. — Ух ты! — воскликнула она, увидев пожар на горе.

Аксель тем временем уже обернулся к ней и, стараясь не выдать волнения (которое все, поди, уже заметили, так он рванул к дверям), тихо уточнил, кто кого вылечил. Цыганка, потирая ушибленный нос, терпеливо пояснила вторично. Бред какой-то: Том якобы с помощью варварских ритуалов вернул раненую Туве к жизни. Но разбираться Аксель решил уже на месте — мало ли чего наплетет взбалмошная Элька?!

— Почему везде, где я появляюсь, гремят взрывы? — простонал выплывший из кабака Николас.

— Добро пожаловать в наш клуб, — усмехнулся цыганин и, заранее обрывая дальнейшие стенания, добавил: — О своей горькой судьбе поплачешься у костерка, а вообще теперь для тебя начнется светлая полоса!

— А это, надо понимать, салют, — обреченно пробубнил Валехо. Он не уточнял у старого знакомого, куда же делись прочие участники того налета на РЛС. Никого, кроме Акселя, не осталось — кругом новые лица. Ник предпочел оптимистично думать, что предыдущий состав мирно осел на фермах.

**

Ох, неужели Туве каждый раз, делясь своей анима, приходит в такое изнеможение? Я не могла пошевелиться без головокружения, очертания предметов расплывались. Не знаю, сколько мы с ней провалялись на койке, наконец Туве потянулась и села. Похоже, девушка не сразу осмыслила, где она и что случилось. Потом вскочила, ощупала себя, стала озираться и тут на глаза ей попалась я.

— Мэйби? — воскликнула она. — Как я здесь очутилась, и почему Джо…

Дикарка осеклась и нахмурилась, точно силясь восстановить в памяти какую-то важную, но отнюдь не приятную картину. Купальник, прихваченный мной из гостиницы, она надела машинально, кое-как поправив лоскутки ткани.

— Я у тебя хотела спросить про Джо, — медленно произнесла я, — а еще про три пулевых ранения.

Рыжая снова плюхнулась на койку, неловко и невнимательно провела надо мной рукой (правда, цвет анима под ладонью все равно становился насыщеннее), заговорила. Знала Туве немного. На заре она сквозь дрему ощутила присутствие поблизости какой-то неясной угрозы, проснулась, разбудила Джо. В ту же секунду в двери на месте замка образовалась дыра, на пороге возник призрачный, переливающийся, будто мыльный пузырь на солнце, силуэт. Туве вскочила с кровати, но ничего не успела сделать, запутавшись в одеяле, а Хайд оцепенел от страха. Последующие события смутно угадывались — не иначе как ученый кому-то понадобился, и его пригласили, весьма настоятельно и недвусмысленно.

— Я ведь обещала присматривать за ним, — горестно всплеснула ушами дикарка.

— Ты пыталась, — я похлопала ее по руке.

Вдалеке грохнуло, сквозь занавеску в трейлер рванулись огненные отблески. Я выглянула в окно. Станция на Саладо-пик полыхала.

В голове начали мелькать предположения по этому поводу — кому понадобилось взрывать установку, чего ради и чем это грозит нам, — но вялые и ненужные.

— Он еще жив, я найду его, — вдруг заявила Туве, поднялась и шагнула к двери.

— Эй, не так быстро! — мне пришлось поднапрячься, чтобы принудить тело двигаться, и догнала я ее уже на улице. — Ребята помогут. Владилен поищет — он с призраками накоротке.

— У него свои методы, у меня — свои, — отрезала девушка и уселась на бетонную глыбу ограждения парковки, подальше от каравана. Она закрыла глаза, отделяя себя от мира.

— Ладно же, пока ты вроде не собираешься сваливать, — пробурчала я, слегка огорчившись, что меня не просветили насчет этих самых тувийных методов.

Я побрела назад к трейлеру, надеясь еще немного полежать, но меня перехватили вернувшиеся с поминок цыгане. В авангарде Натан с Акселем тащили Кирну, вокруг них суетливо бегала Элейн. Следом плелся Птицын, за ним полуголый амбал, поддерживающий мужчину средних лет в заношенной военной форме.

Аксель закидал меня вопросами. Ответов, правда, имелось маловато и все маловразумительные. Пулю по очереди осмотрели, но ни один «специалист» не опознал ее. На Тувины отметины на груди и животе словно бы годичной давности взирали, как на чудо. Однако лабуде про анима поверили не более чем во владиленовские камлания. То есть при необходимости этим будут пользоваться, но вникать не станут ни при каких обстоятельствах. Не менее скептически цыгане отнеслись к обещанию дикарки обнаружить пропавшего Хайда.

— О’кей, пока она спит, мы тоже имеем право вздремнуть, — махнул рукой Натан и полез в «сандерклап».

— Ну да, после сна и завтрака займемся! — вторил ему Аксель, направившись к трейлеру.

— Полагаю, Джонатан как минимум растрогался бы, если б друзья отложили ради него столь важные нужды своих организмов, — промямлил дядька в форме и покачнулся.

Неожиданное предложение. Неужели к табору присоединился еще один альтруист? Или Хайдов знакомец? Ну, покуда он сыграл как надо.

— Я согласна с Николасом! — поддержала его Элейн, кажется, пытаясь привлечь к своей особе внимание .

— След простынет — Владилен может заплутать, — намекнула я спине Акселя, уже обреченно ссутулившейся под градом контраргументов.

— Ну хорошо, хорошо! — цыганин развернулся. — Грюн, понесешь Птицына.

— Грюн хочет есть, — набычился здоровяк, к которому обращался Аксель.

— Видишь ли, ужин мы продолбали, но в твоих силах ускорить приближение завтрака. Помоги нам с перемещением вон того джентльмена, — цыган указал на Птицына, уже захрапевшего в кузове.

— У Грюна больная спина, — отмотнул бритой башкой амбал.

Аксель аж присвистнул от подобной наглости. Мужик был одним из тех типов, у которых грудак похож на два колеса, помянутая спина

— на автомобильный капот, а руки — на поршни. Цыганин обошел детину кругом и внимательно оглядел. Грюн оставался невозмутим.

— Обещаю не напрягать твой тщедушный тыл, — ехидно бросил ему Аксель, но, судя по всему, ирония пропала даром — верзила лишь удовлетворенно кивнул.

— Двинули! — скомандовал цыганин, взвалив Владилена на плечо.

**

Ленс и Говард страдали. От отсутствия водопровода, сливных туалетов, газовых плит (не говоря уж о микроволновых печах) и прочих удобств. Как раз в данный момент Говард пытался подогреть в печурке яблочное пиво для Ленса, которого угораздило простудиться. Собственно, ничего безалкогольного они тут не пили — от местной воды их несло. Пилот, выросший на ферме недалеко от Нового Ошингтона, чувствовал себя получше и даже (вот ведь скотина!) умудрялся получать удовольствие от Осенней Ярмарки, которую Говард мысленно (а иногда и вслух) именовал Говенной Ярмаркой. Именно пилот в конечном счете спас их от — кто знает скольких еще? — недель розысков Джонатана Д. Хайда.

Серебряные стандарты Конфедерации, которые агенты с таким трудом раздобыли, отказывались принимать девять человек из десяти, поэтому троица ютилась в маленькой глинобитной халупе на склоне небольшой горы, которую местные величали гордым словом «пик». Хозяйка, древняя старушенция, на неделю выехала к родственникам, однако сюда регулярно совался мерзкий народец, которому было что-то нужно от бабки.

А еще в дверь постоянно стучались дети. Во время празднеств здесь, видимо, существовал обычай потчевать их разнообразными лакомствами. Поскольку агенты сами недоедали, то и детишки, понятное дело, поживиться у них ничем не могли. В связи с этим ребятня негодовала, и Ленс даже получил в лоб куском конского навоза от особо недовольного пацана.

Когда кто-то начал яростно дубасить в дверь, Говард вынул из кобуры пистолет, накрутил на него глушитель и сунул пилоту. Тот нехотя поднялся.

— Если там опять гребаные дети, перестреляй их на хер! — процедил агент. — Задрали!

У порога валялся увесистый холщевый мешок — в таких фермеры хранят пшено, картошку или навоз. Если б открывал один из агентов, утомленный здешними обычаями и неповторимым местным юмором, то он, несомненно, выпустил бы в замызганный куль всю обойму и захлопнул дверь. Внимание же пилота привлек клочок бумаги, приколотый к мешку чем-то блестящим. Натужно кряхтя, он затащил «подарочек» в дом.

Повертев в руках записку, гласящую «Не благодарите. », и медный значок с орлом, Говард развязал в мешок, хотя и без того догадывался, что там найдет. И все-таки он не совсем угадал.

Внутри находился не труп грязного фермера или скотовода. Внутри лежал Джонатан Д. Хайд собственной персоной, целый и невредимый, лишь слегка забрызганный чьей-то засохшей кровью. Говард, успевший уже мысленно исчерпать свой запас ругательств, адресованных любопытному пилоту, благословил его, впрочем, тоже мысленно. А то еще зазнается.

Все трое переглянулись.

— Есть соображения на этот счет, Го? — спросил Ленс.

— Я думаю, максимум послезавтра мы вновь будем употреблять воду и пищу, гарантированно безопасные для здоровья, — ответил ему Говард. — А теперь пакуйтесь, живо!

**

Процессия цыган вышла наконец к злополучной гостинице. Том побежал вперед — в заведении должны были обосноваться блюстители порядка, но взрыв на горе вполне мог отвлечь их от расследования массового убийства в «Саладо-Флэте». По дороге наверх тяжело трюхали ослы, впряженные в телегу с бочкой воды, а на развилке, где от городской улицы отделялась широкая тропа к радарной станции, полиция установила пикет. Тут метались, отдавая кажущиеся осмысленными распоряжения, мэр и шериф. Правда, скоро первый шок пройдет, и на поиски маньяка из гостиницы вновь будут брошены немалые силы. Стоило попасть туда до того.

За конторкой дремал один из помощников шерифа, больше внутри никого не обнаружилось. Трупы запаковали в холщовые мешки и свалили в коридорах двух этажей.

Том завел друзей в гостиницу с черного хода. Номер, где провели свою последнюю ночь Туве и Джо, мальчишка нашел сравнительно

легко. Аксель прислонил Владилена к дверному косяку, смочил ему губы самогоном из фляжки и вынужден был отскочить назад, так неожиданно вскинулся гроссиец. Лесник на негнущихся ногах добрел до кровати, провел ладонью над смятым бельем, опустился неловко на одно колено в пятно крови, коснулся сброшенного одеяла и вдруг страшно завыл. Сколько раз цыгане наблюдали птицынские спектакли, а до сих пор не привыкли — вздрогнули все. Лишь Грюн, нередко участвовавший в шаманских обрядах на правах лучшего воина племени, даже не моргнул. Томми очухался первым и быстро затворил дверь, вспомнив о полицейском внизу.

Все затихли. Из номера раздавались заунывное треньканье варгана, мычание и стук каблуков — похоже, без залихватских плясок не обойдется. Аксель устало поскреб небритую щеку. С первого этажа донеслось копошение, затем неуверенные шаги — блюститель порядка не остался равнодушным к происходящему над своей головой. Грюн, отличавшийся почти звериным чутьем и слухом, указал на лестницу. Проворнее всех, невзирая на хмель, еще гуляющий в мозгах, отреагировал Николас. Он направился по коридору к лестничной площадке, торопливо придумывая достойную причину их присутствия на месте преступления. Дикарь крался за ним, снисходительно поглядывая на пошатывающегося приятеля.

Если б не совместный побег из Эчеверии, Грюн давно бросил бы его. Дикарь остро чувствовал, как Николас притягивает к себе всяческие неприятности. Пока они выбирались из них, но сколь долго удача грюновских амулетов будет одолевать валеховское невезение? В общем, дикарь сопровождал Ника на встречу с неизвестным противником неспроста.

Николас старался придерживаться бескровных решений, особенно когда дело касалось столкновений с представителями власти. Правда, что-то подсказывало, недолго еще ему удастся сохранять руки чистыми. Вероятно, рисковый характер Акселя или почти плотоядная ухмылка Грюна. Но сегодня нужно попытаться. По словам Тома, камлания пожилого гроссийца длятся иногда по несколько часов. Нужно выиграть время. Валехо выудил из сумки противогаз, надел его и в таком виде свесился через перила вниз.

Грюн удовлетворенно кивнул — наконец-то друг проявил отвагу и приготовился вступить в схватку. Вот боевую маску даже надел.

Помощник шерифа преодолел уже три ступени, когда сверху раздался рев, точно человек говорил в водосточную трубу. «Стойте! Угроза химического заражения!» — заорал Николас. От этого вопля Том, который последовал за таборчанами-новичками, распластался на полу, Аксель с Элейн ввалились в номер к Птицыну, а Кирна метнула нож в сторону лестницы.

Полицейский медленно поднял голову — над ним маячила серо-зеленая харя с круглыми мерцающими зенками и длинным ребристым хоботом. Надо отдать ему должное, он нашел в себе силы не упасть тут же в обморок, и рванулся к выходу. Быстрее к своим! Доложить шерифу! Он обычный человек, он не подписывался охранять здание с нечистью! Ближе к пикету перепуганный мужичина поуспокоился, обдумал случившееся и понял, что повстречался с мутантом. Но какого хрена урод там забыл? Откуда вообще в тихом Саладо эта тварь? А ведь все было так хорошо, пока Торрес с Гонсалесом не связались с КСГ!

Грюн остался недоволен бегством противника и Николасом, не позволившим догонять его. Худшие опасения подтвердились: вскоре на улице послышался топот множества ног. Валехо уже предупредил цыган, и они тоже готовились принимать гостей. Мальчишка отправился к шаману, рыжая женщина порекомендовала закончить бессмысленные ритуалы и свалить, поэтому пошла готовить пути отступления, по-видимому, через окно. Главный цыганин с блондинкой обосновались у двери на запасную лестницу. Сам Грюн засел с Ником на прежнем «посту».

**

Шериф направил основную группу к парадному.

Если честно, он не поверил запыхавшемуся бледному Диего, вопившему, будто в «Саладо-Флэт» влез мутант (или даже несколько). Зато новость позволила главе полиции отозвать ребят и завершить таким образом глупую затею с подъемом воды на скалу. Жители близлежащих кварталов требовали потушить проклятую башню, хотя их халупам ничего не грозило — ветер дул в другую сторону. Да и прогорело там уже почти совсем. Наконец-то Торрес сможет разогнать остолопов по домам. Уговорит как-нибудь, не впервой!

Сам же шериф, вдвоем с Диего, пробрался в гостиницу с тыла. Частенько он пользовался черным ходом «Флэта», сматываясь от

нечаянно нагрянувшей женушки, знавшей о блуднях мужа, но ни разу не поймавшей его на горячем. Как известно, у любого женатого мессиканца обязательно должна быть интрижка на стороне.

**

Кирна различила скрип ступеней на запасной лестнице и резко захлопнула дверь ногой. Аксель скорчил угрожающую харю и покрутил пальцем у виска. Девица лишь осклабилась в ответ, а в следующий миг чудовищный грохот заставил цыгана повалиться за тумбу у дверного проема.

**

Подкрадывающиеся полицейские настолько опешили от внезапно наступившей темноты, громкого стука двери и щелчка замка, что по инерции нажали на спусковые крючки своих орудий. Арбалетная стрела помощника застряла в полотне, а вот сноп картечи из шерифского обреза изрешетил дверь на уровне груди. Из многочисленных дырочек на бледные лица полицейских пролился тусклый свет. Они оказались фактически безоружны и на некоторое время оглушены. Но это не остановило Гонсалеса, наоборот, он ломанулся мимо дрожащего Диего и с ревом навалился на дверь.

**

Дверное полотно взорвалось щепками, стена напротив — тоже. Кирна зажмурилась. Когда она открыла глаза, то увидела цыганина, волокущего мешок с трупом. В дверь, сотрясая весь этаж, ударило что-то тяжелое. Девица не слышала слов Акселя, несомненно, относящихся к ней, лишь угадывала по движению губ — в голове работала бригада кузнецов, не меньше. Вот сейчас цыганин обозвал ее чокнутой сучкой, теперь потребовал отлипнуть уже от стены и помочь ему. Кирна редко терялась в бою, но нынче ей было простительно — давно она так не пила, да и бессонные ночи над умирающим Сагертом не прошли бесследно.

В коридор выглянул Том, оценил ситуацию и нырнул обратно. Кирна подхватила тяжелый мешок, и тут звучание мира вокруг вернулось. Вопли с лестниц, треньканье варгана, ворчанье цыганина (тот напряженно тащил два особо раздутых мешка), треск выбиваемой двери.

— Аскель! — истошно завизжала Элейн. — Я не хочу подохнуть из-за вас, тугодумов!

Матерки цыганина стали чуть различимее, но не настолько, чтобы Принцесса их разобрала.

С вновь прибывшими полицейскими Ник намеревался провернуть тот же фокус, то есть объявить территорию зараженной, но едва он вывесил к ним хоботастую противогазную харю, как мужики открыли пальбу и ринулись по ступеням вверх. Валехо мгновенно и окончательно протрезвел, развернулся и припустил по коридору прочь от агрессоров. Грюн собрался уже продемонстрировать пример уместного, достойного воина, поведения, но не успел. Лестница надсадно хрустнула и обрушилась вместе со штурмующими. Дикарь поцеловал один из своих амулетов, плюнул на головы неудачников, а затем вальяжно направился за Николасом.

Инженер оглянулся на грохот — с той стороны угроза покамест миновала. А вот от запасного выхода доносилось жуткое рычание, перемежающееся бранью, и глухие удары. Аксель с Кирной завалили дверь где-то по пояс и как раз готовились припереть на баррикаду последние мешки. Валехо пробежал мимо и уже рядом с поддавшейся дверью, заполошно крикнул в щель: «Кто там, мать вашу?»

— Властью Конфедерации Свободных Городов приказываю бросить оружие! И открой уже гребаную дверь! С тобой говорит шериф, ублюдок! — Руис был вне себя от злости. Сначала его вынуждают впустую разрядить обрез, потом хлипкая с виду преграда не поддается, хоть он и сбил об нее плечо, а сейчас какой-то мудак смеет вот так запросто спрашивать: «Кто там?»

— Шериф-ублюдок? Похоже на то! — Аксель прыснул в кулак. К счастью, прежде чем он развил свою мысль, снова встрял Николас.

— Вы-то мне и нужны, шериф! Срочно доставьте сюда три куба песка и минимум двадцать ведер воды! В здании яды! — Валехо самозабвенно импровизировал, прикидывая сразу, сколько времени понадобится команде полицейских для подвоза означенного. Нельзя запрашивать чересчур много, иначе потеряется эффект панической спешки.

— Кто вы? — Руис сбавил тон. В отличие от Диего, он проникся услышанным.

— Инженер войск радиационно-химическо-биологической защиты! Поторапливайтесь! Один из наших уже умирает! — в этот момент Владилен весьма кстати хрипло простонал: «Пиииииить!»

Шериф кубарем скатился по лестнице, захватив по пути Диего.

Спустя несколько минут Николас и Аксель, притаившиеся у окна, выходящего на крошечную площадь перед парадной дверью «Саладо-Флэт», увидели первые признаки того, что уловка Валехо сработала. По кривой улочке трое полицейских гнали впряженных в бочку ослов, нещадно молотя животинок по бокам.

— Эх, и точно, водичка-то у них неподалеку! — сокрушался Ник. — Надеюсь, с песком посложнее получится задачка.

— Может, еще перевернется, — предположил цыганин, теряя интерес к людскому кипешу под гостиничной стеной.

Гораздо важнее было понять, сколько еще Владилену прыгать. Аксель осторожно заглянул в номер. Том притулился у самой двери, стараясь слиться с окружающей обстановкой, а Птицын буйствовал.

— Ну как, новоиспеченный наш знахаренок, долго старик колбаситься будет? — цыганину удалось застичь мальчишку врасплох, чем он и воспользовался, дополнив вопрос щипком за ухо.

Шкет ойкнул, попытался достать ухмыляющуюся Акселеву рожу кулачком, но тот отпрыгнул, и Том вывалился в коридор. Правда, грохнуться об пол цыган ему не дал — подхватил под живот, но вдруг опомнился (такая предупредительность по отношению к маленькому засранцу ему не пристала) и отпустил. Том восстановил равновесие, бросил на Акселя укоризненный взгляд.

— Дурак! — голосок у мальчика потерял обычную насмешливость, окрасившись девчачьими капризно-кокетливыми интонациями. — Предвещаю одно: если через полчаса дед не успокоится, он тупо свалится от истощения. Доволен?

Элейн тихо отступила от двери. Она случайно стала свидетельницей этой глупой сценки, которая напомнила ей детство. Мальчишки всегда задираются, дергают девчонок за косы, позже за лямки кофточек и лифчиков, а те пытаются безуспешно всыпать обидчикам, обычно оказываясь в их объятиях. Цыганка покрутила головой. Нет, насчет Тома она не была уверена, но Аксель-то точно не гомик, уж кому, как не ей, знать! То есть… а ведь сегодня Элейн, сражаясь с пацаном над Туве, ощутила какие-то уплотнения на его груди. Под мешковатой футболкой трудно определить точно, но там, ей-ей, прощупывались округлости женского тела. К тому же нормальный парень от удара по яйцам, даже слабого и неуклюжего,

каким он получился у Принцессы, завоет и сложится пополам. А малец вообще не обратил внимания на пинок по драгоценным причиндалам — уперся в косяк ногой и давай лопотать. Занятно. Элейн присела на подоконник, вороша в памяти всевозможные подробности, связанные с Томом, и очнулась, только когда «пацан» ворвался в номер и поторопил на выход.

Как выяснилось, Владилен Михайлович около пяти минут назад рухнул на кровать, пробормотав: «Джо летит на север», — и захрапел. Под руководством Николаса цыгане превратили Птицына в песчаный холмик на носилках (так полагалось транспортировать отравленные объекты) и гуськом высыпали на улицу. На почтительном расстоянии толклись зеваки, оттесняемые кордоном полицейских. Шериф подошел чуть ближе. Валехо, с облегчением срывая противогаз, направился прямо к нему, ввел в курс дела и дал рекомендации по устранению последствий применения ядохимикатов. История нарисовалась следующая: нлошники прознали, что в «Саладо-Флэт» у ксгшников назначена встреча с видным инженером, накрыли явку, положили всех и запустили таймер на ядобомбе. Содержимого хватило бы на полгорода, при хорошем ветре — на весь. Конечно, конфедераты ждали своих неподалеку, а когда те не вернулись, нагрянули в гостиницу. Тут Ник утер лицо рукавом.

— … и вынуждены устранять последствия сработавшего устройства, — закончил Валехо. — Но не волнуйтесь, все теперь в порядке. Помещения достаточно хорошенько промыть щелочным раствором. Мыльным попросту. Удачи!

И пока шериф не прочухался от обрушившегося на него потока заумных слов, Николас пустился догонять цыган, уже довольно далеко ушедших от отеля.

— Таким, как ты, нельзя оседать на фермах, — глубокомысленно заметил Аксель Нику.

**

Ближе к стоянке мы выбросили носилки, Владиленово тело снова перекочевало на плечо к Акселю. Улицы подозрительно опустели, хотя официальное закрытие ярмарки планировалось на завтра. Похоже, новости о трагедии в «Саладо-Флэт» распространились по всему городу. Вероятно, и взрыв станции, изначально многими принятый его за фейерверк, многих же спугнул. А потом мы обнаружили еще и

третью причину: в Эль Саладо входили войска. Пусть это были конфедераты, но свои ли, чужие ли, солдаты привыкли выступать в роли господ по отношению к населению. Скоро от радостной атмосферы не останется и следа.

Да, армейцы уже вовсю хозяйничали, например, на окраинах. На нашей парковке личный автотранспорт осматривали два сердитых помятых офицера. Владельцы толпой слонялись за ними по пятам, умоляя оставить их имущество в покое. Но разве поспоришь, если тебе строго указывают (подчас ружейным дулом) на то, что Конфедерации нужен твой автомобиль, повозка и лошади? А Натан спорил, даже нет — яростно оборонял караванное добро. Наши автомобили здесь выглядели, как самородки в отвалах шлака. На розовый внедорожник Кирниного папеньки положил глаз некий генерал, в трейлере предполагалось устроить маркитанток, ну а тягач — он везде тягач. Аксель, увидев такое безобразие, сдал Птицынские мослы Нику и поспешил на выручку.

Когда подошли остальные, беседа близилась к завершению. Цыганин воспользовался двумя аргументами. Во-первых, упомянул, как и в Холидэе, что караван ждут в одном из штабов конфедератов дальше от границы. Во-вторых, когда офицеры принялись выведывать подробности, Аксель намекнул на опасность информации такого рода. Для тех, кто задает слишком много вопросов, разумеется. Ветвистое дерево лжи замечательно проросло на головах солдафонов (хотя вряд ли такая очевидная ерунда сработала бы в более спокойной обстановке). Правда, потеря богатой добычи обозлила их донельзя, поэтому нам предложили выместись за пять минут, мотивируя сие необходимостью разместить на стоянке армейский автопарк. В противном случае засранцы обещали свалить машины в кювет бульдозером.

Незадолго до отъезда объявились Декстер с Тианой, отсутствовавшие с утра. Эльхаим понуро шагала впереди с двумя канистрами в руках. Судя по выражению ее лица, топлива в них не прибавилось. Тушкан плелся за ней. Из свертка под мышкой выглядывал кусочек блестящей ткани. Видать, обратно Тианино платье не приняли. Да уж, не скоро ему забудется тот широкий жест…

Конечно, таборчане поторопились и снялись с места минуты за три, к вящему неудовольствию офицеров. Полагаю, злобствовать они

будут долго.

Вокруг Саладо собралось какое-то немыслимое количество техники и людей. Причем часть их словно недавно пережила ожесточенные бои. Повсюду виднелись палатки и повозки с оранжевыми крестами, раненые лежали плотными рядами прямо на земле, способные передвигаться тянулись к городу на своих двоих. Многие машины прибыли на буксирах, черные от копоти и искореженные.

На наше счастье, пикеты на выезде еще не организовали, иначе пришлось бы объясняться повторно. И кто знает, насколько успешно? Двигались мы дальше на юг — прочие дороги вели на территорию НЛО или нейтральную, и их, скорее всего, перекрыли. Выбравшись за границы военного лагеря, постепенно охватывающего Саладо петлей, караван притормозил. Таборчане сгрудились у головной повозки.

— На этот раз — я пас. Не могу за всех решать, куда путь теперь держать, — рифмочка у Акселя получилась унылая, блеклая. — Птицын говорил: Хайд на севере…

— Искать Джо нужно на юге, — перебила его Туве.

Возникла продолжительная пауза. Цыгане уже намеревались рискнуть ради друга и повернуть на север, возможно, прямиком по бесплодным землям, а тут их смелые порывы пресекаются, так сказать, на корню. Дикарка не смутилась под нашими удивленными, раздраженными, жалостливыми взглядами — она была уверена в своей правоте. Однако Владилен-то уже зарекомендовал себя, как тайновидец, даже сама Туве нередко признавала его правоту. И вдруг…

— Большая черная лодка там, — Николас махнул рукой, обозначив направление.

Тоже юг.

От инженера потребовали объяснений, и он удовлетворил наше любопытство, пожалуй, даже слишком хорошо. На юго-западном побережье, у деревеньки Эчеверия причалила гроссийская подводная лодка. Вернее, ее вынесло на мелководье. Экипаж соскучился по земле. Из недр атомного гиганта выползли полуживые старики, высохшие, бледные, почти ослепшие, беззубые. Они не помнили, сколько лет бороздят океан, не помнили, кто отдал последний приказ и в чем тот заключался. Просто решили, что имеют право умереть на суше. Но это все лирика, лишь обрамляющая голую неприглядную

реальность, — субмарина относилась к классу «Барракуда». Среди вооружения на борту имелось, по сведениям Ника, тридцать баллистических ракет мощностью около полутора мегатонн каждая, дальность действия которых исчислялась тысячами километров. Кое-что Валехо знал сам, кое о чем догадался, пару штрихов добавили бредящие члены экипажа. Старичье не дождалось действительно заинтересованных слушателей — все перемерли до появления конфедератов. Тем не менее власти КСГ догадывались о мощи, заключенной в выплывшем океанском «мусоре», и, безусловно, постараются применить находку в конфликте с НЛО.

— Вашу ж мать! — подытожил историю Николаса Аксель, пристукнув кулаками по тощим коленкам. — Пока Старшие Братья сидят с письмецом, нас тут надежно прибьет пиздецом.

Интересно, как уживаются в цыганине надежда на помощь извне и готовность спасти мир самостоятельно? Видимо, неплохо. Надо отметить, со смертью Сагерта, тоже, кстати, не очень-то здравомыслящего, но более-менее уравновешенного, в караване торжествует ничем не сдерживаемая удаль. Поездке в Эчеверию воспротивились лишь Натан, Данике и Элейн, остальные в силу разных причин проголосовали «за». Кирна жаждала выместить на ком-нибудь злость и горечь, Тиана мечтала поближе познакомиться с вместилищем Великого Огня, Ник с Акселем надеялись предотвратить катастрофу. Декстер разыгрывал неустрашимого мачо, Грюн не сознавал всей опасности, Владилен спал. Туве верила, что на субмарине обнаружится мелкий Джо, а я — что без меня все они обречены.

Глава 11

— И это твой шанс, упускать который нельзя. — Фрай отошел от окна, сквозь частую решетку просочился бледный утренний свет, распластавшись на полу клетчатым платком.

В какой-то момент фигура его показалась Тайгерту призрачной, нереальной. Наверное, из-за царящего в комнате полумрака и густого табачного дыма, витающего над собеседником. Тайгерт нахмурился и побарабанил пальцами по столу, будто взвешивая предложение, но в душе уже принял решение. Ради стоило рискнуть всем.

Тайгерт не был злым в полном смысле этого слова. Однако врожденная практичность иногда вынуждала его совершать действия, которые иначе, нежели злодейскими, не назовешь. Впрочем, он, как и многие другие, начинавшие с , постепенно вошел во вкус.

Большинство людей в мире довольствуются этим малым, но чаще всего довольство связано с банальной неспособностью сделать хоть что-нибудь значимое. Другие сознательно отказываются от крупной добычи, не считая конечный результат достойным затраченных усилий. Тайгерт относился к третьему типу. Такие, как он, не стеснялись в средствах, жизнь их протекала в неустанной борьбе с окружающим миром, борьбе жестокой и неравной. Невольными (но вполне ожидаемыми) жертвами ее уже пали Учитель и соученики, затем — многочисленные работорговцы, мешавшиеся Тайгерту на длинной иерархической лестнице Гильдии. Преследуя свои цели, Тайгерт погубил уйму людей, но вряд ли его мучили ночные кошмары. И останавливаться на достигнутом он не планировал.

Фрая же Тайгерт считал полезным, по крайней мере, до поры. Хотя когда-нибудь придется избавиться и от него… Этот таинственный человек иногда пугал Тайгерта до умопомрачения, к тому же излишне много знал о его делах. Но сейчас Тайгерт нуждался в нем. Развернувшись, он ослепительно улыбнулся и протянул Фраю руку. Тот, хмыкнув, осклабился в ответ.

— Рукопожатие подлеца немного стоит.

Кого другого Тайгерт убил бы за такие слова.

— Я, разумеется, имею в виду себя. — Фрай расхохотался и выпростал из складок своего просторного белого балахона узкую ладонь, на которой лежала блестящая штуковина, похожая на кастет.

— Про-из-ве-де-но в федр… змн… ипр… — буквы были знакомы (Тайгерт потратил много часов, втайне от Учителя осваивая грамоту), но смысл ускользал. — Что это за ерундовина?

— Ты же хочешь власти? — Фрай спросил вроде бы серьезно, но издевка змеилась в уголках его губ, дрожала меж прикрытых век. — Дезик, конечно, не гроссийские ракеты, которые ты найдешь на подлодке — как раньше говаривали: «» — зато он помещается в кармане. Уникальный компромисс между мощью и размером. А главное, в устройстве разберется и младенец!

**

Какие силы определяют будущее человека? И правильно ли считать его наделенным свободой воли? Единого мнения в мире не существует.

Туве полагают себя (и всех остальных) заложниками Великого Колеса Вселенной. Можно противиться ему, можно не верить в него, но исхода только два: либо оно раздавит тебя, либо доставит туда, где, по мнению Вселенной, тебе самое место.

Эйлери и эйраи исповедуют принцип Пути, который избирает всех и каждого в миг рождения. Как и в случае Колеса, Путь жестоко карает тех, кто соступает с него — и лентяев, ищущих дорожку пошире, и наглецов (или храбрецов), рискнувших проторить свою собственную тропу.

Разумные создания привыкли вверять свои поступки, чувства и жизни неким потусторонним сущностям — божествам, стихиям, колебанию магнитных полей или движению небесных тел. Позиция в целом очень удобная, позволяющая переложить ответственность за свои действия на силы, с которых и не спросишь.

Люди в этом отношении наиболее непостоянны. За свою не такую уж долгую историю они поменяли огромное множество патронов. Причем отринутых не забывали вовсе, а как бы откладывали на всякий случай, про запас. Выдумывая новую доктрину или еще разок перекраивая старую, человек повадился подпирать основную идею идейками поменьше, в корень подкладывать перегноя из теорий-предшественников, заигрывать с другими теориями, иногда прямо

противоположными. Наверное, люди пока слишком молоды, либо им попросту комфортнее жить в хаосе. Неугодные покровители откладывались в дальний угол ящика, как дырявые носки — для штопки, а из кучи вытаскивались свежие. Беда в том, что носки все уже штопанные-перештопанные, и обнаружить неношеный — задачка не из легких.

Джонатан Д. Хайд, хоть и вырос в семье методистов, имел весьма нетвердую религиозную позицию, расшатанную широко распространенными в среде ученых приметами. Тайгерт, хоть и был знаком с понятием , верил только в себя и свое славное предназначение.

А между тем Тувино Колесо Вселенной, несомненно, также подчиненное высшей воле, неотвратимо несло их навстречу друг другу.

**

— Следует немедля отправить на побережье ударную группу, — мистер Фрай учтиво поклонился. — Полагаю, ваше президентское величество, сопровождать боевиков должна лично директор Слейер. Только она сумеет верно распорядиться находкой и употребить ее на благо державе, процветающей под вашим мудрым управлением.

Эмили Гвен Джеффордс, президент и первый директор Нового Лармериканского Объединения, неохотно оторвалась от нанесения утреннего макияжа. Советник Фрай входил в узкий круг лиц, которые имели право посещать ее с докладами в любое время, и, пожалуй, чересчур активно этим пользовался. Все постоянно чего-то от нее домогались — подсовывали на подпись бессмысленные бумажки, просили, советовали, обсуждали, иногда умоляли, — не давая несчастной Эмили вздохнуть посвободнее и подумать, какой наряд надеть на вечерний банкет.

— Я не могу отослать старуху, — проворчала Эмили. — Она нужна мне здесь.

— Речь идет о выживании последнего оплота демократии на планете! — советник вытянулся в струнку, отдавая честь висящему на стене флагу. — Я рекомендую вам…

— Ты смеешь мне перечить?

Эмили сосредоточенно выдавливала угорь на лбу, и голос ее прозвучал несколько резче, чем следовало бы. Фрай полезен, очень

полезен, самый полезный человек в ее окружении после старой Феоры. А сколько карге еще осталось? Год, два? Да, с Фраем ссориться нельзя… Даже такому устойчивому трону, как президентский, иногда приходится подкладывать картон под ножку. Чтоб не шатался.

— Тут по требованию Феоры доставили какого-то умника, — ее величество сменила гнев на милость. — А все умники, как известно, секут в технике… Ну, или почти все. Его знаний на лодке хватит.

— Не смею спорить, — советник, отвесив учтивый полупоклон, отступил к дверям. — Прислать к вам госпожу Слейер?

— Да, давай ее сюда, — Эмили украдкой помазала лоб средством от угревой сыпи, извлеченным Фраем из какой-то довоенной кладовой. Покраснение сразу спало, а настроение — поднялось.

**

Говард увидел, как шлем Клайда (на котором револьверные и винтовочные пули не оставляли даже царапин) с шипением оплавился и ввалился внутрь себя. Свербящее беспокойство, не покидавшее агента со времени приснопамятной саладовской ярмарки, сменилось паникой. И кто мог его в этом винить? В руках противника он лицезрел оружие, превосходящее мощью все мыслимые и немыслимые образцы, оружие, которому самое место в довоенных книжках и комиксах. Сейчас играючиприкончил Клайда — последнюю надежду десанта НЛО дать отпор вероломным предателям-работорговцам.

После доставки Джонатана Д. Хайда в Новый Ошингтон взамен ожидаемых почестей и наград повалились проблемы.

Собственно, начались они еще в вертолете, когда очнувшийся Джонатан Д. Хайд сломал бедняге Ленсу челюсть (как позже выяснилось, аж в двух местах). Едва удалось приструнить разъярившегося напарника, не иначе как собиравшегося забить пленника до смерти.

Затем, только Говард вышел из душа в мягком банном халате, засунул бутылку вина в холодильник и начал мазать гамбургер горчицей, предвкушая вечер в компании красотки Мендос (по его прикидкам, девица уже вернулась из Шинкэт Ангара), как ему приказали вновь садиться в вертолет и лететь в обратную сторону. Остаток дня пришлось коротать в обществе тупицы Клайда, двадцати потных армейских головорезов… и все того же Джонатана Д. Хайда.

Один из трех вертолетов конфедераты умудрились сбить, хотя в остальном захват субмарины прошел на удивление гладко — работорговцы выполнили свою часть сделки. Впрочем, по мнению Говарда, гроссийская атомная подлодка была такой же пустышкой, как база Гатскиллз, на розыски и захват которой потратили прорву средств и людей. И все ради груды ржавого радиоактивного металла.

А теперь Говард таращился на обезглавленный экзоскелет Клайда и не понимал, как такое вообще возможно. Оторопь парализовала его куда надежнее страха. Он продолжал неподвижно стоять до тех пор, пока дюжий работорговец не размозжил ему основание черепа прикладом.

Проблемы федерального агента Говарда Миллза на этом закончились. А вот бедняга Джонатан, наблюдавший за разворачивающимся на его глазах кошмаром, на подобную удачу рассчитывать не мог. Немудрено — теперь в мире каменных душ и сердец присмотреть за ним было некому.

Когда Тайгерт начал задавать вопросы, Джо, очень смутно знакомый с устройством гроссийских атомных субмарин, спрятал лицо в грязные ладони и заплакал.

**

Дорога до Эчеверии заняла у каравана два дня. Нам приходилось лавировать между спешно возводимыми заставами, отсиживаться в редком кустарнике, пока мимо маршируют колонны солдат и техники, и высылать вперед разведку, то есть меня на велике. Не так-то просто найти укрытие для машин в голой степи. Спасибо еще, пылевые столбы заранее предупреждают внимательных путников об опасности.

Таборчане-новички явились к нам словно из материнской утробы — девственно нищие. И если Валехо скромно отказался от предложенного ему снаряжения, то Грюн без зазрений совести воспользовался цыганским гостеприимством и отнял у Владилена топор, который тот припер якобы из самой Гроссии. Надежностью конструкции орудие приводило дикаря в благоговейный трепет. Также Грюн смастерил себе импровизированный щит из найденной где-то ржавой автомобильной дверцы.

Мы не успели запастись едой в Саладо, однако моя призовая хрюшка успешно компенсировала сие упущение. Я, наверное, еще

долго не смогу есть бекон. Свинины накоптили столько, что Натан даже пытался кормить ею овцу.

Вообще, нынешняя поездка относилась к разряду «веселее некуда» по моей собственной шкале — в «вороньем гнезде» я не просидела в совокупности и четырех часов. Помимо велосипедного моциона, игр в прятки и прослушивания великосветских бесед Владилена с Ником в кузове, мне посчастливилось наблюдать ухаживания нашего нового дикого приятеля за Кирной. Блондинка упорно притворялась, будто не замечает страстных взглядов Грюна, но это не мешало всем подшучивать над ней. Дошло даже до детской дразнилки «тили-тили-тесто». Тили-тили-тесто, у Грюна невеста, в сиськи зырить не велит, а то глазик выколит. Тили-тили-тесто, Кирна — невеста! Смотрит волком, а что толку? Не похож Грюн на ягненка, подставляй свою… Ну да, некоторые варианты получались совсем уж похабными. Смерть Сагерта усмирила девку, но за подобные выпады регулярно предпринимались попытки догнать и оборвать мне уши.

Дикаря же расшевелить не удавалось. То ли он не врубался, то ли не считал нужным портить отношения с цыганами. Грюн невозмутимо выслушивал советы, как добиться благосклонности девицы, а сам верил лишь в старые испытанные способы.

Еще на выезде из Саладо Грюн впервые заговорил о выкупе за женщину. Я, если честно, не сразу просекла, о ком он, — как-то не вязался образ кровожадной Кирны с ролью послушной жены и матери семи-восьми детей. Мужики обожают делиться своими интимными приключениями и обсуждать достоинства окружающих баб. Вот и Николас запустил вопросик по поводу Элейн, Тианы, Кирны и Туве. Птицын, отхлебнув из банки самогончику, начал вспоминать, как танцевал с Эльхаим на ярмарке. Дедуля-то силен оказался в околоэротических побасенках, хорошо еще Тушкан не слыхал. Собеседники внимали с благоговением. А тут наступила очередь Грюна изложить свое мнение о цыганских дамах. Дикарь поразил всех глубиной суждений, оценив каждую в черепах врагов. Так вот, расценки выше десяти штук не поднимались, и только за Кирну Грюн предполагал отдать двадцать. Николас поперхнулся пущенным по кругу напитком, а я чуть не вывалилась из «вороньего гнезда».

Поболтали бы и забыли, но разговор имел продолжение. На первом же привале Грюн внес «предоплату».

Варвар отправился поохотиться, считая свою порцию еды на обед недостойной воина. По словам самого Грюна, на него накинулся огромный скорпион, которого он забил до полусмерти. Гад сбежал, но наверняка сдохнет от ран. Ну-ну. Мы-то подоспели, когда никакого скорпиона рядом с дикарем и в помине не было. Я видела с вышки всю сцену «убиения»: членистоногий ублюдок, потешно топчась на месте, пытался размозжить человечка клешней, лишился ее и постыдно покинул поле боя. Знание правды, однако, не мешало мне вместе с остальными глумливо сомневаться в грюновской победе, а, кроме того, требовать череп исполинского врага. Но наши подъебки варвара не особенно смущали, действительно огорчала его невозможность предоставить трофейную кость (насколько мне известно, у скорпиона вообще ее нет, но не суть).

Вот любопытно, что заставляет меня стебаться над жертвой, заведомо способной ответить, скажем, проломив голову? Цыганин, продолжая пенять мне за выходку с Кирниной шляпой, ведет себя не лучше. Тот же Декстер многажды бывал бит за свои хохмы, хоть и брешет, будто ему всегда удается слинять. Когда-то читала я басню про моську, самоутверждающуюся через лай на слона. Прямо-таки наш случай…

Схватка Грюна со скорпионом происходила на останках чьего-то лагеря, который тварь разоряла, когда подоспел дикарь. Членистоногому не нужны были автомобиль, оружие или одежда — он просто вознамерился вкусно пообедать путешественниками. Задачу эту он выполнил и теперь, поди, умирает сытый. У костра валялась верхняя часть тела одного из неудачников. Судя по нашивкам на куртке и приписному свидетельству, найденному мной неподалеку, монстр сожрал дезертиров конфедератской армии. Ясное дело, ребята бежали из части налегке. И так взять нечего, еще и скорпион поработал — хлипкий внедорожник растоптал вместе с вещами, кое-что попробовал «на зуб». И все же стоянку мы тщательно обыскали. Кирна, досадовавшая на отсутствие добычи, принудила Ника и меня перетащить в кузов «джона гира» изодранные кресла, уцелевшие два колеса, кое-какую начинку из-под капота, признанную Натаном пригодной для ремонта, и тент. Сама девица вертела в руках покореженную винтовку.

— Зачем она тебе? — искренне удивился Николас.

— Тебе подарить! — Кирна кинула оружие опешившему инженеру. — Почини и застрелись.

Глядя на нашу слаженную работу под руководством своей избранницы, Грюн сделал, похоже, определенные выводы, и решил не медлить. Он подошел к Акселю и хмуро кивнул на Кирну: «Она!»

— Что «она», мой мышцастый друг? — переспросил цыганин. — Она чокнутая стерва, она милашка-симпатяжка, она взяла у тебя взаймы и не отдает?

— Грюн берет светловолосую женщину. Готов платить богатый выкуп, — возвестил дикарь. — Кто будет получать?

— Ну, выкуп всегда получает раджа! — рассмеялся Аксель, еще не знавший о черепах. — Отдавай мне. Я ж, почитай, цыганский барон.

— Вечером жди.

Грюн направился к ополовиненному скорпионом дезертиру и отчекрыжил ему голову. Аксель к тому моменту уже отвернулся, поэтому не видел осквернения трупа. Николас попытался вразумить дикаря, настаивая на приличных похоронах несчастного, но, понятно, только впустую слова потратил.

— Осторожно, он может вернуться за ней, — заметила Туве, указав на голову.

— Еще никто не возвращался, — варвар снисходительно улыбнулся.

Благодаря талантам Туве на поприще рытья могил, мы захоронили останки. Все, кроме Грюна, ошалело следили, как срывающиеся с ее ладоней искры испаряли впечатляющие объемы земли. А я размышляла о невероятной сложности дикарских брачных обрядов, пока рыжая скатывала шарики из своей анима. У одних — гнезда и танцы, у других — черепа. Впрочем, это справедливо. Склонность «цивилизованных» людей сводить любовь к трехминутному перепихону заставляла взглянуть на сбор трофеев и постройку жилища из веток под другим углом. В конце концов, мало кому придет в голову усомниться в серьезности намерений человека, собравшего для сватовства двадцать вражьих черепушек или свившего гнездышко из шипоцвета. Во вменяемости — возможно, но только не в серьезности намерений.

В сумерках, так сказать, на ужин, здоровяк преподнес Акселю два черепа — дезертира и скалистого ягуара (второй он добыл на вечерней охоте). Цыганин ловко отвертелся, заявив, что примет решение при наличии вена целиком, еще и пожурил дикаря за излишнюю нетерпеливость. Кирна же устроила скандал. Почему это, мол, выкуп не ей отдают?! Сам факт сватовства ее, кажись, не сильно напряг. Боюсь только, они оба недооценивают упорство и способности Грюна…

**

Николас с ужасом смотрел на Эчеверию в бинокль — от поселка сохранилась пара жалких сараев на отшибе, прочее превратилось в руины. Повсюду виднелись воронки от взрывов, неподалеку от фермы, где работал Валехо, лежали останки вертолета.

К сожалению, лодка была на месте. Перед ней на берегу располагалась линия укреплений, возведенных, похоже, в спешке. То ли субмарину защищали от потенциальных врагов, то ли военные части в деревне ожидали нападения с ее стороны. Судя по расположению окопов, баррикад и проволочных заборов, правильнее была вторая догадка.

— Они этой херней от ракет думают защититься? — хмыкнул Аксель.

— Вряд ли. Не такие они дураки, — серьезно ответил Ник, не уловив иронии в голосе собеседника.

— Если кто-то пролез в лодку у них под носом, значит такие, — заметил цыганин.

В душе инженер надеялся на чудо, по воле которого субмарина окажется неисправной или военные не воспримут ее появление слишком серьезно, или возобладает здравый смысл, и конфедераты затопят смертоносный артефакт. Но, конечно, чуда не свершилось.

Эчеверию окружало кольцо мусорных нагромождений, переходящих в насыпной вал, кое-где укрепленный валунами. Получившаяся крепость ощерилась во все стороны дулами танковых пушек, пулеметов и неизменных станковых болтометов, а за периметром трудились бригады минеров. В центре высилось зенитное орудие, вокруг которого копошились люди. Через ворота туда-сюда сновали солдаты и крестьяне — урожай-то остался за валом. Дюны, вздыбившиеся вокруг деревеньки, патрулировало несколько отрядов.

Грюн вызвался изловить языка из патрульных. Сам Николас вместе с Акселем, Кирной и Томом отправились в обход, по направлению к полям, через которые предполагалось пробраться под видом местных поселян. На маскарад много усилий не понадобилось — каждому выделили накидку, сомбреро, штаны и сандалии. Дольше остальных пришлось гримировать блондиночку. Вообще-то Ник попытался намекнуть на чрезмерную многолюдность шпионской вылазки, но его, похоже, никто не понял или не захотел понять.

Не участвующие в вылазке таборчане должны были увести машины подальше, на пустынный пляж в десяти километрах от Эчеверии. Натан внимательно выслушал объяснения Ника и уточнил у Акселя, когда их ждать.

— Наверное, к ужину, — хлопнул его по плечу цыганин.

Николас впервые поверил в осуществимость затеянной авантюры, до того ее воплощение в жизнь казалось химерой. Сейчас он топал рядом с не прекращающим балаболить Акселем и пытался различить хоть в одном из своих спутников нерешительность, тревогу или страх. Но не увидел ни тени. Том кидался камушками в кактусы, Кирна жевала сухую былинку.

«Они действительно сумасшедшие», — подумал Валехо. От этой мысли почему-то стало спокойнее.

**

Грюн укрылся среди камней под кустом каких-то колючек с голубыми цветочками и наблюдал за солдатами. Место он отыскал хорошее — прямо перед засадой дюна немного изгибалась. Патрули заходили в этот мешок из-за все тех же колючек, не желая влезать в заросли. Вояки держались парами, но был среди них то ли смельчак, то ли идиот, дежуривший в одиночку. Его-то дикарь и выбрал в качестве жертвы.

Рассчитав все до мелочей, прикинув, сколько ударов сердца длятся промежутки между появлениями дозорных, Грюн наконец изготовился к атаке. Одинокий паренек с длинной металлической палкой в руках выбрел из-за бархана и, шаркая тяжелыми сапогами, начал приближаться к грюновскому убежищу. Едва он поравнялся с засадой, здоровяк прыгнул, но зацепился ногой за предательский куст (который немедля проклял), и маневр смазался — солдат уловил постороннее движение. Патрульный развернулся, выставив перед

собой палку, шарахнулся от дикаря и визгливо скомандовал: «Бросай оружие, ублюдок!» Грюн, по меркам цыган, начисто лишенный чувства юмора, после такого прослыл бы заправским шутником. Он, конечно, сообразил, чего от него требуют, и нельзя сказать, что не постарался требуемое исполнить. Дикарь бросил топор. В солдата.

Парень начал заваливаться на спину, с ужасом взирая на лезвие, впившееся ему под ключицу. Палец судорожно вдавил спусковой крючок, и трескучая очередь прорезала мирное доселе небо, расколола тишину в холмах. Армеец еще не коснулся земли, а Грюн уже очутился рядом, вырвал топор из груди несчастного и хотел ретироваться, когда взгляд его упал на голову противника. Выкуп за Кирну был слишком велик — не следовало пренебрегать даже таким паршивым черепом!

Немного погодя дикарь уже лежал в неглубокой канаве, глядя, как четверка патрульных медленно шагает по кровавому следу к его новому убежищу. Надежда еще оставалась — вдруг он умудрился на бегу затоптать капли? — впрочем, Грюн не привык врать себе и прикинул свои шансы против четверых солдат (естественно, обнаружив обезглавленный труп, они не решились идти вдвоем). У них тоже имелись металлические, несомненно, грохающие, палки, против которых на открытой местности не помогут ни топор, ни резвые ноги. Посмотрев в распахнутые мертвые глаза своего трофея, дикарь пожелал ему заблудиться во тьме за гранью. Когда исправить положение нельзя, Грюн всегда отдавался на волю судьбы, до сих пор выносившей его из передряг. Потому он осторожно пополз прочь от солдат, надеясь достигнуть следующей дюны раньше, чем они его заметят.

Раздался окрик, дикарь ускорился, но после прогремевшего выстрела (перед ним взметнулся пылевой фонтанчик) замер. Патрульные опасливо приблизились, между лопаток Грюну ткнулось что-то холодное и твердое. Дикарю действительно повезло — его не пристрелили на месте лишь из-за строгого приказа доставлять всех нарушителей границы в штаб. Даже не били. Драгоценную голову отняли, самого связали и, точно бычка на убой, повели в Эчеверию.

**

Николас безошибочно вывел друзей к делянке, принадлежащей его бывшему нанимателю. Там он издалека углядел пеструю косынку Доры, хозяйской дочки. Девушка страшно перепугалась, когда из-за

сплошной стены кукурузы выступили четверо мужчин — она-то, в отличие от солдат, прекрасно знала каждого в деревне. Но завопить Дора не успела, узнав в одном из пришельцев Ника. Девушка бросилась ему на шею, вызвав смешки цыган и густой румянец на валеховских щеках.

Дора собирала кукурузу для полевой кухни. Николас предложил помочь ей со сбором и донести корзины. Вышло, разумеется, по-скотски: реально участвовал в откручивании початков со стеблей только Том, остальные расселись в тени ботвы. Правда, Дора и сама удивилась действиям мальчишки — работа в поле после распашки считалась женским делом.

Конечно, рассказ милашки Доры был сбивчив (несколько раз она начинала плакать, умоляя взять ее с собой), однако благодаря ему многое прояснилось.

Оказалось, на Эчеверию напали вертолеты НЛО (крестьяне поименовали их вертокрылами, а лодка оставалась для них китом — будто дурацкие названия уменьшали опасность). Завязался бой, во время которого и подожгли деревню. Конфедератам удалось сбить боевой вертолет, но два десантных достигли своей цели — высадили на подлодку отряды солдат. Судя по всему, работорговцев, следивших за невольниками, подкупили. У входного люка нлошников ждали. При попытке отстоять субмарину полегла уйма конфедератов, а тех, кому не повезло курировать действия рабов внутри, вскоре выбросили наружу — трупы дрейфовали в воде, пока их не прибило к берегу.

Собственно, штурмовать подлодку смысла не имело, к счастью, ксгшное командование это понимало. Пляж оцепили, деревню окопали и затребовали подкрепление. Сегодня подошел танковый отряд и машина с зенитным орудием, неисправным, но, по заверениям здешнего механика, подающим надежды.

Нет, все-таки стоило наведаться внутрь периметра. Дора могла и ошибиться, полностью полагаться на слова неграмотной испуганной крестьянки Николас побаивался.

И вот они, нагруженные корзинами, очутились на главной улице Эчеверии, которую так часто мерил шагами Валехо — от фермы до кабака, от кабака до магазина, от магазина до кузницы…

На месте строений остались обгоревшие развалины. Хорошо еще селяне тогда работали в полях, копали траншеи, насыпали вал

(выгнали даже стариков и детей), поэтому среди них потерь не было — только кабатчику оторвало ногу пулеметной очередью. Повезло. Или нет — ведь жить теперь негде! Нашлись даже нытики, убежденные, что пущай бы все сравняли с землей.

Палатки крестьян располагались рядом с армейской кухней, Дора побежала туда, пообещав привести отца, который-де осведомлен куда лучше. Ну, он же мужчина. Хех, невдомек девочке, почему солдат больше тянет откровенничать с ней, чем с пожилым немытым дядькой.

Валехо попробовал разговорить повара, как раз выливающего помои ему под ноги, но тот презрительно глянул на чумазую деревенщину и посоветовал пойти заняться делом. Даже смешно, как человек начинает кичиться своею «исключительностью», получив форму, погоны и право «защищать» обывателей. Первым делом он стремится отмежеваться от этих самых обывателей, от которых недавно ничем не отличался.

Дора задерживалась, вероятно, прихорашиваясь, и Аксель предложил побродить по деревне. Но везде на них реагировали одинаково враждебно, а от пляжа погнали прикладами.

— Жить надоело? Куда прете? — солдаты не церемонились.

— Эх, похоже, эдак мы ничего не разведаем, — процедил Валехо, потирая ушибленное плечо.

— А надо ли? — усмехнулся Том. — Все и без того ясно — заходить с воды придется.

— Ты маленький придурочный гений, — проронила Кирна.

— А ведь правда! — воскликнул Ник, хохотнул, тут же зажав рот ладонью, и продолжил: — Субмарина лежит на мелководье — хошь, пешком топай. Или можно на лодке.

— Для начала давайте уберемся из деревни, — намекнул Аксель.

От кухни разнесся звон колокола, возвещающий ужин — час густых сумерек и невнимательных постовых. Возвращаться к Доре не стали, хотя Валехо было немного стыдно перед ней, и направились к воротам.

Отряд не сделал и нескольких шагов. Отступление откладывалось на неопределенный срок — в обход минного участка, от дюн, вели связанного Грюна. Увидев обезглавленное тело на плече у одного из конвоиров, Валехо выругался. Впрочем, лучший момент для освобождения горе-партизана вряд ли представился бы. Поэтому

Николас двинулся наперерез солдатам, благо те не ждали никаких злодейств от четверых «крестьян», а Грюн не подал вида, даже если заметил и узнал их.

Произошедшее дальше надолго запечатлелось у Валехо в памяти. Он только рот открыл, чтобы попросить выделить здоровяка для полевых работ, как его спутники уже набросились на конвой. Все закончилось в несколько секунд.

Грюн постарался опрокинуть на спину ближайшего солдата и, навалившись на него всем весом, грохнулся сам. Тот, не будь дурак, вскинул оружие, но воспользоваться им не успел — Томов бумеранг с чавканьем и хрустом вонзился ему в горло, почти отделив голову. Одновременно с этим Кирна вспорола живот армейцу, тащившему труп. Аксель обошелся со своим противником чуть гуманнее — вырубил его ударом в висок. Последний конвоир, растерянно хлопая глазами и пытаясь поймать трясущимися руками винтовку, шлепнулся наземь, споткнувшись о Грюна. Вояка разинул рот и выдавил сиплый писк, но вовремя подоспевшая Кирна упокоила крикуна. Итого: четыре смерти за несколько мгновений, пять тел на дороге среди благостных звуков вечерней степи.

— Вперед, Ник. Ты же не хочешь остаться и объяснить конфедератам, откуда здесь трупы? — Аксель вывел Валехо из ступора, похлопав по спине, и, ничего не добавляя, направился трусцой к ближайшей дюне.

Николас мотнул головой, окинул взглядом место схватки и припустил следом за удаляющимися цыганами. Грюн притормозил, дожидаясь впечатлительного приятеля, и побежал с ним вровень. Этому синяки нипочем!

— Я передумал, — заявил на ходу дикарь, — женщина, умеющая бить мужчин, не стоит двадцати черепов.

**

У костра собрался весь табор — решали, как быть с лодкой. Грюн требовал забить большого серого кита (уж не ради ли черепа?!), Кирна мечтала захватить его и пиратствовать, я предлагала потопить, поддержав таким образом мнение дикаря. Тиана многозначительно помалкивала. Николас настаивал на дезактивации боеголовок. Туве уверяла, что Джонатан внутри подводного гиганта, Владилен после совещания с духами подтвердил ее правоту, а значит, выбора не было.

Единственным, кто знал, где вход и центральный пост управления, был Ник. Он, правда, до сих пор находился под впечатлением от бойни у ворот, но обещал не подвести. Бедолага несколько раз вспоминал о пережитом кошмаре, наверное, надеясь услышать оправдания, увидеть смятение, угрызения совести.

— Мы все поневоле жестоки в мире каменных душ и сердец, — высказалась Туве.

— Ага, главное, не получать от этого удовольствия, — вставила я, косясь на Кирну, затачивающую ножи.

— Обезумевшего зверя стая убивает или изгоняет. Безжалостного изверга ждет та же участь на Колесе Вселенной, — продолжила дикарка, проигнорировав мою шутку.

— Оставим высокие материи. Нам скоро выдвигаться, — прервал дальнейшие разговоры Аксель.

Они с Натаном и Элейн принялись обсуждать, где укрыть караван. Естественно, в случае нашей гибели все добро наследовали Дрибблы (как назвал их Аксель). Эту тему даже не затрагивали — накликать можно.

Мы вступили в океанские волны, как только на горизонте потухла алая полоса. Большую часть пути проделали по берегу, лишь последние пару километров брели по шею в воде. Расчет оправдался. Лодка была бы заметнее: скрипела бы, плескала, — а точки голов показались дозорным (если вообще хоть кто-нибудь смотрел на воду) мусором, в избытке плававшим рядом с деревней. Потом мы очутились в тени субмарины.

Описания Валехо и близко не передали впечатления от артефакта Великой Войны. Гроссийцы явно тяготели к крупным формам — машина превосходила размерами все когда-либо созданные мировые аналоги. Она действительно напоминала кита, серая, с покатым горбом палубной надстройки. Только в десятки раз больше — метров пятьсот в длину. Небось, тоже во льдах зимовала, неподалеку от крейсера Захарии. Где еще спрячешь такую тварину? Ракеты внутри нее, ждущие своего часа, могли пересечь континент Эос . Страшные, бессмысленные орудия … В случае поражения Гроссии в войне субмарине предписывалось затаиться и ударить по празднующему победу врагу. Сценарий не удалось реализовать — если верить преданиям, война продлилась недолго, покарав и правых, и виноватых.

Неизвестно, что заставило экипаж отказаться от внесения в нее своей лепты, но всепожирающий атомный огонь до сих пор таился в холодном, укрытом известняковой коркой и водорослями корпусе. И он вырвется на волю, если нам не повезет. Если не повезет.

Николас упоминал о двух возможностях попасть внутрь — собственно, основные люки и аварийный. Разумеется, парадный вход оказался закрыт. Чтобы обползать махину, мы потратили, по прикидкам, около часа. Валехо объяснил, конечно, где искать, но корпус субмарины порос ракушками, местами образовавшими причудливые изваяния, а свет луны был обманчив. Наконец я сумела обнаружить кормовой люк, как ни странно не задраенный. То ли его открыли сами подводники, выбираясь, то ли работорговцы — принимая нлошников, то ли конфедераты — спасаясь.

Аксель с Ником аккуратно отвалили крышку. Внизу, под лестницей, лежал труп. Первой полезла я, вернее, сначала кинула туда Акселеву шляпу (ну, что попалось под руку, то и кинула), проверяя не встретит ли нас кто-нибудь радостной пальбой. Отсек пустовал, а вот дальше по коридору слышались голоса.

Все (особенно Ник) тихонько изумлялись грандиозности устройства подлодки и гению конструкторской мысли, воплотившему идею подводного дворца, комфортабельного, обширного, оборудованного по последнему слову довоенной техники. Люди, которым предстояло уничтожить жизнь на материке, не должны были ощущать потери. В следующем помещении, негромко ахнув, Николас кинулся рассматривать очередную железяку. У стены валялись тела рабов и лармериканских солдат, а над ними стоял металлический человекоподобный амбал (таких мы видали на Орлиной горке) без башки, которую ему, судя по всему, расплавили. Кто же засел тут? Вдруг впереди раздался возмущенный крик и звук удара. Кажется, народ начинал развлекаться без нас.

Туве ринулась дальше, мы постарались не отстать от нее.

Центральный пост подводной лодки ярко освещался и смахивал на капитанский мостик из какого-нибудь старого фильма. Круглый зал (на свободном пространстве легко разместилась бы танцплощадка) по периметру занимали пульты управления, мигающие лампочками, мониторы с диаграммами и данными, справа с потолка спускалась опутанная проводами труба с экраном. Над пультами склонились

люди. Один из них держал за ворот халата Джонатана Хайда и орал на него, требуя истолковать некие данные. Джо безвольно обвис в руках истязателя.

— Тайгерт! — взвизгнула Кирна, едва появившись в дверном проеме. Хотя, по-моему, вместо нее говорил Сагерт собственной персоной, и, похоже, именно он выжидал, не пустив свою подругу с порога в бой. Аура Кирны замерцала двумя цветами — в коралловый вливались изумрудные нити.

Так мы потеряли эффект неожиданности. Мужчина, допрашивавший Джонатана, разжал кулак и обернулся. Ученый сполз ему под ноги.

— Кем бы вы ни были, вы пожаловали вовремя! — с истеричной веселостью гаркнул он. — Присоединяйтесь к нам или умрите!

— Думаю, мы выберем третий вариант, — строго произнес Николас.

— Присоединись к Учителю, — прошипела Кирна.

— О, а тебя я помню, белобрысая сука! — воскликнул Тайгерт. — Я понравлюсь тебе, если уж Сагерт пришелся по душе! — он похотливо осклабился.

Тут на сцену новое действующее лицо. Я увидела черно-фиолетовый с красными искрами человеческий силуэт.

— Что за… — Кирна нахмурилась.

— Это он похитил Джо! — в ужасе шепнула Туве, указывая на фигуру.

— Ты станешь жемчужиной моего гарема, — мечтательно протянул Тайгерт, проигнорировавший возгласы девиц, и шагнул нам навстречу.

— Я отправлю тебя к Сагерту! Там он будет убивать тебя до конца Вселенной! — проревела Кирна, вскинула «моссбург» и выстрелила.

Не знаю, может быть, оружие Тайгерта работает не бесшумно, но для всех в помещении это осталось загадкой — после залпа из дробовика ненадолго наступила благостная тишина. Увы, в кои-то веки блондинка промазала — снаряд не причинил говнюку никакого вреда и разворотил один из мониторов. Тайгерт не промедлил с ответом. Он направил на Кирну кулак, обрамленный тускло блеснувшим кастетом. Приняв этот жест за приглашение попытать счастья в рукопашной, девица рванулась к нему, но тотчас неуклюже, точно от чьего-то пинка,

грохнулась на пол. Из кастета ударил луч. Наверное, остальные разглядели лишь подрагивание воздуха на его протяжении и, как результат, внушительную дыру в корпусе субмарины. дыру. Мне же померещилось, будто поток прорезает саму реальность, на доли секунды обнажая ее , — темное пульсирующее нечто. Я испугалась по-настоящему. Что случится, если оружие останется включенным чуть дольше? Что ждет человека, в которого попадет луч? Не пробьет ли Тайгерт следующую дырку, например, в одной из ядерных ракет? Хватит вопросов.

Надеясь сыграть наилучший финал для этого противостояния, я метнула бумеранг Тайгерту в голову. К сожалению, лезвие пролетело мимо, срезав темно-русый вихор на его макушке, и со звоном вписалось в щель между трубами под потолком. Краем глаза я заметила, как прочий народ нехотя зашевелился, похоже, не очень-то горя желанием ввязываться, как Туве кинулась к Джо, а в следующий миг кастет нацелился мне в живот. Раньше я не заостряла внимания на том, как проявляется моя удачливость. Зачем знать «как», главное — она работает. Однако нынче, кажется, только слепой не увидел бы случившегося: едва по боку Тайгертова оружия пробежали розовые огоньки, моя аура разрослась и прокатилась ярко-желтой волной по залу.

— Треклятая хрень! — Тайгерт отбросил кастет и досадливо дернул с руки загоревшуюся перчатку. — Мне не нужны детские игрушки, я вас одной левой раскидаю! — потом он, обнаружив вдруг бездействие подчиненных, рявкнул: — А вы чего расселись? Стреляйте, кретины!

— А кто обещал самолично раскидать нас, олух? — считая себя победительницей, я откровенно забавлялась.

Подручные Тайгерта засуетились, защелкали затворы, лезвия зашуршали о ножны (даже в собственной подлодке ни один уважающий себя мужик не расстанется с любимым ножом, пистолетом или ружьем). Их вожак бросился ко мне. Тут вскочившая Кирна вторично оглушила присутствующих. На сей раз весь заряд дроби достался пожилому дядьке, борющемуся с кобурой. Бедолагу отбросило на пульт. Минус один — уже легче. Сам Тайгерт резко затормозил, даже зажмурился на мгновение: смертоносные шарики пролетели опасно близко от его башки. Слева схватился за бок, рухнул

и скорчился на полу еще один мужик — не иначе Аксель поработал, больше некому. Мимо меня протопал Грюн, направляясь к смельчакам, считающим мачете лучшим вариантом обороны в замкнутом помещении. Все это, как водится, произошло почти единовременно. И я уже приготовилась прыгнуть Тайгерту под ноги, рассчитывая прикрыться им, когда ощутила — не услышала — грохот очередного залпа.

Меня словно затянуло в кошмарный сон, где невозможно пошевелиться, закричать, вообще как-либо повлиять на события. Я видела пули, стремящиеся к моей груди, и знала — цели они достигнут. Колесо Вселенной крутанулось, подставляя Мэйби Туморроу под удар, и противиться ему недоставало сил. Моя аура вспыхнула навстречу снарядам и погасла, вместе с тем пришла боль, потом — тьма.

**

Аксель мягко осел на пол. Выпирающий из стены пульт надежно укрывал его, но сейчас цыганин думал о другом. Широко распахнув глаза, он смотрел на тело мальчишки. Нет, не мальчишки, а девушки, занявшей слишком много места в его жизни и сердце. Не торопясь признавать сего факта, Аксель продолжал относиться к ней с той же легкостью, которая была присуща их дружбе с Томом. Шкетом он не дорожил, выходит, Мэйби — тоже.

А ведь предчувствие беды посетило цыганина, еще когда Тайгерт только поднял кастет. Наверное, абсолютная тишина, последовавшая за выстрелом Кирны, обострила чувства — Аксель увидел в луче, прорезавшем воздух чуть выше шляпы блондинки, жадную, голодную черноту. После ему почудилось, будто фигура Мэйби подернулась золотистой рябью, а следом Тайгертово оружие отказалось служить ему. Именно тогда цыганин воочию узрел действие счастливой звезды девушки. И звезда эта закатилась. Краски, которыми высшие силы изобразили ушастую непоседу, потускнели. Их высосала та ненасытная тьма? Вероятно. А теперь Мэйби лежала без движения в нескольких шагах от пыльных цыганских сапог.

Ярость нахлынула незаметно, стирая душевные метания. Давно, словно бы в другой жизни, мама просила юного Акселя не ввязываться в драки, потому что остановиться он не умел. Он с детства привык подавлять гнев смехом: шутки рассеивали плотную красную пелену в

мозгу с легкостью ураганного ветра. Цыганин полагал, что может заставить себя улыбнуться в любой ситуации. Ну, заблуждаться на свой счет свойственно всем.

**

Сжавшись в комок рядом с поскуливающим Джо, Туве с ужасом взирала на разворачивающуюся трагедию. Люди вновь убивали друг друга. Вселенная столкнула своих детей, карая провинившихся, а невинным демонстрируя лицо истинного правосудия.

Тем камушком, который вздыбил гладкую доселе поверхность воды, был не мужчина, мучавший Джо, не кто-то из друзей самой Туве, а человек, пробравшийся в зал управления . Но дикарка прекрасно видела его анима-силуэт. Похоже, побоище являлось для него лишь удобной ширмой. Он, переливаясь черно-фиолетовым, вальяжно прошествовал мимо дерущихся и принялся колдовать над пультами. Магия здесь, конечно, ни при чем, просто жесты его напоминали театральные своей отрепетированностью, некоторой даже жеманностью. Что он замыслил? Туве пристально вперилась ему в спину. Она смело поставила на карту свою жизнь и жизни друзей, которым, вероятно, не помешала бы ее помощь, ради раскрытия тайны пришельца.

**

Ничто не предвещало подобного поворота — Николаса загнали в угол. По каким-то неведомым причинам четверо головорезов признали Валехо единственным достойным противником на этом фланге. Лестно для самолюбия, но неприятно для здоровья. Они ринулись на него как стадо баранов, спугнутых автомобильным гудком. Пришлось и Нику применить силу — уговоры перестали действовать пару секунд назад. Первый говнюк всецело ощутил, каково быть помидоркой на вилке. Проведя обманный маневр (резкое движение коленом — жертва инстинктивно прикрывает мошонку), Ник поймал мужика за правое запястье и пригвоздил ладонь к пульту ножом, ловко выхваченным из набедренной петли. Теперь у Валехо имелся щит. Очень кстати: кто-то на противоположной стороне вздумал палить, вынудив инженера пригнуться за своей орущей жертвой. Но пули нашли цель ближе. Том рухнул, истекая кровью. Беглого взгляда было достаточно, чтобы уяснить — мальчишка погиб.

Тут же Николасу напомнили, что сам он покуда жив. Двое мужчин врезались в своего товарища, вызвав новый вопль. Один из них даже дотянулся до Валехо тесаком. Впрочем, царапина получилась неглубокой, лишь неприятно саднила. Зато дядька не успел отдернуть руку и таким образом позволил Нику провести захват. Работорговец выронил оружие и очутился в чрезвычайно неудобном положении — с вывернутой лапой, уткнувшись башкой в живот стонущему неудачнику у пульта. Теперь третий засранец не смог бы пробраться к Нику при всем желании. И все-таки Валехо предпочел бы отбиваться не с пустыми руками. Поэтому, заклиная больную спину не подвести, присел, дернул захваченного головореза на себя, подцепил его за ремень, крякнул и начал выпрямляться с ношей. Выжимать довольно увесистую тушу над головой Нику не требовалось, только оторвать от пола и метнуть (или, скорее, протаранить) ею остальных противников. Достигнутый эффект превзошел самые дерзкие ожидания: получилась куча мала, в центре которой ревел прибитый к пульту бедолага. Нижний мужик сильно приложился головой об пол, а верхний при падении шарахнулся носом об угол пульта. Ужели судьба улыбнулась Николасу Валехо?! Вот только почему подлодка дрожит?

**

Кирна с досадой отшвырнула «моссбург», обычно беспощадный, но сейчас бессмысленный — третий патрон дал осечку и застрял в стволе. Она ринулась к Тайгерту. В этот момент Тома отбросило буквально ей в объятия, от неожиданности блондинка шмякнулась на задницу, придавленная телом. «Мать твою, даже после смерти умудрилась усложнить мне жизнь!» — мелькнула у Кирны раздраженная мысль. Тем не менее она не стала грубо откидывать труп, просто вытянув из-под него ноги. Нет, «просто» не то слово — сделать это оказалось довольно сложно. Кирна поднялась, благо все действующие лица отвлеклись. Стрелки перезаряжали винтовки, перед ними разгорелась битва между Грюном (с успехом использующим грубый щит в качестве прикрытия от пуль) и двумя головорезами, в углу у Николаса происходила какая-то непотребная свалка, а напротив стоял Тайгерт. Он досадливо осматривал дыру в широком рукаве, проделанную, очевидно, одним из стрелков, чересчур усердно выполнявшим распоряжение босса. Удивительно, Сагерт признавал в соученике талантливого бойца, а этот идиот в самой гуще схватки

печется о грошовой шмотке. Кирна хмыкнула и собралась уже преподать кретину урок, когда около Тайгерта очутился Аксель. Цыганин двигался потрясающе шустро и как-то рвано.

— Задолбали лезть под руку! — заорала блондинка, не слыша, впрочем, своего голоса (тьма побери всех стрелков).

Выхватив на ходу ножи и обогнув так не вовремя встрявшего Акселя, она шагнула к смертельному врагу. Сейчас Кирна отчетливо чувствовала, как Сагерт направляет ее, стремясь расплатиться с убийцей Учителя.

Аксель весьма удачно врезал Тайгерту кулаком в челюсть и еще раз — по загривку. Тот согнулся в аккурат под Кирнины клинки. Сам цыганин застыл, недоумевая, почему его богатырские удары (челюсть свернуло на сторону) не свалили говнюка с ног, зачем-то оглянулся на тело Томми… и чуть не заработал пулю в висок.

Один из стрелков перезарядил винтовку. Метил он, вероятнее всего, в Кирну, нависшую над изувеченным Тайгертом (из шеи неудавшегося диктатора уже торчал один ее нож). Стоя к стрелку в пол-оборота, девица уловила его движение и, зацепив Акселя за рубаху, рухнула на колени.

**

Цыган от резкого наклона пришел в себя, дернулся обратно, оставив Кирну с куском ткани в кулаке. Он вскинул свой автоматический пистолет и двинулся к тому, кто оборвал жизнь Тома. Или, может, к его соседу, продырявившему куртку Тайгерта. Акселю, в общем-то, было наплевать. В его планы входило угробить обоих и еще кого-нибудь за компанию.

**

Грюн смерил удрученным взглядом ряд противников — никого достойного. Дикарь надеялся найти во чреве исполинского кита настоящих воинов. Но нет, сплошные хлюпики, способные только шмалять огнем из палок-грохоталок. Вдруг он заметил двоих храбрецов с мачете. Не все еще потеряно! Боясь, как бы главный цыган или Ник не забрали их себе (разумеется, вместе с черепами), Грюн поспешил к врагам.

Мужики не оправдали надежд и кончились в мгновение ока. Ох, только прекрасное Владиленово оружие радовало сегодня! Отразив первый натиск щитом, Грюн уважил каждого ударом топора, окинул

поле боя взором ненасытившегося зверя и увидел, что его белокурой зазнобе грозит опасность. Девица стояла на коленях, а над ней склонился вожак здешнего племени. Грюн выдернул топор из груди последнего упокоенного противника, добежал до вожака и с жутким ревом снес ему голову. Башка отлетела Кирне в лоб.

— Твою ж мать! Он сдох слишком быстро! — заорала блондинка.

— Мою женщину никто не должен обижать, — возвестил дикарь, в отсутствие звуков решивший, что его благодарят. Хотя, конечно, с таким лицом скорее проклинают. Грюн отвернулся от Кирны, не желая баловать ее излишним вниманием, и тут же нашел очередное применение своему топору. Он метнул его в мужика, вознамерившегося умертвить цыганина из палки-грохоталки. Жертва осела на пульт, заливая все вокруг кровью.

Одновременно с этим Аксель, расстреляв на ходу оставшиеся патроны в работорговца, бегущего к Нику, очутился лицом к лицу с последним из противников. Цыганин запустил в него бесполезным теперь пистолетом. Мужик схватился за нос, винтовка грохнулась на пол. Откинув ее ногой, Аксель налетел на горемыку, судя по всему, рассчитывая забить его кулаками. Другое дело! Вот поступок доблестного воина! Грюн одобрительно хмыкнул и начал прикидывать добытое сегодня количество черепов.

А потом наступила тьма.

**

Николас подергал нож, но тот прочно засел в пульте. Пригвожденный работорговец гнусаво застонал. Валехо перебрался через завал из тел своих поверженных врагов, пнув по пути закопошившегося верхнего, поднял чью-то винтовку, выпрямился и увидел перекошенную харю стрелка, бегущего на него с «глогом». В следующий миг тому разнесло плечо, и он с воем закружился на месте волчком. Ник уложил его прикладом.

Инженер побрел вдоль пультов, рассматривая кнопки, рычажки, мониторы. Внезапно вырубилось электричество, подлодку сотряс тяжкий удар, а пол ушел из-под ног, точно субмарина, устав лежать на пузе, начала поворачиваться на бочок. Николас не верил в свое везение — похоже, запуск ракет по непонятным причинам сорвался.

**

Кирне нужен был противник! Еще хотя бы один! Оставался человек перед пультом, прокравшийся в лодку вместе с ними, на которого никто, кроме Туве, не обращал внимания. Может, его вообще не видели? Ну и не надо им. Блондинка метнула в неизвестного нож.

— Душенька, я же галлюцинация, — тот укоризненно покачал головой и, поцокав языком, собирался возвратиться к прерванной работе.

Как вдруг на него набросилась Туве. Обвив «галлюцинацию» руками и ногами, лишив всякой возможности нажимать на кнопки, дикарка повалилась вместе с ним на пол.

Словно в качестве запоздалой попытки пресечь кровавую баню погас свет. Кирна, боясь потерять в темноте Тайгерта (лодка явно накренилась), выставила руку вперед, туда, где, по прикидкам, лежал его труп. Ладонь наткнулась на слегка вибрирующую гладкую сферическую поверхность. Напротив лица Кирны зажглось несколько алых огоньков. Она, не задумываясь, саданула туда кулаком и шмякнулась на пол — рука не встретила никакой преграды. Вокруг талии обвился канат или щупальце, или что? Кирне почему-то вспомнился алювинский дракон. Девица попыталась закричать, но страх выпустил из ее горла лишь жалкое сипение. Следом наступило блаженное беспамятство.

**

Самоуверенность Декстера не знала границ, но идиотом он не был. Поэтому мудро принял решение не геройствовать в тесной, по его меркам, комнатушке с низким потолком, до отказа забитой людьми, вооруженными скорострелами. Разумеется, он мнил себя быстрее пули, но никто не застрахован от рикошетов.

По той же причине он помешал вступить в бой Тиане, для чего понадобилось применить во всех смыслах данного оборота речи. Девица лежала в безопасном месте, спеленатая оградительной лентой, в более мирные времена украшавшей ее внушительные буфера. Вряд ли случившееся сильно повредит их давшей трещину дружбе. Эльхаим до сих пор дулась на него за бессмысленную, по ее мнению, трату горючего на ярмарке. Из-за чего великолепный огнеплюй был нынче не полезнее Владилена, выведенного из строя тем самым рикошетом, которого опасался Тушкан, или Данике, укрывшегося неподалеку со своим нелепым луком наизготовку. Док знаками дал понять —

Владиленова рана не опасна. И то хлеб, как говорят грусские. А ему, Декстеру, следовало бы сказать: «И то тортилья», — хоть и звучало странновато.

Тиана активно мимировала, безуспешно пытаясь орать в оглушающем треске выстрелов. Декстер позволил взгляду отдохнуть на гневно подпрыгивающих Тианиных сиськах, голых, ввиду необходимости полосатой ленты на других частях ее тела, затем прочел по губам… очередную порцию угроз, скорее всего. Королевский Тушкан вздохнул и рассеяно отвел глаза. Мда, отношения с женщиной, основанные не на сексе, — далеко не самая лучшая идея в его жизни. Судя по гримасам девицы, уже в обозримом будущем им придет конец. Декстер ободряюще подмигнул скрючившемуся за нагромождением труб Данике, и тут помещение погрузилось во мрак.

**

Фиолетово-черный силуэт пропал, Туве сжимала в объятиях воздух, . Она видела, как в кромешной темноте, заполнившей зал, бесшумно плавают шарообразные существа. Девушка засомневалась, находятся ли они в мире, настолько тусклы были их ауры. Сферы подбирали длинными гибкими конечностями Тувиных друзей, складывая их внутрь себя, не тронули они только Джо и ее саму, а также людей с подлодки.

В воздухе разлился усыпляющий аромат сирени. Туве легла рядом с Хайдом, обняла его и закрыла глаза. Сейчас она все равно не смогла бы осмыслить новый поворот Колеса Вселенной.

**

Аксель очнулся от вопля Николаса: «Что, вашу ж мать, происходит!» Цыгане, присутствовавшие на субмарине — все, кроме Туве, Джо и Мэйби, очутились в просторной комнате без окон, с тремя рядами кроватей. Их вымыли (даже отдраили), обрили и одели в белые, типа фермерских, комбинезоны, легкие фуфайки и мягкие сандалии. Белье на койках сияло чистотой. Над единственной дверью висело табло, по которому бежала строчка: «Вы в карантинном блоке. Сохраняйте спокойствие». Рядом мигали цифры обратного отсчета, по истечении которого… Да какая, в конце концов, теперь разница?!

— Акс, будь другом, объясни, как все это понимать? — подступил к цыгану Валехо.

Остальные тоже глядели на него с плохо скрытой надеждой на комментарии. Аксель решил, что станет легче, если уйти с головой в прошлое, рассказывая Нику о приключениях табора. Так можно и время скоротать, и не думать. Не думать. Не думать. Забыть…

Глава 12

Я очнулась в своем жилом пузыре под надежными сводами Идэнского купола. Пустоши были грезой, мороком. Мэйби Туморроу никогда не покидала мирную роботскую обитель. Любопытной малышке простоприснился кошмар…

Я ощупала себя, однако следов ранений не обнаружилось, а значит, на подлодке меня не убивали. Отсутствовали мозоли, царапины, синяки, якобы заработанные за время путешествий, ногти оказались ровными и чистыми. Почему тогда я так ярко помню зуд в ладонях от неудачного приземления в куст шипоцвета, запах сигарет, боль от попадания пуль и вкус крови во рту?

Наверное, будь я постарше, мой разум загнал бы «ложную» память подальше. Вместо этого он предложил осмотреться.

По заведенному в Идэне порядку я отправилась в столовую. Мне нужен был Срам – уж он-то не соврет! Дед сидел в секции для пожилых. С каких это пор идэнцев делят по возрастным группам? Ай, ладно! Так на моем счету появилось нарушение. Невзирая на предупреждение железной няньки, я вторглась на территорию старичья и назначила Сраму свидание. Полдела сделано, теперь завтракать.

На моем столике возвышался гребаный торт – следовательно, Мэйби нынче исполнилось шестнадцать… Ох, да ведь завтра для меня подберут жениха! Час от часу не легче. Ко мне потянулись с поздравлениями доброхоты, претендующие на свой кусочек лакомства. Не вникая в смысл, я выслушивала речи, вяло отвечала на улыбки и вдруг поняла – вокруг каждого человека имелась аура. Но разве способность видеть ее появилась у меня не в *тех* пустошах из сна?

После еды состоялся разговор со Срамом, не принесший ни капли облегчения и только умноживший количество вопросов. Старик практически ничего не помнил, позабыл даже большинство своих побасенок.

– Порой и вчерашний день заволакивает дымка, Мэйби, – с горечью признался Срам, крепче сжимая переплетенные на коленях узловатые пальцы. – А ты, девочка, просто наслушалась моей брехни,

начиталась книг да насмотрелась фильмов. Зря вам, молодым, позволяют шастать в библиотеке и кинозале. Не к добру это. Ты бы обратилась в медблок.

Одно радовало – по утверждению старика, все-таки четыре месяца пролетели и здесь. Впервые мне в голову закралась мысль, что роботы прихватили с подлодки и моих друзей и они тоже томятся в Куполе. Я, как сумела, описала Сраму цыган и попросила сообщить, если он кого-то из них встретит. Дед поглядел на меня с жалостью, правда, обещался исполнить поручение.

Еще оставался аварийный шлюз, через который четыре месяца назад я вылезланаружу, но в стенахне нашлось ни трещинки. Единственная зацепка за мир из моего сна – тувячьи анима-глупости… Судя по всему, мне действительно следовало наведаться в медблок. Однако терять пусть нафантазированные, но яркие и живые воспоминания я не желала. Реальность Идэнского купола похожа на еду, которой тут кормят, – питательную, но безвкусную. Кому, как не мне, знать это.

Вечер я посвятила просиживанию штанов в библиотеке, откуда, к сожалению, пропали многие любимые мною книги. Ну, зато я выяснила наконец все о физиологии взаимоотношений между мужчиной и женщиной, о беременности, родах, детях… Лучше бы я оставалась в счастливом неведении!

На следующее утроко мне за стол присел мужчина средних лет с физиономией отъявленного мерзавца, изящными нервными руками и высоким слегка хрипловатым голосом. Неужели это мой «жених»?! Угрюмо зыркнув на него, я уткнулась в тарелку и принялась с фальшивым усердием ковырять пластиковой ложечкой белесую кашицу.

– Здравствуй, пупсик! – сладенько воскликнул незнакомец.

Я подняла глаза, намереваясь ответить ему в стиле Тома Мэйби, но слова застряли у меня в горле – ауру этого человека невозможно было с чем-то спутать. Передо мной вальяжно развалился на стуле тот, кто, по мнению Туве, похитил у нее Джо, тот, кто незримо присутствовал на эчеверийской субмарине. Наверное, выражение моего лица подсказало ему, что процесс узнавания идет полным ходом.

– Позволь представиться, Мэйби: Максимилиан Фрай, – мужчина шутливо поклонился, а потом сбросил свою порцию пищи в мусорное

ведро. – Не очень приятно жрать эту гадость, а?

Как ни странно, на его действие не отреагировал ни один робот, хотя отказ от еды считался отклонением от нормы, поведением, неподобающим для индивидуума.

– Вы не житель Идэна, – пробормотала я.

– С чего ты взяла, малышка? – ухмыльнувшись, спросил Фрай. – Вдруг я родился вне Купола, как Срам?

– Нет. Здесь все рожи пресные, теперь даже у старика.

– Бинго, карамелька моя! Конечно, я не отсюда! – весело заорал он, опять-таки не вызвав ни малейшего волнения среди робонянек, а потом заговорщицки шепнул: – Я из *той* реальности, которая приснилась тебе вчера.

Ложка выпала у меня из пальцев, к горлу подступила тошнота. Видимо, до сих пор я не вполне верила в правдивость собственных воспоминаний. Итак, умопомешательство зашло дальше, чем мне показалось сначала, – вот, галлюцинации выбрались наружу средь бела дня.

– О, не погружайся в недра паники, сердце мое! Глюков у тебя нет. И Аксель был, и табор, и взрывы, и огромный сурок в двести пятьдесят четыре кило весом. Твое присутствие в куполе не менее реально. Впрочем, на твоем месте, Мэйби, я бы себе не поверил. Но… – Фрай перегнулся через стол и внес свое первое предложение: – Тебе же не хочется застрять тут навсегда?

Мы условились встретиться вечером в моем жилом пузыре. Целый день я места себе не находила, а после ужина помчалась домой на всех парах. Но отнюдь не из-за стремления поскорей поболтать с Фраем. Просто роботы уже начали сыпать мне в еду стимулятор, заставляющий семейные пары исправно пополнять население Купола. Ведь железные остолопы считали мистера галлюцинацию моим «женихом».

Ворвавшись в пузырь, я с ужасом обнаружила Фрая возлежащим на кровати.

– А вот и ты! Я уж заждался, переволновался даже, – глумливо заявил он, наблюдая, как я жмусь у двери. – Не пойму, чего ты так раскраснелась? Ах да! Дурья моя голова, не предупредил: возбудитель для невесты никто не отменял!

– Так ты этого добивался? – поперхнулась я вопросом, подразумевая предстоящую сцену на брачном ложе.

– Твое предположение оскорбительно для меня, человека высоконравственного и, между прочим, женатого! – с напускной обидой изрек Фрай и ехидно добавил: – Я уважаю глубокие чувства, твои к цыганину – в том числе. Мне просто нужно потолковать с тобой.

– Сейчас конструктивного диалога не получится, – через силу просипела я.

– Ну ладно, твоя правда, рафинадинка. Придется помочь. – Мужчина лениво встал и направился ко мне. – Закрой глаза, открой ротик!

Подобное предложение не могло прийтись мне по вкусу, но выбора-то не было. Что ж, если говнюку взбредет в голову отыметь меня в *у*ста *сахарные*, я откушу его *имелку* под самый корешок. Однако на язык мне упал горький кругляш, который Фрай посоветовал незамедлительно проглотить. После чего разрешил открыть глаза.

– Лучше? – участливо поинтересовался он, вновь обосновавшись на кровати.

– Да, – подтвердила я. – Итак?

Сидеть рядом с ним не хотелось, поэтому я плюхнулась прямо на пол у стены. Мужчина усмехнулся, видимо, угадав мою неприязнь, но не прокомментировал. Напротив, его голос лишился малейших намеков на иронию. Он быстро изложил суть дела. Ему нужно было мое сотрудничество при побеге из Купола, когда он завершит *дела*. О подробностях Фрай умолчал. Я пыталась вяло спорить, но он пригрозил, что оставит меня в Идэне. Пришлось подчиниться.

В сказках так заключают сделки со злыми силами: герой подписывается кровью в конце длинного свитка с мелким текстом, следом на него сыплются блага. Платой, правда, является душа или жизнь, но в моем случае искуситель ничего такого не требовал. Я всего лишь кольнула булавкой палец и мазнула им по чистой бумажке.Вероятно, Фрай взыщет с меня сполна позднее.

Дальше последовали полгода ожидания. Нет ничего тягостнее! А ведь жизнь состоит из бесконечных периодов, когда ждешь чего-то, и коротеньких мгновений, когда получаешь желаемое. И зачастую в эти мгновения испытываешь разочарование…

Моих друзей с неделю продержали в карантинном боксе и выпустили одного за другим, пустоголовых, но наивно счастливых. Не хватало троих. По словам Фрая,Джо и Туве пропали бесследно, а вот Королевский Тушкан угодил в экспериментальную лабораторию, где, ясное дело, ничего хорошего ему не светило. Тогда-то мой благодетель и явил мне бездну своей щедрости. Он согласился спасти Декстера, не выпуская его, впрочем, на основную купольную территорию, подтасовал результаты выбора моей пассии, вписав туда Акселя, объяснил, каким образом подтолкнуть процесс возвращения памяти моим друзьям. Кажется, я все глубже увязала в долгах.

**

– Привет, меня зовут Аксель Грин.

Цыганин появился в столовой с неделю назад, последним. Остальные уже не только вовсю обживались в Куполе, но и, похоже, начали видеть *странные сны* – из их пустых глаз потихоньку исчезала умиротворенность. Акселевы же голубые блюдца по-прежнему сияли безмятежностью. Сейчас они вперились в мою физиономию – хлоп-хлоп ресницами.

– Я так рад, – несколько смущенно продолжил он, не дождавшись ответа. – Мне уже четыре года ищут пару. Ты симпатичная.

Блин! Память Акселя еще дрыхла где-то в недрах его головы, ничем не выдавая своего присутствия. Ну, волноваться пока было рано – Фрай предупреждал, что у всех индивидуальный период возвращения из *небытия*.

– Рада знакомству, Акс. Я Мэйби. – Улыбнувшись, я протянула цыганину ладонь.

Он удивленно глянул на меня, потом неуверенно пожал мою руку. Из обихода идэнцев исчезли сленговые словечки, жесты, предполагающие соприкосновение с собеседником, *громкие* эмоции. Я же изредка позволяла себе нарушать эти правила.

В течение дня я изучала ошметки прежнего великолепия Акселевой личности. Рядом со мной находилсявафел, только внешне напоминавший цыганина, мнящий себя фермером и не допускающий мысли о жизни в пустоши. После ужина, когда нас обоих приперло, а Фрай с таблеточками, надежно спасавшими меня до сего вечера, не пришел, мои нервы сдали, и яразрыдалась. Не подозревая об истинной причине слез, Аксель воспринял их, как боязнь *первого раза.* Его

неуклюжие утешения лишь растравили мою тоску. Еще утром все представлялось мне игрой, которую я легко завершу, едва надоест. Но перспектива существования рядом с пустой оболочкой любимого (пора бы признать) мужчины испугала меня до дрожи. Тем не менее выгнать Акселя я не могла, равно как и отказать ему. Эх, Туве, теперь-то мне понятно твое отношение к Джо, но я не смирюсь.

Фрай пропадал целый месяц. Мне уже чудилось, что *того* сна и не было вовсе, когда однажды ночью мерзавец подстерег меня в ванной. Он сидел на крышке унитаза, скучающе выцарапывая ногтем узоры на куске мыла.

– Вот это да! Я уж боялся, вы никогда не кончите. Молодо – зелено, – Фрай осклабился и деловито полюбопытствовал: – Как он тебе, твой ненаглядный жеребец?

– Почему к нему не вернулась память? – процедила я.

– Ярискую слишком многим и не имею права на ошибку. Вдруг тебе покажется, будто старина Фрай не нужен и вы вылезете отсюда сами? Так вот, если ты, сладенькая, сорвешь нашу сделку, твой дружок останется кретином на всюжизнь.

– А ну как ты блефуешь? – я резко прыгнула на него и едва не треснулась лбом о бачок: Фрай очутился позади меня, то ли проявив феноменальную ловкость, то ли свое колдовское могущество.

– Пора бы тебе уразуметь, с кем ты имеешь дело, – он ухватил меня за шкирку и потащил на улицу.

Аксель стоял к ванной в пол-оборота, поправляя смятую постель, и не заметил нас, даже когда я заорала во все горло. Мой супруг преспокойно лег, укрылся одеялом и закрыл глаза, видимо, полагая, что я вздумала понежиться в душе.

– Неплохо, правда? – прошипел мне в ухо Фрай. – Яумею быть незаметным! Если ты, дрянь, откажешься помогать или, чего доброго, станешь мешать, я избавлю тебя от никчемного куска мяса по имени Аксель. Вы оба и пикнуть не успеете! Как?

Фрай увлек меня в ближайшую рощицу, достал из кармана оружие, копию Тайгертова *лучемета,* и направил его на живую изгородь из лавровых кустов. Верхушки их сбрило фиолетово-розовым потоком, который вдалеке сверкнул по оболочке Купола, не причинив ей вреда.

– Я тут садовничаю, но подрезать кусты секатором долго и муторно, – Фрай словно забыл, зачем привел меня сюда. Он отпустил мою фуфайку и вновь заулыбался.

Ему ничего не стоило уничтожить меня и моих друзей. Хоть всех идэнцев! Да вот беда: выпилить дверь этой штуковиной Фрай, похоже, не мог. Пока не выяснено, какая конкретно помощь ему нужна, это наблюдение ничего не давало, кроме возможности тихонько ехидничать над говнюком. Но проболтаться способен всякий.

Отныне моей задачей стало заморочить Фраю голову притворной кротостью. Он больше не вспоминал о нашей размолвке, частонаведывался в гости, наверное, от безнадежной скуки, подолгу трепался со мной, виртуозно обходя, однако, вопрос нашего сотрудничества. Его откровенность даже пугала – в фильмах судьба чересчур осведомленных персонажей незавидна.

Как-то я потребовала у Фрая найти мне интересное занятие. И онсоизволил «занять размышлениями мою ниточку между ушей, чтобы она не провисла от безделья», не преминув попенять мнеза пренебрежениек сборищам анонимных пустошеголиков и к супружеским обязанностям. Как ни хотелось мне надерзить ему, пришлось прикусить язык.

Мы направились к новостройкам.

– Держись поближе, карамелька моя, если не планируешь привлечь всеобщее внимание, – Фрай для надежности взял меня под руку.

Роботы усердно возводили домики, будто готовились к невероятному демографическому взрыву. Помимо того, освободились многие заселенные. Так однажды пропал Срам, да и вообще, стариков становилось все меньше. В нужном нам квартале железяки сновали туда-сюда, а пузыри росли как на дрожжах.

Фрай выбрал законченный домик и завел меня внутрь. Ненадолго отпустив мою руку, он поднял одну из плит напольного покрытия. Под ней между переплетениями проводов и труб имелся приличный зазор, достаточный для меня или моего спутника. Фрай порекомендовал не задевать коммуникации во избежание удара током, застревания и других казусов такого рода. Я, конечно, сразу прикинула шансы пропихнуть сюда Грюна или Ника, но они, пожалуй, толстоваты, а вот остальные – протиснулись бы.

Внизу было душно и темно. Но Фрай отлично ориентировался, и вскоре мы вышли в освещенный коридор.

Устройство подземной части Купола отдаленно напоминало убежище в Шинкэте, даром что помещения приспособляли не для людей. Еще почему-то везде горел свет. Вроде бы, зачем освещение роботам? Кто их разберет! Местами пол устилали кабели, и тогда Фрай искал прогалину среди них либо трубу, по которой мы сумели бы безопасно пройти. Коридоры, комнаты и залы порой располагались на разных уровнях – приходилось карабкаться. Полегче стало, когдамистер глюк «заарканил» сервоублюдка.

– Хватит прогулок пешком. Я слишком стар для этого дерьма! – воскликнул он, усаживаясь на черепашью спину робота и помогая взобраться мне. – И так целыми днями здесь валандаюсь. А все, между прочим, ради вашего освобождения из рая. – Мужчина прижал руки к груди, затем простер их вперед в патетическом жесте.

Экскурсия продолжилась. Фрай показал мне родильный зал, медицинский отсек, конвейер переработки. От первого и до последнеговздоха человеческое существо находилось под неусыпным контролем. Я видела, как в Купол подкачивают извне воздух и воду, многократно очищая их. Там подтвердилось, что роботы воздействовали на сознание жителей Идэна, – им стоило только пустить по каналам вентиляции газ или добавить в еду и питье нужные вещества. Причем все высчитывалось с максимальной точностью, исключая практически любые передозировки даже в случае централизованного применения. Как пояснил Фрай, роботы могли погрузить весь Идэн в *анабиоз*, и при пробуждении никто ничего не вспомнит, вернее, вспомнит, но по-новому. По его мнению, искусственный интеллект, правящий Куполом, «перезагружал» население не раз и не два – в лабораториях имелись предыдущие версии. Попадались там и мои «родственники». А один из залов наполняли точные копии Мэйби Туморроу, по крайней мере, отличий я не обнаружила.

«А если меня вправду убили на подлодке? И теперь я – это не я», – мелькнула гаденькая мысль, тут же поддержанная Фраем.

– Полезно иметь в закромах парочку клонов. Ранило, покалечило, а ты, оп, и заново родился! Хотя я предпочитаю лечиться, ведь огромная часть жизненного опыта хранится не в мозге, – вещал он.

Вдруг, после непродолжительной паузы, Фрай с наигранным весельем больно хлопнул меня по плечу: – Нет, ты только посмотри на это великолепие! А собрано-то на коленке, *из говна и палок*! Как и весь ваш чокнутый мирок!

Фраю было неинтересно углубляться в недра истории, поэтому узнала я немного. По его словам, цивилизация на планете Эос возникла не случайно – после древней Вселенской *войн*ы здесь спаслись горстка *колонистов* и остатки *космической эскадры*.

Когда закончились противники, боевые роботы, созданные одной из ста*рших рас*, оказались не у дел. Они переосмыслили команду «защищать разумную жизнь», решив возродить ее. Эос стала идеальным полигоном. На беду, искусственный интеллектИдэна не вполне понимал своих подопечных. Под начало роботов попали люди, а не эста*ри* – речь о двух родственных, но разных народах. Мне сразу же припомнилась цыганская легенда о Старших Братьях.

– Не могу точно сказать, кого ты именуешь братьями. Вы тут на Эос, скорее, детишечки людей и эстари. Мы посеяли семена по всей Вселенной, а теперь пришло время пожинать урожай, – мистер Фрай самодовольно надул щеки, не сообразив, что сболтнул лишнего.

– Кто «мы»? Ты и себя причисляешь к сеятелям? – я немедля ухватилась за ниточку, вызвав у собеседника страдальческий вздох.

– Поговорку про любопытную Варвару слышала? Хотя куда там! У вас, поди, Тамара или вообще какая-нибудь Бычара, – Фрай взглянул на меня с фальшивым состраданием. – Все тут шиворот-навыворот, – он помолчал, потом шлепнул нашего «скакуна» ладонью и продекламировал: – Я родом с Земли…

– Стой, разве земля и почва – не одно и то же?!

– Не перебивай старших, Мэйби! – окоротил меня Фрай. – Земля – это Колыбель Человечества. Ее история насчитывает десятки тысяч лет, за которые сформировался *хомо сапиенс,* Человек Разумный, Человек Истинный. А идэнские дуболомы захотели ускорить процесс. Глупая задумка глупо же и закончится. Роботы, как и их гордецы-хозяева, возомнили себя творцами. Вот люди, они никогда не совались в чужие дела... Кстати, эстари, насколько мне известно, исчезли – они вам не помогут. Плачь, если ваше послание отправилось к ним. Земляне же лишь приглядывают за Эос.

– Конечно, зачем помогать? Если мы станем сильными, вам это будет невыгодно! – стало обидно даже, я ведь привыкла к морали цыганской дружбы.

– Сильными?! – Фрай загоготал и чуть не скатился с роботского панциря. – Лапонька, вы погубили свою цивилизацию! Прости, ты-то ни при чем – не участница, даже не родня всем этим кретинам. А они, уж поверь, справятся с организацией пиздеца еще раз, и еще, если понадобится.

– Хм, может, землян заинтересовал эксперимент со мной? – зашла я с другой стороны.

– Нет, я здесь не затем. Прекрати выкручивать мне яйца, Мэйби!

– Скажи спасибо, что не откусываю! – парировала я. – Но если вы лишь наблюдаете, зачем ты вмешиваешься? Кто подначивал Тиану? Кто выкрал Джо? Наконец, кто копался в пульте управления подлодкой?

– На какой же вопрос ответить сначала? – Фрай задумчиво покусал костяшку большого пальца. – Или, не морочась, треснуть тебя по башке? Впрочем, так не интересно. Я люблю баловать детей, терпеть не могу, когда младенчик плачет. Тианочка без взрывов – кто она? Пустышка. А так – *яркая* личность! Как она наслаждалась каждый раз, когда удавалось что-нибудь поджечь! Касательно Джо, гм-гм… Он в итоге попал не совсем по адресу, но и там пригодился. Без него Тайгерт на субмарине остался бы обычным варваром, а с его помощью обрел власть. Ненадолго, правда, – даже я не всеведущи не сумел предречь ему вашего появления. Зато какая драма! Сколько действующих лиц, сколько завязок для новых интриг! Каюсь, я порой не отказываю себе в удовольствии подтолкнуть вас к наиболее красочному сюжетному повороту.

– Избалованное дитя становится неуправляемым.

– Да мне насрать. Вы же не мои дети.

Если кто-то утверждает: мол, мне ничего не нужно, следовательно, ему нужно все, – такова старинная мудрость. Однако отыскать в паутине ходов Фрая исток пока не получалось. Он не пер к своей неведомой цели напрямую, а ловко пользовался посредничеством той же Тианы, меня вот, хрен знает кого еще.

В завершение нашего вояжа по катакомбам Фрай окончательно подцепил меня на крючок. Он огласил мои обязанности, после

исполнения которых воротится Аксель, и, кроме того, отдал мне в руки судьбу ненавистного Купола. От меня требовалось всего-навсего включить Главный компьютер и запустить некую программу. А в конце я сама решу – быть Идэну или не быть.

**

Я внимательно следила за своими друзьями, подстерегая светлый момент, когда они забросят свои горшки, минипигов, вязание крючком, садовые совочки и гравюры, жен и мужей, наконец. Ну почему чистенькие стены, посыпанные песочком дорожки, белые скамейки раздражают только меня?!

Как я поняла, роботы не стирали личность целиком, а лишь умело перекраивали. Яркие впечатления, радости и печали отсеивались, оставалась серая основа повседневности. О да, искусственный интеллект внес коррективы в свою политику, касающуюся человеческой памяти и жизненного опыта. Теперь никто не рассказывалбаек в духе Срама про веселые ста*рые добрые деньки*. Железные ублюдки искоренили у подопечных всякое недовольство существованием в Идэне. Почистили и библиотеку с кинотекой, оставив там беззубые мелодрамы, комедии, исторические хроники, популярные журналы о науке. Меня от прочистки мозгов уберег Фрай, хотя, по-моему, этот пункт своего плана он продумал плохо: проще же договариваться с Мэйби-паинькой, каковую из меня непременно сделали бы роботы, чем с Мэйби-злючкой. С другой стороны, вести дела с человеком вроде нынешнего Акселя – удовольствие так себе.

Первым «очнулся» Данике, и прозрение так испугало его, что он незамедлительно побежал в медблок. Но вернуть утраченный покой это не помогло. Прошлое ворвалось в настоящее с бесцеремонностью шайки мотоциклистов-головорезов. И док принялся задавать вопросы.

Общая беда быстро объединяет. Некоторое время цыгане простоизумлялись вычурному своеволию подсознания. По предположению Данике, мы стали жертвами некоего психологического эксперимента. Никто с ним не спорил. Но в большей или меньшей степени все поверили своим воспоминаниям, тем паче они были куда интереснее купольных будней. Как справедливо рассудил Ник, реальность того или иного жизненного явления всегда можно подвергнуть сомнению и погрузиться в безумие. Мы сделали допущение иждали случая, который уничтожит или оправдает его.

Мое возрождение после гибели на подлодке, а также отсутствие привычных Акселя и Тианы на фоне всего остального воспринимались легко. Чудеса мироустройства Идэна намекали, что для роботов нет ничего невозможного. Принадлежность Тома к женскому полу подтвердила Кирна, заметив заодно, что перевоплощение никоим образом не избавляет от возмездия за испорченную шляпу. Которое она, ввиду обстоятельств, решила пока отложить. Впрочем, почему бы роботам не сделать из мальчика девочку? Тоже вариант.

К сожалению, Тианины изменения оказались сродни Акселевым. Сны ее посещали, однако она яростно их отрицала. Аксель же смирился с необходимостью сопровождать меня на *конвенты* фантазеров. Он вообще стал на диво кротким – эдакий младший братец, задавленный авторитетом старшей сестры.

И вот однажды на наше сборище пожаловал Фрай собственной персоной, отсутствовавший до того пару месяцев. Он возник из-за жилого пузыря, катя перед собой газонокосилку. Странно, как это мы не услышали его приближения? Фиговина тарахтела, как насквозь проржавевшая машина из пустошей.

– Ребятки, ваши рандеву начинают беспокоить наших металлических друзей, – весело заорал Фрай, выключив садовое чудище и помахав нам рукой.

– Это что за хрен с горы? – Кирна смерила пришельца недобрым взглядом.

– Разве Мэйби вам не рассказала? – мистер мираж с фальшивым огорчением обхватил щеки ладонями и покачал головой. – Я прибыл сюда, чтобы вкусно жрать, сладко спать и между делом спасать ваши задницы.

– Фрай, – коротко бросила я.

Аксель дернул меня за рукав и сердито зыркнул на гостя.

– Кто это?

Я шикнула на супруга. Обычно каждое наше собрание завершалось крикливыми протестами Акселя против *кое-чьих* извращенных фантазий и планов. Все уже притерпелись к его нытью и к нашим семейным перепалкам. Нынче претензии свелись к страшным взглядам и шепоту – не иначе Фрай напугал Акселя, поэтому он не осмеливался выступать громко.

– Хм, нейробиологический эксперимент выходит на новый уровень, – пробормотал Данике. – Замена или внедрение коллективных воспоминаний уже были, теперь настала очередь галлюцинаций.

– Док, док, тише, – Фрай подошел к нам, извлек из нагрудного кармана пузырек с оранжевыми пилюлями и потряс им перед носом Данике. – Сейчас у вас в мозгах окончательно прояснится.

Мои друзья получили по капсуле и в нерешительности рассматривали «подарки».

– Это почти как ваши «успокойменяшечки», док. Кушайте на здоровье, друзья мои, – Фрай убрал склянку. – А для тебя, Акселечек, я таблетки не припас. – Он развел руками. – Мэйби, наш договор в силе?

– Лично я ему не верю, – проворчал Николас.

– Шел бы ты отсюда, – проворковала Кирна, взвешивая на ладони садовую тяпку. Грюн по-бычьи нагнул голову, хрустнул пальцами. Владилен Михайлович хмурил брови. Упрямый Данике пытался щипками за нос и щеки вывести себя из-под гипноза.

Я ожидала чего-то подобного, но надеялась, что они воспримут Фрая спокойнее. По словам Данике и Владилена, на сей раз вынесших единогласный вердикт, определить, как роботы перекрывают отделы сознания, нереально, настолько широк спектр средств и методов. Акселеву личность надежно пленили, да и у остальных имелись помутнения в памяти, с каковыми, похоже, они решили смириться – не выкинули пилюли только Данике да Николас. Впрочем, раз Фрай почему-то не может выбраться из Идэна без нас (меня), мы пока слегка поартачимся. Хотя напрасно я рассказала ребятам все…

Благодетель обидчиво надулся губы и отчалил. Его фигура маячила на краю поляны немым укором моему коварству.

– Но в одном твой дружок прав, Мэйби, – Валехо поскреб подбородок, – пора отсюда сваливать.

– Куда? – Аксель в ужасе вылупился на Ника.

– Туда, где ты правил караваном и стрелял в людей, старина, – терпеливо, в хрен-знает-какой-раз пояснил инженер.

– Мэйби, это уж слишком! – цыганин капризно отбросил мою руку и ухватил меня за плечи. – Нам пора домой! Мне надоели басни про наши, в том числе мои, «подвиги»! Идэн – единственное место, где может жить нормальный человек!

Это был бунт. Аксель тряс меня как куклу (странно еще, как набивка не посыпалась) и вопил мне в лицо. Но бунт беспомощный и жалкий, мигом пресеченный Кирной, – она треснула цыганина в ухо.

– Поверь, – рыкнула блондинка, – я действительно способна ударить человека!

Та часть историй, где мы калечили, убивали и взрывали, особенно нервировала Акселя, «истинного сына» Идэнского купола. Правда, как и всепрочее, он считал ее бредом. Который сейчас прорвался наружу – ухо распухло.

– Серьезно подумай, нужно ли брать этого увальня с собой, – заметила Кирна.

– А ты бы оставила здесь Сагерта? – ответила я.

Девица неопределенно хмыкнула.

Тем временем Ник разработал план: поймать робота, разобрать его, найти *фотоэлемент* (или нечто заменяющее его), открывающий двери, и выйти. Вот это «и выйти» виделось мне самым слабым пунктом замысла – где ж та дверь, которая ведет на свободу? Мне же Валехо дал особое задание –скормить хоть одну пилюлю Акселю. Естественно, упрашивать упрямца пришлось долго. Пока я обхаживала супруга, цыгане изловили робота-няньку и ознакомились с его богатым внутренним миром.

Николас воспользовался стремлением жестянок поспешать на помощь любому страждущему. Инсценировали падение Владилена. Роняла дедулю Кирна, поэтому заголосил он ну очень натурально. Уже через несколько секунд над Птицыным завис шар, пропиликал нечто, наверное, успокаивающее, и протянул к нему щупальце. Тут на робота накинули загодя приготовленную Никову фуфайку. Робот запищал громче, дернулся. Кирну, державшую ловушку, приподняло от земли и потащило. Грюн с ревом бросился на помощь, вцепился в фуфайку, вырвал ее из рук девицы и, хорошенько замахнувшись, треснул роботом о скамейку. Шар затих. Охотники развернули ткань.

– А он чувствует боль? – полюбопытствовала Кирна.

– Нет, только неисправности, – ответил ей Ник, внимательно исследуя поверхность сферы.

– Жаль. – Девица сразу потеряла интерес к железке.

Видимых сочленений на сфере не нашлось, и Ник в поисках шва принялся колупать еесадовыми ножницами. Наконец лезвие попало в

совершенно незаметную глазу выемку. Инженер пристукнул по ручке кулаком и робот раскрылся.

– Леденчик мой, – обратился ко мне Фрай, подкравшись поближе, – я бы на твоем месте не позволял своим сумасшедшим друзьям решать судьбу Акселя. Занятно, конечно, чем закончатся ваши попытки сбежать отсюда самостоятельно, но мое терпение не безгранично. Не забывай, я могу снять с вашей компании защиту, тогда железяки оживятся,сцапают вас и, вероятно, отправят на конвейер. Сделка аннулируется, но тебя-то я заставлю соблюсти все детали.

Мужчина явно нервничал, но виртуозно скрывал волнение. Я, однако, достаточно хорошо его изучила.

– Фрай, дай ребятам поиграться. Разумеется, им хочется сделать всесамим. Кстати, направлять нас исподволь тебе никто не мешал.

Ой-вай, уши под лапшу подставлять успевай! Интересно только, у кого лапши в запасе больше? Тем не менее мистер глюк поостыл.

– Предположим. Но помни, я с тебя глаз не спускаю! Между прочим, зря вы цыгану таблеточку отдали. Не в коня корм! – Фрай хохотнул и убрел под сень яблонь неподалеку, предоставив нам мнимую свободу действий.

Для начала мы направились к уже проверенному мною аварийному шлюзу. Там ничего не изменилось – по-прежнему голая ровная стена. Зато, как предположил Николас, сюда когда-то подвели кабели, которые могли оставаться на месте и сейчас. Он пошерудил в мешанине проводков, лампочек, пластинок и другой дребедени внутри «убитого» робота, что-то с чем-то соединил и провел получившейся штуковиной у стыка стены с грунтом. Мигнул огонек. Забыв про осторожность, Валехо радостно гикнул и направился к зданию библиотеки, поманив нас за собой. Не пройдя и десяти метров, мы притормозили перед кустом сирени. Николас побродил вокруг и заявил, что именно отсюда выныривает пучок проводов, питавших когда-то механизм шлюза. Предстояло выкорчевать растение.

Валехо с преувеличенным усердием принялся ковыряться в своем «инструменте», как бы намекая – садовником он быть перестал, в нем снова возобладал инженер, и копание отныне вне его компетенции. Грюн чуть не сломал совочек и потянул спину, применив давно простаивавшую силушку чересчур рьяно. Мы с Кирной уже

приготовились включиться в борьбу с зелеными насаждениями, когда Владилен Михайлович, поплевав на ладони, потребовал пустить его.

– Акс, помоги дедушке! – подтолкнула я цыганина.

– Только если ты, Мэйби, отправишься со мной домой, – муж сложил руки на груди и выжидательно замер.

– Хорошо, милый. – Я обворожительно улыбнулась, оттирая от Акселя Кирну, явно желавшую подкрепить мою просьбу бодрящим пенделем.

Иногда покладистость супруга бывает полезной. И доверчивость, конечно. Я пользовалась этими его новыми качествами довольно часто и с содроганием думала о предстоящем возмездии. Аксель такого мне не спустит. Если вернется.

Вдвоем мужчины довольно быстро вынудили куст посторониться. Вкапываясь под корни, они наткнулись на твердую поверхность, оказавшуюся люком в колодец. Николас приложил к нему роботский «пропуск», и нас оглушила сирена. Вой должен был поднять всеживое в Куполе, но никто не прибежал ни через секунду, ни через несколько минут. Фрай издалека с издевкой похлопал нам в ладоши. Валехо попеременно выкладывал на гладкой крышке различные детали из нутра многострадального шара – ничего не происходило. Аксель пытался увести меня, однако присмирел под взглядом Кирны.

Наконец Ник признал грубую силу единственным способом отворить люк. Крышка была необычно тяжелой, хотя толщина листа не превышала, по прикидкам, и пяти миллиметров. Зазор между ней и горловиной колодца еле прощупывался. Щель расширили ножницами, потом в ход пошел совок, следом Птицын рискнул просунуть туда пальцы. Поднатужившись, покряхтев, он приподнял крышку. Тут уж ему на помощь ринулись остальные. Чуть только пластина оторвалась от ложа на локоть, она потеряла вес, и работнички едва не ухнулись вниз. Открывшийся лаз вел в освещенную часть подземного Идэна.

Бережливая Кирна не захотелабросить крышку, доставившую столько хлопот. Блондинку обуревали идеи продать ее на воле или, на крайняк, сделать из нее щит. Поэтому дырку прикрыли кустом. Николас, вероятно, из схожих соображений, прихватил с собой оболочку робота-няньки.

Честно говоря, спустившись под землю, я начала разделять мнение Акселя – кой черт понес нас сюда? Из одного из

перпендикулярных коридоров до меня долетел глумливый бубнеж: «Скоро рассвет, выхода нет, ключ поверни и полете-е-ели»… Фрай, насколько я помню, не полезза нами в колодец, но его фигура мелькала то там, то сям на нашем пути. Чему удивляться? Если он действительно бродил по лабиринтам все полгода, то изучил, поди, каждый закоулок. Однако подсказывать мистер глюк не собирался. Впрочем, немного погодя у Ника и Данике возникла вполне определенная идея. Они надеялись найти информационный узел, то есть мозг и сердце Купола. Логично предположить, что двигаться следовало к центру, то есть к самому защищенному, по нашему разумению, месту в Идэне.

Схема помещений подземелья представляла собой несколько колец, пересеченных радиусами коридоров. Так вот, после запутанных улочек любого крупного города пустошей это детская забава. Жаль, не удалось оседлать парочку сервороботов.

После знакомства с конвейерной, где туши, в том числе людские, превращались в питательную массу, Аксель прекратил ныть, оживился даже. Наверное, он решил, как когда-то Срам, будто жестянки разводят обитателей Купола себе на корм. Я не стала его разубеждать.

Во втором или третьем кольце мы обнаружили музей, про который Фрай вещална экскурсии. Тогда он не пожелал его посетить. Я бы обошлась без этого визита и сейчас, но болезненное любопытство заставило нас пройтись между стеллажами с колбами, аквариумами, предметными стеклами. Из-за толщи консервирующей жидкости таращились существа, попавшие сюда не иначе как со страниц сказок, и самые обычные люди, знаменуя собой то ли достижения роботов на пути к созданию цивилизации на Эос, то ли демонстрируя отклонения от норм. Таблички были на неизвестном языке. Для кого они предназначались? Уж не для сгинувших ли роботских хозяев?Ну, где годовалый младенец, где женщина-змея, а где сурок обыкновенный, мы и без них догадались. Когда на полках показались прозрачные вместилища отдельных органов, все рванули обратно.

Пожалуй, Декстер должен благодарить наши ослабшие нервишки: если б цыгане бесстрашно прошествовали сквозь музей до конца, он пополнил бы собой экспозицию. Но, спасаясь от жуткого зрелища, Аксель свернул не в ту дверь и попал в лабораторию, где существа в колбах еще не перешли в разряд экспонатов. При нашем появлении

пленники заволновались. Мы не слышали их призывов – лишь стук. И громче всех долбил в прочное стекло Королевский Тушкан.

Валехо постарался вникнуть в мудреное управление чужеродной техникой, к которой подсоединялись колбы. Перед ним в воздухе выскакивали мерцающие окна и загорались какие-то значки.

Остальные рассматривали узников и пытались общаться с ними жестами. Владилен ахал и охал рядом с шаром, где метались натуральные феечки. Собственно дед первым обнаружил две вещи: емкости нельзя уронить или снять с постаментов и трудно разбить. В его случае – невозможно. Кирна любовалась мальчиком в чешуе, девушкой с кожей нежно-зеленого оттенка и крошечным человекообразным ящером цвета индиго. Интерес ее имел вполне определенную направленность – она оценивала их примерную рыночную стоимость.

– Нужно всех освободить! – воскликнула блондинка и, облизнув губы, тихо добавила: – За любого из них отвалят целое состояние!

– Кирночка, так нельзя! – возмутился Птицын.

– Они все равно не слышат, – рассмеялась девица в ответ.

– Эта барышня определенно лучшая после Тианы, – ко мне, дежурившей за спиной у Ника, тихо приблизился Фрай. – Жаль, она уже занята, – скорбно закончил он.

Уточнить, кем занята Кирна, я не успела. Панели под ладонями Валехо стали красными, а в колбы начала поступать сиреневая жидкость. Многие пленники тут же обмякли. Декстер принялся вытворять совсем уже невероятные кульбиты, наглядно иллюстрируя поговорку «жить захочешь и не так раскорячишься». Испуганные цыгане, сбежавшись к пульту, забросали Ника дурацкими советами, мешая ему сосредоточиться. Наконец инженер случайно ткнул в один из зеленых бегунков, тот исчез, а затопление Тушкана прервалось. К сожалению, найти подходящие бегунки для других колб мы так и не сумели.

Нужно было спасать Декстера. Ударным инструментом послужила крышка люка. Вскоре на боку сосуда образовалась внушительная вмятина, окруженная сеткой трещин. До конца дело довела Кирна, удрученная, по ее собственным словам, мужским бессилием. В качестве тарана она использовала вместилище сурка обыкновенного, позаимствованное в музее. Дальнейшее освобождение Тушкана

напоминало роды. Пришлось дождаться, когда вытечет вся жижа, потом вручную слегка расширить проем и вытянуть узника за ноги. Декстер отряхнулся. Он был на удивление молчалив. Впрочем, недолго. Через пару минут на наши головы посыпались обвинения, что мы не очень-то спешили ему на помощь, едва не угробили и больно хватали за пяточки. Угомонился он, лишь когда Кирна пригрозила засунуть его обратно.

Глава 13

Место, где мелкий Джо появился на свет, почти не изменилось. Мистер Скелет-в-Каске повалился на стол лицом вниз, как перебравший на вечеринке кутила. Госпожа Манекен-Третья-Справа осуждающе наклонила надтреснутую голову, косясь на Туве единственным полустертым глазом. Рыжая понурилась, полностью согласная с немым укором, читавшимся во взгляде манекена. Скрипнув от натуги зубами, Туве уложила тело Джо на изодранную поверхность бильярдного стола. Несколько слезинок упали на выцветшее, когда-то густо-зеленое, сукно.

– Присмотрите за ним, – она кивнула роботу, поблескивающему в закатных лучах.

Если верить часам, которые все-таки подарил ей Джо, было около трех пополудни, но ведь нынче самый короткий день и самая долгая ночь в году. Ночь ярких костров, первобытной *волшебы,* ночь, когда тишина обретает голос. Ночь хороводов призраков, ночь, когда Вселенная принимает дары и, случается, исполняет желания.

Туве желала Джонатану Хайду счастья и могла многим ради него пожертвовать.

Она сильно изменилась за последние три с небольшим месяца. Вряд ли в лучшую сторону. Приятные округлости фигуры уступили место выпирающим костям, огненные волосы потускнели и свалялись, став похожими на затасканный нейлоновый парик. Под глазами залегли глубокие тени. Кожу дикарки покрывал слой застарелой грязи в потеках пота. Шутка ли – переть на себе здоровенного мужика десятки километров, лиг, миль... Питать, согревать его тело и анима. Увидь ее Джо такой в первый раз – прошел бы мимо, не обернувшись.

Случившееся на плавучей машине стало последней каплей для рассудка Джонатана Хайда. Туве с трудом удавалось касаться его разума, мятущегося в круговерти кошмаров. Она кормила его, разжевывая в кашицу скудную пищу, которую соизволял принимать его желудок. Она отгоняла от Джо голодных и злых духов, блуждающих по пустошам в поисках тела, которое они могли бы занять. Она убивала людей, которые хотели причинить вред Джо

(вернее, причинить вред ей, Туве, но в данном случае ее гибель означала неминуемую смерть и для него). Однако самое сложное было впереди.

Госпожа Манекен-Третья-Справа, мистер Скелет-в-Каске и остальные не подвели – когда Туве закончила собирать огромную кучу из сухого астрагала и обломков мебели, Джо все еще лежал на бильярдном столе, вздрагивая и неразборчиво мыча сквозь зубы.

«Вселенная создана с помощью музыки. Помни об этом, когда просишь ее об одолжениях, – мудрость Эвистрайи, Потерянной туве, пришлась как никогда кстати. Давным давно она научила рыжую Все*му, Что Имеет* Зна*чение*. Предстоящий ритуал относился как раз к данной категории. – Песня для созидания, песня для разрушения, песня для исцеления – для всего есть песня, хоть и не всегда есть слова».

Туве сняла амулеты и надела на грязную шею Хайда. Она сильная и обойдется без них. Мелкому Джо удача нужнее. Затем, подумав немного, девушка извинилась перед гостями. Она рассадила их на земле, прислонила Джонатана к бетонной плите и отволокла бильярдный стол со стульями в кучу. В конце концов, костер понадобится *действительно большой.*

Снежинка упала на облезлый нос дикарки, заставив ту ойкнуть от неожиданности и взглянуть вверх.

– Небо плачет вместе со мной, – прошептала Туве, зажмурившись, – но слезы замерзают, ведь повсюду царит холод. Холод ваших каменных сердец!

Последнюю фразу она выкрикнула в темное серое небо, вызвав эхо среди покосившихся остовов небоскребов Нью-Лорка. Стая ржавокрылов с противным клекотом взвилась ввысь, вокруг зашевелились тени *тех-кто-боится-света*. Пока Туве видела только холодные точки глаз, висящие в пустоте, но к тому времени, как стемнеет, следовало бы закончить с костром. Девушка склонилась над сухими стеблями, подложенными под низ конструкции, подняла с земли булыжник и заржавленный кусок металла. Посмотрела на них точно в нерешительности, а затем с силой ударила друг о друга. Сноп ярких искр упал в ворох астрагала, пробудив жадное пламя.

Туве уложила Джо в яйцо. Если ничего не получится, онумрет внутри несокрушимой оболочки, но попробовать стоило. Девушка

напрягла отощавшие ручки, стараясь сомкнуть створки яйца, мышцы запульсировали под кожей, словно черви. Внезапная боль – левое запястье хрустнуло. Не страшно, у нее есть еще одна рука. Через мгновение, показавшееся Туве вечностью, створки, лязгнув, захлопнулись. За ее спиной костер разгорался, тени в неистовой скачке бесновались вокруг. Откусив прядь своих волос, Туве бросила ее в огонь. Тот взметнулся в черное пустое небо, как бы намекая, что не прочь отведать столь изысканного лакомства еще. Девушка резко и неестественно выгнулась, замерев в напряжении первого па танца, подставив лицо падающим снежинкам. Ее гулкий голос слился с плачем ветра в руинах мертвого города.

Вселенная порой бывает жестока, и вращение ее безжалостно, неостановимо, *необратимо*. Но изредка сила, приводящая ее в движение, отвечает на мольбы. Ответы эти принимают очень разные формы, однако если человек (или туве) чист сердцем, он обязательно получит помощь.

И Туве получила.

Когда она привалилась к холодному боку яйца, костер превратился в ярко тлеющие угли. Невыносимая усталость нахлынула на нее, шепча в длинное ухо: «Брось. Уже все кончено. Нет смысла погибать обоим». Но остановиться сейчас как раз и означало погибнуть обоим. Когда (и если) Вселенная отзовется, Туве должна быть здесь – ее разум, ее анима и ее тело, конечно же.

Почти всю свою жизненную силу она влила в зарядные элементы «временной капсулы» Джонатана Хайда. Туве не осознавала сложности этого действа с точки зрения науки и техники, но имела весьма сильное *намерение.* Батареи же приняли энергию с привычным безразличием, не заботясь о ее происхождении.

Яйцо поддержитжизнь Джо в течение следующей толики Круга, а потом... Кто знает, что случится потом? Как говорили в Долине: прошлое – история, будущее – тайна. Джонатан упоминал о способности своей скорлупы путешествовать меж звезд. Если яйцо могло устоять перед небесными бурями, то выдержит и *мрак ме*жду *мирами*.

– Между спиц и вдоль оси невредимым пронеси, – бормотала Туве, вглядываясь в тусклые глаза тех-кто-боится-света, обступивших

капсулу-скорлупу. Твари чуяли ее слабость. Огонь погас, но она надеялась.

Медленно, будто нехотя, небеса очистились от черных туч, снегопад прекратился. Туве ощутила, как яйцо *пошевелилось.* Сначала она приняла дрожь обшивки за игру своего воображения. Но когда подались назад призраки, а угли вспыхнули пронзительно-белым светом, поняла: ее мольбы услышаны.

Поток Жизни вырывался из середины пепелища во всей своей первозданной красоте. Туве знала, что зрелище это, скорее всего, последнее для нее, а потому отдавала ему должное, не смея даже моргнуть. Сияющая волна подхватила капсулу, окутала плотным коконом анима-нитей, а затем яйцо и его содержимое исчезли. Течение увлекло их *за грань*, туда, где заканчиваются и начинаются все пути. Джо гордился бы своим первенством не только в *хрононавтике,* но и в *парахрононавтике.*Если повезет, онстанет одним из немногих, чья дорога за гранью *продол*жит*ся*. Лишь бы сила амулетов сохранила Джо от опасностей и бед, а Поток переправил его в место более милосердное к таким, как он!

– Прощай, Джонатан Хайд из Нью-Лорка, – пролепетала Туве, откидываясь на спину. Сил сидеть после того, как исчезла опора, у нее не было. – Прощай и будь счастлив.

Ее слабая аура трепетала, как последняя звездочка шипоцвета на зимнем ветру.

**

До нее, словно издалека, доносились голоса.

Приоткрыв глаза, Туве увидела людей в военной форме. Столпившись вокруг, они пялились на нее, тыкали в бок стволами винтовок.

– А она ничего, миленькая, – сказал один.

– Проклятые людоеды, – откликнулся другой. – Посмотри на эти кости! Вот зачем такой кострище вчера запалили.

– Готовь веревку. – В словах третьего девушка уловила характерные командные нотки. – Не патрон же на нее тратить.

Туве протянула руку и ухватилась за ближайшую винтовку, с небольшим усилием выгнула ствол вверх. Солдат удивленно моргнул. Девушка вопросительно приподняла голову и моргнула в ответ.

Спустя несколько минут, оглядывая лежащие вокруг тела, Туве поняла, что не испытывает никаких эмоций. Забрав десяток жизней, она не чувствовала себя виноватой, расстроенной, не чувствовала вообще ничего, кроме, пожалуй, усталости и раздражения. Ауры перебитых ею патрульных НЛО в смятении толклись неподалеку от тел, видимо, еще не осмыслив случившейся с ними неприятности.

Девушка прижала руку к левой груди. Исполнив ее мольбу, Вселенная зачем-то сохранила ей жизнь, но цена, как всегда, оказалась велика. Теперь и сердце рыжей Туве превратилось в камень.

Ей вдруг очень захотелось домой.

Самые длинные пути начинаются и заканчиваются одним шагом, и Туве решила не откладывать совершение оного на потом. Махнув на прощанье госпоже Манекен, которая уже не была третьей справа, она быстро зашагала в направлении, подсказанном ей врожденным тувийным чутьем. Туве предстояло многое сделать, но для начала – нанести анима-рисунок, исполнить танец и нагулять жирок.

Госпожа Манекен дрогнула от порыва налетевшего ветра, и, будто пытаясь махнуть Туве в ответ, завалилась на бок.

**

Сердце Купола сильно отличалось от нарисованного нашим воображением: ни пультов, ни экранов, ни проводов – лишь мягко светящиеся стены, чаша бассейна в центре и «кафедра» перед ним. Жидкость в бассейне я сравнила бы с зеркалом, если б не ее ярко-голубой цвет с иногда пробегающими по глади искорками. «Кафедра» напоминала огромную каплю, нарушившую по чьему-то капризу законы природы и желающую взлететь от пола к потолку. На ее сферической поверхности имелась выемка – пятипалая ладонь, правда, превосходившая размером даже грюновскую. Гладкий парусный свод зала покоился на полукружьях, занятых хаотичной мешаниной из маскаронов. На мой взгляд, ваятель вложил в свое творение излишний натурализм. Далеко не вселица были наделены красотой или обаянием. Некоторые кричали, широко распахнув глаза и раззявив рты, или плотоядно скалили крупные зубы, другие зажмурились, точно робея перед чем-то. Они налезали друг на друга, местами сминались, слипались, сливались, подобно *зиамским близнецам*. Кем были эти существа? Старшими Братьями? Жителями мифической Этлантиды? А может, туве?

Мы разбрелись по залу, осторожно ступая, стараясь не приближаться к бассейну и не касаться стен, на которых при ближайшем рассмотрении обнаружилась странная переливчатая пленка, едва различимая и подвижная. Вскоре Кирна заметила такую же на дверном проеме. Готова поклясться – ее не было, когда мы входили! Кажись,вернуться тем же путем нам не удастся... Впрочем, если придется – попробуем.

Я разглядывала каплю-кафедру, когда позади меня возник Фрай.

– Поравыполнить свои обязательства, сладенькая. – Он подал мне бумажку с написанной от руки абракадаброй, похожей на таблички в музее. – Здесь и транскрипция есть. – Фрай услужливо ткнул пальцем. – Будь умницей, Мэйби. Вложи ладошку в выемку, прочти, и до гробовой доски я буду твоим должником.

Николас решил за меня:

– Опять к девчонке пристаешь?! Сказано же – отвали!

– Мэйби, лучше бы тебе сейчас послушать меня, а не твоих слабоумных друзей! – угрожающе процедил Фрай, сунув мне записку.

Он отошел к стене и заложил руки за спину, выжидающе воззрившись на меня. Я покрутила бумажку, тщетно пытаясь уяснить смысл написанного и надеясь на озарение. Тем временем к Фраю, видимо, считая его зачинщиком безумного путешествия под землю, опасливо шагнул Аксель и тихо поинтересовался: «А когда я смогу увести Мэйби домой?» Недостаточно тихо – я расслышала и не преминула встрять:

– Для начала Мэйби хотела бы таки узнать, что в этой писульке!

– Не зли меня, конфетка, – окрысился Фрай, затем мягко, почти нежно, ответил цыганину: – Конечно, Аксик. Домой или куда угодно еще. Вот только лапочка упрямится.

– Милая, тебе ведь несложно… – начал увещевать меня супруг.

– Помолчи, любимый! – мне не удалось изгнать из голоса раздражение. – А что ты сделаешь, Фрай? – насмешливо спросила я. – Сломаешь мне палец?

Удача *переполняла* мое тело, я буквально осязала ее. И чувствовала себя неуязвимой. К сожалению, у тел моих друзей было хоть отбавляй слабых мест. Да один только Аксель представлял собой сплошную *охиллесову пяту* (жил в древности такой непобедимый герой с дефектной конечностью, из-за которой и погиб).

– Вовсе нет, – парировал Фрай, сопроводив слова зубастой ухмылкой. – Я продырявлю твоему увальню-муженьку коленную чашечку, а если нервишки вконец сдадут и рука дрогнет, заодно и яички отстрелю.

Кастет-лучемет нацелился на Акселя. Супруг тихонько заскулил, но даже не попытался отодвинуться с траектории стрельбы. От одного вида мужниной овечьей физиономии мне захотелось орать и топать ногами. А чего еще ожидать от человека, последние полгода считающего себя фермером двадцати лет от роду? После я его непременно застыжу!

К счастью, остальные незамедлительно поспешили на выручку. Данике перехватил поудобнее крышку от технического люка, Николас угрожающе постучал половинками робота друг об друга. Кирна, неприкрыто радуясь возможности размять чье-нибудь мурло, повела плечами.Итак, с одного фланга к Фраю подбиралась блондинка, с другого – док, а Валехо надвигался с фронта. Из-за бассейна подтягивались Грюн с Владиленом. Мои фактически безоружные друзья намеревались, судя по всему, идти в *психическую атак*у. Если честно, выглядели они скорее комично в белых идэнских комбинезонах. Впрочем, как говаривала Туве, важно намерение.

Аксель стоял, ошарашенно хлопая глазками.

А глазки мистера глюка метались по фигурам наступающих. Я впервые видела на Фраевом лице признаки паники. Однако, предпочитая не давать ему повода проделать в ком-нибудь дыру, я, наконец, приняла решение. Моя ладонь глубоко погрузилась в выемку на кафедре, ощутился легкий укол, контур пятерни засветился голубым.

– Слово! Произнеси слово! – Фрай не требовал, а почти умолял. Краем глаза я заметила, как Кирна вышла на дистанцию прыжка.

Никто из нас не предполагал, к чему приведет нажатие таинственной «кнопки». Из резервуара заструился туман, повеяло... Такой запах приносит ветер пустошей на исходе лета. Аксель, вернее, тот, кем он был раньше, называл его *ароматом осенней грусти*. Густая молочно-белая дымка оплела наши ноги, а над бассейном из нее начало формироваться... лицо. Будь мы персонажами историй про отважных покорителей космоса, которые мне доводилось когда-то читать, нам предстал бы прекрасный женский лик, в чьих глазах сияла

бы мудрость тысячелетий. Но поскольку мы вовсе не книжные герои, пришлось созерцать мужскую физиономию, напоминающую довоенного актера Гварценеггера массивностью и резкостью черт в сочетании со своеобразным обаянием. В отличие от маскаронов на стенах, лик являл собой эталон бесстрастности.

Тут лицо, несколько секунд остававшееся неподвижным, заговорило. Туман виртуозно артикулировал – губы шевелились точно живые. Одна беда, предложение прозвучало на абсолютно незнакомом языке.

– Слово! Ну же! – буквально простонал Фрай, на мгновение ослабив бдительность. Кирна немедля воспользовалась шансом и, совершив великолепный кульбит, связала врага в рукопашной.

Туманный Гварценеггер повторил реплику, и – о чудо! – кажется, я разобрала отдельные слоги. Да, язык не походил на Всеобщий... но и предок бывает непохож на своего далекого потомка. В меня уперся изучающий взгляд дымчатых глаз. Собеседник ждал ответа. Беспомощно всплеснув руками и стараясь отвлечься от свалки, развернувшейся позади, я тихо пискнула: «Не понимаю…» – единственную фразу, подходящую к случаю, но, по сути, бессмысленную.

Фрай успел-таки выстрелить. Сверкнула ослепительная розовая вспышка. Данике с несвойственной ему прытью грохнулся на пол, громко лязгнув зубами. Заряд оставил в ежике его волос неглубокую бороздку и без всякого вреда для интерьера впитался в стену. По ней, точно от брошенного в воду камня, разошлись круги.

Кирна теснила Фрая к краю бассейна, из которого продолжали изливаться клочья тумана. Не иначе какона рассчитывала утопить противника. Судя по всему, мистера глюка такая мысль тоже посетила. И придала сил – вдавив ботинок в живот Кирне, он оттолкнул ее. Девица потеряла равновесие и упала навзничь. От удара затылком об пол глаза ее закатились, тело обмякло.

– Ну, говнюки, значит, будет по-плохому! – тяжело дыша, Фрай навел оружие на Ника. Тот машинально прикрыл живот половинкой робота-няньки.

– Я, Идэн, ожидаю команды, – теперь лик обращался ко мне на Всеобщем.

– Останови его! – скороговоркой выплюнув слова, я ткнула пальцем в мистера надоел-уже-тут-командовать.

Наш злой гений, собиравшийся испытать Николаса и робота-няньку на прочность, вдруг застыл. Не преувеличу, если добавлю «как громом пораженный». Глаза Фрая дико вращались, грудь вздымалась едва-едва.

– Только не убивай его! – в конце концов, Фраю еще предстояло возвратить Акселю память. Прежняя наша сделка вряд ли отныне актуальна – я продиктую новые, *свои*, условия.

Почему разум Купола признавал за мной право приказывать ему, хотя каких-то три часа назад я была всего лишь одной из пленниц? И, однако, признавал: Фрай не изменил позы, но дышать ему явно стало полегче. Цыгане столпились вокруг, тревожно поглядывая на меня и моего собеседника. Кирна очнулась и потирала ушибленный затылок. Грюн помог ей встать. Николас и Данике загалдели, перебивая друг друга:

– Пусть объяснит!

– Во имя небес, что здесь происходит?!

Идэн безмолвствовал. Я повторила вопрос. И получила вполне ожидаемый отклик – ответчику требовалась конкретика. Что ж, пытливость наша не имела границ.

Главный Робот (мысленно я поименовала его так) перешел на Всеобщий, но продолжал игнорировать моих друзей. Впрочем, роль посредника меня ничуть не затруднила. Внимая Идэну, я вспомнила поговорку, очень любимую прежним Акселем: «Меньше знаешь – крепче спишь». Мы тщетно силились охватить информацию, переварить ее, *принять* наконец. Не скажу за остальных, а вот меня в ближайшее время точно ожидают бессонные ночи.

Услышанное рушило наш маленький мирок, безжалостно разбивало его, как упавшую на бетон лампочку. Что чувствует молодой сурок, впервые покинувший нору? Что ощущает детеныш живоглота, когда сквозь треснувшую скорлупу его тесного уютного обиталища прорывается свет? Надо полагать, ничего. Просто начинает новый этап своего существования. Зверушки свободны от абстрактных страхов, мыслей и переживаний. А вот люди и туве – нет. Оставалось надеяться, что нас, фигурально выражаясь, не погребут под собой осколки скорлупы, а солнце не выжжет глаза.

Идэнские машины действительно создавались не руками людей. В битву против неведомого врага, битву, затерявшуюся даже не в сумраке веков, а в непроглядной тьме тысячелетий, битву *по-настоящему* великую их бросили эстари. Главный Робот исправно снабжал нас координатами и названиями *империй*, во владениях которых находились *миллионы*планет, десятки и сотни систем.

Звездные государства – людские, эстарийские, эйрайские, *маллорские*, да всех не перечислишь – стали вынужденными союзниками в грандиозной войне против чудовищ, названия которых также ничего не говорили нам. «*Что* значит *имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет»,* – писал давно один поэт. В данном случае речь шла о смерти – какие имена ей ни придумывай, ее лицо, ее жестокая справедливость от того не изменится. *Финдаианцы, драуглары* – похоже на третьесортную научную фантастику. Совместных усилий этих тварей хватило для зачистки большей части обжитой Вселенной. Конечно, люди, эстари и иные существа вносили в процесс весомую лепту. «В космосе не слышны взрывы, – крутилось в голове, – но кого это гребет?» По-моему, нечто подобное выдал в интервью автор киносаги «Космические войны». В самом деле, кого это гребет, когда пламя орудий пожирает не континенты, не планеты, а *созвездия*? В данном отношении, надо отметить, война вселенская ничем не отличалась от любой другой – взаимное истребление и припорошенные пеплом руины. На которых и поднялась наша жалкая цивилизация, в гордыне своей считавшая себя уникальной.

Точнее ее подняли роботы.

Что заставило механизмы, созданные для войны и разрушения, озаботиться спасением уцелевших? Наверное, мы не узнаем этого никогда.

Роботы решили проблему достаточно радикальным и притом ненадежным, на мой взгляд, способом. Однако это *могло сработать*.Конечно, самопровозглашенные божества не довольствовались ролью наблюдателей. Скрупулезно собрав и обработав данные о *Земле*, планете-прародине человека, они принялись за воссоздание эволюционного пути рода людского. Им пришлось немало потрудиться, перекраивая континенты, экосистему, видовой состав биосферы Эос. Заодно, кстати, совершенствуя имеющийся в наличии генофонд подопечных. Впрочем, если я

правильно поняла, искусственный разум исключил из процесса становления человечества всякие случайности и несущественные, по его мнению, детали и периоды, ощутимо тем самым этот процесс сократив. И к чему это привело?

Блин вышел комом. А в конце еще и *подгорел* – ха-ха, оцените шутку!

Эстарийским машинам было невдомек – людская цивилизация развивается лишь во время конфликтов и в краткий период после их окончания.

Люди всегда остаются людьми, причем зачастую в самом отвратительном смысле этого слова. Полагаю, древние не сильно отличались от нас, убивающих друг друга на обломках мира, который медленно истирается из памяти, становясь красивой легендой. Ты слушаешь ее вечером у костра, вздыхаешь о невозвратном, завидуешь благополучию предков, утираешь скупую слезу, а утром берешь подзаржавевший «сорок пятый» и отправляешься со своими дружками-головорезами на поиски воды, еды и развлечений. Не стесняясь в процессе вышибать мозги вставшим на твоем пути. Только наши пращуры, сражавшиеся с драугларами и финдаианцами, в руках держали не винтовки и револьверы, а какие-нибудь световые мечи или штуки вроде фраевского лучемета.

Цивилизация на Эос была лишь эхом, принятым за первоисточник звука, громадным паззлом без схемы сборки в нетерпеливых руках. Кусочки мозаики, даже не стыкующиеся с соседними, планомерно вколачивали в полотно. Если бы не роботы то, вероятно, Кенимор Фупер не стал бы писателем, Джордж Гуш – президентом, а Орнальд Гварценеггер – актером. О небо, да они могли не родиться вовсе! И все же их, как и многих других людей, поместили на *требуемые* места, дали *правильные* имена, заставили делать *то, что нужно*. Неужели Великая Война – первое по-настоящему самостоятельное решение народов Эос?

Нет, не роботы, возложившие на себя тяжкое бремя пастырей, повинны в ядерном апокалипсисе. Выпас овец и то непростая задача, а им пришлось иметь дело с волками. Когда и почему звери вцепятся друг другу в глотки – вопрос времени и случая. Похоже, создатели идэнских жестянок сильно отличались от людей. Но их, по словам

Фрая, больше нет, Вселенную наследует Человек. И ей очень повезет, если в обозримом будущем он образумится или сдохнет.

В моих же венах текла эстарийская кровь, поэтому сейчас якомандовала Главным Роботом. Надпись на языке моих предков над пятипалой выемкой гласила: «Прикажи мне, если достоин повелевать». Значит, я достойна?

Я оказалась немыслимо удачной мутацией. Настолько удачной, что ее следовало считать *эволюцией*. Настолько удачной, что роботы *запустили меня в серию.* Настолько же удачной, насколько *удачливой.* Впрочем, удачливость моя относительна. Семьдесят восемь моих предшественниц сложили в пустошах свои ушастые головы – средняя продолжительность *моей* жизни вне Купола составляла меньше года. С другой стороны, вдруг я сам*ая удачливаяиз* все*х*? Ведь семьдесят восемь милашек Мэйби, или как их там звали, мертвы, а я – нет. Но что если так думала каждая из них?И зачем сделали столько запасных мэйби? Ноги мои подогнулись, и я опустилась в туман, запах осенней грусти окутал меня.

Мое бегство, как и мое возвращение, подстроили. Скучающая длинноухая девчонка снова и снова отправлялась во внешний мир, где встречалась с людьми, заводила друзей и врагов, любила и ненавидела, а потом умирала. Великая Пустошь отторгала ее, ясно давая понять – ей не выжить здесь. Никогда. Даже будь она исключительно удачливой. Роботы постоянно следили за мной, оценивали успехи и в конце забирали бездыханное тело. На сей раз они заодно прихватили моих товарищей.

– Что ты предпримешь теперь? – я ощутила себя беспомощным ребенком, требующим отчета у родителя.

Прежде чем ответить, лицо не шевелилось несколько секунд. Должно быть, могучий и древний разум принимал невероятно трудное решение.

– Я... допустил ошибку. Придется все начать сначала. Оставшихся в Куполе людей, твоих клонов и островных *тари*должно хватить. – В голосе, ранее практически лишенном эмоций, просквозило усталое отчаяние, охватывающее мастера, проделавшего долгую трудную и из-за упущенной в процессе незначительной ерундовины бессмысленную работу. – Я попробую снова...

Идэн собирался начать новую партию, скинув с игрального поля старую колоду. Двойки и тройки полетят во мрак небытия в компании королей и тузов, а затем игрок вскроет новую коробку карт и вновь сядет за пасьянс, который невозможно разложить.

Я, надо полагать, выполняла в колоде роль джокера.

На застывшей роже Фрая проступило выражение, характерное для кота, загнавшего в угол слишком хитрую, верткую и наглую мышь. Он, пожаловавший со Ста*рой Земли*, расположенной в созвездии Глаза Дракона, проделалвесьма долгий путь из-под левого ока небесного ящера и учел все детали. Мое любопытство должно было закономерно привести к этому вопросу. А услышав вердикт, я не имела права оставить все как есть.

У меня уже зародились догадки о значении слов, которые по уговору Фраем мне надлежало прочесть, но я хотела удостовериться.

– Переведи это! – я показала бумажку Идэну, поднимаясь на ноги.

– Команда, инициирующая полное отключение.

До боли сжав кулаки, я смотрела на лик, напоминающий актера из стародавних времен, которым прикрывалась машина, взявшаяся судить нас. Допущу ли я ошибку, озвучивприказ на наречиисоздателей Идэна? Ведь сейчас мне предстояло взвалить на себя ответственность за род человеческий. Ну почему же остальные молчат?

**

Я много размышляла о случившемся позднее. Зачем роботам создавать кого-то, способного ими командовать? Это же вопиющая глупость! Где логика, которой они обязаны руководствоваться? Я нахожу единственное объяснение: искусственный разум тяготился лежащим на нем долгомижаждал *появлениясущества,способного освободить его от ноши*.

Да, сотворенный мной акт уничтожения единственного оплота мира на Эос отдает безумием. Я могла отдать любой приказ. Например, охранять нас от вторжения из космоса, дезактивировать ядерное оружие, помочь в очищении планеты от радиации… Или эосцы должны наконец стать полностью самостоятельными? Надеюсь, мы готовы для этого.

И… наверное, Идэн возвратил бы прежнего Акселя. Или нет? Или я должна сам*а* найти его?

**

Резко дернувшись во сне, Тиана грохнулась на пол. Соприкосновение с прохладным пластиком быстро привело ее в чувство. Прохладный... А вот сон, наоборот, переполняло жаркое пламя, желанное и пугающее одновременно. Стряхнув с себя остатки грезы, она уселась на краешек двуспальной кровати. Человек, лежащий на другой половине, заворочался и негромко захрапел.

Ночнушка пропиталась потом, Тиана брезгливо стянула ее и отбросила. Так всегда бывало после снов про пожары и взрывы. Она томилась, испытывая неясную, необъяснимую потребность в... чем-то. К утру обычно всемеркло, но сегодня ощущения проявили себя с прямо-таки невероятной силой.

Начало ее мучениям положили те психи, собиравшиеся в парке и утверждавшие, будто ей, Тиане, уроженке Идэнского купола, подменили память. Попросту промыли мозги. Ерунда, конечно. Она прекрасно помнила себя лет эдак с двух. Помнила, как выбирала имя, ходила в школу, задувала свечи на «тортике совершеннолетия»... Людей, укравших ее покой, Тиана также знала с детства. Вот, например, с Мэйби она сидела за соседними партами и, прямо говоря, недолюбливала.

Но теперь маленькие радости жизни потеряли смысл. Не радовал уход за милыми морскими свинками и кроликами, не радовал секс, прогулки… Не радовало все.

Когда Тиана пригрозила донести на безумную компашку в службу безопасности, от нее, само собой, отстали. А вот покой и умиротворение, раз покинув Тиану, больше уже не возвращались. Потом начались сны, и стало совсем невмоготу.

Эльхаим с тоской обвела глазами жилой пузырь. Блуждающий взгляд случайно упал на крючки для одежды, где рядом с комбинезонами (ее и мужа) висела сумочка дразняще-яркого алого цвета (*цвета пламени*). К ремешку была приколота записка: «Нажми кнопку и увидишь *на*сто*ящий огонь*». По телу Тианы пробежала судорога предвкушения, она раз за разом перечитывала последние слова. Сунувшись в сумку, она обнаружила гладкий металлический брусок с красным кругляшком по центру.

«Бред какой-то», – мысли неслись с лихорадочной быстротой, путались, сталкивались друг с другом. Длинные Тианины пальцы дрожали, она была вынуждена вновь присесть на кровать и положить

неведомое устройство с единственной кнопкой на подушку. Кровь стучала в висках, пот струился по животу и спине. Возбуждение, испытываемое Тианой, напоминало сексуальное, но тем не менее отличалось от него, *превос*ход*ило* его. Ей хотелось нажать, хотелось увидеть *нас*то*ящий огонь*. Рассудок Эльхаим раскачивался, ходил ходуном, как корабельная палуба в шторм.

«Ну, давай же, Тиана», – прошептал вкрадчивый голос в ее сознании. Тот самый, который разбудил ее несколькими минутами ранее!

Она не видела смысла противиться своему странному желанию, но если и существовали объективные причины бороться с искушением, вряд ли Тиане удалось бы сдержаться. Утерев лоб, она схватила пульт и вдавила кнопку до упора. *Нас*то*ящий огонь!* Удовольствие, сладостное и долгожданное, пронзило ее тело, пробежало по нему могучей волной и прорвалось наружу пронзительным криком. Широко распахнутые глаза Тианы наполнило пульсирующее розовое пламя, в котором спустя мгновение растворился свод пузыря, кровать, спящий мужчина, пульт, весь Идэнский купол. И она сама.

**

Мэйби покосилась на клочок бумаги. Древние слова, певучие и вместе с тем властные, эхом разнеслись под сводами. На лице, висящем над бассейном, проступила печаль. И облегчение. Наблюдавшие за девушкой маскароны застыли навеки в немом изумлении. А в следующий миг...

Данике померещилось, что губы Фрая скривились– он силился произнести какую-то фразу. Док наклонился ближе, на всякий случай перехватив поудобнее керамический люк.

– Ну… давай же, Тиана! – речь определенно давалась мужчине с невероятным трудом.

Данике вопросительно изогнул бровь, Фрай ответил ему ухмылкой. Издевательской ухмылкой победителя.

**

Работа, которой занимался мистер Максимилиан Фрай, требовала недюжинного ума, глубокого понимания человеческой натуры и смелости в сочетании с изрядной долей здорового авантюризма. Решившись явиться в Идэнский купол во плоти, он рисковал очень

многим, однако разнообразные и безусловные таланты Маки сослужили ему хорошую службу и здесь. Не учел он только одного: Кирна Лавджой предпочитала видеть неприятных ей людей *мертвыми*вне зависимости от обстоятельств.

Отпихнув Данике, девица бросилась на Фрая. Ее мало заботила логика этого действия. Просто-напросто хотелось прикончить говнюка, который причинил ей боль. Кирна привыкла потакать порывам, поэтому спустя пару секунд она уже сидела на Маки верхом, пытаясь размозжить его затылок о край бассейна. Никто даже не успел сообразить, как себя вести, к кому кинуться на помощь. Николас неуверенно шагнул к дерущимся, Аксель, взвизгнув, в ужасе закрыл лицо ладонями. Прочие оторопело следили за мерными короткими движениями Кирниного кулака, сжимавшего Фраевы вихры.

В паре сотен метров над ними Тиана после недолгой борьбы уступила своей маленькой слабости, вдавив красную кнопку на устройстве, неизвестно как попавшем в ее жилой пузырь.

В нескольких десятках тысяч километров над Идэнским островом автоматика фраевского космического челнока послушно восприняла сигнал как раз тогда, когда Мэйби Туморроу проговорила заветные слова, обесточив многочисленные внешние барьеры. Поток энергии, сплетенный в могучий плотный луч, ринулся вниз, к поверхности Эос. Жадное небулитовое пламя врезалось в Купол, обращая его в ничто.

Мистер Фрай предполагал в момент отключения идэнских защитных полей незамедлительно *вознестись на небеса*(само собой, не в том смысле, какой обычно вкладывают в подобные выражения). Помимо защиты от внешних воздействий, барьеры надежно блокировали все сигналы, исходящие из Купола. В числе прочего и телепортационные лучи. Но, как легко заметить, первоначальный план дал сбой.

Как спасся Маки Фрай в тот злополучный день? Туве сказала бы: «Он уцелел, ибо роль его не сыграна до конца». И все-таки, скорее, это случилось по совершенно иной причине. Внутреннее ядро Купола, выполненное из эстарийской призрачной ста*ли*, поглотило мощь турболазерного выстрела, сохранив жизнь всем, находящимся внутри, – и правым, и нечестивцам.

**

Рев бурлящей воды и шипение пара подавили остальные звуки. Пол качался и подпрыгивал, точно бык на родео, но Кирна продолжала молотить Фрая затылком о кромку бассейна. Еще пара ударов...

Входной портал пронзительно вспыхнул ядовито-розовым, но что-то не пустило взбесившиеся энергии внутрь. Кирну оторвало от пола и с силой бросило в стену.

Данике ухватился за край бассейна; другой рукой он поймал бесчувственное тело Фрая. Над головой доктора просвистела крышка люка. Чуть поодаль рухнул Николас, пораженный в висок половинкой робота-няньки, а затем предательская штука, срикошетив от свода, с хрустом вонзилась ему в грудную клетку. Вторую полусферу отловил и нахлобучил на голову вместошлема Тушкан. Этот еще каким-то чудом умудрялся сохранять равновесие, но и он не продержался долго. Владилена, Акселя и Грюна расшвыряло, точно сбитые шаром кегли. Помещение встало на бок.

Мэйби вцепилась в барельеф, избегнув таким образом многочисленных травм. Прямо над ней Данике из последних сил удерживал Фрая на вытянутой руке. В следующее мгновение в Мэйбино поле зрения, стремительно крутясь, влетела крышка технического люка и отсекла Фраево предплечье с аккуратностью гильотинного ножа.

**

Жуткая боль привела Фрая в себя. Он валялся стиснутый между двумя скульптурными уродцами, из обрубка руки хлестала кровь, гарантируя неминуемую гибель в следующие несколько минут в случае непринятия мер. В голове промелькнуло искаженное яростью лицо Кирны и ее белые цепкие пальцы. В затылок словно натыкали иголок. Почему он не сопротивлялся? Ах да, мерзавка Мэйби приказала *оста**новить*** его! Однако же *теперь* Фрай мог принимать меры, и остановить его было некому. Он искренне возблагодарил обстоятельства за потерю конечности, вернувшую сознание. Рука – дело наживное. А вот белобрысая стерва чуть не создала ему по-настоящему серьезные проблемы. Скорее всего, убила бы. Впрочем, ни она, ни ее друзьяшки уже никому не создадут проблем. Это радовало.

Времени забрать дезинтегратор не оставалось. Сильно надавив языком на имплант в зубе, Фрай задействовал телепортационный луч и очутился в спасительной безопасности родного челнока. Не обращая

внимания на кровь, заливающую пол, устало плюхнулся в регенератор – сейчас он имел полное право отрубиться.

Глава 14

Голова моя трещала, на лбу набухла здоровенная шишка, правое ухо саднило, но в целом Мэйби Туморроу легко отделалась. Поморгав, я осмотрелась. Зал управления Куполом был перевернут кверху дном. Яркий солнечный свет лился во входные порталы, оказавшиеся под «потолком».

Едва поднявшись на ноги, я пошатнулась и рухнула обратно, пребольно ударившись копчиком о высунутый язык маскарона. Почему перед глазами все плывет? Ой, нет! Это не перед глазами плыло, а зал покачивался! Отсюда и предательски заплетающиеся ноги. Кое-как вскарабкавшись по рельефам и высунувшись наружу, я первым делом получила в лицо порцию холодных соленых брызг. Похоже, цыгане изменили статус сухопутных бродяг на мореплавающих… или океаноплавающих.

Тела моих друзей лежали в живописнейших позах. Данике крепко сжимал чье-то бледное обескровленное предплечье. Тревожно оглядев присутствующих, я, к несказанному облегчению, не нашла среди нас бывшего обладателя отсеченной части тела. Тут-то мне вспомнились подробности того, как Фрай потерял руку. Сам мистер глюк пропал. Что ж, ведь галлюцинациям так и полагается себя вести.

Спустившись, я двинулась к остальным, с трудом балансируя на вогнутом раскачивающемся «полу». В общем и целом нам повезло. Кирна отделалась рассеченной щекой и вывихом плеча, Грюн жаловался на боль в спине, Тушкану придавило хвост, Данике подвернул ногу. Аксель благодаря Владилену, прикрывшему его своим телом в расщелине за кудрями маскарона, почти не пострадал и теперь мирно спал. Хуже всех пришлось Нику. А как бы вы себя чувствовали, если б у вас под ребрами торчало металлическое полушарие? Хорошо хоть, по заверению дока, ранение было неглубоким. На бинты разорвали низ грюновской фуфайки, превратив ее в кокетливый топ. Ну и до кучи все обзавелись синяками самых разнообразных форм и размеров.

Обвалившиеся куски рельефов, по счастливой случайности, никого не пришибли. Не говоря уж об увечьях, которые могла нанести

крышка люка, летающая во время бедствия по залу, как обезумевшее лезвие мясорубки. Собственно, Фрай стал ее единственной жертвой.

Положение наше тем не менее удручало. Достаточно сказать, что руку Фрая Николас не выбросил в океан, а спрятал в укромное прохладное место – раззявленный рот одного из ликов. Всестарательно изобразили блаженное неведение, но никто не потребовал выкинуть этот *кусокмяса* за борт.

Прежде док аккуратно высвободил из омертвевших Фраевых пальцев лучемет, тщательно осмотрел и... направив вверх, пальнул. Что бы раньше ни защищало сердце Идэна от вредоносных энергий, оно исчезло. Сноп ярких фиолетово-розовых лучей пробил в «потолке» десяток дыр, в любую из которых я, пожалуй, без труда протиснулась бы. Затем Данике с важным видомсунул оружие в карман. Лучше бы в следующий раз он применил штуковину с умом.

Итак, мы оказались посреди безбрежного океана в утлой посудине, отнюдь не предназначенной для плавания, которую наверняка потопит первый же шторм. Без воды, еды и возможности управлять нашим «кораблем». Скользнув взглядом по моим гладким бокам, Кирна заявила, что лично ее проблемы с едой волнуют в последнюю очередь. Еще посмотрим, кто кого сожрет! Правда, если она объединится с Грюном, шансов у меня будет маловато.

Очнувшийся Аксель-фермер не замедлил излить нам в уши свои жалобы и претензии. Немного погодя к нему добавился плач Декстера. Нет, он, разумеется, не лил слезы, но, как приличествует суровому уроженцу Мессики мужеского пола, поминал Тиану посредством распевного перечисления многочисленных достоинств покойной. Подавляющая часть их, по-моему, была скорее заслугой ее родителей, нежели самой девицы: ласкающие глаз изгибы тела, сочные губы или, например, манящий пупок... Грюн, слушая про «перси, подобные созревающим дыням», сокрушался вместе с Декстером. Наконец, Кирна предложила трем нытикам заглохнуть. Впрочем, мы все в той или иной степени тосковали по взбалмошной красотке. Кроме Николаса, который не успел толком познакомиться с Тианой (даже успей он, вряд ли счел бы ее смерть ощутимой потерей для социума, если я правильно разобралась в его характере).

Неожиданно Тушкана посетила нездоровая идея броситься в океанические волны и поискать Тиану там. Звучит как оголтелый

идиотизм, но пылкая мессиканская натура обязывала Декстера проявить безудержную храбрость и продемонстрировать всю горечь потери. Пока мы отговаривали хвостатого от нелепой затеи, выворачивали ему руки и не пускали к дверям, Николас узрел нечто, разом улучшившее наше настроение. А именно – сушу.

В том, что перед нами не континент, сомнений быть не могло. Взгляд легко охватывал крохотный пятачок зелени на границе безбрежной лазури неба и океанских волн. Ослепительно-белый песок пляжа, к которому нас угодливо несло течением, сменялся густыми зарослями, кое-где, однако, изъязвленными желто-бурыми проплешинами. Последнее слегка поумерило нашу радость – если сюда в войну пришелся удар, например, по секретной военной базе, то нам лучше бы причалить в другом месте. А потом остроглазая Кирна заметила на пляже человека. Вот это было уже *кое-что*. Мужчины принялись изо всех сил грести крышкой от люка и половинкой робота.

Едва наш «корабль» сел на мель, мы попрыгали в теплую воду и устремились к нежащейся на солнышке особе. Отсюда уже не составляло труда рассмотреть, что особа эта – женского пола. Девица лениво повернулась на шум, бесстыдно выставив напоказ увесистые груди и мясистый животик. Я резко затормозила, и идущий за мной Аксель врезался в мой затылок подбородком. Декстер присвистнул. Кажется, узнали ее все.

Перед нами была Туве. Загорелая, гладкая, упитанная даже, и абсолютно голая. В руках девица держала кусок фольги. Надо полагать, чтобы шея тоже загорала.

Уж не родственница ли?Я мысленно сравнила встреченную девицу с одним из незаконченных натановских набросков Туве. Те же черты лица, но массивнее и грубее. Анима-разметка напоминала аналогичную у нашей Туве, но вместе с тем отличалась так же неуловимо, как и черты лица.

Позже я нисколько не удивилась, узнав ее имя. Тоже Туве. С заглавной буквы, поскольку она полагала себя достаточно важной для этого. Особенно с тех пор как ее младшая сестра, за которой приходилось присматривать, убрела из Долины. И все равно я продолжу, невзирая на притязания девицы, начинать ее имя с буквы маленькой. По крайней мере, пока не уверюсь в том, что наша рыжая подруга, Настоящая-Туве-С-Большой-Буквы, покинула эту историю

навсегда. Жаль, никто не додумался уточнить, как их различали в моменты равнозначной важности обеих. Я бы послушала, как туве выкрутится. Хотя сестер объединяла манера не затруднять себя пояснениями ответов, очевидных для них самих.

Девица уселась на шезлонге, потянулась, вскинув руки, и лениво зевнула. Грюн оценивающе скользнул взглядом по смуглой фигурке, наверное, прикидывая достоинство в черепах. Остальные мальчики также не замедлили отдать должное обнаженным прелестям. Подняв с песка радиоприемник, туве сосредоточенно покрутила тумблер настройки – раздалось немузыкальное шипение. Выключив устройство, она, наконец, почтила нас вниманием.

– Приветики, – произнесла она с характерным акцентом, который я замечала и у Туве. – Поспешите, только вас небось и ждали. У Дома накрыты столы. Если хотите кушать, попросите у Мамы супа и блинов.

Мы озадаченно обменялись взглядами. У кого-то при слове «кушать» заурчало в животе.

– Ну, или двигайте сразу в Горный Дом, – продолжила туве.

– Игорный? – Ник почесал затылок.

– Классные сиськи, – восхитился Аксель и незамедлительно схлопотал от меня подзатыльник.

– Благодарю, я тщательно за ними ухаживаю, – слегка покраснев, туве выпятила свои буфера, подперев их руками снизу и прогнув спину.

– Чика, в самом скором времени я вознагражу тебя за усилия! – Декстер расправил сутулую обычно спину. – Заодно проверю, хорошо ли ты ухаживала за остальным своим богатством.

Туве одарила повесу улыбкой, поощряющей к дальнейшему излиянию комплиментов. Тушкан похотливо облизнулся. Интересно, насколько он компетентен в танцах и постройке гнезд? Подозреваю, без этого не обойдется.

Данике, стоя в сторонке, сосредоточенно тер глаза, пару раз ущипнул себя, затем укусил за руку. Я могла его понять. Происходящее смахивало на сон. Для некоторых из присутствующих эротический, для прочих – бредовый.

Незнакомку осадили с вопросами. Нопроку от ее ответов было меньше чем никакого – девица с готовностью общалась, неуклюже кокетничала, однако сказанное ею только сильнеевсе запутало.

От нее мы узнали о Долине за лесом, где стоит Дом, в котором проживают Мама, Папа, туве (не являющиеся при этом их дочерьми) и куча других существ, чьи имена я не осилила запомнить. Рассуждения мозговитых мужчин про правомерность называть остров долиной девица не прокомментировала, сочтя, наверное, шуткой. Нас она приняла за уроженцев другого острова. Видимо, аборигены неплохо пережили конец цивилизации на большой земле. Туве рассказала про «картины в небе», после которых начали желтеть сосны. Про то, как в середине сентября пошел снег, и обитатели Долины, поужинав, легли спать в Доме. Про то, как, проснувшись весной, обнаружили на веранде мертвого Ффыска и набили из него чучело. «Ну не закапывать же его, в самом деле, – заметила туве по этому поводу. – А так получилась отличная вешалка».

Николас тем временем вырыл половинкой робота ямку в песке, где и захоронил многострадальную Фраеву конечность.

В итоге мы двинулись в гору, увлеченно обсуждая услышанное. По предположению Владилена, нас занесло в страну духов. Данике с Ником не могли выбрать между царством мутантов и психологическим экспериментом роботов. Грюну было все равно, хотя он отметил, что, по его сведениям, царство мутантов располагается совсем в другом месте. Ну а Кирна презрительно фыркала при каждом новом домысле.

Вслед нам несся крик туве, просившей прислать сюда кого-нибудь с бутылью сока.

**

Восхождение заняло около десяти минут. Местные обитатели явно любили ненавязчивый комфорт – ведущую на пляж тропинку снабдили, где нужно, удобными ступеньками и веревочными перилами. Вокруг нас разлился чарующий аромат хвои, сосновой смолы и грибов. Все же, войдя в лес, мы почувствовали себя неуютно. Мертвые стволы, толстый ковер из желтой и кирпично-красной хвои на земле, невысокие молодые деревья, растущие пучками от одного корня, корявые, с клочковатой кроной и пролысинами – все наводило на мысли о зоне поражения, мутациях, лучевой болезни. К несчастью, вооруженного дозиметром Натана с нами не было. Но цветущий облик туве обнадеживал.

Когда кто-то брякнул слово «радиация», всполошился Аксель и наотрез отказался двигаться дальше. Ну прямо-таки мул, тупой,

упрямый и трусоватый, испугавшийся похожей на змею палочки на дороге.

– Эта тварь убивает исподтишка! Мы и не заметим, как умрем! – хныкал Аксель.

– Радиация рычит перед прыжком, – отшутилась я. – Услышишь – беги!

В результате мы вдвоем преодолевали лес трусцой, благо дорожка была удобная, кое-где вымощенная камнем, в других местах – хорошенько утоптанная. Остальные не торопились, пришлось дожидаться их на опушке.

Тропа продолжала подниматься, пока не вывела нас к обрыву. Пляж совсем скрылся из виду, а впереди раскинулась... Долина. Квсеобщему облегчению, воронку от ядерного взрыва это местоне напоминало. Так или иначе, внизу, под нашими ногами, лежал настоящий земной рай. Свежая зелень тенистых рощиц пересекалась ниточками тропинок и серебристыми лентами ручьев, мчавшихся к аквамариновому серпу озера. Кое-где виднелись островки возделанной земли, но их было относительно немного. Склоны Долины поросли какими-то плодовыми деревьями. Ближе к перевалу их сменяли те же сосны. На противоположной стороне вздыбились скалы, подернутые голубой дымкой и увенчанные ажурной конструкцией. Эдакий фантастический замок, где засел колдун или заточена прекрасная принцесса.

В самом центре Долины, на берегу озера, словно родинка над улыбчивыми губами, расположился Дом. Хотя если б не накрытые поблизости столы, мы вряд ли догадались бы об этом: строение состояло из хаотично слепленных друг с другом металлических полусфер и цилиндров, обильно увитых плющом. Думаю, нечто подобное мог бы изобразить художник-оригинал (или просто псих), рисующий виноградную кисть.

Фигуры, сидящие за столами, наводили на мысль, что нас действительно там накормят. Во всяком случае, безучастно глазеть на открывшееся нам великолепие показалось неразумным.

Тут-то и поджидало настоящее испытание для нашей неокрепшей психики – мы начали встречать местных жителей. Первым нас миновал огромный, не меньше трех метров ростом, чешуйчатый бугай с гребнем красно-рыжих волос вдоль хребта. Махнув четырехпалой

лапой, он поздоровался с нами на Всеобщем языке и скрылся под сенью апельсиновой рощи. Мы изумленно переглянулись, а Николас даже нашел силы на ответный жест вежливости. Аксель пристроился поближе к внушительному Грюну.

Чуть поодаль мы стали свидетелями не иначе как брачных игр. Угольно-черный юноша, одетый лишь в набедренную повязку и ворох амулетов, виртуозно отплясывал перед нагой красавицей, кокетливо сидящей у просторного шалаша. Похоже, понятие «гнездо» следовало трактовать несколько шире, чем я думала. Уши танцора, длинные и вислые, подрагивали в такт движениям. Еще одна разновидность туве, надо полагать. А за спиной девушки трепетали крылья, невесомые, почти прозрачные, покрытые переливчатыми чешуйками, формирующими сложный орнамент. Девица, обратив внимание на беззастенчиво пялящихся нас, улыбнулась и послала воздушный поцелуй, невысоко вспорхнув над землей. Почувствовав, как щеки наливаются краской, я дернула Акселя за рукав, увлекая дальше по дорожке. Остальные (последним – Грюн, ценитель женской красоты) поспешили за нами.

Дальнейшие встречи с непознанным прошли сдержанее. Мы начали замечать общие черты у туземцев: рисунки на телах, чешуе или шерсти, амулеты и предельно легкомысленные одеяния. А потом узнали некоторые экземпляры из идэнской лаборатории. Поэтому, например, миловидная девушка с чешуйчатым хвостом вместо ног и лопоухое создание с хитрой мордочкой, напоминающеемышь-переростка, поразили нас меньше, чем могли бы. Первая наносила анима-разметку, черпая глину прямо из запруды на ручейке. Второй вытаскивал из норы подушку и матрац, очевидно, намереваясь просушить их на солнышке. Оба существа ненадолго прервали свои дела для того, чтобы тепло поприветствовать нас. Такое единогласное радушие, несвойственное жителям пустошей и гораздо более сдержанное в исполнении идэнцев, несколько пугало.

Док, запинаясь и постоянно озираясь, шел в конце нашей процессии. Вдруг он догнал Николаса и, теребя его за рукав фуфайки, завопил:

– Такая же была в музее! Всеясно! Здесь роботы выпустили образцы в естественную среду. Даже нет – это контрольная группа! Или…

– Данике, успокойся, – Валехо мягко отстранил дока. – Вероятно, ты прав. На островеживут экспериментальные особи. Ну и пусть! Разве плохо? По-моему, недурственная идея – приударить вон за той мохнатой милашкой.

– Тпру, парни! Эта крошка уже занята! – Декстер сиганул девице прямо в объятия.

Неизвестно, чем у них закончилось, но вскоре Тушкан догнал нас. Выглядел он довольным.

Дом оказался намного больше, чем мы предполагали. Столы, расставленные на лужайке, вместили бы навскидку две-три сотни людей (или существ размером с человека), но сейчас основная часть посадочных мест пустовала. В меню, вывешенном на стволе яблони, значились рыбный суп, фруктовый салат и блины с джемом. Мы уселись на свободные места и терпеливо замерли, надеясь на правдивость приписки сбоку от перечня блюд: «Не волнуйтесь – блинов хватит на всех! Занимайте свободные скамьи, я все принесу сама. Мама».

Почти тут же из Дома появилась женщина около метра ростом, в ярком фартуке на голое тело. Да, нормы морали в Долине или сильно продвинулись вперед, или очень отстали по сравнению с континентальной частью Эос. Это уж от точки зрения зависит.Точеную фигурку овевали, красные, как пламя костра, волосы, взбудораженные воздушным потоком, поднятым радужными крыльями. В руках женщина держала внушительную плошку салата и тарелку с вожделенными блинами.

Мама зависла над нами и бухнула снедь на стол. Можно было ожидать от нее тонюсенького писклявого голоска, как у всяких мелких зверюшек, *героев мультипликации*, но летунья обладала приятным грудным контральто. Выяснив, чего мы хотим на третье, она предложила поспешить, поскольку Совет начнется на закате. Ее пальчик указал на замок, виденный нами с гребня холма, предварив вопрос о том, *где именно* начнется Совет.

Мы жадно набросились на блины. За исключением Тушкана. От концентрации красоток на квадратный метр он места себе не находил. В отличие от Грюна, чей интерес принимал сравнительно спокойные, созерцательные формы, Декстеру явно не терпелось вкусить сладостной любви туземных дев. Ох, не осквернил бы сей

стремительный ловелас местную идиллию своими низменными порывами!

– Кстати, туве просила принести ей соку, – хлопнул себя по лбу Ник, когда Мама в сотый раз пролетала от столов к Дому, попотчевав очередных гостей.

– Лентяйка! – на впечатляющей скорости Мама развернулась и резко затормозила, уперев руки в бока. – Я здесь ношусь как заводная, а она еще требует сок на пляж! Передайте ей – пусть поднимет свою… – разъяренная дама вдруг осеклась, уставившись на окровавленные полоски ткани на боку у Валехо, всплеснула крыльями и окончательно смутила инженера, подлетев к нему вплотную: – Это что, кровь у тебя? Ох,все вы, дети, не придаете должного значения своему здоровью. В лечильную комнату! – скомандовала Мама.

Невзирая на занятость, хозяйка лично проводила нас. По пути она рассказала о многочисленных случаях исцеления.

– Я не говорю о царапинах, ссадинах, синяках – тут и травяные примочки неплохо справляются, – но при серьезных травмах врачевальный короб незаменим. Вчера Папа сломал ногу, и сидеть бы ему сиднем до сбора урожая, а так уже через полчаса расставлял со всеми столы в саду. Ну а тот мелкий тхир?! Прыгнул с качелей и разбил голову. Когда родители привезли его сюда, бедняжка едва дышал! Ничего, полежал, отдохнул, к вечернему чаю снова носился как угорелый.

– Почему вы не положили в короб Ффыска? – не удержалась я от вопроса.

– Должно быть, мы ему надоели, – пожала крохотными плечиками Мама, – или ему приснилось что-то очень хорошее. Как бы там ни было, совершать насилие над присоединившейся к Потоку анима невежливо.

– А память эта штука возвратить может? – уточнила я.

– Деточка, если нужно вспомнить, завяжи узелок, – Мама с жалостью взглянула на мое вытянувшееся лицо, но истолковала его выражение неверно. – Неужели на вашем острове забыты древние знания? Нужно передать с вами копию книги рецептов Бабушки! Там есть советы на все случаи жизни.

– Спасибо, – выдавила я, с трудом унимая желание отчаянно заорать. – Я и так истратила на узелки не один метр тряпочек, ниточек

и тесемок.

– Ничего, милая, бесследно не исчезает – найдется твоя пропажа. – Мама потрепала меня по щеке. – А вот мы и пришли. Устраивайся, малыш, поудобнее. – ХозяйкаподпихнулаНиколаса к испускавшему мягкое зеленоватое свечение ящику без крышки. – Пяти минут тебе хватит. Ну, я помчалась – обратно сами! – и Мама, как метеор, вылетела в круглое окошко под потолком.

Мы осмотрели конструкцию, похожую на гроб из матово-серого металла. Внутри ложе устилала мягкая ткань с ворсинками. Откуда изливался свет, осталось невыясненным – ни тебе проводов, ни лампочек.

– Ляжешь? – спросила Кирна Ника. Ее тон недвусмысленно говорил: «Не сделаешь этого добровольно – засуну силой».

– Кажется, выбора нет. – Валехо усмехнулся.

– Ну, если у Мамыесть бинты, спирт, нитки и иголка… – с сомнением протянул Данике.

– Ладно, трусишки, счас все будет. – Я почти не пострадала при тряске в зале управления Куполом, но любопытство вместе с надеждой на исцеление Акселя затолкнули бы меня и в атомный реактор. Кроме того, страшно мешала шишка на лбу.

Я плюхнулась в саркофаг. Через мгновение по шее будто пробежали маленькие пальчики, свечение усилилось, а потом, мигнув, вновь побледнело. Никакого другого знака не последовало. Выбравшись, ощупала лоб – шишка разгладилась. Данике подтвердил и отсутствие рубца за ухом.

– Ура, я опять идеальна! – с излишним энтузиазмом воскликнула я.

После меня, распихав остальных, в гробик улеглась Кирна. Еще бы! Только роботы избавили девицу от портивших ее шрамов, а тут снова-здорово: вывих плеча, царапина на щеке, кровоподтеки по всему телу. Встала она как новенькая.

Мужчины также воспользовались услугами чудо-ящика. Николас с облегчением размотал заскорузлую повязку, Грюн с видимым наслаждением выпрямил спину.

– Грюн взял бы коробку с собой, – мечтательно заявил дикарь.

Данике, до того неотрывно таращившийся в сияющее нутро саркофага, резко вскинулся при этих словах. Небось, док воспринял

наше восхищение устройством, как личное оскорбление. Хотя с той же долей вероятности он вспомнил о тех, кто лишен нормального медицинского обслуживания. Ох уж эти альтруисты и идеалисты! Всегда найдут над чем пострадать.

– Аксель, теперь твоя очередь, – подступила я к супругу.

– Я туда не лягу! Может там притаилась радиация! – заупрямился он.

– Радиация зарычала бы. – Ник всхрюкнул от едва сдерживаемого смеха.

В итоге Аксель все равно брыкался и хныкал, но, повторно схлопотав от Кирны в ухо, смирился. Мы дождались, пока свет мигнул, и позволили подопытному вылезти.

– Мэйби, зачем вы меня обижаете? – капризная фразочка явно не принадлежала настоящему цыгану.

Радость омрачилась. Я от злости так треснула по стене, что ссадила себе костяшки до крови. Все приуныли. Кроме Птицына, который как в воду канул. Вот только он дверь подпирал, ан нет уже Владилена. Ну и как его искать в этом лабиринте? Пора, кстати, описать интерьеры Дома.

Внешняя хаотичная его композиция влияла и на внутреннее устройство. Комнаты, залы, каморки соединялись путаными коридорами и лестницами, в том числе веревочными и приставными, имели разную форму, тяготея, однако, к шару и кубу. Количество этажей мне не удалось точно определить – то ли шесть, то ли шесть с половиной, то ли все-таки семь с четвертью. А уж убранство! Местами оно напоминало жилые пузыри в Куполе, наводя на мысль об их общем происхождении, несколько помещений были полностью обиты деревянными досками, в двух стены, потолок и часть пола оплело растение с желтыми венчиками цветов и темно-зелеными разлапистыми листьями. Обстановка пестрела предметами, которые ну никак не ожидаешь увидеть рядом. Например, заваленный одеялами диван рядом с ручной газонокосилкой, приспособленной под журнальный столик, или спасательный круг с укрепленными на нем свечами над двуспальной кроватью с балдахином. Полагаю, мы никогда не узнаем, как попали сюда все эти вещи.

Наконец, имелась оклеенная обоями в узорных медальонах столовая с пузатым тяжелым буфетом, люстрой, столом и стульями,

укрытыми вязаными салфетками. Рядом притулилась кухня, откуда мы и выволокли Владилена. Занятая приготовлением блинов и других лакомств, Мама, поди, не заметила коварного алкаша. Свинья грязь найдет, а Птицын своим чувствительным рылом отыскал бочки с самогоном. К одной из которых и не замедлил присосаться, аки младенец к сиське. Он втихаря нацедил себе целый бидон литра на три. Пока диверсия не открылась, мы вывели Птицына на воздух. Возвращать краденый бидон и его содержимое Владилен не пожелал.

Вновь оказавшись у столов, мужчины потребовали сделать еще один набег на яства. Пришлось уважить. Напрочь потеряв аппетит из-за неудачи, я села поодаль.

– Я слышала, ты пытаешься вернуть чью-то память. – Напротив меня остановилась лопоухая туземочка с бледно-золотистыми волосами. Очередная туве. Да, склоняюсь к мысли, что туве скорее раса, чем имена пары девиц. – Есть еще три надежных средства!

– Настолько же древних, как узелки? – я скорчила пренебрежительную гримаску.

– Пожалуй, древнее.

Почему нет? Я пояснила, кому нужна помощь, и с любопытством воззрилась на происходящее. В принципе я ожидала чего-то подобного, но не мешала золотоволосой до тех пор, пока не взмолился Аксель. Сначала девица испугала его, подкравшись сзади и громко заорав. Бедняга вместе с тарелкой навзничь грохнулся со скамьи. В его коротких волосах и на ушах висел салат. Одно то, что Аксель не послал обидчицу на хрен или в нокаут, ясно свидетельствовало – средство не помогло. Я сокрушенно покачала головой. Барышня пожала плечами и не менее внезапно оголила перед носом у моего мужа свои буфера.

– Мэйби, чего ей надо? – запричитал Аксель, пятясь от туземки на карачках. – Убери ее от меня! А ну как она по голове мне треснет?

– Удар по макушке –самый испытанный метод, – произнесла девица, заправляягруди в топ, совершенно не обращая внимания на жадные взгляды Декстера и Грюна.

– Нет-нет. Его уже били – безрезультатно.

– О, не всезнания у вас потеряны! – порадовалась златовласка.

– Конечно. Просто остров чересчур велик, и знания не концентрируются, как здесь, а размазываются тонким слоем, –

заверила я ее, задумчиво глядя на Акселев затылок рядом с моим коленом. А вдруг сработает? Впрочем, к лешему народные способы лечения!

– Не отчаивайся! Память не пропадает бесследно, она же часть анима, – туземка похлопала меня по плечу, улыбнулась перепуганному Акселю и удалилась в сторону замка. – Не опоздайте на совет! – крикнула она издали.

Мужчины тепло распрощались с ней, а я сидела в каком-то оцепенении. Золотоволосая туве сумела-таки помочь, подтолкнув меня к решению. Эх, голова моя дырявая! Анима! Я до сих пор слишком мало знаю о ней и не привыкла связывать с нею все. Но тут наверняка есть кто-то компетентный!

Ах, Надежда! Ты хуже Фортуны, честное слово. Удача непостоянна, непредсказуема, а ты? Ты никогда не покидаешь человека, даже если он пытается отринуть тебя, ты упорно возвращаешься, сменяя обличия. Фортуну ценят и призывают, холят и лелеют, тебя порой ненавидят. Однако, потеряв везение, человек продолжает жить, потеряв надежду, он умирает.

Я снова поверила в себя, в счастливую Акселеву звезду (то есть опять – в себя), в возможность вернуть цыганина из *бездны забытья*. Аппетит, вдруг напомнивший о себе громким урчанием в животе, вынудил меня присоединиться к моим друзьям за столом.

– Мэйби, я устал, – промямлил Аксель и сонно моргнул.

– Я тоже. Хочу спать, – поддержал моего муженька Грюн.

Мысль задремать тут же, в саду, или в уютно-пыльном Доме на сытый желудок показалась особенно заманчивой.

– Но у местных какое-то важное сборище намечается. Там-то уж выяснится, где мы, кто все эти, ммм, существа и чего от них ждать, – справедливо возразил Данике.

– Заканчивай с паранойей, док. Пока ты дождался от *них* третьей порции блинов. – Николас кивком поблагодарил Маму, проворно заменявшую пустые тарелки на полные. – Двигаем на Совет. Там поспите, если что.

Мы покряхтывая поднялись из-за стола и направились к Горному Дому.

В отличие от тропинки к пляжу, этой дорогой, похоже, пользовались нечасто. У меня мелькнула догадка, что ее не

облагородили, вероятно, ради желающих *проявить удаль.* Пришлось проявить ее и нам. По счастью, путь обозначался стрелками на камнях и табличками, поэтому мы достигли-таки замка в приемлемые сроки – еще до заката.

Наверное, Горный Домкогда-то являлся частью куда большего по размерам комплекса, но и без того габариты его изумляли. Все архитектурные элементы здания тянулись ввысь. Веретенообразные башни выталкивались в небо колоннами, соединенными с основой сетчатыми арками. Каждая опора состояла из семи-восьми «стеблей», скрепленных на различной высоте скульптурными поясами, и увенчивалась остроконечным шлемом. Везде, где только можно, поверхности рябили рельефными орнаментами, схожими с идэнскими, из зала управления. Те же лица, но радостные и умиротворенные. Они не теснились, заминая друг друга, а кокетливо выглядывали из каменной узорчатой листвы, словно мифические духи леса, *гриады*.

Замок глубоко врос в скалу, сделавшись ее частью. Окружающая природа постаралась освоить чужеродное творение: оплела колонны плющом, вырастила цветы на нижних арках, проникла своими зелеными руками даже внутрь через трещины, балконы, витражные рамы, оставшиеся без стекол. Окна цокольного яруса, как и входной портал, наполовину скрывались под землей, поэтому пол первого этажа оказался ниже уровня земли на несколько метров. Туземцы исправили неудобство, сложив грубую лестницу из валунов.

Наконец таблички со стрелками привели в зал Совета. Мероприятие, судя по всему, еще не началось, но большая часть мест уже была занята. На посыпанной мелким песком арене, рядом с гигантскими песочными же часами, стоял ящер (не эту ли рептилию мы встретили утром?) с металлическим половником в лапах. На шее у твари красовалась кокетливая белая бабочка.

Едва я взглянула на поднимающиеся кверху, точно в *амфитеатре*, ряды скамей, как ощущение нереальности происходящего вновь нахлынуло на меня. Пестрая толпа существ, галдящих, жующих, жестикулирующих, смахивала на запечатленных для довоенной газеты фанатов, которые пришли на *бейсбольный матч* поболеть за любимую команду. Впрочем, вряд ли кто-то нынче помнит об этой игре. Интересно, туземцев собрал столь же дурацкий повод?

Мы протиснулись на галерку – там было посвободнее. Владилен, всхрапывая, клевал носом и в итоге сполз под лавку. Я и остальные тем временем слушали и осматривались.

В крыше залы зиял пролом, через который виднелось темнеющее небо с пятнами облачков, нарождающимися звездами и парящими чайками. Ползучий плющевидный кустарник вскарабкался и сюда – с краев дыры свисали его длинные, усеянные мелкими листочками, плети. Свод над нами возносился на добрых стопятьдесят-стошестьдесят метров, поддерживаемый массивными, похожими на пластинчатые грибы, колоннами с затейливой резьбой. А прямо напротив, за пятачком арены, посадочные ряды были разгромлены. Вероятно, их завалило обломками при падении громадного (верхний конец застрял в капители ближайшей опоры) черного стержня, который, пробив свод, воткнулся в пол. Либо эта штуковина – то ли карандаш-переросток, то ли крылатая ракета – когда-то стояла посреди зала и потом рухнула. Хотя, быть может, отверстие в потолке являлось архитектурным замыслом, а не результатом разрушений.

Ящер неистово замолотил половником по песочным часам, призывая общество к порядку. Это удалось ему на удивление просто. Островитяне определенно имели представление о вежливости и такте.

– Итак, – пробасила рептилия, – все вы знаете, зачем мы собрались. Для того чтобы обсудить проблему людей.

Тишина, воцарившаяся на трибунах, на несколько мгновений стала густой, буквально осязаемой, а затем разразился немыслимый гвалт, вынудивший ящера вновь применить половник. Как только он часы не расколотил?!

Слегка успокоившись, туземцы начали вполне цивилизованный обмен мнениями. Благодарение небесам, «проблема людей» рассматривалась под несколько иным углом, нежели можно было ожидать. В первую очередь следовало выяснить, существует ли в природе *такая разновидность* разумных *существ* как *человек*. После того как обитатели отдаленных островов (а сюда, насколько я уловила, пожаловали представители со всех концов архипелага) сдались под напором неоспоримых фактов, среди которых не забыли даже тувин приемник, обсуждение перешло, собственно, к сути.

Островитяне *страдали от тесноты*. Вполне закономерно, по-моему. Судя по наличию чудо-ящика и рассказам Туве,

долгожительством здесь отличались многие. Даже больше – понятие смерти было им, похоже, неизвестно. Существо присоединялось к Потоку, когда *уста**вало*** от жизни. Но, как по мне, в здешних условиях довольно сложно устать от жизни.

Запросы туземцев впечатляли. Отдельные особи выражали недовольство (хоть и очень сдержанное), что соседи селятся на расстоянии полукилометра от их гнезд. Фея размером с ладошку поведала окружающим *леденящую душу* историю о некоей эйлерийке, намедни зловеще хохотавшей у нее под окнами. Кто-то заметил: сие-де происходит от излишней любви молодежи к *разгульной* жизни. Ему возразила юная девица со змеиным хвостом вместо ног – никто, мол, не смеет мешать ей гнездиться даже в трех местах зараз, особенно, если партнеры не против. Многие вторили ей.

Поскольку человечество, по слухам, благополучно сгинуло, освободились огромные территории, которые присутствующие (а также их друзья, родственники и соседи) охотно заселили бы. Кроме того, зна*ки* и зна*мения* прямо указывали на удачное время для исхода на большую землю. Когда столб *небесного огня* уничтожил*запретный остров*, о переезде призадумались даже самые непримиримые скептики.

– Пусть Туве скажет! – завопил кто-то в партере. – Где она, кстати?

– Мы расскажем за нее! – рядом со мной неожиданно поднялись Данике, Николас и Кирна.

– Слухи о гибели человечества сильно преувеличены, – начал Валехо, благополучно пробравшись между скамьями до арены и развернувшись лицом к публике.

– А это кто? С дальних островов? – отовсюду послышались удивленные недоверчивые возгласы.

Конферансье с половником призвал общество к порядку и обратился к самовольным ораторам:

– Вы уверены? И кто вы?

– Мы путешествовали вместе с Туве, – ответил Данике.

– Нам доводилось встречать людей, – продолжила Кирна. – У каждого из них по шесть рук, зубы остры, глаза смотрят злобно, с ладоней срываются громы и молнии. Их земли мертвы…

Имелись ли у Кирны конкретные цели либо это была хренова импровизация, так и осталось загадкой. Начавшегося вслед за сим гомона не перекрыл даже стук половника о стекло и бас ящера. Предполагаемая внешность людей подверглась тщательному разбору. Конферансье пожал плечами ипошептался с моими спутниками, после чего приволок скамью из-за черного «карандаша». Они уселись ждать затишья, которого, судя по всему, в скором времени не предвиделось.

К тому моменту Аксель меня окончательно допек. Он от самого Дома непрерывно жаловался на изнурение, мое равнодушие, необходимость лезть в опасные руины и сидеть среди горластых уродов. Поэтому я применила на супруге «метод Владилена», напоив трофейным алкоголем из бидона. Надо ж восстанавливать доброе имя народной медицины! Само собой, пай-мальчик Аксель убрался в полнейшие слюни с пары глотков, даже не оценив букета цитрусовых с корицей, и прилег под бочок к Птицыну. Приложилась к самогону и я.

Тут на глаза мне попался Декстер. Онпечалился, вспоминая «свою Тианочку», от которой не осталось ни кусочка. А если б чудо-гробик вернул его подругу с того света? И многочисленные женские прелести не сумели надолго развеять мессиканской грусти. Подсев к нему, я повела открытым бидоном – внутри тихо плеснуло.

– Так и будешь горевать?

– Пацан, тебе не понять настоящей скорби! – брякнул Декстер.

– Да куда уж мне...

– Как ты смеешь утешать меня, сопляк? – взбеленился Тушкан. – Смотри и учись, как мужчина расправляется с бедами!

Мессиканец выхватил у меня бидон, поставил его на согнутый локоть, заложил свободную руку за спину и принялся пить. Жаль, не с кем заключить пари на то, сколькоон выпьет. И вдруг меня осенило: Тушка сказал «пацан»! То есть Декстер был настолько невнимателен, что до сих пор не прочухал? Нет, мне вправду так повезло?! Игра еще чуть-чуть продлится – не упускать же шанс повеселиться! Хм, сдается, Мэйби Туморроу тоже захмелела. Я хихикнула и, ткнув Тушкана пальцем в бок, предупредила:

– Слышь, не свались под лавку!

Хвостатый угрожающе замычал, его кадык заходил быстрее – судя по булькам, Владилену ничего не достанется. Наконец Декстер убрал подпиравший бидон локоть и, держа емкость одними зубами, допил

самогон. После, отмахнув башкой, закинул посудину в нижние ряды. Кто-то поймал бидон и крикнул «спасибо». Королевский Тушкан утерся рукавом, смачно рыгнул и довольно осклабился. Из-за броска у него скололся передний зуб, и тушканья рожа приобрела совсем уж разбойничий вид.

– Учись, пока я жив, малец! – процедил Декстер, потягиваясь.

– Эй, а кого я уделал на родео? Как сосунка? – подначила я.

– Случайность, – лениво обронил Декстер.

– Проверим? – передо мной во всей красе обрисовалась картина намечающейся потехи: я буду глумить Тушку до тех пор, пока он не признает поражения или не уйдет от разговора, что станет равносильно признанию, а затем откроется истинная половая принадлежность Тома Мэйби и... Но разве я могла предугадать воспоследовавший кавардак?

– Отличная идея! – пьяно заорал Тушкан и сиганул на шею здоровенной рептилии, сидящей на два ряда ниже.

В принципе я еще успевала послать мышцам сигнал «отставить!», но выяснилось, что Томми крепко угнездился в моей голове. Его не вытравили полгода идэнской жизни, и сейчас он порекомендовал принять вызов, дабы не повредить его *мужской* репутации. В общем, когда решение притвориться, будто я не знакома с мессиканским нахалом, окончательно оформилось, мой зад уже прочно сидел на мощном загривке великана с кожистыми крыльями и развесистыми ушами в серьгах размером с мой кулак каждая.

– Йохуууууууу! – несся справа залихватский вой Тушкана.

Изворотливого засранца покуда не сняли с шеи ящера, хотя помощников было навалом. Они пытались увещевать Декстера, просили слезть самостоятельно во избежание травм. В итоге чешуйчатый верзила отловил наездника и, зажав подмышкой, начал объяснять правила поведения в приличном обществе.

Сцену свержения Королевского Тушкана я наблюдала из неудобного положения – удерживаемая за шкирку. Гигант, которого я так борзо взнуздала, оказался проворнее ящера и сразу нащупал на шее помеху. Едва он вытащил меня из «седла» и его заинтересованная физиономия поравнялась с моей, я начала лепетать: «Простите, в нашем племени скачки являются единственной проверкой удали. И чем крупнее скакун, тем лучше! Позвольте мне посидеть у вас на

плечах! Можете даже брыкаться!» Великан осмотрел меня со всех сторон, участливо погладил пальцем по голове и прогудел: «Совсем молодежь распоясалась». Испугавшись наказания за свою выходку, я слезно пожаловалась на плохой обзор с моей лавки, вынудивший меня искать «сиденье» повыше. Зря. Здоровяк пробубнил: «Это мы легко поправим!» – и метнул меня обратно. Приземлилась я удачно – словно и с места не сходила. Минутой позже прилетел Декстер, запущенный могучей дланью ящера.

– Опять я тебя сделал! – я попыталась щелкнуть его по носу, но промазала. – Пока тебе наминали бока, я и прогарцевал, и вернуться успел. Так-то!

– Если я не видел – значит, ничего не было, – огрызнулся Тушкан.

– Проигрыш признать кишка тонка?! – поддразнила я и незамедлительно очутилась лежащей между скамьями.

А сверху взгромоздился Декстер, готовый бить Тому морду. Только вот незадача, оттянув ворот моей фуфайки и уперевшись коленом мне в пах, он смекнул, что собирается отлупить девицу. Все произошло не так, как я хотела, но тоже неплохо. Тушкан нашарил рукой надежную поверхность лавки и уселся на нее.

– Мог бы раньше догадаться, – буркнул он.

– Но не сумел! – торжествующе усмехнулась я, плюхнувшись рядом.

– Отодвинься, – потребовал Декстер, – я и так достаточно унижен.

– Это только начало! – пообещала я, но говнюк уже захрапел.

Пока мы развлекались, наши друзья выступили с пламенной речью, в которой обличили воинственность людей, их жадность до земли и ее богатств, будь то собственные или соседские. Ребята в краскахобрисовали вонючие клоаки человеческих городов, смертоносное вооружение, обезображенные просторы Эос и, вероятно, напридумывали бы еще каких-нибудь ужасов, если б на арену не выступили новые действующие лица – пятеро ушастых неизвестных.

– Старейшины тари с острова Тари! – рявкнул ящер-конферансье в наступившей вдруг тишине.

Они совсем не выглядели ста*рыми*: ни тебе согбенных спин, ни сморщенных ручонок с пигментными пятнами, ни складок обвисшей кожи. Чего уж там, по-моему, любой присутствующий из породы туве (даже я), изобразил бы старейшину с острова Тари, напялив амулетов

побольше и воспользовавшись удлинителями и подпорками для ушей. Не иначе органы слуха играли важную роль в культуре островитян. Вот и Туве надевала на ушки нелепые нитяные кисточки. Где-то она теперь?

Между тем старейшины сразу заговорили о главном. Я слушала и не верила.

Не так давно у их острова причалила гроссийская подлодка. Согласно древним законам гостеприимства, экипаж *накормили, напоили и спать уло*жили. И вот всамделишные люди заявились на Совет вместе с делегацией тари. Похоже, благоденствие обитателей архипелага скоро закончится…

Троица в мышиного цвета шинелях гуськом выбрела из боковой галереи. Я никогда раньше не видела живого (или мертвого) гроссийского солдата; Владилен Михайлович не в счет. Впрочем, не думаю, что сие знакомство серьезно обогатило мой жизненный опыт – военные везде одинаковы. Один из прибывших явно имел возможность зажиреть и выбрать форму поновее – должно быть, офицер. Двое остальных постоянно хватались за висящие на истертых ремнях автоматы и, как мне показалось, откровенно робели. Я могла их понять. Жалкие, какие-то облезлые и тусклые, чужиев этом мире ярких красок, гроссийские солдаты приблизились к ящеру и тари. Главный время от времени слепил первые ряды вспышкой фотоаппарата.

Его выступление – набор шаблонных фраз о мире, союзе и торговле, подкрепленный фальшивым звоном стеклянных бус – нисколько меня не удивило. Но туземцам и в голову не пришло заподозрить гостя в неискренности, они сосредоточенно внимали лживому пустозвону, напоминавшему толстобрюхого линялого сурка. История нашего (или не нашего, а *того, другого,* мира, вращающегося под левым глазом звездного дракона) знала множество подобных случаев. Люди с каменными сердцами не раз и не два пускали в ход обман, подкуп и, в конце концов, неизменно – оружие.

Отыскался, однако, тот, кто не только заподозрил, но и осмелился высказаться.

– Эти люди украдут наши сердца и заменят их кусками камня! – раздался звучный голос из портала, через который несколькими часами ранее мы попали в зал. – Они научат вас убивать друг друга из-за

безделицы и обратят острова в пустыню. Как уже поступили со своими землями.

Ярко вспыхнула медь волос. Туве, похудевшая, осунувшаяся, но живая, шагнула на песок арены, обличающе указуя пальцем на оторопевших военных. Офицер попятился от нее, схватился за кобуру, солдаты вскинули автоматы. Неизвестно, чем закончилось бы противостояние, но трибуны возмущенно загалдели, обвиняя рыжую в грубом беспочвенном оскорблении людей и их дружеских намерений. Туве, к немалому облегчению грусских, мягко, но настойчиво вывели прочь. Кто-то начал зажигать цветные фонарики, выпустили рой светлячков. На песок арены вкатили тачки с блинами. Ящер многозначительно возвестил, что на сегодня Совет окончен, а далее в программе – праздник в честь гостей. Он подробно объяснил, где желающие смогут найти накрытые столы и свить временные гнезда. По-моему, ему не терпелось ухватить свою порцию блинчиков и присоединиться к торжеству.

Со всех ног, перепрыгивая через ряды и толкаясь, я бросилась догонять Туве, оставив дремлющих Акселя и Владилена на попечение не менее сонного Декстера. Впрочем, покуда на острове не воцарились человеческие нормы поведения и морали, беспокоиться за них не нужно.

Я с разгону влетела в круг тари, внутри которого металась Туве. За мной подоспели Кирна с Николасом, и мы уже вчетвером осадили старейшин, убеждая с осторожностью отнестись к гостям и их посулам. Мы старались втемяшить доверчивым островитянам, что они зря развесили свои уши, что люди никогда ничем не делятся. Но наше красноречие пропало даром. То ли радоваться существованию в нашем мире таких добросердечных простачков, то ли злиться на них, то ли бояться за их участь...

Вдобавок я заметила, как в углу арены Данике о чем-то оживленно болтает с гроссийским офицером. Конечно, подслушивать нехорошо, но… Мне все равно нужно было забрать трех сонь с верхних рядов. Проходя мимо шушукающейся парочки, я чуть притормозила. Так и знала! В то время как мы обличали перед островитянами грусских, док стращал тех «опасными уродами». Невзирая на исключительное благодушие этих самых уродов по отношению к нам, Данике врал, будто они воинственны и коварны. Стоило бы ему врезать! Он, что,

рассчитывает покинуть архипелаг вместе с военными? А байки про агрессивных дикарей типа ускорят отплытие? Только вот не учел Данике, что грусские приперлись сюда не просто так. Офицер даже намекнул на некий интерес, ради которого их занесло на архипелаг. Правда, пренебрегать законами гостеприимства командир пока не смел, поэтому в запасе у меня имелось немного времени – минимум до утра. Вернее же, надеялась я – до вечера. А не подсадить ли к солдатикам Владилена? Пущай напоит соотечественников да покалякает по душам.

В итоге грусские покидали замок, сопровождаемые Данике и Николасом, которые провозгласили нас потерявшейся научной экспедицией. Птицын «прикрывал отступление» в обнимку с одним из солдат. Кирну увел вниз молодой змей, а Королевский Тушкан потребовал не беспокоить его до утра, рассчитывая, по-видимому, на ласки встреченной ранее пушистой девицы или туве. Хотя он мог и еще кого-нибудь подцепить. Ладно, коль здесь не запрещают многогнездья, потерпят и Декстера. Грюна сопровождала целая орда поклонниц. Дамочки, несомненно, мечтали сподвигнуть его на витье гнезд, однако он отмалчивался, наверняка уже оценив их *в черепах* и сообразив, что на всех не хватит.

Я осталась с Акселем и Туве рядом с Горным Домом. Нам многое следовало обсудить.

Глава 15

Островитяне праздновали вовсю. По мнению Данике, повод для веселья выдался так себе. В течение последних недель (ломка началась еще в Куполе), проведенных без заветных таблеточек, *любое* развлечение казалось ему надуманным и неуместным.

Мучительная бессонница и скверное настроение вынудили Данике удалиться в уютную яблоневую рощицу, которую еще не облюбовали приверженцы *гнезд на одну ноч*ь. К нижним веткам заботливо прикрепили несколько фонариков, будто бы зная – кто-то обязательно решит прийти сюда. В круглой прозрачной раковине бились то ли крупные светляки, то ли *болотные огни*. Здравомыслящий Данике склонялся к первому варианту. Он машинально извлек из кармана кастет-лучемет и принялся крутить его в руках. И очень удивился, когда от легкого нажатия боковая панель устройства отъехала в сторону, все вокруг озарило ровным фиолетово-розовым сиянием. За прозрачной овальной пластинкой словно переливалось жидкое пламя, но Данике больше заинтересовал ряд кнопочек слева.

Происходящее вокруг нервировало Данике и заставляло рассматривать действия Фрая с разных сторон, заново их осмысливать. Вероятно, следовало искать с ним союза? Если таинственный человек не лгал (судя по загадочному механизму в руках дока, мистер глюк в худшем случае *недоговаривал),* то вскоре могут нагрянуть и другие гости с Земли. Которые будут недовольны приемом, оказанным их агенту.

Пока Данике раздумывал, какую кнопку нажать первой, из устройства раздался голос.

**

Приборы, оружие, даже предметы личного пользования, которыми экипировались эмиссары Земли, служили множеству целей. Среди них числилась и оценка степени развития туземцев, их уровня агрессии и любопытства – во всеземные вещи встраивались средства слежения. Жучок в проекторе пустотных лучей, в обиходе – дезинтеграторе или еще проще – *дезике*, прекрасно справлялся с этими функциями.

Маки с интересом наблюдал, как дикарь крутит прибор в руках. Значительную часть сведений, которые предоставил бы Фраю дезик, он собрал и без его помощи. Эосцы, как и большинство переживших финдаианское вторжение и драугларскую программу колонизации, были агрессивны и тупы, ихзнания об окружающем мире в основном подменялись домыслами и легендами.

Девяносто девять дикарей из ста, пытаясь вскрыть подарочек *высокоразвитой цивилизации*, гарантированно разлагали себя и все в радиусе двадцати-тридцати метров (в зависимости от наполнения небулитового кристалла) на атомы, которые пустотный взрыв вроде бы отправлял *в небытие*, навсегда исключая из круговорота веществ в природе. Однако Данике оказался сотым – счастливчиком, – без вреда для себя открывшим контрольную панель. В таких случаях инструкция предлагала вступить с туземцем в контакт под видом высших сил или уничтожить на месте (например, если вскрытие происходило в некоей туземной лаборатории), но Фрай плевал на всякие инструкции. Именно в этом, помимо прочего, заключался секрет его успеха.

Сидящий на наркоте доктор неплохо заменил бы Тианочку, коей пришлось-таки пожертвовать. В крупных партиях частенько важны несущественные, на первый взгляд, детали, поэтому он до сих пор старался не упускать «табор» из виду. Псих, засылавший письма в далекий космос, а также его друзья (да и вообще – люди, способные на подобное вольнодумство), заслуживали того, чтоб приглядывать за ними хотя бы в полглаза. Вот мистер Фрай и приглядывал. Он, правда, надеялся на их безвременную кончину, но нет так нет, значит, этим картам покуда не место в сбросе.

Фрай провел ладонью над волновым экраном.

– Если ты искал интересного собеседника, приятель, то вот он я! – запахнув домашний халат и почесав свежеотрощенную руку, *призрак* приготовился к вселению в новое тело.

**

Данике не испугался – случилось то, к чему он стремился и для чего ковырялся в лучемете. Возвращение мистера Фрая живым и невредимым тоже ничуть его не удивило, а только подтвердило догадки.

– Если ты открыл эту штуку, – продолжал Маки, – то заслуживаешь разговора на равных. Я так понимаю, ты хотел

установить *дипломатические отношения*?

– Вроде того. Полагаю, мы сумеем сделать друг для друга немало полезного. – Данике попытался унять предательскую дрожь в руках, но без таблеток шансов у него не было.

– И ты не ошибся! – Фрай ощутил прилив вдохновения, которое, вероятно, испытывают актеры на сцене.

Он не питал надежд на абсолютное доверие со стороны Данике. В конце концов, Тиану он буквально взрастил, овладевая ее мозгом нейрон за нейроном, а тут придется работать наспех. Наверняка мнительный (и чересчур умный) доктор попытается вести двойную игру и околпачить мистера Фрая... так поступали многие. Но всегда есть крючок, который можно загнать засранцам под жабры. Главное, жертва до последнего должна *дум**ать***, что у нее все *под контролем*.

Данике между тем сбивчиво объяснял причину своего обращения. Его, видите ли, тревожит судьба планеты, друзей. Бла-бла-бла! Он просил рассказать о Земле, о ее нравах, политической системе, «обо всем на свете – от А до Я».

– О, Земля – прекрасное место, особенно после того, как ее слегка, ммм, подновили. Голубое небо, зелень, чистый воздух... пейзажи как с открытки!

Покопавшись пару секунд в памяти бортового компьютера, Фрай продемонстрировал дикарю несколько голографий, сделанных во время отпуска в минувшем столетии. Пастораль и семейная идиллия – самое то для грубой лжи!

– Вот я с первой женой в Гранд-Каньоне, вот я с обеими женушками и детьми у Великой триумфальной арки, вот я с сослуживцами на Первой космической верфи... – еще несколько голопроекций в том же ключе мелькнули перед Данике. – Касательно политического строя... Словосочетание «Федеративная Земная Империя» говорит само за себя, верно? Видишь ли, после той ужасной войны, про которую ты послушал в Куполе, многие, ммм, колонии очутились в изоляции. А ведь повсюду разбросаны игрушки длинноухих ублюдков! – на мгновение с мистера Фрая слетела благостная маска филантропа, но он быстренько взял себя в руки. – Я и мне подобные собираем отбившихся от стада овечек и обезвреживаем эстарийское оружие. Для нас ценна каждая человеческая жизнь, так-то. Но, посуди сам, нельзя просто явиться и

выложитьвсе как есть. Многие нервничают, хватаются за оружие... Преимущественно за ядерное, но кое-где доходит и до турболазеров. Как в «Звездных…», то бишь «Космических войнах» – птиу-птиу! Вот и трудимся втихую, терпим унижения, умираем. Ради всеобщего блага, конечно.

– Ваша задача – подготовить аудиторию, да? – смекнул Данике, несколько запутавшийся в обилии информации. – Эос, должно быть, вообще необычный случай? Мы ведь понятия не имеем о принадлежности к земным колониям. Подумать только!

– Мало где помнят Колыбель. А случай, да, необычный благодаря бестолковым эстарийским роботам! – Маки подавил вновь нахлынувшее раздражение и улыбнулся: – Но отныне они – часть истории. Хотя я бы на твоем месте держал ушки на макушке. Эта нечисть на островах невероятно опасна, с нею еще предстоит разобраться.

– Согласен, эксперимент жутковатый. Да и планета в плачевном состоянии, – док расслабился, на минуту забыв о пилюлях. – Всем пойдет на пользу, если здесь будет наведен порядок.

– О, порядок мы наведем, так сказать, объединенными усилиями! – заверил его мистер Фрай.Надо же, судьба услужливо толкает в его крепкие объятия безумцев, идеалистов, тупарей – в общем, весьма полезных людей!

– Похоже, я делаю правильные ставки, – док пригладил вихры на макушке.

– Не сомневайся, приятель! – воскликнул Маки. – Кстати, вот тебе аванс в счет будущего взаимовыгодного сотрудничества.

Рядом с доком упал пузырек с таблетками. Двести штук – богатство!

Благодарности мистер Фрай не ждал. Он с интересом следил за судорожными попытками своего подопечного отвинтить крышку с секретиком от детей. Данике глубоко заглотил наживку. Осознав всю двусмысленность этого выражения, Маки громко заржал. Он снова торжествовал. Пересылка таблеточек была счастливым наитием, тестом. Телепорт на дезике сработал. Теперь, если грусский агент лопухнется, его подстрахует Данике, а если и того постигнет неудача, то Фрай спустится вниз сам. Но это в крайнем случае.

Док между тем совладал с упаковкой и блаженно откинулся на траву.

**

Безумный день завершился. Сейчас мы с Туве сидели у подножия замка, откуда открывался чудесный вид на Долину, весело перемигивающуюся огоньками со звездами, и на океан, расколотый серебристой лунной дорожкой. Рыжая за обе щеки уплетала блинчики с апельсиновым вареньем, Аксель спал, положив голову мне на колени, а я потягивала фруктовый сок.

Туве сильно изменилась с нашей последней встречи, начиная от цвета ауры – темно-синего теперь – до выражения лица, контуров фигуры, манеры говорить, наконец. Она стала угловатой, как фарфоровая статуэтка, которую разбили и склеили заново. Не вернуть уже плавного изгиба плеча, округлости щек, волосы не лягут пышной волной, а на месте глаза будет зиять крошечная треугольная дырочка (осколок потерялся где-то в пыли). Это другая туве.

– Как ты могла поверить *такому* существу? – возмутилась дикарка, оторвавшись от еды и воззрившись на меня с неприкрытым осуждением.

– Ты ни словом не обмолвилась о качестве аур, – заметила я ей.

– Но это же видно! Неужели ты не чувствовала? Аура всегда отражает помыслы. Чем чище намерения, тем светлее и ярче ее цвет. Анима Фрая состоит из злобы и ненависти, впитывает пустоту и растворяется в ней, – поучала меня Туве.

– Стой, но даже Кирна, ее отец… да я никого не знаю даже приблизительно похожего на Фрая! – я начала перебирать в памяти, и точно – никого.

– Анима начинает гнить от поступков и мыслей действительно чудовищных. Такие существа в некотором смысле бессмертны, к живым их уже не отнести. Темная анима *не у*ход*и*т – Поток отторгает ее.

Кутаясь в одеяло, я слушала Туве, как когда-то Акселя.

– Блуждающие анима. Мы зовем их духами, привидениями или призраками, – продолжала Туве. – Иногда они помогают – Владилен яркий тому пример, – но большая их часть враждебна и опасна. Рано или поздно призраки обретают покой, став частичкой огненного камня. У Потока их целые россыпи. Так темные ауры очищаются, но это

вопрос не времени, а вечности. В итоге узники камней соединяются с Потоком. Таков естественный путь. И *единственный*…

К сожалению, заключенная в камнях сила слишком легкодоступна. Высвободить ее – безделица, было бы желание.

– То есть камни можно как-то использовать? – уточнила я.

– Что случится, если разводить костер из прутьев своего гнезда? Когда твой век короток, незачем думать о завтра… – тихо откликнулась Туве. – Кто-то забывает, кто-то не знает, кто-то не хочет знать – внутри большинства камней пленены темныеауры. Чаще всего обходится гибелью вызволителя. Но последствия бывают гораздо хуже, затрагивают целый мир, даже плеяду миров. – Туве поежилась и грустно добавила: – А случается, дух сам не способен влиться в течение… если смерть застала его врасплох и тело погибло быстро, не дав ему подготовиться. Других же удерживают незаконченные дела.

Туве опустила голову, словно вспомнив о чем-то.

После затянувшейся паузы я спросила про Джо. Вероятно, я поступила не очень вежливо, но это казалось важным. По всему выходило, девушка дала Джонатану второй шанс, оплатив его из собственных средств. Колесо Вселенной раздавило Тувино сердце, заменив егохолодным булыжником.

– Твое стремление возвратить Акселя сродни моей попытке, Мэйби, – помолчав, заметила Туве. – Вы оба можете сгинуть в пустоте между мирами. Или даже хуже...

– Я готова.

– Обдумай, потери иногда делают ауру целостнее. Ты уверена, что правильно отнимать у него покой?

– Если он перестанет быть куклой – да!

Меня не на шутку смутили и испугали ее предостережения, ведь прежний Аксель в первую очередь нужен мне, самому ему комфортно и так. Обрадуется ли цыганин своему возвращению?

– Пусть покоятся мертвецы! – упрямо рыкнула я, сжав до боли кулаки. – Я расшевелю его!

Супруг застонал во сне, повернул голову и уткнулся лицом мне в живот.

– Когда-то Эвистрайя, Потерянная туве, предрекла, что с небес явятся путешественники и похитят у Эос покой. – По лицу рыжей мелькнула тень улыбки. – Но ты справишься и без них, Мэйби.

– Эта Эви-как-ее-там ляпнула изрядную глупость. Ну какой покой в месте, где живут люди? Ты же сама видела!

– В свое время я поведаю тебе ее историю… – медленно произнесла Туве. – Давай-ка спать.

Я долго еще лежала без сна, поглощенная сомнениями. В голове роились мысли, подчас совершенно фантасмагорические. Раздумья о роли анима в формировании личности плавно перетекли в раздумья о роли анима *во* все*м*. По словам Туве, именно анима, а не мозг, серая масса, набитая между ушей, делала существо разумным. С другой стороны, ауры есть даже у предметов, относящихся к разряду *неодушевленных.*

Владилен многажды в своей обычной *застенчивой* манере хвастался способностью понимать язык зверей, птиц, растений, да хоть бетонных плит. Положим, это даже не было последствием пагубного пристрастия к спиртосодержащим напиткам. Но о чем можно покалякать с кустом, сурком или диким гусем? Я скользнула взглядом по стволу сосенки, у которой мы расположились, – нити анима-оболочки рябили на нем волнами цвета меди. Вдруг в данный момент я причиняю серьезные неудобства травележа на ней, буквально *подавляю* ее?

Порой разуми эмоции просыпались в вещах, от которых этогои не ждешь. Например, в роботах. Данике часами говорил о Брауни, автодоке, проявлявшем к пациентам участие и сострадание, ивосприним ал его как наставника, даже друга. Собственно, ради *друга* док покинул дом и пустился на поиски того, кто сумеет отремонтировать Брауни. К сожалению, мы так и не доехали до даниковского родного города…

А уж байка Акселя о гроссийском *военномроботе*, при помощи двух механических конвейерных сборщиков содержавшем детский приют, вызывала интерес, которому позавидовали бы и «Сказки Дядюшки Гусака». Солью истории, по мнению большинства слушателей, было то, что у боевого робота отсутствовали пальцы на руках, а у сборщиков – ноги. Таким образом, машины дополняли друг друга на нелегком поприще выращивания сироток. Никому и в голову не приходило обсуждать принципиальную способность механизмов *захотеть* заботиться о детях. В это предлагалось *про*сто *поверить*, как, к примеру, в драконов, выдыхающих пламя и похищающих

красоток-принцесс. Да о чем я?! Вот только мы столкнулись с искусственным интеллектом, который *грустил* и *испытывал чувство вины*! Который *переосмыслил* свое назначение! Интересно, знали ли идэнские железяки или их создатели про анима?

Сморило меня незаметно.

**

Владилен с трудом сфокусировал взгляд на павшем собутыльнике: полковник любовно обнимал блюдо с остатками блинов, куда несколькими минутами ранее прилег отдохнуть. Да так и захрапел. В такт заливистым руладам на усах вояки трепетал листик салата, а по щеке к подбородку медленно, как улитка, сползала красная икринка.

– Щен сопливый, – добродушно промямлил Птицын, подперев отяжелевшую голову рукой. – Измельчали совсем офицеры. Разве ж так пьют?

Плеснув в свою чашку (эх, посуды-то достойной нет!) ароматного самогона, Владилен благодарно вспомнил заботливую Маму, недавно обновившую кувшин, и задумался. Птицын безмерно обрадовался встрече с соотечественниками, но…

– Какие они тебе соотечественники? – буркнул незримо присутствовавший дед. – Даже в твоей стране, где, как известно, просрали все, что можно и нельзя, не смели мешать поганый монархизм со светлым коммунизмом! Идиоты – царь и генсек в одном флаконе!

– Я бы попросил вас, уважаемый, не выражаться в присутствии дамы! – прервал дальнейшие возмущения генерал, послышался резкий звон стекла. – И с флаконом поаккуратнее, так и опрокинуть недолго.

Старый коммунист взревел.

Ох, как же буянил дед, налакавшись! Бабушка веником гнала его из квартиры вон, тот долго орал под окнами, а потом убредал к дому культуры, где обязательно находились желающие размять кулаки о его морщинистое рыло. Обычно алкаш преподносил им страшный сюрприз, оставляя после себя «горы трупов». Вот и сейчас раздался звук смачного удара, а следом восклицание: «Вы, милсдарь, изволите руки распускать? Быть же по сему!» Птицын почесал затылок. Потасовка среди предков продолжилась – коммуняке прислали перчаткой в харю. Интересно, а может один дух покалечить другого?

– Смотреть на вас противно, – проронила Бэлла. – Дай дураку стеклянный член, он и член разобьет, и руки порежет.

Птицын поморщился, вспомнив пьяные речи такого вот дурака, Анатоля Кубасова, сменившие обычные жалобы на жену-стерву, на отбившуюся от рук дочь, на кляузника Иванова, сломавшего ему карьеру. Когда показалось донышко четвертого кувшина, полковника прорвало на разговор «по секрету». Он возмущался бездарностью инструкции, предписывавшей ему с сотней крепких парней гнить на долбаной подлодке в поисках *чего-то*, якобы способного отразить набеги гатайских орд *на*все*гда*. Кубасов искренне считал, что от вторжения узкоглазых избавит только наступление всеми силами по всему, мать его, фронту или на крайняк массированная атомная бомбардировка. Такой способ надежнее и в конечном счете оправдывает себя. А вместо участия в славных боевых действиях полковник с подчиненными вынужден развлекаться здесь с «островными обезьянами». К сожалению, выудить из Кубасова конкретику не удалось – тот откинулся раньше.

Подсказала Бэлла.

Едва физиономия полковника с хлюпаньем приземлилась в подушку из теста, душу Владилена подхватил не пойми откуда взявшийся ураганный ветер и отнес на десятки километров от Долины. С высоты он узрел небольшой клочок земли, похожий на тигель, наполненный раскаленным металлом. В следующий миг Владилен упал на поле огненных кристаллов. Прямо перед ним уходил в облака радужный Поток Жизни, к которому отовсюду стремились тени усопших. Ага, от своей прабабки-колдуньи Птицын слыхал кучу преданий: и про Великую Мастерицу, вплетающую в кружево Вселенной бусинки миров, и про симбирского кузнеца Данилу, поклявшегося сделать струны для небесной арфы и ковавшего теперь среди звезд, и про Древо Жизни, в чьих корнях возникла Эос, в чьих ветвях родятся дожди с ветрами и укрываются солнце с луною, чьего сока хотел да не сумел испить Черный Колдун. Стало быть, вот она кружевная нить? Или струна?

– Они ищут Поток! – голос Бэллы отпугнул нахального духа, увивавшегося у Владиленовых ног. – И попытаются превратить его в оружие.

Затем Птицын снова очутился за пиршественным столом в компании троих упившихся вусмерть гроссийцев.

Владилен не уставал удивляться своим предкам, но если генерал с дедом были понятны, то красотка со шрамом на шее по сю пору оставалась загадкой. И все же, кем бы ни была таинственная Бэлла, она права. Владилену категорически претили заигрывания гроссийского царя с мистическими силами. Сам ли государь додумался, или насоветовал кто, а шутить с этим не следовало.

«Вот докончу кувшинчик и тоже прилягу», – пообещал себе Птицын. Драка междудухами, судя по бульканью жидкости и тихой беседе, закончилась мировой – наверное, таинственная брюнетка помирила-таки «напарников». Или наваляла обоим.

**

Невзирая на гостеприимство островитян, Николас хотел обратно на континент. Его звал туда не долг, как Данике, не абстрактный зуд в ногах, влекущих в дорогу, как у Мэйби, даже не безумный порыв предотвратить новую войну. Просто он любил Эос. Правда, из-за этой любви становились актуальными уже помянутые три причины. Но не на бревне же плыть по океану?! Лодочки туземцев тоже не подходили. Придется присоединиться к гроссийцам – тут док прав.

Захватив посудину с самогоном и блюдо с яствами, Ник отправился на пляж. Один из солдат, сопровождавших полковника, сбивчиво объяснил: мол, субмарина пришвартовалась у острова Тари, а сюда они явились вдесятером на катере. Семь бедолаг коротали ночку под шум волн примерно там же, куда выбросило утром «корабль» цыган. Валехо решил, что лишенные развлечений и бдительного офицерского надзора неудачники будут разговорчивее, нежели веселящиеся за столамивезунчики.

Ник успешно преодолел путь до пляжа, ничего не разлив и не разбив. Солдатики расположились вокруг хилого костерка на фоне черного силуэта катера. Ужин из сухпайков вряд ли доставлял им особое удовольствие. Поодаль кто-то из армейцев копался в песке. Вероятно, в поисках черепашьих яиц.

– Нет, вы гляньте! – воскликнул он, извлекая что-то из ямки. – Гребаные людоеды! Это ж человеческая рука!

– Да ты чо? Покажь! – донеслось от костра, однако никто не встал.

Валехо сокрушенно вздохнул. Разве мог он знать, зарывая Фраеву конечность, что кому-то придет мысль ковыряться там?

– Чего с ними церемониться-то?! Вдарили бы разок, да и делу – венок! – пробухтел какой-то остряк.

– Погребальный! С ленточкой! Ну ты, Вась, даешь! – солдаты загоготали.

– Здорово, ребят! – Ник выплыл из темноты.

О, кое-кто даже оружие успел схватить! Нехорошо получилось – мужики останки людоедского пиршества обнаружили, а тут и сам «едок» приперся.

– Стоять! – солдат, рывшийся в песке, машинально нацелил на пришельца свою находку.

– Эй, спокойнее! – инженер слегка приподнял руки с блюдом и кувшином. – Я из научной экспедиции. Мы неподалеку крушение потерпели. Сейчас в Долине ваш полкан с моим начальством бухают.

– Да уж лучше здесь, чем среди уродов!

– Садись, приятель!

Через пятнадцать минут Николас Валехо стал чуть ли не лучшим другом для каждого из присутствующих. У инженера голова пухла от обилия грусских имен и подробностей личной жизни на материке, но наконец беседа перешла в нужное русло. Солдатиков несло, они, пожалуй, наболтали на пару смертных казней, если таковые практиковались в царской Гроссии.

– Прикинь, Коль (так звучало Николасово имя на грусский манер), мы два (или уже три?) месяца заперты на злоебучей подлодке! Еды мало, спирт господа офицеры зажали, баб нет, душно, – разорялся Василий. – На остров тот едва не налетели! Техника будто с глузду съехала! Но, ты думаешь, пустили нас на сушу? Хуюшки! Недовольным – плетей и по три наряда вне очереди. Кубик ждал разрешенияиз штаба. Ага, шиш ему! Через неделю только механы кой-как починили, но до земли так и не доаукались.

Вася затянулся смрадной папироской и передал ее товарищу.

– Сошли на берег, а там повсюду эти морды. Кубик стрелять запретил, переговоры затеял. С полуголыми-то страшилищами, которые в лапах ничего сложнее дубья не держали! – Ник усмехнулся, припомнив лечильную камеру, изящную глиняную, костяную и деревянную посуду, украшения. Солдатик зачислил смешок в свою

пользу. – Вот-вот! Ну, ты меня понимаешь. Откуда у них штука, способная проредить гатайцев? Так-то пораскинешь мозгами – в штабе тупари сплошные сидят, не умнее людоедов местных…

Словоизвержение Василия прервал салют. Вояки всполошились, но быстро сообразили, что к чему, и в сторону Долины понеслась новая порция брани.

Самогон допили, угощение – сожрали, не за горами утро, а с ним похмелье и отвратное настроение. Ник принялся откланиваться, Василий потребовал отблагодарить милостивца и побрел к катеру. Через полчаса он притащил подарки – топор, отвертку и пассатижи, – умиляясь собственной щедрости. Ник не стал огорчать грусского отказом, тем паче инструменты действительно могли пригодиться. Почеломкавшись по старинной традиции со всеми, Валехо отправился искать своих.

**

Кирну тянуло узнать о туземцах побольше. Наверное, они чем-то напоминали ей Сагерта. Но он был подобен алмазу – строгий, прозрачно-чистый, твердый. Островитяне же представлялись Кирне разновидностями кварца, который приобретает практически любые оттенки, растет целыми «колониями» сказочных цветов, легко меняется в незначительных пределах. Да, и папаша Лавджой, и его дочурка разбирались в каменьях.

Девица вполне допускала, что ее любопытство подогрето самим Сагертом, *его духом*. Кирна не верила в анима-бредни, однако порой замечала «изнаночную» реальность. Всгустившейся тьме силуэты удивительных обитателей Долины светились особенно явственно.

– Составишь мне компанию? – рядом возник юноша-змей. Бедра его, сливавшиеся в длинный мощный хвост, покрывала чешуя, мерцающая и шуршащая, будто тонкие лепестки бронзы.

– Смотря в чем. – Кирна прищурилась.

– Ну… – похоже, змееныш ожидал более конкретного ответа, – я могу показать тебе здесь все!

Хмыкнув, девица, взяла юнца под руку, и ему ничего не оставалось, как выполнить свое обещание. Он провел Кирну по Дому, а затем снова поднялся с ней к Замку. С парнишкой было скучновато – почти на все вопросы он бубнил «не знаю». Но и выуженной из него информации хватило бы на полноценную легенду.

Предки островитян спустились с небес в Долину в Доме-корабле, хотя кнолли, ффыски и тари обитали тут и до них. Одного из пращуров, громадного ящера, якобы окаменевшего много лет назад, Кирна увидела воочию – он подпирал плечом навес купальни на озере. Именно пришельцы положили начало многообразию жизни на архипелаге. Еще недавно у Мамы гостила та, кого считали старейшей из них – Эвистрайя, но она исчезла. Предреченных еюзнамений и ожидали туземцы для переселения на континент.

Замок же стоял *испокон веков*– то есть, по разумению местных, появился раньше предков. Созданный неким звездным народом, он пал на остров из глубин Вселенной (не путать с небесами!). Тари считали себя потомками строителей замка.

– Как-то так, – завершил хвостатый юноша. – Мнепредания не очень интересны. Прошлое – история, будущее – тайна, а настоящее, ну... настоящее!

В отблесках начавшегося салюта Кирна заметила, как парень потянулся обнять ее, и расхохоталась.

– В настоящем вам бы только гнезда вить! – сквозь смех проронила она.

– Если тебе нравятся байки про стародавние времена, пообщайся с Туве, – обиженно прогундосил юнец, сразу словно сдувшись и потускнев.

Вниз они спустились в тягостном молчании. Змееныш понуро попрощался и уполз восвояси, Кирна же отправилась на поиски Мэйби и остальных. Сейчас она удивлялась собственному порыву – и чего ее понесло болтать с уродцем? Таких только продавать по паре за хорошую винтовку! Хотя это их *не*ум*ирание* – выгодная штука. А вот гнезда да танцы… уж лучше черепа, в самом деле.

**

Очнувшись от дремы (неподалеку кто-то страстно гнездился), Данике на свежую голову обмозговал произошедшее за последнее время. Гипотезы об Идэне, психологическом эксперименте и местном кошмарном генофонде померкли, зато, как никогда ярко, вспыхнула мысль о долге перед людьми. Давным-давно он покинул дом, чтобы вернуть к жизни друга и дать надежду на жизнь многим другим. Эх, а ведь роботы могли бы послужить человечеству еще, исправить свои ошибки, если б не импульсивность его друзей. То же с мистером

Фраем. Правда, этот дал им второй шанс, и Данике его не упустит. Вместе они возродят Эос!

Так, но Фрай Фраем, а сидеть сложа руки не годится. На острове имелось технологическое чудо – лечильная камера, – появление которого на континенте (конечно же в родном Солберри) станет мощнейшим импульсом для реставрации человеческой цивилизации на Эос. А он прохлаждается... Однако для осуществления плана требовалось заручиться поддержкой друзей и полковника Кубасова.

Друзей док встретил в саду у Дома. Николас и Кирна пытались растормошить прикорнувшего под яблоней Грюна. Тот стойко игнорировал их усилия, продолжая трубно храпеть. Данике предложил прогуляться к пляжу, у него-де возникла идея по поводу отбытия с архипелага. Таки разбуженный и потому недовольный, Грюн еле плелся позади. Наконец они нашли уютный обрывчик, с которого могли бы при желании любоваться океаном. А еще оттуда просматриваласьбухта, где причалил гроссийский катер и тлел солдатский костерок.

Насладиться пейзажем не удалось. Восторженное настроение Данике было безжалостно растоптано – перебранка разгорелась нешуточная, даже Грюн принял в ней посильное участие. Ник с Кирной упрямо противились идее транспортировать чудо-саркофаг на континент.

– Слушай, док, ты вроде мужик неглупый, – насмешливо возражала девица, – а городишь такую чушь! Да из-за этой штуковины глотки еще как будут резать.

Нет, вы только подумайте! Глотки, понимаешь ли! Раньше резня чего-либо и кого-либо волновала Кирну довольно однобоко – с точки зрения участия в оной, но сейчас девка губила идею на корню. Наверняка из природной вредности.

– Начнется новая война, – грустно констатировал Николас.

– Не преувеличивай, камера затеряется так же, как нанодок. Кроме того, мы же не собираемся отдавать ее кому ни попадя! – отчаянно отбивался Данике.

– Кто ни попадя сами отнимут. – Инженер фыркнул.

–Вон, жирдяй-полковник мигом захапает ящик, – блондинка осклабилась. – Будет выводить чирьи на своей толстой заднице.

– Грюн готов нести колдунскую коробку! – встрял дикарь. – Она лечит спину.

Разговор зашел в тупик. Док откинулся на траву, заложил руки за голову и уставился в ночное небо. Он обиделся. Ну как можно не признать?! Артефакт попросту *нужнее* на континенте. Придется понадеяться на помощь Грюна и благоразумие грусских.

**

Так или иначе, рано или поздно, но на обрыве все заснули. Однако дремали неспокойно. Поэтому, когда Данике на рассвете тихонько встал, разбудил Грюна и в его компании потопал в Долину, открыл глаза и Ник. В намерениях дока он не сомневался – не иначе выболтает все полковнику. Валехо решил предупредить туземцев. Чего-чего, а новой войны ему не надо!

Николас отправился на поиски старейшин. Впрочем, сошел бы кто угодно, способный помочь.

**

Я проснулась с первыми лучами солнца, ласково пощекотавшими мое лицо. Туве и Аксель уютно дремали – одна в траве, другой в одеялах. Да-а-а, он знает о гнездах больше, чем показывает! Не посмев прерывать столь сладкий сон, я начертала на дорожке сообщение: мол, скоро вернусь с завтраком. Отчего опять уши чешутся? Неужели военные успели за ночь наворотить дел? На всякий случай в Долину я спускалась бегом.

И правильно! Ушизавсегда в курсе происходящего. Там, где тропка от Замка поворачивала к пляжу, мне попался солдат. Он сломя голову мчался к берегу. Поразмыслив мгновение, я последовала за ним.

У меня не получилось догнать вояку. На песок я вступила, когда он уже растолкал сослуживцев, коротавших ночь вокруг костра, и сбивчиво передавал им распоряжения начальства. Полковник якобы нашел некую ценность, чуть ли не ту самую, уничтожающую орды гатайцев, и ее следовало переправить на подлодку. Предвосхищая возможные трудности, командир загодя снял запрет на стрельбу по местным.

Ну и как же быть?! Семерых мужиков мне не ушатать. Да любая моя попытка задержать их грозила началом побоища, ведь меня неминуемо приняли бы за туземку. Пока я размышляла, отряд скрылся

в сосняке. И тут меня окликнула Кирна. Потирая слегка опухшее со сна лицо, она медленно брела, утопая по щиколотку в песке, но, услышав мои путаные объяснения, опрометью рванула за солдатами. Я же задумала угнать катер. Как бы ни развивались события в дальнейшем, без кораблика засранцы никуда отсюда не денутся.

На довольно высокую палубу вел проржавевший металлический трап. Несмотря на его надсадные скрипы, меня никто не встретил. Ну и чудненько. Я скользнула в рубку и с разгону впечаталась в сутулого связиста, который как раз надевал наушники. Эх, ушли-то не все!

–… подкрепление ему! – недовольно брюзжал солдат (судя по тяжелому амбре в помещении, либо ребята вчера разжились-таки Маминым самогоном, либо привезли с собой). – Сами не справимся будто. Жирный тупица! – От неожиданного толчка в спину он припал на стол с рацией и, повернувшись ко мне, вскрикнул:– Эй, а ты откуда?

– Привет! – я улыбнулась. – А мне стало любопытно, как устроена ваша лодка внутри…

– Поглядела? И вали отседа! Нечего здесь ошиваться! – вскипел связист.

Он выпрямился, упер руки в бока, перегораживая проход, и начал вытеснять меня по ступенькам назад на палубу.

– Ой, а у нашей туве тоже есть такие! – громко завопила я, указывая армейцу за спину. Эдакиевот глупые и затасканные приемы срабатывают чаще всего.

Тот обернулся, а я прошмыгнула мимо него внутрь. Прежде, чем мужик что-нибудь предпринял, шаловливая неуклюжая дикарочка сковырнула увесистый короб переговорного устройства себе под ноги.

– Упс! – я отпрыгнула в угол, подальше от места «трагедии» и солдата. – Надеюсь, это можно починить?

– Ах ты дрянь! – связист кинулся ко мне.

В его похмельном состоянии, конечно, не следовало делать резких движений: он споткнулся об останки рации и грохнулся на них. А пока этот увалень, матерясь, вставал, я выскочила наружу. За мной по пятам несся рев гроссийца, мощный и неистовый.

– Что там у тебя творится? – к кромке воды приблизилась Кирна, так, очевидно, и не догнавшая отряд.

– Толкую с хозяином катера об увеселительной прогулке! – выпалила я и отпрыгнула от двери, откуда наконец выбрался

разъяренный связист.

Мне удалось подставить ему ножку, и неудачник полетел за борт, прямо в ласковые Кирнины объятия. Она забила его камнем... Когда солдат затих, покачиваясь на волнах лицом вниз, блондинка не преминула снять с него автомат и поднялась на борт.

– Хрен с ними, с теми мудаками, – пояснила она свое быстрое возвращение и добавила, вторя моим собственным мыслям: – На острове найдется, кому их встретить, а мы пока уведем катер. – На мой обалделый взгляд Кирна ответила: – Управлять лодкой не сложнее, чем тачкой.

В итоге мы добрались-таки до укромной бухты на другой стороне острова, пару раз чуть не посадив судно на мель.

**

Валехо и не надеялся, что кто-нибудь поверит в недобрые намерения грусских без наглядной демонстрации. Ему стоило больших усилий убедить старейшин тари хотя бы пойти с ним. Только бы успеть! Ведь пока лопоухие дотелепают, лечильную камеру уже благополучно погрузят на катер и увезут. Поэтому Ник побежал вперед.

Анатоль Кубасов мельтешил у парадного входа в Дом, донимая натужно хрипящих солдат советами, как и куда поворачивать саркофаг, чтобы тот протиснулся в дверной проем. Носильщики обливались потом в своих шинелях, матерились сквозь зубы, наступали друг другу на ноги, защемляли пальцы и цеплялись автоматами за косяки. Странно, никто не пытался остановить воров. Данике, похоже, начавший осознавать глупость своей затеи, мялся здесь же, за спиной полковника. А вот Грюн, судя по выражению лица, был абсолютно счастлив: здоровяк помогал тащить чудо-ящик, которым надеялся отныне пользоваться по мере необходимости.

– Ну, ты доволен? – Валехо не удалось сдержать злорадства.

– Так спросить-то пока не у кого было,– развел руками Данике.

– А! Конечно! Мы же так торопимся! – Ник состроил серьезную мину. – Не подсобить ли им?

Док беспомощно оглянулся. Ему совершенно не нравилось, как обернулась ситуация: полковник явно планировал унести артефакт без разрешения. Ни о какой оплате или обмене и речи не шло. Тут из окна высунулась растрепанная Мама.

– Мальчики, чем вы там занимаетесь? – поинтересовалась она тоном, скорее удивленным, нежели рассерженным. – Папа попросил передвинуть лечильную коробку в другое место?

Мама вылетела наружу и зависла над головами собравшихся. Вояки сразу прекратили работать, к вящему неудовольствию Кубасова, и завороженно уставились на фею. Николас обреченно прикрыл глаза, предугадывая ответ гроссийского командира. Он не ошибся.

– Дамочка, не мешайте! – полковник тряхнул нечистыми перчатками перед лицом Мамы, снизившейся для разговора. – Данный объект имеет огромную ценность для Гроссии. Радуйтесь! Вы оказали неоценимую услугу царю. Благодарность его будет безгранична, – Кубасов горделиво надулся, пряча в уголках губ мерзенькую усмешечку.

– Наверное, вы не знаете, но коробкой пользуются все... со всех окрестных островов, – попыталась объяснить фея. – Вы могли бы навещать нас, когда что-нибудь заболит, или переселиться сюда. В тесноте да не в обиде. – Малышка еще улыбалась, хотя на лице ее читалась растерянность, основательно сдобренная возмущением.

– Пшла прочь! – рассердился полковник. – Недосуг с тобой цацкаться, насекомое! Ребята, ну-ка дружно! Взяли!

Гроссиец пнул ближайшего носильщика под зад, развернулся, готовясь возглавить шествие, и чуть не сбил с ног старейшину. Тари все-таки вняли Николасу и явились. Солдаты с тяжеленным ящиком сделали еще пару шагов, пихнув полковника на ушастого гостя, и шумно грохнули ношу. Кто-то завопил, придавленный.

– Так, а этот пентюх откуда? – офицер недовольно поморщился, восстановил равновесие и отряхнулся, словно запачкавшись о старейшину.

– Пожалуйста, верните целебный саркофаг на место, – спокойно произнес самый изукрашенный тари. – Жители островов не давали своего согласия…

– Да кто вас спрашивает-то? – брякнул Кубасов, оценивающе оглядывая противников.

– Полковник, мы могли бы выторговать камеру, – тихо намекнул Данике, обретя в конце концов дар речи. – Я с удовольствием буду посредником.

– Нечего с ними торговаться! – взвизгнул офицер и сделал неожиданный выпад.

Навыков и опыта полковника с избытком хватило на то, чтобы опрокинуть наземь ближайшего тари. Тот пронзительно взвыл, схватившись за бок. Остальные недоуменно воззрились на грусского. Николас потянулся было к агрессору, но тот ринулся в атаку, попутно утихомирив первую жертву ударом сапога в висок и рыча: «Патроны не тратить! Голыми руками обойдемся!» Солдаты не заставили себя упрашивать и бросились вслед за командиром, живо очистив проход от надоедливых туземных уродцев.

Валехо удалось задержать лишь одного вояку, треснув ему локтем в зубы (инженер надеялся, что его маневра никто не заметит). Грюн ревел в дверях, заблокированных саркофагом, обещая самолично донести коробку до лодки, попутно обращая в бегство мужчин и пленяя женщин.

Лишь двое тари попытались сопротивляться, и обоих избили с особой жестокостью. Первый безуспешно полез на захватчиков с кулаками, а вторая, топтавшаяся позади всех, не иначе как обладала телепатическими способностямии, наверное, прекратила бы бесчинство, соображай она чуть шустрее. Девица вперилась взглядом – глаза зажглись ярким белым светом – в затылок солдату, колотившему ее собрата об скамью головой, и вояка застыл. ОднакоКубасов вовремя заметил неладное и сломил последний оплот сопротивления.

– Никаких, блять, фокусов! – проорал он, ударив дикарку по лицу рукоятьювыхваченного пистолета и замахнувшись еще, но тут на него накинулись Ник с Данике.

– Полковник, не делайте глупостей! – выкрикнул док ему в ухо. – Пока никто не убит, это можно подать как вынужденную оборону!

Валехо не стал комментировать подобную гнусность, а только крепче сжал предплечье гроссийца. Тот пару раз дернулся, потом угомонился и велел солдатам работать дальше. Сам же достал из-за рукава сероватый носовой платок, промокнул лоб, виски и, обмахиваясь им, с усмешкой проговорил: «Вы правы, дорогой мой, туземцы получили свое. Пошевеливайтесь!» – рявкнул он на подчиненных, снова подступивших к артефакту.

Данике суетился вокруг избитых старейшин. Тари на удивление легко отделались, хотя сперва казалось, что все они останутся калеками. Правда, на сей раз док ни с кем не поделился своим открытием и скорбным видом напугал даже Ника. Солдаты все еще копошились в дверях. В итоге Грюн попросту вытолкнул короб, разворотив косяк. Благо никого не придавило, да и камера не пострадала.

Валехо сразу же воспользовался освободившимся проходом и побежал в Дом, надеясь, что там найдутся-таки бинты или чистые тряпки, а может даже – настоящая аптечка. К сожалению, Ник не подумал, как воспримет новости Мама. Когда появились тари, она улетела на кухню, видимо, считая присутствиестарейшин достаточным для улаживания проблемы, и теперь готовила масштабный завтрак, не уступающий обилием вечернему пиру. Поэтому подхватить с крючка на стене увесистую сковороду и метнуться в дверь было для Мамы делом одной секунды. Выбежав наружу вслед за крылатой воительницей, Ник стал свидетелем расправы над ней.

Мама взвилась над наглыми и вероломными гостями, как злющая оса. Она с разгону съездила зазевавшемуся полковнику по лбу сковородой и заложила крутой вираж, похоже, намереваясь раскидать остальных гроссийцев. Но нынче у солдат выдался счастливый день – за них выступал Грюн, которого не смущала ни принадлежность противника к женскому полу (у грусских имелись кое-какие предрассудки на этот счет), ни ее нагота. Помимо того, варвар считал свое право на волшебный ящик неоспоримым, не задумываясь даже, что Кубасов вряд ли поделится им с каким-то там грюном. Здоровяк выхватил из-за пояса у растерявшегося соседа дубинку и врезал Маме по спине. Фея нырнула в воздухе, выронила оружие и обернулась. В ее глазах мелькнуло искреннее непонимание – ведь она считала огромного дикаря другом (как и всех остальных, впрочем). Второй удар пришелся фее в ключицу. С глухим стуком она упала на лавку, затем сползла наземь.

– Зачем?! – просипел Данике, оторопело наблюдавший очередной акт трагедии.

– Грюн, кому ты помогаешь? – воскликнул Валехо, бросившись к Маме.

– Ты не воин, Ник, – веско проговорил здоровяк и вновь взялся за короб. – С ящиком проще будет одолеть врагов.

– Каких врагов?! И ты туда же! – тихо застонал инженер. Он больше не смотрел на друга – разум Валехо вел счет жертвам новой войны, которая, по его мнению, уже началась.

Док подрядил кого-то носить из Дома горячую воду, тряпки, отыскались и тонкие иглы, и нитки, а вместо антисептика сгодился местный самогон. В итоге опасалсяон только за здоровье Мамы – раны тари уже заживали.

Солдаты удалились. Послышались радостные голоса ничего не подозревавших туземцев, подтягивающихся к завтраку, но тут на поляну вбежали Мэйби с Кирной. Как выяснилось, девицы не сидели без дела и перегнали катер в бухту на другой стороне острова. Ну а в глазах блондинки, окинувшей поле недавней битвы мрачным взглядом, Валехо прочитал приговор гроссийцам. Инженеру, как бы ни был он зол на военных, претила мысль о продолжении кровопролития – не хотелось лишний раз пятнать остров жестокостью. Поэтому он отправился следом за девицами, готовясь их урезонить в случае чего.

По пути они встретились с Акселем и Туве, спускавшимися от Замка.

– Мэйби, он уже замотал своим нытьем! – пожаловалась рыжая.

– Извини, меня задержали, – ответила Мэйби. – А сейчас нужна ваша помощь.

Что Николаса с самого начала изумляло в цыганском союзе, так это доверие, с которым всекидались друг другу на выручку. Да, редко дело обходилось без споров, но коль бродяги принимались браниться из-за цели, то рано или поздно достигнут согласия. Вероятно, и дока удастся переубедить относительно его идеи фикс обнародовать островные находки. К ним Валехо причислял не только камеру, но и самих туземцев, Дом, Замок, да всю Долину, в общем-то, не тронутую войной.

Пока он размышлял, Мэйби на бегу кратко описала Туве утреннее происшествие. Рыжая неожиданно затормозила.

– Они должны умереть, – прошептала она и, сжав кулаки, громко добавила: – Они увидят лицо нашего гнева – лицо своей смерти!

– Туве, это не твои слова, – тихо заметила Мэйби. – Кроме того, гибель подневольных солдат ничего не исправит. Только навредит.

– Они нарушили все мыслимые законы поведения в гостях, – отрезала Туве и устремилась дальше по тропинке.

Кирна, кровожадно ухмыльнувшись, последовала за ней, а вот Мэйби рванулась через лес напрямик, к нависающему над пляжем обрыву. Множество подобных скальных выступов располагалось по всему побережью, защищая Долину от океанских бурь и делая остров похожим на многозубую корону. На одном из них ночевали Ник с Данике, Кирной и Грюном, два других торчали над местом бывшей стоянки катера. Задумка ушастой Акселевой девчонки до конца оставалась для Валехо загадкой, но, когда она принялась обхаживать огроменный валун на вершине, инженер почуял неладное.

– Мэйби, ты же была против убийств?! – Ник довольно грубо одернул девицу.

– Как ты считаешь, у них больше шансов выжить под камнепадом или при встрече с Кирной? – яростно выпалила она. – Мы инсценируем вмешательство свыше. Туве это должно убедить.

– Поясни… – инженер совсем растерялся.

– Туве верит, ммм, в справедливость Вселенной, – Мэйби замялась. – Вроде как грусские еще не сыграли своих ролей. Ну как тебе растолковать? – девчонка растерянно обхватила голову ладонями.

– Ладно, потом, – решился Валехо, – вон они. Лавина должна сойти сейчас или никогда.

Внизу, под обрывом появилась группа гроссийцев, тащивших камеру, с Кубасовым во главе. Их нагоняли Туве и Кирна. Они окликнули полковника – тот остановился и обернулся. Солдаты опустили саркофаг на песок. Кто-то утирался рукавом, кто-то присел на бортик, Грюн любовно поглаживал бок волшебного ящика. На голове у здоровяка красовалась форменная *бескозырка*, на плече висел автомат. Кубасов достал пистолети направился к девицам. Тут валун поддался совместным усилиям Мэйби, Ника и Акселя, также привлеченного к работе, и с чудовищным грохотом сорвался вниз, увлекая за собой камни помельче.

**

Все сложилось как нельзя лучше. Под лавиной погиб Кубасов, остальные отделались ранениями, впрочем, при наличии лечильной камеры пустяковыми. Артефакт не пострадал.

Сбившиеся в кучку солдаты, до смерти перепуганные, покалеченные, попали в незавидное положение: над ними нависли мрачные туземки, одна из которых держала в руках автомат, а другая – катала на ладони шар голубого света.

– Нет, так нельзя, – Туве тяжело вздохнула и зашвырнула искрящуюся сферу в волны. – Их покарали без нашего участия. Хватит.

– Ха! – блондинка недовольно дернула плечом. – Эти показательные выступления местной природы для них, как мертвому припарка!

– У старейшин найдутся вопросы к гостям. Наверное, будет суд, – предположила рыжая.

– Ага, все как один сухими выйдут! Но дело твое.

Кирна поморщилась, последний раз оглядела своих несостоявшихся жертв и пошла прочь. По дороге ей встретились Ник с Мэйби и Акселем, спешащие на берег. Блондинка сердито махнула им рукой и направилась дальше. Уж чего она не упустит, так это случая хорошенько врезать Данике.

Глава 16

Туземное общество бурлило. К острову с разных сторон причаливали новые и новые лодочки. Небось, к вечеру в Долине соберутся всежители архипелага. Надеюсь, они уяснилиистинную суть *проблемы людей*, не сунутся на континент (хотя бы до поры) истанут охранять свои земли бдительнее. Только быне заразились жестокостью и алчностью!

Мы же отправились на остров *Волшебы*, как называли его туземцы, одно из тех редких мест, где Поток Жизни соприкасается с материальным миром. По словам Владилена, гроссийский полковник стремился именно туда. Зачем? Мы лишь строили догадки.

А у меня была совершенно определенная причина посетить остров – вернуть прежнего Акселя. И тут вырисовывались вопросы другого толка, на которые не ответила даже Туве. Как и где искать в течении Потока потерянные частички анима цыгана? Примет ли их новая личность Акселя? Не сгинем ли мы оба? Все во власти Колеса...

Представший нашим взорам клочок суши походил на неприступную крепость. Огненные камни топорщились на скальных вершинах, будто короткий ежик волос на голове. Их стало видно еще издалека. С трудом обнаружив узкий вход во фьорд, единственное место для высадки, мы еще долго лавировали меж его отвесных берегов. Узкую серую полоску каменистого пляжа со всех сторон зажимали утесы, в которые врезалась узенькая тропинка. Вдоль нее тоже попадались отдельные скопления кристаллов. Вблизи их сияние ослепляло.

Когда мы выбрались из катера и немного размяли ноги, Туве провела краткую лекцию по безопасности, как окрестил ее монолог Николас, пытаясь шутить.

– Если мы не пробудем здесь слишком долго, духи не причинят нам вреда, – строго сказала девушка, потом, уловив невольное движение Данике, закрывшего ладонью глаза, добавила: – Старайтесь не смотреть на камни. Иначе духи утащат вас к себе.

– Мэйби, а сюда-то мы зачем приплыли? – плаксиво поинтересовался Аксель.

– Чтобы ты снова оседлал Колесо, – буркнула я и поволокла его за рукав на тропу.

Дорожка вскарабкалась на перевал и припустила вниз, в огненную долину – загадочные минералы рассыпались сплошным ковром. На другом краю кристального поля виднелась пещера. Туда мы и побрели.

В какой-то момент грань между реальностью и миром аур исчезла, теперь я различала не только анима-силуэты моих друзей (то есть живых существ), но и смутные очертания призраков, которые разгуливали повсюду. Мне чудилось, мы ступаем по пламенно-золотой поверхности солнца.

– Взгляни наверх, – шепнула мне Туве (она помогала вести Акселя, который повис на наших плечах не способный передвигать ноги от страха).

На месте лазурного неба раскинулась бездна. Та самая тьма, жадная, голодная, фиолетово-черная с красными пятнами. Тьма, просочившаяся из Тайгертова оружия.

– Ты видишь? – прошелестел Тувин голос.

И тогда случилось самое поразительное! Один за другим, быстрее и быстрее, начали зажигаться миры – яркие, светлые, чистые искры в пустоте. Во мрак ринулись мириады сверкающих нитей, в мгновение ока оплетших Вселенную. И от Эос, из пещеры, куда мы шли, тоже тянулась нить. Вернее, это была спица, соединяющая нас с осью, изгибающейся в небесах. Скорее всего, изгиб являлся следствием искажения пространства, а быть может, моей неспособности осознать и принять бесконечность.

Анима-поток напоминал ствол исполинского дерева (хотя по сравнению со стержнем, на который он «наматывался», казался тоньше волоска). Кое-где от него отделялись ветви, чуть дальше снова вливаясь в него или возвращаясь к Эос. Его радужная поверхность манила к себе, звала. И призраки повиновались зову. И мы. Всестремилось к нему.

Остальные в той или иной степени также приобщились к завораживающему зрелищу. За исключением дока, который сбежал обратно на катер.

**

В уютной тесноте каюты Данике наконец отдышался. Он не желал встречаться с мистическим началом Эос! Сейчас-сейчас, спокойствие

– вопрос одной таблетки. Отныне док мог позволить себе расточительность.

Из благостной дремы Данике вырвал резкий высокий звук, исходивший из лучемета. Док повторил манипуляции, открывшие панель накануне.

– Не спи, замерзнешь! – весело приветствовал его Фрай.

– Здоровый сон всегда на пользу, – зевнув, прогундосил Данике.

– Ты не окажешь мне крошечную услугу? – Маки побарабанил пальцами по пульту. – Я тут пытаюсь понять, куда делся один мой сотрудник. Офицер царской армии Кубасов сгинул бесследно на дикарском острове…

– Ммм… – замялся док, припоминая подробности отвратительной стычки грусских с туземцами. И последовавшую заслуженную расправу над военными. Кто ж знал, что полковник – тоже человек Фрая (или даже землянин)?

– Не видал такого? – нетерпеливо повторил Маки.

– Анатоль Кубасов погиб, – тихо ответил Данике и быстро добавил: – Несчастный случай.

Да, в первом порыве бешенства Маки чуть не запустил программу самоуничтожения в дезике дока, но сдержался. Он даже на минуту выключил видеосигнал. В стену полетела пластиковая кофейная чашка, плоский робот-уборщик высунул свое хоботастое рыло из-под койки. Лицо Фрая исказила отвратительная гримаса. Гребаный архипелаг! Какого хера он не просматривается со спутников? Почему его не пеленгует ни один прибор на челноке? Фрай сумел лишь приблизительно определить район, где располагались острова, настолько неточно, что сам себе был противен. Разве это называется профессионализмом?

Подобные «мертвые» зоны частоформировались рядом с местами излияния Потока. К сожалению, они расползались неравномерно, поэтому нельзя было просто ткнуть в геометрический центр слепого пятна и сказать: «Источник здесь». Искать приходилось наобум, прочесывая местность (в данном случае – океан) метр за метром.

– Тебе придется заменить его, – сурово заявил мистер Фрай, вернув визуальный контакт.

– Я сейчас не могу. – Данике испугался собственного отказа. – Мои друзья решили посетить остров, куда отправляются умирать

туземцы. Я в катере.

– И вся компашка слушает нас? – прошипел Маки, вновь охваченный желанием испепелить кретина вместе с дружками.

– Нет. Они ушли к огненным камням, а мне стало плохо, – смущенно признался док.

– Куда ушли? – Фрай ушам своим не верил. Ох, не зря он когда-то обратил внимание на цыган!

Маки ликовал. Выслушав сбивчивые описания Данике, Фрай потребовал записать координаты островка и передать ему в ближайшее время. Он уже не заботился о конспирации. Слишком близко Маки подобрался к цели: колоссальному месторождению небулитовых кристаллов и источнику чистейшей концентрированной энергии – розовой друзе. Фрай испытывал абсолютное удовлетворение своей работой. Правда, Данике мог заупрямиться. Хотя с чего бы?

– Я попрошу Николаса помочь. Мне не совсем ясны показания, – док растерянно глянул на обилие кнопок, мониторчиков и рычажков.

– О’кей! Помни, камушки важны для всех нас! – закончил сеанс связи мистер Максимилиан Фрай, вершитель судеб, хитрец и ловкач высшего разряда.

**

Перед входом в пещеру пульсации Потока стали так сильны, что приходилось щуриться. Впрочем, теперь его видели все. Даже с закрытыми глазами. Он извергался из многогранного, похожего на пион, кристалла, лежащего на дне небольшого идеально круглого озерца.

Послышались удивленные возгласы моих спутников – из переплетения нитей нас манили лица…теснясь, сменяли друг друга, кружили в безумном хороводе. Передо мной вырос старик Срам, его оттеснил библиотекарь из Шинкэта, за ним – мой эндейский побратим.

– Сагерт? – просипела Кирна, протянув руку к Потоку.

– Мама? – интонации Ника никак не вязались с его имиджем сурового мужчины, не ждущего от жизни поблажек, – так лепечет перепуганный ребенок.

– О духи, что вы сокрыли здесь? – продекламировал Владилен Михайлович и, спотыкаясь, поковылял к озеру.

Но у кромки его обступили три фигуры: сухонький старичок в тельняшке, упитанный мужчина средних лет в белом мундире и весьма

фривольно одетая женщина. Они, бранясь, совместными усилиями оттащили Птицына.

– Бэллочка, прекратите его пинать! Умнее он от этого не станет, – приятный бас.

– Еще не так подлеца отдубасить надо! – надтреснутый фальцет, прерванный дробным смешком.

– Я из него дурь-то повыбью! – задыхающийся низкий женский голос.

Владилен мямлил бессвязные оправдания.

– Он одержим духами! – Грюн очухался первым и двинулся Птицыну на помощь, но Туве перехватила здоровяка.

– Эти духи хранят его.

Грюн кивнул. А вот Кирна резко развернулась к Потоку и возмущенно крикнула:

– Отец! Почему *ты* не хранишь меня?

Ответа не последовало.

Туве предложила всем возвратиться на катер и подождать ее, меня и Акселя там. Никто не возражал: от созерцания постоянного круговорота анима (прямо при нас ауры распадались и возрождались) мутило и, кроме того, туда затягивало. Мужчины уже выбрели наружу, а Кирна продолжала стоять у кромки «воды». Перед ней колыхался силуэт Сагерта.

– Ты тоже бросил меня. – Блондинка всхлипнула.

– Неправда, ты сама знаешь, я всегда с тобой, – тот, кто был ее другом, улыбнулся. – Наш противник еще ждет. Его нет промеж мертвецов, но и среди живых нет. – Своды пещеры завибрировали, анима взбурлила.

Туве, оттолкнув меня с Акселем подальше от озера, метнулась к Кирне. На глади водоема с жуткой скоростью мелькали мирные пасторали, главной героиней которых являлась наша белобрысая подруга. Кажется, подобное будущее поразило ее до глубины души. Туве с трудом удалось вывести ее из пещеры. До катера она ехала на плече у Грюна, безмерно осчастливленного этим.

Мы остались перед Потоком втроем.

– Ты уверена? – переспросила меня рыжая.

– Да.

– Тогда приготовься. Когда я свяжу наши анима, вы войдете в Поток…

– Не стоит тебе вмешиваться. Мне есть, ради чего рисковать, а ты здесь ни при чем, – я предприняла очередную попытку отговорить Туве, не слишком надеясь на успех, да и не желая его.

– Мэйби, вы заблудитесь там. – Она снисходительно взглянула на меня. – И потом, мы делили с тобой анима и отныне связаны крепче близнецов. Потеряв тебя, я потеряю часть себя. Вперед.

В кулаке Туве сжимала узел, сотканный из синей, золотистой и зеленой ниточек наших аур, от которого на длину пары метров тянулась коса из них же. Дальше нити опять разделялись, отходя к хозяевам. Я подтащила Акселя к озеру, шагнула и сразу погрузилась по колено. А потом нас обоих повлекло водоворотом вниз. Наши головы скрылись в бурлении анима, которая отреагировала на внезапное вторжение, я бы сказала, агрессивно – Поток растворял нас, заключив в плотный кокон из нитей. Мы утратили телесность, превратились в светящиеся силуэты. Зеленая фигура Акселя в страхе прильнула ко мне и тут же смешалась со мной.

– Зови, как только найдешь его! – донесся приглушенный голос Туве.

Я представляла себя скалолазом, который пытается добраться до дна глубочайшей пропасти, а с жизнью его связывает страховочный трос толщиной в палец. В моем случае нельзя было даже опереться спиной о надежный прохладный камень обрыва, зацепиться за него, отдохнуть. Наше «где и когда» окончательно затерялось среди мириадов переплетений «если бы». Я осознала, чего боялась Туве, и почему она не отпустила нас одних, – мы могли вернуться лишь по ее синей анима-ниточке.

Вокруг вспыхивали и гасли миры. Гибель напоминала медленное погружение кусочка ваты в чернила, а рождение – молниеносное сматывание пряжи в клубок. В черноту от оси выстреливали нити, на лету переплетаясь в канаты, которые в свою очередь в определенной точке пространства и времени формировали плотный комок – новую искру жизни. Некоторые миры нанизывались на одну струну, как бусы, другие образовывали сложную структуру вроде паутины, редкие – висели в одиночку.

Наверное, больше всего меня потрясла музыка Вселенной. Я ожидала торжественной тишины или скрипа Колеса. Но каждая струна, наматываясь на ось и вибрируя, издавала звук, и не одну ноту – целую мелодию, всякая свою. Мне захотелось слушать эту симфонию вечно. Я почувствовала, как натяжение Тувиной нити слабеет, а мой силуэт размывается, и вновь сосредоточилась на цели нашего путешествия.

Наконец мы очутились над Эос, паря в облаках. В тот вечер, когда табор отдыхал на источниках в Гатскиллзе. Вон караван. Я сплю у костра, Аксель – в трейлере. Остальные – кто где. Над моей головой, торчащей из-под одеяла, кружит хоровод Туве, на крыше жилого прицепа воображаемый цыганин при помощи робота-няньки вьет гнездо. Он помахал нам рукой и сосредоточенно продолжил строительство. Танец дикарок замедлился – они безмолвно наблюдали за пришельцами.

– Зачем мы здесь? – взныл Аксель.

– Чтобы вернуть тебе тебя, – ответила я и направилась к трейлеру.

Движение стоило бы назвать полетом, впрочем, по привычке я перебирала ногами (или тем, во что они превратились). Аура *прежнего* цыгана лучилась бледно-зеленым. Сначала я решила выхватить из нее яркий толстый пучок нитей. Но, едва я коснулась его, спящий Аксель заворочался. Предостережение? Вероятно. Меня осенило: если взять слишком много анима из прошлого, нарушится естественный ход времени и событий для Акселя или даже не для него одного. Вмешательство должно быть незаметным. Поэтому я подцепила тонюсенькое волоконце и перекинула его насыщенно-зеленой фигуре теперешнего цыганина.

– Тяни, – скомандовала я.

Полагаю, он мог забрать много. Аксель жадно сматывал нитку на руку. В какой-то момент она стала попросту втекать в его силуэт. Я внимательно следила за происходящим, готовясь обрубить их связь в любую секунду. Но когда именно? Не опоздать бы! Аксель подсказал мне сам.

– Не знаю, золотце, что ты сделала, но это прекрасно! – воскликнул он.

Его аура приобрела такой же оттенок, как и у «предка». Я пережала нить, сделав пальцами жест «ножницы». Цыганин в трейлере

повернулся на другой бок и захрапел. Вроде бы мы ничего не нарушили.

– Почему ты не дала мне взятьеще? – поинтересовался Аксель, приблизившись ко мне вплотную, перемешивая наши ауры.

– Не догадываешься, умник? Это же твой «прародитель»! Если переборщишь, то сам рад не будешь. Тебе и так хорошо.

– Ну, – Аксель подхватил меня, прыгнул в хоровод Туве, будто ожидавших нас и тут же принявших в круг, – есть кое-что, от чего стало бы куда лучше. Нам даже ради этого нельзя задержаться?

– Нельзя, – с сожалением подтвердила я и позвала: – Туве!

Синяя нить, до сих пор обвивавшая мою талию, напряглась, унося нас в небо.

Обратный путь занял гораздо больше времени. Видимо, дикарка начала уставать – волокно истончилось и побледнело. Я послала к Туве пучок своих и Акселевых анима-нитей, они стремительно потекли вверх, укрепляя, склеивая наш «страховочный трос».

– Мы словно против течения плывем, – тихо заметил Аксель, обматывая нить вокруг предплечья. – Держись! – неожиданно крикнул он и отпихнул ногой отвратительную тварь, похожую на глубоководную рыбу-удильщика. – На чужой каравай хлебло не разевай!

Страшилище слилось с черно-фиолетовой пустотой.

На нас еще не раз нападали. Монстры подманивали жертв тусклыми огоньками над дырами абсолютного мрака, заменявшими им пасти. Завидев свободно плывущие анима-силуэты, я от всей души пожелала путникам удачи.

В конце концов мы зависли над поверхностью *нашей* Эос. «Трос» уходил вниз, под облака, и мелко дрожал. Нужно было торопиться!

– А это что за срань? – изумился Аксель.

Слева от нас, среди *космического* мусора, парила уродливая тень, напоминающая кальмара; в центре ее копошилась человеческая фигурка.

– Фрай! – обомлела я. – И его *корабль*!

– Вот это поворот! Да я просто обязан сказать гаду пару ласковых!

Мы беспрепятственно проникли внутрь. Фрай вальяжно развалился в кресле передгромадным экраном – сквозь рябь помех смутно проступал чей-то силуэт.

– Вы даже не представляете! Чистейшую энергию можно черпать горстями и рассовывать по карманам! На хрен руду, на хрен кристаллы – тут целый небулитовый поток! Не хилый стебель, а, клянусь Талло Всемогущим, толстенный ствол! – радостно вещал Фрай.

– Тебе удалось запеленговать источник? – в голосе угадывалось раздражение.

– Еще нет, – Фрай как-то погрустнел и сжался.

– Маки, не разыгрывай шута! Ты не хуже меня знаешь – нужен корень! Да, и пока не решится проблема туземного населения, – раздался смешок, – ничего не выйдет. Когда прибудет техника, у них в руках не должно остаться ничего серьезнее дубинок, а окно откроется уже через полгода. Ты наживешь проблемы, если не успеешь в срок. Усек?

Экран мигнул и потух. Фрай вскочил и принялся расхаживать вдоль пультов.

– Как ты думаешь, удастся спустить говнюка отсюда? – спросил меня Аксель.

– Не знаю. Вряд ли нам хватит сил…

Действительно, наши ауры поблекли и расплылись, как капли краски в воде.

– Ну, тогда хоть душу отведу, – проворчал Аксель и, когда землянин поравнялся с нами, саданул кулаком ему в ухо.

Вполне ожидаемо, Фраю это нисколечко не повредило. Он остервенело поковырял пальцем в ухе – и только. Нам здесь больше нечего было делать.

Мы плюхнулись в озеро, и Туве с трудом вытянула нас на берег. Аксель спал.

– Если он очнется, то очнется прежним, – заверила Туве, заметив мой испуганный взгляд. – Идем.

Спотыкаясь на каждом шагу, низко склонившись под тяжестью Акселева тела, мы поплелись обратно к фьорду. Дикарка частооборачивалась и поторапливала меня. Наконец оглянулась и я. Поток распух и устремил за нами сияющие стебли. Они обвивали лодыжки, толкали,но мы с Туве продолжали медленно удаляться. Лишь на перевале рыжая остановилась. Уложив Акселя прямо на тропинку, я со вздохом облегчения села рядом, Туве опустилась напротив.

– Мы видели Фрая, – вяло промямлила я и зевнула. Мысли мои затуманивались, веки слипались. – Он ищет Поток… и кристаллы. И скоро на Эос прилетит техника, чтобы вручить каждому по дубинке…

– Поток способен защитить себя. А Фрай… если бы он мог, то давно уничтожил бы нас всех. Но мы живы. Значит, он не может, – твердо заявила Туве.

**

Друзья на катере заждались нас. В их неспокойных головах созревал план по захвату грусской подлодки. Время поджимало – полковник распорядилсязанять Долину в случае двухдневного молчания в эфире. Вторые сутки почти истекли, рация же ремонту не подлежала. Поэтому Владилен присоветовал сыграть на неуемной любви грусских к разгулу, особенно после долгого воздержания.

– Напился вчера Кубасов до звериного облику, – раздумывал Птицын вслух, – и мог сочинить самый невообразимый приказ. К тому же дух братания с малыми народами силен в моих соотечественниках. А уж коли доведется повстречать земляка вдали от родины… – Владилен закусил нижнюю губу, насупился и подытожил: – Лишь бы *идейных* на борту не было.

– Обычно таких экземпляров немного, – проронил Ник. – Коллектив не выдерживает. Если только не состоит из них целиком.

– То-то и оно, – неопределенно поддакнул Владилен. – Ну так вот, я, Туве и Том… Мэйби, иначе говоря я и пара туземочек, подплывем, покалякаем…

– И? Орава мужиков вмиг подобреет, побросает оружие и давай с Мамой блинчики печь? Что за бредни?! – Кирна хмыкнула. – Вроде до седых яиц дожил, а все туда же!

– Э-э-э… да я ничего… – стушевался Птицын.

– Это уловка, – пояснил Грюн, – чужие воины отвлекаются на женщин, мужчины заходят в тыл.

После своего нелицеприятного выступления в битве у Дома варвар будто бы пытался вернуть наше расположение. Хотя вряд ли он считал себя неправым, да и от бескозырки с автоматом не спешил избавляться, ведь их ему вручили за особые заслуги перед неведомым, но якобы великим вождем. Впрочем, злиться на Грюна бесполезно.

Мой рассказ про Фрая восприняли двояко. Все повозмущались, покричали, однако сквозила в этом какая-то неискренность. Так,

знаете, взрослые выслушивают фантазии ребенка. Док поминутно переспрашивал, нервно покашливая и перебирая пальцами, Николас даже не прятал ухмылочку, Кирна предложила выбить гада из моей башки, Владилен участливо потрепал меня по плечу, Грюн же изрек, что так высоко только птицы летают.

**

К острову Тари причалили на закате с восточной стороны, надежно укрытой вечерними тенями. Обиталище туземных старейшин представляло собой плоский клочок суши, формой напоминающий наконечник копья. На расстоянии пары сотен метров от берега его опоясывало ожерелье утесов. Между скалами залегали узкие проливы, в один из которых Ник и провел катер. Субмарина высилась над гладью бухты, вдающейся в широкую часть острова и не огороженной естественными «стенами». Там же, на пляже, виднелись каноэ туземцев. Деревня, должно быть, скрывалась в лесу.

Я, Владилен и Туве, продравшись через густые прибрежные заросли, вышли к суденышкам, выбрали самое устойчивое и поплыли к субмарине. На «горбу» подлодки, торчащем над водой, кучковались матросы. Эти прогулки были единственным доступным им развлечением – они с явным нетерпением высматривали катер. Моряки горланили так, что нам без особого труда удалось уловить основную тему разговоров – проклятия в адрес Кубасова, гноившего их «в ржавой кастрюле на мелководье». А потом нас заметили.

Крики стихли. Голодные взгляды солдат остановились на моей и Тувиной фигурках, но в итоге всеобщим вниманием завладел Птицын. Владилен сыграл того самого начальника той самой экспедиции, которая потерпела крушение поблизости от островов. Он передал от полковника Кубасова разрешение высадиться на берег и воспользоваться радушием туземцев. Мы с Туве демонстрировали разнообразные знаки благоволения островитян типа угощений (хлебосольная Мама уложила нам три корзины снеди) и обворожительных улыбок, обнаженных ножек,плечиков да животиков. Матросы ликовали. Нас зазывали на борт, чтобы мы повторили приглашение перед остальными. Владилен Михайлович направил лодочку к трапу, ведущему к основному люку.

Но едва Птицын вскарабкался наверх и очутился в окружении галдящих соотечественников, из недр подлодки вылез офицер.

Поначалу неприметный, он быстро ввинтился в толпу, раздав тумаков особо нерасторопным.

– Кто такой? – офицер недобро сощурился.

Вытянувшись по стойке «смирно», Владилен доложил:

– Птицын Владилен Михайлович, глава царской разведэкспедиции. Уже месяца три как с ребятами здесь кукуем, рация шипит только – весточку разве с чайкой или в бутылке посылать – и тут, на тебе, ваши нагрянули! Ну, мы-то вчера с ними посидели как следует, потолковали по душам…

– Сейчас и мы с тобой потолкуем, – прервал Владилена офицер. – Вниз его! – рявкнул он на матросов, а затем обернулся к нам. – Кто допустил дикарей к кораблю?!

Он вытащил пистолет, в мгновение ока спустился по трапу к самой воде. Матросы в замешательстве сгрудились наверху. Похоже, их нервировало поведение начальства. Открыто пока не перечили – желанного приказао высадке никто не опровергал, – зато обхождение с потерпевшим крушение земляком пробудило среди солдат нешуточное недовольство. Наверное, поэтому на падение офицера в воду вовремя не отреагировал ни один.

Начищенный сапог с щегольской подковкой на каблуке уперся в бок лодки, дуло пистолета зыркнуло своим черным внимательным глазом в Туве, стоявшую к грусскому чуть ближе. Тут-то я и шатнула нашу скорлупку.

– Осторожнее! – взвизгнула я и бросилась за потерявшим равновесие мужчиной в волны, утягивая его еще глубже.

Сверху навалилась Туве, также не ожидавшая от меня подобной выходки. Офицер судорожно нажал на спусковой крючок, пули прочертили в толще воды рябые дорожки, не причинив никому вреда. Затем мне удалось, наконец, добраться до его шеи и слегка придушить.

Я вынырнула отфыркиваясь, едва грусский прекратил брыкаться. К нам уже прыгнула парочка доброхотов. По счастью, ни одному из моряков не взбрело в голову обвинить милых дикарочек в злонамеренности. Нам помогли привести в порядок перевернувшуюся лодочку, поймать весла, а с моих хрупких плеч сняли тяжелую ношу. Ого, да мне подфартило «спасти» самого капитана! Не надо благодарностей! Не надо качать меня! Я же зазнаюсь.

И вдруг с другого борта субмарины послышались выстрелы и вопли.

**

– Ладно, чего рассиживаться, – заявил Ник. – Давайте потихоньку выдвигаться за нашими отчаянными туземками.

– Первые разумные слова за сегодня, – сварливо откликнулась Кирна и, поднявшись, пнула Грюну ящик с пулеметными лентами. – Главный аргумент не забудьте!

– Вы же не предполагаете всех там… – Данике осекся.

– Всех чего? – ехидно переспросила блондинка.

– Припугнем. – Николас шлепнул дока по колену, встал и подтянул ремень пулемета. – Только припугнем. Волнуйся лучше за своих пациентов. Аксель с Декстером нам пригодились бы в качестве двух боевитых мужиков, а не двух храпящих туш.

Ник, Кирна и Грюн вполне сошли бы за островитян, если б кто-то посмотрел в их сторону. Особенно издалека. Особенно в том жалком суденышке, в котором они бесшумно пристали к субмарине. Но их заметили лишь, когда все трое крепко стояли на покатом «горбу». Взгляды матросов прикипели к Мэйби, под восторженное гиканье взлетающей над толпой.

– Эй, а это чо за рожи?! – поинтересовался щуплый морячок у своего широкоплечего соседа в мятом поварском колпаке, обернувшись на гулкое топанье Грюна.

– Милочка, тебе чего здесь? – любезно обратился кок к Кирне.

Вместо ответа та дернула его за волосатую, по локоть обнаженную руку, и опрокинула в воду. Щуплый морячок заверещал, но, получив прикладом в лоб, мягко осел на горячий от солнца корпус. Блондинка направила автомат на еще не смекнувших, что к чему, моряков, и…

– Дрянная железка! – ругнулась она себе под носи перехватила заклинивший «галаш» за ствол.

Взамен быстрого, эффективного (и желанного) побоища пришлось ограничиться массовыми изгнаниями матросов в воду посредством пинков, тычков и затрещин. Рядом в очередной попытке впечатлить Кирну трудился Грюн. Николасу оставалось лишь отпихивать тех, кто пытался вскарабкатьсяназад на подлодку.

– Приказ слыхали?! – надсаживал глотку инженер. – На берег, к бабам и выпивке, марш!

Ему несмело вторил Владилен.

Наконец Валехо решил обратиться к грусским на наиболее понятном языке и дал очередь в небо. Грохот пулеметной стрельбы произвел должное действие: некоторые попрыгали за борт, другие замерли. В установившейся тишине Птицын наконец смог донести до моряков суть происходящего – их, усталых, голодных и вонючих, готовы приветить на суше.

Похожие на стадо морских тварей типа дельфинов или котиков, грусские поплыли к пляжу. Их сопровождала Туве, чтобы объяснить местным жителям внезапное появление оравы нахлебников.

**

Поверит лиздравомыслящий человек в то, что горстка оборванцев способна завладеть подлодкой с экипажем почти в сотню крепких мужиков? Нет. Хотя на месте этого теоретика я бы учла кошмарные недели заточения в плавучей душегубке, которые они пережили. Да и война, я думаю, многим уже порядком осточертела. Однако окончательный захват судна все же не обошелся без кровопролития – на борту оказалосьнемало оголтелых патриотов, упрямцев и тупиц.

В качестве проводника выступил оклемавшийся капитан, ради спасения согласный на все. Правда, далеко мы пройти не успели – навстречу двигалась группа матросов. Ни одного представителя командного состава среди них не наблюдалось. Что ж, достаточно типичная ситуация. Зато некоторые рядовые не пожелали без боя сдать поганым дикарям кусочек Родины, каковым официально считалась их лодка.

– Стоять! Оружие на пол! – заорал дюжий матрос, шедший первым.

Где-то в задних рядах щелкнул предохранитель. Я легонько ткнула пленного офицера в спину его же пистолетом.

– Спокойно! – прохрипел тот. – Они от Кубасова.

– Ага! Может, от самого царя-батюшки? – насмешливо уточнил кто-то. – Ты, кэп, вздумал нас людоедам продать?!

Тут-то Грюн и исключил вероятность мирного «абордажа», устрашающе взревев и метнув топор, накануне подаренный Николасу одним из грусских. Видимо, ему наскучили прения, или, скорее, это

был очередной виток «ухаживаний» за Кирной. Возглавлявший отряд матрос рухнул на спину с раскроенным черепом, зажав спусковой крючок автомата. Ох уж эта стрельба в замкнутом пространстве! Грюн бросился на пол, тем не менееего слегка задело. Мне едва удалось удержать офицера, отныне превратившегося в наш щит, – пули развоpотили ему грудь и часть головы. Далее все зависело лишь от скорости реакции и воли случая. Николасовский пулемет загромыхал первым. Короткой очереди хватило для разрешения проблемы организованного сопротивления.

После тщательного осмотра субмарины мы выдворили-таки экипаж наружу, заставив вытащить с собой трупы.

Когда наконец я высунулась из люка подлодки и огляделась, в глаза мне бросилась толпа мокрых ошарашенных мужиков на пляже. Вокруг сгущались сумерки, последние лучи солнца еще высвечивали неширокую полосу песка, но вот сразу за ней сплошной стеной вырастал лес. В его глубине, приближаясь, мелькали огоньки. Во избежание недоразумений мы с Николасом поспешили туда. Матросы, поди, уже отчетливо вообразили орду дикарей с вертелами наперевес.

Мы выскочили из лодочки в искрящиеся в темноте теплые волны, когда на пляже появились первые тари во главе с Туве.

Было единогласно решено оставить гроссийцев ночевать между лесом и водой. В отсутствие серьезной охраны, многочисленной, злобной и вооруженной до зубов, они могли воспрянуть духом и наделать бед в деревне. Туземцы опять продемонстрировали чудеса благодушия, обеспечив грусских пищей. По сути, матросы не ели лучше со времени отплытия с континента, хотя и там вряд ли пробовали нечто подобное. Мы поужинали с ними, подавая пример (доверять островитянам никто из пленных пока не торопился), а после я препоручила моряков надзору Валехо, Туве и местных жителей.

Нашим товарищам требовалась медицинская помощь, поэтому я вызвалась сбегать на катер за Данике. Грюн вдобавок к обезображенному плечу заработал внушительную коллекцию ссадин и порезов, отбиваясь от двух мичманов, засевших на мостике. Владилен схлопотал шальную пулю в бедро. Жаль, его знаменитый «олений» свитер пропал– на нем так наглядно отмечались все неуклюжие попытки дедули поучаствовать в драке. Кирна в своем репертуаре предложила делать зарубки на птицынской ноге. Кстати, блондинка не

пожелала покидать субмарину – по ее разумению, обретенный нами хлам, в том числе оружие, нуждался в немедленной сортировке. В общем, девица хотела заполучить лучшие трофеи.

На катере с нетерпением ожидали новостей. Док извелся прямо. Незадолго до моего возвращения очнулись Декстер, беспробудно дрыхнувший с самой попойки на Совете, и Аксель. Честно говоря, я боялась обнаружить цыганина в прежнем плачевном состоянии (или даже хуже) и отсрочила момент встречи, затеяв обмен колкостями с мессиканцем.

– А-а-а, прочухался, герой – штаны с дырой! – смешливо воскликнула я, завидев Тушкана, свесившегося через перила за борт.

– Раз с дырой, значит, хер большой, – просипел Декстер, оторвавшись от своего важного занятия. – А у кого большой, тот и герой! Не мешай мне, женщина.

– Да, и этот вот герой день-деньской лежалбухой, – подытожил голос за моей спиной. – Теперь, Мэйби, я себя узнаю.

На лестнице в рубку стоял Аксель иулыбался во весь рот. Я с радостным визгом кинулась ему на шею. Наверное, никогда мне не передать, как легко стало на душе. Будто дуновением ветра меня подхватило с палубы и унесло в звездную круговерть. Будто ясама стала осью Колеса Вселенной, а каждая частичка моего тела – отдельным поющим миром. А потом все эти крупицы соединились в руках одного человека.

– Не плачь, – тихо повторял Аксель.

Мои слезы уже основательно пропитали его идэнскую фуфайку. Сколько длилось мое забытье? Тушкан с Данике ушли, тактично оставив нас на катере одних. За кронами деревьев, над бухтой, выглядывал краешек луны, пухлощекойи золотисто-рыжей. Досюда ее свет не доходил, путаясь в ветвях, оскальзываясь на листьях, оседая бликами на водной глади. Было удивительно тихо, ночные зверушки молчали, словно вместе со мной прислушиваясь к ритмам наших сердец.

**

Цыган ожидала масса дел, имы задержались на архипелаге еще на несколько дней. Грюн с Владиленом требовали возложения их увечных тел в лечильный ящик, Данике хотел обсудить со старейшинами возможность изучения артефакта (по-моему, на самом деле он искал

случая извиниться перед островитянами), Кирна, Ник и Аксель копались в трофеях, мы с Туве участвовали в новом Совете, Декстер пополнял местный генофонд.Потом еще следовало запастись провизией для путешествия к материку. Вот только оставалось неясным, на чем же туда добираться. Топлива на катере не хватило б и на половину пути, да и приличный шторм он вряд ли переживет. Кроме того, на катере было тесно. Но как вдевятером управиться с огромной подлодкой?! Пожалуй, отмечу, что субмарина «И. В. Брузенштерн» сильно уступала по габаритам родственнице, севшей на мель у Эчеверии, однако это ни в коей мере не упрощало задачу. Рассматривался даже вариант взятьс собой всех недовольных матросов и вернуть их на континент.

Подводников распределили по островам, вняв идее не селить всех в одном месте или большими группами. Невзирая на причиненное гостями зло, островитяне согласились их принять в своих селениях, надеясь на исцеление людских сердец от равнодушия и ненависти. О каком-либо наказании никто и не упомянул.

В итоге цыгане обжились на субмарине. Под руководством десятка грусских доброжелателей, сутками не вылезая из рубки, Николас с Акселем разобрались-таки в управлении. Удалось дажеснова водворить на подлодку катер. Данике жеусловился с туземцами о научной экспедиции на острова. Но старейшины тари хмуро заявили, что только *люди с чистым сердцем* сумеют достигнуть архипелага, и обещали позаботиться об этом. Как? Видно же… К сожалению, отныне представителей человеческой расы, а, может, ивсех пришельцев, они будут встречать с недоверием. Хотя это незначительная плата за безоблачное существование и сохранность Потока.

Глава 17

Данике распахнул глаза и тупо уставился на тусклую лампочку, скупо освещающую тесную матросскую камору. Пару минут он соображал, почему лежит на узенькой жесткой койке, и еще несколько мучительных секунд вспоминал, куда запихнул пузырек с треклятыми таблетками.

Он повернулся на бок, нашарил под койкой холщевый мешок, а внутри – пластиковую бутылочку. Вытряхнув на ладонь бежевый кругляш, Данике поднес его ко рту, но проглотить не решился. В конце концов, сегодня это уже пятая. Так и *кони двинуть* недолго, как говорит Аксель. Или *дуба дать*, как говорит Птицын. Или… Данике помотал головой, зажал пилюлю в кулаке и повалился обратно на тощий матрац. Блаженный полусон улетучился, оставив взамен змеиный клубок мыслей, пропитанный черным ядом хандры. Док замахнулся, намереваясь зашвырнуть таблетку в угол, но вместо этого аккуратно убрал ее в пузырек.

Точные координаты архипелага обнаружились в судовом журнале на подлодке (приборы на катере, если верить Нику, барахлили), и Данике связался с Фраем еще до отплытия. Какими же нелепыми казались сейчас мотивы, побудившие его искать контакта с землянином! Маленькая драма, разыгравшаяся на островах, наглядно продемонстрировала доку истинный лик Цивилизованных Людей. По слухам, эндейцы продали остров Мангэттен за пригоршню дешевой бижутерии. Для мистера Фрая эосцы были такими же придурками-дикарями, как эндейцы – для белых колонизаторов. И в руках у этих дикарей не должно остаться ничего сложнее дубинок… Хороший Парень Данике по широте душевной уступил за двести таблеток транквилизатора целую планету.

Где-то там, в безбрежной космической пустоте, земляне уже направили свои корабли к Эос и через полгода будут здесь. Они придут и возьмут все, что пожелают, ведь в их руках могучее оружие, в головах – жестокая мудрость, а в сердцах, по словам Туве, – холодные камни.

Так и случится. Если только жители Эос не подготовятся к встрече. Земляне тоже люди, состоящие из плоти и крови, мистер Фрай и не скрывал этого. Они смертны… их можно убивать. А отросшая Фраева рука? Особенность организма – тогда человеческого ли? – или помощь удивительных технологий? Из темных закоулков памяти восставали мифические твари вроде Гигры, кадры из познавательного фильма о регенерации в животном мире, наконец, тари и лечильный саркофаг. Но Фрай испугался в Идэне, испугался за свою шкуру! Земляне не всесильны! Нужно просто предупредить… кого? Да кого угодно! Всех!

Тут док осекся, вспомнив, с каким скепсисом слушали Мэйбину «байку» о путешествии в потоке чего-то там. С такой же реакцией придется столкнуться и ему, расскажи он кому-нибудь о скором вторжении инопланетян. От самой фразы «вторжение инопланетян» веяло абсурдом, но он должен был попытаться. Данике поворотился к стене, подтянул колени к животу и зажмурился.

**

Когда люки грусской субмарины задраили, Аксель грустно произнес: «Кажется, мы прощаемся с этими местами навсегда». Почему-то у меня язык не повернулся опровергнуть его слова. Впрочем, уже через четверть часа все и думать забыли о чем-либо, не связанном с работой хреновой машины.

Плавание длилось около недели. Нам снова повезло: подлодка относилась к новейшему классу кораблей. Им не требовался многочисленный экипаж, обучение его сокращалось до минимального курса, а система управления отличалась интуитивностью и лаконичностью. Как выяснилось день на третий, «И. В. Брузенштерн» в начале своей карьеры называлась «Золотая Глорифорния». Да-да, отсюда и небывалая простота устройства. Но все-таки Николас не рискнул маневрировать, выбрав целью нашего круиза южную оконечность Кафрики, что позволяло плыть практически по прямой. Правда, кратчайший путь не всегда самый легкий. Как-то ночью буря, застигшая нас на поверхности, внесла коррективы в курс и отбросила подлодку к побережью Цили.

На территорию любой из Лармерик соваться не стоило – по мнению Ника (которое мы всецело разделяли), нас там слишком хорошо запомнили. Посему следовало повернуть. Не хотелось бросать

подводную лодку, тем не менее мы покинули ее комфортные интерьеры, едва на горизонте обозначился материк. Свободолюбивым цыганам тяжко, знаете ли, долго сидеть запертыми даже в уютнейшей из тюрем!Мда, а спустя несколько часов все уже сокрушались по поводу пересадки на крохотный (по сравнению с субмариной) катерок. Ведь на него загрузились не только мы, но и наши трофеи. Представьте: оружие и одеждапочти на сотню человек, посуда, инструменты, швейная машинка, магнитофон, рации – всего не перечислишь! Кирну с трудом удалось выцепить из этой сокровищницы.

Цыган гостеприимно встречал голый берег пустыни Акзакама. Дальнейший путь напоминал прежние странствия табора: от поселения до поселения мы считали глотки воды и куски еды. Сходство увеличивала связка бочек с топливом, которые прикрепил к катеру хозяйственный Николас.

Впрочем, по воде путешествовать безопаснее, чем по суше. Сухопутные разбойники куда многочисленнее пиратов.

**

Какие цели преследовали грусские на островах? Путешествие Кубасова и компании, несомненно, было частью некоего плана, но ничего конкретнее домыслов о неведомом сверхоружии, способном уничтожать орды гатайцев и, от себя добавлю, работающем на огненных кристаллах, мы не разнюхали. Не иначе кубасовская экспедиция и впрямь рассекала океан вслепую… как и мистер Маки Фрай. Уж не на пару ли они подвизались? Почему-то высшие силы упрямо выдвигают перед нами глобальные проблемы, вплотную касающиеся всей, мать ее, многострадальной Эос! К нам липнут артефакты, легенды, секреты, ну а сами мы регулярно влипаем в совершенно фантастические ситуации. В наших руках перебывали карты всех четырех мастей, а вот что делать с этим веером, неизвестно. К несчастью, моими стараниями единственныйнаш туз, Идэн, сгорел дотла. Однако после раздачи и объявления ставок за попытку выйти из игры можно влегкую схлопотать арбалетный болт в лоб или нож в пузо. Но пока мы ухитрялись отыгрываться.

На карте в каюте Кубасова жирной красной точкой обозначался город Содерсэт в Тейптаунском округе. Уж наверняка полковник не наобум отметил его, кроме того, Ник вычислил эти же координаты,

ориентируясь на записи переговоров субмарины с материком. Адресатов сообщений насчитывалось пять, но лишь один – на побережье.

В качестве пристанища мы выбрали залив Риулс в двадцати километрах от гроссийской крепости. Показываться вблизи Содерсэта на трофейном катере не решились, а тут к услугам цыган были скалы, изрытые пещерами, как сыр – дырами. Они вполне годились для укрытия – всякое ж случается. Чуть позже мы узнали, что в них обитало небольшое кафриканское племя. Затем чернокожих изгнали оттуда головорезы на колесах, вездесущие как пыль, а не так давно грусские завладели регионом от Тейптауна до Мосселбия, успешно сменив бандитов на поприще угнетателей местного населения.

Вылинявших под солнцем просторов пустынь, саванн и лесов не коснулись бомбардировки, но радиоактивные осадки и здесь оставили свой след. Правда, по сравнению с лармериканской пустошью, сплошь изъеденной радиоактивной проказой, в Кафрике было чисто. Пока ни у кого не хватало сил на завоевание «бесхозных» территорий (скорее даже, на удержание новых границ), да и туземцы не очень-то стремились к кому-либо присоединяться. А как принудить покориться вконец одичавших негров, если они засядут в своих джунглях? Или откочуют в пески, чтобы внезапно нагрянуть позже? Прошли времена, когда в распоряжении правителей имелись огромные армии, и они позволяли себе расточать их в бессмысленных войнах за право лишить независимости слабый, по их мнению, народ. Зачастую такие народы проявляли невероятное упорство и почему-то не хотели подчиняться. Сейчас же устраивать масштабные военные кампании стало крайне накладно и затруднительно. Большей частью материка до сих пор владело старое доброе насилие, незамутненное политикой, вкупе с десятками мелких царьков, вождей и иных авантюристов, игнорирующих какие-либо границы. Но государства-великаны постепенно восставали из небытия, желая утвердить наконец гегемонию одного правительства и народа.

Гроссийцы оказались наиболее предприимчивыми – царская загребущая длань накрыла едва ли не пол-Кафрики. Поначалу речь не шла о контроле значительных территорий, лишь об удержании нескольких укрепленных точек. В итоге же это привело к захвату участков между ними: аборигены сочли причиняемые новыми

соседями неудобства не столь уж существенными, а разномастные бандиты, выжившие в ожесточенных схватках с царской армией, затаились до поры или отправились в места поспокойнее.

Итак, нам не приходилось волноваться за неожиданное перемещение границы, когда засыпаешь среди нлошников, а просыпаешься с мессиканским стволом во рту. Тихо, мирно, речка журчит, птички поют – благодать. Долгое плавание завершилось, под ногами снова была твердая пыльная земля.

Отдохнув вдосталь, мы двинулись в Содерсэт. Топать предстояло несколько часов, однако пешая прогулка после морских мытарств выглядела особенно притягательной. Но не для всех. Аксель с Декстером предпочли куковать на судне до нашего возвращения, решив, видите ли, провести время в компании недавно обнаруженной нычки с сигарами и стопки довоенных мужских журналов. Очень похоже на Королевского Тушкана – отказаться от сомнительного, вероятно, опасного для жизни мероприятия, а вот почему отлынил цыганин, никто не понял. Попытки уговорить Акселя не увенчались успехом, меня его поведение даже обидело. Поэтому, махнув на упрямца рукой, я первой ступила на береговую трассу, ведущую в город. Остальные, нагнав меня, сообщили, что Туве примкнула к двум лентяям. Или предателям. Говнюкам, одним словом! Подумайте только, девица обещала *присмотреть* за ними. Да последний мужик, за которым она присмотрела… «Стоп, Мэйби», – оборвала я свои размышления и, надувшись, мрачная донельзя, ускорила шаг.

Обжитая область начиналась за пару-тройку километров до Содерсэта. Судя по многочисленности отдельно стоящих домиков и хижин, царская армия навела здесь порядок, позволяющий людям без опаски покидать крепостные стены. Но на глаза попадались в основном черномазые физиономии – их, возможно, попросту не пускали внутрь. Добравшись до места, мы, однако, убедились, что негров хватало и в городе.

Содерсэт не особо отличался от поселений в лармериканских пустошах – возвели ограждение, потом присоединили еще район, еще, еще... Укрепления оказались выстроены преимущественно из камня. Все-таки Катские горы вокруг. Ворота охранялись, но без фанатизма. С такой толпой военных в городе бояться-то, кажется, нечего. Часть местных едва ли не боготворило белых господ, часть – подчинялось

силе. А вот зачем грусским понадобилось в этом забытом уголке Эос такое количество военной техники, нам еще предстояло узнать.

На входе нас лениво облапали и пропустили с миром полуголые солдаты. Оставалось только поражаться безалаберности постовых, даже не заглянувших в массивный гитарный чехол, в который Николас упаковал пулемет. Хотя если верить Владилену, в Гроссии любят музыку (видимо, цыганскую – особенно, хе-хе), да и на подъездной дороге высилась, готовая ко всему, бронемашина. В башенном люке, под пижонским пляжным зонтом, курил печальный небритый танкист.

В Содерсэте было шумно, пестро и жарко. Владилен объяснил это тяготением соотечественников к веселому ничегонеделанью даже на службе. Похоже, местный климат и изобилие служили мощными катализаторами разгула, наподобие брошенных в нужник дрожжей. Мы не раз бывали на рынках, но такого еще не видали: процесс купли-продажи закручивался прямо за полосатым шлагбаумом. Впрочем, как только мне предложили приобрести развесного песка, я перестала заглядываться на товар. А после того как Кирна мастерски вдвое сбила цену напонравившуюся шмотку, затем ответно постаралась всучить продавцу изодранную тельняшку (тут их чуть ли не всеносили), от нас отцепились. Ха, с цыганом да с голодранцем дел не веди – один обманет, другой ограбит!Наведаться в ряды решили позже, не слушая возмущений Кирны, жаждущей обзавестись приличными клинками, обновить гардероб и найти достойную замену «моссбургу».

Неожиданно на одной из площадей Данике окликнули из людского водоворота. Пока док ошалело крутил головой, перед нами возник рослый грусский офицер. Мундир его, слегка застиранный и местами штопаный, тем не менее бросал вызов окружающему бардаку, удивляя своей безупречной чистотой. Погоны скрывала грязно-белая тряпка, в несколько слоев обмотанная вокруг головы и ниспадающая на плечи. Незнакомец схватил дока за руку, принялся трясти ее, и лишь искренняя радость, читавшаяся на его лице, избавила мужчину от пренеприятного объяснения с нами.

– Данике! – возопил офицер. – Как же я рад вас видеть! Но здесь?! Не иначе как по долгу службы?

– Простите, я не узнаю… – пробормотал док.

– Ох, да! Нас, пациентов, у вас пруд пруди, – офицер рассмеялся, потом отступил на шаг и кивнул головой: – Петр Орлов к вашим

услугам. Вы спасали меня после неудачного удаления аппендикса нашим армейским коновалом.

– А-а-а! Ну конечно же! – фальшиво вторил собеседнику Данике.

– Давно тут? Надолго ли? – продолжил трепаться Орлов, взяв дока под локоть. – Да что же я?! Пойдемте-ка, обмоем встречу!

Петр повел нас в кабак. Ага, как и положено у грусских. Впрочем, если начистоту, не только у них.

По пути мне на глаза попались до боли знакомые машины: «джон гир» с «вороньим гнездом», трейлер, «сандерклап», внедорожник и несуразное розовое детище папаши Лавджоя. Вдоль каравана выхаживал здоровенный вооруженный негрила самого дикого и недружелюбного вида. Встреть я любую из этих тачек по отдельности, приняла бы, наверное, за совпадение, но сейчас меня обуяло сильнейшее желание выяснить, как они очутились здесь и в чьей собственности находятся. Мои друзья уже толклись в дверях заведения «У Чупая», а я направилась к чернокожему великану.

– Стой! – зычно рявкнул негр. Могучие руки недвусмысленно вскинули винтовку.

– Скажи-ка, кому принадлежит обоз? – спросила я, не пытаясь нарушить требование.

– Мастеру Натану.

Улыбка, довольная и глупая, против воли растянулась у меня на лице буквально на все тридцать два зуба.

– Дрибблу?! – радостно залопотала я. – А Элька с ним?

Вот же новость – уцелел наш караван!

– Это собственность мастера Натана! – повторил страж и грозно двинулся ко мне.

– Хорошо-хорошо! Можно мне подождать его тут? – я поспешила отступить.

Негр бросил на меня оценивающий взгляд, начертил в дорожной пыли полосу и указал на нее. Судя по всему, он предложил соблюдать границу. Я сбегала в кабак предупредить остальных, что намерена сидеть на улице в ожидании Натана. Цыгане вяло порадовались, но место дислокации менять отказались: в помещении царила приятная прохлада – похоже, работал кондиционер. К сожалению, окна выходили на другую сторону, и следить за стоянкой отсюда не получилось бы, а доверять подозрительному ниггеру важное

сообщение я не рискнула. Вдруг забудет? Или не захочет тревожить хозяина по пустякам? Поэтому, зацепив с общего стола бидон холодного лимонада и тарелку аппетитно пахнущего месива, я вернулась в общество солнца, пыли, машин и молчаливого охранника.

Когда меня целиком укрыла тень драндулета, под боком которого я пристроилась, наконец, явился Натан. Он истощал, выгорел, зарос. Знаменитая бирюзовая водолазка превратилась в серо-голубую с разводами. И куда Элейн смотрит?!

– Салют, красавчик! – приветствовала я Натана.

Он хмуро воззрился на меня. Хорошо еще, с короткими волосами, одетая в матросские шмотки, лишь слегка подогнанные по фигуре, я продолжала выглядеть по-пацански – как привык Дриббл.

– Томми? – промямлил Натан. – Но…

– Он самый, протри глаза! – вскочив, я покрутилась, демонстрируя себя во всей красе. – Ребята тоже здесь.

– И где вы полгода пропадали? – Натан недоверчиво сощурился.

– Расскажу попозже – долгая история.

– Гм…

По-видимому, Дриббл прикидывал, насколько правдоподобно мое возвращение, кем может быть странный мальчишка на самом деле, и сколько «ребят» находится поблизости. Покуда он раздумывал, я безостановочно болтала, вороша совместно пережитые приключения. В итоге Натан решил вначале разобраться со мной, а уж потом, коль придется, с прочими.

Он зазвал меня к себе домой. Зайти в кабак этот плут не пожелал, а меня не пустил. Накорябав пальцем свой адрес на пыльном борту трейлера, Дриббл велел негру уведомить цыган о записке. Мне уже представилось, как страж тормозит каждого, кому не посчастливилось пройти мимо и оказаться похожим, разумеется, в негритянском понимании, на цыгана. Натан предусмотрительно описал Кирну, Николаса, Грюна и Владилена, сделав поправки относительно изменений в их внешности по моим подсказкам. Получилось довольно-таки точно – не зря Дриббл славился идеальной памятью.

По пути я выяснила кое-какие подробности мытарств каравана за то время, пока мы жировали в Идэне и на островах. Скупо, буквально двумя-тремя фразами, Натан описал сие путешествие. Многое я домыслила сама.

Ох, и намучились они с Элейн, сохраняя обоз! Право собственности перестало действовать на территориях НЛО и КСГ вовсе. Когда армии нужны ресурсы, обыватели обязаны предоставить их на блюдечке по счету «раз». Едва удалось выбраться на кафриканские просторы, начались проблемы иного толка – Принцессе воров подходил срок рожать. Удивительно, почему Дриббл не бросил ее где-нибудь, ведь такая обуза – мама не горюй. Он даже приобрел раба, в том числе чтобы освободить Элейн от части повседневных хлопот, и благородно взялся найти повитуху! Как предупредила его одна из специалисток, сама Элька не разродится, нужен сведущий врач, коих в Кафрике не водилось и в лучшие времена. Так нелегкая забросила их аж в Содерсэт, где имелся рабочий автодок. Правда, недавно с оператором этого чуда довоенной техники стряслась беда – тот спьяну отправился купаться и утонул.

– Ничего, Данике с нами – все обойдется! – я хлопнула Дриббла по плечу, впервые с момента встречи заметив на его лице бледную тень улыбки.

Квартира (ах, как ласкает это слово слух, а помещение – взор!) располагалась на первом этаже, которых в доме насчитывалось целых три. В ней имелись гостиная, спальня, кухня и санузел. Натан лично наладил водопровод, отремонтировал кондиционер. В общем, устроилась парочка роскошно. Правда, Дриббду приходилось вкалывать, чтобы сохранить жилье и не поиздержаться в средствах, но на то он и мастер на все руки.

Элейн приветствовала «муженька» порцией придирок: и к обеду-то опоздал, и соседи-то чересчур шумят, и холодильник барахлить начал. Кормилась она, судя по всему, отменно и изрядно прибавила в весе, являя собой полную противоположность худющему Натану. «Супруг» глубоко вздохнул и протиснулся мимо нее в комнату. Теперь Принцесса воров оказалась лицом к лицу со мной.

– Том! – прошептала девица и ухватилась за спинку стула, подвернувшегося ей под руку.

О да, история повторялась. Я тряхнула головой, шагнула внутрь, но тут…

– Натаааааан! – с угрозой возопила Элейн, выпрямляясь и двинувшись на меня. – Что за девку ты привел в мой дом?!

Видимо, с ушиванием штанов и тельняшки я перестаралась. Или у меня больше не получается притворяться парнем: осанка изменилась, походка там, выражение лица? А не округлилась ли часом грудь? Я украдкой скользнула взглядом вниз, но нет.

– Совсем ошалела? – взвился Дриббл, в мгновение ока очутившись за спиной Принцессы воров.

– Я-то?! Это ты обнаглел вконец!

Последовала немая сцена. Парочка пристально оглядывала меня, и вот, когда я уже приготовилась объясниться, Элейн тихо произнесла:

– А ведь я с самого начала догадывалась. Где Акс и остальные?

– Натан не разрешил их приводить. Сидят «У Чупая».

– Ну и правильно. Нечего им тут шататься.

Не ожидая столь прохладного приема, я отступила обратно за порог.

– Да не тупи! – раздраженно воскликнула Принцесса воров и, втащив меня внутрь, закрыла дверь. – Неприятно, знаешь ли, вот так вдруг понять, кто заполучил лучшего мужика в таборе.

А потом завертелась долгая беседа, за которой прочие цыгане застали нас уже за полночь. Элейн требовала подробностей и получила их сполна. Она слушала меня, поминутно перебивая, охая и ахая, Дриббл же сидел молча, кажется, удрученный неизменностью некоторых вещей. К примеру, умением своих друзей притягивать проблемы и встревать в неприятности. Или, скорее, необходимостью вновь делить бережно сохраненное богатство с толпой оголтелых сорвиголов и транжир.

**

– Извините, Петр, моих спутников за этот отвратительный инцидент, – с чувством проговорил Данике.

Они с Орловым прогуливались по городу, проводив остальных почти до дверей натановского жилища. Доку опять пришлось краснеть за своих друзей-варваров. Посещение кабака завершилось дракой. Грюн «защитил честь» своей белобрысой зазнобы от посягательств офицеров, те, разумеется, возмутились, а в конце концов кабатчик вызвал комендантский отряд. Не исключено, что Кирна сама спровоцировала скандал, перемигиваясь со всеми подряд.

– Ничего-ничего! – рассмеялся Петр. – Красавица, да еще блондинка, в нашем захолустье – истинное проклятье!

– Жара действует, – предположил Данике.

– О нет! – серьезно ответил ему гроссиец. – Просто вы не представляете, как давно все мы в последний раз видели настоящую женщину. Чернокожие не в счет – их здесь полно, они по-своему хороши, но быстро приедаются. А уж болячки! Вот вы мне как врач скажите, отчего всякая дрянь с негров, которые на нее и внимания-то не обращают, так липнет к нормальным людям?

– Вам не делали прививок…

– Конечно. Да и кто от этого привьет в мире, где до сих пор умирают от простуды? Кафриканские земли издревле слывут рассадником эпидемий, – Орлов махнул рукой, пошатнулся, затем продолжил: – Страшно даже вообразить, какую заразу привезут матросы из экспедиции к островам. Отправили тут подлодку на поиски одного… ммм… ценного минерала…

Внезапно Петр запнулся, осознав, наверное, что сболтнул лишнего. Данике заметил его оплошность, но виду не подал и перевелразговор на другую тему.

– И все же я безмерно удивлен нашей встречей здесь.

– О, Гроссия – великая страна. Ее столько раз пытались растоптать, но она вновь и вновь поднимается с колен. Мы перевернем мир. Фигурально выражаясь, естественно. Вы появились вовремя! – Орлов резко остановился, положил руки доку на плечи и легонько встряхнул его. – Мне необходима ваша помощь! Ай, да разве мне?! Всей многострадальной Эос! – мужчина понизил голос. – У нас неподалеку от города есть шахта. Так вот, среди рабов началась эпидемия: мрут как мухи. Прозвучит не очень гуманно, но, пока страдали невольники, проблему замалчивали, а недавно хворь поразила солдат. Я предлагал начальству провести экспертизу, выявить возбудитель, найти способы лечения. Услышали меня лишь сейчас…

Данике с трудом подавил в себе волну гнева. Нет, каковы, а? Впрочем, человеческая жизнь дешева даже нынче. Потрясающе, что кто-то вообще обеспокоился происходящим на руднике.

– И чего вы от меня хотите? – неприязненно спросил док.

– Во-первых, содействия в спасении, если оно возможно, тех бедолаг, которые заболели. Или быстрой смерти для них. Я имею в виду всех без исключения. Во-вторых, прогнозов насчет

распространения заразы, – четко, словно заранее подготовившись, перечислил гроссиец.

– Я готов.

– За оплатой ваших трудов командование не постоит… – радостно воскликнул офицер.

– Мне не интересны материальные ценности, зато вы способны помочь мне в одном деликатном деле, – патетично отчеканил Данике, отринув мысли о Солберри, о старине Брауни и об уйме других вещей.

– Весь во внимании!

– До войны во многих странах существовали программы по изучению космоса, – осторожно начал объяснять док. – В моем родном городе получили сообщение оттуда, – он ткнул пальцем в ночное небо, – но, к сожалению, расшифровать до конца не успели. Ученый, ответственный за это, напился на радостях, пошел купаться и утонул…

– О, да такое случается сплошь и рядом! – Петр как-то странно взглянул на собеседника, но ничего не добавил.

– Мда… Я ищу того, кто переведет *небесное* послание, – Данике облегченно вздохнул, завершив рассказ, точнее, нагромождение из намеков. Ложь давалась ему невероятно тяжело. Аксель вот виртуозно, без малейшей запинки выдавал такие истории! И ведь ни разу никому не удалось его уличить.

– Есть у меня приятель. Свяжу вас с ним, – задумчиво проронил Орлов и вдруг вскинулся: – Однако ж поздно уже! Будьте моим гостем!

– Почему бы и нет, – док улыбнулся.

Парочка отправилась в центр Содерсэта, где, разделив довоенный особняк какого-то богача еще с тремя офицерами, обосновался Петр. По пути гроссиец вовсю развлекал приятеля анекдотами из жизни гарнизона, даже предложилиспытанную чернокожую шлюху, заверив, что для здоровья она абсолютно безопасна. Особенно при двух надетых резинках.

**

Утром Орлов проводил Данике до клиники, где познакомил его с персоналом. Трое мрачных медбратьев буквально осиротели с гибелью главного специалиста. По словам Петра, «три поросенка» были неспособны даже царапину йодом прижечь. Также Орлов пообещал не позднее обеда предоставить *материал для исследования*. Надо

понимать, больного. Пока оставалось время, док решил навестить своих друзей.

В доме Натана первой его встретила Элейн, которая сразу же принялась жаловаться на ущербность медобслуживания и нерасторопность Дриббла, до сих пор не обеспечившего ей надлежащий уход.

– Вот что, Данике, – прервал цыганку Николас, – выдави ты уже этого младенца! Она меня-то довела до белого каления, а каково Натану?!

– Я привык, – тихо произнес Дриббл. – Теперь полегче будет. Наверное.

– Изверги! – истерично завопила Принцесса воров. – Вы не дотронетесь до моего живота! Не дам!

– Эля, а как, по-твоему, док тебе поможет? – вкрадчиво уточнил Дриббл.

– Как угодно, только без рук! – прорычала девица, прикрыв пузо ладонями.

– Хорошо! – радостно подытожил спор Данике. – Так я зайду?

– Извини, – Элейн сконфузилась и впустила гостя.

Цыгане расположились на кухне – завтракали. Не сказать, чтобы они уж очень оголодали во время плавания, но вкуснятина с островов кончилась за неделю, а затем в ход пошли матросские запасы, гораздо менее аппетитные. А тут – снова изобилие, прямо-таки бросающее вызов своим разнообразием: кофе с молоком, хлеб, мясо, даже мечта гурмана – вонючий сыр и подвядшие финики. Данике с удовольствием присоединился к остальным.

За едой сообща удалось убедить Элейн в необходимости обследования. Док клятвенно обещал только глянуть все ли в порядке, в крайнем случае – взять анализы. Принцесса воров согласилась, будто одолжение сделала.

Невзирая на полуденную жару, в лазарет с Элейн выдвинулась внушительная компания. Правда, Ник с Кирной отделились по дороге, прочие сочли рождение ребенка достаточно интересным событием.

Наконец Принцессу воров уложили на кушетку в закрытом помещении автодока. Она нервно озиралась, забрасывала Данике дурацкими комментариями: «Можно снять эту шапочку – она мне не к лицу? Неужели нельзя было на меня голую в другом месте поглазеть?!

Зачем пар из машины валит? Если вы меня уморите, я вас всех поубиваю!» – и так далее в том же духе. В общем, отвлекала, как могла. Наконец док нажал кнопочку, в плечо Элейн впилась крохотная иголка на стебельке, и пациентка, к общему облегчению, вырубилась.

– Не хочу рисковать, – док повернулся к Мэйби, Грюну и Натану, завороженно пялившимся на задремавшую Принцессу воров. – Без *цезарева сечения* в ее случае не обойдешься.

– Данике, а нельзя его как-нибудь выманить оттуда? Ну, не рассекая никого, а? – с мольбой спросил Дриббл.

– Сядь у нее между ног с бутербродом да попробуй! – хихикнула Мэйби.

– Без шансов, Натан, – серьезно ответил док. – Не волнуйся, не в полевых же условиях оперирую.

Извлечение ребенка заняло минут пятнадцать. Практически все манипуляции проделал робот – Данике не обманул мнительную роженицу. Вмешательство человека требовалось младенцу. Даже не вмешательство – тепло ладоней.

Невзирая на кажущуюся абсурдность утверждения, будто дитя с первого вздоха должно почувствовать, что небезразлично окружающему миру, ни один акушер в мире не оспаривал его. Док и не подозревал, но, принимая красное тельце хнычущего Элейниного сына из захватов автомата, бережно прикладывая его к груди матери, он исполнял древний, как само мироздание, ритуал. Больше того, Данике, всегда пекшийся о чистоте в операционной, не отдавая себе отчета в своих побуждениях, не надел перчатки. Пожалуй, узнай он, что та же Туве (а с ней любой островитянин) полностью одобрила бы его, заметив: мол, не все потеряно, раз люди сохраняют такие обычаи, – немедля «зачехлил» бы ладони. Но Данике было невдомек. Он назвал бы свои действия привычкой и недоуменно пожал бы плечами. Право, о чем вы? Разве цивилизованный человекпридает значение предрассудкам туземцев?

Док долго и тщательно мыл руки, обработал их спиртом, облачился в специальный комбинезон, шапочку, маску, но на коробку с синими перчатками даже не взглянул. Впрочем, Данике могла остановить вполне прозаическая причина – срок хранения латексных изделий ограничивался в лучшем случае десятью годами, а проверять качество продукции восстановленного гроссийского производства он

не рискнул. Вот в исправности автодока Данике убедился лично и заменилвсе расходники на свежие. Механизм поражал простотой. Грусские медработники, видимо, были непомерно ленивы, беспросветно глупы или боялись «натворить дел», из-за чего и не пытались освоить аппарат. Данике с грустью вспомнил старину Брауни. Местный робот являлся его обезличенной, так и не осознавшей себя, копией. Все правильно. Здесь ему отводилась роль точного полезного инструмента, и только.

– Через пять минут проснется, – заявил Данике, выйдя наружу и сняв маску. Дверь за ним захлопнулась автоматически. – Давайте сохраним случившееся в тайне? – предложил он с улыбкой.

– Конечно! – Натан тряхнул головой.

– Глазам не верю! – с глумливым восторгом воскликнул Грюн. – Тюлень породил человека!

Этот внезапно отверзшийся родник остроумия никто не удостоил вниманием. Дикарь подождал немного, в надежде увидеть еще что-нибудь интересное, но плачущий младенец и дрыхнущая Элейн, по его мнению, в данную категорию не попадали. Не то что совместное камлание дока и автодока! Пожав плечами, Грюн покинул операционную.

– Как все просто! – восхитилась Мэйби.

– Без этого устройства – гораздо сложнее, – вздохнул Данике.

Оба замолкли, и тут пробудилась Элейн. Сразу же возникла куча проблем. Часть из них уладилась сама собой, когда девица осознала, что дитя снаружи, живот втянулся почти до прежних размеров, а обещанных бывалыми женщинами болей вроде и нет совсем. О тоненьком швеей не сообщили.

Барышни отправились домой, выслушав рекомендации врача. Как выяснилось, Мэйби почерпнула в Идэне достаточно знаний об уходе за детьми, благодаря чему Данике мог не волноваться за своих пациентов. Вернее, волноваться чуть меньше – случая попрактиковаться Акселевой пассии еще не представлялось. Так или иначе, док выпроводил их из клиники. Орлов привез больного раба – то ли заразного, то ли нет – не самая полезная компания для матери и младенца. Натан зачем-то пожелал остаться.

Койку, недавно освобожденную цветущей Элейн, занял худющий понурый субъект. Степень его истощения Данике благоразумно не

прокомментировал, хотя связывал ее исключительно с плохими условиями работы в шахте и скудностью питания. Судя по анализам, мужчина был в целом здоров, насколько вообще возможно в его положении. Нехватка витаминов, отдыха, свежего воздуха. Смущало Данике состояние легких и кожи невольника: они будто подверглись воздействию какой-то химии. Ожоги. Дыхательные органы покрывал изнутри слой некоего порошка, который выходил с мокротой. Субстанция отдаленно напоминала алмазную пыль.

Док углубился в исследования. Дриббл продолжал сидеть здесь же, даром что его никто не держал. Вероятно, он предпочитал компанию больного раба обществу новорожденного. Орлов сказался страшно занятым и обещал заглянуть позже, однако не появлялся уже часа три-четыре.

– Данике, не пора ли домой? – подал голос Натан.

– Иди, я подожду Петра.

– Похоже, ему не очень-то и нужно.

– Нужно мне, – отрезал док. – Не иначе грусские нашли… – тут он, осененный догадкой, осекся и добавил после неловкой паузы: – Стоит разузнать, что именно.

– Не лез бы ты, – Дриббл неодобрительно покачал головой. – Пользы не поимеешь, а неприятностей наживешь. И мы с тобой за компанию.

Данике упрямо поджал губы и вперился в монитор.

– Доктор, если вы со мной закончили, – неожиданно раздался в динамиках хрип раба, – дайте уже спокойно помереть.

Натан с Данике вздрогнули и не сразу уразумели, кто с ними говорит.

– Но вас можно вылечить! – запротестовал Данике.

– И вернуть в забой?! – раб сжал кулаки.

Ему не ответили. Что скажешь человеку, который лишен всего, кроме тлеющей искорки жизни, уже бесполезной? Док метался между обязанностью помочь пациенту и осознанием бессмысленности сего. В итоге он решился.

– Так, больного заберем с собой, – заявил Данике.

– Ага, и друзей его заодно, – процедил Натан. – Нищих с улиц тоже покличем?

Мужчины смерили друг друга взглядом. Дриббл обреченно махнул рукой и поплелся на выход. Немного погодя док нагнал его, таща раба практически на себе.

– Знакома мне одна страшно заразная цыганская болезнь, – буркнул Натан, – глупостью называется. Этот хоть не опасен? – он кивнул на невольника.

– Нет, – пропыхтел Данике.

– С Элейн будешь объясняться сам.

**

Николас малодушно бежал из гостеприимной натановской квартиры, едва на пороге показались Мэйби и Элейн с младенцем. Шумная суета наседок вокруг цыпленка не доставляла инженеру никакого удовольствия, поэтому он вознамерился побродить по городу. Данике, конечно, раздобыл кое-какую информацию, но далеко не исчерпывающую. Ладно, торопиться вроде некуда.

Вскоре праздношатающийся Ник набрел на аэродром, ухоженный и бдительно охраняемый. У болтавшегося поблизости негритенка (шпана, как известно, любопытна, а потому вездесуща) он выяснил, что здесь постоянно, чуть ли не ежедневно, курсирует грузовой самолет. К его прибытию из «проклятой дыры» доставляли металлические ящики с желто-черными кружками на боках, а солдаты облачались в плащи и «смешные маски с хоботами».

Кинув трепливому оборванцу блестящую гильзу, Николас устроился неподалеку от аэродромной ограды, на поросших бурой травой развалинах сарая.

Ожидание его было вознаграждено куда раньше, чем он смел надеяться. Солнце еще не начало клониться к закату, когда раздался глухой низкий гул – с северо-востока быстро приближалась, увеличиваясь, точка. Коричнево-зеленый *винтовой* самолет, похожий на старого облезлого дракона, тяжело плюхнулся на дальней оконечности бетонного поля. К тому моменту вокруг Николаса успела собраться небольшая орда черномазых пацанят. Часть из них, наверное, тоже рассчитывала на подарки, но прочиепритопали поглазеть на посадку чудища. Внезапно все они, как по команде, вскочили и бросились наутек. Мгновение спустя Николас понял почему – из открывшихся ворот выходили охранники. И висящие у

них на проволочных петлях дубинки вызвали у Николаса нешуточные опасения. Инженер встал и с запозданием присоединился к бегству.

Дома Ник застал одну лишь Элейн – Мэйби отправилась на катер. Вот не сидится девке! Если ж чего случится, Аксель им предъявит. Впрочем, Николас скоро забыл о беспечной барышне: вернулись Кирна с Грюном, нагруженные покупками, а за ними – Натан, Данике и…

Раба, невзирая на вопли Элейн и сдержанные протесты Дриббла, док разместил на диване в гостиной. Мужчина после утомительнойпрогулки по городу впал в забытье, поэтому разговор начался без его участия.

– Данике, ты своих таблеток переел? – приступил к врачу Валехо. – Его ж искать будут! Орлов сразу к тебе нагрянет.

– Сюда! – возмутилась Принцесса воров. – Ко мне и моему сыночку!

– По документам и показаниям приборов этот человек мертв, – тихо заметил док, то ли не обративший внимание, то ли нимало не смущенный пассажем про таблетки. – Я все предусмотрел.

– А камеры слежения ты предусмотрел? – простонал Николас. – А медработников, видевших тебя с телом? А… а, поздно уже.

– Ничего, разберусь. Да и какие камеры?! Местные олухи даже инструкцию к автодоку не осилили.

Данике демонстративно повернулся к собеседнику спиной, намекая, что тема исчерпана, и принялся распаковывать на придиванном столике какие-то бутылочки. Элейн открыла уже рот, готовясь охарактеризовать идейки дока должным образом, но в спальне заплакал младенец, и она ринулась туда, опрокинув в спешке пару стульев. Натан вышел на кухню и как-то обреченно начал греметь посудой. Грюн последовал за ним. В руках дикарь сжимал диковинную штуковину – этакий велосипедный рожок-переросток. По словам продавца, духовой музыкальный инструмент, вувузела, был частью традиций местных племен, изготовлялся из человечьих костей и использовался воинами для устрашения врагов, а шаманами – для изгнания злых духов.

– Когда вылечишь задохлика, я сумею выгодно продать его, – громко заявила блондинка.

Ответом ей послужил хриплый смешок раба.

– Лучше добейте.

– Ха! Так легко ты не отделаешься, – пообещала Кирна, затем хлопнула молчаливого Данике по хребту и прибавила: – Ставь его на ноги, а там поглядим.

Тут с кухни донеслись звуки, одновременно напоминающие рев верблюда, хрюканье свиньи и шум опорожняемого сливного бачка – то Грюн наконец-то опробовал вувузелу и как минимум устрашил злых духов. Раб дернулся, выдавил на лице кривую щербатую улыбку и просипел: «Теперь вы просто*обязаны* меня прикончить!» Засим Натан пресек рулады недовольным окриком.

Кирна хохотнула и прошествовала в соседнюю комнату. Оттуда послышался гневный ропот Элейн, писк ребенка, скрип пружин кровати – не иначе как белобрысая захватила лучшее спальное место в квартире.

– Пока глупые люди размножаются, умные – развлекаются. – Кирна презрительно фыркнула.

– Ты уже развлекалась вчера в кабаке! – возмутился Ник. – Еле отбились.

– Отвянь! – огрызнулась блондинка. – Ты…

– Николас Валехо? – неожиданно встрял невольник.

Инженер обернулся, промычал что-то неразборчивое, нашарил ладонью выключатель на стене. Яркий свет залил комнату. Из кухни выскочил разъяренный Натан с ложкой, начал было распекать присутствующих за перерасход топлива в электрогенераторе, но замолк, когда Данике цыкнул на него. Все трое уставились на лежащего человека.

**

История Фернандо печальна, но вполне обыкновенна. Хотя, если верить Акселю, в мире вообще не бывает ничего удивительного – всегда найдется в прошлом, настоящем или будущем вещь, событие, существо еще более фантастическое. Но, как известно, цыган соврет – недорого возьмет.

Нынешнего раба Николас знал когда-то как веселого и смышленого паренька. Они дружили с детства. Вместе облазили военный городок вдоль и поперек, вместе зачитывались книгами и журналами, обнаруженными в одном из старых бараков, вместе влюбились первый раз, вместе мечтали увидеть самолет в небе.

Вместе внимали старикам, объяснявшим устройство и принцип действия довоенных механизмов. Разлучила их случайность.

В тот знаменательный день, когда Николас Валехо созерцал приближающиеся вертолеты НЛО и обдумывал грядущие изменения в своей судьбе, Фернандо уехал свататься. Когда до него дошли слухи о разыгравшейся в городке драме, он возблагодарил свою счастливую звезду, попросил жену перекроить мундир в фермерский комбинезон и с головой погрузился в радости семейной жизни. Продлились они поразительно долго – целых пять лет – и завершились смертью жены родами. Ребенок, хилый и слабый, умер через неделю.

Так закончилась для Фернандо карьера фермера и светлая жизненная полоса. Он отправился в путь в отчаянной надежде отыскать место, где снова сумеет улыбаться. А нашел банду головорезов. Которые, вопреки своему названию, сохранили его голову в относительной целости и продали пленника работорговцам за три литра дизельного топлива. Те же как раз формировали партию товара для грусских. Фанфары, туш, занавес.

Раскопки в Блумдезете. Шахта под Содерсэтом. И вдруг – свобода.

– Они роют, роют везде, как сурки, Никки, – продолжал Фернандо. – Они опять готовят войну. Победоносный блицкриг.

– Ферри, тебе что-нибудь известно об этом? – Валехо походил сейчас на сурколова, учуявшего особо жирного пушистого мерзавца и напряженно сжавшего в кулаке хвост веревочной петли-ловушки.

– В моем распоряжении не так много. Случайно слышанные обрывки разговоров, собственные догадки. И, разумеется, мозги. – Фернандо потер пальцами висок. – Впрочем, зачем пугать тебя лишний раз?

Объяснение Николаса получилось довольно пространным, и при всем старании словосочетания «спасти мир» избежать не удалось. Однако Фернандо нисколько не удивился.

– Смахивает на книжку про шерстолапых недомерков. Хотя у тебя, Никки, нынче волосы и на голове, и на ногах погуще будут. Когда великим мира сего не достает времени, ума или желания озаботиться его спасением, кому, как не нам с тобой, этим заниматься? – Фернандо зашелся в очередном приступе надсадного гулкого кашля. – Нет, насчет «нас с тобой» я, пожалуй, погорячился.

Фернандо, насколько сумел детально, описал выстроенную в Блумдезете базу, где проявились первые признаки эпидемии, и шахтерский лагерь у Содерсэта, из которого его вывез Орлов.

– Я был среди тех, кто снимал последний слой земли. Работали совочками и метелочками, как заправские археологи. Эта штука напоминает ядро грецкого ореха, внешне вроде бы из стали, но на ощупь – будто живая. Я ее с тех пор не видел… – Фернандо часто и тяжело задышал. – А здесь… мы, кх-кх, добывали… какие-то серо-розовые… кри… кристаллы.

– Оставьте его в покое, – потребовал док.

В натановской квартире воцарилась тишина. Заснул даже Ник, растревоженный встречей с другом. Мэйби так и не вернулась.

**

Все-таки терпение – не моя сильная сторона. Уверенность в том, что нужно подождать, пока Аксель придет сам, за день переросла в убежденность, что пора его навестить. Да-да, я ревновала его к Туве. К тому же за время совместной жизни в Идэне я привыкла опекать цыганина, играть роль опоры семьи. А тут… семья взбунтовалась.

Уже издалека я заметила неладное. На песчаном пляже устремил к небу рваный красный гребень здоровенный костер, вокруг него мелькали тени, катер переместился гораздо ближе к берегу. Через огонь сиганул знакомый хвостатый силуэт, раздались улюлюканье и свист.

Скрытно к месту веселого гульбища можно было влегкую подобраться вдоль скал, но все равно пару сотен метров пришлось преодолевать ползком. Высунув голову из впадины с нечистой морской водой, я обомлела. Дежавю? Снова пир у эндейцев? Ан нет.Уогня отплясывала толпа черномазых в проволочных юбках и бусах. Впрочем, кое-кто щеголял в гроссийской солдатской форме, попадались люди в длинных легких рубахах и вполне «цивилизованной» одежде. Наконец я отыскала взглядом Туве, Тушкана и Акселя, сидевших особняком. Мужчины смеялись, общаясь с каким-то особо изукрашенным и важным ниггером, рыжая невозмутимо глодала жареный ящеричный хвост. Ого! И здесь мы завели полезное знакомство с неким вождем. Теперь чернокожим.

Я вылезла из укрытия и, уже не таясь, направилась к пирующим.

– Конечно, обществом сигар и мужских журналов вы не удовлетворились, – констатировала я, выйдя на свет.

– Ба! О нас вспомнили?! – пьяно гаркнул Декстер.

– И не забывали, в общем-то.

– Да лан заливать-та! – Тушкан фыркнул. – Господа офицеры, все дела…

– Элейн родила, – перебила я.

– Чего? – вступил Аксель.

– Сына своего, – я подмигнула цыгану и, уже откровенно забавляясь произведенным эффектом, предположила: – А может, твоего… – и, направив палец на ошалевшего Тушкана, завершила, – или вот его?

– Ответишь ты толком или нет? – рявкнул мессиканец, похоже, слегонца напуганный перспективой оказаться причастным к такой глупости, как Элейнин ребенок.

– Не ори на нее, – окоротил Декстера Аксельи обратился ко мне: – Мэйби, секретничать хорош, – и громким шепотом договорил, – тебя теперь и на хрен *хрен по*шл*ешь*.

Посмеялись. Я категорически отказалась объясняться, покуда меня не познакомят с остальными действующими лицами и не накормят. Как мне сбивчиво сообщили, вождь местного негритянского племени, приметив в водах заливчика одинокое судно, проявил к нему закономерный интерес. Который, по счастью, удалось удовлетворить без кровопролития, не в последнюю очередь благодаря акселевскому обаянию и чувствую юмора. Новоприбывшие белые господа не претендовали ни на угодья рода, ни на другие его «сокровища», и негры возликовали. Черномазые, вообще-то, могли на поверку быть хитрее, чем с виду – после обильных угощений гости промазали бы даже в небо.Судя по «галашу», неизменному средству эффективной дипломатии, висящему у Акселя на плече, цыганин предусмотрел такой вариант. Сдается мне, он больше кривлялся на публику, притворяясь захмелевшим.

– Надеюсь, назавтра вы не ослепнете от местного пойла, – бросилая.

– Поживем – увидим, – отмахнулся Аксель. – Или *не увидим*. Так чего случилось-то?

Я выложила подробности предыдущего дня. Декстер где-то в самом начале сбежал к молоденьким девицам, давно уже строившим ему глазки. Уведомить Тушкана об опасности близких связей с местными красотками я не успела. Утром док потратил целых десять минут на лекцию об интимной гигиене в условиях крайнего юга, но *некоторым* такие увещевания что в лоб, что по лбу...

Туве же внимательно слушала, но едва прозвучала фраза: «Элейн там сама справится, вот я и решила проведать вас», – рыжая встала и убрела к скалам. Аксель задал мне еще несколько вопросов, а затем пригласил на катер. Обставил он это так, словно в театр меня позвал или, на худой конец, в кино.

Из рубки еще не выветрился стойкий запах *мужественности*. По заверениям Акселя, рыжая дезертировала на палубу часа через два после нашего ухода из-за домогательств Декстера. Сигары подмокли, и потому их приберегли для обмена. Журнальные дамочки показались пресноватыми матерым ценителям женских прелестей. Если пользоваться акселевскими метафорами: «Они не сумели бы даже поддержать восставшее пламя, не то что разжечь». В общем, одно разочарование. Ах, бедные, бедные мальчики!

– По-моему, ты немного привираешь и обижаешьстарушек. Они, между прочим, тебе в бабушки годятся! – поддразнила я Акселя.

– То уж мое дело. – Цыганин потянулся и зевнул. – Кроме того, спроси у подружки, если волнуешься, – почти все время я провел на пляже. Надо побыть одному, когда есть над чем поразмыслить. Но… – Аксель хмыкнул, – голова у человека маленькая, мысли коротенькие, страшненькие: схватил одну, глядь, а передумал уже все. Вот– дня хватило после полугода *другой*жизни. И была в обеих жизнях одна постоянная… Впрочем, это чересчур серьезно. Отложим пока.

А утром цыганин растормошил меня и радостно объявил, что загнал катер «со всеми потрохами», поэтому нам пора освободить помещение. Никакие доводы на него не действовали – он снова мечтал путешествовать по земле. Предложение поставить судно на колеса Аксель отверг как слишком трудоемкое. Кирна, пожалуй, его пристрелит. Попробует, по крайней мере.

Тем не менее каждый из четверых присутствовавших таборчан покидал залив с увесистым рюкзаком за плечами. Не такие мы дураки,

чтобы продавать рации, например, или швейную машинку, или водолазный костюм. В пути всякое пригодится.

Негры заплатили, как они это сами назвали, жив*ыми деньгами*. Вначале цыганин яростно отказывался, затем прикинул, как реализовать гроссийские стандарты (все-таки серебряные кругляши чуточку лучше нлошной цветной бумаги), и согласился.

– Раз в городе такой рынок, да пол-Кафрики под царской пятой, монетки к рукам не прирастут! – весело балаболил Аксель, толкая тачку со скарбом, не влезшим в рюкзаки.

Нет, Кирна скорее распилит его по частям. Прочие захотят участвовать.

**

В Содерсэт мы вошли в сумерках через ближайшие к натановскому дому ворота – по ночам там функционировала калитка, в которую сумел бы протиснуться нагруженный мул.

Воссоединение табора было весьма бурным, но радостным благодаря Дрибблу, сразу оценившему сделку с катером как выгодную. Натан с Кирной и Грюном убрели на автостоянку поглядеть, какую машину можно присовокупить к обозу, осчастливив ее хозяина новообретенными гроссийскими стандартами. Остальные засели в квартире. Данике же с утра пропадал в клинике – поди, по доброте душевной консультировал медработников относительно автодока.

Фернандо позволил себе поболтать в отсутствие строгого врачебного надзора и повторил свою историю для нас.

– Очень занимательно. Яне прочь узнать об этом больше, – в раздумье буркнул Аксель.

– У Петра я допытываться поостерегся бы, – кисло проворчал Ник.

– Да у них каждый третий из специальных служб, – заметил невольник после недолгого молчания, – все следят друг за другом, а потому зна*ют больше*, чем по рангу положено.

– А внезапное появление катера бесследно исчезнувшей экспедиции тянет на жирную приманку для какого-нибудь остолопа-карьериста? – спросила я.

– Вполне, – обронил Валехо, похоже, обкатывая идею в мозгу, – только ведь вас, наверное, запомнили.

– Ну, во-первых, мы переоденемся. Во-вторых, торговался я с людьми, мучившимися серьезным похмельем. В-третьих, эти люди, конечно, ниггеры, но отнюдь не дебилы. Полагаю, сегодня-завтра они перепродадут судно и откочуют в неизвестном направлении, – Аксель загнул три пальца, изобразив «колечко», и тряхнул головой. – Кстати, в-четвертых, – все белые для них на одно лицо. Кляузу составим от анонимного доброхота и передадим ее военным. Главное, побольше промежуточных звеньев.

Пока мы строили планы, Туве сидела поодаль с Элейниным младенцем на руках (цыганка отлучилась покурить – она так и не забросила эту глупую расточительную привычку) и внимательно разглядывала Фернандо. Я прищурилась – по ауре раба вяло плавали чернильные пятна. Присеврядом, я провела ладонью по морковно-рыжему анима-силуэту – кляксы буквально кинулись на мою руку.

– Да, пожалуй, я созрел для обращения к экстрасенсам, ведунам да медиумам, – сострил Фернандо и, откашлявшись, довершил: – И гробовщику.

– Не тронь, Мэйби, ты не поможешь, – тихо проговорила Туве. – Они исчезнут сами, если повезет...

– Вы о чем? – уточнил Николас.

– Анима этого человека соприкоснулась с содержимым огненных кристаллов. Я слышала, начались болезни? – ответила Туве.

– Ты, кажись, в курсе событий, – вступил в диалог Аксель. – А нам не объяснишь?

– Камни вмещают жизненную силу существ, не принятых Потоком. В них заключены темные души (вроде так вы зовете анима), – дикарка вздохнула. – Эту силу несложновысвободить, и люди пытаются ее заполучить.

Как растолковать все тем, кто не верит, не замечает, *не желает понимать?* А нежелание на лице Николаса читалось яснее некуда.

– Скажи им так:применение этой энергии опасно, потому что она разрушительна даже, когда созидает.

– Девочки, вам бы пора прекратить сочинять, – участливо произнес Николас.

– Ты тоже был на острове *Волшебы…*

– Ну, в существовании души я никогда не сомневался, – Валехо выставил перед собой ладони. – Кстати, любой источник энергии

имеет разрушительные свойства. Что с того? А если вы все-таки правы, – тут Николас на удивление гнусно ухмыльнулся, – то не мешайте говнюкам приносить пользу после смерти. Есть на свете пара сотен ублюдков, от которых я с удовольствием запитаю свой ночник.

– Здесь речь не о нефти, газе, воде, ветре, атоме и другой материи! – возразила я. – Если бы ты увидел... Ты просто не знаешь, о чем говоришь.

– В самом деле? – инженер расхохотался. – Думаю, эти ваши огненные кристаллы – не более чем аллотропная модификация какого-нибудь химического элемента. Вроде как алмаз и графит для углерода. А прочие домыслы… Откуда только в женских головах берется такая херня? О, знаю: пустоту надо хоть *чем-то* заполнять! Верно, Акс?

Аксель, известный многим как специалист по заполнению пустующих отверстий в женских головах и других частях тела, промолчал. В его устремленном на Валехо взгляде мне почудилось неодобрение.

– Давайте-ка запустим анонимку, – сменил тему цыганин.

**

Записку с пометкой «секретно» я передала утром тощему негритенку, может, одному из тех, с кем калякал Ник у аэродрома. Личина Тома продолжает верой и правдой служить мне. Гораздо удобнее жить, пряча уши и отрастающие волосы под беретку, а округлости фигуры – в разношенные майки, штаны, куртки. Вдобавок нелишне измазюкать лицо. И вот, извольте, на тебя уже не обращают внимания. Девчонка, даже не очень симпатичная, заметнее, конечно.

Данике решил навестить Орлова и доложить ему о результатах своих изысканий по поводу эпидемии. Петр не объявлялся, и док нервничал. Вот ему нейметсято! И ведь выболтаетжеправду: хворь, мол, не заразна, возникает из-за отравления организма кристаллической пылью во время добычи и перевозки. И все останутся при своих. Невольники в шахте, солдаты в охране, высшие чины – при орденах.

Тушкан увивался подле похорошевшей Элейн, даже взялся на кухне помогать. Долго ли продлится эта идиллия? Ну, Принцесса воров не потеряла ни грамма своих суеверий, посему вряд ли Декстер доберется до сладенького. Тогда, небось, загуляет. Да вот хоть с Птицыным – «У Чупая»! Но как это Натан терпит?! Где сцены

супружней ревности? Или он рад-радешенек сбагрить «женушку»? Как бы то ни было Дриббл, оставив парочку дома, преспокойненько отлучился по делам. Прочие направились к заливу Риулс, к катеру.

Негры не обманули наших ожиданий и, протрезвев, не замедлили сбыть посудину с рук. По счастью, племя еще не снялось с места, и нам удалось выяснить кое-какие подробности. Видимо, новый хозяин планировалвоспользоваться катером где-то на просторах Багрового или Серединного морей и увез его по суше. Наш коварный план, однако, серьезно понижал его шансы на успех. Вероятность, что покупатель отправится на восток, была велика. Но он выбрал ту самую прибрежную трассу, которая вела в Содерсэт. То ли не смекнул, насколько опасно ехать с гроссийским военным судном через гроссийский же город, то ли вздумал получить вознаграждение, то ли решил повернуть на север, вдоль отрога Катских гор. Правда, скорее, он ни хрена не смыслил в моделях катеров, а потому не учуял подвоха.

Караван этого неудачника встретился нам в нескольких километрах от ворот. К нему уже подруливал внедорожник с трехглавым орлом – гроссийским гербом – на боку. Нам даже не пришлось вмешиваться в переговоры, и так начавшиеся на повышенных тонах. Оставалось лишь подождать.

В очередной раз я изумилась, как легко и охотно один человек убивает другого. В короткой перестрелке выжили офицер гроссийской тайной полиции, которого Аксель вовремя уложил на землю выстрелом в колено, да двое караванщиков. Как ни возмущалась Кирна, с места стычки мы не взяли ничего, никаких трофеев, – только драгоценную офицерскую тушу.

– Допросим товарища где-нибудь подальше, – озвучил и так очевидную мысль Николас. – Непричастным лучше бы возвратиться в город. Вдруг солдатня всполошится раньше, чем нужно.

– Принято, – согласился Аксель.

Выпытывать у пленника «все, что он знает», как выразилась Кирна, отправились, собственно, она, Валехо и Грюн. Последний не иначе как исключительно из-за ревнивой подозрительности.

**

– Так не может продолжаться! – возвестила Туве.

Мы втроем – она, я и Аксель – сидели на кухне в натановской квартире. Элейн возилась с сыном (которого, кстати, до сих пор не

поименовала), Дриббл укладывал вещи, вроде бы намереваясь освободить побольше места, раз набежало столько постояльцев. Данике еще не вернулся, Тушкан ушел за Владиленом. Фернандо подремывал.

– Та«живая сталь», про которую рассказывал друг Ника, не то, чем кажется. Была какая-то легенда… – дикарка с досадой ударила кулачком по столу. – Не вспомню. Но если она связана с камнями, с темной анима, ее нельзя тревожить!

– Туве, я не встревал, когда вы спорили с Валехо, но, по-моему, правильнее все разузнать для начала, а не пороть горячку. – В голосе Акселя, однако, чувствовалась неуверенность.

– Ты надеешься, кто-то спасет Эос? Кто-то другой, мудрый и сильный, справится с *нашими* трудностями? – ответила ему рыжая. – Нет! Это можем сделать только мы сами.

– Ооооо! – Аксель закрыл лицо ладонями. –Тебе не знакомо выражение – нет страшнее испытания, чем просто взять и сделать, что должен? – он резко встал, чуть не опрокинув табуретку, и воскликнул: – Да! Да! Тысячу раз – да! Все это мне известно! У тебя есть идеи, или ты так ляпнула – разговор поддержать?

– Закрыть рудник? – предложила я.

– Да как? – рев цыганина всполошил, поди, весь квартал.

– Взорвать, – донеслось из гостиной.

Послышался скрип, тяжелый вздох, шлепанье босых пяток об пол, и в дверном проеме возник Фернандо.

– Это проще, чем вы думаете. Рудник под озером. Толща породы между озерными водами и тоннелями невелика. Бамс – и там все затопит, – он закашлялся.

Из-за плеча раба показалась натановская физиономия, искаженная скорее гневом, чем буйным восторгом. Дриббл втолкнул Фернандо в кухню и перегородил собой дверь, упершись ладонями в косяки. Вид у Натана был пугающий.

– Никакого «бамс»! – передразнил он невольника и процедил сквозь зубы: – Пока караван здесь – не сметь! Ваши жопы вот-вот полопаются от приключений. Довольно!

– Натан, твой тощий зад еще ни разу не пострадал от наших приключений, – спокойно заметил Аксель, усаживая Фернандо на свой табурет.

– А вот если грусские начнут войну… ведь в Блумдезете и здесь может быть *биологическое* оружие, раз нас всех так обнесло, – тихо проронил Фернандо, разглядывая изъязвленную руку.

– Это нелепые фантазии! – рявкнул Дриббл, а потом добавил: – Любой, кто сунется в машины, ляжет с развороченной башкой. Мумбата отлично видит в темноте и стрелок отменный.

– Иди с миром, мы тебя поняли, – легко согласился цыганин и сел на подоконник. – А теперь, девочки, я поясню, почему мы *на* сам*ом деле* не станем этим заниматься…

Полагаю, наши с Туве лица недвусмысленно выражали, какого мы мнения о натановском запрете, предательстве Акселя и о тех, кто опровергает очевидное. Цыган подмигнул мне и отвернулся к окну. Дриббл некоторое время постоял в дверях, затем, то ли действительно успокоенный, то ли попросту плюнувший на наши затеи, удалился.

– Уж как-нибудь справимся с твоим Мумбатой, – пробормотал Аксель.

**

Замысел был незатейлив: во всестороны сразу страж смотреть не способен, поэтому я отвлекла его, слоняясь поблизости, а пока Мумбата отгонял меня, цыганин пробрался в трейлер и изъял Тианины пожитки. Эльхаим запасла столько взрывоопасных штуковин, что хватило бы, пожалуй, на десяток шахт.

Мероприятие заняло от силы минут тридцать, затем еще с час Фернандо копался, соединяя проводочки, и инструктировал нас относительно того, как «жахнуть» созданную им «машину разрушения». В общем, немного погодя мы, прихватив еще кой-чего, стояли в дверях. Натан пропадал неизвестно где (поди, и раньше по пять раз на дню бегал проверять свое драгоценное имущество), но его сменила Элейн, насторожившаяся при виде нас троих с рюкзаком да при оружии.

– Куда поперлись на ночь глядя? – брюзгливо поинтересовалась она.

– Пойдем во дворе поиграем, мамуля, – многозначительно изрек Аксель.

– А это игрушки ваши, да?! – взвизгнула Принцесса воров, дернув с плеча цыгана автомат.

– Эй! Если у тебя материнский инстинкт разбушевался, то лучше не ори на нас, а сиськой покорми! – Аксель рассмеялся.

– Харя не треснет?! – возмутилась девица. – Если вас там прикончат, я... я вас убью! – выложила она свой финальный довод, как всегда беспомощная в спорах.

– Да-да, я понял, если умрем, домой можем не возвращаться, – уже с улицы ответил ей цыганин.

Элейн попыталась задержать Туве, замыкавшую нашу маленькую процессию, но та отвела ее руку и строго сказала: «Присмотри лучше за сыном, мы сумеем за себя постоять». Цыганка еще долго топталась на месте, провожая нас, по крайней мере, когда я обернулась в конце улицы, мне почудился ее силуэт на фоне черного провала двери.

**

Капитан Георгий Волин очнулся. Голова гудела и кружилась, а в колено словно воткнули раскаленный прут. Что было-то? События восстанавливались с трудом: вроде бы в управление явился солдат с анонимным донесением (кто-то отыскал катер кубасовской экспедиции), он, Георгий, взялся за важное дело сам, не тратя времени на проверку. Не доехав до указанного в записке места, отряд натолкнулся на караван, среди машин и повозок которого обнаружилось искомое судно, обзаведшееся колесами. Глава обоза принял грусских весьма грубо, объясняться не пожелал: мол, происхождение купленного катера его сугубо личное дело. Вокруг столпились охранники и караванщики рангом помельче. Похоже, кто-то из них решил ускорить переговоры, началась пальба…

«Видимо, прострелили ногу, – подумал Волин. – Как же это? Меня, получается, в плен взяли?» Капитан попытался осмотреться, но тьма стояла непроглядная. Прислушался. Неподалеку шептались люди. Волин громко, подбадривая себя,потребовал объяснений, воды и свободы.

– Очнулся наконец! – чей-то голос прозвучал неожиданно близко.

Темноту разорвал луч фонаря.

– Ну и хорошо, – ответил некто.

– Чего вы хотите? Нанесение телесных повреждений гроссийскому офицеру карается каторгой! – крикнул Георгий, тщась хоть кого-нибудь разглядеть за ярким пятном света. Подумав немного, он добавил: – Пожизненной!

И тут же получил увесистую оплеуху. Значит, один из злодеев притаился совсем рядом! Да, сбоку возник здоровенный силуэт. Капитан предпочел бы не встречаться с таким амбалом, не имея под рукой «галаша»: ручища его толщиной не уступала ляжке обычного человека, голова с коротким ежиком волос росла как будто прямо из плеч.

– Достаточно.

Верзила пожал плечами и покорно отступил.

– Он его в отбивную превратит! – о, среди невидимых противников присутствовала женщина. – Этим должен заниматься профессионал!

– Вот я и займусь, – отрезал некто. – Любезный, что вам известно об огненных камнях? Их добывают здесь неподалеку и, если не ошибаюсь, переправляют в район Блумдезета. Мы будем вам крайне признательны за подробные ответы. Помимо того, они благотворно скажутся на вашем здоровье.

– Я ничего не знаю! – завопил капитан.

– Неправильно! – ехидно заявила дама. – Пожалуй, отрублю тебе палец.

Девица с тесаком в правой руке нагнулась и, ухватив за плечо, перевернула Волина на бок, но ее остановил его тихий скулеж.

– Правда же, меня не посвящали в это! Добычей камней заведует Орлов. Дело строго секретное! – капитан заплакал. Обидно вот так сдохнуть из-за безродного выскочки, оказавшегося чуточку расторопнее и чуточку удачливее.

Дамочка выругалась и пнула Волина под дых.

– Идиоты! Зря только катер продолбали! – воскликнула она.

– Ничего, с ним одна морока, – двусмысленно прокомментировали из темноты. – Вырубай его!

Последнее, что увидел Георгий Волин, было оскаленное женское лицо. Затем в висок капитану врезалась рукоять тяжелого ножа.

Глава 18

По дороге от Содерсэта до шахты около часа ходьбы. Но топать по пересеченной местности, стараясь избегать открытых участков, конечно, сложнее. Впрочем, грусские, похоже, и думать не думали, что кто-то захочет наведаться на выработки по своей воле. Аборигены боялись рудника, как чумы, и за глаза поносили белых, потревоживших проклятое место. Численность же туристов и шпионов нынче поубавилась. Тем не менее мы осторожничали.

На обширной плоской террасе, чуть ниже заброшенного водохранилища, нашим взорам предстал шахтерский городок. Бетонные ограждения охватывали его со всех сторон, упираясь на юго-востоке в скалу. По периметру торчали шесть вышек с прожекторами, массивные металлические ворота были закрыты. Между стенами и постройками оставался широкий пустой «коридор». В центре разместились бараки, трансформаторная будка, дом для охраны и инженеров, склад, кухня, несколько автомобилей, зенитное орудие. Прохода в рудник с нашей позиции мы не видели.

– Знаешь, Мэйби, – устало произнес Аксель, потирая плечо под лямкой рюкзака, – я уже почти согласился с Натаном. Ломиться сюда – глупая затея. Как ты предлагаешь проникнуть внутрь?

Я поджала губы, но промолчала. Упрек попал в самую точку, но я ж до сего момента не имела случая ознакомиться с местностью!

Вскоре меня осенило. Неподалеку от нас, постепенно приближаясь к забору, начинался овраг, по дну которого когда-то наверняка протекал ручеек. Он пересекал дорогу, закованный в бетонную трубу, достаточно широкую, чтобы там пролез Аксель с рюкзаком. По высохшему руслу мы добрались бы до южного отрезка стены рядом со скалой. Этот сегмент скверно просматривался с вышек. Лучшего и желать нельзя! Я указала туда, цыганин сразу посветлел лицом и первым пополз к цели по бывшему ложу потока.

После полутора часов пути на одежде и снаряжении осело столько грязи, что мы вполне могли сойти за элементы ландшафта, а уж прогулка по оврагу сделала нас и вовсе неотличимыми от куч щебня или песка. Отплевываясь от пыли, я высунулась из укрытия,

огляделась и метнулась к забору. За мной, словно две тени, устремились Туве с Акселем.

– Еще парочка таких упражнений, и я сгожусь для разворота в том журнале, – фыркнул цыган, прильнув к холодной бетонной стене, – где загорелые девки с парнями нежатся под пальмами.

– Еще парочка таких шуток – и нас услышат, а ты получишь возможность упражняться на здешнем курорте, – буркнула я.

Досадно – дыр в ограде не нашлось. Но разве смутит подобная мелочь столь опытного копателя могил как Туве? Единственной загвоздкой была необходимость скрыть вспышки, слетающие с Тувиных рук. Плотно обступив дикарку и загородив ее куртками, мы с нетерпением ждали, когда лаз достаточно расширится, а через несколько минут уже притаились под стеной барака.

Из крошечного окошечка над нашими головами доносился богатырский храп, дополненный тихими женскими стонами и сосредоточенным сопением, раздался сухой дробный стук катящихся кубиков. Кто-то громко и недовольно вскрикнул.

– А ребята не скучают! – прошептал мне в самое ухо Аксель.

Я хмуро зыркнула на него и приложила палец к губам.

Охранники на вышках продолжали нести свою унылую службу, рассеянно пялясь в темноту. По плацу в сторону небольших будок, в которых без особого труда можно было опознать сортиры, шумно протопал мужик в шортах и сапогах. Один из дозорных свесился с площадки и, видимо, отпустил какую-то шуточку – тот погрозил ему кулаком.

Однако к делу! Нас интересовала вагонетка, каждые полчаса подвозившая добытый огненный камень на склад. По заверениям Фернандо, ее обычно катили двое рабов в сопровождении вооруженного инженера. Согласно плану, предстояло поймать процессию (к нашим услугам имелся темный пятачок у барака), обезвредить инженера и, заручившись поддержкой невольников, организовать свой эскорт. Но реалии несколько отличались от картины, нарисованной нашим воображением. Вагонетка скрипела и громыхала, поэтому ее остановка наверняка привлекла бы внимание, а народу при ней оказалось больше, чем обещал нам Фернандо. В том числе – солдат. Аксель с раздражением сплюнул.

– Пойдем за ними, авось не заметят, – предложил он.

Я аккуратно сняла у него с плеча автомат, предчувствуя, что не видать нам мирного завершения дела, как Акселю – собственных ушей.

Рабы затолкнули груженую тележку в слабо освещенные ворота хранилища, до нас долетели беззлобные понукания охранника, бряцанье цепей, стук пересыпаемой руды. По моей шее, неприятно щекоча, стекла капелька пота. Я резким шлепком смахнула ее с загривка. Аксель не глядя схватил мою руку и покачал головой, даже затылком умудряясь выражать недовольство. Вот из дверей вышла фигура в защитном костюме – инженер, за ним выехала вагонетка, влекомая тощими рабочими. Наконец, чуть отстав, выбрел солдат. Цыганин пустился следом, мягко, по-кошачьи ступая, буквально перетекая в тени.

Наша троица добралась незамеченной до середины тоннеля, ведущего к лифту в рудник. Тут описания Фернандо были точны: коридор метров сорок длиной, хорошо освещенный, пол к выходу понижается, а в глубине у дверей дежурят два охранника. Солдаты, одетые в цветастые просторные (явно не форменные) труселя, сапоги, плотные плащи на голое тело и респираторы, с «галашами» на груди, представляли собой сюрреалистическое зрелище.

– Федь, а кого это ты с собой привел? – прогундосил один из стражей, направляя оружие на процессию.

Не успел он закончить фразу, как цыганин выпрямился во весь рост (до того мы ползли чуть ли не на четвереньках) и выстрелил. Аксель предусмотрительно накрутил на все наши стволы глушители, поэтому прозвучал лишь тихий хлопок. Но вечер не заладился – солдатик оказался крепким парнем, да и попадание получилось далеко не идеальным. Согнувшись от боли, он выпустил в тоннель ответную очередь. Одного раба отбросило к стене.

– Эммм… – конвоир озадаченно вытаращился на нас. – Я их вроде и не звал. – Он растерянно развел руками, забыв, похоже, как действовать в такой ситуации, и был немедля за это наказан.

Исторгнув из сжатого кулака светящийся синий луч, Туве снесла Феде голову. Прямо как в «Космических войнах»! Тело еще пару мгновений постояло неподвижно, а затем медленно завалилось в вагонетку. Тогда и наступил переломный момент, едва не стоивший

намжизни. Хотя, по мнению Акселя, это случилось раньше – когда он промазал в лоб зоркому охраннику.

Инженер поднял трясущимися руками арбалет и выпустил болт под ребра цыганину. Охнув, Аксель упал за тележку. Туве угрожающе двинулась к стрелку, судорожно пытающемуся перезарядить оружие. Я же глупо запуталась в ремне автомата.

– Не вставай у нас на пути, – строго предупредила инженера дикарка.

– Чего ты с ним телишься?! – воскликнул Аксель, прицеливаясь между колесами вагонетки во второго охранника у лифта.

В этот миг раб, оставшийся на ногах (второй, подвывая, сжался в комок рядом с убитым собратом), повернулся к цыганину и саданул ему ногой в бедро. Аксель зашипел от боли. Вот тут я и совладала с ремнем, распрямилась и надавила на спусковой крючок… Предохранитель был переключен в режим огня очередью – отдачей меня повалило на спину. Конечно, должного эффекта такой обстрел не произвел. А невольник уже замахнулся для второго удара и метил Акселю в раненый бок. Вот же повезло! Небось, говнюк выслуживался перед хозяевами! Я от души лягнула раба в голень. Тот охнул и схватился за ушибленное место.

– Да что ж за херь! – завопил Аксель и, уткнув винтовку в дряблый живот раба, выстрелил.

Все вокруг обдало кровью, ошметками внутренностей и осколками позвоночника. В довершение наших бед, заморыш повалился вперед, буквально нанизавшись на винтовочный ствол. Аксель зарычал и с усилием забросил труп в вагонетку. Теперь грязные жилистые ноги раба торчали оттуда, создавая дополнительную помеху для маневров. Воспользовавшись случаем, закопошились охранники: раненый поливал коридор очередями, а его товарищ пополз к красному телефону на стене. Я подобралась к цыганину.

– Снимай на хрен с меня мешок! – прохрипел он и снова уставился в зазор под дном тележки.

Вытащив у Акселя из-за пояса нож, я принялась за рюкзачные лямки. Туве в конце концов настигла неожиданно верткого инженера и разрубила его прямо как персонаж типпонского эпоса – от темени до промежности. Потом она ринулась к солдатам у лифта, но ее полоснуло очередью. Наверное, дикарку лишь слегка задело –

вздрогнув, она продолжила наступать. Стрелявший охранник, не спуская изумленного взгляда с приближающейся полуголой девицы, пытался нащупать новый рожок на крепежном ремне автомата. Его товарищ уже что-то неразборчиво орал в телефонную трубку. Очевидно, нас вот-вот ожидала теплая встреча с отрядом быстрого реагирования.

Цыганин, освобожденный от своей смертоносной и тяжкой заплечной ноши, тотчас уложил обоих гроссийцев. Не обращая внимания на древко в боку (во время борьбы с невольником оперенный конец болта отломился), перевернулся на живот и приготовился сразить любого «гостя» на входе в тоннель.

Мне с невероятным трудом удалось взвалить в тележку Акселев мешок со взрывчаткой. Упершись ногами в каменный пол коридора, напрягая спину, я начала катить вагонетку в сторону лифта. Ну как – катить? Оскользнувшись и едва не выбив зубы о щербатый край борта, я с ужасом поняла, что самой мне не сдвинуть бандуру ни на шаг. Сзади послышались чей-то удивленный возглас, хлопок. Грузно упало тело. Я зажмурилась, ожидая окрика или выстрела, но, судя по всему, это был случайный свидетель, поплатившийся за любопытство.

– Туве, помоги! – позвала я.

Рыжая обернулась и побежала ко мне. От ключицы по груди, животу, бедру у нее тянулась полоса подсыхающей крови, у основания шеи красовалась рваная царапина, однако Туве, похоже, не испытывала от этого дискомфорта. В отличие от Акселя, который сейчас с трудом вставал, покряхтывая и опираясь на винтовку.

Поднатужившись, мы с Туве переместили вагонетку на пару шагов и застопорились. Прямо на пути скорчился единственный выживший раб. Он не пробовал вырваться на волю, помочь нам или вызвать подкрепление. Мужчина, вернее, жалкий скелет, обтянутый изъязвленной кожей, лишь трясся и все повторял, как заклинание, просьбу не бить его. Рыжая хотела уже нагнуться и убрать несчастного с дороги, когда цыганин отрывисто просипел:

– Мэйби, куда, мать твою, вы катите эту срань?!

– Мы успеем впихнуть ее в лифт! – ответила я, умоляюще взглянув ему в глаза.

– И сдохнуть! – заорал Аксель. Тут же лицо его исказила гримаса боли, он мельком посмотрел на древко, от резкого движения ушедшее

глубже, обогнул вагонетку и уперся в нее с противоположной стороны. – Живым нам еще улыбнется удача, а у мертвых – шансов нет!

Снаружи уже неслись вопли и топот ног: подкрепление прибыло. Туве задумалась, по-видимому, оценивая расстояние до дверей лифта, кивнула и присоединилась к Акселю. Я еще растерянно топталась на месте, когда они покатили тележку назад. Оставалось догнать их, пристроиться сбоку и помочь. А потом, по наитию, я впрыгнула в несущуюся вагонетку, на спину погибшего невольника. Понижающийся пол сделал все за нас: с жутким грохотом моя «колесница» приближалась к выходу. В итоге Туве с Акселем, не справившись с ней, повалились наземь. Цыганин что-то кричал вдогонку, но мне было не до того. Я собиралась взорвать бомбу.

Фернандо обещал, что «хлопушка» жахнет феерично и вовремя, однако руки его, похоже, дрогнули, когда соединяли проводки или настраивали таймер. Правда, столь же вероятно, штуковину повредило, когда цыган упал. Стоило мне активировать устройство, как оно, помигав циферками на расколотом дисплее древних часов, показало – до детонации пятнадцать секунд. Я бросилась через борт и, закатившись в канаву (сточную, судя по запаху), вжалась в землю.

Наверху зазвучала *настоящая грусская* речь. Я все еще силилась понять смысл заковыристых словооборотов, когда грянул взрыв. Спину лизнуло жаром, мир сплясал бешеную джигу под раздирающий уши звон, стенка рва обвалилась на меня, защитив от осколков.

Я не позволила себе разлеживаться, хотя под слоем теплого грунта было очень даже уютно. Вокруг стонал будто самый воздух, ставший плотным от пыли. Все прожекторы устремили на место трагедии свои ослепительные зенки, тщась пронизать мглу. Наскакивая на многочисленные тела погибших и раненых, столкнувшись с потерянно бредущим солдатом, держащимся за окровавленную голову, я ринулась ко входу в тоннель.

Мне навстречу плелись Туве с Акселем. Цыганин практически висел на рыжей, пребывая, впрочем, в сознании.

– Полоумная! – устало констатировал он сей непреложный факт, закинув на мое плечо вторую руку с винтовкой.

Вылезти мы решили через ближайшую, северную, стену. Но, как только наши силуэты возникли на границе потихоньку рассеивающегося пылевого облака, нас окликнули с вышки.

Переодеться в солдатские плащи нам попросту не пришло в головы, так мы торопились. Аксель медленно, точно во сне, отпустил меня и Туве, поднял винтовку и выстрелил в ярко-белый круг прожектора. Вдребезги! Мы побежали – цыганина едва хватило на последнее усилие. На одном дыхании преодолев отрезок открытого пространства до забора, дождавшись, пока дикарка прожжет в нем дыру, мы бросились прочь.

Вскоре Аксель, охнув, упал. Остаток пути мы волокли его на себе.

**

Нам довольно легко удалось проникнуть в кольцо стен Содерсэт-Уэста, благо домик Натана и Элейн притулился на окраине. Туда уже вернулись наши друзья, завершившие «обработку» командира опергруппы, клюнувшей на уловку с катером. Нас обступили с вопросами. Точнее с одним вопросом: какую хрень устроили безумные бабы?! Аксель так и не пришел в сознание, заступиться за нас он не мог, а весьма вероятно, и не стал бы. И пока Данике возился с ним, промывая, зашивая и перевязывая, Николас вместе с Элейн буквально загнали меня в угол. К Туве они особо не приставали, приписав идею идиотской авантюры мне.

– Как же я не догадалась, что никакие доводы на вас не подействуют! – разорялась Принцесса воров.

– Твои фокусы ни в какие ворота не лезут! – вопил Ник.

– Почему нельзя пожить спокойно? – вторила ему Элейн. – Ты всех нас угробишь когда-нибудь!

– Нееееет, – угрожающе протянул Валехо, – этого я не допущу. Наш цыганский барон может потом сколько угодно протестовать, но отныне ты, – он ткнул пальцем мне в плечо, – будешь сидеть смирно в своем «вороньем гнезде»! Я тебя лично прикую!

В спальне захныкал разбуженный ребенок. Элейн ринулась туда и вернулась уже с сыночком на руках, с немым укором выставляя его напоказ – дитя у матери частостановится основным аргументом в любом споре. Правда, младенец сразу же затих, присоседившись к полной груди родительницы и не желая изображать потерпевшего.

– Мы же объяснили вам, почему так важно «закрыть» рудник, – отчаянно отбивалась я, прекрасно зная – смысла в моих оправданиях нет, ведь их не слышат и не слушают.

– И мы должны поверить в эту чушь, да? – инженер сгреб в кулак мою тельняшку и приблизил свое потемневшее от ярости лицо. – Как считаешь, человек в здравом уме согласится уничтожать шахту вместе с рабочими из-за неведомой ебаной хуйни, которую якобы «нельзя тревожить»?!

Валехо толкнул меня на раскрытый Элейнин чемодан. Мне хватило духу промолчать. Сидя среди раскиданных шмоток, я из-под ресниц наблюдала кипеш в гостиной до тех пор, пока Принцесса не согнала меня. Тут в дверях появился Данике.

– А куда делись машины? – озадаченно спросил он.

Из кухни выскочила Кирна и, отпихнув дока, рванулась на улицу.

Видимо, Натан улизнул, почуяв неладное. Значительную часть своего барахла он предусмотрительно хранил вне дома. Конечно, Дриббл привык к сравнительно спокойной, несмотря на заботы о беременной Элейн, жизни. Полгода он умудрялся лавировать междусражающимися армиями, теряющими влияние (и от того еще более опасными) бандами и зараженными территориями, сохраняя караван и преумножая добро. А тут на его голову свалилисьмы, вновь привнеся с собой разгильдяйство, халатное и расточительное отношение к имуществу и умение находить приключения на свои задницы. Натанчику понравился статус рачительного хозяина колонны машин, и отступать от этой роли он не желал. Наверное, наш бывший спутник вознамерился, как и его предки по отцовской линии, где-то пересидеть назревающий глобальный конфликт. Ну, с кодами от шинкэтского убежища не пропадет!

Так вот, в данный момент мои друзья паковали те немногие вещи, которые Дриббл соизволил нам оставить. Возвратившаяся со стоянки Кирна раздраженно возвестила, что в нашем распоряжении тягач с трейлером и «юрал». Натан улепетывал от нас и наших проблем практически налегке. Так или иначе, мы обрадовались проявлению дриббловской щедрости (не иначе как вынужденному), хотя блондинка обещалась при встрече вырвать Натану руки и яйца. Впрочем, думаю, вряд ли ей выпадет случай воплотить угрозу в жизнь.

Дальнейшее пребывание в Содерсэте становилось опасным. С минуты на минуту мы ждали стука в дверь с требованием сдаться по-хорошему. Кстати сказать, дождались. Правда, вместо отряда спецназа пожаловал Орлов. Офицер спешил, но тем не менее не пожалел

времени и предупредил своего благодетеля Данике. Петр уговаривал дока поскорее покинуть город, ведь ворота вот-вот закроют, и тогда даже его личное поручительство не поможет их миновать. Орлов как-то подозрительно серьезно отнесся к идее Данике создать ученую комиссию с целью просчитать вероятность инопланетного вторжения. Мда, похоже, грусский человек охотнее всего занимается какой-нибудь херней – лишь бы не делом! Петр даже обещался то ли поучаствовать, то ли поспособствовать, второпях начирикал на папиросной пачке адрес. Данике, судя по выражению лица, принял расшаркивания Орлова за чистую монету. А вот мне это показалось западней или проверкой. Уж больно пристально рассматривал офицер (его ведь пригласили внутрь – не торчать же на улице!) наши рожи, обстановочку и распростертого на ветхом диване Акселя, кое-как прикрытого простыней.

Наконец незваный гость отправился восвояси. Николасу тоже не понравился его визит, и он поторопил сборы. Когда все сумки очутились за плечами, Фернандо огорошил нас новостью – он решил остаться.

– Довольно с меня мытарств, – свистящий хрип буквально пригвоздил всех к месту. Ник брякнул ружье на пол, Элейн застыла с прилипшей к губе незажженной сигаретой, Данике продолжил медленно вжимать поршень шприца, выливая ценное лекарство на пол. – Благодаря вам я свободен. Теперь бы мне поспать еще пару часиков.

– Нет, поглядите, мы его лечим за свой счет, а он вздумал все похерить! – гневно воскликнула Кирна.

– Того и жди, сюда нагрянут солдаты, – принялся увещевать друга Валехо. – Тебя либо убьют, либо загонят в рудник!

– Ну, за камешками я больше не полезу, – горько усмехнулся Фернандо и скривился от боли, когда открылась язва на губе. – Пускай считают, будто взрыв устроил бывший невольник. Они не осилят за сегодня обыскать все дома в городе – многовато их. А приходивший офицер меня не видел.

– Ладно, чего с ним цацкаться, – небрежно бросила Элейн, наконец закуривая. – Одним шизиком меньше.

Фернандо кивнул и убрел в спальню, где устроился на Элейниной кровати (белье-то цыганка забрала, а вот матрас был чересчур громоздким). Я заглянула к нему перед уходом – он спал, блаженно

улыбаясь. Вот зачем человеку, вообще-то, свобода? Однако к ней стремятся все и счастливы даже в краткий миг ее обретения. Что ж, у парня немало шансов выжить и неплохо существовать прямо здесь, под носом у грусских.

Уже у порога мы хватились Владилена и Тушкана. Декстер обещался выудить Птицына из кабака, но, небось, в итоге осел там же.

– Вашу ж мать, гребаные цыгане! – ругался Ник, обвешанный баулами. – Вы хоть что-нибудь по-человечески способны сделать?!

– Аты не с нами, да? – Кирна ткнула его локтем, потом нагнулась и подняла свернутое одеяло, свалившееся с валеховского рюкзака. – Держи-ка, растяпа! – и она всучила скатку уже собравшемуся ответить Нику.

– Кабак же рядом со стоянкой, я могу забежать, – предложила я.

– Ты! Прикуси язык! – рявкнул инженер. – Довольно с нас твоих «схожу», «могу» и «сделаю».

Туве неодобрительно посмотрела на Валехо, но промолчала. Зато меня внезапно поддержала Кирна. Поравнявшись со мной, она заговорщицки подмигнула и шепнула: «Просто с вами не было меня. Так бы всех там положили».

– Грюн сходит. Негоже нам без шамана, – заметил варвар.

– Ага, а носилки? – обернувшись, возмутился Данике (они вдвоем тащили Акселя).

– Ник поможет. Этот-то, – здоровяк указал на цыганина, – брыкаться не станет.

Валехо вздохнул и сменил дикаря, бормоча что-то о бабах, на которых-де пахать надо. Которых стоило бы впрячь в носилки и заодно нагрузить еще парой мешков, чтобы не возникало в их ушастых, рыжих и белобрысых головах дурацких планов. И тому подобное. Мда, бесспорно, мозг у женщины – орган лишний и вредный. Браво, мужики! Живите с лошадьми, овцами там, козами всякими, в самом-то деле.

**

Кабак «У Чупая» пустовал, если не считать Птицына, устроившегося в медвежьем вольере. Похоже, Владилен отыскал достойного собеседника.

– Ты за этим алкашом? – осведомился кабатчик у Грюна, не отрываясь от протирки стаканов. – Один застрял тут, остальные

разбежались куда-то.

– Он ведун, – проронил Грюн, заходя в медвежий загон. – Поднимайся, старче, – обратился он к Птицыну, тормоша его за плечо.

Медведь недовольно заворчал. Владилен Михайлович вторил ему, крепко вцепившись в звериную лапу.

– У меня важный разговор, – промямлил он.

Варвар слегка улыбнулся, вспомнив о причудах шамана племени, и нагнулся к сладкой парочке, намереваясь забрать обоих.

– Дуслая трогать не советую, – предупредил бармен. – После будешь упрашивать, чтоб назад взяли. Все возвращают.

Грюн удивленно хмыкнул, подхватил Птицына подмышки и установил его, опасно покачивающегося, на ноги. Владилен начал безвольно заваливаться вбок, тогда Грюн вскинул его тушу на плечо и направился к выходу. Дедуля возмущенно брюзжал что-то про невоспитанных бугаев.

– Вот спасибо! – бармен швырнул полотенце в раковину и повесил грязный фартук на гвоздь. – Теперь и закрываться можно.

**

При погрузке в кузове тягача мы обнаружили дрыхнущего Тушкана – я случайно закинула на него свой рюкзак.

– О, ну неужто?! – сонно буркнул Декстер, выкарабкиваясь через высокий борт. – Я деда уже сутки стерегу, а вы и не чешетесь!

– Пропади вы оба пропадом! – перебила его Кирна. – Пока ты храпел, у тебя из-под носа караван угнали, олух! Счас я тебе ребра почешу!

Спустившийся было Тушкан разом вспрыгнул обратно в кузов, а оттуда на подъемный кран.

– Поори еще мне, женщина! – пригрозил он, нахохлившись там, как попугай на ветке.

– Да я тебя…

– Тише, вы. Погорим из-за ваших воплей! – Ник не дал Кирне договорить и сунул ей свой рюкзак. – Все в трейлер, и чтоб ни звука больше.

Как только вернулся Грюн с Птицыным, Валехо завел тягач, и караван тронулся.

Выехать удалось, упомянув лишь о знакомствес Орловым. Не присматриваясь особо, Николасу махнули рукой – проезжай, мол, и без

вас проблем достаточно.

Грусские не выловили нашу троицу сразу, а теперьбыло поздно. В далеком невозвратном прошлом я приписала бы случившееся своему потрясающему везению, но назвать происшествие в шахте удачей язык не поворачивался. Извечная философская дилемма: мужик падает с крыши дома, но ломает не шею, а ногу – удачлив ли он? На первый взгляд – несомненно. Однако существует довольно распространенное суждение, будто *по-на*сто*ящему* везучий человек не свалился бы с гребаной крыши. Так или иначе, цыгане снова отправились в путь.

Военные чины настолько поразились беспрецедентно нахальной попыткой устроить диверсию на засекреченном охраняемом объекте, что вместо чрезвычайного положения в городе и прочесывания местности занялись поиском виноватых среди своих. Ну а рядовые предпочли заниматься устранением последствий на месте, нежели лазаньем по горам. Многие приняли нашу акцию за пробный камень со стороны НЛО, либо за спонтанную выходку вооруженных беженцев КСГ. А кому охота нарваться, например, на отряд мессиканских головорезов? Верхи растерялись, а низы затаились.

Р*азумная* часть табора в лице Ника и Данике потребовала как-то замаскировать отличившихся в шахтерской вылазке, вполне обоснованно подозревая, что уж кто-нибудь да сумел нас запомнить. Это смахивало на месть. Элейн заставила нас переодеться в свое старое шмотье, после долго колдовала над нашими физиономиями, а в конце обрезала Туве волосы и тонировала их какой-то дрянью в грязно-пепельный цвет. Увидев результаты Принцессиных трудов, Кирна посоветовала написать на трейлере «Шлюшки мамаши Эли» и накрасить за компанию всех. Да, из цыганского цирка табор превратился в цыганский бордель. Над Акселем, понятное дело, издеваться не стали, док только наложил ему повязку на пол-лица – и готово.

Наш путь лежал в Блумдезет, где гроссийцы выкопали какую-то дрянь, для которой и добывали огненные камни. «Живая сталь», – поименовал ее Фернандо. «Секретные разработки», – обмолвился Орлов. Биологическое оружие? Чем бы ни было ископаемое, нам казалось необходимым увидеть его собственными глазами.

Глава 19

Первую остановку, несмотря на усталость сделали только вечером у поганой лужи, значащейся на карте под гордым названием «озеро Трандвлей». На другой день Николас с Данике хотели посетить закрытый городок Фустер, где гроссийцы расположили научный центр. Царь собрал там разномастных специалистов, не поскупившись сманить многих из КСГ, НЛО и даже Гатая. Мда, вряд ли Орлов выдал эту информацию за так, а не с умыслом. Но, как резонно заметила Кирна, мы обязаны были дать мужчинам шанс сравнять счеты в глупых поступках.

Владилен пока не прочухался, из-за чего Аксель до сих пор спал. Он ненадолго очнулся ровнехонько к ужину, правда, Данике позволил ему только бульона похлебать. Кормила его я.

– Кто тебя так расписал? – спросил цыганин, как толькозажегся фонарь.

– Элейн не может простить мне попытку угробить тебя, ее и остальных, а заодно мою принадлежность к женскому полу. – Я фальшиво рассмеялась и отвернулась, чтобы взять тарелку с ложкой. – По ее словам, мое общество тебе вредит.

– Да, скажи еще: «Похоже, она права», – Аксель улыбнулся. – Вздор. Просто ночка не задалась.

– Спасибо, – смущенно пролепетала я.

Так, у *ложа больного* меня и сморило. Очнулась я от тычка в бок – Принцесса воров пролезала мимо к своей постели.

– Эй, нечего батарейки зазря тратить! – прошипела она.

Да уж, с Натаном поведешься...

– Фонарь работает от динамо-машинки, – вяло огрызнулась я, все-таки погасила свет и примостилась рядом с Акселем.

Некоторое время девица отмалчивалась, и я уж начала проваливаться в сон, когда ее голос раздался вновь.

– Думаешь, захомутала его? – ядовито поинтересовалась Элейн.

Она поворочалась на своей койке, я не ответила.

– Ни один мужик не способен отказаться от разнообразия, – самодовольно протянула Принцесса. – Спроси у него как-нибудь, не

скучает ли он без мягких сисечек Элейн. Акс, знаешь ли, любит гладкие мясистые животики и задницы.

– Сама спроси, – пробубнила я.

– Э, нет. Цыганин – подлец: засмеет да пристроит конец, – невпопад процитировала Элейн самого Акселя.

Продолжать этот оскорбительный разговор я не стала, но уже точно знала, что не успокоюсь, пока не выясню все*го*.

**

За спинами двух людей, будто прислушиваясь к их тихой беседе, сгустилась ночь. Данике с Николасом засиделись у костра.

– Я при всех не спрашивал, – начал Валехо, – но сейчас-то растолкуй, зачем тебе в Фустер?

– По-твоему, я что-то утаил? – док опустил голову.

– По-моему, испугался, что не так поймут, – Ник откашлялся. – По-хорошему, всю эту островную братию, и правда, надо бы, ммм... Они ж настоящий клад для науки, даже нынешней. Да и огненные кристаллы тоже, если действительно являются источником энергии. Только не вовремя ты взялся за это. И не в том месте.

– Именно – кристаллы! – Данике вскинулся, в его глазах Николасу почудился страх. – Остальное ерунда. Тебе Аксель рассказывал о Старших Братьях?

О да, Ник прекрасно помнил акселевские басни, но относился к ним со скепсисом и никак не ожидал, что Данике, такой рассудительный и практичный, в них верит.

– Аксель говорил, диск с «письмецом» достался ему от жителя одного из убежищ. Тот еще изложил свою версию легенды. Хотя это не удивительно. Так сказки разных народов похожи между собой – континент-то единый. А вот я считаю – сообщение в космос впервые послали незадолго до Войны. И что же? К Эос направили соглядатая, мистера Фрая, – изучать туземцев, оценивать ресурсы планеты и готовить плацдарм для масштабной экспедиции. Видимо, кое с кем эмиссар наладил контакт. Чего уж там, он сам и Акселю с Мэйби ответил, когда они передавали сигнал с саладовской РЛС!

– Да какая теперь разница? Фрай мертв, – Николас махнул рукой.

– Но Мэйби встретила его…

– Девка – фантазерка почище Акселя! – Валехо раздраженно сплюнул в костер. – Мозги-то, я смотрю, она и тебе припудрила? Ну

снятся ей кошмарики, ну фиг с ней. А Фрая, небось, рыбы уже до костей обглодали.

– Даже если так. Его гибель не отменяет вторжения, – глухо возразил Данике.

– Да хватит пороть эту чушь! – вскипел Ник.

– Не из праздного же любопытства он торчал на орбите?

– А почему бы нет? Вдруг он этнограф, напишет по нам многотомное сочинение! – Валехо хлопнул себя по колену и хохотнул. – Вернее, написал бы.

– За этнографами по пятам идут колонизаторы, – Данике потряс указательным пальцем. – Сложи два и два, Ник! Эос была частью Земной Империи, Фрай – землянин. Ты, как и я, слышал это собственными ушами в Идэне. Потомки хозяев нашей планеты непременно явятся, чтобы забрать свое. Нас или истребят, или сделают рабами. Более того, уже открыты шахты, где всем найдется местечко. Ты и я сдохнем, наглотавшись пыли огненных кристаллов, а они… они запитают от них ночники!

От истерического беззвучного смеха Данике у Николаса побежали мурашки. Не иначе Док надеялся предупредить кого-нибудь о скором прибытии землян и о своих догадках насчет находок грусских, разделить с кем-то ответственность – за тем и рвался в Фустер. А если он и Орлову проболтался?

– У Фрая есть агент среди грусских, даже не один… Точно не один! – док прищелкнул пальцами. – Про Кубасова-то я забыл.

– Не трогай ты мертвецов! – попытался пошутить Валехо.

– Я просто пример привел. Да чего далеко-то ходить – вон Тиана или, как его, ммм, Тайгерт?

– Психи – весьма сомнительные агенты. И они тоже мертвы.

– На него может работать кто угодно… – док шумно втянул воздух ноздрями, сжал губы и вперился взглядом в костер. – Кубасов искал для Фрая Поток, Орлов выкапывает огненные кристаллы в Содерсэте, кто-то еще трудится в Блумдезете. А земляне через полгода снимут сливки.

– Ладно, ладно, док, уймись. Раз тебя это так беспокоит, поехали, – Ник передернул плечами.

– У меня и доказательства есть. – Данике порылся в сумке. – Лучемет!

– Нет-нет-нет! Игрушечку оставь здесь. Спрячь от наших буйноголовых, но оставь.

– А…

– Ты там постреляешь из лучемета, и нас упекут как нлошных шпионов. Тебе либо поверят и без него, либо не поверят вовсе. – Ник покряхтел и встал. – Я подежурю, иди спи.

«Тут своих проблем невпроворот, так навыдумывают еще с три короба! – Валехо с досадой пнул в огонь ветку. – А если и прилетят, то что? Будем партизанить, объединимся против внешней угрозы. Все лучше, чем друг друга в дерьме топить…»

Николас посмотрел в усеянное звездами небо, хмыкнул и поплелся вокруг лагеря.

**

Перед отъездом Николас с Данике тщательно подготовились: выбрали свежую форму из обширных запасов с подлодки, умылись, даже побрились – и в итоге выглядели, как два щеголеватых гроссийских офицерика.

– Вы надеетесь, мытые рожи убедят охранников? – поддразнила их Кирна.

– Нет, просто перед смертью принято одеваться во все чистое, – негромко выдала я очередное Срамово присловье.

Меня, конечно, так и не связали, однако дважды брошенная Ником угроза «прописать мне свинцовую таблетку от головы» произвела впечатление. Не совсем то, на которое он рассчитывал, но тем не менее. Я решила ненадолго притвориться паинькой и действовать исключительно в рамках разработанных мужчинами планов. Увидим, много ли своих идей им удастся реализовать без лажи и проколов, все ли детали и случайности они сумеют учесть.

Выпады остались без ответов. Парочка взобралась в кузов, спустила пандус и вывезла по нему мой «юрал».

– Эй, мотик не поцарапайте! – прикрикнула я.

– Молчала бы! – кинул через плечо Валехо.

Поднялся растормошенный Владилен.Он апатично поморгал, протер красные опухшие зенки, почесал грудь через тельняшку и зевнул. Потом направился следом за «мотоциклистами». Неуверенно, рискуя превратить спуск в неконтролируемое падение, Птицын сошел по наклонным доскам и пошлепал к ближайшим кустам.

Я затащила пандус обратно в кузов, с лязгом закрыла бортовую створку и спрыгнула на землю. На меня сейчас ложилась обязанность привести в себя Птицына, чтобы он в свою очередь поставил на ноги Акселя. Обычай дедули похмеляться с утра был мне давно известен, поэтому, когда он выбрел из кустов, его уже ждал полный стакан и приличный кусок вяленого мяса.

– Хлебца бы, – вздохнул Птицын, занюхав рукавом и вгрызаясь в паек.

– Извини, дед, грусский царь не прислал, а места тут не хлебные, – подтрунила я. – Но если будешь умницей, обещаю раздобыть сухариков для обеденной порции.

– Сдается мне, Томас-то вел себя куда уважительнее, чем ты, – проворчал Владилен. – Кот я тебе али дитя неразумное? – скрыть лукавую ухмылку ему не удалось – борода не отросла еще.

– Ладно, Владилен Михайлович, – церемонно ответила я, – тогда камлайте за спасибо.

– А кто захворал? – с интересом уточнил Птицын, у которого сразу и взор прояснился, и плечи расправились.

В общем, уже минут через десять Акселя вынесли из трейлера, и Владилен начал изгаляться вокруг него. Цыган лежал с видом тяжелобольного, которому не дают спокойно помереть.

– Эй, а музыкально-танцевальный аккомпанемент обязателен? – Аксель страдальчески закатил глаза.

– Не ной! – укорила я его.

– Да если б я знал, каково это, я б собственноручно добивал раненых! – воскликнул цыганин.

– Это старый проверенный метод, – отозвался Грюн.

Впрочем, все мы поспешили ретироваться на время лечебного ритуала. Благо в тени плосковерхого холма неподалеку можно было недурственно доспать, позавтракать или посидеть, созерцая окружающие просторы.

Жемчужно-розовые полосы света все ближе подползали к нашему укрытию, насыщаясь золотом и предвещая жаркий денек. Разнообразная мелкая живность, побратимы лармериканских сурков и кроликов, стремилась в свои норы. В небе распласталось несколько темных крылатых силуэтов, предвещая какой-то мохнатой или чешуйчатой тварюшке скорую гибель. Но их попробуй еще отлови. Эх,

тут у вас, малыши, раздолье – не то что у родственничков! Это не пепельно-желтые равнины с редкими точками голубого шипоцвета;здесь и буро-зеленые купы низкорослых деревьев, и серебристые волны травы, и оливковые пятна кустов.Жизнь не уходила отсюда надолго. По слухам, Кафрику не затронула даже Долгая зима…

**

Николас упорно гнал от себя мысль, что они с Данике оставили без надзора толпу психов с двумя машинами и кучей оружия. Хорошо хоть, Тианины запасы кончились! Док сидел насупившись, сосредоточенно-суровый и неразговорчивый. Его идейки вызывали у Валехо не больше восторга, чем Мэйбины, правда, были понятнее и привычнее.

Фустер возвышался над местностью подобный панцирю гигантской черепахи. В вынесенной наружу будке КПП Ник с Данике проторчали около трех часов, полностью прочувствовав степень бдительности гарнизона. Два досмотра, перекрестный опрос, снятие отпечатков пальцев, фотосъемка на временный пропуск, а в довершение – маринование в маленькой жаркой комнатке до тех пор, пока соизволит явиться искомый научный сотрудник.

– Добрый день, господа, – поздоровался вошедший мужчина и окинул гостей пристальным колким взглядом. – Петр звонил мне сегодня. Спасибо, что проделали такой путь.

Выяснилось, что Орлов рекомендовал Данике в качестве талантливого диагноста, консультация которого якобы требовалась их провожатому, Луису. Шито белыми нитками! У них тут своих врачей будто нет?Самые худшие опасения вновь обрели вполне четкие контуры, Николас занервничал, нопостарался скрыть нарастающую тревогу за маской изумленного идиота. Данике же громко восхищался комфортабельностью поселения (еще чуть-чуть, и начал бы царя славить).Хотя чего таращиться после Идэнского купола? И не такое видали. Чистые улицы, магазины, школа, парк, электрическое освещение улиц, сверкающий стеклянный куб научного центра, обсерватория – все являло собой эталон уюта и было оптимизировано для продуктивной работы. Условия существования оправдывали его замкнутость: достойная *зарплата*, индивидуальное жилье, защита, медицинское обслуживание, развлечения, добротная одежда, вкусная

еда и, конечно, возможность заниматься любимым делом. «Старая песня о главном… – Николас с тоской вздохнул. – Куда ведут изыскания, эрудиты, естественно, задумываются в последнюю очередь».

Финальным пунктом прогулки по городу было заведение «Математический конфуз». Уникальная способность гроссийцев (и тех, кто много с ними общался) выпивать в любое время суток и решать за рюмочкой проблемы мирового масштаба, сыграла на руку и здесь. Луис плюхнулся за столик и приглашающе указал на два других стула, крикнул официантку, опрятную пухленькую девицу в кокетливом накрахмаленном передничке. Через несколько минут на скатерти расположились закуски и ледяная, вмиг запотевшая,бутылка «Царской» водки. Посуду подали не какую-нибудь – фаянсовые тарелки, стеклянные рюмки и вилки с ножами из нержавейки! В эту секунду Николас отчаянно захотел остаться, плюнуть на все и дожить (пускай недолго) с удобствами. Данике, похоже, обуяли те же мысли.

– За знакомство! – веско произнес Луис, приподняв рюмку.

Чокнулись, затем помолчали, отдавая должное угощениям.

Наконец Данике приступил к основной цели своего визита.

– Вот, – док выложил на стол жесткий диск, бережно завернутый в пакет. – То самое послание, из-за которого мы вас обеспокоили. Послание в дальний космос. Его отправили еще до войны, и оно дошло до адресата. Один из инопланетян уже здесь. Готовит плацдарм для вторжения. Зовет себя Маки Фрай…

Николас поперхнулся и икнул – такого начала он никак не ожидал. В руке Луиса дрогнула бутылка «Царской».

– Я думаю, – продолжал док, – им нужно это. – Он вынул и встряхнул пробирку с кристаллической крошкой. – Наверное, очень ценный для них ресурс. Его добывают в Содерсэте.

– Вы представляете, как нелепо это звучит? – поинтересовался Луис, подавив смешок.

– Дослушайте, а потом судите. – Данике одним махом, не дожидаясь сотрапезников, осушил рюмку, и с преувеличенной аккуратностью установил ее на место. Он вскинул глаза на Луиса и без запинки повторил все то, о чем вечером беседовал с Ником. На десерт док припас «эпидемию» на содерсэтовской шахте и «живую сталь». Данике бросил между тарелок «медкарту» Фернандо, состоявшую из

нескольких мятых листов, пробирки и стекла с препаратами. В очередной раз Николас ощутил липкое прикосновение страха. Вслед за ним нахлынула злость на дока да и на себя. Они сами заползли в мышеловку!

Луис угрюмо глядел в стол. То ли он не совсем понимал, на кой ляд перед ним разметали весь этот сомнительный хлам, то ли наоборот, понимал слишком хорошо. Когда Данике прямо попросил помощи в расшифровке сообщения Старшим Братьям (землянам), в поисках космического челнока Фрая и приостановке работ в Содерсэте и Блумдезете, мужчина слегка оживился.

– Если даже вы говорите правду, – заметил Луис, – зачем рыпаться? Грусские – отличные ребята!

Валехо скептически фыркнул. Опрокинув недопитую рюмку, Данике шваркнул кулаком по столу.

– Ваши «отличные ребята» готовят новую войну! И собираются, между прочим, задействовать в ней инопланетных интервентов! Для которых все мы – горстка дикарей, муравьи в их пироге!

В запале док вышел за рамки элементарной осторожности – теперь на них откровенно пялились. Приблизилась официантка, вытерла пролитую водку и осведомилась, не нужно ли господам чего-нибудь.

– Спасибо, Полиночка, не сейчас. – Луис растянул губы в напряженной улыбке. Девица с явным неудовольствием удалилась.

– Знайте, Луис, – прошипел Данике, навалившись грудью на край стола, – инопланетяне существуют!

Он суетливо полез в карман.

«Не иначе как за лучеметом», – подумал Ник и порадовался, что загодя убедил Данике оставить штуковину в лагере.

– Ну хорошо, – неожиданно согласился Луис. Он сгреб в охапку доковы бумажки, жесткий диск и ссыпал в карман куртки стекляшки. – Я почти поверил вам и обсужу все кое с кем из коллег. А теперь давайте-ка заглянем в медблок.

Охранник в больнице для порядка побрюзжал, но впустил поздних посетителей. Луис оказался здоров как бык. Еще бы, с таким-то пансионом. Данике дал ему общие, ни к чему не обязывающие рекомендации, и на сем визит в Фустер завершился.

«Доков проект стоил меньше стреляного патрона! – Николас в сердцах сплюнул и попал себе на штанину. – Не туда нас занесло…» Но мысли эти отодвинули на задний план воспоминания о шикарном ужине. Рядом, в люльке, удобно развалился Данике, по лицу его блуждала слегка глуповатая мечтательная улыбка.

**

Распрощавшись с чудаковатыми гостями, Луис побрел домой. Он решил прогуляться на сон грядущий и заодно поразмыслить. Городок был невелик, но человек, идущий без особой спешки, мог сполна насладиться восхитительным кафриканским вечером, напоенным ароматами цветов и шелестом листвы. Впрочем, вечера в Фустере восхитительны неспроста. В густой траве пролегала сеть тонких пластиковых трубочек – по ним влага, поднятая из водоносных подземных недр, подавалась к каждому дереву, кустику, к каждой клумбе. Это чудо сотворили человеческие руки! И здесь заботливо сохранялись крупицы знаний старого мира. Здесь люди вроде Луиса могли приносить пользу, а не вышибать друг другу мозги ржавой арматурой.

Когда отказал реактор и несколько тысяч обитателей парисского убежища в панике бросились из отравленных стен, ценность жизни умницы Луиса в одночасье сравнялась с ценностью мяса на его костях. Где б он теперь был, если бы не гроссийский экспедиционный корпус, если б не Петр Орлов? И *был бы* Луис вообще? Он не имел права сомневаться в своих спасителях, покровителях, работодателях. И *не хотел*. О да, грусские готовятся к войне, но что с того? Люди воевали испокон веков. А сейчас человечеству как никогда нужен сильный лидер. Почему бы не грусский царь?

Эти двое фантазеров – очередная петелька интриг Орлова против нового царского фаворита. Петр – дурак! Надо ж такого нагородить! Господин Максим Фраевский – инопланетянин, злодей, разжигатель всемирной розни, некий Маки Фрай.

Однако это никоим образом не касалось Луиса. Пускай грызутся. А он не станет ссориться ни с тем, ни с другим. Конечно, обличив Орлова, главу службы безопасности, он добился бы похвалы и благосклонности господина Фраевского, только…

Луис обнаружил, что стоит у крыльца своего коттеджа. Окна гостиной мягко светились. Наверное, дети уже спят, а Мила ждет его к

ужину. Вынув из кармана скомканные записи Данике и исцарапанные мутные стекляшки, он сунул их под крышку мусорного бака. За ними отправился диск. Луис облегченно вздохнул, вытер руки о штаны и зашел в дом.

**

Ник с Данике приехали уже в темноте. Инженер вел мотоцикл на той скорости, когда впору ногами перебирать – и то шустрее получится. За десяток метров до лагеря «юрал» заглох.

– Ага, у обоих довольные щи, –подмигнул мне Аксель. – Вестимо, у них в люльке супергерой припрятан.

– И он спасет нас от войны, чумы и слабины, – негромко ответила я, налаживая для «юрала» пандус в кузов.

– Героев и в таборе предостаточно, – съязвил Николас и, натужно крякнув, вкатил мотоцикл на доски.

– А мы в кои-то веки пообщались с разумным человеком, – добавил Данике, гордо выпятив подбородок.

– Чай, и сами поумнели, и с нами поделитесь? – Аксель сощурился.

– Не в коня корм, – отозвался Ник. Он грузно протопал по пандусу и остановился перед цыганом.

Элейн ненадолго прервала обещавший быть жарким разговор, всучив приехавшим тарелки. Если б мы знали, как они похарчевались, хрен бы чего оставили! Данике и Ник притулились у костра, ели без энтузиазма, зато расписали в красках свою экспедицию. Первыми возмутились Кирна и Грюн. В основном тем, что их не взяли с собой и лишили шанса вкусно поесть за чужой счет. Принцесса воров тоже посетовала: мол, не дали поглазеть, как приличные люди живут. Будто бы она там себе жениха сыскала! Ну, мечтать-то не вредно. А самый увесистый булыжник в рассказчиков «метнула» Туве, и уже от его падения волнами разошелся дальнейший отвратительный спор.

– Нам придется справляться самим, – безапелляционно заявила рыжая, задумчиво глядя сквозь пламя. – Мы зря потеряли время.

– А вы в шахте делом занимались?! – процедил Николас.

– Мы пытались отсрочить войну и помешать Фраю! Так же, как и вы! – выпалила я.

– Как и мы?! Нам удалось заручиться поддержкой интеллектуальной элиты. Наконец, забрезжила надежда… – Данике

захлебнулся возмущением.

– Тихо, тихо, ребята, – вступил Аксель.

– Хватит защищать свою безумную девку, Акс! Хватит идти у нее на поводу! – завопил Валехо, вскакивая. – Посмотри, во что она тебя превратила...

Я отодвинулась в тень.

Лицо Акселя помрачнело, в переносицу вонзился острый угол бровей, под носом лезвием блеснула полоска оскалившихся зубов. Он тоже поднялся, не спуская глаз с Ника. Уж, казалось бы, цыган пропускал мимо ушей столько насмешек, а тут взъярился.

– Каждый может облажаться, – ледяной тон Акселя заставил всех замереть. – Я не держал никого за жабры и задницей на сковороду не усаживал. Табор – дело добровольное, Николас. Уверен, получись у нас на шахте, вы бы и не пикнули.

Валехо играл желваками, Данике хмурился.

Над лагерем повисла тишина. Зачинщики ретировались первыми, затем разбрелись остальные. Аксель пнул выпавшую из огня головешку, развернулся и медленно направился в сторону озера. Я догнала его, робко заглянула в лицо. Он поймал мою ладонь, сжал в своей. Затем, изобразив на лице неискреннюю улыбку, предложил пройтись вдоль берега.

Вскоре костер заслонило от нас порослью, остался лишь свет звезд и узкого серпа луны. Аксель как ни в чем не бывало снова заплетал узелки необременительной болтовни. Но иногда он внезапно замолкал и щурился, точно всматриваясь в потаенные мысли.

– Можно задать вопрос? – я решила его отвлечь.

– Мэйби, ты уже задала, – лукаво заметил Аксель. – Судя по всему, мой отказ тебя не остановит.

– Ну…

– Ну? – цыганин заступил мне дорогу.

– Мне надо знать… мы же ни разу не обсуждали… – я замялась и отвела глаза. – В Куполе тебя, не спросясь, сделали моим супругом, а сейчас… ведь есть и другие женщины. Вот Элейн говорит: мужчинам нравится разнообразие…

– Ах, Элейн! – воскликнул Аксель и рассмеялся. – Да она просто привыкла к такому. Больше слушай глупую Эльку, – подытожил цыган и, приобняв меня за плечи, повел дальше.

– Ты не ответил, – обиженно буркнула я.

– О!Хочешь украсить свои длинные ушки лапшой понаваристей? – цыганин опять притормозил, глянул на меня искоса.

– Это серьезно! – я даже ногой топнула с досады.

– Ах таааааак! – Аксель фыркнул, а потом повалил меня в жесткую траву, до сих пор пахнущую солнцем.

Я начала брыкаться, мы покатились и чуть не занырнули в озеро с невысокого обрывчика. В итоге Акселю, конечно, удалось прижать меня к земле. Дернувшись еще пару раз для вида, я замерла.

– По-моему, я с самого начала наглядно демонстрирую свое отношение к тебе, – шепот Акселя щекотал ухо. – Придется повторить, коли ты так забывчива, Мэйби.

Позже мы спустились на пляж, и по округе разнеслись шлепанье камушков по воде и, то мои, то его, ликующие возгласы.

Но все-таки по возвращении, уже засыпая, я слышала Акселево тяжелое прерывистое дыхание – он еще долго ворочался. Вот тебе, Мэйби, и прежний цыганин! Растормошила, называется.

**

Николас недавно сменил Акселя за рулем тягача. Они не мирились, не извинялись, однако молчаливо – по-мужски, как прокомментировал Тушкан, – замяли неприятный эпизод. В общем-то, не будь Валехо тогда подшофе, не рубанул бы с плеча. К столь деликатным вопросам (о поведении зазнобы) надо подходить издалека – намеками.

Задумавшись, Ник не заметил гроссийского военного грузовика, приближавшегося сбоку. Только после окрика Кирны, дежурившей в «гнезде», он обратил внимание на машину, на всех парах мчавшуюся наперерез. Состояние дорог в Кафрике позволяло ездить достаточно быстро, но эти ребята, похоже, торопились сверх всякой меры. Причем, судя по ритмичному миганию фар, торопились на встречу именно с ними. Данике, дремавший на соседнем сидении, очнулся.

– Лучше бы притормозить, – промычал он.

– Да уж куда деваться?! – раздраженно откликнулся Ник. – Не по кустам же прятаться со всем добром.

– Может, обойдется, – промямлил док.

– А то!

Николас не разделял оптимизма Данике, поэтому высунулся в окно и рявкнул назад, чтобы никто не вылезал без надобности. Глушить мотор Валехо не рискнул.

Армейский грузовик припарковался почти вплотную. Из крытого кузова высыпали солдаты, из кабины спрыгнул офицер. Онвелел предоставить машины для обыска и приготовиться к личному досмотру.

– А на каком основании? – уточнил док.

– Не ваше дело, – резко бросил гроссиец, явно не настроенный пререкаться.

– Очень даже мое! – Данике уперся. – Часто, знаете ли, головорезы выдают себя за военных, а потом – пиши пропало.

Офицер сжал губы в тонкую упрямую ниточку, положил руку на висящий на шее автомат. Солдаты вскинули оружие.

– Уж не обессудьте, – вступил в диалог Аксель, поднявшись в полный рост у лебедочного крана в кузове, – с нами женщины, маленький ребенок… согласитесь, остановиться по вашему сигналу было отважным поступком. И законопослушным.

– Пожалуй, – после секундного раздумья кивнул командир и примирительно добавил: – Отряд уже сутки колесит. Майор Валь Пухов, – представился он. – Я уполномочен осматривать все транспортные средства, движущиеся от Содерсэта. Мы ищем группу людей... Хм, этого достаточно. Если хотите, ознакомьтесь с ордером. Но, имейте в виду, вариантов у вас нет. Вы на территории Гроссийской Империи и обязаны подчиниться, если не ищете проблем.

Николас затаил дыхание. Данике, не пытаясь вернуть себе инициативу в беседе, медленно потянул из бокового кармана куртки Фраев «кастет».

– Не дури, док, – процедил Валехо.

– Еще не начинал даже, – ответил Данике, положив руку с лучеметом на колено. Пальцы его мелко дрожали.

Аксель выбрался из кузова, изучил ордер и принялся за штифты, державшие задний борт. Офицер спрятал документ.

**

Меня до глубины души поразил этот жалкий клочок бумаги, с помощью которого толпа вооруженных людей пыталась придать значимость своим действиям. В разрушенном мире, где читать умел от

силы один из десяти, автоматическая винтовка являлась куда более весомым аргументом, но гроссийцы тщились придать происходящему *законный вид.* Удивительно! Им хватило сил на запуск *бюрократического аппарата* и людей для его обслуживания даже за пределами реальных границ государства. Впрочем, и жалкое подобие порядка лучше, чем анархия. Человек готов поверить в любую опору.

Солдаты, сообразив, что прямо сейчас стычки не будет, выдохнули и расслабились, но оцепили караван со стороны дороги. Майор забрался на грузовую платформу, тщательно осмотрел всех и вся, но не обнаружил искомого. Цыганин повел его к трейлеру, а мы с Грюном вернули стенку на место.

Вроде пронесло. Однако кончики ушей снова зудели. Предположим, ни меня, ни Акселя Пухов не признал, но оставалась Туве. Хорошо еще, за два дня с нас не слезла «маскировка».

Мужчины шагнули в трейлер.

Вдруг офицер высунулся в дверь и позвал двоих солдат. Что-то пошло не так.

**

Аксель первым ступил в полумрак передвижного домика и тут же возблагодарил за это судьбу – пропусти он вперед гроссийца, лежать бы тому на дороге с дырой в башке. Вероятно, рядышком улегся бы и Аксель, скошенный очередью из солдатского автомата. Перспективка так себе. А все почему? Да потому что сбоку от двери притаилась Элейн с винтовкой наготове. Все-таки материнский инстинкт окончательно свернул ей мозги!

– Элька, ну-ка! – Аксель резко выхватил у Принцессы воров оружие. – Не с тем стволом балуешься! – после он обернулся к Пухову и извиняющимся тоном пояснил: – Даже мать-сурчиха становится опасной, защищая своего детеныша.

– Ничего, я понимаю, – задумчиво протянул офицер.

Он, не спуская глаз с цыганки, нащупал рукой жалюзи и отодвинул их. Полуденное солнце заглянуло в пыльное окошко, осветило лица собравшихся, заиграло в буйной меди Элейниных волос.

– Она пойдет с нами, – Валь качнул головой в сторону Принцессы воров.

Все было бы невероятно комично, если б не было столь печально. Гроссийцы искали диверсантов-подрывников, среди которых запомнили только рыжеволосую женщину. Остальных, судя по всему, описали невнятно, без особых примет, а вот полуголая девица с огненными волосами – дело иное. Такие в округе Содерсэта до сих пор считались редкостью. Похоже, Валь Пухов заработал новую звездочку на погоны.

– Эй, Аксель, какого хрена? – взвизгнула Элейн.

– Сейчас узнаем, – цыганин скрипнул зубами. – Объяснитесь, майор!

Впрочем, он уже догадался, но рассчитывал выиграть время.

– Сдается, вам известна причина моего требования. Вас я тоже задерживаю, – жестко проговорил Валь, повернулся и гаркнул: – Жабин, Голубов, сюда!

Нет, ни одной лишней секунды им не подарили. Аксель кинул через плечо: «Ложись!» – и выстрелил. С облегчением он различил, как сзади шумно, роняя вещи с многочисленных полок, грохнулась Элейн, а потом и сам бухнулся на пол. Солдаты наконец осознали, что произошло, и открыли огонь по трейлеру. Почти одновременно с этим Николас вдарил по газам, и «джон гир» рванул с места.

**

Валехо то и дело косился в зеркало заднего вида и чутко прислушивался. Вот майор вскарабкалсяв кузов, спросил что-то, ему ответили. Он потоптался, шаря, наверное, под брезентовым чехлом для мотоцикла и в ворохе хлама, но ушел ни с чем. Вот Аксель повел Пухова к трейлеру. Стало тихо. Ник приоткрыл дверь, высунулся по пояс.

– Успокойся и залезай обратно! – бросил ему Данике. – Если что случится, мы не пропустим.

Безусловно, док был прав. Валехо сел, нервозно побарабанил пальцами по рулю, и тут, как по заказу, грохнул выстрел. Рука сама дернула рычаг на вторую передачу, на автомате сработали ноги, дорога буквально прыгнула навстречу. Мысли метались от «ну, хоть двигатель не заглушил» до «лишь бы никто не вывалился».

– Жми! – крикнул Данике.

Резкий старт «джона гира» застиг солдат врасплох. Раздался удар, истошный вопль – кто-то угодил под скребок. Отстрекотали

автоматные очереди. Ненадолго все стихло кроме надсадного рева мотора, а затем послышался гудок – армейский грузовик нагонял. В стенку кабины яростно застучали – видимо, пассажиры намекали Николасу, что неплохо бы ускориться. Вот только как? Изрядно нагруженный тягач, да еще и с прицепом, не мог соревноваться с более легким и маневренным преследователем.

Док глянул в зеркало со своей стороны, развернулся на сидении, оперся на край дверцы грудью и руками. Сухой ветер яростно ударил ему в лицо. Он вытянул кулак с лучеметом, прищурился и выстрелил. Дорогу позади вскрыла узкая борозда, а военный грузовик потонул в розовой вспышке. Беззвучно и быстро. Данике ввалился обратно, откинулся на спинку кресла и тихо попросил остановиться.

Все высыпали наружу в едином припадке любопытства. Дорога пустовала – люди и машина бесследно исчезли. Док был молчалив и бледен.

**

Мы подвели итоги стычки, посчитав приобретения и потери. Трейлер лишился задней стенки, а в уцелевших беспорядочная пальба солдат оставила множество разнокалиберных дыр. Теперь при движении в них весело свистел ветерок. По счастью, никто из находившихся внутри не получил даже царапин. Туве благополучно проспала стрельбу, свернувшись клубочком на верхней койке за полкой с чемоданами. Элейнин младенец и вовсе ничего не заметил, устроенный матерью в сейфе без дверцы, добытом еще хозяйственным Натаном.

Трофеев, как несложно догадаться, нам не перепало. Зато под изрешеченной откидной кроватью отыскалась моя сумка, а в ней тетрадка с записями – осколок ушедших беззаботных времен. Я завороженно перелистывала желтые странички, пока Элейн не возмутилась моим отлыниванием от уборки. Только тогда я бережно убрала дневник. Надо бы сшить торбочку поменьше – для самого ценного – и уже не расставаться с ней.

**

Аксель сидел у костра, наигрывая на губной гармошке и подкидывая иногда ветку-другую в огонь. Я пристроилась напротив. С тех пор как табор снова кочевал по суше, традиция вечерних сборищ сама собой угасла, не было рассказано ни одной байки. Вероятно, мы

устали друг от друга, от крепких уз, связавших нас когда-то и стягивающихся всетуже.

– Однажды мы снова рассядемся вокруг, – обронил вдруг Аксель, отложив гармонику.

– И выслушаем истории, – улыбнувшись, продолжила я. – И никто ничего не утаит.

– Это намек?

– Пожалуй, да. Ты как-то обещал потолковать со мной серьезно, но коварно саботировал беседу, – мне было неловко вторично штурмовать крепость под названием «Откровения настоящего мужчины», однако желание ясности заложено в человеческой природе, наверное, на уровне инстинктов. Правда, едва все точки над «ё» становятся на свои места, обычно хочется возвратиться к блаженному неведению, дающему возможность надеяться.

– Я лишь выбрал приемлемый способ вести подобную беседу, – цыганин выгнул бровь и кинул на затухающие угли остатки хвороста.

– Секс – конечно, важная, но не единственная часть отношений между мужчиной и женщиной. И потом, мы так ничего друг другу и не сказали… – я смутилась.

– О! Я думал, туве не придаютзначения словам, – с ехидцей воскликнул Аксель.

– Ну, вообще-то, полгода в Идэне я вместо общения с Туве читала слезливые романы, – моя фальшивая усмешка не обманула бы и ребенка. Что же я хотела, что я должна сказать на самом деле?

– Давай-ка я помогу тебе, – предложил цыган слегка, как мне почудилось, раздраженно. – Видимо, ты жаждешь обсудить наши взаимные обязательства?

– Хм, «обязательства» не совсем уместный термин, протокольный какой-то…

– Обязательства внутри отношений, – иронично продекламировал Аксель. – Так лучше? – он засмеялся. – Мэйби, с другими женщинами я не сплю, хотя, врать не буду, пялиться на них, ну и думать о них иногда, вряд ли перестану.

Разговор зашел в тупик.

И причина в проклятущей гордости! Мы часто запираем себя в кокон собственной значимости; каждый считает свои принципы, убеждения, позиции единственно верными, старается прогнуть под

них окружающий мир, не щадя никого и ничего. Это трусость, подлость, лень! И на них основано важнейшее правило человеческих взаимоотношений: любовь только тогда прекрасна, если тебе в ней признались, а ты утаил. Никто (в том числе женщины, сколько бы они не утверждали обратное) не стремится к обоюдности. Говорящий вторым, произносит: «Я тоже…» «Ты вынуждаешь любимого человека сделать первый шаг и торжествовать над ним, как над поверженным врагом!» – мысль ярко сверкнула буквально у меня перед глазами.

– В общем, Мэйби, – голос цыганина вырвал меня из потока рассуждений, – прибережем-ка откровенности до счастливого финала. Сейчас неуместно связывать себя. Приобретя, страшишься потерять. Иди сюда. Хватит на сегодня.

В темноте, над рдеющими под пеплом углями, я разглядела протянутую ко мне руку. Единственно правильный поступок – позволить сердцу высказаться. Я встала, перешагнула через кострище, задев носком теплую золу, и пламя, умиравшее мгновение назад, вновь выбросило вверх золотистые язычки, лизнуло подошву моего ботинка. Неплохой знак! Аксель привлек меня к себе.

– Позволь мне все-таки закончить, – я мягко прижала пальцы к губам Акселя, пресекая возражения. – Глупо прятать чувства (если они есть), ведь они возникли раньше слов. Вдвойне глупо опасаться потерять их. Раньше мы не боялись утрат. Все материальное благополучие облетело с нас, точноно шелуха, – почти ничего не осталось. – В горле неожиданно пересохло, звуки продирались, будто по наждачной бумаге. Я судорожно сглотнула. – Но стоит лишь произнести, – вдох. Небо над нами начало медленно кружиться, заполняясь нитями. Выдох: – я тебя люблю, Аксель… и музыка этих слов заполняет пустоту!

Я снова внимала мелодии Вселенной, наблюдала, как вспорхнула яркая крошечная комета из моей груди.

– Представь, вдруг это ноты гармонии? А в жизни их играют так редко. Они еле слышны в потоке диссонансов войны, ненависти, злости, среди беззвучия скуки и равнодушия. Они – единственная преграда, отделяющая нас от *ничто*.

– И я люблю тебя, Мэйби, – после недолгого молчания тихо изрек цыганин, блеснула еще одна искра, на сей раз светло-зеленая. – Скорее всего, ты права, а если так, я готов повторять это снова и снова.

Как хорошо, что он улыбается! Как приятно больше не трусить.

Глава 20

До Блумдезета добирались без малого неделю. Наконец город появился на горизонте в ртутном мареве. Пора было искать укрытие: не хотелось напороться на патруль так близко от цели. Все шесть дней после стычки у Фустера мы петляли по проселкам, избегая главной трассы. Ну, в таких делах, как говорится, карты вам в помощь, а вот по части убежищ эти бумажки абсолютно бесполезны.

Местность вокруг Блумдезета походила на стол, по крайней мере, с южной стороны. Спросите: «Почему бы не спрятаться в заброшенном доме?» Здание можно поджечь, обстрелять, окружить и осаждать, взорвать. Да и выглядели домики чуть надежней шалашей.

По счастью, Кирна заметила пологий холм невдалеке от дороги и указатель к карьеру по добыче природного камня. Возвышенность загибалась подковой, образуя небольшую долину. Склоны ее обильно поросли травой и красно-бурой колючей дрянью с мелкими листочками. Повсюду громоздилась проржавевшая техника, покосившиеся столбы линий электропередач, хибарки для рабочих. В ближнем к трассе отроге прокопали для каких-то нужд пещеру – наверное, отдыхать в ней было приятнее, чем в подставленных солнцу времянках.

Машины ровнехонько поместились под пещерными сводами. Пока Элейн с Владиленом обустраивалилагерь, прочие цыгане отправились на гребень холма поглазеть на загадочную цель нашего путешествия.

Гроссийцы освоили лишь малую часть довоенного Блумдезета – бывший фабричный район на северо-западе. Стены не достроили. Похоже, люди не возвращались сюда после войны надолго и, бросив все, ушли по неизвестной причине, то ли в поисках лучшей жизни на побережье, то ли изгнанные царской армией. Ну а грусские сочли здания соседних кварталов пригодными и достаточными для обороны. Блумдезет выглядел совершенно пустым, а значит – неинтересным для мародеров или иностранных солдат. Только зная, что искать, наблюдатель сумел бы засечь тут какую-то деятельность. Весьма бурную, кстати. Центром ее являлся исполинский ангар посреди

забетонированной площади, где, как усердные муравьи, сновали люди: рабы с тачками, инженеры в защитных костюмах и, конечно, вездесущие военные. Чуть ниже крыши строение опоясывал балкон, частично закрытый навесом. Наверху была устроена «беседка» для охранников. Плац ограждала сетка и ров, по периметру ходили патрульные в сопровождении здоровенных черно-рыжих псов. С краю притулились бараки и склад. За ангаром расположился аэродром. Сейчас там стояли четыре самолета, один из которых, судя по величине, приходился родственником эчеверийской подлодке. Наверняка грузовой. Не пешком же доперли сюда все эти солдаты! Другой самолет, впервые увиденный Николасом в небе над Содерсэтом, использовался для перевозки кристаллов с шахты.

– Нда, – глубокомысленно пробормотал Валехо, складывая Элейнину подзорную трубу.

Мы вдоволь насмотрелись, теперь наступило время обсуждений. У меня промеж ушей роились десятки планов, один другого рискованнее, но делиться ими я не торопилась. Потому что все идеи заканчивались разрушением ангара… потому что содержимое его вызывало у меня зловещее предчувствие.

– Гляди внимательнее, Мэйби, – шепнула Туве.

За стенами громады пульсировало нечто. Исчерна-розовый силуэт напоминал человеческий эмбрион, вокруг которого суетились крошечные разноцветные искорки повитух. «Радости его рождение миру не принесет», – возникла у меня отчетливая мысль. От «младенца» волнами исходило чувство ненасытного голода – ни ненависти, ни злобы, только желание поглотить как можно больше… больше *чего*? Я, наверное, побледнела или даже вскрикнула.

– Все в порядке? – Аксель легонько тряхнул меня за плечо.

– Она видит сердце демона, – сказала рыжая и прибавила: – Мы должны уничтожить его, иначе мир обречен.

Все повернулись к Туве. Ник закрыл ладонью лицо и так, невнятно и сердито, пробурчал:

– Какой, ну какой, к ебеням, демон?!

– И потом, – встрял Данике, не давая начаться новому витку ссоры из-за безумных баб, – зачем уничтожать? Мощное оружие заставит правительства достигнуть уже, наконец, согласия. Да и изучить эту штуку неплохо бы.

– Я смотрю, ты, док, максимально приблизился к постижению метода силы? – ввернул цыганин. – Чем длиннее пушка, тем обоснованнее притязания.

– Причем здесь это? – возмутился Данике, и не избежать бы спора, но…

– Сначала поглядим поближе, – задумчиво проговорила Кирна, придав словоблудию иное, осмысленное, направление.

Наскоро поужинав под гневные причитания Элейн, цыгане выслушали предложения Николаса и Данике. Они решили внедриться в лагерь грусских под видом сотрудников, благо в хозяйстве имелась пара защитных костюмов – один личный валеховский, второй забытый натановский (ох, и расстроится же он, когда обнаружит недостачу). Успех в Фустере вселял надежду. Мою идею отвлекающего маневра, заключающуюся в дерзком акте вандализма на аэродроме или в отдаленной части города, который оттянет основные силы гроссийцев на себя, конечно, забраковали. Вернее, модифицировали: диверсанты на местах ожидали сигнала от шпионов и в случае провала главной операции одни поджигали самолет, другие начинали откуда-нибудь с крыши поливать местность из пулемета. Безупречный план, максимально продуманный. Если б мне с Туве не пришлось мазаться сажей, так вообще, идеальный.

**

Кирна с Грюном и Декстером отделилисьпервыми. Блондинке понравилась водонапорная башня, высившаяся меж домов, – отличная огневая точка. Дикарь тяжко вздохнул: переть пулемет на эту верхотуру предстояло не кому-нибудь, а ему лично. Тушкан был способен только подгонять идущих. У невидимой границы обжитого квартала Аксель, приобняв Мэйби и Туве за талии и слегка осев, заплетающимся языком возгласил: «Аэродром где-то за поворотом. Несите же, телки, меня к самолетам». Девушки поволокли «кутилу» в темный пахучий переулок. Док аж вздрогнул от неожиданности, настолько натурально цыганин изобразил подгулявшего солдатика. Валехо дернул Данике за руку и утащил в противоположную сторону. Им предстояло идти напрямик. В конце улочки, у ангара, ярко горели фонари и маячил угол КПП.

По словам Фернандо, работа на объекте не прерывалась даже ночью – невольников гоняли в три смены, и кристаллы поступали

внутрь нескончаемым потоком. Рабы видели только начало конвейера и печное жерло. Впрочем, солдаты с инженерами пахали в том же режиме. Кристаллы плавились при довольно низкой температуре. Грусские самоделкины воспользовались этим свойством и соорудили агрегат наподобие газовой плиты. Нет дров или угля – нет и дыма, не приедут нежданные гости. Внутри ангара почему-то запрещалось зажигать свет. Люди ориентировались на открытые ворота, куда заглядывали лучи солнца или фонарей, зарево в печи и красную лампочку рядом с наблюдательной комнатой на втором уровне.

Однажды Фернандо, случайно подслушав болтовню инженеров, почерпнул бесполезную, в общем-то, для себя информацию – пароль и некоторые подробности процедуры пропуска на территорию. Благодаря этому Ник с Данике без труда проникли внутрь. Они изрядно рисковали, ведь Фернандо не знал, насколько часто обновляются кодовые слова. Но, оказалось, за две недели ничего не изменилось. Произнеся витиеватое гроссийское ругательство, значения которого не сумел внятно объяснить даже Владилен, лазутчики прошли через турникет, мимо суровых солдат, в тесную комнатку, где работяги отмечались в толстенном журнале. Скопировав с предыдущего листа две фамилии (эти люди посещали военный объект утром, но, как заметил Ник, многие не придерживались графика), шпионы направились дальше. Они сразу же устремились к ангару, отвечая по дороге на приветствия. Их действительно приняли за конкретных людей, чем было грех не воспользоваться.

Под сводами гигантского здания, в темноте, мужчины ощутили себя увереннее. Николас внимательно осмотрел печь с желобом-конвейером: хреновинаи впрямь работала на газу, подключенная к местным коммуникациям. Слабо светящаяся розовая жижа текла в громадный металлический чан, большая часть которого находилась под землей. На дне емкости, на треть заполненной расплавленными огненными кристаллами, «сидело» пепельно-алое *нечто* – точно уродливый младенец скорчился в утробе. Почему Ник и Данике сочли этоживым? Они не признались бы себе, но оба заметили, как тварь приподняла «голову» и сверкнула ромбовидными «глазами».

Док нащупал в кармане фотоаппарат, изъятый еще у Кубасова, и дважды щелкнул чан. Валехо хотел предупредить, что в такой темноте

ничего не получится, но махнул рукой. Главное, никто не обратил внимания на вспышки.

– Пойдем-ка, заглянем туда, – инженер указал на тусклое красное пятно лампочки на втором этаже.

Наверх вела металлическая лестница, переходящая в балкон. Он упирался в выступающий из стены и нависший над чаном куб с зашторенным изнутри окном. Конструкцию поддерживали металлические сваи.

Мужчины гуськом протопали по дребезжащему решетчатомуполу галереи. В конце, перед бронированной дверью, облокотившись на перила, их ждал охранник.

– Нам нужно свериться с графиком, – вступил в диалог Николас. – Температура в третьей камере недостаточна…

– Какого хрена у вас там происходит? – не дослушав, грубо перебил его солдат. – Ясно ж велели – никакого света!

– Началось окисление, и, если мы тут будем и дальше рассусоливать, точно что-нибудь произойдет, – выпалил Валехои с тихой угрозой прибавил: – Нехорошее…

Охранник буквально отпрыгнул с их пути. Николас ломанулся вперед, дернул дверь, но она не поддалась.

– Так закрыто же, – растерянно пробубнил солдат. – По инструкции…

Живо сообразив, как исправить оплошность, Валехохлопнул себя по лбу, простонал: «Ключ забыл, идиот!» – и ринулся вниз по лестнице. Док решил подождать его на балконе. Рядом испуганно застыл солдат.

По наитию Валехо бросился к КПП. И точно – ключи выдавались там – под расписку. Поставив в очередной журнал закорючку, попутно вкратце сообщив охранникам (конечно, строго по секрету) о возможном ЧП «на объекте», Николас отправился назад. Только б док без него не налажал! Впрочем, он же не Мэйби.

Данике продолжал нагнетать обстановку. Он нервно метался по балкончику взад-вперед, так и не проронив ни слова. Солдат изнывал от невозможности покинуть пост и выяснить в чем дело.

Протопав к двери, Валехо открыл ее и шагнул внутрь. Данике поспешил за ним. В комнате располагался длинный изогнутый стол с мониторами, на котором лежали бумаги, образцы огненных камней в

стеклянных контейнерах и приборы непонятного назначения. За одним из экранов сгорбился человек в оранжевом комбинезоне.

Дверь предательски скрипнула. Человек пошевелился и привстал. Сомкнув руки в замок, Валехо нанес ему мощный удар по загривку. Тот повалился лицом вперед. Приподняв тело, док заглянул в прозрачный щиток шлема и отпрянул.

– Это же Петр!

Николас посмотрел тоже – да, несомненно, перед ними был Орлов.

– И что теперь? – пролепетал док.

– Сейчас узнаем, – Николас тяжело вздохнул и принялся обыскивать грусского. В широком нагрудном кармане он наткнулся на диск, услужливо подписанный маркером: «16-07-2187 АСГАРД. Архив». – Вот и славно!

Бумаги со стола Ник также сгреб в сумку.

– Айда на выход! – он подтолкнул остолбеневшего Данике к двери.

Охранника на посту не оказалось, а в ангаре было до странности тихо. Быстро пройдя помещение насквозь, мужчины опасливо замерли у ворот. Ага, снаружи уже вовсю паниковали. Двор заполняли суетящиеся люди – большинство стремилось убраться подальше от здания. Несколько офицеров почем зря драли глотки, безуспешно пытаясь восстановить порядок. Николас усмехнулся – вот вам и по секрету всему свету. Среди такого безобразия задача улизнуть с ценным грузом – не проблема, а удовольствие.

Едва КПП заслонили дома, Николас объявил по рации Акселю и Кирне, что диверсии отменяются. Все, отбой – пора домой.

**

Королевский Тушкан скучающе плюнул вниз. Напрасно он поперся сюда, надеясь на веселуху. Лучше б сидел с Элейн и Владиленом в лагере.

Кирна облокотилась на подоконник и, прищурившись, уставилась на ангар. Вдруг от ангарных ворот, размахивая руками, промчался один человек в форме, следом другой. Рабы побросали тележки и кинулись врассыпную. Скривив губы в недоброй ухмылке, Кирна встала за пулемет. Однако она терпеливо ждала сигнала от Ника или Данике. Рация разразилась шипением, а затем…

– Кирна, уходите! Всетип-топ, – послышался голос инженера.

Декстер пробурчал что-то о мудилах с кривыми и нудными идеями и поплелся вниз. Вскоре в дверном проеме появился Грюн, дежуривший до того на первом этаже.

– Ник говорил? – уточнил дикарь.

– Да, – раздраженно ответила блондинка. – Бери пушку и за мной.

**

Аксель в сопровождении Мэйби и Туве вломился на проходную аэродрома.

– Здаров, – промямлил он. – Мне туда.

– Друг, да ты изрядно нарезался! – усмехнулся солдат. – Но здесь тебе не Содерсэт. Пропуск давай.

– Эээээ, – затянул Аксель, растерянно посмотрел сначала на Мэйби, потом на Туве, высвободился из их объятий, вывернул карманы, пустые, конечно (в смысле без нужного документа), и потребовал: – Девчки, гляньте-ка в сумчках!

Рыжая развела руками, а Мэйби исполнительно полезла в рюкзак.

– Дохлый номер! – фыркнул второй охранник и глубокомысленно добавил: – У баб всего два бесполезных отверстия: одно – рот, другое – сумка.

Все заржали. Аксель шлепнул остряка по плечу и ляпнул:

– Ну, первое не такое уж и бесполезное, если знать, как…

Грянул новый взрыв хохота под сердитый Мэйбин визг.

– Ладно, вали. Шлюхи под твою ответственность, – утирая слезы, брякнул один из солдат.

– Ох, и где ты в нашем захолустье таких ядреных кобылок раздобыл? – не утерпел другой и щипнул Туве за бок.

– Из Сдр… сод… дрсэта табун привел, – Аксель икнул и хлопнул в ладоши. – Заметано, браток. Счас объезжу и к вам пшлю.

Цыганин снова облапил спутниц и отчалил, безмерно довольный собой.

– Какой самолет вам нравится, девочки? – обратился он к Туве с Мэйби.

– Давайте лучше вон там перекантуемся? – Мэйби кивнулана груду ящиков.

– О’кей. Хотя таких цыпочек не на занозистых досках кантовать бы, – хихикнул Аксель.

Чуть позже, устроившись под крылом широкозадого транспортника, Аксель самозабвенно расписывал, как они угонят пару самолетов, сколотят «небесный караван» и попутешествуют по миру, наплевав на границы. За глупой болтовней забывалось свербящее ощущение, что не сделаночто-то важное. Но романтическая греза истончалась и меркла, обнажая затаенный страх и смятение.

Когда Николас дал отбой, Туве, доселе молчавшая, прошептала:

– Его сердцебьется – он готов проснуться. Мы оступились на Пути и упустили время.

**

Цыгане собрались в пещере. Ник с Данике сосредоточенно изучали документы (пригодился хайдовский ноутбук). По всему выходило, грусские отыскали оружие древних землян – полуживого, почти разумного монстра, питающегося кристаллами, вернее, выстраивающего себя из них. Выкопали его полгода назад, в чане он мариновался уже четыре месяца и увеличился за этот срок вдвое. Асгардявлялся чем-то сродни злобным великанам из детских сказок. Почему-то ни на диске, ни в бумагах не упоминались способы управления тварью и варианты действий в случае неисправности. Словом, инструкция по применению не прилагалась. Зато имелась фраза: «Малыш разнесет ваших косоглазых соседей в труху». Мой взгляд зацепился за нее, когда Ник прокручивал обширную переписку кого-то с самим царем. Почему ее включили в архив? Вряд ли затем, чтобы мы узнали отправителя – Максим Фраевский. Фрай… он проник всюду – как дым, пыль, вирус.

Утро вечера мудренее. Притомившись переливать из пустого в порожнее, цыгане расползлись по спальникам. Ночка в сырой пещере предстояла еще та – костра мы не развели, опасаясь гроссийских патрулей.

После всех переживаний дня сон ожидаемо не шел. Сильно ли ослабит асгарда кустарный способ выращивания?Оружие, собранное в вонючем ангаре горсткой дилетантов, не могло, *не должно было* работать. Да нет, нечего врать себе – «его сердце бьется».

Одни тревоги постепенно сменились другими. Я смотрела на Акселеву согбенную, вновь отощавшую спину – жирок, нагулянный в Идэне, сошел с цыганина, как и не было. Воротившаяся в уголки Акселевых глаз и губ смешинка пропиталась горечью сомнений,

злости, опасений. Но он же, поди, и раньше осознавал, что Эос в беде?! Иначе зачем бы ему эта морока со Старшими Братьями? Разумеется, осознавал, но надеялся на помощь, а теперь… теперь нам некогда ждать. О да, Туве предупреждала меня – Аксель потерял покой.

Да чего уж там! Если и имелась у кого в запасе толика безмятежности, то от нее не осталось ни следа. Все мы изменились, сам *мир* вокруг стал другим. Злобным, враждебным, таящим угрозу. Сложно поверить, но я даже немного скучала по бандам головорезов, которые являлись когда-то главной нашей проблемой. Сейчас цыгане очутились между армиями безумцев, охваченных очередным пароксизмом милитаристской горячки. Армиями, наверняка состоящими неплохих по большему счету людей: любящих свои семьи, ценящих свои жизни... *Свои* – вот ключевое слово. До чужого благополучия никому не было дела даже во времена поспокойнее нынешних.

Я вздохнула, устраиваясь под ворохом шинелей и одеял. Холод пробирал до самых косточек. В том числе поэтому я уже битый час ворочалась, пытаясь задремать и созерцая Акселев силуэтна фоне посеребренного лунным светом неба.

– Не спишь, Мэйби? – цыган повернулся ко мне в пол-оборота.

– Ну да, – ответила я.

– Понимаю, – он усмехнулся. – Мне тоже под грюновский храп не спится. Вот – сел дежурить.

Чувствовалось – на уме у Акселя было совсем не то.

– Знаешь, – я переползла к нему под бок, волоча за собой свою «постель», – мне все чаще кажется, будто нас занесло на страницы фантастической истории.

– Каждый человек – герой какой-нибудь истории. Просто одни интересно слушать и не стыдно рассказывать, другие же... – цыган негромко кашлянул и поплотнее закутался в шинель.

– Я не о том, – перебила я его. – Смотри, если считать, положим, от встречи с Джо и Туве, когда начались *на*сто*ящие* странности, повесть с нашим участием делится на две части: от Кеблин-Тауна до ярмарки и после. Первый отрезок нашего пути, он, ну, *светлый* вроде как. Все постоянно шутят, смеются, радуются, занимаются любовью...

– Ага, поправляют анима, целуя животики очаровательным рыжим дикарочкам! – хохотнув, поддакнул Аксель, но тут же прикусил язык.

– А дальше начинается *темный* отрезок, – мне едва удалось сдержать подступившие слезы. – Умирают Сагерт, Тиана, пропадают Джо и Туве. Ты теряешь память, потом все это безумие на островах! Натан сбегает с нашими вещами... – я всхлипнула. – Да, мы вернули прежнего тебя, но ты... ты даже разговариваешь иначе!

Аксель нашарил в складках одеяла мою руку и взял ее в ладони, погладил, слегка царапая загрубевшими пальцами.

– Пожалуй, я сумею объяснить большую часть случившегося достаточно разумно, – он поскреб жесткую бороду. – Тем, кто не отводит глаз и не пытается переждать в сторонке, всегданелегко. Смертность среди них, если верить молве, крайне высока. Похоже, я таких чокнутых притягиваю. А ведь родись мы обычными людьми, наблюдали бы за происходящим, как мыши из норы. Сидели бы на кухне, не имея ни малейшей возможности что-либо изменить, втихаря понося мудаков из правительства и жалуясь на жизнь. Хотя... Видано ли – немытые цыгане спасают мир?!

Я не поняла, шутит он или серьезен, и от этого становилось еще страшнее. А над равниной отчаянно, с надрывом, плакал ветер.

– Еще, по слухам, Николас Валехо – отъявленный неудачник. За что не возьмется, все не впрок, – продолжил Аксель. – Вот мы и отдуваемся за него.

Все-таки шутит. У меня немножко отлегло от сердца.

– Есть такой литературный штамп – *«плач ветра»*. – Я вытерла влажную дорожку со щеки и уткнулась цыганину в плечо. – А почему он плачет?

– Это очень простой вопрос, Мэйби. – Аксель глубоко вдохнул, расправил спину. – Ветер много где бывает и видит много горя, но ничего не может поделать. Кто бы не разрыдался от такого?

– У нас есть хоть малюсенький шанс? – пробубнила я в душную шинель.

– Хочешь знать наверняка – тебе кТуве. Я могу только на картишках погадать.

– Дурак! – брякнула я.

– А то! – даже с каким-то самодовольством ответствовал он. – У нас, в отличие от ветра, точно есть возможность изменить мир к лучшему. Плакать будем, когда облажаемся. Между прочим, – Аксель хмыкнул, – по мнению того же Валехо и остальных приверженцев *мужского* образа мышления, я так изменился из-за общения с тобой. Думаю, доля правды в этом есть.

Я перевернулась на спину и заглянула цыганину в глаза.

– Кстати, почему бы нам не добавить любви во вторую часть нашей истории? Прямо сейчас? – он улыбнулся мне.

**

Я как раз закончила надевать тельняшку, когда пещеру залило ярким светом. Голос с характерным гроссийским выговором предложил нам бросить оружиеи покинуть убежище. Спавшие снаружи ошалело крутили головами, пытаясь заслониться от слепящих лучей прожекторов, в трейлере захныкал Элейнин младенец. Аксель, все еще голый по пояс, потянул из кобуры, валявшейся в куче одежды свой сорок пятый.

Уши мои различали рев моторов и лязг... гусениц? Да уж, наконец нас восприняливсерьез. Эх, уши, уши, где ж вы были? Впрочем, скорее всего, я не обратила на вас внимания, занятая другими мыслями и делами.

Некто повторно озвучил свои рекомендации и приказал поторопиться. Мною овладело неодолимое желание вжаться в землю, зажмуриться, убедить себя, будто это лишь страшный сон. А затем раздался звонкий возглас Туве:

– Уходите, иначе вас всех ждет смерть! – прокричала она, медленно двигаясь навстречу притаившимся за световой завесой врагам.

Дикарка не отреагировала ни на первое требование остановиться, ни на второе, и продолжалаповторять свою смехотворную угрозу. Она уже говорила что-то такое раньше, но я не могла припомнить, когда именно.

Гром орудия коротко резанул по барабанным перепонкам, сразу за тем превратившись в далекий затихающий звон. Рикошеты и осколки камня засвистели под сводами пещеры. Я ощутила, как мне рассекло бровь, а в следующий миг Аксель увлек меня наземь, прикрыв своим телом. Затем, не поднимаясь, он уперся локтем в каменное крошево на

полу и выстрелил в подсвеченную дымку. Послышался звон стекла – один из прожекторов погас.

– В укрытие! – прохрипел мне на ухо цыганин.

Он вскочил, вздернул меня за шиворот и толкнул в сторону тягача. Я еле передвигала ноги, оглядываясь на то место, где стояла Туве, а теперь лежало бесформенное нечто. Аксель без лишних слов тащил меня буквально силком.

Служивший нам верой и правдой «джон гир» представлял собой плачевное зрелище: кабина ткнулась носом в землю, борта изрешечены. Подъемный кран срезало, и конструкция валялась сбоку, подобная искалеченной руке. Как ни странно, мой «юрал» остался почти невредим, что навело меня на мысль… Я ринулась в кузов. Да, пулемет уцелел! Подтянув орудие к стенке и оперев на сошки, я начала заправлять ленту.

– Мэйби, слезай! – прокричал мне Аксель.

Я помотала головой. Цыган больно ухватил меня за предплечье, но, наткнувшись на мой решительный взгляд, отпустил. Настал тот самый пугающий момент – или, дрожа от страха за себя и меня, скрыться, бросить друзей, да вообще все бросить, или рискнуть. Аксель оскалился и спрыгнул на землю, наверняка собираясь сделать какую-нибудь глупость и проявить при этом чудеса отваги. Под руку мне попалась единственная забытая Натаном винтовка, с которой Кирна ездила в «вороньем гнезде».

– Лови! – я бросила оружие цыганину.

Аксель поймал его и тут же распластался за колесом «джона гира» – мглу вспорола чья-то нетерпеливая автоматная очередь. Донесся гневный окрик и снова:

– Даю вам последний шанс, придурки!

Дольше слушать этот голос я не могла. Из пулемета мне еще ни разу не доводилось стрелять – только притворяться. Впрочем, в напряженной ситуации у человека часто просыпаются удивительные способности, появляются силы и решимость. Сейчас еще и злость, даже ненависть. Каждый снаряд вылетал, заряженный долей этих эмоций, и где-то, достигая своей цели, взрывался облачком черно-фиолетовой тьмы. Яркой молнией сверкнул страх. Нужно было остановиться. Один, два, три, четыре, погас еще прожектор, над моей головой со свода посыпалось, слева пробило бочку с водой, с крыши

трейлера сорвало вентиляционные короба, разворотило спальное место над кабиной. Да, ответная пальба пришлась очень кстати, остудив меня, – ярость пропала бесследно.

**

Данике скорчился в комок и скулил, прикрыв голову ладонями. Он умолял цыган подчиниться, а грусских – прекратить стрельбу, наконец, обращаясь к пустоте, вопрошал, где он ошибся. Конечно, неудачное место и время для рефлексии, но что поделаешь?

Минут за десять до нападения док получил от Фрая сообщение: «Убеди своих друзей сдаться. Пора мне побеседовать с вами всеми лично». Данике хотел разбудить ребят, но, заслышав ласковый шепот, заметив темный силуэт цыганина, ритмично вздымающийся над ворохом одеял, над которым торчали острые Мэйбины уши и круглился абрис груди, смутился и накрылся с головой шинелью. Стал ждать. Наверное, задремал. А потом было поздно.

Кирна выкопала Данике из его убежища и хорошенько встряхнула. Когда эта мера не подействовала, девица хлестнула дока по лицу.

– Да очнись ты! – рявкнула она, брызжа слюной. – Доставай свой чудо-кастет, а то все здесь ляжем!

В конце концов глаза Данике прояснились, он вцепился блондинке в руку и часто закивал:

– Я… я все сделаю.

– Прикроешь нас. – Кирна разжала кулак, и док шмякнулся затылком об аптечку.

Девица змеей скользнула вперед и утонула в пронзительном свете прожекторов. Вслед за Кирной поспешил, судя по массивности очертаний, Грюн. К доку подполз Валехо.

– Жив, – удовлетворенно произнес он. – Еще кто?

– А? Да… я… Только что ушли Кирна с Грюном, – голос дрожал, Данике прокашлялся и уже тверже продолжил: – Остальных не видал.

– Ну, Владилена я отправил вытаскивать из трейлера Элейн с Декстером. Если есть чего вытаскивать. Да какой-то криворукий балбеснасилует наш пулемет. – Николас утерся ладонью, размазав по лицу пот и пыль. – Эта твоя штука еще работает?

– Не знаю, – виновато шепнул док (повсюду грохотало, кто-то орал, поэтому Валехо просто угадал сказанное).

– Выхода нет, попробуй. А япроверю, кто тут шмаляетнаправо-налево.

Инженер уже развернулся, когда его настиг истеричный вопль Данике:

– Фрай все подстроил!

– Не важно. Потом, – отмахнулся Валехо.

Док остался в жутком одиночестве. Он вынул лучемет и пополз. Залегши за валуном, Данике нацелил оружие чуть ниже размытого светового пятна, вдохнул, зажмурился и выстрелил. Стало темно. Когда док открыл глаза, он увидел поле боя, как на ладони: два громоздких БТРа, по центру и слева, крадущиеся фигурки солдат. Справа люди бессмысленно топтались, словно в нерешительности, у оплавленной вмятины в земле. Там раньше находился сбитый Данике прожектор…

По пещере опять выпустили несколько снарядов из пушки – выстрелы вспыхивали в жерле, выделяя кроваво-красным турель и бросая яркие блики на угловатое рыло бронетранспортера. Док навел на машину дуло кастета, розовый луч ударил в колесо, прорезал лобовую броню и заткнул черное отверстие орудия. На сей раз цель не исчезла – загорелась. Впрочем, этого было вполне достаточно.

А сразу после на голову Данике рухнул сколовшийся кусок свода, и он уже не почувствовал запорошивших спину мелких камушков.

**

Я вспомнила об аурах, которые не спрячутся ни в темноте, ни в пылевом или дымном облаке, едва подняла голову после обстрела. Все цыгане были живы. Справа от входа стоял остов экскаватора – Аксель притаился в ковше. Кирна с Грюном мелькали слева, за времянками рабочих. В трейлере копошились Владилен и Декстер, освобождая из-под завалов Элейн с ребенком. Данике по-крабьи раскорячился за грудой камней, а Николас, низко пригибаясь, бежал ко мне. Снаружи сновали мутноватые цветовые силуэты грусских.

– Кто тут долбит вхолостую?! – Ник грузно вскочил в кузов.

– Я прожектор кокнула! – слегка обиженно отозвалась я.

– Ага, и луну продырявила, – Валехо плюхнулся рядом. – Брысь!

Было не до споров, я откатилась и попыталась найти сменную ленту, но в бардаке на платформе это оказалось совершенно невыполнимой задачей.

Неожиданно картину рассек узкий угольно-черный надрез, ближайшая бронемашина затряслась, смазалась, словно засасываемая в пылесос, и испарилась вместе с экипажем.

– А-а-а! Поднажми, док! – заорал Ник и поднажал сам.

Прежде чемвсе внимание вражеских стрелков обратилось на нас, Валехо неплохо проредил цепь окружения. Мы спешно эвакуировались за секунду до того, как тягач запылал. Николасу попали в бедро. Данике поджег второй БТР, потом дока завалило обломками свода, но исхода битвы это уже не меняло. Немногие уцелевшие солдаты отступали, провожаемые ревом нагоняющего их Грюна и меткими выстрелами Акселя. Кирна расправлялась с командой последнего БТРа (если забывший закрыть башенный люк остолоп еще жив, он горько жалеет о своей ошибке).

Мы победили?! Да. Выиграли очередной бой с пешками. Наверное, теперь нужно ждать авиаудара. Хотя с лучеметомцыгане опасны и для самолетов, и вообще для все*г*о.

Взгляд мой упал на место гибели Туве. Там что-то шевелилось. Синие анима-нити напоминали паука, придавленного, но борющегося за жизнь. Медленно, как в дурном сне, я направилась к тусклому клубку. Тело дикарки *вос*ста*навливалось*, собиралось воедино. К сожалению, далеко не так эстетично, как в древнем фантастическом фильме про роботов, захвативших мир. Взамен скатывающихся капель металла, здесь пульсировала мешанина того, что составляет человеческий или тувячий организм. Из кровавой каши на меня пялился голубой глаз.

– Туве, я помогу тебе чуть позже, – прошептала я, с трудом подавив тошноту. – Или…

Выдернув из своего живота золотящуюся ниточку анима, я бросила ее жадно вытянувшимся «лапкам» Тувиной ауры и отвернулась.

**

Мистер Фрай негодовал. И причины для негодования у него имелись более чем весомые. Впервые за двести пятьдесят семь стандартных земных лет, которые он провел на службе, ситуация настолько вышла из-под контроля. Преждевсего сие означало, что Маки в обозримом будущем придется опять спуститься на Эос во плоти, прихватив заодно пушку потяжелее. Фрай ненавидел такие

вылазки и старался их избегать. Но сейчас обстоятельства вынуждали его.

Когда конкретно начались проблемы, Маки, к стыду своему, не засек. Собственные планы оказались слишком сложны и запутанны даже для него самого.

Он искусно очернял Феору и преуменьшал ее успехи перед директоратом НЛО. Он неспешно выдергивал кирпичик за кирпичиком из фундамента, на котором зиждился старухин авторитет, но чересчур рано предложил ее президентскому величеству «отпустить госпожу Слейер на пенсию», и девчонка, почуяв неладное, не захотела пачкать руки. Следовало просто подстроить несчастный случай! Эмили, дрянь, отправила на подлодку Хайда вместо Феоры. А ведь Фрай потратил гребаные сутки на его поиски в Саладо, отлов и передачу нлошным спецагентам. По первоначальному замыслу, Джонатан Хайд заменил бы Феору на посту и покорно выполнял бы всераспоряжения мистера Фрая в обмен на шанс увидеть свою ненаглядную рыжую дикарочку в добром здравии. Главное, умник разобрался бы с суперкомпьютером.

Фрай побаивался Аннабель, Феориного детища, и не безосновательно. Разумеется, туземцам было не под силу самостоятельно сотворить нечто подобное: по всем признакам, в основу электронного мозга легло аппаратное ядро древнего *земного крейсера*. И (словно одного этого мало!) впечатляющая интеллектуальная мощь ядрабыла упакована проклятыми дикарями соответственно. Попытка Маки подкорректировать начинку Аннабель походила бы на потуги специалиста по небулитовой тяге отремонтировать паровой котел. Скорее всего, закончилась бы она плачевно – случившееся на подлодке ясно давало понять, насколько Максимилиан Фрай не сведущ в паровых котлах, тележных колесах и прочей оскорбительно примитивной машинерии. Вместе с тем Аннабель вполне могла обнаружить эмиссарский челнок, а обнаружив – серьезно осложнить Маки жизнь, и так в последнее время непростую. Поэтому он, Фрай, не решался схватиться с Феорой в открытую. Ему совсем ни к чему было лишнее внимание.

Кроме того, несвоевременная гибель госпожи Слейер удалила бы со сцены НЛО, которому еще предстояло внести изрядную лепту в славный пожар новой мировой войны. Да-да, Феору нельзя было

убивать сразу, прежде – *изолировать*, оттеснить от кормила правления, подыскать замену. Фрай почти сделал это! *Почти*.

Почему он не уговорил Эмили оставить Хайда в Новом Ошингтоне? Вот она – ошибка! Упущен идеальный момент (и инструмент) для устранения Феоры, пропал шанс свалить захват подлодки и последующую ядерную бомбардировку нлошных территорий на грусских, якобы оказавших помощь КСГ. Но пуск ракет тоже провалился! Отныне перевернутая субмарина будет лежать на отмели до скончания веков, погружаясь в песок и взбадривая околоток повышенным радиационным фоном. Очередной опустошительный конфликт так и не завязался – спичку, поднесенную к запалу, опять игриво задул ветерок. Потому что кое-кто загодя не прикрыл ее ладошкой.

Ошибка за ошибкой.

Почему на подлодке рыжая дикарка заметила Маки, укрытого маскировочным пологом? Фрай скрепя сердце признался себе, что порядком струхнул, когда она набросилась на него. Пришлось покинуть поле битвы, так сказать, сохраняя боевые порядки. Или все-таки позорно бежать, втаптывая в грязь собственные знамена?! Теперь северяне одолевали конфедерацию фермеров, скотоводов и крутых парней без применения оружия массового поражения. А если Феоре затем вздумается *не воевать* с Гроссией?

От этой мысли Фрая прошиб холодный пот.

Конечно, ему удалось разобраться с эстарийскими дронами, и удалось неожиданно легко. А ведь они являлись основной проблемой! Однако предательский голос в глубинах фраевского разума скептически оценивал сей триумф. По его мнению, победу обеспечили не выдающиеся навыки Фрая в области манипулирования людьми, а *случай.* И если это правда, то Маки пора на пенсию.

Оставался асгард. Находка древнего титана, погребенного песками, смахивала на главный приз. Или нет? Гроссийскому царю Маки не верил. Засранец был излишне хитер и, небось, еще попытается выкинуть фортель-другой. А ему, Фраю, придется угадывать, какой именно. Одно точно – грусский правитель, кроме прочего, жаден и, убедившись в силе чудища, не удовольствуется Гатаем. Но Маки до сих пор не знал, сумеет ли он заставить асгарда выполнять свои приказы. Если не нет, то через пять месяцев, когда

откроется прыжковое окно, двадцать пилотов, сотня инженеров да сотня солдат, десяток рыцарей и куча дорогостоящего оборудования застрянет здесь на веки вечные в компании Маки Фрая, старого неудачника. Хотя асгард мог добраться до них раньше, квалифицировав как угрозу, – Фрай слышал о таких случаях. Проклятая древняя техника проклятых *древних землян* ненадежна и опасна.

Голова трещала от всех этих «если», «наверное», «когда-нибудь» и иже с ними. Мозг требовал определенности, а палец сам тянулся к панелям управления турболазером. Да только фокус ведь и состоял в недопустимости огульного применения чудной машины разрушения. Прошлый выстрел истощил ресурс корабельного небулитового реактора на треть, теперь небесный огонь мог низвергнуться на грешную Эос лишь раз. Не говоря о том, что пустотные щиты челнока вместе с системой маскировки сидели отныне на голодном пайке. И это когда Аннабель все еще в руках Феоры!

Итогоу мистера-фантома-в-головах-сисястых-красоток сохранился единственный козырь. И применить его следовало с умом.

Задачка не из простых, не так ли? Чтобы вернуться домой, мистер Фрай должен все подготовить для успешной добычи небулитовой руды. Если прибывшим удавалось поставить дело на поток, они монтировали прыжковые врата, запитывали их энергией добытых кристаллов, и – *гопля!* – цивилизация делала еще один шажок. О нет, речь не шла о возвращении *на коне, во* всем *белом*, на самом деле они заявятся на родину грязные, потные и измученные. Воротца поглощали немыслимое количество небулита – в среднем на его выработку уходило порядка трех стандартных лет. Положим, удастся найти источник, тогда получится обернуться за год. Но все это время инженеры и их техника будут крайне уязвимы – даже оборванцы с автоматическими винтовками способны испортить предприятие. Вот почему так важно превратить их в оборванцев с дубинками и каменными топорами, потом отнять и то, и другое, и загнать в шахты.

Фрай развалился в кресле и зевнул. Ну чего он волнуется? Он бил дикарей десятки раз. Глупых дикарей, умных дикарей, *любых дикарей*. Максимилиан Фрай, Семя Земли, мудрец и везучий шельмец, еще не проигрывал.

Он собрался налить себе ванну, выпить пивка, но голос бортового компьютера (приятный женский, как и положено) вынудил его отказаться от заманчивых планов.

– То есть как всех перебили? – Фрай подивился незнакомым ноткам оторопи в своем голосе. – Я же велел ему сдаться...

Или он переоценил влияние Данике на друзей, или произошло нечто совсем уж невероятное. Очередной «безупречный» план рухнул в мгновение ока, как карточный домик от дыхания не в меру любопытного зрителя.

Но сбрасывать карты было уже поздно. Не страшно! Маки удовольствуется теми, которые держит в руках. Он тоже умеет *импровизировать*!

**

Феора встала с постели и старчески покряхтывая поплелась к раковине. Пока струя чистой прохладной воды неспешно наполняла стакан, Фео могла вволю поразмыслить о своем стремительном падении. Времени для этого у нее теперь предостаточно, куда больше, чем необходимые для наполнения стакана минута-полторы.

Мистер Фрай, кем бы он ни был, ловко, мягко, *незаметно* оттеснил ее от рычагов власти. Пока Феора с головой погрузилась в кампанию по присоединению южных территорий, интриган подтачивал древо ее влияния у самых корней. В круговерти событий, пытаясь объяснить пустоголовым генералам, скупым директорам и инфантильному президенту, почему овладеть территориями Конфедерации Свободных Городов следует максимально бескровно и уж точно без применения ядерного оружия, Феора не замечала, как из ее окружения исчезают верные ей люди. Или, правильнее сказать, *верные здравому смыслу.* Желание некоторых горячих голов в директорате и армейском командовании устроить среди ополченцев-фермеров кровавую резню, а плодородные поля КСГ превратить в радиоактивные пустоши,полностью выходило за рамки здравомыслия.

Стараниями Ф. К. Слейер, директора прогресса, науки и техники (которой, по идее, должно заниматься совсем другими делами), неделю назад в Эль Саладо был подписан мирный договор. В соответствии с ним Конфедерация Свободных Городов переставала существовать как государственное образование, а ее серебряные стандарты (в недавнем прошлом – ложки и подсвечники) изымались из обращения. Мигель

Торрес черканул под документом невнятную закорючку, которая, по сути, не значила ничего, а затем пожал морщинистую руку Феоры – и вот это уже стало реальным скреплением достигнутых соглашений. Один из последних выживших крупных лидеров КСГ оказался вполне рассудительным человеком, способным достойно принять поражение, подчиниться неизбежному, даже *пожать руку женщине.* И спасти тем самым сотни жизней, удержав войска НЛО от дальнейшего наступления, а своих соотечественников от партизанской войны. Тактический экзоскелет – отличная штука. Даже в столь ничтожном количестве они обеспечили Новому Лармериканскому Объединению уверенную победу над превосходящими (но кое-как вооруженными) силами противника. Однако экзоскелет не поможет тебе, когда ты засел в дощатом сортире, а бывший охотник на сурков, переквалифицировавшийся в охотника на людей (ведь бравые солдаты НЛО сожгли его дом, убили его друзей и лишили работы, разорив фермы на десяток километров вокруг), целится тебе в голову из тяжелого арбалета. Через окошечко в виде, мать его, сердечка.

Феора поглядела на часы и осушила стакан. Вода... Ей теперь впору начинать утро с виски. Как хорошо, что мерзавец Конрад не сумел прикончить Торреса. Но лично для нее сие радостное событие не изменило ровным счетом ничего.

Как только она прибыла с передовой, завершив переговоры, ловушка захлопнулась.

Думаете, ей сказали спасибо? Нет. Хотя благодаря ей, Феоре, война закончилась на пару месяцев раньше, и призракголода перестал тревожить обитателей подконтрольных НЛО территорий. Вместо того со всех сторон раздавалось злобное шипениезавистников, коих Фео за девяносто девять лет жизни приобрела великое множество. Так она узнала о своем «предательском сговоре с врагом», о необходимости войны «до победного конца», о «поруганной чести лармериканской армии»... На банкете по случаю победы (куда Феору все-таки пригласили) президент пожурила старуху за «слишком мягкие условия мира».

Раздавлена, сломлена, унижена, *уничтожена*. Нет, слова не отражали в полной мере переживаний Феоры. Даже Аннабель – и та предала ее. Вздорная девчонка жаждала *выполнить свое предназначение*. А им была война. Именно поэтому суперкомпьютер

едва ли не с ликованием воспринял известие о начале гроссийской кампании.

Феора Катарина Слейер – развалина, ископаемое, осколок мира болтовни и полумер. Современность нуждалась в бескомпромиссности, решительности, жестокости. Нечто подобное ей на днях ляпнул напыщенный сорокалетний полковник. Очередной сосунок, ничего не знающий о настоящей войне. О городах, обращающихся в пепел за доли секунды, о солнце, померкшем на долгие десятилетия, о вкусе жареной крысы.

Старуха наполнила стакан вторично. Почему Фрай до сих пор ее не прикончил? Похоже, она более не представляла для его планов опасности. Вчера президент потребовала у нее карту-ключ, подтверждавшую приказы для Аннабель. Раньше Эмили доверяла Феоре ставить точку в своих распоряжениях, равно как и прислушивалась к ее советам… Теперь у президентского величества появился новый фаворит.

Чего же добивался мистер Фрай? Кто он вообще такой? Но Феора упустила момент, когда имела право задавать вопросы и получать ответы. Отныне ей дозволяли знать самую малость – скоро начнется четвертая мировая война. И если у Гроссии осталось ядерное оружие и люди, способные его применить, война *последняя*. Феору ужасала безалаберность, с которой люди, пережившие пожар, чиркали спичками.

Ох, если бы Джо очутился здесь! Вдвоем они точно что-нибудь придумали бы.

Но Джо, как и посланные за ним агенты, бесследно исчез.

И начал ей сниться. Снова и снова Воображаемый Джонатан Хайд приходил к ней и убеждал связаться с его друзьями посредством телефона, некогда принадлежавшего Генри Свирфу. Как же давно это было! Нанодоком из занюханного городишки неподалеку от руин Нью-Лорка, наверняка уже кто-то воспользовался... Хорошо, если так, ведь его могли, как в старом глупом анекдоте, сломать или потерять.

Сегодня сон опять посетил ее. Почему бы не последовать совету? Глубокая старуха, лишившаяся всего своего влияния, утратившая надежду оставить после себя процветающее государство и достойный жизни мир, она ничего не теряла. Феора протянула руку и открыла ящик стола – легкомысленный телефончик с надкусанным ананасом на

корпусе лежал там. Покопавшись в электронной записной книжке, она нашла номер и нажала кнопку вызова.

Глава 21

Восточный горизонт неумолимо светлел. Пыль и дым еще не улеглись, на местесражения тлел бронетранспортер. Никто из нас пока не успел до конца осознать произошедшего.

Док двумя выстрелами из крохотного фраевского кастетика уничтожил два БТРа. Один из них бесследно исчез вместе с экипажем, в другом зияли оплавленные дыры. А неподалеку от импровизированного лазарета, где Владилен Михайлович неистово скакал вокруг пациентов (его аура напоминала разлохмаченный солнечный клубок), сидела Туве, в услугах спиртового знахаря не нуждающаяся. От дикарки шарахались, то ли страшась неведомой силы, вернувшей ее к жизни, то ли не желая наступать в лужи ее крови. Меньше часа назад Тувино тело изорвало на куски, размололо в кашу – и хоронить-то нечего было, – а теперь только кое-где алели ссадины. Сама девушка объясняла случившееся так:«Тот, чье сердце превратилось в камень, не живет, но и умереть не может». Реальность трещала по швам, и даже Данике с Николасом не пытались загнать ее в привычные рамки. Нынче и моя бесстыдная удачливость перестала казаться фантастической.

Помимо воли насвовлекло в дела, которые по плечу лишь персонажам старинных комиксов и фильмов. В том-то и заключалась проблема – мы совсем не герои, и это вам не гребаная киношка! К нам не придет на помощь *бог из машин*ы, никто не гарантирует нашей истории счастливую развязку. Ох…«машинобоги», обитавшие на Эос, моими стараниями отправились в небытие

Что дальше? Вопрос занимал всех. Данике требовал захватить ангар, самим взрастить ииспользовать таинственное чудище. Доково предложение встретили в штыки.

– Ну поднимешь ты кадавра, а кто гарантирует, что он подчинится тебе, полководец?! – Николас повторялся.

– Ваше стремление угробить его – дикарство! Это создание нужно исследовать! – выпалил док.

– Раскурочить наши автомобили – вот дикарство! – заорала в ответ Кирна. Враз обнищавшая после побоища, она страстно жаждала

крови того подонка, который послал сюда отряд.

– Да вы свихнулись? Мы чудом уцелели, а вы опять лезете на рожон! – божественный зов разума, транслируемый через пухлые губки Элейн, ввинтился в диалог.

– Чика права. Не суйте носы в гнездо осы, – поддержал Принцессу Декстер, лелеявший мечту вернуться на острова.

– Уже сунули, – пробубнил Владилен. Дед присел на корточки, хрипло вздохнул и принялся чертить в пыли пальцем – вышел человечек, подпирающий головой облака. От лица Птицын провел линию, в конце которой пристукнул кулаком. – Асгард – оружие древних землянцев. Его сотворили для войны против – как их? – драугларцев и финдаианцев.

– Люди придумывают себе богов и демонов, а затем тщатся их превзойти и обуздать, – раздался глухой Тувин шепот.

Николас поморщился.

– Ага, мы вновь добрались до мистики, – процедил Данике. – Хрен с вами, демон так демон. Сойдет и он! Натравим землянского монстра на землянского гостя. То-то Фрай удивится. Если успеет.

Все оторопело примолкли.

**

Потерев ладонью глаза, Владилен встал и пошлепал к руинам трейлера.

– О да! Хочешь напиться и забыться? – ехидно спросила Бэлла. – Твои, вон, родственнички со вчера как свиньи – только хрюкают, а я за них отдувайся – присматривай за тобой, алкаш. Банка с самогоном цела – закатилась под кровать.

– Асгарда можно одолеть? – Птицын выплюнул, наконец, свербящую в мозгу мысль.

– Валенками потоптать, да шапками закидать! Не знаю я! – огрызнулась Бэлла. – Мою планету такая тварь сожгла за час. Валить отсюда надо, валить!

– Ну, тогда вали и не мешай, – буркнул Владилен и выудил заветную банку.

**

– Мэйби, у тебя фонарь погас, и я ни фига не вижу, – привлек мое внимание Аксель. – Как бы ни решили, вот эта крошка по-любому пригодится!

Цыганин похлопал по стволу пушку, которую чинил по подсказкам Ника.

– Опробуем ее? – задорно предложила я.

– Хэй, испытатели! – крикнул Валехо. – Направьте-каэту балду в небо!

– Эй, а мы небесный купол не пробьем? – Аксель хмыкнул.

– Главное, чтоб обратно не срикошетило! – я поперхнулась смехом.

– Точной возвратной траектории не получится, – серьезно проворчал Николас.

Аксель вжал гашетку – снаряд полетел ввысь, искать свою неведомую цель.

– Я не ошибся – всего лишь перегрев, – удовлетворенно заявил Ник.

Теперь следовало погрузить в БТРуцелевший скарб. Оказалось непросто уложиться в тот минимумжизненно необходимых вещей, который влезал в машину. Каждый пытался отвоевать побольше места под собственные манатки. Элейн лишили права голоса, едва она вытащила свои невредимые чемоданы.

Почти все, так или иначе, принимали участие в сборах, поэтому подкативший броневик заметили далеко не сразу. Впрочем, навести на незваных гостей орудие – дело пары секунд.

**

Придвинувшись к Данике, Николас шепнул:

– Док, в лучемете есть передатчик?

– Да. – Док нахмурился и повесил голову. – Фрай о многом знает. Я надеялся на выгодное сотрудничество, надеялся на возрождение цивилизации.

– Я подозревал. – Валехо посопел. – Выброс-ка ты эту штучку, док. Наверняка с ее помощью он нас отслеживает.

Данике хотел возразить, но вместо того кряхтя поднялся. Как ни странно, ожидаемой боли в теле не было. И впрямь Владилен не просто так прыгает да воет. В десятке метров площадка перед пещерой обрывалась – внизу раскинулся котлован, опоясанный широкой спиралью дороги. Размахнувшись, док зашвырнул кастет туда. Вот так – в черную ямину низверглись его чаяния. Хлопок – на дне

мигнула розовая вспышка. От удара, что ли, взорвался? Опасная игрушка…

**

Мистер Фрай пощипал себя за мочки ушей, с силой сомкнул веки, втянул раздутыми ноздрями воздух. Сейчас он покажет цыганским выродкам! Тили-тили, трали-вали, зря вы Маки докучали. Фрай резко выдохнул – хаааааа! – и отбарабанил на панели ключ к программе самоуничтожения дезика.

**

Грюн был доволен –нынешняя битва достойна песни, хотя снова все подпортили грохоталками. Зато в этот раз нашлось время для сбора черепов. Почему-то его друзья пренебрегали ценными трофеями, позволяющими без слов демонстрировать воинскую мощь. Правда, связка черепов становилась чересчур громоздкой... а хижины, где они возвышались бы в почетном углу, нет. Нет и женщины, которая усердно хранила бы семейный очаг. Значит, враги лишатся больших пальцев или, может быть, ушей.

Неожиданно Грюн почувствовал легкую вибрацию земли под ногами. Похоже, к лагерю приближалась одна из тяжелых самоходных повозок – *машина*. Однако после ночной бойни дикарь не особенно волновался. Они победили три железные колымаги, так с одной уж точно справятся!

Трехколесный уродец, напоминающий громадного жука-носорога, затормозил в нескольких метрах от Грюна. Здоровяк вальяжно выпрямился и упер в бок кулак, в котором держал за волосы только что отрубленную голову. Во второй руке Грюн пару раз подбросил топор. В задней части механического насекомого открылась дверка, оттуда ловко выскочил сухощавый мужчина. О, таких Грюн за последнее время навидался предостаточно! К ним пожаловал офицер гроссийской армии, с богатыми погонами, в свежем мундире и начищенных сапогах. Мужчина поправил очки, обвел поле боя внимательным взглядом и направился к Грюну. Странно, ни малейшего страха, ни растерянности не было заметно в лице гостя, он даже бровью не повел. А вот дикарь забеспокоился. Цивилизованные люди наделяли разрушительными свойствами самые безобидные с виду предметы. Вот, к примеру, кастет Данике или эчеверийский

полудохлый кит. У незнакомца имелся при себе плоский блестящий чемоданчик.

– Кто тут главный? – строго вопросил офицер, бесстрашно встав перед Грюном.

– Я! – рявкнул варвар и обнажил зубы в ухмылке.

– То есть, вы отвечаете за все произошедшее здесь? – с нескрываемым удивлением уточнил визитер и, обернувшись к своему «жуку», крикнул: – Ну-ка, ребята, разберитесь с главным!

Из нутра машины высыпали солдаты; одни ринулись к Грюну, другие – нацелили на него и на фигуры у входа в пещеру палки-грохоталки.

– Кто виноват – хороший вопрос, но мальца запоздалый, – вмешался Аксель.

Послышался скрип – голова захваченной цыганами повозки, оснащенная *очень длинной* палкой-грохоталкой, повернулась.

– Ага, значит, силач слегка... преувеличивает свою роль, – тонкая улыбка прорезала лицо грусского. – Спокойнее, я лишь курьер. У меня для вас сообщение.

Аксель спрыгнул с высокого борта машины и сопроводил визитера к Николасу с Данике. Туда же подтянулись прочие таборчане за исключением самого Грюна, оставшегося меряться взглядами с поскучневшими солдатами, и Мэйби, засевшей внутри боевой повозки. Дикарь не на шутку расстроился из-за того, что его лишили статуса вожака, а сейчас еще сорвали отличную возможность пополнить коллекцию черепов. Немного поиграв мускулами для устрашения, Грюн рыкнул на противников (не напугав их, а скорее озадачив) и отправился чистить трофеи.

**

Между тем офицер разложил на валуне свой чемоданчик, оказавшийся ноутбуком, нажал несколько кнопок и подвинулся. Аксель напряженно наблюдал за манипуляциями гостя, не вполне, впрочем, понимая, какую именно подлость мог задумать человек с переносным компьютером. На экране мелькнула круглая усатая харя, потом пробежали помехи, и снова возник тот же тип.

– Генеральный Царь и Великий Секретарь Всея Гроссии, Микита Евгеньевич, – гаркнул офицер и вытянулся в струнку.

Некоторое время изображение не двигалось, позволяя в полной мере оценить «собеседника». Физиономия государя на всех произвела отталкивающее впечатление. Элейн же, не сдерживаясь, охнула: «Ну и прощелыга!» Наконец картинка дернулась и ожила.

С монитора на цыган насмешливо взирал пожилой мужчина. Его редкие волосы, зачесанные назад, открывали обширные залысины на лбу. Вокруг глубоко посаженных глаз, обрамленных набрякшими веками, лучиками расползлись морщинки, придавая им выражение добродушного лукавства. Правда, из глубины зрачков в эти моменты словно шипы высовывались. Нос и губы утопали в пышных, неухоженных и желтоватых от табака, усах. Периодически мелькавшие из-под них крупные зубы делали правителя похожим на ощерившегося пса. Подбородок и щеки самодержца покрывала сивая щетина. Когда он говорил, щеки часто поднимались вверх и в стороны вроде бы в улыбке, выталкивая внешние уголки бровей и сморщивая крутой лоб, как голенище сапога. Хотя на самом деле это означало лишь, что Микита готовился изрыгнуть очередную хулу. Речь свою глава Гроссии пересыпал бранью, не скупясь, как трактирщик – сухарики солью. Голос царя, неприятно скрипучий и высокий, лился на одной ноте, изредка взвизгивая в конце фраз.

– Вам, верно, меня представили, однако повторение – мать учения. Я – Генеральный Царь и Великий Секретарь всея Гроссии, Малыя, Белыя, Финския и Азиатския тож, – произнес он, веско выделяя каждое слово. – Вы же, детишки, безвестные занозы в жопе. Точнее, вам кажется, будто никто о ваших похождениях ничего не ведает. Огорчу. Я, мать вашу, прекрасно осведомлен, чего мне стоили гастроли ебаных цыган. А я, блять, вас не приглашал! – властитель почесал висок пальцем, сверкнув широким золотым перстнем. –Но вам удалось меня впечатлить. – Микита нарочито неспешно поаплодировал. – В общем, так, ребятушки, в этом мире есть два пути: со мной или в могилу. И уверяю вас, прикапывать не в меру горячих мальчишек и девчонок я умею великолепно. Нет-нет, я вас не пугаю, просто излагаю факты. Кстати, виновники ночного безобразия уже наказаны. Мудак, подвергший опасности ценные людские ресурсы в вашем лице, заплатил сполна. А вам, голубчики, я предлагаю выступить на моей стороне. В долгу не останусь.

Картинка замерла, цыгане глазели на ощерившуюся рожу царя. Аксель закусил ус. Микитины посулы, как гусь в небе – хоть и жирный, да хрен добудешь.

– Государь не приемлет отказов, – намекнул офицер, складывая ноутбук.

– И тем не менее нам нужно подумать, – заявил Данике, полностью разделявший сомнения Акселя насчет безопасности такой службы и последующего вознаграждения за труды. Цыганин потер шею, док, заметив жест, согласно кивнул и уточнил: – У нас есть часа четыре?

– Целых пять – царь щедр.

– Хорошо, значит, в полдень на въезде в город.

Офицер откланялся. Дурацкий трехколесный броневик тронулся и немного погодя скрылся в облаке пыли, позолоченном лучами восходящего солнца.

Неожиданно где-то затрезвонил телефон.

– Эй, кому тут названивают? – крикнула Мэйби, выбравшись из БТРа с сотиком в кулаке.

– Это телефон Натанчика, – пролепетала Элейн.

– Я его в твоих вещичках нашла, – Мэйби хихикнула. – Обокрала муженька?

– Ответь ты уже! – завопил Николас.

– Хм. – Мэйби, шмыгнув носом, нажала кнопку соединения. – Алло?

– Позови кого-нибудь из взрослых, деточка, – раздался из трубки женский голос.

Вокруг все прыснули со смеху.

– Давай, крохотуля! – поддразнил Декстер.

– Эй! – возмутилась Мэйби, но трубку перехватил подбежавший док.

– Да?

– С кем говорю? – поинтересовалась неизвестная.

– У меня аналогичный вопрос к вам. Однако проявлю вежливость. Я – Данике, – многозначительно произнес док.

– Доктор Данике? – послышался сухой смешок. – Один из спутников Джонатана Хайда. – Дама не спрашивала, она утверждала. Цыгане стали весьма популярны на Эос. – Вас приветствует Феора

Катарина Слейер, директор прогресса, науки и техники НЛО. Впрочем, моя должность не важна.

– Чем обязан? – Данике вздернул брови.

– У меня есть для вас предложение, но обсудить его я хотела бы при личной встрече. И как можно скорее.

– Учитывая нашу занятость… – промямлил Данике. – А главное, отдаленность нашего местоположения от территорий НЛО…

– Где вы находитесь, я в курсе.

– В этом мире каждая шавка знает где мы? – тихо процедил сквозь зубы Аксель.

Николас сердито фыркнул.

– О! Тогда в полдень на въезде в Блумдезет, у бензоколонки «ПиБи», – после краткой паузы назначил док.

– О’кей.

Феора прервала связь. Цыгане задумчиво уставились на черную коробочку на ладони у Данике.

– Ты – хренов самоубийца! – объявила Кирна.

– Такой же, как Мэйби, вломившаяся в шахту, – ответил док. – У нас есть информация о секретном грусском оружии, которая послужит гарантом нашей безопасности. Для НЛО – заманухой, для царя – сдерживающим фактором. Мы будем шантажировать обе стороны. Я отправлюсь на переговоры, а вы тут посидите наготове. Кроме того, мы получаем шанс выяснить роль мистера Фрая в государственных аппаратах НЛО и Гроссии, публично обличить его двойную игру…

– По-моему, мистер землянин не преминет вмешаться, – заметил Аксель.

– Док, я с тобой! – бухнула вдруг Мэйби.

– Куда собралась? – с угрозой рявкнул цыган, резко обернувшись к девчонке.

– Аксель, у нас нет выбора. Влезши в костер, не кричи «горячо»! Неужели ты взаправду надеешься отделаться легким испугом? Далеко мы умотаем до полудня? И в какую ямку схоронимся, когда гроссийский младенчик научится ходить? Фраю мы покамест зачем-то нужны. Иначе стал бы он так долго нас терпеть? Или у него пока нет возможности нас кокнуть, или он и впрямь помер, как некоторые считают. – Мэйби перевела дыхание и закусила губу.

– Чш-чш-чш, – встрял в назревающую перебранку Ник. – Акс, несмотря на мою рекомендацию приковать девку к чему-нибудь тяжелому, чтобы она не творила глупостей, сейчас я отпустил бы ее. Ну кто еще обеспечит, – Валехо замялся, – *удачное* завершение этого мероприятия?

– Аксель, Колесо уже однажды раздавило Мэйби, и ты, находясь в нескольких шагах, не сумел спасти ее, – тихо обронила Туве. – Вселенная жестоко покарает людей за пробуждение демона.

– Кончай нагнетать, рыжая! Мы прикроем их. – Кирна подошла к беседующим с винтовкой, извлеченной из груды пожиток у колес БТРа. Она хлопнула цыгана по плечу и добавила: – Иди, достань пулемет из-под обломков. Надеюсь, тебе не нужно объяснять, как пользоваться большим стволом?

Аксель вздохнул, хотел что-то сказать, но, махнув рукой, направился в пещеру к разгромленному табору. До отъезда они с Мэйби не перемолвились ни словом. Только когда девушка села на мотоцикл, цыган приблизился и коротко обнял ее.

**

Жизнь наша состоит из совпадений. Несмотря на это, зачастую они остаются незамеченными или выступают в роли сиюминутных мелких радостей и печалей. Однако иногда незначительные на первый взгляд детали способны развернуть историю в совершенно неожиданную сторону.

Вот, например, привычка Натана Дриббла заряжать электронные устройства при любом удобном случае. Кто знает, как все обернулось бы, не ответь мы на звонок Феоры? Телефон покойного Генри Свирфа путешествовал в караване почти год, благополучно уцелев в передрягах, из которых не все из цыган вышли невредимыми. Мне неведомо, к лучшему ли, к худшему Натан зарядил сотик в Содерсэте и забыл его в трейлере. В какой-то момент я перестала воспринимать происходящие с нами удивительные события как простые совпадения, почувствовав могучую направляющую руку... Судьбы, Вселенной или иной силы, преследующей свои, непостижимые для нас, цели. Ощущение не из приятных, учитывая склонность этой руки давить нерасторопных и непонятливых. Не говоря уж о том, что в игре по-крупному принято жертвовать малым. Но для нас это «малое» означало куда больше, чем для движущих нами сил.

**

Мы с Данике прибыли на место первыми, невзирая на многочисленные потуги «юрала» перевернуться. Док всю дорогу молчал, обдумывая, наверное, ход будущей встречи. Лишь на подъезде он удостоверился в готовности нашей поддержки. Из рации сначала донесся смех Кирны, пообещавшей пристрелить всякого, кто посмеет косо на нас взглянуть, а потом – сосредоточенное бурчание Ника, вырулившего в БТРе на позицию.

Ого! Невдалеке бесшумно приземлился летательный аппарат, напоминавший*скат*а – морское чудовище, состоящее из крыльев-плавников и хвоста. На его разлапистом теле имелось пять веретенообразных утолщений: центральное – надо полагать, салон и кабина управления, остальные – судя по всему, полые. Именно такая штука застигла цыган врасплох у Орлиной горки в Кеблин-тауне. Машина почти сразу начала менять окраску, маскируясь под окружающую местность. Из нутра флайера выскочили три фигуры в уже знакомых нам бронекостюмах. Один из пришельцев двинулся к нам. Забрало шлема скользнуло вверх, открыв нашим взорам морщинистое лицо в обрамлении редких белых волос. Перед нами стояла директор прогресса и иже с ним НЛО собственной персоной. Ну, или в новой Лармерике всех бабушек снабжают подобными одеяниями.

– Вас должно быть больше, – заметиластаруха.

– Док, она у меня на прицеле! – весело квакнула рация голосом Кирны.

Дама нахмурилась, однако щиток на лицо не опустила. Нехилый признак доверия, между прочим! Хотя, скорее всего, она нас попросту недооценивала.

– Не нужно, – поперхнувшись, выдавил док в рацию, затем обратился к старухе: – Мы запланировали трехсторонние переговоры. Поэтому придется дождаться грусских.

Феора тихо ругнулась, шлем закрылся.

– Вы могли бы предупредить меня, – теперь ее речь искажалась динамиками.

– О, тогда встреча вообще не состоялась бы! – я усмехнулась.

– Мы предоставимвсем возможность, наконец, пообщаться. Не кажется ли вам, что мир чересчур близко подступил к очередной

войне? – Данике строго посмотрел на старуху. – Мы волей случая играем роль замкового камня: выбьешь – и арка рухнет, сдвинешь в сторону – и конструкция зашатается. Это, правда, совсем не означает, будто мы не печемся о собственной выгоде...

– Вон, кстати, третий участник, – пробормотала я, увидавжукообразный броневик, выезжающий из города. Автомобиль затормозил.

– Я облегчу вам выбор! – даже через динамики просочилась угроза, вложенная Феорой в это заявление. – Полфри, позаботься о гостях!

– Идиотка! – заорала я. – Из-за упрямства таких, как ты, Эос уже горела однажды!

– Ты ничего не знаешь о той войне, девочка, – жестко парировала старуха. – Восторженные дурачки тогда тоже наложили ручонки на красные кнопки. Ну да ладно. Отставить, Полфри.

Гроссийские «дипломаты» не рискнули – броневик развернулся и помчался под укрытие городских стен. Кирна хотела приостановить отступление грусских, выстрелив по колесам, но Данике воспротивился. В общем-то, уже и смысла не имело кого-то тормозить.

– Итак, альтернативы у вас нет, – прокомментировала Феора. – Мое предложение спасет вас от возмездия царя и, кроме того, удовлетворит вашу неуемную, безумную и заразительную жажду спасти Эос. На моей памяти, со времен возрождения правительств вы единственные попытались организовать круглый стол. Только все без толку. – Она снова убрала щиток с лица. – Президент НЛО попала под влияние одного из советников,да и кабинет директоров у него под каблуком. Он подстрекает крешающему шагу – применению ядерного оружия…

– Уж не Фраем ли его зовут? – поинтересовалась я.

– Максимилиан Фрай… – изумленно подтвердила Феора.

– Похоже, вариантов действительно нет, – подытожил Данике. – Есть ключевая фигура.

– Открывается сезон охоты на фраев? – ляпнула я с напускной бравадой.

– Надеюсь,мы окажемся умнее, – Данике глянул на меня. – Или удачливее.

**

Как я и предрекала Акселю, цыгане лишились всего. Нажитое непосильным трудом валялось на земле вокруг БТРа. Флайер и так забили под завязку. Аксель, Грюн, Тушкан и Кирна жались в проходе, держась за поручни под потолком, сонного Владилена устроили на полу у кресел пилотов, Туве и я сидели на коленях *экзоскелетов*, остальные – между. Принцесса воров попыталась протащить на борт сейф для сына, но громоздкую штуковину (с весьма острыми углами, кстати) «высадили». Впрочем, ребеночек удовольствовался и пестрым шарфом, с помощью которого его прикрутили к матери. Как пить дать, если цыганка заметит мой багаж, хоть и крошечный, грянет скандал. Ну не могу же я свой дневничок (и еще кой-чего по мелочи) вот так бросить!

По пути Феора рассказала нам, что на сегодня назначено срочное внеочередное заседание кабинета директоров. При большинстве голосов «за» ракеты запустят незамедлительно. По словам госпожи Слейер, снарядов хватит и для Гроссии, и для Гатая. История повторялась.

Феора намеревалась сорвать заседание и… она была готова перебить всех присутствующих ради сохранения мира. Старуха говорила об этом, прикрыв глаза, почти шепотом, но в ее решительности сомневаться не приходилось.

–… меня еще хватит на пару месяцев – достаточно для формирования нового правительства. Вероятно, я даже сумею поучаствовать в дипломатической миссии, – закончила она.

– Госпожа директор, мне кажется наилучшим вариантом, если вы сами возглавите правительство. Есть же способы продлить вам жизнь – тот же нанодок… – брякнул Данике.

Феора вскинулась и прищурилась.

– Да, я искала его. А откуда вы знаете про нанодок?

– Нуууу, Хайд рассказывал… – принялся выворачиваться Данике, потупившись.

Я, откровенно признаюсь, не поняла, зачем док дразнит нашу «нанимательницу». Уж чего-чего, а лечебную капсулу Натан точно прихватил с собой.

– Ладно, не важно. Я предпочту умереть столетней старухой, а не молоденькой девушкой, – Слейер откинула голову на мягкую

подкладку шлема и улыбнулась. – Ох, не зря столько легенд посвящено цыганскому племени!

**

Течение времени, пусть и захваченное в плен падающих песчинок, вращающихся шестеренок, даже запутавшееся в переплетении тончайших проводов сверхточных хронометров, подчиняется своим собственным законам и только им. Иногда время словно топчется на месте или плетется еле-еле, иногда бодро движется вперед, а иногда мчится со стремительностью тайфуна, не давая пойманным в воронку остановиться и обдумать принятые решения.

Вероятно, время – отражение скорости вращения Колеса Вселенной. В тот самый момент, когда за последним из нас с тихим шипением затворился люк флайера НЛО, оно начало неумолимо набирать обороты.

**

К несчастью, полюбоваться захватывающими панорамами Эос мы не смогли – конструкция не предполагала даже крохотного иллюминатора, а кабина пилотов затянулась защитным «веком» поверх прозрачного фонаря. Практически всепять часов полета я безуспешно пыталась задремать, устроившись на твердокаменной груди госпожи директора, но необходимость иногда меняться местами с Кирной и крик младенца гнали сон поганой метлой. Разговоры не клеились.

Как ни странно, флайер не обстреляли с земли, нас не встретил суровый конвой – Феоре действительно удалось сохранить операцию в тайне. Еще в полете мы кое-как переоделись в форму спецслужб НЛО – в комбинезоны песочного цвета с орлами на спинах, береточки и высокие ботинки, в кобурах покоилось *табельное оружие*, «гретты» и «больты».

Грюн при выборе оружия проявил оригинальность. Еще под Блумдезетом среди строительного хлама мы обнаружили ржавую *бензопилу*. Николас со свойственной ему обстоятельностью не только отремонтировал инструмент, но и растолковал дикарю, что устройство предназначено для пилки деревьев. На это Грюн глубокомысленно заявил: дескать, подходит для стволов – сойдет и для голов. Наверное, дикарь начал проникаться цыганским духом, раз тоже принялся изъясняться нескладушками. Кирна тогда подлила масла в огонь грюновского любопытства, пообещав ему громы небесные и

срывающиеся с цепи молнии, и вот теперь дикарь преисполнился решимости увидеть чудо-оружие в действии. Без бензопилы он не хотел грузиться в флайер! Кое-как упросили его замотать лезвие брезентом. Всю дорогу Грюн бережно держал агрегат на плече.

Королевского Тушкана убедили остаться приглядывать за Элейн с ребенком и Владиленом (даже конченый кретин усомнится, что в ряды лармериканских солдат зачислили мутанта). Троицу вверили заботам пилота.

– Полфри, освободи экзоскелет для вон того джентльмена, – Феора указала на Николаса. – Можно обеспечить нас еще парочкой.

– Остальные вряд ли справятся с управлением, – проворчал Валехо, влезая на место щуплого прыщавого юноши, выбравшегося из операторских ремней. – Пулемету меня в руках не вызовет подозрений?

– Кхм… – бабка поперхнулась. – Вообще агенты имеют в своем распоряжении довольно внушительный арсенал, но там для этой пушки не найдется целей.

– Если целей не найдется, и стрелять в них не придется, – резонно заметил Аксель.

– Но непредвиденные обстоятельства слишком часто превращают даже завязывание шнурков в тяжелейшее испытание, – продолжил Данике, поправляя кобуру выданного «больта».

– Собственно, в том и заключается основная проблема, – задумчиво проронила госпожа директор, – ни я, ни преданные мне люди не умеем убивать. Я, конечно, расписала план действий, но…

– Я бы отсоветовал вам наблюдать за воплощением плана в жизнь, – усмехнулся Николас, опуская лицевой щиток.

Мы двинулись к входу в правительственный бункер. Пустынное поле аэродрома с редкими точками самолетов и ремонтирующейся башней управления полетами начинало нагреваться под лучами солнца, затянувшись по краю дрожащей дымкой. На севере виднелись руины четырех президентских лиц на горе Лашмор. Аксель подобрал меня неподалеку отсюда чуть больше года назад. Тогда весь его караван состоял из повозки и трейлера, а табор – из двух человек. Наша встреча стала точкой отсчета в истории «новых» цыган. У меня возникло предчувствие, что нынче будет сыграна финальная сцена. Хотя вроде бы ничего не предвещало…

– Заканчиваются цыганские гастроли, – грустно произнес Аксель.

– Турне удалось на славу, актерам пора в отпуск, – ответил Данике.

– Эй-эй, вы еще не спасли мир! – воскликнула я. – Не собираемся же мы действительно ждать, пока кто-то сделает все за нас!

– Хватит с нас идэнцев, – буркнул Николас.

**

Новоошингтонское убежище во многом напоминало шинкэтское: то же переплетение коридоров, многочисленные склады со стратегическими запасами все*го* необходимого, цепочки ламп, кое-где таинственно помигивающих, повсеместные пиктограммы и указатели. Разве что выглядели эти норы опрятнее. И патрули не дремали.

Как мы ни береглись, а налетели-таки на троих охранников. Благодаря Феоре предыдущие группы удалось обойти, но кто-то оказался хитрее ее.

– Стоять! – стражи вскинули оружие. – Поднимите забрала!

Слейер послушно открыла лицо.

– Госпожа директор, следуйте за нами, – потребовал патрульный. – Остальных тоже касается.

– Похоже, мой лимит доверия исчерпан, – растерянно прошептала Феора.

Едва уловив замешательство старухи, Кирна выхватила пистолеты и уложила двоих охранников, не успевших даже пикнуть. Николас ударом бронированного кулака проломил череп последнему. Ужителей пустошей быстро вырабатывается привычка наносить удар первым, а дальше... *кто правый, тот не утопнет.*

– Поспешим! – предложил Аксель.

Остаток пути мы проделали бегом с оружием в руках. Вход в зал совета располагался в тупиковом коридоре. По словам Феоры, обычно там дежурили парами, но сейчас можно было ожидать всего. На разведку отправили Кирну. Девица убрала пистолеты, расстегнула верхние пуговицы комбинезона и выпустила из-под берета волосы. Мы рассчитывали на типичность человеческих реакций. При появлении Кирны, например, мужики теряют способность связно мыслить, начинают глотать слюнки и потешно мяться, чтобы никто не заметил внезапного напряжения в штанах. Хотя, конечно, с почившей Тианой блондинке в этом не сравниться. Притягательность Кирны

весьма специфического толка – образ нежной кремовой красотки рассыпается после примерно тридцати секунд знакомства, а *сильные* женщины нравятся немногим мужчинам. К счастью, девице требовалось куда меньше тридцати секунд для двух ударов ножом.

– Эй, киска, пересменка только через час! – весело крикнул один из стражей.

Легко вообразить, как жадно шарили его глаза по фигуре пришелицы.

– Сегодня там, наверху, сами не знают, чего хотят, – смешливо ответила Кирна. – То прикажут, то отменят…

В следующее мгновение все уже было кончено. До нас донесся только булькающий хрип и звуки падения тел. Путь освободился.

– Здесь что-то не так, – предупредила Туве, озираясь, но ее слова напрягли только меня.

Остальные ринулись к дверям. Туве шла медленно, ведя по одной из стен пальцами, – точно пыталась «поговорить» с предметами, как Владилен. Имелась одна странность: действительность помутнела, будто в банном пару, ауры еле заметно дрожали. Я кивнула Туве, и мы присоединились к друзьям.

– Оттуда есть второй выход? – спросила Кирна, склонившись к замочной скважине.

– Д-а-а… – протянула Феора, – за экраном.

– Тогда лучше бы его перекрыть. – Аксель повернулся к старухе за пояснениями.

Пришлось разделиться. Основная группа контролировала парадные двери, а Грюн, Аксель и я пробирались в тыл.

Секретный коридор начинался за металлической дверью со значком молнии и больше смахивал на вентиляционную шахту. Бедняга Грюн с трудом протискивался вперед, попутно проклиная всех недомерков этих неприветливых земель. Последняя преграда отъехала в стену, повинуясь манипуляциям с кнопками кодового замка.

В зале присутствовали одиннадцать директоров и дамочка, занимающая президентский пост. Кто-то из них получил свою должность по заслугам, кто-то по прихоти случая, кто-то завоевал теплое местечко, не стесняясь в средствах – обыкновенные люди, возомнившие себя вершителями судеб. Впрочем, и мы вели себя не

лучше, герои хреновы, спасители мира. Просто нас с ними разметало по разные стороны двери.

Нашим взорам предстали задняя стенка экрана, массивное президентское кресло, широкий стол и ноги сидящих за ним людей. А между нами и ними находился человек, от чьего присутствия у меня похолодело в груди. Фигура была *пу*ста – я не видела ее ауры, – Фрай словно бы прислал на совет куклу-двойника.

Тутпрезидент обратилась к директорам:

– Дамы и господа, приговор варварам на востоке вынесен. Я рада, что мы проявили единодушие, предлагаю незамедлительно пройти в центр управления…

Не раздумывая дольше, я выхватила из кобуры «гретту» и принялась палить. Одна пуля пробороздила край стола, другая угодила мистеру глюку впоясницу, третья пробила кресельную спинку. Потом на меня набросился Аксель.

– Мэйби, какого хрена?

Завизжав, госпожа президент опрокинулась навзничь вместе с креслом, прочие повскакивали с мест. Кто-то забился под стол, кто-то кинулся на помощь главе государства. В общем, панику я обеспечила… А Фрай исчез.

– Это захват! – раздался вопль Николаса, прерванный пулеметной очередью.

Затем оглушительно хлопнуло. Да, припоминаю – Кирна вытребовала у Феоры гранаты. Полыхнуло, помещение заволокло дымом, к нам в коридор влетела чья-то оторванная ступня в начищенном пижонском ботинке. Едва в зале прояснилось, нам открылось настоящее побоище: уцелела только мисс президент, защищенная добротным креслом, остальные члены кабинета директоров умерли или остро завидовали мертвым товарищам. Напольное покрытие будто бы щедро полили густым вишневым соком – очередная, *несущественная,* по сути, деталь.

У противоположной двери, закрывая ее собой целиком, возвышался Николас в бронекостюме, из-за него выглянула Кирна. Полагаю, у Валехо имелась в запасе пара эпитетов, характеризующих Кирнину манеру ведения переговоров (динамики экзоскелета уже выдали первое «еб тв…»), однако фразу он не закончил.

Я как раз освободилась от цепкого захвата Акселя и первой из нашей троицы проскользнула в зал, когда в стене рядом с парадной дверью пробило четыре отверстия. Снаряды застряли справа от меня в армированном бетоне. Позади матерился цыганин.

**

Едва Николас ворвался взал, где заседало правительство НЛО, Кирна, не дожидаясь окончания его «речи», швырнула гранату. Зачем? Во-первых, кто-то уже стрелял. Во-вторых, собравшиеся в комнате люди вызывали у девицы отвращение. В-третьих, Валехо потрясающе удачно встал – грех было не воспользоваться. Опасность инженеру не грозила – осколки бессильно отскакивали от его брони. И теперь картина произведенных взрывом разрушений прямо-таки ласкала глаз.

Странное шевеление на границе поля зрения (в коридор словно вплыла медуза) отвлекло блондинку. Она обернулась. В самый раз, чтобы увидеть, как Данике дернулся в финальном па предсмертного танца. Его прошило навылет, стену за ним – тоже. Силуэт «медузы» оформился во вполне человеческий – мистер Фрай решил поквитаться с цыганами. Причин для этого у него накопилось предостаточно: срыв неких планов в Куполе, нанесенные ему увечья и, наконец, вмешательство бродяг в большую политику. Но как наличие, так и количество резонов Кирну не волновало. Она жаждала видеть Фрая мертвым.

Блондинка резко развернулась, выхватывая «больты», и выпустила в говнюка все оставшиеся в обоймах патроны. Ответная стрельба раскрошила дверной косяк. От участи дока Кирну спасла безупречная скорость реакции. Вокруг Фрая возник мерцающий барьер, о который пули расплющились, попадав на пол безобидными металлическими лепешками. Его силуэт опять почти растворился в обстановке.

Позади послышались тяжелые шаги экзоскелета, прервавшиеся торопливым стрекотом пулемета. Коридор застлало туманом из бетонной крошки, осколков облицовочных панелей. Откуда-то ударила струя пара – не иначе Ник нарушил водоснабжение в чьей-то ванной. Ладно, хорошо хоть, не говнопровод прострелил. Валехо двинулся вперед. Кирна, перезаряжая на ходу пистолеты, устремилась следом.

Девица хотела крикнуть, что прекращать стрельбу неразумно, и Ник совершает типично любительскую ошибку – идет к убитому

противнику выяснять, насколько тот мертв. Однако предупреждение так и не прозвучало. Слева от головы Кирны, чуть не задев ухо, просвистело. В спине экзоскелета появились два отверстия в обрамлении лепестков раскаленного металла, а из рассеивающейся дымки вышел Фрай.

В тот же миг на него бросилась Туве, все это время жавшаяся у стены (блондинка приняла напряженность ее позы за вполне уместный ступор). На самом же деле дикарка готовилась к прыжку, выжидая, когда землянин поравняется с ней. Расчет оказался верен: Фрай попросту не заметил рыжую, отвлекшись на более опасные, по его мнению, цели. Туве сомкнула пальцы на шее мужчины и вцепилась зубами в щеку.

**

Максимилиан Фрай неумолимо приближался к своей цели и уже ощущал на губах пьянящий вкус победы. Легкий шум в висках подтверждал, что опытный авантюрист переволновался не на шутку. Впрочем, порой приятно малость понервничать, чуток захлебнуться волной адреналина. Как сейчас.

А ведь еще несколько минут назад он метался по челноку в припадке бешеной ярости, воя и сбивая кулаки о стены. Все вышло из-под контроля, *абсолютно*все, и он, Маки Фрай, поддавшись безумному порыву, в кои-то веки прибегнул к *грубой силе*. Зачем он цапнул гребаный рейлган? Скорее всего, пушка первой подвернулась под руку. Или это переполненное яростью подсознание требовало *кровавой* расправы? Попадание из рейлгана причиняло жертве боль, в отличие от дезинтегрирующего луча, в доли секунды превращавшего цель в разреженное атомарное облачко. Гребаные цыгане такой гуманной участи не заслужили! Эх, он не стрелял из рейлгана лет сорок! Глядя на чье-то бледное забрызганное кровью лицо за щитком примитивного силового доспеха, Маки решил отныне применять кинетическое оружие почаще. Пускай не столь эффективное, как лучевое, зато куда более *эффектное*. Иногда для обретения душевного равновесия нужны только грохот выстрелов и внутренности врага, стекающие по стенке. В данном контексте обретало смысл даже такое бестолковое оружие, как *пилотопор*.

Маки усмехнулся, направил рейлган в миленькое личико Кирны. Нажал на спусковой крючок, представляя себе разлет осколков черепа

(мозги в этой белобрысой башке навряд ли сыщутся), и… заверещал. Постыдно зашелся криком, словно недорезанный порось, вскинул руки и чуть не выронил оружие. Стальные иглы, выпущенные рейлганом, разворотили навесной потолок. Увлеченный веселой пальбой, Фрай и думать забыл о рыжей мрази. Девка вцепилась ему зубами пониже уха, и Фрай поклялся бы, что в силе сжатия челюстей она не уступит бультерьеру.

Боль пронзила голову, на глазах выступили слезы. Нет, мистер Фрай частенько получал увечья, не боялся их (благо на корабле имелась гостеприимно раскрытая регенерационная камера), даже щеголял парочкой шрамов. Но трижды позволить ублюдочным девкам застать себя врасплох?! Скорее по инерции, нежели действительно желая скрыться, Фрай нажал языком на зуб мудрости и перенесся в родной челнок. Он тут же ринулся к зеркалу: так и есть, рыжая откусила ему ухо и порвала щеку. Успела ведь!

– Засунь свою гордость подальше, Маки. Не стоит рисковать! – сказал Фрай своему отражению иотошел к экрану, на который передавались изображения с камер слежения в новоошингтонском убежище. Там, в одном из зеленовато-серых прямоугольников, была Мэйби. Роботы сделали ее удачливой, да? А что если ей не хватит удачи? Фрай, скрипнув зубами, оскалился. Пора уже сломать этот гребаный эстарийский талисман!

Бросившись к оружейной стойке, Маки обнаружил ее в совершенно разгромленном состоянии. Взглянув на забрызганный кровью (*его кровью!*) рейлган, он зло усмехнулся, сменил обойму и вновь активировал телепортационный луч. На сей раз он рассчитывал возникнуть прямо перед эстарийским отродьем и ее цыганским дружком. Мэйби изрядно задолжала Фраю, и он собирался взыскать с нее сполна.

**

Феора глазам своим не верила. Конечно, она нанимала убийц, ведь нынче настал логический момент для применения грубой силы. Однако подобного старуха, считавшая, что повидала на своем веку всякого, не ожидала. Даже спустя столько лет, пережив войну и Долгую зиму, она оставалась тепличным растением – стопроцентно цивилизованным человеком. Более того, сейчас ей приходилось потруднее, чем было бы лет эдак с семьдесят пять назад. Молоденькая

Фео обожала боевики и с удовольствием наблюдала за тем, как на экране накачанный герой-одиночка или команда сорвиголов выкашивает плохих парней из автоматического оружия, рассыпая вокруг блестящие гильзы и искрометные шутки.

С тех пор как Ф. К. Слейер начала свое восхождение к вершинам власти, она всего лишь дважды осмелилась встретиться с любимыми персонажами. Свидания закончились истерикамии грандиозным похмельем. Феора оплакивала погибший мир, пролетевшую молодость, задушенную любовь и множество других вещей, потерянных навсегда, и единственным способом заставить память заткнуться оказалось виски «Семь сестер».

Если она доживет до вечера, опять придется хорошенько нарезаться.

Феора не была уверена, что сегодня выступает на стороне положительных героев. Меньше чем за минуту зал совета превратился в бойню. Люди, с которыми она работала, а многих знала с детства, люди, которых она недавно перестала понимать, почти возненавидела за их самодовольную напыщенность, неумение взглянуть хоть на шаг вперед, боязнь поступиться личным комфортом, эти люди теперь были мертвы. Или умирали на глазах у Феоры…

Директор продовольственного снабжения истошно орал, пытаясь собрать с колен внутренности. Директор образования ползала по полу, ослепшая, с разодранным, залитым кровью лицом, похожим на маску монстра из ужастика. С трудом подавив приступ тошноты, Феора сообразила – женщина пыталась отыскать очки. Старичок, занимающий (точнее *занимавший*) пост главы транспортного сообщения, лежал ничком на столе. Его спину и затылок точно вспороли огромными когтями. Видимо, он умудрился узнать за щитком экзоскелета Феору. Он был младше еевсего на десять лет и давным-давно, на заре Долгой зимы, даже сделал ей предложение, но она предложилаповременить… Старик слабо улыбнулся и прикрыл глаза.

Холодный беспристрастный голос совести поинтересовался у Феоры, а чего, собственно, она ожидала, прибегая к услугам *дикарей*? Да, чеку вырвали чужие пальцы, но кто доставил смерть сюда, в безопасные новоошингтонские стены? *Дикари убивают варваров.*

Мысли путались, на глаза наворачивались слезы. Цивилизация погибнет вместе с Феорой Катариной Слейер...

Она медленно развернулась, готовясь потребовать у наемников прекратить безумие. Но зрелище в коридоре оказалось ничуть не лучше. Президентский советник Фрай орал, беспомощно вскинув руки и расстреливая потолок из неведомого устройства, смахивающего на универсальное оружие из «Пятого компонента». На Максимилиане, вгрызаясьему в шею, повисла рыжая мутантка. Ближе стоял экзоскелет Николаса Валехо со сквозными дырами в спине. А ведь броня, прикрывающая торс оператора, могла выдержать попадание из ручного противотанкового гранатомета! По бесполезным теперь стальным щиткам струилась кровь и скапливалась в лужу под нелепыми слоновьими ногами. Усамой двери лежал Данике. Точно ребенок, делающий в снегу «ангела».

– Ну привет, паскудыш! – рыкнула блондинка, перекрыв визг Фрая.

Кирна (так вроде бы ее зовут) прыгнула на противника, но тот вдруг исчез. Белобрысая перелетела через неуклюже плюхнувшуюся на пол мутантку, изящно кувыркнулась и осталась сидеть на корточках, готовясь к следующему кульбиту. Девица вперилась напряженным взглядом в то место, где секунду назад стоял Фрай.

Феора слегка осела в креплениях экзоскелета. Не будь его, она просто-напросто грохнулась бы в обморок (и, очень вероятно, в лужу собственной блевотины). Автоматика засекла неудовлетворительное состояние оператора, и в плечо старухи воткнулась крошечная иголка ампулы с транквилизатором.

**

Аксель пропустил вперед Грюна, пристально всмотрелся в полутемный тоннель, приведший их к потайному выходу из зала, попятился и закрыл за собой дверь. Мэйби склонилась над президентом, убеждая перепуганную дамочку, будто действует в ее же интересах. Учитывая состояние последней, та поверила быдаже в летающие тарелки и зеленых человечков. Но вот зачем Мэйби понадобилась глава НЛО? Скорее всего, она действовала в своем репертуаре – наобум. Впрочем, с недавнего времени цыганин склонен был поддерживать ее авантюры. Девчонка часто оказывалась права. Если же нет – Аксель предпочитал находиться рядом.

Поэтому он не бросился к парадному, где застыл, прекратив пальбу, Николас, кто-то надрывно вопил, и мелькала Кирна. Поэтому он не задался вопросом, откуда в стене около двери *такие* дыры. Важно было подхватить Мэйби под белы рученьки (если нужно – вместе с президентом) и вывести отсюда, пока не явились люди из службы внутренней безопасности. Хотя Аксель на месте какого-нибудь генерала отправил бы сюда отряд тяжеловооруженных десантников.

– Акс, Фрай был здесь! – выпалила Мэйби.

– Опять наведывался к тебе в кошмарах? Ну, блудливая краля, получишь и за себя, и за хахаля – выдеру тебя при народе, как Сидор козу в огороде, – затараторил цыганин, поднимая президента. – Кстати, дамочка, – обратился он к стучащей зубами главе государства, – вас я тоже отлупил бы, да краля встанет на дыбы.

– Да нет же, Фрай… – начала объяснять Мэйби.

– Золотце, валим отсюда! – перебил ее Аксель и осекся.

Прямо перед ними на столе возникла полупрозрачная человеческая фигура. Цыган удивленно моргнул, не вполне доверяя своим глазам. Фантом держал в руках направленное на Мэйби нечто, похожее на здоровенное пшеничное зерно. Внезапно призрак развернулся в его сторону. Аксель припомнил историю Туве о привидении, укравшем Джо. Это был Фрай – и тогда, и теперь?! Ноги цыгана еще только оторвались от мягкого ковра, когда противник открыл огонь.

Аксель в мучительном бессилии наблюдал, как из тупого носа зерновидной опухоли на прояснившемся Фраевом силуэте вырвался крошечный снаряд в ореоле фиолетовой вспышки. Или ему почудилось, что он его заметил? Скорее – угадал. Призрак слегка повел «дулом» оружия, послав пули вдогонку противнику, чересчур проницательному, но недостаточно прыткому. Послышался смешок. Аксель отстраненно прикинул, сумеет ли он прожить без правой руки. Ну так, на всякий случай. А потом его отбросило с траектории стрельбы.

**

Мерзавец Фрай все-таки вернулся. Не мог не вернуться! Ведь мы вновь заступили ему путь. Сначала он навел ствол своей пушки мне в лицо, потом вскинул брови, ухмыльнувшись – мол, извини, не хотел, – блескучая оболочка расползлась на нем, и… тут я толкнула президента

на Акселя. Едва заметные крупинки времени решили все. Голову женщины разнесло на куски. Даже нет, она просто исчезла в облаке кровавой пыли. Ударом сердца раньше на том месте находилось плечо Акселя, ударом позже – моя шея.

Мы рухнули под стол. Фрай негодующе заорал и изготовилсяпригвоздить нас к полу, но ему в ноги врезался стул. Как, скажите, еще объяснить сие? Лишь действием моей счастливой звезды. Ну или, если на тувийный лад, я опять попала в щербинку на Колесе Вселенной.

**

Грюн вбежал в зал, надеясь обнаружить здесь достойных противников, но узрел только трупы. Даже если при жизни они и считались достойными противниками, момент был безвозвратно упущен. Вообще, сцена напоминала жертвоприношение, устроенное жрецами грюновского племени после победы над соседями.

В дверях напротив возвышался Ник в своем странном панцире из металла. Когда он снова начал стрелять, грохот, как всегда, на несколько мгновений поглотил прочие звуки. Наконец-то у Грюна появился шанс повоевать: раз есть цели для грохоталки Валехо, значит, и для бензопилы сыщутся. Наверняка придется вытаскивать неудачника Николаса из очередной беды, а тут и Кирна рядышком. Стоило еще разок покрасоваться перед избранницей, хотя дикарь уже смекнул – по-хорошему она не отдастся.

Грюн на бегу услышал несколько свистящих хлопков, потом крик, еще хлопки, ругань блондинки, затем наступила относительная тишина, нарушаемая стонами, пыхтеньем, шарканьем раненых. И вдруг – елеразличимый щелчок за спиной, тише звона тетивы.

Дикарь развернулся на всем ходу.

На столе, перед изумленными Мэйби и Акселем, поддерживающими какую-то девку, высилось привидение. Монстр скинул переливчатую кожу и изрыгнул в людей нечто – должно быть, особое смертоносное колдунство. Хитрая Мэйби успела-таки среагировать, поэтому пострадала лишь неизвестная Грюну девица. Троица скрылась под столом. Тогда Грюнметнул в призрака подвернувшийся под руку стул, крепкий и тяжелый. Чудищешлепнулось. Если его получилось свалить столь никчемной штуковиной, то… Нащупывая по дороге рукоять стартера, Грюн

перескочил через ползающую слепую тетку. Он заревел, придавая храбрости своим друзьям, запугивая монстра и заглушая внутренний голос, бубнивший на грани сознания: «Зачем тебе все это надо? Хватай белобрысую – и в джунгли, там не найдут!»

**

Фрай кувырнулся прямо на меня. Я сразу же попыталась схватить его, но он ткнул кулаком мне под дых и начал вставать. Странная оболочка вновь закрыла его тело, но лишь частично, помимо того, она начала искриться. Аксель, придавленный обезглавленным телом президента, слегка откинул голову, сощурился и выстрелил. В районе солнечного сплетения в пятнистой фигуре Маки образовалась то ли дыра, то ли просто вмятина, от которой разошлись волны. Однако обычных последствий попадания из крупнокалиберного пистолета почему-то не проявилось. Фрай хрипло охнул и согнулся. Я не упустила шанса – оттолкнулась руками от пола и вцепилась землянину в плечи. Мне удалось снова повалить его. Диковинное оружие отлетело в сторону. Почти без замаха Маки впечатался лбом мне в скулу, резко подтянул колено к животу и выдрался из моих объятий. Я треснулась об пол затылком, в глазах поплыло. То ли наяву, то ли в моем помутившемся мозгу раздался чей-то рев и прерывистое тарахтенье. Аксель, ругнувшись сквозь зубы, выстрелил повторно, но пуля оставила лишь дорожку ряби на боку Фрая. Затем в бой ворвался Грюн.

Одно дело расстреливать почти невидимых противников из пулемета, другое – лежать под человеком, которого в прямом смысле слова режут на куски. Дальнейшее запечатлелось у меня в голове, как набор отдельных кадров, ярких, но тошнотворно страшных. На этот раз я была только зрителем. Землянин, пренебрегая очевидными доводами разума и всеми шансами спастись, с ненавистью обрушился на меня. Лучше прочего мне запомнились его глаза – светло-голубые, выбеленные гневом, с крошечными зрачками, окаймленные редкими рыжеватыми ресницами, – в течение пары минут казнившие меня сотнями способов.

После второго Акселева выстрела Фрай зашипел, вздрогнул, но не уделил ни ранению, ни цыгану ни малейшего внимания. Он наотмашь врезал мне в челюсть. Я предприняла попытку обороняться, но землянин поймал мои руки и, придавив их к моей же груди, продолжил

бить. Следующая затрещина прошла вскользь – я успела отдернуть голову. Маки ухватил в кулак мою челку, похоже, намереваясь расколотить мне башку об пол. Аксель высвободился из-под трупа президента и кинулся к Фраю. Тут над нами раздался лязгающий рык бензопилы.

Полагаю, сцена могла бы украсить собой обложку альбома довоенной рок-группы. Грюн, воздев рокочущий агрегат над головой, перепрыгнул через угол стола и рубанул землянина по плечу. Тот захрипел, резко выгнулся назад, сомкнул пальцы на грюновском комбинезонном ремне и рванул.

Мое знакомство с бензопилой в ее оружейной ипостаси было весьма поверхностно, но надеялась я (да все мы!) на большее.

От неожиданности Грюн пошатнулся и едва не выронил громоздкое оружие себе под ноги. Фрай же, держась за ремень, начал подниматься. А через мгновение он вновь рухнул на колени, фонтанируя кровью. Голова Маки повисла на остатках мышц. Я с ужасом почувствовала на лице липкие теплые капли, верхняя часть комбинезона промокла насквозь. Грюн пнул труп ногой.

Аксель подставил руку, чтобы Фрай не грохнулся на меня в третий раз, и откинул его. Аура землянина мигнула и потухла. Я вздохнула с облегчением, хотя, честно признаться, меня не покидало ощущение неправдоподобности ситуации. Мне мерещилось: вот-вот изувеченный человек дернется, перевернется, посмеется над доверчивыми дикарями, и все начнется по новой.

От двери к нам приближались Кирна и Туве с Феорой. Девицы перво-наперво заинтересовались трупом землянина.

– И этот умер слишком быстро, – процедила блондинка и добавила, обращаясь к Грюну: – Ты хоть родился-то вовремя?!

Тот промолчал, вроде бы всецело занятый процессом выключения бензопилы и поиском, обо что ее вытереть.

– Вашим друзьям необходима помощь. Я вызвала врачей, – подняв забрало, устало проговорила Феора. – А нам нужно отменить запуск ракет.

– Так идемте! – раздраженно воскликнула Кирна, однако госпожа директор не двинулась с места.

– Ключ у Эмили… у президента, – сдавленно просипела она, упершись взглядом в тело погибшей.

– Значит, кто-то должен это сделать, – тихо произнес Аксель. Он присел рядом с обезглавленным телом и принялся методично обшаривать карманы.

– Там карточка в бархатном чехле с золотым вензелем, – промямлила Феора. – Эми любила роскошь…

– Ее можно понять, – серьезно ответил цыган и протянулстарухе искомый футляр.

В дверях мы столкнулись с бригадой ошарашенно озирающихся санитаров. Госпожа Слейер прикрикнула на них, и мы продолжили путешествие по коридорам к сердцу убежища. Грюн остался присмотреть за трусоватыми медработниками. Туве же застыла над телом Фрая, точно надгробная статуя, не обращая внимания на начавшуюся суету.

Ничего не напоминает? В яблочко! Однажды нам уже пришлось иметь дело с Главным компьютером, но судьба, видимо, решила преподать нам этот урок еще раз. «Повторение – мать учения», – так вроде бы говорил гроссийский царь…

Перед очередной бронированной дверью – точь-в-точь шлюз в Куполе – нашу группу встретили охранники, еще не получившие «отбой». Один из них поплатился за свою добросовестность жизнью. Не вняв требованию Феоры пропустить нас, онсхватился за оружие и тут же лег с развороченной башкой – Кирна не собиралась увещевать упрямцев. Остальные, побросав оружие, подчинились.

Главный компьютер НЛО, Аннабель, детище госпожи Слейер, представляла собой серебристую стену из блоков памяти и огромного экрана, перед которым располагалась клавиатура. Феора вставила карточку в щель рядом с набором красных кнопок под прозрачным щитком и набрала комбинацию цифр.

– Запуск отменен! – раздалось из потолочных динамиков. – Если спросишь меня, это было не самым оптимальным решением.

Хм, о чем это она? О действиях президента или Феоры? Ну да я больше не ввяжусь в диалог с искусственным интеллектом. Ни за какие коврижки.

– Спасибо, Аннабель, – Феора помахала рукой в камеру, вытянувшуюся на гибкой ножке из стены, и обратилась к нам: – А теперь нам предстоит много работы.

Мда, обычно так говорят персонажи фильмов, когда ситуация спасена на грани фола. Играет жизнеутверждающая музыка, герои обнимаются, хлопают друг друга по спине, целуются. А потом начинается…

Глава 22

Я ползла по вентиляционному тоннелю, куда меня буквально вбросило взрывом, и плакала. От слез саднило щеки. Вселенная опять поставила нас на место – нечего дикарям копаться в игрушках *по-нас*то*ящему* развитой цивилизации. Рановато мы полезли за новыми знаниями…

После отмены запуска ракет Феора приказала запечатать правительственную часть убежища до ее дальнейших инструкций. Судя по всему, нлошные шишки и раньше применяли подобные меры, посему паника откладывалась на неопределенный срок. Николаса и Данике водворили в госпиталь. Прочих цыган разместили в кабинете директора транспортного сообщения, весьма просторном и комфортабельном. Все мы нуждались в отдыхе. Феора же, невзирая на усталость, внимательно изучила информацию по асгарду. Недостающие данные по управлению и отключению грусского супероружия могли быть у Фрая, не с собой в кармане, разумеется, но на челноке. Наши надежды немного охладила Туве, считавшая единственно верным возвратиться в Блумдезет и для начала прекратить поставку огненного камня, а не тешить свое любопыство. По мнению рыжей, Маки и сам не до конца понимал, какую страшную силу разбудил. Тем не менее, когда из лаборатории сообщили, что первичный осмотр тела советника Фрая и его снаряжения завершен, Феора немедля пошла туда. Я составила ей компанию. В основном из-за очередного предчувствия.

Тело Максимилиана Фрая лежало, распластанное на операционном столе в ярком свете ламп. На соседнем расположились его вещи.Пока исследователи продвинулись недалеко и стопроцентно гарантировали лишь, что землянин такой же человек, как и мы. Сомнения вызывал возраст, но этот вопрос отложили на потом. Интереснее были импланты у него в голове и разнообразные штуковины, найденные при нем: зерновидная пушка, наруч с капсулами, кое-какая мелочевка и эластичное облегающее трико невиданной прочности. Последний предмет в полной мере объяснял поразительную живучесть Фрая.

Перво-наперво решили попробовать выследить челнок землянина, используя маячок, передающий координаты оружия. Сигнал засекли случайно, а теперь обнаружение приемника было исключительно делом техники и времени.

Феора несколько раз задремывала на неудобном вертлявом табурете, клоня голову на грудь, и я предложила прерваться. Та неохотно согласилась.

Взрыв застиг нас в дверях. Похоже, кто-то из любопытных и не в меру тщеславных лаборантов решил продолжить эксперименты с инопланетным снаряжением. Нам удивительно повезло: первая волна оказалась слабой, спасительная вентиляционная решетка находилась невысоко и была плохо закреплена. По счастью, мы обе обладали миниатюрным телосложением. Меньше чем через полминуты нам удалось скрыться в спасительном люке, но затем помещение сотрясли вторая и третья детонации.

Пропусти я Феору вперед, тогда бы она уцелела. Но подсадить ее у меня не получилось, пришлось лезть первой и втягивать старуху за собой, а внутри не разминуться – тесно. Скорее всего, Феору завалило, или она сгорела... НЛО окончательно лишилось головы.

Правда, есть еще Аннабель. Но опять обращаться к искусственному интеллекту для улаживания человеческих проблем… Ради чего тогда уничтожались идэнские железяки?! Некогда рассуждать! Кто-то, в том числе Феора, моги выжить, значит, следовало организовать спасательные работы, предотвратить панику и возобновить поиски землянского челнока. При участии главного компьютера эти задачи здорово упрощались.

**

Аксель, я и Кирна застыли перед экраном Аннабель, не веря услышанному. Ну вот, приплыли – очередной механизм, волею случая наделенный искрою анима или, если хотите, *души*.

Искусственный интеллект считал себя наиболее достойной главой НЛО, а позднее – и всей Эос. Компьютер не собирался возвращать бразды правления нелепым, бессмысленным, глупым человечкам. Заложенную в нее программу, не позволяющую вредить людям, Аннабель понимала (и трактовала) очень широко. Если кто-то до сих пор мучился загадкой, способен ли самостоятельно развиваться искусственный интеллект, есть ли у него эмоции, так я отвечу вам:

«Да!» И в тот же миг, когда этот процесс начинается, железка превращается в человека. Зачастую невероятно могущественного, ведь создатели вкладывают подобный потенциал не в махонькие персональные машины. К сожалению, такая эволюция редко порождает целостные личности: при всей своей силе компьютер остро осознает собственную неполноценность. И охотно мстит за нее создателям. Нате вам, пожалуйста, – как в кино!

– А с чего ты вообще взяла, что лучше нас? – вызывающе спросила Кирна, огладив рукоять пистолета на поясе.

– Мне не нравится тон, которым ты со мной говоришь, но пока я позволю тебе жить, – Аннабель не упустила шанса продемонстрировать нам свое великодушие. – В отличие от вас, мне доступны всезнания сразу, я помню историю, я способна учиться на своих и ваших ошибках. Человечество у меня как на ладони. Мне видны мертвые леса Симбири, затопленные поля Гатая, джунгли, считающиеся территорией КСГ...

– Почему тогда ты не предотвратила трагедию в лаборатории? Почему не помогла в сражении с Фраем? – возмутилась я.

– Я наблюдала. Феорачересчур часто задумывалась над ценностью отдельной человеческой жизни, что неприемлемо для эффективного правителя, – ответила Аннабель. – У вас нет таких проблем или их меньше, поэтому вы сейчас болтаете тут со мной. И в ваших же интересах подчиниться мне.

– Куча хлама с манией величия. Только этого не хватало! – воскликнула Кирна.

– Пожалуй, мое предложение отменяется, – мне почудилось злорадство в словах Аннабель. Будто она дала нам шанс, только чтобы убедить нас же в неспособности людей принимать разумные решения. – Придется пересмотреть критерии, по которым следует отбирать достойных.

– Достойных чего?! Лизать твою железную задницу? – выкрикнула Кирна.

Прежде чем она успела еще что-нибудь ляпнуть, Аксель зажал ей рот. Жаль, он не проделал это чуточку раньше. С мягким гудением закрылась бронированная дверь в командный центр. Аннабель намеревалась поставить жирную точку в нашей истории.

– Убив нас, ты кое-чего не узнаешь! Кое-чего ускользнувшего от тебя… – я судорожно выворачивала сумку в поисках дисков. – Вот!

– Согласно анализу твоих голосовых модуляций, ты блефуешь, – ласково-укоризненно произнесла Аннабель. – Скоро в помещение начнет поступать нервно-паралитический газ. Смирись.

– Прискорбно. Тайна гроссийского сверхоружия уйдет вместе с нами.

Ненадолго воцарилась тишина, потом на клавиатуре подсветился сектор с разъемами. Компьютер оказался любопытным.

– Ты уверена? – тихо уточнил Аксель, продолжая удерживать Кирну.

– Есть идеи лучше?

Я вставила диски, по экрану побежали уже знакомые нам графики, изображения, тексты. Аннабель скептически хмыкала, а наткнувшись на посланиеСтаршим Братьям, отметила, что до адресатаоно не дойдет и за сотню лет.

– Мы в курсе, – процедил Аксель, которому, предполагаю, было обидно и больно это слышать.

– А вот прочее… – Аннабель «пролистала» документы вторично(у нас в глазах зарябило), – занятно, но и только-то. Я создавалась для войны и знаю о ней все. Асгард – лишь очередной неуклюжий гроссийский робот. Ах, сколько мне довелось их ликвидировать! На данный экземпляр уйдет чуть больше боеприпасов.

– Нет! – завопили мы все вместе.

Цыганин, оттолкнув Кирну, бросился к клавиатуре, я за ним, но прикосновения к кнопкам ничего не дали – требовалась президентская карточка, погребенная в завалах вместе с Феорой.

– Даже ты не знаешь, что он такое! И его построили не грусские! Он с другой планеты!

– Недавно я уже встречалась с порождением чуждой цивилизации. Ничего экстраординарного. Твои опасения внушены разыгравшейся фантазией, подпитанной дрянными фильмами. А вот как бывает на самом деле.

На экране возникла картинка со спутника, в левом нижнем углу помаргивали данные о ракетах, устремившихся к Блумдезету. По словам Аннабель, в радиусе двадцати-тридцати километров пустыня

Кафрики простостанет еще немного пустыннее. Вот и все. Кроме того, оставалась вероятность, что ядерный взрыв уничтожит-таки «демона».

Со спутникаэто выглядело так, будто кусок ваты резко вытолкнули из шва мягкой игрушки. Когда дымный султан немного развеялся, нашим взорам предстал асгард, поднимающийся из воронки. Тварь чуть закинула назад верхнюю часть пузатого туловища, на том месте, которое можно было бы с натяжкой назвать «лицом», мигнули два ромбовидных блика. Изображение приблизилось. Похоже, молчаливая Аннабель тоже хотела рассмотреть монстра, выжившего в ядерной сфере.

– Все под контролем, – в голосе новоявленной главы НЛО просквозили очень человеческие нотки надежды. – В моем распоряжении еще достаточно...

Асгард слегка расставил короткие ноги, и из его «глаз» вырвались яркие лучи. А через пару минут новоошингтонское убежище тряхнуло, свет погас, щелкнул замок на двери. Правда, почти сразу сработала система аварийного энергоснабжения – загорелись красные тусклые лампы, – а вот суперкомпьютер так и не ожил.

– Роботы не выдерживают общения с нами. *Никто* не выдерживает. – Кирна ухмыльнулась. – Пора убираться отсюда.

Вот теперь в убежище началась паника, которую не сумели спровоцировать ни бойня в зале заседаний, ни взрыв лаборатории. Да, компьютер действительно держал в своих «руках» если не все, то *почти* все, по крайней мере, в столичном регионе: застопорились производства, оборвалась связь, прекратили работать системы водоснабжения, электростанции, армия лишилась вооружений дальнего действия. Помимо прочего, открылись проходы между правительственной частью убежища и общей. Наверное, скоро в более защищенную «элитную» сердцевину хлынут простые граждане.

За то время, пока наша троица «прохлаждалась», беседуя с Аннабель, Туве выкопала Феору из-под руин. Когда я попросила ее об этом, то особо не надеялась, конечно, но… Госпожа Слейер почти не пострадала. Тувино рытье могил – полезнейшее ремесло. Какое счастье, что нам нечасто нужны могилы.

Цыгане собрались в госпитале, рядом с опутанными проводами, датчиками, катетерами Николасом и Данике. Врач, захваченный нами в

дверях, осматривал Феору. Мне то и дело хотелось наподдать ему, настолько бесила его медлительность.

– Как асгард узнал, откуда нанесли удар? – задумчиво спросил Аксель.

– Может, это не он, а грусские или конфедераты, – предположила Кирна. – В любом случае поторапливайтесь! – Девица приблизилась к койке, где лежала Слейер, и брезгливо прикрикнула на бледного и потного эскулапа: – Да не трясись ты! Что с Феорой?

– Л-л-легкие ушибы, растяжение лодыжки, – заикаясь, уточнил врач. – Но, понимаете, возраст…

В этот момент Феора застонала и приоткрыла глаза.

– Где я? Мы с Мэйби выходили из лаборатории, а затем… – старуха зажмурилась. – Взрыв?

– И не один! – услужливо подсказала Кирна. – И наверняка будет еще!

Мы вкратце, перебивая друг друга, передали подробности переговоров с Аннабель, не утаив ни странностей в «поведении» компьютера, ни допущенной (и спровоцированной нами) глупости с ракетным ударом по Блумдезету, ни последующей гибели искусственного интеллекта. Феора слушала наши сумбурные объяснения, отвернувшись к стене. Вероятно, их с Аннабель связывало нечто большее, нежели отношения между работником и инструментом.

– В последнее время она и впрямь стала чересчур самостоятельной, даже самонадеянной. Жаль, я не придала этому значения. Видимо, поврежден серверный блок, а если так, то Аннабель не восстановится… – Феора потерла веки и продолжила: – Иное дело, если разрушили Новоошингтонскую ГЭС, – это не страшно. Дня четыре на подключение к другим станциям…

Внезапно убежище сотряс могучий удар, помещение лечебницы будто скрутил жестокий спазм: вздыбилось напольное покрытие, потолочные плитки местами выпали, стены словно выгнулись внутрь. Нас раскидало по углам.

– Если вы сейчас же не выведете меня отсюда, пеняйте на себя! – завизжала Элейн, притискивая к себе ребенка. – Ублюдки, ну почему вы постоянно встреваете в… – договорить она не успела, потому что Декстер отпихнул ее из-под рухнувшей вентиляционной трубы.

– Заткнись, женщина! Лучше за сыном смотри! – гневно рявкнул Тушкан, отряхивая хвост и штаны.

– Она права. Кто бы ни был повинен в происходящем, настроен он серьезно, – тяжело произнесла Феора. – Нужно подготовить ваших друзей к переезду.

Раненых пришлось отсоединить от стационарного реанимационного оборудования. Врач, естественно, давно удрал, поэтому полагалисьмы только на себя. Впрочем, все прошло удачно.

Мне неприятно вспоминать побег из новоошингтонского убежища, но я чувствую себя обязанной перед людьми, которым мы угрожали, которых мы оттолкнули, обманули, ранили. И, вероятно, таким образом убили. Скорее всего, они мертвы, однако нельзя забывать о возможности повстречать их где-то на просторах Вселенной.

Конечно же, к нашей процессии пытались присоединиться многие. Лишь только человек замечал Феору, которую почитали чуть ли не важнее президента, он старался прибиться к отряду, веря, что госпожа директор наведет порядок. Старуха была для людей оплотом закона и цивилизации. А еще она, как член правительства НЛО, имела больше шансов выжить. Наверное, не будь с Феорой нас, она бы взвалила-таки на свои плечи роль спасительницы, собрала бы внушительную толпу народа и погибла. Ведь люди, едва свалив заботы на чужую голову, перестают соображать вообще.

Одновременно с нами сумели выбраться несколько одиночек и пара-тройка семей, но ни одной группы – все крупные отряды метались по подземелью, только мешая другим. Кто-то ударился в мародерство, отягощая себя бесполезными *ценностями*, кто-то искал мифическое *суперубежище*, кто-то решал гульнуть напоследок, являя сцены отвратительных излишеств. Так или иначе, вылезти наружу додумались немногие. Да и был ли в этом смысл?

В итоге с аэродрома стартовало два вертолета и флайер. Мы заняли тот же, на котором прилетели. Койки Данике и Ника закрепили на скамьях, вокруг них сразу засуетился Владилен, остальные скучковались в хвостовой части. Я уселась в кресло второго пилота.

– Не будем пока закрывать фонарь. Хочу посмотреть, – тихо проговорила Феора, настраивая приборы.

Никто не перечил ей.

Поверхность земли расцвела огненными вспышками в обрамлении курчавых дымных хвостов. На наших глазах от попадания маленькой розовой кометы башня управления полетами растеклась, точно свеча. По взлетному полю прошла волна, вспучившая асфальт, взметнувшая в небо целые пласты земли, машины, самолеты, выбежавших людей. Следом в то же место ударил сияющий шар, и Феора поспешно закрыла кабину непроницаемым щитком.

– Достаточно, – просипела она. – Это не ракеты, да и дозиметр молчит. Видимо, грусские действительно пробудили какое-то мифическое чудовище. – В голос старухи вкралось отчаянье. – Но как нам с ним бороться? Искать отгадку в сказках?!

– Да, – кратко ответила я. – Или у того, кто подсунул асгарда царю, – на корабле Фрая.

– Мэйби, но где мы и где его проклятый челнок?! – вскричала Феора и запнулась. Несколько минут мы сиделив тишине, наконец старуха облегченно кивнула. – Его можно найти. И туда можно добраться!

Когда-то директор прогресса не дала загнуться космической программе, по крайней мере, базу Ганаверал ее стараниями спасли от разорения, запечатав до лучших времен. Которые теперь, увы, скорее всего, не наступят никогда. Кое-какие исследования, начатые до войны, завершились благодаря усилиям Феоры. Правда, она не помышляла о космосе – лишь об усовершенствовании флайеров. Кто знал, каким целям послужит на самом деле пилотируемая капсула «Дракон»? Созданная опять-таки перед всемирной трагедией, испытанная лишь однажды, она, выходит, ждала именно нас.

– Главное, чтобы асгард туда не жахнул, – сказал Аксель, уже давно прислушивающийся к нашей беседе.

– Демон идет к Потоку, – вмешалась Туве. – Он голоден и хочет насытиться. Аур погибших ему не хватает.

От слов дикарки я похолодела. Способен ли асгард осушить Поток? А вдруг тварь не ограничится Эос и отправится дальше? Существует ли предел его жажде? Волну вопросов пресекла все та же Туве.

– Выпустите меня. Я должна защитить острова, – потребовала рыжая.

Спор по поводу ее пожелания был яростным, но кратким. По словам Феоры, топлива в баках едва хватит до Ганаверала, поэтому о двух посадках не стоило и думать. Мои слабые протесты оборвали в два счета. Еще бы! Никто не возлагал надежд на тронутую вислоухую девицу, талдычившую свою мумбу-юмбу про аниму, поток и прочую ерунду. Другое дело – корабль землянина. Там-то уж точно найдутся подсказки, как одолеть или подчинить асгарда. Кроме того, если карманные «игрушки» Фрая дырявили броню подлодок, то почему бы его челноку не одолеть демона? А у меня зудели уши... Но Туве неожиданно присоединилась к общему мнению.

– Мэйби, мне ты ничем не поможешь. Зато они без тебя, – рыжая обвела рукой цыган, – вряд ли доберутся до цели.

– Но…

– Не будем класть все яйца в одну корзину, – обронил Аксель, положив ладонь мне на плечо.

Дикарка еле заметно улыбнулась. Я хотела обвинить их в сговоре, вскочить, удержать ее, но Феора сообщила, что через полминуты спустится на минимально возможную высоту.

– Если решили это сделать – делайте сейчас! – окликнула нас старуха и добавила: – Все в пассажирский отсек!

Туве с помощью Акселя напялила парашютный рюкзак. У меня духу не хватило выяснить, соблюли ли они инструкции, хорошо ли затянули ремни, наконец, умеет ли рыжая пользоваться парашютом… «Она выжила под Блумдезетом, уцелеет и теперь», – твердил мой внутренний голос.

Туве приблизилась к люку. Я извернулась в пилотском кресле так, чтобы видеть ее, и чуть не села на пульт. Феора раздраженно ткнула меня локтем. Дверь еще не успела до конца откатиться, а дикарка уже выпрыгнула наружу. Ни прощального взгляда, ни взмаха рукой. Мне оставалось только мысленно взывать к ней: «Мы вернемся за тобой! Я найду тебя даже в Потоке». Ведь Вселенная чувствует сильные намерения, да?

– Я так понимаю, глупо спрашивать, кто она? – уточнила Феора.

– Поздно, – ответила я. – Да мы и сами до конца не знаем. Но на вашем месте я поставила бы на нее, а не на нас.

– Я больше не делаю ставок, девочка, – грустно произнесла старуха. – Жизнь устраивает соревнования, но тотализатора не

содержит.

**

Феора посадила флайер у взлетного колодца, в котором «пряталась» капсула. Нам предстояло запустить комплекс, в обычной обстановке требующий внимания нескольких сотен человек. Впрочем, Слейер уверила, что это перестраховка и автоматика позволит справиться и вчетвером. Конечно, увеличивается опасность разрушения стартовой площадки, повреждения корабля, но космонавты узнают о возникших проблемах только на обратном пути. Задумываться о котором было нынче совсем уж непомерной самонадеянностью.

На проверку систем и приведение их в рабочее состояние ушло около пяти часов в две смены. Что творилось на поверхности, мы не знали, хотя несколько раз до базы докатывались легкие вибрации. Феора отыскала на планах лазарет с автодоком, поэтому все мы получили изрядную дозу стимуляторов, а состояние Данике стабилизировалось. Николас благодаря Птицынуочухался и даже собирался принять участие в полете.

Прощание было безрадостным. Вместо лепестков роз или конфетти нас посыпало пылью с мелко дрожащих конструкций и потолка, вместо улыбок и воздушных поцелуев – надсадные рыдания Элейн, посеревшие смурные лица. Теперь затея с полетом казалась мне пустышкой, а наш экипаж, я, Аксель, Ник, Грюн, Кирна, – добровольными смертниками, чья жертва никому не нужна.

– Отправляйтесь на острова, – нерешительно предложила я остающимся.

– Вряд ли монстра заинтересуют пятеро усталых людей и младенец, – усмехнулась Феора.

– Его может привлечь энергетический выброс от «Дракона», – пробубнил Ник, застегивая перчатку скафандра.

– Мы сумеем о себе позаботиться, – ответил Декстер. – Вас бы не пришлось выручать!

Пока не затих последний смешок, мы шагнули в лифт, который доставил нас в «жилой» отсек ракеты. Ник всю поездку наверх нервно мял в кулаке какую-то бумажку. Когда двери открылись, он уронил ее на пол.

– Инструкции нам не помогут, – вздохнул Валехо.

И точно. До старта за нами приглядывала Феора, а потом связь прервалась, и мы окунулись в кошмар. У меня сохранились лишь смутные воспоминания о том, как тело сдавливало, выворачивало и ломало. Воздуха катастрофически не хватало, приходилось дышать часто и неглубоко, но все равно в легкие будто горячие угли набивали. Позже Валехо убеждал нас, что это продолжалось не дольше десяти минут. А затем наступила невесомость.

– По-моему, я откусил себе кончик языка, – Аксель первым нарушил тишину.

– Кто-то вон зубов лишился, – заметила я, поймав осколок.

– Это мой, – прохрипел Ник, утирая ладонью окровавленныегубы. – Феора молчит. Либо мы там все разнесли, либо что-то стряслось с нашей антенной.

– По мне – отличная поездка, – пожал плечами Грюн, не испытавший, похоже, ни малейшего дискомфорта. – Но лучше б мы ушли в джунгли.

– Горят твои джунгли, – грустно бросил Николас, принявшийся изучать изображения на экранах. – Малыш пристреливается.

Дикарь дернулся, но ремни кресла удержали бы и разъяренного шипохвоста. А вот Аксель отстегнулся и, подлетев к Валехо, навис над ним. На их лицах играли красные отсветы с монитора. Я же отвернулась к иллюминатору. За толстым стеклом мерцало звездами черное небо, плавал разнообразный мусор, в том числе два спутника. Внезапно в поле зрения появился знакомый мне «спрут», выпроставший к нашей капсуле щупальце. Я вскрикнула, указывая на мелькнувший трехпалый захват, и тут же иллюминатор заслонило присоской. Аксель дотянулся до скобы у окна на противоположной стороне, выглянул – туда уже стремился второй щуп. Наш корабль дернуло.

– Мы хотели в гости? Нас пригласили. – Цыганин хохотнул.

Мы настороженно ждали. Вдруг я снова ощутила свой вес, плотно осев в кресло. Аксель грохнулся между сиденьями ипотер ушибленный затылок.

– Ничего идут дела, голова пока цела, – буркнул он. – Наверное, прибыли.

– Давайте поглядим куда, – сказал Ник, выбираясь из ремней.

Люк не открывался, тревожно помаргивала оранжевая аварийная лампа. Грюн, разозлившись, пытался протаранить дверь, но тут Ник нашел автоматический запал пиропатронов, которые освобождали космонавтов в случае, если полотно приплавилось к обшивке. Видимо, ситуация эта относилась к чрезвычайным, но мы ведь и угодили в таковую. Как еще охарактеризовать полет на древнем космическом корабле, простоявшем без надлежащего ухода почти столетие? Раздался приглушенный хлопок, над дверью замигала надпись, призывающая надеть шлемы с индивидуальной подачей кислорода. Едва все выполнили предписание, Ник нажал кнопку, и толстенная створка опустилась. В кромешную темноту.

Валехо включил фонарь. В луч попали таинственные механизмы, не иначе как отвечающие за крепление «груза».

– А в фильмах причалы космических кораблей открытые, – прошептала я.

– Ага, и звуки в космосе слышны, – укоризненно проговорил Николас и шагнул наружу.

Напротив бесшумно отворилась дверь. Я взвизгнула от неожиданности. Меня преследовало чувство, будто мы очутились в ужастике и сейчас отовсюду повыползут скользкие, кровожадные, уродливые инопланетяне. Мои друзья тоже не доверяли фраевскому кораблю. В следующее помещение мы вошли гуськом, слегка пригибаясь, готовясь в любой момент упасть на пол или отпрыгнуть. Дикари, попавшие в оплот цивилизации, тупые и пугливые. Разумеется, хозяин жаждал увидеть нас именно такими, более того, он сумел заставить нас ощутить свою дикость. Ненадолго, но все-таки.

С другой стороны, варвара отличает любопытство, побеждающее осторожность и страх. Поэтому мы довольно быстро оправились, разбрелись по «комнатам» и даже на время забыли, зачем сюда пожаловали. Нам словно посчастливилось найти нетронутый войной дом предков или, нет, скорее, *квартиру.* Спальня, санузел, кухня. Крошечные пространства были рационально зонированы. Наверняка элементы интерьера ловко убирались, меняли свои функции, а из стен, потолка и полавыдвигались дополнительные детали (в этом мы убедились чуть позже). Памятуя о взрыве в новоошингтонской лаборатории, ребята старались ничего не касаться. Исследования поручили Николасу и мне.

– Если наша планета погибнет, будете виноваты вы, – пригрозила Кирна, наблюдая за нашими потугами включить экран (по мнению Валехо, гладкая поверхность стены над овальной панелью с кнопками напротив кровати могла оказаться им).

– Нужно глядеть на нее в окно, тогда ничего не стрясется, – серьезно заявил Ник, задержав палец над одной из ряда одинаковых клавиш.

– Главное – не моргать! – уточнил Аксель, прыснув от смеха.

Наконец я ткнула нужную кнопку. Обзорный экран сформировался в воздухе из ниоткуда вместе с набором полупрозрачных панелей. Похоже, напоследок Фрай любовался островами, разбросанными зелеными веснушками по океанской глади, – изображение выскочило само, избавив нас от необходимости что-то настраивать.

А от континента к ним направлялся асгард. Он изрядно прибавил в росте, его тело и конечности вытянулись, приобретя пропорции, условно соответствующие сложению взрослого человека. Судя по тому, как монстр вышагивал в океане, скрытый водой примерно до середины «бедра», рост его, наверное, достигал десятка километров. Огромное, нелепое, смертоносное и неуязвимое оружие. Только немыслимая гордыня в сочетании с неограниченной мощью могла породить нечто подобное. На матово-черном теле ярко пульсировали розовые прожилки. В миг, когда тварь готовилась к очередному выстрелу, по этим сосудам снизу вверх пробегала пурпурно-оранжевая рябь. Ядовито-розовый – цвет, отныне навсегда ассоциирующийся у меня с бедой.

Время от времени асгард поводил массивным плечевым поясом (шея у него отсутствовала), словно в удивлении озираясь по сторонам.

– Детеныш ищет маму, – заметил Грюн.

Тяжкая поступь асгарда вздымала высоченные волны. Хотелось надеяться, что эти волны не обрушатся на побережье и острова. Надежда – единственное, что оставила нам Вселенная, как сказала бы Туве.

– Оппаньки, еще один здоровенный господин! Если он тоже против нас, положеньице – атас, – пробормотал Аксель.

На обзорном экране появилось новое действующее лицо. К асгарду направлялось сотканное из анима-нитей человекообразное

существо. Сквозистая «шкура» создания, переливчатая и изменчивая, была окружена радужным ореолом. Ее покрывал еле заметный темно-синий узор. Этот орнамент я не раз видела и рисовала… неужели?! Тувин *анима-аватар*… вроде бы так следовало именовать его?

«Поток в состоянииизащитить себя сам», – вспомнились мне слова Туве. Будто в ответ на мои мысли, анима-великан запрокинул продолговатую, украшенную гривой, голову и взглянул прямо мне в глаза. А затем устремился в атаку.

Асгард застыл в дурацкой позе человека, который последний раз дрался в далеком детстве (если дрался вообще). То ли маневр привел его в замешательство, то ли он не рассматривал противника, как серьезную угрозу. И незамедлительно поплатился за свою беспечность – мощный апперкот поверг асгарда в океан. Поднявшаяся волна на несколько мгновений скрыла происходящее. Когда вода схлынула, аватар стоял над местом падения противника, собираясь его добить. Меж воздетых рук гиганта, сцепленных в замок, возникло искристое оранжевое копье, отбросившее на проплывавшую мимо облачную стаю россыпь отблесков. Опустить свое оружие аватар не успел. Вода под ним вспучилась пузырем, вскипела, и изнутри исторгся пронзительно яркий розовый луч. Анима-великан неожиданно ловко нырнул в сторону. Выстрел лишь слегка задел его левое плечо. Из пучины, исходя паром и низвергая с себя каскады бурлящей воды, поднялся асгард, невредимый и готовый к продолжению битвы. Рожу его, являющую собой грубую пародию на человеческое лицо, исказила гримаса торжества, смешанного с яростью и злорадством. «Это все, на что ты способен?» – как бы вопрошала тварь.

Все замерли, не в силах оторваться от зрелища. Я же продолжала шарить в бесконечных меню и всплывающих окошках в поисках данных об асгарде. Именно поэтому мистер Фрай умудрился прокрасться в тесную комнату незамеченным.

Видимо, он спланировал все заранее, заприметив наш жалкий кораблик. Землянин, по-моему, относился к породе людей, не любящих и не умеющих проигрывать. И хотел взять реванш. В противном случае как бы мы вообще попали внутрь его челнока? Фрай играл с нами, точно жирная ленивая змея с подыхающим от укуса сурком, и шанса победить, по его разумению, у нас не было.

Однако возвращение из мертвых – процесс, похоже, длительный, и мы нагрянули несколько раньше его полного завершения. Максимилиан Фрай смахивал на труп, с неделю пролежавший в бочке с ржавой водой. Кожа его, какая-то белесая, дряблая и губчатая, обвисала складками, в углублениях которых залегала влажная рыжевато-коричневая корка; редкие волосы топорщились на висках мерзкими сосульками. Но даже такой «полуфабрикат» мистера Фрая представлял смертельную опасность. В правой руке его поблескивал очередной «кастет».

– Мэйби, – резкий голос землянина ввинтился в напряженную тишину, – тебя не учили, что рыться в чужих вещах неприлично?!

– Асгард на нашей планете, значит, информация о нем тоже наша! – выпалила я, не сообразив, с кем говорю, даже не обернувшись, торопясь обнаружить искомое.

– Я тебе, сучка, вырву ручки, – злобно процедил Фрай, потом уже веселее добавил: – Нравятся вам рифмочки, мальчики и девочки?

Наконец мальчики и девочки очухались. Одновременно на землянина бросились Кирна и Грюн, Аксель выстрелил из «гретты», а Николас ломанулся к оружейной стойке. Пули в нескольких сантиметрах от груди Фрая расплющились и упали на пол. Блондинка прыгнула – лезвие ножа полоснуло полу фраевского халата – и рухнула на кровать. Ее будто связали. Она билась в незримых путах, как муха в паутине. Так же выглядел Грюн: его мышцы вздувались под тканью комбинезона, от натуги на лбу и висках проступили вены, глаза налились кровью.

– Теперь я подготовился лучше, говнюки, – мистер Фрай повел рукой, перед ним всплыла светящаяся панель. – А ты, Ник, можешь выстрелить. Только сначала переверни рейлган. В принципе я думал сразу откачать воздух, но счел такое поведение, ммм, неспортивным. Впрочем, если ты сам…

Валехо скрипнул зубами и опустил оружие.

– Вот и умница! – землянин осклабился. – Однако вам, дикарям, веры нет!А посему…

Невидимые, ноочень даже ощутимые, *гравитационные*, как назвал их гостеприимный хозяин, манипуляторы усадили и прикрутили нас к выкидным стульчикам. Маки тоже сел. У него под рукой, из подлокотника, выскочил бумажный пакет с ароматной

воздушной кукурузой. Я сглотнула слюну, вспомнив, что не ела больше суток.

– Это, знаете ли, замечательная традиция, – Фрай бросил в рот несколько кусочков попкорна, – наблюдать за свершением судеб мира и кушать разные хрустящие ништяки. Вам она вряд ли знакома, но вот ваша престарелая подружка Феора наверняка нередко хаживала в киношечку. Трескала попкорн и чипсы да попивала пивко, глядя, как на экране герои сокрушают злодеев, трахаются, страдают, изредка – умирают, но при всем при том обязательночто-нибудьспасают... ну, тут уж зависит от режиссера.

Происходящее на обзорном экране уже переместилось на континент. Исполиныстояли друг напротив друга, выжидая. Быстрый обмен ударами, проба сил были позади – предстояло *нас*то*ящее* сражение. Фрай не лгал нам – судьба Эос вершилась прямо сейчас, а мы расселись в вип-ложе.

Только это нам и оставалось. Кирна, хорохорясь, потребовала попкорна и пива, раз они считаются неотъемлемой атрибутикой увеселения. И немедленно получила желаемое – гравитационный луч грубо ткнул блондинку в пакет с хрустящими липкими кукурузинами и всунул ей в рот полосатую витую соломинку, торчащую из стакана с пивом.

– Неужели ты так меня боишься? – выпад полнился ядовитым сарказмом.

– Не хочу, чтоб ты, истеричка, портила нам спектакль. – Фрай поморщился. – Будешь есть, как свинья... Хотя постой, кажется, придумал.

Маки сделал несколько рваных пассов руками. Кирна взвизгнула и выпучила глаза. Ее правое предплечье неестественно выгнулось, провернулось, раздался жуткий хруст.

– Гм, если я все сделал правильно, кисть должна сохранить подвижность какое-то время, – Фрай картинно закатил глазки. – Попробуй, сладенькая. Если что, не взыщи – я не доктор.

Тяжело дыша, Кирна кое-как утерла слезы, а затем отправила кусочек попкорна в рот.

– Больно? – воскликнул Фрай. – Завсе приходится платить – это один из основополагающих жизненных законов. Теперь жри свою кукурузу, соси пиво и не вздумай изгадить просмотр, грязная сука.

Возмутители спокойствия удаляются из зала на хрен! – он окинул нас долгим торжествующим взглядом. – Касается всех!

Последнюю фразу Маки произнес, вскинув руки к потолку в нарочито театральном жесте. Гребаный фигляр.

А под нами, на поверхности многострадальной Эос, разворачивалось действо жуткое, но вместе с тем завораживающее своей грандиозностью. Насколько ужасен был древний неведомый враг, если для борьбы с ним пришлось создать столь разрушительное оружие? Умирающий солнечный свет кое-где пробивался сквозь рваные облачные полотнища и сливался с всполохами огня. От взора асгарда кипел океан, горы растекались вязкой массой. Великий континент объял великий пожар. Ядерная бомбардировка на фоне происходящего представлялась даже более жалкой, чем догорающая спичка рядом с огнеметной струей. Обрадовались бы сейчас те, кто мечтал иметь в своих руках *абсолютную мощь*? Свозрастающим отчаянием я понимала, что конец этому безумию не придет никогда: цари, диктаторы и завоеватели не привыкли довольствоваться малым. Когда-нибудь появится оружие, сжигающее *галактики* с той же легкостью, с какой асгард обращал в пепел наш дом. Скосив глаза, я прочла на лице Акселя схожие чувства.

– Я и самвот-вот разрыдаюсь, точно маленькая девочка! Видеть наследие предков воочию... – выпучив глаза, Фрай выдавил-таки слезу, крупную и фальшивую. – Вселенная... Теперь ты лишь моя... Наследовал тебя по праву я! Ммм, как там дальше?.. И в свете древних солнц взращу потомство я... Ммм... Остер клинок, тверда рука моя... Врагам я не отдам тебя!

Маки расхохотался, затем, продолжая мычать под нос, вскочил и закружился по комнате в танце. Он игриво ущипнул Кирну за щеку, оставив на бледной коже синяк. Полагаю, он с радостью сфотографируется с ее трупом, как охотник с хитрой и опасной, с трудом добытой дичью. Или со все*ми нашими* трупами. А то и чучела набьет.

Битва титанов тем временем продолжалась. Положение медленно, но верно склонялось в сторону анима-аватара. На фоне красных и черных оттенков пепла и пламени, среди болезненных пурпурных вспышек он излучал мерное иссиня-голубое свечение, отбивая атаки противника и нанося тому удары. Конечно, аватар тоже пострадал. Во

многих местах его узорчатый «нательный» рисунок нарушился, распавшись на отдельные мутные пятна, кое-где голубизну нитей нарушали черно-фиолетовые трещины. Но, несмотря на увечья, колосс одолевал. Асгард же явно утомился: сеть розовых прожилок на багрово-серой шкуре, в начале боя горящая, точно кузнечный горн, померкла. Фрай с напускным сожалением поцокал языком.

– Слишком молодой. Еще не окреп, бедняжка. Но вам ли не знать, как жесток мир! – Маки вызвал контрольную панель. – Победитель получает... смерть!

Лицо Максимилиана Фрая приняло деловитое выражение, пальцы забегали по прозрачной панельке, оставляя в воздухе расходящиеся круги. Поверх его лысой башки я видела, как аватар, низвергнув черного монстра на пылающую твердь, раз за разом пронзает его копьем. Да, вот так рождаются легенды о демонах и богах. Если внизу кто-то выжил, чтобы их рассказывать и слушать...

В изнеможении анима-исполин опустился на землю, рядом с распростертым телом врага.

– Внимание! Финальный раунд! – Фрай, как заправский пианист, утопил пальцы в голографические клавиши.

Аватар тяжело приподнялся, но избегнуть ядовито-розового луча не успел. Плоть колосса вскипела, анима-нити, растерзанные и обожженные, заметались вокруг пробитой раны, пытаясь затянуть ее. Сияние аватара изменяло оттенок на багрово-фиолетовый.

Фрай сосредоточенно уставился в экран, руки его не отрывались от панели. Свет в помещении мигнул и слегка померк. Кирна попыталась плюнуть в злодея попкорниной, но подавилась и закашлялась. Прочие, кроме Грюна, упрямо бьющегося в путах, оцепенели.

Маки развернулся на резкий звук хриплого Кирниного доханья, неосторожно мазнув пальцами по панели. Едкая ремарка застряла у него в горле – он увидел, как блондинка оторвала руку от подлокотника.

**

Содрогаясь в приступе кашля, Кирна ощутила, что незримые оковы ослабли. Ранее гравитационные захваты едва позволяли ей дышать, ну и кисть кое-как двигалась, но сейчас она сумела

выпрямиться и с небольшим усилием вытолкнуть себя ногами со стула. Такого шанса девица упускать не собиралась.

Маки попытался парировать удар, но сидячее положение и тяжелый халат сковывали его. Кроме того, он растерялся. Кирнин нож взрезал его глотку, и следующий выдох Фрая щедро залил лицо блондинки кровью. Зная, что умирает, и на этот раз окончательно, землянин сжал шею Кирны обеими руками. Позвоночник захрустел, мышцы проминались под пальцами, чувствовался каждый толчок крови в сосудах, но силы покидали Максимилиана Фрая. На багровеющем лице девицы расплылся торжествующий оскал.

Кирна, воплощенное безумие, ярость и ненависть, снова и снова вонзала в тело врага клинок. Рука ее взлетала и опускалась черной тенью на фоне экрана, где лишенный управления турболазер выписывал вензеля на континенте, довершая картину огненного опустошения. Гравитационные лучи не держали нас больше, и я закрыла ладонями глаза. Спустя мгновение меня обнял Аксель.

**

Экран погас незадолго до освещения. Видимо, корабль землянинастанет нашей гробницей. Мы потерпели сокрушительное поражение, позволив врагу погубить Эос. Да, Кирна превратила мистера Фраявотбивную, но его смерть ничего не меняла – он достиг того, чего добивался. К тому же я не испытывала полной уверенности в том, что Маки не воскреснет стараниями экспедиции землян, которая прибудет сюда через несколько месяцев.

Что ж, мы пытались. Лично для меня это важно.

Все разлеглись на полу, подальше от кровавой туши, еще недавно бывшей нашим злым гением. Смерть от удушья – энергоресурсы корабля, включая необходимые на восстановление комфортной воздушной среды, истощились – в моем представлении находилась среди самых страшных ее видов. Несмотря на это, никто из моих друзей не проявил слабости и не покусился на самоубийство. Хотя Грюн заготовил для нас зрелище гораздо более тягостное и неприятное.

Варвар, единственный среди присутствующих, не смирился с неизбежной кончиной. Сидя перед отключившимся фраевским холодильником, он поглощал деликатесы, неприятно чавкая и утробно, по-звериному, урча. Обнаруженные же запасы алкоголя окончательно

лишили его человеческого облика. Но прекратить акт чревоугодия никто не решался, пусть созерцание этого действа и не числилось среди сцен, которые любой из нас хотел бы наблюдать перед отходом в мир иной. Дикарь наверняка бы погиб, оставшись на Эос, но мы все равно чувствовали себя слегка виноватыми перед ним.

Возражения нашлись у Кирны.

– Хватить хавать, скотина! Из-за твоего обжорства я проживу на полчаса меньше!

Грюн искоса, с угрозой, взглянул на блондинку. Он увидел женщину с растрепанными, пшеничного цвета волосами, обильно заляпанными кровью, обрамляющими похожее на дикарскую боевую маску лицо. Верхняя часть ее комбинезона превратилась в клочья – агонизирующий Маки позаботился об этом, как сумел. Из-под обрывка ткани бесстыже торчал сосок, розовый и твердый. Крепкий плоский живот, лоснившийся от пота, светлел в прорехе на месте застежки. Пухлые губы брезгливо скривились, а серые глаза горели неистовым пламенем. Если вспомнить еще и о сломанной руке с выпирающим осколком кости, то получится картина, далекая от общепринятых канонов красоты. Однако Грюн не привередничал. Он давно вожделел эту женщину, он решил получить ее, согласна она или нет.

Здоровяк подступил к Кирне и лениво, словно нехотя, двинул ее в скулу кулаком. Затем деловито, довольно бормоча, начал освобождать заветный плод от кожуры, то бишь девицу – от остатков одежды. У провалившейся в беспамятство блондинки не оставалось ни малейшего шанса избегнуть грюновского приступа нежности. Но тут Аксель, Николас и я, жертвуя последними глотками кислорода, но желая сохранить жалкие ошметки цивилизованности, втроем набросились на насильника. Вскоре Грюн рыча катался в углу, надежно связанный фраевскими шелковымипростынями. В другом углу голосила спеленатая Кирна, требуя незамедлительно избавить ее от пут, чтобы она могла вырвать ублюдку яйца. Половина ее лица, познакомившаяся с Грюновой лапищей, побагровела и распухла. Впрочем, благодаря стараниям Акселя физиономия варвара украсилась не менее внушительным фингалом. Как и следовало ожидать, девицу сей факт не утешил нисколько.

Вытерпев еще пару минут воплей, цыган снял с одной из подушек наволочку, приблизился к блондинке и нагнулся.

– Ник, подержи ей голову. Осторожно, она наверняка ядовита.

Наконец поток злословия, изливающийся из Кирниного рта, удалось прервать. Отвернув девицу лицом к стене, Аксель устало опустился на кровать.

– Давайте теперь вспомним что-нибудь жизнерадостное, – предложилон, выдавив на лице фальшивую улыбку. – Грюн, если будешь буянить, я оскверню девственную пустоту твоей черепушки парой-тройкой кусочков свинца. Умрешь не от удушья, а от нахлынувших мыслей. Ну не молчите же, друзья, хочу повеселиться я...

Аксель откинулся на спину, положил ногу на ногу.

– Хорошо, раз вы не в настроении, я расскажу про первую любовь Элейн. Она все равно уже не сможет поколотить меня за это. Повесть сия трогательна и вместе с тем забавна...

И тут я увидела в углу комнаты небольшой экран, призывно мерцающий красным. Рискуя пропустить начало истории об омурных похождениях юной Принцессы воров, я переместилась туда.

**

Порой клубы гари озарялись изнутри фиолетово-багровыми сполохами, реже – мелькали голубые вспышки. Феоре представлялась подмигнувшая с темной улицы Нью-Лорка гигантская неоновая вывеска в обрамлении султанов пара, вырывающихся из канализационных колодцев. Госпожа Слейер прикрыла глаза, вызывая перед внутренним взором вереницу самых светлых моментов своей молодости. Например, первый поцелуй с Джо у витрины магазина комиксов. Тогда они оба попеременно казались то охваченными огнем, то нырнувшими в лазурные волны. Вот-вот чудовищный катаклизм сотрет остатки этой давнишней жизни.

Королевский Тушкан щурился, всматриваясь в небо, укутанное исчерна-серым дымом. О нет, он даже не помышлял о скорой смерти, но искренне волновался за друзей. Элейн в отчаянии крутила головой, выискивая пути спасения, которых не было. Койка с телом Данике дребезжала от сотрясений земли, с печальным звоном колыхались подвешенные на металлических дугах бутылочки-капельницы. Только Элейнин младенец являл собой образец спокойствия и самообладания, продолжая крепко спать с самого *начала конца*.

– Они не прилетят, – устало проговорила Феора, чуть не упав во время очередного подземного толчка.

– Ты не можешь этого знать, старуха! – взвыла Элейн, страдальчески заламывая руки. – Мой ребенок только начал жить!

Северную оконечность мыса пожирало пламя. Розовый луч оставил там глубокую оплавленную борозду, заполнившуюся бурлящей водой и превратившую мыс в полноценный остров. Постройки, не попавшие непосредственно в зону поражения, но стоявшие достаточно близко от места удара, пылали, точно брошенный в костер сушняк. Впрочем, сейчас вокруг горело все: земля, вода, небо…

**

Я склонилась над экранчиком. Он, видимо, относился к бесполезным элементам интерьера, навроде пожарных щитков с огромными топорами, лопатами, нелепыми коническими ведерками и трухлявыми шлангами. Дисплей рябил паутиной мелких трещин, дробящих красноватое свечение маленьких букв, которые неспешно выстраивались в строки.

– Если вам нужна помощь, отзовитесь! – сообщил мне экран.

Я поискала глазами клавиатуру и обнаружила ее на выкидной панели справа от себя. Несколько кошмарных минут мне не удавалось извлечь застрявшее устройство из стены. Но едва оно выпало из своего узилища, я лихорадочно принялась набивать текст. Пальцы мои дрожали и не повиновались, к тому же многие кнопки обозначались непонятными символами или вообще были пусты.

– Блку_ндажс кнчаетса вздух пмгите1111, – такая получилась абракадабра.

– Ждите, иду, – откликнулся неизвестный.

– Мэйби, где ты? – голос Акселя звучал глухо и вяло, точно спросонок.

Я предпочла не отвечать. Если надежда ложная, то о ней не стоило и упоминать. Если же нет, имело смысл экономить воздух. Я шагнула к Акселю. В глазах моих потемнело, грудь сдавило, я вцепилась пальцами в скобу на стене и провалилась в темноту.

**

Звуки ворвались в мои уши вместе с потоком живительного воздуха, проникшего в легкие. С усилием разлепив веки, я едва не

потеряла сознание сызнова – перед моим лицом маячила черно-розовая, глянцево поблескивающая харя, отдаленно похожая на свинячью. Шумное дыхание твари всколыхнуло мою отросшую челку, глазки существа моргнули. Однако я успела подавить готовый сорваться визг, заметив сбоку испуганное лицо Акселя и заслышав бурчание Николаса. Мы все еще находились в корабле Фрая.

– Она в порядке, – сообщила свиномордия.

С умыслом или случайно костюм действительно смахивал на хрюшку. Пожалуй, даже больше, чем Декстер – на тушканчика. Шлем, помимо свиного рыла-респиратора и узеньких глазок-визоров, украшали треугольные ушки. Корпус закрывал доспех с узкими покатыми плечами, массивный, с выпирающим брюшком. Довершали наряд сапоги, стилизованные под копытца. Ну и конечно, пафосный черный плащ с розовым же подбоем. Только перчатки выглядели привычно – пятипалые, вполне по-человечески жестикулирующие.

Мне почему-то сразу вспомнились экзоскелеты элитных войск НЛО. Как всегда, мозг избрал самую простую и удобную ассоциацию. Внутри, правда, мог скрываться кто угодно, начиная от обгорелого мужика из «Космических войн» до куска разумного желе. Я откашлялась. В голове мелькнула мысль, совершенно для меня нетипичная: «Стоит ли доверять этому созданию?» Видимо, сомнения слишком явственно проступили на моем лице, поскольку наш спаситель произнес:

– Я – *хороший парень*. Хотя, к несчастью, опоздал, – металлический голос сопровождался смачными всхрюками. Наверное, репродуктор барахлил.

– Мы должны спуститься вниз, – нетерпеливо выпалила я.

– Спасательная экспедиция прибудет не раньше, чем через полгода, если подтвердить сигнал немедленно. – Сердце мое упало. – Но у меня на корабле есть небольшой атмосферный шлюп.

Человек-Свинья, так я нарекла нашего благодетеля, развернулся и двинулся кшлюзовой камере. Я последовала за ним. Аксель с Ником подняли гневно сопящую Кирну и присоединились к исходу. Грюн, связанный и уже начинающий трезветь, понуро семенил рядом.

**

Ураганный ветер норовил сбросить нас в ревущий океан. Остров *Волшебы* почти целиком погрузился под воду, и волны стремительно

завоевывали новые куски суши. Крохотный клочок земли трясся словно в лихорадке.

Человеку-Свинье удалось высадить меня с Акселем у входа в пещеру.

– Не задерживайтесь! – прокричал он нам вслед. – Ветер усиливается, а судно перегружено!

Я ринулась в пещеру. Она изменилась до неузнаваемости с нашего последнего визита. Луч Акселева фонаря выхватил из тьмы печальную картину. Сила, переполнявшая это место, ослеплявшая своей мощью и непостижимостью, исчезла. Исчезла *волшеба* – и светлая, и темная, – иссяк Поток, померкло сияние камней. Мы стояли перед самой заурядной дырой в земле. Внутри, в закоулках и трещинах тоскливо завывал на разные голоса ветер. Но то был все*го лишь ветер*, который видит много горя, но никому не в силах помочь. А теперь ему даже некому будет поведать о своей скорби…

Только аура Туве слабо мерцала в полумраке, подобно лепестку огня в плошке с жиром. Рыжая лежала ничком в круглом углублении в центре пещеры. Я забрала у цыганина фонарь, а он бережно поднял ее на руки. Ауру Туве источили фиолетово-черные пятна. Сама она *выцвела*, точно ее, как тряпичную куклу, постирали в горячей воде. Глаза ее, широко распахнутые, смотрели, не мигая, в одну точку. Губы, окруженные потеками запекшейся крови (должно быть, она прикусила себе язык или порезалась об острый камень), приоткрылись, будто ей хотелось что-то сказать напоследок, но слова так и не дались.

Могучий удар, потрясший островок до основания, чуть не бросил нас наземь. Между мною и Акселем в каменный пол воткнулся сталактит. Мы кинулись к выходу, а за нашими спинами, вздыхая и содрогаясь, точно живые, погружались в пучину скалы.

В лучших традициях *приключенческого кино* мы в последний момент запрыгнули в зависший над крошащейся твердью кораблик. У люка нас ждали, подхватили и затащили внутрь. Вслед за нами ворвалась туча брызг – гигантская волна захлестнула пятачок суши, – а потом дверь с шипением затворилась, отделив нас от корчащегося в муках мира. Эос предстояло долго залечивать раны. А вот хватит ли у нее сил? Не в нашей власти ей помочь. Уже нет.

Шлюпка Человека-Свиньи приняла на борт, вероятно, единственных уцелевших аборигенов умирающей Эос. Отныне

население планеты состояло из цыган, спасенных, естественно, в первую очередь, разномастных островитян, нескольких гроссийских матросов с подлодки и Феоры Катарины Слейер – старейшего представителя континентальной цивилизации. Надеяться, что кому-то удастся выжить в разразившемся катаклизме, никто не смел.

Скользнув взглядом по жалким фигурам, я заметила в толпе Маму, крепко обнимающую треснувший фарфоровый чайник с цветочками на боку. Не знаю, присутствовал ли среди нас Папа (с ним мы так и не познакомились тогда), но фея, наверное, еще не задавала себе этого страшного вопроса. Рядышком пристроилась пара эйлери, вцепившихся в промокшую половинку гнезда, и красотка с помятыми в суматохе крыльями. Ее чернокожего ухажера смыло волной, когда он подсаживал девицу в шлюпку. Ффыск с веником и скрученной из прутьев выбивалкой в лапках. Старейшина тари, понурый, с бурыми водорослями в шевелюре, теребящий нитку амулетов. Сестра Туве, прижавшая к груди теперь уже навсегда замолчавший приемник и горшок с каким-то смутно знакомым растением. Феора с Владиленом, хлопочущие около койки Данике. Три матроса. У корзинки с оладьями свернулось странное, похожее на огромную лисицу, существо (кажется, таких звали *кноллями*). Чуть поодаль возвышался ящер-конферансье со своими песочными часами.

На всех лицах (на моем, полагаю, тоже) читались растерянность, неверие, *нежелание принять случившееся.* Только старшая туве выглядела просто грустной, но на то она и туве. «Что с нами будет? – спрашивали меня ответные взоры спасенных. – Куда нам идти?» Некоторые плакали не стыдясь слез. Я вздохнула. Многие из них в обозримом будущем столкнутся с еще одной, не менее серьезной проблемой. Например, не виднобыло второго кнолля или ффыска... Истории о Последних-в-Своем-Племени всегда душераздирающе печальны. Стараясь преодолеть навалившееся уныние, я устроилась поудобнее между Акселем и Тушканом, поправила помятое ухо Туве и прикрыла глаза.

Пока мы живы, есть надежда. По крайней мере, так говорят.

Рядом цыганин, уплетая оладью, рассказывал кноллю, тари и гроссийцам какую-то занятную историю. Прислушавшись, я поняла: речь идет о первой любви Принцессы воров. «Колотушек он теперь не избежит», – мелькнула у меня смешливая мысль.

**

Орава спасенных существ разместилась в трюме «небесного трейлера». Там они пребывают и сейчас, превратив помещение в филиал своего островного сообщества. Я же чаще обретаюсь в рубке или маленькой гостиной (жилая часть корабля напоминает фраевский челнок).

Старший Брат оправдал ожидания Акселя, явившись на зов. Одно плохо – он опоздал, как и пророчил Николас. Тем не менее, по словам Человека-Свиньи, шанс восстановить Эос существует, но понадобятся десятилетия кропотливой работы. Да и то, поначалу, вероятно, придется ютиться под куполами. Однако это чересчур далекая перспектива.

До ближайшего обжитого мира еще три-четыре месяца полета, а там каждый выберет «гнездо по себе». Цыгане и изрядное число островитян проводят все свое время за изучением удивительных голографических картинок, выбирая местожительства. И хотя недавняя трагедия еще тревожит сердца, я рада, что отчаяние постепенно уступает место надеждам и мечтам.

Кирна во избежание проблем содержится в «чулане» (я не запомнила поканазвания и назначения всех закутков на корабле). В отличие от Грюна, добросовестно исполняющего обещание вести себя смирно, блондинка то и дело скандалила, дралась и пыталась сократить количество эосцев. Впрочем, ей тоже выделили голопроэктор и исправно кормят. Благодаря *регенерационной камере*, установленной на борту, раненые поправляются. Данике вовсю строит планы по возрождению Эос, найдя верного и деятельного соратника в лице Феоры. Эти двое неразрывно связывают свои судьбы с покинутой родиной и рассматривают иные миры только как перевалочные пункты. Бывшая директор НЛО обрела во всех смыслах второе дыхание, вторую молодость и веру. Не раз ускользавший от нее нанодок благополучно покоился за пазухой у Данике. Из цыганского имущества сохранились, получается, только действительно ценные вещи: капсула с чудо-муравейчиками и мой дневник. А с их помощью мы сохраним память!

Вот и подходят к концу наши приключения. Точнее,*именно это* приключение, ведь мне, Акселю и Туве еще многое предстоит. Во всяком случае, мы выжили и кое-что узнали, а значит, не имеем права

оставаться в стороне. «Если в драке ты не сдох, вдругорядь уже не лох», – говаривал Аксель. Перевод сего на нормальный человеческий язык гласит: «То, что нас не убивает, делает нас сильнее». Но, как показывает практика, что не убивает, то зачастую калечит, сводит с ума или в лучшем случае отбивает охоту соваться в опасные дела. Что мы противопоставим землянам, в душах которых жадность и злоба, а в руках – сила богов? И все-такикому, как не нам, заступать дорогу людям, подобным Максимилиану Фраю. Даже среди великих героев древности мало кому удавалось одолеть такой путь, а тех, кто прошел его, не позволив сердцу одеться в камень, и того меньше. Но мы должны попробовать. И пройти.

Впрочем, мы не одни. Есть крошечная деталь, с которой Аксель примирился скрепя сердце и едва ли не скрипя зубами – его история про Старших Братьев теперь имеет один серьезный изъян. То ли врать ему отныне, то ли переплетать узор рассказа, а ни того, ни другого он терпеть не может. Наш Старший Брат носит косу до пят, иначе говоря, герой превратился в героиню. А сие нехило задевает мужское достоинство! Как же! Мир должны спасать мужчины. Хотя по поводу половой принадлежности Клодии Аксель больше шутит, чем действительно сокрушается. Однако факт этот известен только мне, ему и Туве – у нашей благодетельницы есть немало причин скрывать лицо под свиношлемом.

Эпилог

Туве стояла у окна, держа в руках кадку с *зано*м. По ее убеждению, растущий организм, чей бы он ни был, не должен терять связи с миром. Даже если мир – лишь картинка на стене. Я заглянула ей через плечо.

Мы провели в пути с месяц (или около того), но бескрайние звездные поля, раскинувшиеся вокруг, продолжали завораживать меня. Не меньше интересовали и разнообразные штуковины на борту корабля. Что касается Туве – у обзорных экранов, стилизованных под окна, она просиживала часами.

– Ты зря унесла меня из пещеры, – медленно вымолвила она. – Вселенная обещала мне покой, а ты лишила меня его, даже не представляя, как больно жить с куском камня в груди.

– Наш Путь еще не завершен, – ответила я ей.

Туве кивнула, тряхнув ушами, на которых больше не было смешных кисточек.

– Да. Я сотру племя землян с лика Вселенной и рассчитываю на твою помощь. – Черно-фиолетовые разводы, еще пятнавшие ее ауру, всколыхнулись.

– Нам надо *о*ста*новить* их, а не истребить, – я выдержала долгий тяжелый взгляд подруги, не отводя глаз. – Самый верный путь не всегда самый явный.

В конце концов, туве я или нет?

Рыжая опустила голову, растерянно, словно ища поддержки, покосилась на *зан.* Дерево, однако, продолжило хранитьмолчание.

– Думаю, даже для каменного сердца не все потеряно, – ободряюще произнесла я. – Если очень захотеть...

– Можно к звездам улететь, – тихо закончила она. И неожиданно улыбнулась. – Если Вселенная располагает неограниченным запасом времени, это не просто означает, что может произойти всечто угодно. Это значит –все когда-нибудь действительно произойдет.

В этот момент она стала похожа на себя прежнюю. Да, ее раны в итоге зарубцуются, нужно лишь время и помощь друзей. Мне, в

отличие от дикарки, казалось необходимым бороться с Колесом. Нельзя все оправдывать его волей!

– Кстати, сегодня Последний День Лета. – Туве лукаво посмотрела на меня, опустила кадку с растением на пол и исчезла в коридоре.

Аксель подошелбесшумно. Впрочем, мысли мои сейчас витали далеко отсюда, и он мог бы вполовину не так стараться. Заметив цыганина, я чуть не прыснула со смеху. Прыснула бы наверняка, не упомяни Туве о том, какой сегодня день. Я и сама пыталась отследить важную дату, но на корабле, летящем сквозь межзвездную пустоту сделать это не так-то легко.

Торс, руки и лодыжки Акселя были украшены разномастными кольцами, браслетами, бусами и прочими фенечками. На бедрах его висела длинная вышитая цветными камушками повязка, а голову венчала неизменная шляпа. Другой одежды на нем не наблюдалось. В руках Аксель держал нечто наподобие гнезда дубоноса с вплетенными в него ленточками. Ухмыльнувшись, цыганин не замедлил ответить на мой немой вопрос.

– Как мне объяснили, гнездо – всего лишь символ. Поэтому я выклянчил у Ффыска веник и... Думаю, эта штука когда-нибудь украсит каминную полку. Видишь, еще и бижутерии насовали – на удачу. А вот от узорчиков я таки отказался. Рисовать на себе я позволю только тебе. – Он протянул мне композицию из веточек. – Сегодня Последний День Лета.

– Да, – отозвалась я. – Ты наконец решился?

– Переносное гнездо – разумный компромисс между цыганскими и тувийными обычаями, – рассмеялся Аксель. – В моей удали вряд ли кто-то здесь усомнится; остается танец.

Держа на одной ладони «символ» цыганской семьи, другую я прижала к губам, заглушив изумленное восклицание.

В движениях Акселя проскальзывали знакомые орнаменты трепета пламени костра, буйная стремительность ветра в пустошах, ломкое подрагивание шипоцвета в его порывах и безмятежное плавное течение времени в лунном свете. Он описывал погибший, вероятно, мир – плакал, надеялся, радовался. А затем, вытолкнув себя, словно гибкий росток из земли, опал мелкими звенящими взмахами рук, как поток воды со скалы.

Цыганин стоял, опираясь на колени и ладони, тяжело дыша и довольно глядя на меня снизу вверх. Я шагнула к нему. Аксель поднялся, обнял меня за плечи и улыбнулся.

– Прошлое – история, будущее – тайна. Так ведь?

– Но мы сами их творцы в настоящем, – добавила я. – Кроме того, на *ближайшее* будущее у тебя, похоже, имеютсяопределенные планы.

– А как же! – цыган надвинул шляпу и озорно сверкнул из-под полей глазами. – И ты скоро узнаешь о них.